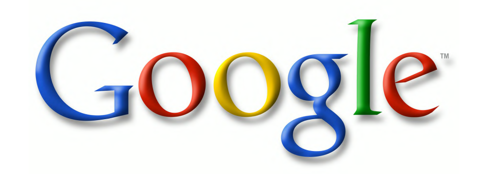
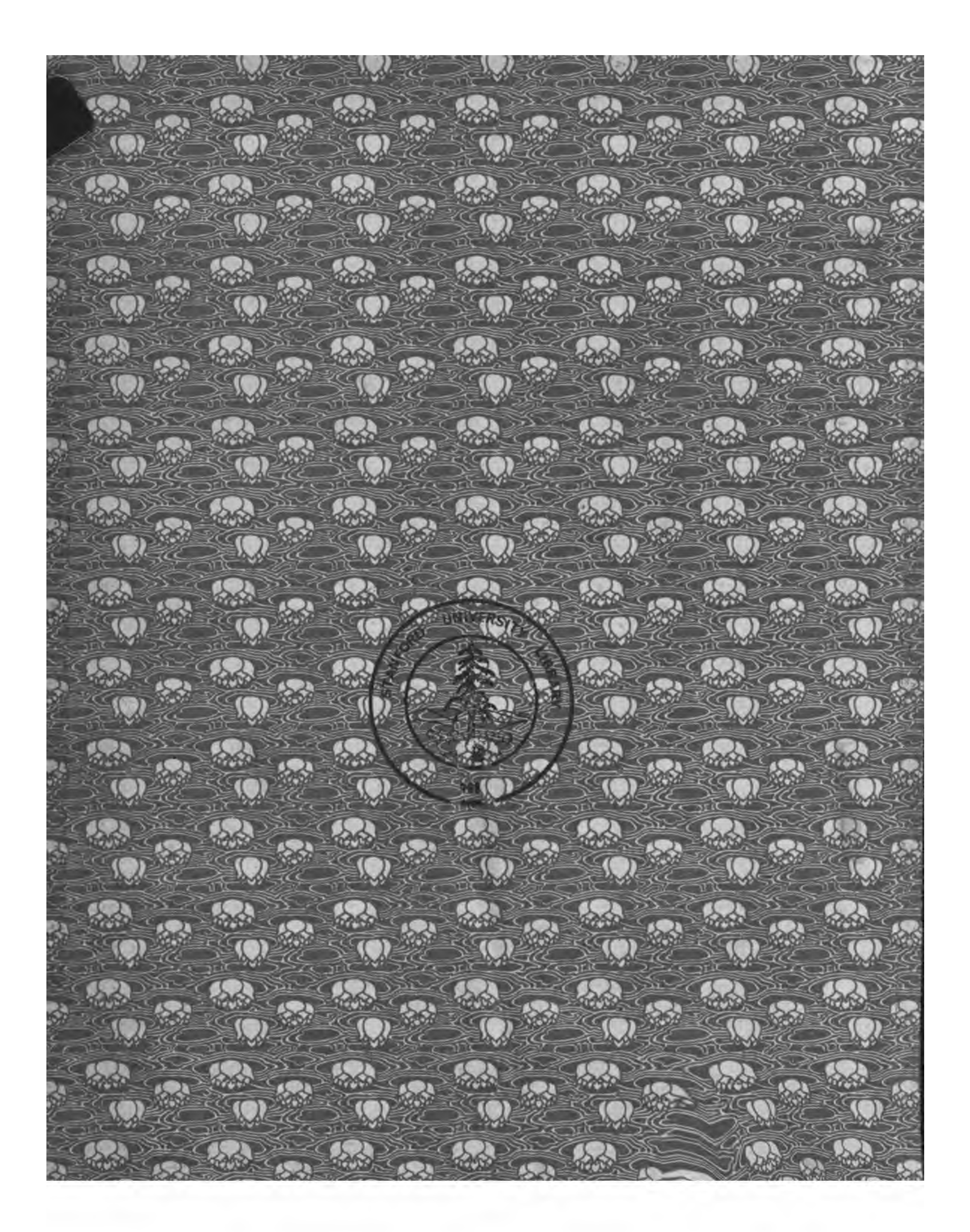
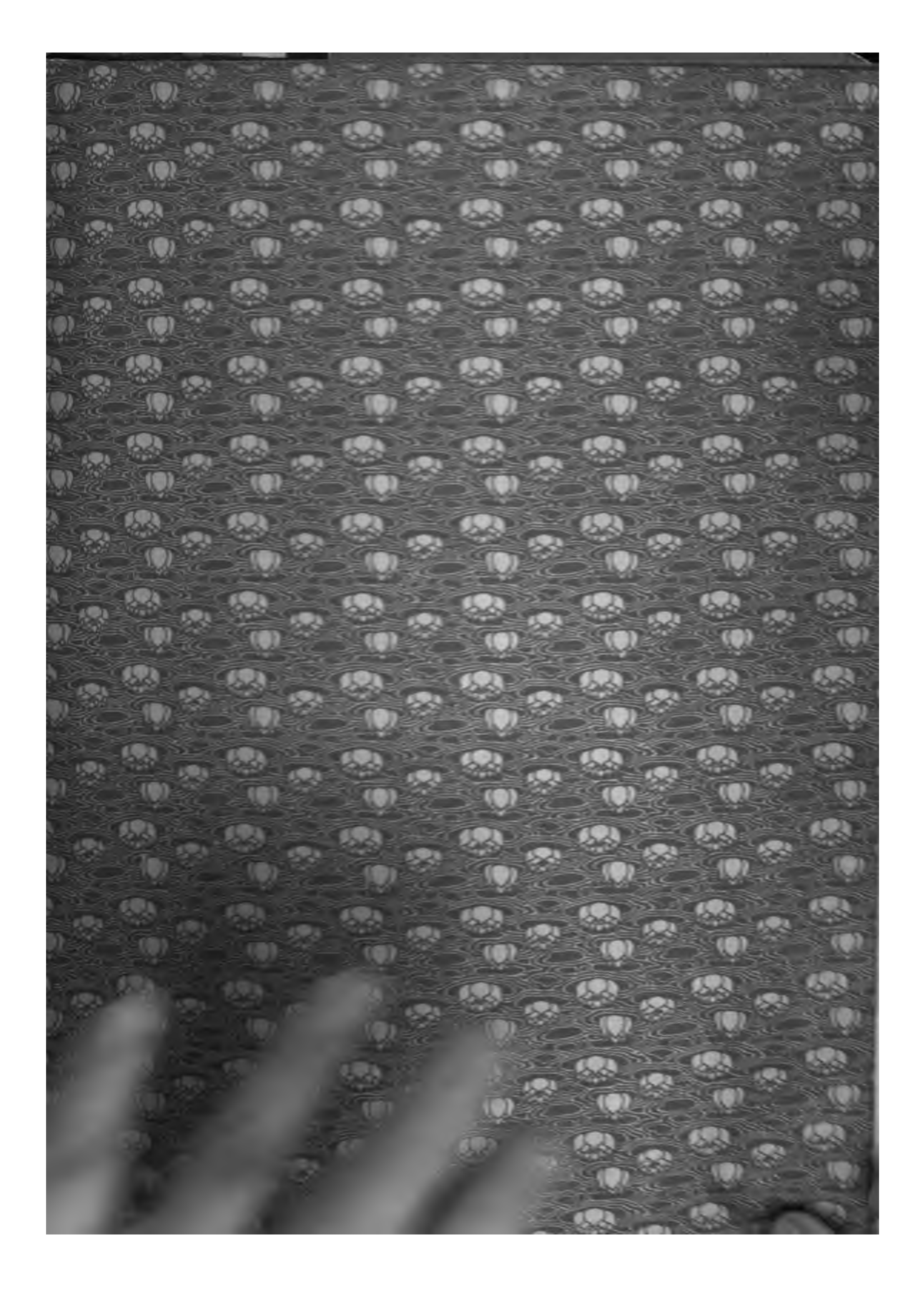

STANFORD UNIVERSITY LIBRARY

СОСТАВИЛЪ
Владимиръ Бончъ-Бруевичъ

Избранныя произведенія русской поэзіи

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ,
ВНОВЬ ПЕРЕСМОТРѢННОЕ И ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ

Цѣна 2 рубля

Изданіе помѣщается въ книжномъ складѣ типографіи М. М. Стасюлевича.
С.-Петербургъ, Вас. остр., 5 лин., 28

Избранныя произведенія русской поэзіи.

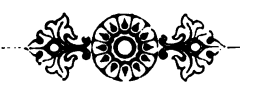
СОСТАВИЛЪ

Владимиръ Бончъ-Бруевичъ

Избранныя произведенія русской поэзіи

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ,

ВНОВЬ ПЕРЕСМОТРѢННОЕ И ЗНАЧИТЕЛЬНО ДОПОЛНЕННОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. остр., 5 лин., 28

1908

7 г.

3713

Отъ составителя.

Выпуская «третье вновь пересмотрѣнное и значительно дополненное» изданіе нашего сборника, мы считаемъ необходимымъ заявить, что, по обстоятельствамъ, совершенно отъ насъ независящимъ, мы не могли и въ этомъ изданіи выполнить въ полномъ объемѣ ту программу сборника, которая нами была намѣчена. Надѣясь въ будущемъ довести наше дѣло до конца, мы обращаемся къ читателямъ съ просьбой присылать намъ свои замѣчанія по поводу нашего изданія.

По тѣмъ же, совершенно независящимъ отъ насъ причинамъ, намъ, волей-неволей, пришлось отступить отъ хронологическаго распредѣленія авторовъ, что, конечно, нѣсколько нарушаетъ цѣльность впечатлѣнія.

Мы особенно хотѣли бы обратить вниманіе на отдѣлъ молодой русской поэзіи, почему просимъ всѣхъ тѣхъ поэтовъ, которые еще не выпустили въ свѣтъ сборники своихъ произведеній, присылать намъ ихъ или въ вырѣзкахъ изъ газетъ и журналовъ, или въ рукописяхъ. Все то, что подойдетъ къ основному мотиву нашего сборника, мы охотно напечатаемъ въ слѣдующемъ изданіи.

Желая дать нашимъ читателямъ возможно больше матеріала для чтенія — не повышая цѣны за сборникъ, — мы должны были измѣнить форматъ второго изданія на болѣе ёмкій и набирать стихотворенія болѣе убористо и компактно. Вслѣдствіе этого

намъ удалось помѣстить въ третьемъ изданіи всего 825 стихотворенія 230 авторовъ, тогда какъ во второмъ изданіи было помѣщено только 471 стихотвореніе 73 авторовъ. Такимъ образомъ третье изданіе, по своему объему, увеличено нами почти вдвое противъ второго.

Всякіе запросы, письма и посылки просимъ направлять по адресу: С.-Петербургъ, Херсонская улица, д. № 1, кв. 28, Владиміру Дмитріевичу Бончъ-Бруевичу.

Владиміръ Бончъ-Бруевичъ.

С.-Петербургъ,
17 декабря 1907 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СПИСОКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ ВЪ ПОРЯДКѢ ИХЪ РАЗМѢЩЕНІЯ ВЪ СБОРНИКѢ.

I. А. С. Пушкинъ.

II. Отвѣтъ декабристовъ на посланіе Пушкина.

III. К. Ѳ. Рылѣевъ.

IV. А. И. Одоевскій.

V. А. А. Бестужевъ.

VI. Неизвѣстный.

VII. И. И. Козловъ.

VIII. П. А. Вяземскій.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ФАМИЛІЙ АВТОРОВЪ.

Цифры, стоящія **послѣ** фамилій авторовъ, указываютъ страницу сборника.

Р.

С.

Т.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Щ.

Э.

СПИСОКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ ВЪ АЛФАВИТНОМЪ ПОРЯДКѢ.

Цифры, стоящія послѣ фамилій авторовъ указываютъ, страницу сборника.

Стихотворенія, имѣющія не русскія заглавія—помѣщены въ концѣ алфавита (стр. XXXI).

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

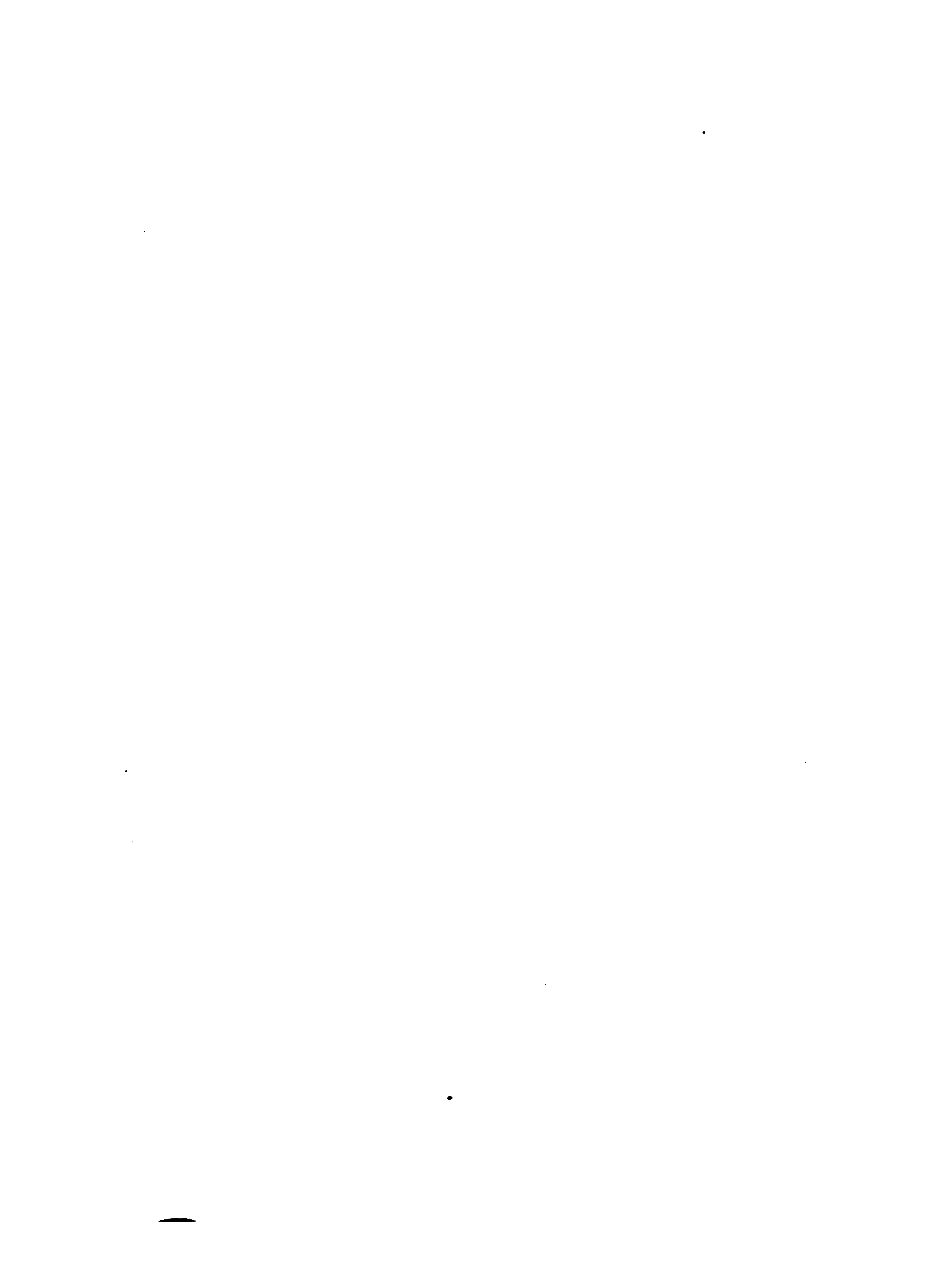
Р.

С.

ПОПРАВКА.

На страницѣ 71 напечатано стихотвореніе Михайлову («Закованъ тяжелой желѣзною цѣпью...»); авторъ стихотворенія не обозначенъ. Стихотвореніе это написано Н. П. Огаревымъ.

А. С. ПУШКИНЪ.

Пророкъ.

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынѣ мрачной я влачился,
И шестикрылый серафимъ
На перепутьѣ мнѣ явился;
Перстами, легкими какъ сонъ,
Моихъ зѣницъ коснулся онъ:
Отверзлись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы.
Моихъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье,
И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.
И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И празднословный, и лукавый,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замершія мои
Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
И сердце трепетное вынулъ,
И угль, пылающій огнемъ,
Во грудь отверстую водвинулъ.
Какъ трупъ въ пустынѣ я лежалъ,
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
«Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей
И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жги сердца людей!»

Къ Чаадаеву.

Любви, надежды, гордой славы!
Недолго тѣшилъ насъ обманъ:
Исчезли юныя забавы,
Какъ дымъ, какъ утренній туманъ.
Но въ насъ кипятъ еще желанья:
Подъ гнетомъ власти роковой
Нетерпѣливою душой
Отчизны внемлемъ призыванья.
Мы ждемъ, съ томленьемъ упованья,
Минуты вольности святой,
Какъ ждетъ любовникъ молодой
Минуты сладкаго свиданья.
Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души прекрасные порывы.
Товарищъ, вѣрь: взойдетъ она,
Заря плѣнительнаго счастья,
Россія вспрянетъ ото сна,
И на обломкахъ самовластья
Напишетъ наши имена.

Деревня.

Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ,
Пріютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья,
Гдѣ льется дней моихъ невидимый потокъ
 На лонѣ счастья и забвенья!
Я твой: я промѣнялъ порочный дворъ царей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья
На мирный шумъ дубровъ, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.
Я твой: люблю сей темный садъ
Съ его прохладой и цвѣтами,
Сей лугъ, уставленный душистыми скирдами,
Гдѣ свѣтлые ручьи въ кустарникахъ шумятъ.
Вездѣ передо мной подвижныя картины:
Здѣсь вижу двухъ озеръ лазурныя равнины,
Гдѣ парусъ рыбаря бѣлѣетъ иногда,

За ними рядъ холмовъ и нивы полосаты,
Вдали разсыпанныя хаты,
На влажныхъ берегахъ бродящія стада,
Овиные дымные и мельницы крылаты;
Вездѣ слѣды довольства и труда.
Я здѣсь, отъ суетныхъ оковъ освобожденный,
Учуся въ истинѣ блаженство находить,
Свободною душой законъ боготворить,
Роптанью не внимать толпы непросвѣщенной,
Участьемъ отвѣчать застѣнчивой мольбѣ,
И не завидовать судьбѣ
Злодѣя иль глупца въ величіи неправомъ.
Оракулы вѣковъ, здѣсь вопрошаю васъ!
Въ уединеньи величавомъ
Слышнѣе вашъ отрадный гласъ:
Онъ гонитъ лѣни сонъ угрюмый,
Къ трудамъ рождаетъ жаръ во мнѣ,
И ваши творческія думы
Въ душевной зрѣютъ глубинѣ.

Но мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ:
Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ
Другъ человѣчества печально замѣчаетъ
Вездѣ невѣжества губительный позоръ.
Не видя слезъ, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,
Присвоило себѣ насильственной лозой
И трудъ, и собственность, и время земледѣльца.
Склонясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
Здѣсь рабство тощее влачится по браздамъ
Неумолимаго владѣльца.
Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ;
Надеждъ и склонностей въ душѣ питать не смѣя,
Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ
Для прихоти развратнаго злодѣя;
Опора милая старѣющихъ отцовъ,
Младые сыновья, товарищи трудовъ,
Изъ хижины родной идутъ собою множить
Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ.
О, если-бъ голосъ мой умѣлъ сердца тревожить!
Почто въ груди моей горитъ безплодный жаръ
И не данъ мнѣ въ удѣлъ витійства грозный даръ?
Увижу-ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ-ли, наконецъ, прекрасная заря?

* * *

(На Воронцова).

Сказали разъ царю, что наконецъ
Мятежный вождь Ріэго былъ удавленъ.
«Я очень радъ», сказалъ усердный льстецъ:
«Отъ одного мерзавца міръ избавленъ.»
Всѣ смолкнули, всѣ потупили взоръ —
Всѣхъ удивилъ нежданый приговоръ.
Ріэго былъ, конечно, очень грѣшенъ,
Согласенъ я,—но онъ за то повѣшенъ.
Пристойно ли, скажите, сгоряча
Ругаться этакъ намъ надъ жертвой палача?
Самъ государь такого доброхотства
Не захотѣлъ своей улыбкой ободрить.
Льстецы, льстецы! старайтесь сохранить
И въ самой подлости оттѣнокъ благородства.

Узникъ.

Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой.
Вскормленный на волѣ орелъ молодой,
Мой грустный товарищъ, махая крыломъ,
Кровавую пищу клюетъ подъ окномъ,
Клюетъ и бросаетъ, и смотритъ въ окно,
Какъ будто со мною задумалъ одно;
Зоветъ меня взглядомъ и крикомъ своимъ,
И вымолвить хочетъ: «давай улетимъ!
«Мы вольныя птицы; пора, братъ, пора!
Туда, гдѣ за тучей бѣлѣетъ гора,
Туда, гдѣ синѣютъ морскіе края,
Туда, гдѣ гуляемъ лишь вѣтеръ... да я!...»

* * *

Смотри, какой здѣсь видъ: избушекъ рядъ убогій,
За ними черноземъ; равнины скатъ отлогій,
Надъ ними сѣрыхъ тучъ густая полоса...
Гдѣ-жъ нивы свѣтлыя? Гдѣ темные лѣса?
Гдѣ рѣчка? На дворѣ, у низкаго забора,
Два бѣдныхъ деревца стоятъ въ отраду взора,
Два только деревца, и то изъ нихъ одно
Дождливой осенью совсѣмъ обнажено,
А листья на другомъ размокли и, желтѣя,
Чтобъ лужу засорить, ждутъ перваго Борея.
И только. На дворѣ живой собаки нѣтъ,
Вотъ, правда, мужичекъ; за нимъ двѣ бабы вслѣдъ.
Безъ шапки онъ; несетъ подъ мышкой гробъ ребенка.
И кличетъ издали лѣниваго попенка,
Чтобъ тотъ отца позвалъ, да церковь отворилъ:
Скорѣй, ждать некогда, давно-бъ ужъ схоронилъ!

Опричникъ.

(Отрывокъ).

Какая ночь! Морозъ трескучій;
На небѣ ни единой тучи;
Какъ шитый пологъ, синій сводъ
Пестрѣетъ частыми звѣздами.
Въ домахъ все темно. У воротъ

Затворы съ тяжкими замками.
Вездѣ покоится народъ;
Утихъ и шумъ и крикъ торговый;
Лишь только лаетъ стражъ дворовый,
Да цѣпью звонкою гремитъ.
И вся Москва спокойно спитъ,
Забывъ волненіе боязни.
А площадь въ сумракѣ ночномъ
Стоитъ полна вчерашней казни;
Мученій свѣжій слѣдъ кругомъ:
Гдѣ трупъ, разрубленный съ размаха,
Гдѣ столбъ, гдѣ вилы; тамъ котлы,
Остывшей полные смолы;
Здѣсь опрокинутая плаха;
Торчатъ желѣзные зубцы,
Съ костями груды пепла тлѣютъ,
На кольяхъ, скорчась, мертвецы
Оцѣпенѣлые чернѣютъ...
Кто тамъ? Чей конь во весь опоръ
По грозной площади несется?
Чей свистъ, чей громкій разговоръ
Во мракѣ ночи раздается?
Кто сей? Опричникъ удалой.
Спѣшитъ, летитъ онъ на свиданье:
Въ его груди кипитъ желанье.
Онъ говоритъ: «мой конь лихой,
Мой вѣрный конь, лети стрѣлой!
Скорѣй, скорѣй!...» Но конь ретивый
Вдругъ размахнулъ плетёной гривой
И сталъ. Во мглѣ между столбовъ,
На перекладинѣ дубовой
Качался трупъ. Ѣздокъ суровый
Подъ нимъ промчаться былъ готовъ,
Но борзый конь подъ плетью бьется,
Храпитъ и фыркаетъ, и рвется
Назадъ. «Куда, мой конь лихой?
Чего боишься? Что съ тобой?
Не мы ли здѣсь вчера скакали,
Не мы ли яростно топтали,
Усердной местію горя,
Лихихъ измѣнниковъ царя?
Не ихъ ли кровію омыты
Твои булатныя копыты?
Теперь ужель ихъ не узналъ?
Мой борзый конь, мой конь удалый,
Несись, лети!...» и конь усталый
Подъ трупомъ вихремъ проскакалъ...
. . . .

Ода вольность.

Бѣги, сокройся отъ очей,
Цитеры слабая царица!
Гдѣ ты, гдѣ ты, гроза царей,
Свободы грозная пѣвица?
Приди, сорви съ меня вѣнокъ,
Разбей изнѣженную лиру,
Хочу воспѣть я вольность міру,
На тронѣ поразить порокъ.

Открой мнѣ благородный слѣдъ
Того возвышеннаго галла [1]),
Кому сама средь грозныхъ бѣдъ
Ты гимны смѣлые внушала.
Любимцы вѣтренной судьбы,
Тираны міра, трепещите!
А вы—мужайтесь и внемлите,
Возстаньте, падшіе рабы!

Увы, куда ни брошу взоръ,
Вездѣ бичи, вездѣ желѣзы,
Законовъ гибельный позоръ,
Неволи немощныя слёзы;
Вездѣ неправедная власть
Въ сгущенной мглѣ предразсужденій;
Вездѣ неволи грозный геній
И къ славѣ роковая страсть.

Лишь тамъ надъ царскою главой
Не слышится людей стенанье,
Гдѣ крѣпко съ вольностью святой
Законовъ мощныхъ сочетанье,
Гдѣ всѣмъ простертъ ихъ твердый щитъ,
Гдѣ, сжатый вѣрными руками
Гражданъ, надъ равными главами
Ихъ мечъ безъ выбора скользитъ,

И преступленья свысока
Сражаетъ праведнымъ размахомъ;
Гдѣ неподкупна ихъ рука
Ни къ злату алчностью, ни страхомъ.
Владыки! Вамъ вѣнецъ и тронъ
Даетъ законъ, а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но выше васъ самихъ законъ.

И горе, горе племенамъ
Гдѣ дремлетъ онъ неосторожно,
Гдѣ иль народу, иль царямъ
Закономъ властвовать возможно!
Тебя въ свидѣтели зову,
О, мученикъ ошибокъ славныхъ,
За предковъ, въ шумѣ бурь недавнихъ,
Сложившій царскую главу.

Восходитъ къ смерти Людовикъ,
Въ виду безмолвнаго потомства,
Челомъ развѣнчаннымъ приникъ
Къ кровавой плахѣ вѣроломства.

[1]) А. Шенье.

Молчитъ законъ, народъ молчитъ,
И лишь главу снесла сѣкира,
Какъ самовластная порфира
На галлахъ скованныхъ лежитъ...

Самовластительный злодѣй,
Тебя, твой родъ я ненавижу,
Твою погибель, смерть дѣтей
Съ жестокой радостью я вижу.
Читаютъ на твоемъ челѣ
Печать проклятія народы;
Ты ужасъ неба, срамъ природы,
Упрекъ ты Богу на землѣ.

Когда на мрачную Неву
Звѣзда полуночи сверкаетъ,
И беззаботную главу
Спокойно сонъ къ себѣ склоняетъ,
Глядитъ задумчивый пѣвецъ
На грозный, спящій средь тумана,
Пустынный памятникъ тирана —
Забвенью брошенный дворецъ.

Онъ слышитъ Кліи страшный гласъ
Надъ сими мрачными стѣнами,
Калигулы послѣдній часъ
Онъ видитъ живо предъ очами,
Онъ видитъ... въ лентахъ и звѣздахъ,
Виномъ и злобой упоенны,
Идутъ убійцы потаенны,
На лицахъ дерзость, въ сердцѣ страхъ.

Молчитъ невѣрный часовой,
Опущенъ тихо мостъ подъемный,
Врата отверсты въ тьмѣ, ночной
Рукой предательства наемной.
О, стыдъ, о, ужасъ нашихъ дней!
Какъ звѣри вторглись янычары,
Падутъ преступные удары,
Погибъ увѣнчанный злодѣй.

Внемлите истинѣ цари,
Ни наказанья, ни награды,
Ни мракъ темницъ, ни алтари
Невѣрныя для васъ ограды!
Склонитесь первые главой
Подъ сѣнь надежную закона
И станутъ стражею у трона
Народовъ вольность и покой.

Кинжалъ.

Свободы тайный стражъ, карающій кинжалъ,
Послѣдній судія позора и обиды!
Для рукъ безсмертной Немезиды
Лемносскій богъ тебя сковалъ.

Какъ адскій лучъ, какъ молнія боговъ,
Нѣмое лезвіе злодѣю въ очи блещетъ,
И, озираясь, онъ трепещетъ
Среди своихъ пировъ.

Вездѣ его найдетъ ударъ надежный твой:
На сушѣ, на моряхъ, во храмѣ, подъ шатрами,
За потаенными замками,
На ложѣ сна, въ семьѣ родной.

Шумитъ подъ Кесаремъ завѣтный Рубиконъ,
Державный Римъ упалъ, главой поникъ законъ,
Но Брутъ возсталъ вольнолюбивый...
Ты Кесаря сразилъ — и, мертвъ, объемлетъ онъ
Помпея мраморъ горделивый.

Гдѣ Зевса громъ молчитъ, гдѣ дремлетъ мечъ закона,
Свершитель ты проклятій и надеждъ;
Таишься ты подъ сѣнью трона,
Подъ блескомъ праздничныхъ одеждъ.

Исчадье мятежа подъемлетъ злобный крикъ.
Презрѣнный, мрачный и кровавый,
Надъ трупомъ вольности безглавой
Палачъ уродливый возникъ [1]).

Апостолъ гибели усталому Аиду,
Перстомъ онъ жертвы назначалъ;
Но высшій судъ ему послалъ
Тебя и дѣву—Эвмениду... [2])

О, юный праведникъ, избранникъ роковой,
О Зандъ [3]), твой вѣкъ угасъ на плахѣ;
Но добродѣтели святой
Остался гласъ въ казненномъ прахѣ.

Въ твоей Германіи ты вѣчной тѣнью сталъ,
Грозя бѣдой преступной силѣ —
И на торжественной могилѣ
Горитъ безъ надписи кинжалъ.

* * *

Кто, волны, васъ остановилъ,
Кто оковалъ вашъ бѣгъ могучій,
Кто въ прудъ безмолвный и дремучій
Потокъ мятежный обратилъ?
. . . .
Вы, бури, вѣтры, взройте воды,
Разрушьте гибельный оплотъ!
Гдѣ ты, гроза? символъ свободы,
Промчись поверхъ невольныхъ водъ!

[1]) Маратъ.
[2]) Шарлотта Корде, убившая Марата.
[3]) Студентъ Карлъ Зандъ, убившій въ 1819 г. Августа Коцебу, писателя, бывшаго въ то же время шпіономъ русскаго правительства.

* * *

Возстань, о, Греція, возстань!
Недаромъ напрягаешь силы,
Недаромъ потрясаетъ брань
Олимпъ, и Пиндъ, и Ѳермопилы.

Подъ сѣнью ветхой ихъ вершинъ
Свобода древняя возникла,
Святые мраморы Аѳинъ,
Гроба Тезея и Перикла.

Страна героевъ и боговъ,
Расторгни рабскія вериги,
При пѣньи пламенныхъ стиховъ
Тиртея, Байрона и Риги!

Посланіе въ Сибирь *).

Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье:
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье.

Несчастью вѣрная сестра,
Надежда въ прочномъ подземельѣ
Пробудитъ бодрость и веселье,
Придетъ желанная пора:

Любовь и дружество до васъ
Дойдетъ сквозь прочные затворы,
Какъ въ ваши каторжныя норы
Доходитъ мой свободный гласъ;

Оковы тяжкія падутъ,
Темницы рухнутъ — и свобода
Васъ приметъ радостно у входа,
И братья мечъ вамъ отдадутъ.

*) Декабристамъ. *Прим. состав.*

Отвѣтъ декабристовъ на посланіе Пушкина.

Струнъ вѣщихъ пламенные звуки
До слуха нашего дошли;
Къ мечамъ рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрѣли.

Но будь спокоенъ, братъ: цѣпями,
Своей судьбой гордимся мы
И за затворами тюрьмы
Въ душѣ смѣемся надъ царями.

Нашъ скорбный трудъ не пропадетъ,
Изъ искры возгорится пламя,
И православный нашъ народъ
Сберется подъ святое знамя.

Мечи скуемъ мы изъ цѣпей
И вновь зажжемъ огонь свободы,
И съ нею грянемъ на царей,
И радостно вздохнутъ народы.

К. Ѳ. РЫЛѢЕВЪ.

Гражданинъ.

Я-ль буду въ роковое время
Позорить гражданина санъ,
И подражать тебѣ, изнѣженное племя
Переродившихся славянъ?
Нѣтъ, неспособенъ я въ объятьяхъ сладострастья,
Въ постыдной праздности влачить свой вѣкъ младой
И изнывать кипящею душой
Подъ тяжкимъ игомъ самовластья.
Пусть юноши, не разгадавъ судьбы,
Постигнуть не хотятъ предназначенья вѣка,
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человѣка.
Пусть съ хладнокровіемъ бросаютъ хладный взоръ
На бѣдствія страдающей отчизны,
И не читаютъ въ нихъ грядущій свой позоръ
И справедливыя потомковъ укоризны.
Они раскаются, — когда народъ, возставъ,
Застанетъ ихъ въ объятьяхъ праздной нѣги,
И въ бурномъ мятежѣ, ища свободныхъ правъ,
Въ нихъ не найдетъ ни Брута, ни Ріэги.

Отрывокъ изъ „думы“ Волынскій.

«... Но тотъ, кто съ сильными въ борьбѣ,
За край родной иль за свободу,
Забывши вовсе о себѣ,
Готовъ всѣмъ жертвовать народу.

Противъ тирановъ лютыхъ твердъ,
Онъ будетъ и въ цѣпяхъ свободенъ,
Въ часъ казни правотою гордъ
И вѣчно въ чувствахъ благороденъ.

«Повсюду честный человѣкъ,
Повсюду вѣрный сынъ отчизны,
Онъ проживетъ и кончитъ вѣкъ,
Какъ другъ добра, безъ укоризны.
Ковать ли станетъ на гражданъ
Пришлецъ иноплеменный цѣпи—
Онъ на него, какъ хищный вранъ,
Какъ вихрь губительный изъ степи...

«И пусть падетъ!—Но будетъ живъ
Въ сердцахъ и памяти народной
И онъ, и пламенный порывъ
Души прекрасной и свободной.
Славна кончина за народъ!
Пѣвцы, герои въ воздаянье,
Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ
Передадутъ его дѣянье!

«Вражда къ тиранству закипитъ
Неукротимая въ потомкахъ—
И Русь священная узритъ
Власть чужеземную въ обломкахъ!»
Такъ, сидя въ крѣпости, въ цѣпяхъ,
Волынскій думалъ справедливо;
Душою чистъ и правъ въ дѣлахъ,
Свой жребій несъ онъ горделиво.

Странъ сѣверныхъ отважный сынъ,
Презрѣвъ и казнью, и Бирóномъ
Дерзнулъ на пришлеца одинъ
Всю правду высказать предъ трономъ:
Открылъ царицѣ корень зла,
Любимца гордаго пороки,
Его ужасныя дѣла,
Коварный умъ и нравъ жестокій.

Свершилъ, исполнилъ долгъ святой,
Открылъ вину народныхъ бѣдствій
И ждалъ съ безтрепетной душой
Дѣянью правому послѣдствій.
Недолго, вольности лишенъ,
Герой влачилъ свои оковы:
Однажды вдругъ запоровъ звонъ—

И входитъ стражъ къ нему суровый.
Проникъ—и, осѣнясь крестомъ,
Сказалъ онъ: «за тебя свобода!»
И къ мѣсту казни съ торжествомъ
Шелъ бодро вѣрный другъ народа.
Притекъ... увидѣлъ палача—
И голову склонилъ безъ страха;
Сверкнуло лезвіе меча—
И кровью освятилась плаха.

Сыны отечества! Въ слезахъ
Ко храму древнему Самсона!
Тамъ за оградой, при вратахъ
Почіетъ прахъ врага Бирóна.
Отецъ семейства, приведи
Къ могилѣ мученика сына:
Да закипитъ въ его груди
Святая ревность гражданина.

Любовью къ родинѣ дыша,
Да все для ней онъ переноситъ—
И, благородная душа,
Пусть личность всякую отброситъ.
Пусть будетъ чести образцомъ,
За страждущихъ—желѣзной грудью,
И вѣчно заклятымъ врагомъ
Постыдному неправосудью...

Къ временщику.

Надменный временщикъ, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстецъ и другъ неблагодарный,
Неистовый тиранъ родной страны своей,
Взнесенный въ важный санъ пронырствами злодѣй!
Ты на меня взирать съ презрѣніемъ дерзаешь
И въ грозномъ взорѣ мнѣ свой ярый гнѣвъ являешь.
Твоимъ вниманіемъ не дорожу, подлецъ!
Изъ устъ твоихъ хула—достойныхъ хвалъ вѣнецъ!
Смѣюсь мнѣ сдѣланнымъ тобой уничиженьемъ!
Могу-ль унизиться твоимъ пренебреженьемъ,
Коль самъ съ презрѣніемъ я на тебя гляжу,
И гордъ, что чувствъ твоихъ въ себѣ не нахожу.
Что сей кимвальный звукъ твоей мгновенной славы?
Что власть ужасная и санъ твой величавый?
Ахъ, лучше скрыть себя въ безвѣстности простой,
Чѣмъ съ низкими страстьми и подлою душой
Себя, для строгаго своихъ согрàжданъ взора,
На судъ ихъ выставлять, какъ будто для позора!
Что пользы въ санѣ мнѣ и въ почестяхъ моихъ?
Не санъ, не родъ—одни достоинства почтенны...
Сеянъ! И самые цари безъ нихъ—презрѣнны,
И въ Цицеронѣ мной не консулъ, самъ онъ чтимъ,
За то, что имъ спасенъ отъ Катилины Римъ...
О, мужъ, достойный мужъ! Почто не можешь снова
Родившись, согражданъ спасти отъ рока злого?
Тиранъ, вострепещи! Родиться можетъ онъ!
Иль Кассій, или Брутъ, иль врагъ царей Катонъ!
О, какъ на лирѣ я потщусь того прославить,
Отечество мое кто отъ тебя избавитъ!
Подъ лицемѣріемъ ты мыслишь, можетъ быть,
Отъ взора общаго причины зла укрыть...
Не зная о своемъ ужасномъ положеньи,
Ты заблуждаешься въ несчастномъ ослѣпленьи:
Какъ ни притворсвтуешь и какъ ты ни хитришь,
Но свойства злобныя души не утаишь;

Твои дѣла тебя изобличатъ народу;
Познаетъ онъ, что ты стѣснилъ его свободу,
Налогомъ тягостнымъ довелъ до нищеты,
Селенія лишилъ ихъ прежней красоты...
Тогда вострепещи, о, временщикъ надменный!
Народъ тиранствами ужасенъ разъяренный!
Но если злобный рокъ, злодѣя полюбя,
Отъ справедливой мзды и сохранитъ тебя,—
Все трепещи, тиранъ! За зло и вѣроломство
Тебѣ свой приговоръ произнесетъ потомство!

Пѣсня сторонниковъ Мазепы.

Съ самопаломъ и булатомъ,
Съ пылкой храбростью въ сердцахъ,
Смѣло, други, братъ за братомъ,
На лихихъ своихъ коняхъ!
Смѣло грянемъ за свободу,
Оградивъ себя крестомъ,—
Возвратимъ права народу,
Иль со славою умремъ.
Пусть гремящей, быстрой славой
Разнесетъ вездѣ молва,
Что мечемъ въ битвѣ кровавой
Пріобрѣлъ казакъ права!
Смѣло, други, въ бой свирѣпый!
Жаждетъ битвы вѣрный конь...
Смѣло, дружно за Мазепой—
На мечи и на огонь!

Изъ „Разговора съ Лободой“.

«... Забывъ вражду великодушно,
Движенью тайному послушный,
Быть можетъ, я еще могу
Дать руку личному врагу;
Но вѣковыя оскорбленья
Тиранамъ родины прощать
И стыдъ обиды оставлять
Безъ справедливаго отмщенья
Не въ силахъ я; одинъ лишь рабъ
Такъ можетъ быть и подлъ и слабъ.
Могу ли равнодушно видѣть
Порабощенныхъ земляковъ?
Нѣтъ, нѣтъ! Мой жребій—ненавидѣть
Равно тирановъ и рабовъ!...»

Изъ „Исповѣди Наливайки“.

Угрюмъ, суровъ и дикъ мой взоръ;
Душа безъ вольности тоскуетъ.
Одна мечта и ночь и день
Меня преслѣдуетъ какъ тѣнь;
Она мнѣ не даетъ покоя
Ни въ тишинѣ степей родныхъ,
Ни въ таборѣ, ни въ вихрѣ боя,
Ни въ часъ мольбы въ церквахъ святыхъ.
«Пора!» мнѣ шепчетъ голосъ тайный:
«Пора губить враговъ Украйны!»
Извѣстно мнѣ: погибель ждетъ
Того, кто первый возстаетъ
На утѣснителей народа;
Судьба меня ужъ обрекла.
Но гдѣ, скажи, когда была
Безъ жертвъ искуплена свобода?
Погибну я за край родной,—
Я это чувствую, я знаю,
И радостно, отецъ святой,
Свой жребій я благословляю!

А. И. ОДОЕВСКІЙ.

Полночь.

Пробила полночь... Грянулъ громъ,
И грохотъ радостный раздался:
Отъ звона воздухъ колебался,
Отъ пушекъ въ сумракѣ ночномъ,
По небу зарева бѣжали
И, разлетаяся во тмѣ,
Меня, забытаго въ тюрьмѣ,
Багровымъ свѣтомъ освѣщали.
Я, на колѣняхъ стоя, пѣлъ;
Съ любовью къ небесамъ свободный взоръ летѣлъ...
И серафимовъ тьмы внезапно запылали
Въ надзвѣздной вышинѣ;
Ихъ пѣсни слышалися мнѣ.
Съ ихъ гласомъ всѣ міры гармонію сливали.
Средь горнихъ силъ воскресшій Богъ стоялъ,
И день, блестящій день сіялъ
Надъ сумраками ночи;
Стоялъ Онъ, радостный, средь волнъ небесныхъ силъ
И полныя любви, божественныя очи
На міръ спасенный низводилъ.
И славу Вышняго, и на землѣ спасенье
Я тихимъ гласомъ воспѣвалъ.
И мой, мой также гласъ къ Воскресшему взлеталъ:
Изъ гроба пѣлъ я Воскресенье.

Свѣтлое Воскресенье 1826. г.
Въ казематѣ Петропавловской крѣпости.

При извѣстіи о польской революціи.

Недвижимы, какъ мертвые въ гробахъ,
Невольно мы въ болѣзненныхъ сердцахъ
Хоронимъ чувствъ привычные порывы;
Но ихъ объялъ еще не вѣчный сонъ,
Еще струна издастъ бывалый звонъ,
Она дрожитъ—еще мы живы!

Едва дошелъ съ далекихъ береговъ
Небесный звукъ спадающихъ оковъ
И вздрогнули въ сердцахъ живыя струны:
Всѣ чувства вдругъ въ созвучіе слились....
Нѣтъ, струны въ нихъ еще не порвались!
Еще, друзья, мы сердцемъ юны!

И въ комъ оно отъ чувствъ не задрожитъ!
Вы слышите: на Вислѣ брань кипитъ, —
Тамъ съ Русью Ляхъ воюетъ за свободу
И въ шумѣ битвъ поетъ за упокой
Несчастныхъ жертвъ, пролившихъ лучъ святой
Въ спасенье русскому народу.

Мы братья ихъ!.... Святыя имена
Еще горятъ въ душѣ: она полна
Ихъ образовъ, и мыслей, и страданій.
Въ ихъ имени таится чудный звукъ:
Въ насъ будитъ онъ всю грусть минувшихъ мукъ,
Всю цѣпь возвышенныхъ мечтаній.

Нѣтъ въ насъ еще не гаснутъ ихъ мечты!
У насъ въ сердца ихъ врѣзаны черты,
Какъ имена въ надгробный камень.
Лишь вспыхнетъ огнь во глубинѣ сердецъ,
Пять жертвъ встаютъ предъ нами; какъ вѣнецъ,
Вкругъ выи вьется синій пламень.
Сей огнь пожжетъ чело ихъ палачей,

Когда предъ судъ властителя царей
И палачи и жертвы станутъ рядомъ.....
Да судитъ Богъ!.... А насъ, мои друзья,
Пускай утѣшитъ мирная кутья
Своимъ таинственнымъ обрядомъ.

1831 г.

Балъ

(Князю П. А. Вяземскому).

Открылся балъ. Кружась, летѣли
Чета младая за четой;
Одежды роскошью блестѣли,
А лица—свѣжей красотой.
Усталый, изъ толпы я скрылся,
И, жаркую склоня главу,
Къ окну въ раздумьи прислонился
И заглядѣлся на Неву.
Она покоилась, дремала
Въ своихъ гранитныхъ берегахъ,
И въ тихихъ сребряныхъ водахъ
Луна, купаясь, трепетала.
Стоялъ я долго; залъ гремѣлъ...
Вдругъ безъ размѣра полетѣлъ
За звукомъ звукъ. Я оглянулся,
Вперилъ глаза, весь содрогнулся,
Морозъ по тѣлу пробѣжалъ.
Свѣтъ меркнулъ. Весь огромный залъ
Былъ полонъ остововъ... Четами
Сплетясь, толпясь, другъ друга мча,
Обнявшись желтыми костями,
Кружася, по полу стуча,
Они залъ быстро облетали.
Лицъ прелесть, становъ красота,
Съ костей ихъ всѣ покровы спали.
Одно осталось: ихъ уста,
Какъ прежде, все еще смѣялись;
Но одинаковъ былъ у всѣхъ
Широкихъ устъ безгласный смѣхъ.
Глаза мои въ толпѣ терялись:
Я никого не видѣлъ въ ней;
Всѣ были сходны всѣ смѣшались:
Плясало сборище костей.

Женамъ декабристовъ.

(Въ альбомъ Маріи Николаевнѣ Волконской).

Былъ край, слезамъ и скорби посвященный,
Восточный край, гдѣ розовыхъ зарей
Лучъ радостный, на небѣ тамъ рожденный
Не услаждалъ страдальческихъ очей;
Гдѣ душенъ былъ и воздухъ вѣчно ясный,
И узникамъ кровъ свѣтлый докучалъ,
И весь обзоръ обширный и прекрасный
Мучительно на волю вызывалъ.

Вдругъ ангелы съ лазури низлетѣли
Съ отрадою къ страдальцамъ той страны,
Но прежде свой небесный духъ одѣли
Въ прозрачныя, земныя пелены.
И вѣстники благіе Провидѣнья
Явилися, какъ дочери земли,
И узникамъ съ улыбкой утѣшенья,
Любовь и миръ душевный принесли.

И каждый день садились у ограды,
И сквозь нея небесныя уста
По каплѣ имъ точили медъ отрады...
Съ тѣхъ поръ лились въ темницѣ дни, лѣта:
Въ затворникахъ печали всѣ уснули,
И лишь они страшились одного,
Чтобъ ангелы на небо не вспорхнули,
Не сбросили покрова своего.

Сонъ поэта.

Таится звукъ въ безмолвной лирѣ,
Какъ искра въ темныхъ облакахъ;
И пѣснь, незнаемую въ мірѣ,
Я вылью въ огненныхъ словахъ.
Въ темницѣ есть пѣвецъ народный,
Но не поетъ для суеты:
Скрываетъ онъ душой свободной
Небесъ безсмертные цвѣты;
Но похвалой необольщенный,
Не ищетъ ранняго вѣнца...
Почтите сонъ его священный,
Какъ предъ борьбою сонъ борца!

1826 г. Въ казематѣ Петропавловской крѣпости.

А. А. БЕСТУЖЕВЪ.

Пѣсня.

Что не вѣтеръ шумитъ во сыромъ бору—
Муравьевъ идетъ на кровавый пиръ.
Съ нимъ черниговцы идутъ грудью стать,
Сложить голову за Россію-мать!
И не бурей палъ долу крѣпкій дубъ,
А измѣнникъ-червь подточилъ его.
Закатилася воля-солнышко —
Смерти ночь легла въ поле бранное...
Какъ на полѣ томъ бранный конь стоитъ;
На землѣ предъ нимъ витязь младъ лежитъ.
«Конь мой, конь! скачи въ святой Кіевъ-градъ;
«Тамъ товарищи, тамъ мой милый братъ.
«Отнеси ты къ нимъ мой послѣдній вздохъ
«И скажи: цѣпей я нести не могъ...
«Пережить нельзя мысли горестной,
«Что не могъ купить кровью вольности!»

1827 г.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Декабристамъ.

Надъ вашей памятью кровавой
Теперь лежитъ молвы позоръ;
Надъ ней поэтъ, вѣнчанный славой,
Остановить не смѣетъ взоръ.
Вашъ врагъ могучій торжествуетъ.
Щадитъ его, судьбы законъ,
Лишь власти страсть его волнуетъ,
И кажется незыбленъ тронъ.
Но вы погибли не напрасно:
Все, что посѣяли, взойдетъ,
Чего желали вы такъ страстно,
Все, все исполнится, придетъ.
Иной возстанетъ грозный мститель,
Иной возстанетъ мощный родъ;
Страны своей освободитель,
Проснется дремлющій народъ.
Въ побѣдный день, въ день славной тризны
Свершится роковая месть, —
И снова предъ лицомъ отчизны
Заблещетъ ярко ваша честь.

И. И. КОЗЛОВЪ.

Плѣнный грекъ въ темницѣ.

Родина святая,
    Край прелестный мой!
Все тобой мечтая,
    Рвусь къ тебѣ душой.
Но, увы, въ неволѣ
    Держатъ здѣсь меня,
И на ратномъ полѣ
    Не сражаюсь я!
День и ночь терзался
Я судьбой твоей,
Въ сердцѣ отдавался
Звукъ твоихъ цѣпей.
Можно-ль однороднымъ
Братьевъ позабыть?
Ахъ, иль быть свободнымъ,
Иль совсѣмъ не быть!
И съ друзьями смѣло
Гибельной грозой

За святое дѣло
Мы помчались въ бой.
Но, увы, въ неволѣ
Держатъ здѣсь меня,
И на ратномъ полѣ
Не сражаюсь я!
И въ плѣну не знаю,
Какъ война горитъ;
Вѣсти ожидаю —
Мимо вѣсть летитъ.
Слухъ убійствъ несется,
Страшной мести слѣдъ;
Кровь родная льется, —
А меня тамъ нѣтъ!
Ахъ, средь бури зрѣетъ
Плодъ, свобода, твой!
День твой ясный рдѣетъ,
Пламенной зарей!
Узникъ неизвѣстный,
Пусть страдаю я, —
Лишь бы, край прелестный,
Вольнымъ знать тебя!

П. А. ВЯЗЕМСКІЙ.

Русскій Богъ.

Богъ ухабовъ, Богъ мятелей,
Богъ проселочныхъ дорогъ,
Богъ ночлеговъ безъ постелей,
Вотъ онъ, вотъ онъ, русскій Богъ.

Богъ холодныхъ, Богъ голодныхъ,
Нищихъ вдоль и поперекъ,
Богъ имѣній бездоходныхъ, —
Вотъ онъ, вотъ онъ, русскій Богъ.

Богъ пришельцевъ, иноземцевъ,
Перешедшихъ нашъ порогъ,
Богъ въ особенности Нѣмцевъ,
Вотъ онъ, вотъ онъ, русскій Богъ.

Богъ всѣхъ съ Анною на шеѣ,
Богъ лакеевъ безъ сапогъ,
Богъ служащихъ какъ лакеи,
Вотъ онъ, вотъ онъ, русскій Богъ.

Къ глупымъ полонъ благодати,
Къ умнымъ черезъ мѣру строгъ,
Богъ всего, что есть не кстати, —
Вотъ онъ, вотъ онъ, русскій Богъ.

БАТЕНЬКОВЪ *).

Одичалый.

(А. Бестужеву).

Я прежде говорилъ: прости!
Въ надеждѣ радостныхъ свиданій,
Мечты вилися на пути
И съ ними рядъ воздушныхъ зданій.
Тамъ другъ привѣтливый манилъ,
Туда звала семья родная,
Изъ полной чаши радость пилъ,
Надежды свѣтлыя питая.
Теперь прости... Всему конецъ!
Зачѣмъ живу безъ наслажденій?
Ужель еще я человѣкъ?
Нѣтъ!... Да—для чувства лишь мученій,
Во мнѣ ли оттискъ божества?
Творецъ всѣхъ благъ! ужель ихъ два?...
Могу-ль его назваться сыномъ?...
Вотъ тамъ туманъ густой вдали
И буря тучами играетъ;
Вода одна и нѣтъ земли;
Маякъ пустынный угасаетъ!
Борьба стихій, тамъ вѣчный ледъ,
Пустыня въ сиротствѣ рыдаетъ!
И тамъ уму въ тюрьмѣ тюрьму
Придумалось устроить!
Тамъ пушекъ рядъ, тамъ ихъ снарядъ,
При каждомъ входѣ часовые;
Кругомъ шумитъ, кругомъ крутитъ
Борей власы свои сѣдые.
Куда пойти? Къ кому прійти
Безъ вѣдома смотрящихъ?
И какъ найти къ роднымъ пути,
Гдѣ даже нѣтъ и проходящихъ!
Все это тамъ, друзья, для васъ
На небывалый сонъ походитъ;

*) Батеньковъ двадцать лѣтъ просидѣлъ въ тюрьмѣ въ одиночномъ заключеніи. Два сторожа вмѣстѣ носили ему пищу, наблюдая другъ за другомъ, чтобы ни одинъ не говорилъ съ заключеннымъ. Выпущенный черезъ 20 лѣтъ, Батеньковъ очень былъ бодръ духовно. *Прим. сост.*

Все это здѣсь, друзья, для насъ!
И взоръ потухнувшій находитъ
Одни желѣза на дверяхъ,
Слѣды страданій на стѣнахъ,
Пространство нѣсколькихъ шаговъ.
Живой въ гробу, кляну судьбу
И день несчастнаго рожденья!
Вотъ тамъ волной земли густой
Кусокъ вода струей отмыла;
Тамъ глушь, полынь; тамъ лѣсъ густой,
И будетъ тамъ моя могила!
Ни чьей слезой прахъ бѣдный мой
Въ гробу гниломъ не оросится,
И на покой чужой рукой
Рѣсницъ чета соединится!
Кто любитъ—не придетъ туда!
Родной и другъ искать не будетъ
Ко мнѣ заросшаго слѣда,
Его могильщикъ позабудетъ....
Кукушка стонетъ, змѣй шипитъ,
Сова качается на ели,
Крылами нетопырь шумитъ:
Вотъ пѣснь кругомъ сырой могилы.

А. А. ДЕЛЬВИГЪ.

Вдохновеніе.

Не часто къ намъ слетаетъ вдохновенье,
И краткій мигъ въ душѣ оно горитъ;
Но этотъ мигъ любимецъ музъ цѣнитъ,
Какъ мученикъ—съ землею разлученье.

Въ друзьяхъ—обманъ, въ любви—разувѣренье
И ядъ во всемъ, чѣмъ сердце дорожитъ,
Забыты имъ: восторженный піитъ
Ужъ прочиталъ свое предназначенье.

И презрѣнный, гонимый отъ людей,
Блуждающій одинъ подъ небесами,
Онъ говоритъ съ грядущими вѣками,—

Онъ ставитъ честь превыше всѣхъ честей,
Онъ клеветѣ мститъ славою своей
И дѣлится безсмертіемъ съ богами!

Е. А. БАРАТЫНСКІЙ.

На смерть Гёте.

Предстала, и старецъ великій смежилъ
        Орлиныя очи въ покоѣ;
Почилъ безмятежно, зане совершилъ
        Въ предѣлѣ земномъ все земное!
Надъ дивной могилой не плачь, не жалѣй,
Что генія черепъ—наслѣдье червей.

Погасъ! но ничто не оставлено имъ
        Подъ солнцемъ живымъ безъ привѣта;
На все отозвался онъ сердцемъ своимъ,
        Чтò проситъ у сердца отвѣта:
Крылатою мыслью онъ міръ облетѣлъ,
Въ одномъ безпредѣльномъ нашелъ ей предѣлъ.

Все духъ въ немъ питало: труды мудрецовъ,
        Искусствъ вдохновенныхъ созданья,
Преданья, завѣты минувшихъ вѣковъ,
        Цвѣтущихъ временъ упованья;
Мечтою по волѣ проникнуть онъ могъ
И въ нищую хату, и въ царскій чертогъ.

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ:
        Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
        И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.

Извѣданъ, испытанъ имъ весь человѣкъ!
        И ежели жизнью земною
Творецъ ограничилъ летучій нашъ вѣкъ,
        И насъ за могильной доскою,
За міромъ явленій не ждетъ ничего:
Творца оправдаетъ могила его.

И если загробная жизнь намъ дана,
        Онъ, здѣшней вполнѣ отдышавшій,
И въ звучныхъ, глубокихъ отзывахъ сполна
        Всё дольное долу отдавшій,
Къ Предвѣчному легкой душой возлетитъ,
И въ небѣ земное его не смутитъ.

Н. М. ЯЗЫКОВЪ.

Поэту.

Когда съ тобой сроднилось вдохновенье,
И сильно имъ твоя трепещетъ грудь,
И видишь ты свое предназначенье,
И знаешь свой благословенный путь;
Когда тебѣ на подвигъ все готово,
Въ чемъ на землѣ небесный явенъ даръ,—
Могучей мысли свѣтъ и жаръ
И огнедышащее слово:
Иди ты въ міръ,—да слышитъ онъ пророка!
Но въ мірѣ будь величественъ и святъ,
Не лобызай сахарныхъ устъ порока,
И не проси, и не бери наградъ.
Привѣтно ли сіяніе денницы,
Ужасенъ ли судьбины произволъ:
Невиненъ будь, какъ голубица,
Смѣлъ и отваженъ, какъ орелъ!
И стройные, и сладостные звуки
Поднимутся съ гремящихъ струнъ твоихъ:
Въ тѣхъ звукахъ рабъ свои забудетъ муки,
И царь Саулъ заслушается ихъ.
И жизнію торжественно-высокой
Ты процвѣтешь,—и будетъ вѣкъ свѣтло
Твое открытое чело
И зорко—пламенное око!
Но если ты похвалъ и наслажденій
Исполнился желаніемъ земнымъ,
Не собирай богатыхъ приношеній
На жертвенникъ предъ Господомъ твоимъ:
Онъ на тебя немилосердно взглянетъ,
Не приметъ жертвъ лукавыхъ; дымъ и громъ
Размечутъ ихъ,—и жрецъ отпрянетъ,
Дрожащій страхомъ и стыдомъ!

Элегія.

Еще молчитъ гроза народа,
Еще окованъ русскій умъ,
И угнетенная свобода
Таитъ порывы свѣтлыхъ думъ.
О! долго цѣпи вѣковыя
Съ раменъ отчизны не падутъ,
Столѣтья грозно протекутъ
И не пробудится Россія!

Самсонъ.

(А. С. Хомякову).

На праздникъ стеклися въ божницу Дагона
Народъ и князья филистимской земли,
Себѣ на потѣху они и Самсона
Въ оковахъ туда привели,

И шумно ликуютъ. Душа въ немъ уныла,
Онъ думаетъ думу: давно ли жила,
Кипѣла въ немъ дивная, страшная сила,
Израиля честь и хвала!

Давно ли, дрожа и блѣднѣя, толпами
Враги передъ нимъ повергались во прахъ,
И львиную пасть раздиралъ онъ руками,
Ворота носилъ на плечахъ!

Его соблазнили Далилы прекрасной
Коварныя ласки, сверканье очей,
И пышное ложе, и звукъ любострастный
Плѣнительныхъ, женскихъ рѣчей;

Въ объятіяхъ нѣги его усыпила
Далила, и кудри остригла ему:
Зане въ нихъ была его явная сила,
Какой не дано никому!

И Бога забылъ онъ,—и падшаго взяли
Самсона враги, и лишили очей,
И грозныя руки ему заковали
Въ мѣдяную тяжесть цѣпей.

Жестоко поруганъ и презрѣнъ, томился
Въ темницѣ, и мельницу двигалъ Самсонъ;
Но выросли кудри его,—но смирился,
И Богу покаялся онъ.

На праздникъ Дагона его изъ темницы
Враги привели,—и потѣха онъ имъ!
И старый, и малый, и жены-блудницы,
Ликуя, смѣются надъ нимъ.

Безумные! бросьте свое ликованье!
Не смѣйтесь, смотрите, душа въ немъ кипитъ:
Несносно ему отъ враговъ поруганье,
Онъ гибельно вамъ отомститъ!

Незрячія очи онъ къ небу возводитъ,
И зыблется грудь его, гнѣвомъ полна;
Онъ слышитъ: бывалая сила въ немъ бродитъ,
Могучи его рамена.

О, дай мнѣ погибнуть съ моими врагами!
Внемли, о, мой Боже, послѣдней мольбѣ

Самсона! и крѣпко схватилъ онъ руками
Столбы и позвалъ ихъ къ себѣ.

И вдругъ оглянулись враги на Самсона,
И страхомъ и трепетомъ обдало ихъ,
И пала божница... и праздникъ Дагона
Подъ грудой развалинъ утихъ...

Пловецъ.

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумитъ оно;
Въ роковомъ его просторѣ
Много бѣдъ погребено.
Смѣло, братья! Вѣтромъ полный
Парусъ мой направилъ я:
Полетитъ на скользки волны
Быстрокрылая ладья!
Облака бѣгутъ надъ моремъ,
Крѣпнетъ вѣтеръ, зыбь чернѣй,
Будетъ буря: мы поспоримъ
И помужествуемъ съ ней!
Смѣло братья! Туча грянетъ,
Закипитъ громада водъ,
Выше валъ сердитый встанетъ,
Глубже бездна упадетъ!
Тамъ, за далью непогоды,
Есть блаженная страна:
Не темнѣютъ неба своды,
Не проходитъ тишина.
Но туда выносятъ волны
Только сильнаго душой...
Смѣло, братья, бурей полный
Прямъ и крѣпокъ парусъ мой!

Д. В. ВЕНЕВИТИНОВЪ.

Пѣснь грека.

Подъ небомъ Аттики богатой
Цвѣла счастливая семья.
Какъ мой отецъ, простой оратай,
За плугомъ пѣлъ свободу я.
Но турокъ злыя ополченья
На наши хлынули владѣнья...
Погибла мать, отецъ убитъ,
Со мной спаслась сестра младая.
Я съ нею скрылся, повторяя:
За все мой мечъ вамъ отомститъ.

Не лилъ я слезъ въ жестокомъ горѣ,
Но грудь стѣснило и свело;
Нашъ легкій челнъ помчалъ насъ въ море,
Пылало бѣдное село,
И дымъ столбомъ чернѣлъ надъ валомъ.
Сестра рыдала,—покрываломъ
Печальный взоръ полузакрытъ;
Но, слыша тихое моленье,
Я припѣвалъ ей въ утѣшенье:
За все мой мечъ вамъ отомститъ.

Плывемъ и, при лунѣ сребристой,
Мы видимъ крѣпость надъ скалой.
Вверху, какъ тѣнь, на башнѣ мшистой
Шагалъ турецкій часовой;
Чалма склонилася къ пищали,—
Внезапно волны засверкали,
И вотъ—въ рукахъ моихъ лежитъ
Безъ жизни дѣва молодая.
Я обнялъ тѣло, повторяя:
За все мой мечъ вамъ отомститъ.

Востокъ румянился зарею,
Пристала къ берегу ладья,
И надъ шумящею волною
Сестрѣ могилу вырылъ я.
Не мраморъ съ надписью унылой
Скрываетъ тѣло дѣвы милой,—
Нѣтъ, подъ скалою трупъ зарытъ;
Но на скалѣ сей неизмѣнной
Я начерталъ обѣтъ священный:
За все мой мечъ вамъ отомститъ.

Съ тѣхъ поръ меня магометане
Узнали въ стычкѣ боевой,
Съ тѣхъ поръ, какъ часто въ шумѣ браней
Обѣтъ я повторяю свой!
Отчизны гибель, смерть прекрасной,
Все, все припомню въ часъ ужасный;
И всякій разъ, какъ мечъ блеститъ
И падаетъ глава съ чалмою,
Я говорю съ улыбкой злою:
За все мой мечъ вамъ отомститъ.

Сонетъ.

Къ тебѣ, о, чистый Духъ, источникъ вдохновенья,
На крыліяхъ любви несется мысль моя;
Она затеряна въ юдоли заточенья,
И все зоветъ ее въ небесные края.
Но ты облекъ себя въ завѣсу тайны вѣчной;
Напрасно силится мой духъ къ тебѣ парить.
Тебя читаю я во глубинѣ сердечной;
И мнѣ осталося надѣяться, любить.

Греми надеждою, греми любовью, лира!
Въ преддверьи вѣчности греми его хвалой!
И еслибъ рухнулъ міръ, затмился свѣтъ эѳира
И Хаосъ задавилъ природу пустотой,—
Греми! Пусть сѣтуютъ среди развалинъ міра
Любовь съ надеждою и вѣрою святой!

Утѣшеніе.

Блаженъ, кому судьба вложила
Въ уста высокій даръ рѣчей,
Кому она сердца людей
Волшебной силой покорила;
Какъ Прометей, похитилъ онъ
Творящій лучъ, небесный пламень
И вкругъ себя, какъ Пигмальонъ,
Одушевляетъ хладный камень.
Немногіе сей дивный даръ
Въ удѣлъ счастливый получаютъ,
И рѣдко, рѣдко сердца жаръ
Уста послушно выражаютъ.
Но если въ душу вложена
Хоть искра страсти благородной,—
Повѣрь, недаромъ въ ней она;
Не теплится она безплодно...
Не съ тѣмъ судьба ее зажгла,
Чтобъ смерти хладная зола
Ее навѣки потушила.
Нѣтъ! что въ душевной глубинѣ,
Того не унесетъ могила:
Оно останется во мнѣ.
Души пророчества правдивы.
Я зналъ сердечные порывы,
Я былъ ихъ жертвой, я страдалъ;
И на страданья не роптал;
Мнѣ было въ жизни утѣшенье,
Мнѣ тайный голосъ обѣщалъ,
Что не напрасное мученье
До срока растерзало грудь.
Онъ говорилъ: «когда-нибудь
«Созрѣетъ плодъ сей муки тайной,
«И слово сильное случайно
«Изъ груди вырвется твоей.
«Уронишь ты его недаромъ:
«Оно чужую грудь зажжетъ,
«Въ нее какъ искра упадетъ,
«А въ ней пробудится пожаромъ.»

Ѳ. И. ТЮТЧЕВЪ.

* * *

Пошли Господь свою отраду
Тому, кто въ лѣтній жаръ и зной,
Какъ бѣдный нищій мимо саду,
Бредетъ по жаркой мостовой;

Кто смотритъ вскользь черезъ ограду
На тѣнь деревьевъ, злакъ долинъ,
На недоступную прохладу
Роскошныхъ свѣтлыхъ луговинъ.

Не для него гостепріимной
Деревья сѣнью разрослись;
Не для него, какъ облакъ дымный,
Фонтанъ на воздухѣ повисъ.

Лазурный гротъ, какъ изъ тумана,
Напрасно взоръ его манитъ,
И пыль росистая фонтана
Главы его не освѣжитъ.

Пошли Господь свою отраду
Тому, кто жизненной тропой,
Какъ бѣдный нищій мимо саду,
Бредетъ по знойной мостовой.

* * *

Надъ этой темною толпой
Непробужденнаго народа
Взойдешь ли ты когда, свобода,
Блеснетъ ли лучъ твой золотой?

Блеснетъ твой лучъ и оживитъ,
И сонъ разгонитъ, и туманы...
Но старыя, гнилыя раны,
Рубцы насилій и обидъ,

Растлѣнье душъ и пустота,
Что гложетъ умъ и въ сердцѣ ноетъ...
Кто ихъ излѣчитъ, кто прикроетъ?—
Ты, риза чистая Христа...

Слезы.

Слезы людскія, о, слезы людскія,
Льетесь вы ранней и поздней порой,—
Льетесь безвѣстныя, льетесь незримыя,
Неистощимыя, неисчислимыя,—
Льетесь, какъ льются струи дождевыя
Въ осень глухую, порою ночной.

* * *

Эти бѣдныя селенья;
Эта скудная природа—
Край родной долготерпѣнья,
Край ты русскаго народа!

Не пойметъ и не оцѣнитъ
Гордый взоръ иноплеменный,
Что̀ сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ царь небесный
Исходилъ, благословляя.

В. Г. БЕНЕДИКТОВЪ.

Война.

(Стихотвореніе для дѣтей).

— Говорятъ: война! война!—
Рѣзвый мальчикъ Ваня
Лепеталъ:—да гдѣ-жъ она?
Разскажи-ка, няня.—
«Тамъ, далёко... Подростешь—
Послѣ растолкуютъ.»
— Нѣтъ, теперь скажи: за что-жъ,
Какъ же тамъ воюютъ?—
«Ну, сойдутся, станутъ въ рядъ
По рединѣ луга,
Да изъ пушки и палятъ,
Да и бьютъ другъ друга.
Дымъ-то такъ валитъ тогда,
Что ни зги не видно.»
— Такъ они дерутся?—«Да.»
— Да вѣдь драться стыдно?
Мнѣ сказалъ папаша самъ.
Заниматься этимъ
Только пьянымъ мужикамъ,
А не умнымъ дѣтямъ!
Помнишь: какъ-то съ Мишей я
За игрушку спорилъ;
Онъ давай толкать меня,
Да и раззадорилъ.
Я прибилъ его. Вотъ на!
Побѣдили наши!
«Это что у васъ? Война?»
Слышимъ крикъ папаши:
«Розгу!»—Съ Мишей тутъ у насъ
Было слезъ довольно.
Насъ папаша въ этотъ разъ
Высѣкъ очень больно...
«Стыдно драться, говоритъ,
Ссорятся лишь злые.»
Вишь! и маленькимъ-то стыдъ,
А вѣдь тамъ большіе?
Самъ я видѣлъ сколько разъ—
Мимо шли солдаты:
У! большущіе! Я глазъ,
Не спускалъ—все хваты!
Шапки мѣдныя съ хвостомъ,
Ружей много-много...
Барабаны—тромъ-томъ-томъ!
Вся гремитъ дорога!
Тромъ-томъ-томъ!—
И весь горитъ
Отъ восторга Ваня.
Но, подумавъ, говоритъ:
— А вѣдь, вѣрно, няня,
На войну шло столько ихъ,
Гдѣ палятъ изъ пушки?
Вѣрно, вышла и у нихъ
Ссора за игрушки!

Послѣ.

То на горѣ, то въ долинѣ,
Часомъ на палубѣ въ морѣ,
Весело мнѣ на чужбинѣ,
Любо гулять на просторѣ.
Послѣ-жъ веселья чужбины,
Радостей суши и моря—
Дайте родной мнѣ кручины!
Дайте родимаго горя!

А. С. ХОМЯКОВЪ.

Ночь.

Спала ночь съ померкшей вышины,
Въ небѣ сумракъ, надъ землею тѣни,
И подъ кровомъ темной тишины
Ходитъ сонмъ обманчивыхъ видѣній.

Ты вставай, во мракѣ спящій братъ!
Освяти молитвой часъ полночи!
Божьи духи землю сторожатъ,
Звѣзды свѣтятъ словно Божьи очи.

Ты вставай, во мракѣ спящій братъ!
Разорви ночныхъ обмановъ сѣти!
Въ городахъ къ заутрени звонятъ,
Въ Божью церковь идутъ Божьи дѣти.

Помолися о себѣ, о всѣхъ,
Для кого тяжка земная битва,—
О рабахъ безсмысленныхъ утѣхъ!...
Вѣрь, для всѣхъ нужна твоя молитва.

Ты вставай, во мракѣ спящій братъ!
Пусть зажжется духъ твой пробужденный,
Такъ, какъ звѣзды на небѣ горятъ,
Какъ горитъ лампада предъ иконой.

Труженикъ.

По жесткимъ глыбамъ сорной нивы,
Съ утра до истощенья силъ,
Довольно, пахарь терпѣливый,
Я плугъ тяжелый свой водилъ.

Довольно, дикою враждою
И злымъ безумьемъ окруженъ,
Боролся крѣпкой я борьбою...
Я утомленъ, я утомленъ!

Пора на отдыхъ. О, дубравы!
О, тишина полей и водъ!
И надъ оврагами кудрявый
Вѣтвей сплетающихся сводъ!

Хоть разъ одинъ въ тѣни отрадной,
Склонившись къ звонкому ручью,
Хочу всей грудью, грудью жадной,
Вдохнуть вечернюю струю!

Стереть бы потъ дневного зноя!
Стряхнуть бы грузъ дневныхъ заботъ!...
«Безумецъ! Нѣтъ тебѣ покоя,
Нѣтъ отдыха: впередъ, впередъ!

Взгляни на ниву: пашни много,
А дня немного впереди,—
Вставай же, рабъ лѣнивый Бога,
Господь велитъ: иди, иди!

Ты купленъ дорогой цѣною,
Крестомъ и кровью купленъ ты:
Сгибайся-жъ, пахарь, надъ браздою!
Борись, борецъ, до поздней тьмы!»

Предъ словомъ грознаго призванья
Склоняюсь трепетнымъ челомъ,
А Ты безумнаго роптанья
Не помяни въ судѣ Твоемъ!

Иду свершать, въ трудѣ и потѣ,
Удѣлъ назначенный Тобой;
И не сомкну очей въ дремотѣ,
И не ослабну предъ борьбой.

Не брошу плуга, рабъ лѣнивый,
Не отойду я отъ него,
Покуда не прорѣжу нивы,
Господь, для сѣва Твоего.

А. И. ПОЛЕЖАЕВЪ.

Пѣснь плѣннаго ирокезца.

Я умру! На позоръ палачамъ
Беззащитное тѣло отдамъ!
    Равнодушно они,
    Для забавы дѣтей,
    Отдирать отъ костей
    Будутъ жилы мои!
    Обругаютъ, убьютъ,
    И мой трупъ разорвутъ!
Но стерплю! не скажу ничего,
Не наморщу чела моего!
    И, какъ дубъ вѣковой,
    Неподвижный отъ стрѣлъ,
    Неподвиженъ и смѣлъ
    Встрѣчу мигъ роковой,

И какъ воинъ и мужъ
Перейду въ страну душъ.
Передъ сонмомъ тѣней воспою
Я безстрашную гибель мою.
И разсказъ мой плѣнитъ
Ихъ внимательный слухъ,
И воинственный духъ
Стариковъ оживитъ;
И пройдетъ по устамъ
Слава громкимъ дѣламъ.
И рекутъ они въ голосъ одинъ:
«Ты достойный праправдѣдовъ сынъ!»
Совокупной толпой
Мы на землю сойдемъ
И въ родникъ разольемъ
Пылъ вражды боевой;
Побѣдимъ, поразимъ
И врагамъ отомстимъ!
Я умру! На позоръ палачамъ
Беззащитное тѣло отдамъ!
Но, какъ дубъ вѣковой,
Неподвижный отъ стрѣлъ,
Я недвижимъ и смѣлъ
Встрѣчу мигъ роковой!

Тоска.

Бываютъ минуты душевной тоски,
Минуты ужасныхъ мученій...
Тогда мы злодѣи, тогда мы враги
Себѣ и милльонамъ твореній.
Тогда въ безконечной цѣпи бытія
Не видимъ мы цѣли высокой—
Повсюду встрѣчаемъ несчастное «я»,
Какъ жертву надъ бездной глубокой;
Тогда, безотрадно блуждая во мглѣ,
Хранимъ мы одно впечатлѣнье,
Одно ненавистное—холодъ къ землѣ
И горькое къ жизни презрѣнье.
Блестящее солнце въ огнистыхъ лучахъ
И неба роскошнаго своды
Теряютъ въ то время сіянье въ очахъ
Несчастнаго сына природы.
Тоска роковая—убійца тоска
Надъ нимъ тяготѣетъ, какъ мраморъ могилы,
И губитъ холодная смерти рука
Души изнуренныя силы.

Но зачѣмъ же вы убиты,
Силы мощныя души?
Или были вы сокрыты
Для бездѣйствія въ тиши?
Или не было вамъ воли
Въ этой пламенной груди,
Какъ въ широкомъ чистомъ полѣ,
Пышнымъ цвѣтомъ расцвѣсти?
. . . .
. . . .

Грѣшница.

И говорятъ Ему: «она
Былъ въ грѣхѣ уличена
На самомъ мѣстѣ преступленья;
А по закону, мы ее
Должны казнить безъ сожалѣнья:
Скажи намъ мнѣніе свое».
И на лукавое воззванье
Храня глубокое молчанье,
Онъ нѣчто—грустенъ и унылъ—
Перстомъ божественнымъ чертилъ,
И, наконецъ, сказалъ народу:
«Даю вамъ полную свободу
Исполнить праотцевъ законъ;
Но гдѣ тотъ праведный, гдѣ онъ,
Который первый на блудницу
Подниметъ тяжкую десницу?»
И вновь писалъ Онъ на землѣ...
Тогда, съ печатью поношенья
На обезславленномъ челѣ,
Сокрылись дѣти ухищренья —
И предъ лицомъ Его одна
Стояла грѣшная жена.
И онъ, съ улыбкой благотворной,
Сказалъ: «покинь твою боязнь!
Гдѣ твой синедріонъ упорный?
Кто осудилъ тебя на казнь?»
Она въ отвѣтъ: «никто, учитель!»—
«И такъ, и я твоей души
Не осужу, сказалъ спаситель,
Иди въ свой домъ, и не грѣши!»

Негодованіе.

Гдѣ ты, время невозвратное
Незабвенной старины?
Гдѣ ты, солнце благодатное
Золотой моей весны?
Какъ видѣніе прекрасное,
Въ блескѣ радужныхъ лучей,
Ты мелькнуло, самовластное—
И сокрылось отъ очей!
Ты не свѣтишь мнѣ попрежнему,
Не горишь въ моей груди—
Преданъ року неизбѣжному
Я на жизненномъ пути.
Тучи мрачныя, громовыя
Надъ главой моей висятъ;

Предвѣщанія суровыя
Духъ унылый тяготятъ.
Какъ я много драгоцѣннаго
Въ этой жизни погубилъ!
Какъ я идола презрѣннаго—
Жалкій міръ боготворилъ!
Съ силой дивной и кичливою
Добровольнаго бойца,
И съ любовію ревнивою
Изступленнаго жреца—
Я служилъ ему торжественно,
Безъ раскаянья страдалъ,
И разсудка лучъ божественный
На безумство промѣнялъ!
Какъ преступникъ, лишь окованный
Правосудною рукой,
Грозенъ умъ, разочарованный
Свѣтомъ истины нагой!
Что же?.. Страсти ненасытныя
Я таилъ среди огня,
И друзья—злодѣи скрытные—
Злобно предали меня!
Подъ эгидою ласкательства,
Подъ личиною любви,
Роковой кинжалъ предательства
Потонулъ въ моей крови!
Грустно видѣть бездну черную
Послѣ неба и цвѣтовъ,
Но грустнѣе жизнь позорную
Убивать среди рабовъ,
И, попранному обидою,
Видѣть вѣчно за собой,
Съ неотступной Немезидою,
Безотвѣтственный разбой!
Гдѣ-жъ вы, громы истребители,
Что-жъ вы кроетесь во мглѣ,
Между тѣмъ какъ притѣснители,—
Властелины на землѣ!
Люди, люди развращенные—
То рабы, то палачи—
Бросьте, злобой изощренные,
Ваши копья и мечи!
Не тревожьте сталь голодную—
Лютой ярости кумиръ!
Вашу внутренность холодную
Не насытитъ цѣлый міръ.
Ваши зубы кровожадные
Блещутъ лезвіемъ косы—
Такъ грызитесь, плотоядные,
До послѣдняго, какъ псы!...

Цѣпи.

Зачѣмъ игрой воображенья
Картины счастья рисовать,
Зачѣмъ душевныя мученья
Тоской опасной растравлять?
Убитый рокомъ своенравнымъ,
Я вяну жертвою страстей,
И угнетенъ ярмомъ безславнымъ
Въ цвѣтущей юности моей!...
Я зрѣлъ: надежды лучъ прощальный
Темнѣлъ и гаснулъ въ небесахъ,
И факелъ смерти погребальный
Съ тѣхъ поръ горитъ въ моихъ очахъ...
Любовь къ прекрасному, природа,
Младыя дѣвы, и друзья,
И ты, священная свобода—
Все, все погибло для меня!
Безъ чувства жизни, безъ желаній,
Какъ отвратительная тѣнь,
Влачу я цѣпь моихъ страданій
И умираю ночь и день!
Порою огнь души унылой
Воспламеняется во мнѣ,
Съ снѣдающей меня могилой
Борюсь, какъ будто бы во снѣ!
Стремлюсь, въ жару ожесточенья,
Мои оковы раздробить
И жажду сладостнаго мщенья
Живою кровью утолить.
Уже рукой ожесточенной
Берусь за пагубную сталь,
Уже разсудокъ мой смущенный
Забылъ и горе, и печаль!...
Готовъ!... Но цѣпь порабощенья
Гремитъ на скованныхъ ногахъ,
И замираетъ сталь отмщенья
Въ холодныхъ, трепетныхъ рукахъ...
Какъ рабъ испуганный, бездушный,
Кляну свой жребій я тогда,
И вновь взираю равнодушно
На жизнь позора и стыда.

А. В. КОЛЬЦОВЪ.

Горькая доля.

Соловьемъ залетнымъ
Юность пролетѣла;
Вольной въ непогоду
Радость прошумѣла...

Пора золотая
Была, да сокрылась;
Сила молодая
Съ тѣломъ износилась;

Отъ кручины-думы
Въ сердцѣ кровь застыла;
Чтó любилъ, какъ душу,
И то измѣнило.

Какъ былинку, вѣтеръ
Молодца шатаетъ;
Зима лицо знобитъ,
Солнце—сожигаетъ.

До поры, до время
Всѣмъ я весь изжился,
И кафтанъ мой синій,
Съ плечъ долой свалился!

Безъ любви, безъ счастья
По міру скитаюсь:
Разойдусь съ бѣдою,
Съ горемъ повстрѣчаюсь...

На крутой горѣ
Росъ зеленый дубъ;
Подъ горой теперь
Онъ лежитъ—гніетъ.

Тоска по волѣ.

Загрустила, запечалилась
Моя буйная головушка;
Ясны очи соколиныя
Не хотятъ смотрѣть на бѣлый свѣтъ.
Тяжело жить дома съ бѣдностью,
Даромъ хлѣбъ сбирать подъ окнами;
Тяжелѣй того въ чужихъ людяхъ
Быть въ неволѣ, въ одиночествѣ.
Дни проходятъ здѣсь безъ солнышка,
Ночи темныя—безъ мѣсяца;
Бури страшныя, громовыя,
Удалой души не радуютъ.
Гдѣ-жъ друзья мои—товарищи?
Куда дѣлись? разлетѣлися?
Иль не хочутъ дать мнѣ помочи?
Или голосъ мой разноситъ вѣтръ?
Знать забыли время прежнее,
Какъ, бывало, въ полночь мертвую,
Крикну свистну имъ изъ-за лѣса—
Аль ни темный лѣсъ шелохнется...
И они, мои товарищи,
Соколья, орлы могучіе,
Всѣ въ одинъ кругъ собираются,
Погулять ночь, пороскошничать.
А теперь, какъ крылья быстрыя
Судьба злая мнѣ подрѣзала:
И друзья, мои товарищи,
Одного меня покинули...
Гой ты, сила пододонная!
Отъ тебя я службу требую:
Дай мнѣ волю, волю прежнюю,
А душой тебѣ я кланяюсь!

Дума сокола.

Долго-ль буду я
Сиднемъ дома жить,
Мою молодость
Ни за что губить?
Долго-ль буду я
Подъ окномъ сидѣть,
По дорогѣ вдаль
День и ночь глядѣть?
Иль у сокола
Крылья связаны,
Иль пути ему
Всѣ заказаны?
Иль боится онъ
Въ чужихъ людяхъ быть,
Съ судьбой-мачихой
Самъ-собою жить?
Для чего-жъ на свѣтъ
Глядѣть хочется,
Облетѣть его
Душа просится?
Иль зачѣмъ она,
Моя милая,
Здѣсь сидитъ со мной,
Слезы льетъ рѣкой?
Отъ меня летитъ—
Пѣсню мнѣ поетъ,
Все рукой манитъ,
Все съ собой зоветъ...
Нѣтъ, ужъ полно мнѣ
Дома вѣкъ сидѣть,
По дорожкѣ вдаль
Изъ окна глядѣть!
Со двора пойду,
Куда путь манитъ,
А жить стану тамъ,
Гдѣ ужъ Богъ велитъ!

Удалецъ.

Мнѣ-ли, молодцу,
Разудалому,
Зиму-зимскую
Жить за печкою?

Мнѣ-ль поля пахать?
Мнѣ-ль траву косить,
Затоплять овинъ,
Молотить овесъ?
Мнѣ поля—не другъ,
Коса—мачиха,
Люди добрые —
Не сосѣди мнѣ.
Если-бъ молодцу
Ночь да добрый конь,
Да булатный ножъ,
Да темны лѣса!
Снаряжу коня,
Наточу булатъ,
Затяну чекмень,
Полечу въ лѣса.
Стану въ тѣхъ лѣсахъ
Вольной волей жить,
Удалой башкой
Въ околоткѣ слыть.
Съ кѣмъ дорогою
Сойдусь, съѣдусь-ли, —
Всякій молодцу
Шапку до земли!
. . . .

Раздумье селянина.

Сяду я за столъ—
Да подумаю:
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому?

Нѣтъ у молодца
Молодой жены,
Нѣтъ у молодца
Друга вѣрнаго.

Золотой казны,
Угла теплаго,
Бороны-сохи,
Коня-пахаря...

Вмѣстѣ съ бѣдностью,
Далъ мнѣ батюшка
Лишь одинъ таланъ—
Силу крѣпкую:

Да и ту, какъ разъ,
Нужда горькая
По чужимъ людямъ
Всю истратила.

Сяду я за столъ—
Да подумаю:
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому?

Пѣсня.

Ахъ, зачѣмъ меня
Силой выдали
За немилаго—
Мужа стараго?

Небось весело
Теперь матушкѣ
Утирать мои
Слезы горькія?

Небось весело
Глядѣть батюшкѣ
На житье-бытье
Горемычное!

Небось сердце въ нихъ
Разрывается,
Какъ приду одна
На великій день;

Отъ дружка дары
Принесу съ собой:
На лицѣ—печаль,
На душѣ—тоску!

Поздно, рóдные,
Обвинять судьбу,
Ворожить, гадать,
Сулить радости!

Пусть изъ-моря
Корабли плывутъ,
Пущай золото
На полъ сыплется:

Не расти травѣ
Послѣ осени;
Не цвѣсти цвѣтамъ
Зимой по снѣгу!

Доля бѣдняка.

У чужихъ людей
Горекъ бѣлый хлѣбъ,
Брага хмельная —
Не разымчива!

Рѣчи вольныя —
Все какъ связаны;
Чувства жаркія
Мрутъ безъ отзыва...

Изъ души-ль порой
Радость вырвется, —
Злой насмѣшкою
Вмигъ отравится.

И бѣлъ-ясенъ день
Затуманится;
Грустью черною
Міръ одѣнется.

И сидишь, глядишь,
Улыбаючись;
А въ душѣ клянешь
Долю горькую!

С. Ѳ. ДУРОВЪ.

* * *

Когда трагическій актеръ,
Увлекшись геніемъ поэта,
Выходитъ дерзко на позоръ
Въ мишурной мантіи Гамлета:

Толпа, любя обманъ пустой,
Гордяся мнимымъ состраданьемъ,
Готова ложь почтить слезой
И даровымъ рукоплесканьемъ.

Но если, выйдя на порогъ,
Насъ со слезами встрѣтитъ нищій
И, прахъ цѣлуя нашихъ ногъ,
Попроситъ крова или пищи:

Глухіе къ бѣдствіямъ чужимъ,
Чужой нужды не понимая,
Мы на несчастнаго глядимъ,
Какъ на лжеца и негодяя.

И рѣчь правдивая его,
Не подслащенная искусствомъ,
Не вырветъ слезъ ни у кого
И не взволнуетъ сердца чувствомъ.

О, родъ людской, какъ жалокъ ты!
Кичась своимъ поддѣльнымъ жаромъ,
Ты глухъ на голосъ нищеты,
И слезы льешь передъ фигляромъ.

Э. И. ГУБЕРЪ.

Новгородъ.

Время пролетѣло,
Слава прожита;
Вѣче онѣмѣло
Сила отнята.

Городъ воли дикой,
Городъ буйныхъ силъ,
Новгородъ великій
Тихо опочилъ.

Вольницу избили,
Золото свезли,
Вѣче распустили,
Колоколъ снесли.

Порѣшили дѣло —
Все кругомъ молчитъ;
Только Волховъ смѣло
О быломъ шумитъ.

Бѣлой плачетъ кровью
О былыхъ бояхъ
И поетъ съ любовью
О свободныхъ дняхъ.

Путникъ тихо внемлетъ
Пѣснѣ ярыхъ волнъ;
И опять задремлетъ,
Тайной думы полнъ.

А. А. ГРИГОРЬЕВЪ.

Городъ.

Да, я люблю его, громадный, гордый градъ,
Но не за то, за что другіе;
Не зданія его, не пышный блескъ палатъ
И не граниты вѣковые.
Я въ немъ люблю—о, нѣтъ! Скорбящею душой
Я прозрѣваю въ немъ иное:
Его страданіе подъ ледяной корой,
Его страданіе больное.
Пусть почву шаткую онъ заковалъ въ гранитъ
И защитилъ её отъ моря,
И пусть сурово онъ въ самомъ себѣ таитъ
Волненья радости и горя,
И пусть его рѣка къ стопамъ его несетъ
И роскоши, и нѣги дани —
На нихъ отпечатлѣнъ тяжелый слѣдъ заботъ,
Людского пота и страданій.
И пусть горятъ свѣтло огни его палатъ,
Пусть слышны въ нихъ веселья звуки —
Обманъ, одинъ обманъ! Они не заглушатъ
Безумно-страшныхъ стоновъ муки!

Страданіе одно привыкъ я подмѣчать —
Въ окно-ль съ богатою гардиной,
Иль въ темномъ уголку,—вездѣ его печать!
Страданье—уровень единый!
И въ тѣ часы, когда на городъ гордый мой
Ложится ночь безъ тьмы и тѣни,
Когда прозрачно все,—мелькаетъ предо мной
Рой отвратительныхъ видѣній.
Пусть ночь ясна, какъ день, пусть тихо все вокругъ,
Пусть все прозрачно и спокойно —
Въ покоѣ томъ затихъ на время злой недухъ,
И то—прозрачность язвы гнойной!

М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ.

Поэтъ.

Отдѣлкой золотой блистаетъ мой кинжалъ:
Клинокъ надежный, безъ порока;
Булатъ его хранитъ таинственный закалъ —
Наслѣдье браннаго Востока.
Наѣзднику въ горахъ служилъ онъ много лѣтъ,
Не зная платы за услугу:
Не по одной груди провелъ онъ страшный слѣдъ
И не одну прорвалъ кольчугу.
Забавы онъ дѣлилъ послушнѣе раба;
Звенѣлъ въ отвѣтъ рѣчамъ обиднымъ;
Въ тѣ дни была бъ ему богатая рѣзьба
Нарядомъ чуждымъ и постыднымъ.
Онъ взятъ за Терекомъ отважнымъ казакомъ
На хладномъ трупѣ господина,
И долго онъ лежалъ, заброшенный потомъ,
Въ походной лавкѣ армянина.
Теперь родныхъ ножонъ, избитыхъ на войнѣ,
Лишонъ героя спутникъ бѣдный;
Игрушкой золотой онъ блещетъ на стѣнѣ —
Увы! безславный и безвредный!
Никто привычною, заботливой рукой
Его не чиститъ, не ласкаетъ,
И надписи его, молясь передъ зарей,
Никто съ усердьемъ не читаетъ...

*

Въ нашъ вѣкъ изнѣженный не такъ-ли ты, поэтъ,
Свое утратилъ назначенье,
На злато промѣнявъ ту власть, которой свѣтъ
Внималъ въ нѣмомъ благоговѣньи?
Бывало, мѣрный звукъ твоихъ могучихъ словъ
Воспламенялъ бойца для битвы;
Онъ нуженъ былъ толпѣ, какъ чаша для пировъ,
Какъ ѳиміамъ въ часы молитвы.
Твой стихъ, какъ Божій духъ, носился надъ толпой,
И отзывъ мыслей благородныхъ
Звучалъ, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой,
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ.
Но скученъ намъ простой и гордый твой языкъ,
Насъ тѣшутъ блёстки и обманы;
Какъ ветхая краса, нашъ ветхій міръ привыкъ
Морщины прятать подъ румяны...
Проснешься-ль ты опять, осмѣянный пророкъ,
Иль никогда, на голосъ мщенья,
Изъ золотыхъ ножонъ не вырвешь свой клинокъ,
Покрытый ржавчиной презрѣнья?

На смерть Пушкина.

Погибъ поэтъ, невольникъ чести,
Палъ, оклеветанный молвой,
Съ свинцомъ въ груди и съ жаждой мести,
Поникнувъ гордой головой.
Не вынесла душа поэта
Позора мелочныхъ обидъ;
Возсталъ онъ противъ мнѣній свѣта
Одинъ, какъ прежде,—и убитъ!
Убитъ!... Къ чему теперь рыданья,
Похвалъ и слезъ ненужный хоръ,
И жалкій лепетъ оправданья —
Судьбы свершился приговоръ!
Не вы-ль сперва такъ долго гнали
Его свободный, чудный даръ
И, для потѣхи, возбуждали
Чуть затаившійся пожаръ...
Что-жъ? Веселитесь!... Онъ мученій
Послѣднихъ перенесть не могъ.
Угасъ, какъ свѣточъ, дивный геній,
Увялъ торжественный вѣнокъ!...
Его убійца хладнокровно
Навелъ ударъ—спасенья нѣтъ:
Пустое сердце бьется ровно,
Въ рукѣ не дрогнетъ пистолетъ.
И что за диво?... Издалёка,
Подобно сотнямъ бѣглецовъ,
На ловлю счастья и чиновъ
Заброшенъ къ намъ по волѣ рока,
Смѣясь, онъ дерзко презиралъ
Земли чужой языкъ и нравы:
Не могъ щадить онъ нашей славы,
Не могъ понять въ сей мигъ кровавый
На что онъ руку подымалъ!

*

И онъ погибъ и взятъ могилой,
Какъ тотъ пѣвецъ, невѣдомый, но милый,
Добыча ревности нѣмой,
Воспѣтый имъ съ такою чудной силой,
Сраженный, какъ и онъ, безжалостной рукой.
Зачѣмъ отъ мирныхъ нѣгъ и дружбы простодушной
Вступилъ онъ въ этотъ свѣтъ, завистливый и душный
Для сердца вольнаго и пламенныхъ страстей?
Зачѣмъ онъ руку далъ клеветникамъ безбожнымъ,
Зачѣмъ повѣрилъ онъ словамъ и ласкамъ ложнымъ—
Онъ, съ юныхъ лѣтъ постигнувшій людей!
И прежній снявъ вѣнокъ, они вѣнецъ терновый,
Увитый лаврами, надѣли на него;
Но иглы тайныя сурово
Язвили славное чело...
Отравлены его послѣднія мгновенья
Коварнымъ шопотомъ безчувственныхъ надеждъ,
И умеръ онъ съ глубокой жаждой мщенья,
Съ досадой тайною обманутыхъ надеждъ...
Замолкли звуки дивныхъ пѣсенъ,
Не раздаваться имъ опять,
Пріютъ пѣвца угрюмъ и тѣсенъ
И на устахъ его печать!

*

А вы, надменные потомки
Извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ,
Пятою рабскою поправшіе обломки
Игрою счастія обиженныхъ родовъ!
Вы, жадною толпой стоящіе у трона,
Свободы, генія и славы палачи!
Таитесь вы подъ сѣнію закона,
Предъ вами судъ и правда—все молчи!
Но есть и Божій судъ, наперсники разврата,
Есть грозный судія, онъ ждетъ,
Онъ недоступенъ звону злата,
И мысли, и дѣла онъ знаетъ напередъ.
Тогда напрасно вы прибѣгнете къ злословью:
Оно вамъ не поможетъ вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

Дума.

Печально я гляжу на наше поколѣнье!
Его грядущее—иль пусто, иль темно;
Межъ тѣмъ, подъ бременемъ познанья и сомнѣнья,
Въ бездѣйствіи состарится оно.
Богаты мы, едва изъ колыбели,
Ошибками отцовъ и позднимъ ихъ умомъ,
И жизнь ужъ насъ томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли,
Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ.
Къ добру и злу постыдно равнодушны,
Въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы;
Передъ опасностью позорно-малодушны,
И передъ властію презрѣнные рабы.
Такъ тощій плодъ, до времени созрѣлый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глазъ,
Виситъ между цвѣтовъ, пришлецъ осиротѣлый,
И часъ ихъ красоты—его паденья часъ!

Мы изсушили умъ наукою безплодной,
Тая завистливо отъ ближнихъ и друзей
Надежды лучшія и голосъ благородный
Невѣріемъ осмѣянныхъ страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юныхъ силъ мы тѣмъ не сберегли;
Изъ каждой радости, бояся пресыщенья,
Мы лучшій сокъ навѣки извлекли.

Мечты поэзіи, созданія искусства
Восторгомъ сладостнымъ нашъ умъ не шевелятъ;
Мы жадно бережемъ въ груди остатокъ чувства—
Зарытый скупостью и безполезный кладъ.
И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови.
И предковъ скучны намъ роскошныя забавы,
Ихъ добросовѣстный, ребяческій развратъ;
И къ гробу мы спѣшимъ безъ счастья и безъ славы,
Глядя насмѣшливо назадъ.

Толпой угрюмою и скоро позабытой,
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда.
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ.

Отчизна.

Люблю отчизну я, но странною любовью;
Не побѣдитъ ея разсудокъ мой!
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордаго довѣрія покой,
Ни темной старины завѣтныя преданья
Не шевелятъ во мнѣ отраднаго мечтанья.
Но я люблю—за что, не знаю самъ—
Ея степей холодное молчанье,
Ея лѣсовъ безбрежныхъ колыханье,
Разливы рѣкъ ея, подобные морямъ;
Проселочнымъ путемъ люблю скакать въ телѣгѣ

И, взоромъ медленнымъ пронзая ночи тѣнь,
Встрѣчать по сторонамъ, вздыхая о ночлегѣ,
Дрожащіе огни печальныхъ деревень.
Люблю дымокъ спаленной жнивы,
Въ степи кочующій обозъ,
И на холмѣ, средь желтой нивы,
Чету бѣлѣющихъ березъ.
Съ отрадой, многимъ незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
Съ рѣзными ставнями окно;
И въ праздникъ, вечеромъ росистымъ,
Смотрѣть до полночи готовъ
На пляску съ топаньемъ и свистомъ,
Подъ говоръ пьяныхъ мужичковъ.

Бѣглецъ.

(Горская легенда).

Гарунъ бѣжалъ быстрѣе лани,
Быстрѣй, чѣмъ заяцъ отъ орла:
Бѣжалъ онъ въ страхѣ съ поля брани,
Гдѣ кровь черкесская текла.
Отецъ и два родные брата
За честь и вольность тамъ легли,
И подъ пятой у супостата
Лежатъ ихъ головы въ пыли.
Ихъ кровь течетъ и проситъ мщенья.
Гарунъ забылъ свой долгъ и стыдъ,
Онъ растерялъ въ пылу сраженья
Винтовку, шашку—и бѣжитъ.
И скрылся день; клубясь, туманы
Одѣли темныя поляны
Широкой бѣлой пеленой.
Пахнуло холодомъ съ востока
И надъ пустынею пророка
Всталъ тихо мѣсяцъ золотой.
Усталый, жаждою томимый,
Съ лица стирая кровь и потъ,
Гарунъ, межъ скалъ, аулъ родимый
При лунномъ свѣтѣ узнаетъ.
Подкрался онъ, никѣмъ незримый;
Кругомъ молчанье и покой.
Съ кровавой битвы невредимый
Лишь онъ одинъ пришелъ домой,
И къ саклѣ онъ спѣшитъ знакомой;
Тамъ блещетъ свѣтъ: хозяинъ—дóма;
Скрѣпясь душой, какъ только могъ,
Гарунъ ступилъ черезъ порогъ.
Селима звалъ онъ прежде другомъ;
Селимъ пришельца не узналъ;
На ложѣ, мучимый недугомъ,
Одинъ онъ молча умиралъ.
«Великъ Аллахъ! отъ злой отравы
Онъ свѣтлымъ ангеламъ своимъ
Велѣлъ беречь тебя для славы...
Что новаго?...» спросилъ Селимъ,
Поднявъ слабѣющія вѣжды.
И взоръ блеснулъ огнемъ надежды,
И онъ привсталъ, и кровь бойца
Вновь разыгралась въ часъ конца.
—Два дня мы билися въ тѣснинѣ:
Отецъ мой палъ и братья съ нимъ.
И скрылся я одинъ въ пустынѣ,
Какъ звѣрь преслѣдуемъ, гонимъ,
Съ окровавленными ногами
Отъ острыхъ камней и кустовъ,
Я шелъ безвѣстными тропами
По слѣду вепрей и волковъ.
Черкесы гибнутъ. Врагъ повсюду.
Прими меня, мой старый другъ,
И, вотъ Пророкъ!—твоихъ услугъ
Я до могилы не забуду.
И умирающій въ отвѣтъ:
«Ступай! достоинъ ты презрѣнья!
Ни крова, ни благословенья
Здѣсь у меня для труса нѣтъ!»
Стыда и тайной муки полный,
Безъ гнѣва выслушавъ упрекъ,
Ступилъ опять Гарунъ безмолвный
За непривѣтливый порогъ.
И саклю новую минуя,
На мигъ остановился онъ,
И прежнихъ дней летучій сонъ
Вдругъ обдалъ жаромъ поцѣлуя
Его холодное чело.
И стало сладко и свѣтло
Его душѣ; во мракѣ ночи,
Казалось, пламенныя очи
Блеснули ласково предъ нимъ,
И онъ подумалъ: «я любимъ...
Она лишь мной живетъ и дышитъ...»
И хочетъ онъ войти—и слышитъ...
И слышитъ пѣсню старины.
И сталъ Гарунъ блѣднѣй луны.

«Мѣсяцъ плыветъ,
И тихъ, и спокоенъ,
А юноша-воинъ
На битву идетъ.
Ружье заряжаетъ джигитъ,
И дѣва ему говоритъ:
«Мой милый, смѣлѣе
Ввѣряйся ты року.
Молися Востоку,
Будь вѣренъ Пророку,
Будь славѣ вѣрнѣе!
Своимъ измѣнившій—
Измѣной кровавой,

Врага не сразивши,
Погибнетъ безъ славы;
Дожди его ранъ не обмоютъ,
И звѣри костей не зароютъ.
Въ горахъ никого нѣтъ,
Кто-бъ вынесъ позоръ,
И труса прогонитъ
Красавица горъ.»

Главой поникнувъ, съ быстротою
Гарунъ свой продолжаетъ путь,
И крупная слеза, порою,
Съ рѣсницы падаетъ на грудь.
Но вотъ, отъ бури наклоненный,
Предъ нимъ родной бѣлѣетъ домъ;
Надеждой снова ободренный,
Гарунъ стучится подъ окномъ;
Тамъ, вѣрно, теплыя молитвы
Восходятъ къ небу за него;
Старуха-мать ждетъ сына съ битвы,
Но ждетъ его—не одного.
«Мать, отвори! Я странникъ бѣдный,
Я твой Гарунъ, твой младшій сынъ,
Сквозь пули русскія безвредно
Пришелъ къ тебѣ...»
—Одинъ?
«Одинъ!»
— А гдѣ отецъ и братья?
«Пали.
Пророкъ ихъ смерть благословилъ,
И ангелы ихъ души взяли.»
— Ты отомстилъ?
«Не отомстилъ...
Но я стрѣлой пустился въ горы,
Оставилъ мечъ въ чужомъ краю,
Чтобы твои утѣшить взоры
И утереть слезу твою.»
— Молчи, молчи! гяуръ лукавый,
Ты умереть не могъ со славой!
Такъ удались, живи одинъ.
Твоимъ стыдомъ, бѣглецъ свободы,
Не омрачу я стары годы.
Ты рабъ и трусъ... а мнѣ не сынъ!—
Умолкло слово отверженья,
И все кругомъ объято сномъ.
Проклятья, стоны и моленья
Звучали долго подъ окномъ;
И, наконецъ, ударъ кинжала
Пресѣкъ несчастнаго позоръ,
И мать по утру увидала,
И хладно отвернула взоръ.
И трупъ, отъ праведныхъ изгнанный,
Никто къ кладбищу не отнесъ,
И кровь его съ глубокой раны
Лизалъ, рыча, домашній песъ.
Ребята малые ругались
Надъ хладнымъ тѣломъ мертвеца;
Въ преданьяхъ вольности остались
Позоръ и гибель бѣглеца.
Душа его отъ глазъ Пророка
Со страхомъ удалилась прочь,
И тѣнь его въ горахъ Востока
Понынѣ бродитъ въ темну ночь;
И подъ окномъ, по утру рано,
Онъ въ саклю просится, стуча;
Но, внемля громкій стихъ Корана,
Бѣжитъ опять подъ сѣнь тумана,
Какъ прежде бѣгалъ отъ меча.

Сосѣдъ.

Кто-бъ ни былъ ты, печальный мой сосѣдъ,
Люблю тебя, какъ друга юныхъ лѣтъ,
Тебя, товарищъ мой случайный,
Хотя судьбы коварною игрой
Навѣки мы разлучены съ тобой
Стѣной теперь—а послѣ тайной.

Когда зари румяный полусвѣтъ
Въ окно тюрьмы прощальный свой привѣтъ
Мнѣ, умирая, посылаетъ,
И опершись на звучное ружье,
Нашъ часовой, про старое житье
Мечтая, стоя засыпаетъ —

Тогда чело склонивъ къ сырой стѣнѣ,
Я слушаю—и въ мрачной тишинѣ
Твои напѣвы раздаются.
О чемъ они—не знаю, но тоской
Исполнены, и звуки чередой,
Какъ слезы, тихо льются, льются...

И лучшихъ лѣтъ надежды и любовь —
Въ груди моей все оживаетъ вновь,
И мысли далеко несутся,
И полонъ умъ желаній и страстей,
И кровь кипитъ—и слезы изъ очей,
Какъ звуки, другъ за другомъ льются.

* * *

Не смѣйся надъ моей пророческой тоскою.
Я зналъ—ударъ судьбы меня не обойдетъ,
Я зналъ, что голова, любимая тобою,
Съ твоей груди на плаху перейдетъ.
Я говорилъ тебѣ: ни счастія, ни славы
Мнѣ въ мірѣ не найти. Настанетъ часъ кровавый,
И я паду—и хитрая вражда
Съ улыбкой очернитъ мой недоцвѣтшій геній,

И я погибну безъ слѣда
Моихъ надеждъ, моихъ мученій...
Но я безъ страха жду довременный конецъ;
Давно пора мнѣ міръ увидѣть новый.
Пускай толпа растопчетъ мой вѣнецъ,
Вѣнецъ пѣвца, вѣнецъ терновый, —
Пускай! Я имъ не дорожилъ! . . . .
. . . .

Е. П. РОСТОПЧИНА.

Насильственный бракъ [1].

Старый баронъ.

Сбирайтесь, слуги и вассалы,
На кроткій господина зовъ!
Судите, не боясь опалы:
Я правду выслушать готовъ.
Судите споръ, вамъ всѣмъ знакомый;
Хотя могучъ и славенъ я,
Хотя всесильнымъ чтутъ меня —
Не властенъ у себя я дома...
Всё непокорна мнѣ она,
Моя мятежная жена!...
Её я призрѣлъ сиротою
И разоренной взялъ её,
И далъ, съ державною рукою,
Ей покровительство мое;
Одѣлъ её парчей и златомъ,
Несмѣтной стражей окружилъ,
И врагъ её чтобъ не сманилъ,
Я самъ надъ ней стою съ булатомъ, —
Но недовольна и грустна
Неблагодарная жена.

Я знаю—жалобой, навѣтомъ
Она вездѣ меня клеймитъ;
Я знаю—передъ цѣлымъ свѣтомъ
Она клянетъ мой кровъ и щитъ,—
И косо смотритъ исподлобья
И, повторяя клятвы ложь,
Готовитъ козни, точитъ ножъ,
Вздуваетъ огнь междоусобья;
Съ монахомъ шепчется она,
Моя коварная жена!

И торжествуя, и довольны,
Враги мои на насъ глядятъ,
И дразнятъ гнѣвъ ея крамольный
И суетной гордынѣ льстятъ.
Совѣтъ мнѣ дайте благотворный,
Судите, кто межъ нами правъ?
Языкъ мой строгъ, но не лукавъ!...
Теперь внемлите непокорной:
Пусть защищается она,
Моя преступная жена!

Жена.

Раба-ли я, или подруга,
То знаетъ Богъ!... Я-ль избрала̀
Себѣ жестокаго супруга?
Сама-ли клятву я дала?
Жила я вольно и счастливо,
Свою любила волю я;
Но побѣдилъ, плѣнилъ меня
Сосѣдей злыхъ набѣгъ хищливый,
Не предана̀—я продана̀,
Я узница, а не жена!
Напрасно иго роковое
Властитель мнитъ озолотить;
Напрасно мщенье мнѣ святое
Въ любовь онъ хочетъ превратить.
Не нужны мнѣ его щедроты,
Его я стражи не хочу:
Сама строптивыхъ научу
Платить мнѣ мирно долгъ почета.
Лишь имъ однимъ оскорблена,
Я врагъ ему, а не жена.
Онъ говорить мнѣ запрещаетъ
На языкѣ моемъ родномъ,
Знаменоваться мнѣ мѣшаетъ
Моимъ наслѣдственнымъ гербомъ;
Не смѣю передъ нимъ гордиться
Стариннымъ именемъ моимъ
И предковъ храмамъ вѣковымъ,
Какъ предки славные, молиться.
Иной уставъ принуждена
Принять несчастная жена.
Послалъ онъ въ ссылку, въ заточенье
Всѣхъ вѣрныхъ, лучшихъ слугъ моихъ,
Меня-же предалъ притѣсненью
Рабовъ-лазутчиковъ своихъ.
Позоръ, гоненье и неволю

[1] Въ этомъ стихотвореніи Е. П. Ростопчина характеризуетъ отношенія Россіи и Польши. По совѣту Гоголя поэтесса послала «Насильственный бракъ» въ Петербургъ безъ своей подписи и оно сейчасъ же появилось въ «Сѣверной Пчелѣ». Однако цензура вскорѣ догадалась въ чемъ дѣло, запретила его, а «Старый баронъ» выслалъ Ростопчину изъ Петербурга. Думаемъ что и по сіе время это стихотвореніе имѣетъ значеніе не только библіографическое...

Примѣч. состав

Мнѣ въ брачный даръ приноситъ онъ —
И мнѣ-ли ропотъ запрещёнъ?
Еще-ль, терпя такую долю,
Таить отъ всѣхъ её должна
Насильно взятая жена?...

Н. П. ОГАРЕВЪ.

Напутствіе.

Научите немудрыхъ.
Конн..іе.

Забудь унынія языкъ!
Хочу—помимо произвола
Чтобъ ты благоговѣть привыкъ
Передъ святынею глагола.

Мнѣ надо, чтобы съ устъ твоихъ,
Не празднословныхъ и не лживыхъ,
Звучалъ потокъ рѣчей живыхъ,
Какъ разумъ ясныхъ и правдивыхъ.

Отбрось рабовъ обычныхъ школъ —
И книжника и фарисея:
Предъ ними истины глаголъ
Проходитъ власти не имѣя.

Учи того, кто не успѣлъ
Съ ума сойти въ ихъ жизни дикой,
Кто жаждетъ,—искрененъ и смѣлъ, —
Разсудка простоты великой.

Глаголъ—орудіе свободы,
Живая жизнь, которой днесь
И вѣчно движутся народы...
Проникнись этой мыслью весь!

Готовъ ли?... Ну! теперь смотри —
Ступай по городамъ и сёламъ
И о грядущемъ говори
Животрепещущимъ глаголомъ.

Монологъ.

Чего хочу?... чего?... О! такъ желаній много,
Такъ къ выходу ихъ силѣ нуженъ путь,
Что кажется порой — ихъ внутренней тревогой
Сожжется мозгъ и разорвется грудь.
Чего хочу? Всего, со всею полнотою!
Я жажду знать, я подвиговъ хочу,
Еще хочу любить съ безумною тоскою,
Весь трепетъ жизни чувствовать хочу!
А втайнѣ чувствую, что всѣ желанья тщетны,
И жизнь скупа, и внутренно я хилъ,
Мои стремленія замолкнутъ, безотвѣтны,
Въ попыткахъ я запасъ растрачу силъ.
Я самъ себѣ кажусь, подавленный страданьемъ,
Какимъ-то жалкимъ, маленькимъ глупцомъ,
Среди безбрежности затеряннымъ созданьемъ,
Томящимся въ броженіи пустомъ...
Духъ вѣчности обнять за разъ не въ нашей долѣ,
А чашу жизни пьемъ мы по глоткамъ,
О томъ, что выпито, мы все жалѣемъ болѣ,
Пустое дно все больше видно намъ;
И съ каждымъ днемъ душѣ тяжелѣ устарѣлость,
Больнѣе помнить и страшнѣй желать,
И кажется, что жить—отчаянная смѣлость;
Но биться пульсъ не можетъ перестать,
И дальше я живу въ стремленьи безотрадномъ,
И жизни крестъ беру я на себя,
И весь душевный жаръ несу въ движеньи жадномъ,
За мигомъ мигъ хватая и губя.
И все хочу!... чего?... О! такъ желаній много,
Такъ къ выходу ихъ силѣ нуженъ путь,
Что кажется порой—ихъ внутренней тревогой
Сожжется мозгъ и разорвется грудь.

Монологъ.

Какъ школьникъ на скамьѣ, опять сижу я въ школѣ
И съ жадностью внимаю и молчу;
Пусть длиненъ знанья путь, но духъ мой крѣпокъ волей,
Не страшенъ трудъ—я вѣрю и хочу.
Вокругъ все юноши: учительское слово,
Какъ я, они всѣ слушаютъ въ тиши;
Для нихъ все истина, имъ все еще такъ ново,
Въ нихъ судитъ пылъ неопытной души.
Но я уже сюда явился съ мыслью зрѣлой,
Сомнѣніемъ испытанный боецъ,
Но не убитый имъ... Я съ призраками смѣло
И искренно расчелся наконецъ;
Я отстоялъ себя отъ внутренней тревоги,
Съ терпѣніемъ пустился въ новый путь,
И не собьюсь теперь съ разчищенной дороги —
Свободна мысль, и силой дышетъ грудь.
Что, Мефистофель мой, завистникъ закоснѣлый?
Отнынѣ власть твою разрушилъ я,
Болѣзненную власть насмѣш и устарѣлой;
Я скорбью многой выкупилъ себя.

Теперь товарищъ мнѣ иной духъ отрицанья—
Не тотъ насмѣшникъ черствый и больной,
Но тотъ всесильный духъ движенья и созданья,
Тотъ вѣчно юный, новый и живой.
Въ борьбѣ безстрашенъ онъ, ему губить—отрада,
Изъ праха онъ все строитъ вновь и вновь,
И ненависть его къ тому, что́ рушить надо,
Душѣ свята, такъ какъ свята любовь.

Упованіе.

Годъ 1848.

Anno cholerae morbus.

Всѣ говорятъ, что нынѣ страшно жить,
Что воздухъ зараженъ и смертью вѣетъ;
Ча улицу боятся выходить.
Кто встрѣтитъ гробъ—трепещетъ и блѣднѣетъ.
Я не боюсь. Я не умру. Я дней
Такъ не отдамъ. Всей жизнью человѣка
Еще дышу я, всею мыслью вѣка
Я жизненно проникнутъ до ногтей,
И впереди довольно много дѣла,
Чтобъ мысль о смерти силы не имѣла.
Что мнѣ чума?—Я слышу чуткимъ слухомъ
Со всѣхъ сторонъ знакомыя слова:
Вблизи, вдали однимъ все полно духомъ,
Всѣ воли ищутъ! Тихо голова
Приподнялась, проходитъ сонъ упрямый
И человѣкъ на вещи смотритъ прямо.
Встревоженъ онъ. На немъ такъ много лѣтъ
Рука преданья дряхлаго лежала,
Что страшно страшенъ новый свѣтъ сначала.
Но свыкнись, узникъ! Изъ тюрьмы на свѣтъ
Когда выходятъ—взору трудно, больно,
А послѣ станетъ ясно и раздольно!
О! изъ глуши моихъ родныхъ степей
Я слышу васъ, далекіе народы,
И что-то бьется тутъ въ груди моей
На каждый звукъ торжественный свободы.
Мнѣ съ юга моря синяя волна
Лелѣетъ слухъ внезапнымъ колыханьемъ...
Роскошныхъ сновъ лѣнивая страна —
И ты полна вновь юнымъ ожиданьемъ!
Еще унылъ ave Maria гласъ
И дремлетъ вкругъ семи холмовъ поляна,
Но въ тайнѣ Цезарю въ послѣдній разъ
Готовится проклятье Ватикана.
Что-жъ? Начинай! Ужъ гордый Рейнъ возсталъ
Отъ долгихъ грезъ очнулся тихъ, но страшенъ,
Упрямо воли жаждущій вассалъ
Грозитъ остаткамъ феодальныхъ башенъ.
На западѣ какимъ-то новымъ днемъ,
Изъ хаоса корыстей величаво
Какъ разумъ свѣтлое восходитъ право,
И нѣтъ заставъ, земля всѣмъ общій домъ.
Какъ волхвъ хочу съ востока въ путь суровый
Итти и я, дабы вѣщать о томъ,
Что видѣлъ я какъ міръ родился новый!

И ты, о Русь! моя страна родная,
Которую люблю за то, что тутъ
Зналъ сердцу свѣтлыхъ нѣсколько минутъ,
Еще за то, что вмѣстѣ изнывая
Съ тобою я и плакалъ и страдалъ
И цѣпью насъ одною рокъ связалъ, —
И ты подъ сводъ дряхлѣющаго зданья,
Въ глуши трудясь, подкапываешь взрывъ?
Что скажешь міру ты? Какой призывъ?
Не знаю я! Но всѣ твои страданья
И весь твой трудъ готовъ дѣлить съ тобой,
И вѣрю, что пробьюсь, какъ нашъ народъ родной,
Въ терпѣніи и съ твердостію многой,
На новый свѣтъ невѣдомой дорогой!

1849 годъ.

Вы знаете: побѣда дряхлой власти
Свершилася. Погибло какъ мятежъ
Свободы дѣло, рушилось на части
И деспотизмъ помолодѣлъ и свѣжъ.
Безропотно, какъ маленькія дѣти,
Они свободу отдали тотчасъ,
Въ смущеніи боясь отцовской плети,
И весь восторгъ какъ шалость въ нихъ погасъ.
Вы знаете: въ Европѣ уже нынѣ
Не сыщется ни одного угла,
Гдѣ-бъ наша жизнь, вѣрна своей святынѣ,
Свѣтло и мирно кончиться могла.
Вы не зарѣзались? Еще, быть можетъ,
Жить хочется? Такъ что-жъ? Скорѣй, скорѣй
Бѣгите въ степь, гдѣ развѣ вихрь тревожитъ,
Въ Америку—туда, гдѣ нѣтъ людей!
И до сѣдинъ безплодно доживая,
Съ отчаяньемъ въ груди умрите тамъ,
Забыть стараясь и не забывая,
Что все, что въ жизни было свято вамъ,
Мечты свободы, ваши убѣжденья
Ненужны никому—и всѣ замрутъ,
Какъ всякія безумныя мученья,
Какъ всякій мозга безполезный трудъ!

Прометей.

Прочь, коршунъ! больно! Подлый рабъ,
Палачъ Зевеса!... О, когда-бъ
Мнѣ эти цѣпи не мѣшали,
Какъ безпощадно-бъ руки сжали

Тебя за горло! Но безъ силъ,
Къ скалѣ прикованный, безъ воли,
Я грудь мою тебѣ открылъ
И каждый мигъ кричу отъ боли,
И замираю каждый мигъ...
На мой безумно-жалкій крикъ
Проснулся отголосокъ дальній,
И вѣтеръ жалобно завылъ
И прочь рванулся, что́ есть силъ,
И закачался лѣсъ печальный;
Испуга барсъ не превозмогъ —
Сверкая желтыми глазами,
Онъ въ чащу кинулся прыжками;
Туманъ сѣдой на горы легъ,
И море дальнее, о скалы
Дробяся, глухо застонало...
Одинъ спокоенъ царь небесъ —
Ничѣмъ не тронулся Зевесъ!

Завистникъ! онъ забыть не можетъ,
Что я—творецъ, что онъ моихъ
Созданій ввѣкъ не уничтожитъ;
Что я съ небесъ его для нихъ
Унесъ огонь неугасимый...
Ну, что же, богъ неумолимый,
Ну, мучь меня! Еще ко мнѣ
Пошли хоть двадцать птицъ голодныхъ,
Неутомимыхъ, безотходныхъ,
Чтобъ рвали сердце мнѣ онѣ —
А все-жъ людей я создалъ!—Твердый,
Смѣясь надъ злобою твоей,
Смотрю я, непокорный, гордый,
На красоту моихъ людей.
О! хорошо ихъ сотворилъ я,
Во всемъ подобными себѣ:
Огонь небесный въ нихъ вселилъ я
Съ враждою вѣчною къ тебѣ,
Съ гордыней вольною Титана
И непокорностью судьбѣ.

Рви, коршунъ, глубже въ сердцѣ рану —
Она Зевесу лишь позоръ!
Мой крикъ пронзительный—укоръ
Родитъ въ душахъ моихъ созданій;
За даръ томительный страданій
Дойдутъ проклятья до небесъ —
Къ тебѣ, завистливый Зевесъ!
А я, на вѣчное мученье
Тобой прикованный къ скалѣ,
Найду повсюду сожалѣнье,
Найду любовь по всей землѣ,
И въ людяхъ, гордый самъ собою,
Я наругаюсь надъ тобою!

На сонъ грядущій.

Ночная тьма безмолвіе приноситъ
И къ отдыху зоветъ меня.
Пора, пора! покоя тѣло проситъ,
Душа устала въ вихрѣ дня.
Молю тебя, предъ сномъ грядущимъ, Боже:
Дай людямъ миръ; благослови
Младенца сонъ и нищенское ложе,
И слезы тихія любви!
Прости грѣху, на жгучее страданье
Успокоительно дохни,
И всѣ твои печальныя созданья
Хоть сновидѣньемъ обмани!

Отрывокъ изъ стихотворенія „Ночь".

. . . .
Но ближе въ жизнь людей вступая,
На томный міръ родного края
Иначе взглянешь. Станетъ жаль;
Все ненавистно, все такъ больно,
Тяжелый ужасъ и печаль
Охватятъ холодомъ невольно.
Какъ ихъ безбрежныя поля
Безгласны люди. Отъ Китая
До стѣнъ недвижнаго Кремля,
Подъ дикимъ гнетомъ изнывая,
Томится русская земля.
Живутъ и мрутъ среди смиренья
Въ молчаньи вяломъ поколѣнья.
Молчитъ запуганный мужикъ
Подъ розгой маленькихъ владыкъ;
Его чиновникъ грабитъ смѣло;
Въ трудѣ проходитъ жизнь его
И не приноситъ ничего;
Проходитъ тускло... Послѣ тѣло
Кладутъ какъ ветошь въ темный гробъ,
Надъ нимъ бормочетъ пьяный попъ,
Да бабы вопятъ... Жизнь безцвѣтна,
Безрадостна и не привѣтна,
Смерть равнодушна и дика,
И скорбь на сердцѣ велика!
И тотъ изъ насъ, кому наука
Раздвинула границы думъ,
На привязи свой держитъ умъ,
Снѣдаемъ праздностью и скукой.
Кругомъ помѣщики, глупцы,
Рабы, нахалы, подлецы,
Попы, мундиры голубые,
Воровъ казенные полки,
Да мѣры къ лучшему тупыя,
Да плеть, да ссылки, да штыки;
И чья-то воля будто правитъ,

И сверху внизъ все давитъ, давитъ.
И тѣсно, тяжело дышать,
И хочется бѣжать, бѣжать.
Куда-нибудь уйти скорѣе
Отъ этой жизни пытки злѣе.
Изъ этой грязи вѣковой,
Отъ этой родины святой!
. . . .

* * *[1]).

. . . .
И вотъ дворецъ передо мной
Стоялъ угрюмо и высоко;
Въ полудремотѣ часовой
Шагалъ у двери одиноко
И страхомъ вѣялъ мнѣ покой,
Въ которомъ спалъ дворецъ глубоко.
У ногъ моихъ Нева одна
Шумѣла ярости полна.

А тамъ далеко за Невой
Еще страшнѣй чернѣлось зданье
Съ зубчатой, мрачною стѣной
И рядомъ башенъ. Вопль, рыданья
И жертвъ напрасныхъ стонъ глухой,
Проклятій полный и страданья,
Мнѣ вѣтеръ несъ съ тѣхъ береговъ,
Сквозь стуки льдинъ и плескъ валовъ.

Дворецъ! Тюрьма! Зачѣмъ сквозь тьму
Глядите вы здѣсь другъ на друга?
Ужель на вѣкъ она ему
Рабыня, злобная подруга?
Ужель взирая на тюрьму
Дворецъ свободенъ отъ испуга?
Ужель тюрьмою силенъ онъ
И слышать радъ печальный стонъ?

О! Сройте, сройте поскорѣй,
Вы эти стѣны, эти своды!
Замки отбейте у дверей,
Зовите всѣхъ на пиръ свободы!
Тогда, тогда толпы людей,
Тогда изъ вѣка въ вѣкъ народы
Благословятъ васъ и почтутъ
И васъ святыми назовутъ.

Но глухъ дворецъ, глуха тюрьма
И голосъ мой звучитъ въ пустынѣ,
Кругомъ туманъ, да ночи тьма
И съ шумомъ валъ бѣжитъ по льдинѣ...
Тоска души, тоска ума,
Еще сильнѣе, чѣмъ донынѣ,
И тяжелѣе жизни крестъ...
И я бѣжалъ отъ этихъ мѣстъ.
. . . .

[1]) Отрывокъ изъ третьяго письма второй части «Юмора».

Арестантъ.

Ночь темна. Лови минуты!
Но стѣна тюрьмы крѣпка,
У воротъ ея замкнуты
Два желѣзные замка.
Чуть дрожитъ вдоль корридора
Огонекъ сторожевой
И звенитъ, о шпору шпорой,
Жить скучая, часовой.

«Часовой!» — «Что, баринъ, надо?»
«Притворись, что ты заснулъ:
Мимо-бъ я, да за ограду
Тѣнью быстрою мелькнулъ!
Край родной повидѣть нужно,
Да жену поцѣловать,
И пойду подъ шелестъ дружный
Въ лѣсъ зеленый умирать!...»

«Радъ помочь! Куда ни шло бы!
Божья тварь, чай, тожъ и я!
Пуля, баринъ, ничего бы,
Да боюся батожья!
Посѣдѣлъ подъ шумъ военный...
А сквозь полкъ какъ проведутъ,
Только комъ окровавленный
На тележкѣ увезутъ!»

Шопотъ смолкъ... Все тихо снова...
Гдѣ-то Богъ подастъ пріютъ?
То-ль схоронятъ здѣсь живого?
То-ль на каторгу ушлютъ?
Будетъ вѣчно цѣпь надѣта,
Да начальство станетъ бить...
Ни ножа! ни пистолета!...
И конца нѣтъ сколько жить!

Пѣсня о Землѣ и Волѣ

Какъ со матушки со Волги,
Со широкаго раздолья,

Поднялась толпой - народомъ
Сила русская сплошная.

Поднялась спокойнымъ строемъ
Да какъ кликнетъ громкимъ кличемъ:

Добры молодцы идите,
Добры молодцы сбирайтесь

Съ бѣла моря ледяного,
Со степного Черноморья

По родной великой Руси,
По Украйнѣ по казацкой

Отстоимъ мы нашу Землю,
Отстоимъ мы нашу Волю,

Чтобъ земля намъ да досталась,
Воля вольная сложилась,

Барской злобы не пугалась,

. . . .

Памяти Рылѣева.

Въ святой тиши воспоминаній
Храню я бережно года
Горячихъ первыхъ упованій,
Начальной жажды дѣлъ и знаній,
Попытокъ перваго труда.
Мы были отроки. Въ то время
Шло стройной поступью бойцовъ —
Могучихъ дѣятелей племя
И сѣяло благое сѣмя
На почву юную умовъ.
Вездѣ шепталися. Тетради
Ходили въ спискахъ по рукамъ;
Мы, дѣти, съ робостью во взглядѣ,
Звучащій стихъ свободы ради,
Таясь, твердили по ночамъ.
Бунтъ, вспыхнувъ, замеръ. Казнь проснулась,
Вотъ пять повѣшенныхъ людей...
Въ насъ сердце, молча, содрогнулось,
Но мысль живая встрепенулась —
И путь означенъ жизни всей.
Рылѣевъ былъ мнѣ первымъ свѣтомъ...
Отецъ по духу мнѣ родной —
Твое названье въ мірѣ этомъ
Мнѣ стало доблестнымъ завѣтомъ
И путеводною звѣздой!
Мы стихъ твой вырвемъ изъ забвенья,
И въ первый русскій вольный день,
Въ виду младого поклоненья
Твою страдальческую тѣнь.
Взойдетъ гроза на небосклонѣ —
И волны на берегъ съ утра
Нахлынутъ съ бѣшенствомъ погони
И слягутъ бронзовые кони
И Николая и Петра.
Но образъ смерти благородной
Не смоетъ грозная вода,
И будетъ подвигъ твой свободный
Святыней въ памяти народной
На всѣ грядущіе года.

Предисловіе къ „Колоколу“.

Россія тягостно молчала,
Какъ изумленное дитя,
Когда неистово гнетя
Одна рука ее сжимала;
Но тотъ, который что есть силъ
Ребенка мощнаго давилъ,
Онъ съ тупоуміемъ капрала
Не зналъ, что̀ передъ нимъ лежало,
И мысль его не поняла
Какая есть въ ребенкѣ сила:
Рука ее не задушила,
Сама съ натуги замерла.

Въ годину мрака и печали,
Какъ люди русскіе молчали,
Гласъ вопіющаго въ пустынѣ
Одинъ раздался на чужбинѣ;
Звучалъ на почвѣ не родной —
Не ради прихоти пустой,
Не потому, что изъ боязни
Онъ укрывался бы отъ казни;
А потому, что здѣсь языкъ
Къ свободомыслію привыкъ
И не касалася окова
До человѣческаго слова.

Привѣта съ родины далекой
Дождался голосъ одинокій,
Теперь юнѣй, сильнѣе онъ...
Звучитъ, раскачиваясь, звонъ,
И онъ гудѣть не перестанетъ,
Пока—спугнувъ ночные сны —
Изъ колыбельной тишины,
Россія бодро не воспрянетъ,
И крѣпко на ноги не станетъ,
И не порывисто смѣла —
Начнетъ торжественно и стройно,
Съ сознаньемъ доблести спокойной,
Звонить во всѣ колокола.

Искандеру.

(1858 года).

Когда я былъ отрокомъ тихимъ и нѣжнымъ,
Когда я былъ юношей страстно-мятежнымъ,
И въ возрастѣ зрѣломъ, со старостью смежномъ,—
Всю жизнь мнѣ все снова, и снова, и снова
Звучало одно неизмѣнное слово:
Свобода! Свобода!

Измученный рабствомъ и духомъ унылый,
Покинулъ я край мой родимый и милый,
Чтобъ было мнѣ можно, насколько есть силы,

Съ чужбины до самаго края родного
Взывать громогласно завѣтное слово:
Свобода! Свобода!

И вотъ на чужбинѣ, въ тиши полунощной,
Мнѣ издали голосъ послышался мощный...
Сквозь вьюгу сырую, сквозь мракъ безпомощный,
Сквозь всѣ завыванія вѣтра ночного
Мнѣ слышится съ родины юное слово:
Свобода! Свобода!

И сердце, такъ дружное съ горькимъ сомнѣньемъ,
Какъ птица изъ клѣтки, простясь съ заточеньемъ,
Взыграло впервые отраднымъ біеньемъ,
И какъ-то торжественно, весело, ново
Звучитъ теперь съ дѣтства знакомое слово:
Свобода! Свобода!

И все то мнѣ грезится—снѣгъ и равнина,
Знакомое вижу лицо селянина,
Лицо бородатое, мощь исполина,
И онъ говоритъ мнѣ, снимая оковы,
Мое неизмѣнное, вѣчное слово:
Свобода! Свобода!

Но еслибъ грозила бѣда и невзгода
И рукъ для борьбы захотѣла свобода, —
Сейчасъ полечу на защиту народа,
И если паду я средь битвы суровой,
Скажу, умирая, могучее слово:
Свобода! Свобода!

А еслибъ пришлось умереть на чужбинѣ,
Умру я съ надеждой и вѣрою нынѣ;
Но въ мигъ передсмертный—въ спокойной кручинѣ
Не дай мнѣ остынуть безъ звука святого,
Товарищъ, шепни мнѣ послѣднее слово:
Свобода! Свобода!

А. ТОЛСТОЙ.

* * *

Я васъ узналъ, святыя убѣжденья,
Вы, спутники моихъ минувшихъ дней,
Когда за бѣглой не гоняясь тѣнью,
И думалъ я, и чувствовалъ вѣрнѣй,
И юною душою ясно видѣлъ
Все, что любилъ, и все, что ненавидѣлъ.

Средь міра лжи, средь міра, мнѣ чужого,
Не навсегда моя остыла кровь;
Пришла пора,—и вы воскресли снова
Мой прежній гнѣвъ и прежняя любовь!
Разсѣялся туманъ и, слава Богу,
Я выхожу на старую дорогу.

Попрежнему сіяетъ правды сила,
Ее сомнѣнья болѣ не затмятъ,
Неровный кругъ планета совершила
И къ солнцу снова катится назадъ.
Зима прошла, природа зеленѣетъ,
Луга цвѣтутъ, весной душистой вѣетъ.

Мадонна Рафаэля.

Склоняся къ юному Христу,
Его Марія осѣнила,
Любовь небесная затмила
Его земную красоту.

А онъ, въ прозрѣніи глубокомъ,
Уже вступая съ міромъ въ бой,
Глядитъ впередъ—и яснымъ окомъ
Голгоѳу видитъ предъ собой.

* * *

Горними тихо летѣла душа небесами,
Грустныя долу она опускала рѣсницы;
Слезы, въ пространство отъ нихъ упадая звѣздами,
Свѣтлой и длинной вилися за ней вереницей;

Встрѣчныя тихо ее вопрошали свѣтила:
Что ты грустна? и о чемъ эти слезы во взорѣ?
Имъ отвѣчала она:—Я земли не забыла,
Много оставила тамъ и страданья, и горя.

Здѣсь я лишь ликамъ блаженства и радости внемлю,
Праведныхъ души не знаютъ ни скорби, ни злобы—
О, отпусти меня снова, Создатель, на землю,
Было-бъ о комъ пожалѣть и утѣшить кого бы.

Колодники.

Спускается солнце за степи,
Вдали золотится ковыль, —
Колодниковъ звонкія цѣпи
Взметаютъ дорожную пыль.

Идутъ они съ бритыми лбами,
Шагаютъ впередъ тяжело,
Угрюмыя сдвинули брови,
На сердце раздумье легло.

Идутъ съ ними длинныя тѣни.
Двѣ клячи телѣгу везутъ,
Лѣниво сгибаютъ колѣни,
Конвойные съ ними идутъ

— Чтó, братцы, затянемте пѣсню,
Забудемъ лихую бѣду!
Ужъ видно, такая невзгода
Написана намъ на роду!

И вотъ, повели, затянули,
Поютъ, заливаясь, они
Про Волги широкой раздолье,
Про даромъ минувшіе дни;
Поютъ про свободныя степи,
Про дикую волю поютъ.
День меркнетъ все болѣ,—а цѣпи
Дорогу метутъ да метутъ...

Илья Муромецъ.

1.

Подъ броней, съ простымъ наборомъ,
Хлѣба кусъ жуя,
Въ жаркій полдень ѣдетъ боромъ
Дѣдушка Илья;

2.

Ѣдетъ боромъ, только слышно,
Какъ бряцаетъ бронь.
Топчетъ папоротникъ пышный
Богатырскій конь.

3.

И ворчитъ Илья сердито:
— Ну, Владиміръ, чтó-жъ?
Посмотрю я, безъ Ильи-то
Какъ ты проживешь!

4.

Дворъ мнѣ, княже, твой не диво,
Не пировъ держусь;
Я мужикъ неприхотливый,
Былъ бы хлѣба кусъ!

5.

Но обнесъ меня ты чарой
Въ очередь мою —
Такъ шагай же, мой чубарый,
Уноси Илью!

6.

Безъ меня другихъ довольно,
Сядутъ—полонъ столъ;
Только лакомы ужъ больно,
Любятъ женскій полъ.

7.

Всѣ твои богатыри-то
Значитъ, молодежь—
Вотъ безъ стараго Ильи-то
Какъ ты проживешь!

8.

Тѣмъ-то я ихъ болѣ стóю,
Что забылъ ужъ бабъ;
А какъ тресну булавою,
Такъ еще не слабъ!

9.

Правду молвить, для княжого
Не гожусь двора,
Погулять по свѣту снова
Безъ того пора.

10.

Не терплю богатыхъ сѣней,
Мраморныхъ тѣхъ плитъ;
Отъ царьградскихъ отъ куреній
Голова болитъ;

11.

Душно въ Кіевѣ, чтó въ скринѣ—
Только киснетъ кровь;
Государынѣ-пустынѣ
Поклонюся вновь!

12.

Вновь извѣдаю я, старый,
Волюшку мою—
Ну же, ну, шагай, чубарый,
Унося Илью!

13.

И старикъ лицомъ суровымъ
Просвѣтлѣлъ опять,
Понутру ему здоровымъ
Воздухомъ дышать;

14.

Снова вѣетъ воли дикой
На него просторъ,
И смолой, и земляникой
Пахнетъ тёмный боръ.

* * *

Ой, кабы Волга-матушка да вспять побѣжала!
Кабы можно, братцы, начать жить сначала!
Ой, кабы зимою цвѣты расцвѣтали!
Кабы мы любили, да не разлюбляли!
Кабы дно морское достать да измѣрить!
Кабы можно, братцы, краснымъ дѣвкамъ вѣрить!
Ой, кабы всѣ бабы были-бъ молодицы!
Кабы въ полугарѣ поменьше водицы!
Кабы всегда чарка доходила до рту!
Кабы кривосудье по боку да къ чорту!
Да кабы голодный всякій день обѣдалъ,
Да кабы неправды человѣкъ не вѣдалъ.

Федорушка.

«Барыня-сударыня, матушка Федорушка,
Что сидишь невесела,
Голову повѣсила?»

— Охъ, отстань, родименькій; отвяжись, невпорушка;
Безъ тебя тошнехонько,
Безъ тебя больнехонько,
Не мѣшай мнѣ морщиться,
Не мѣшай мнѣ корчиться!—

«Не пригоже, матушка; не идетъ, сударушка,
Ты вѣдь дама важная,
Барыня вальяжная!»

— Охъ, была, родименькій, охъ, слыла, невпорушка,
Дамою я знатною,
Очень пріятною,
Сытою, богатою,
Къ людямъ тароватою!—

«Знамо дѣло, матушка, вѣдомо, Федорушка;
Златомъ, серебромъ, поди,
У тебя хоть прудъ пруди.»

— Было все, родименькій; было все, невпорушка,
Нынѣ же съ натяжками
Я живу бумажками
Пестрыми, красивыми,
Заурядъ фальшивыми.—

«Какъ же такъ, сударыня? какъ же такъ Федорушка?
Гдѣ-жъ твои рублевики,
Звонкіе цѣлковики?»

— Вышли всѣ, родименькій, вышли всѣ, невпорушка,
На бумаги новыя,
Въ кабаки дешевые,
Нѣмцамъ за границею,
Дома—на полицію.—

«Поищи, сударыня; поищи, Федорушка;
Ты, хоть не опаслива,
Встарь была запаслива.»

— Не молчу, родименькій, не молчу, невпорушка;
Я и обижаюся;
Плюютъ—утираюся,
И прошу прощенія
За свое смиреніе.—

«Дрянь ты стала, матушка; дрянь совсѣмъ, Федорушка.
Надо бы, красавица,
Намъ съ тобой поправиться.»

— Поправляюсь, родненькій, дѣйствую, невпорушка:
Отдаю юстицію
Подъ надзоръ въ полицію,
Обрываю армію,
Завожу жандармію!—

«На кого же, матушка, на кого-жъ, Федорушка,
Рать тебѣ татарская,
Силища жандармская?»

— На себя, родименькій, на себя, невпорушка,
Чтобы я приникнула,
Чтобы я не пикнула,
Чтобъ не ныла жалобой,
Чтобъ ура кричала бы!

— Не найти, родименькій, не сыскать невпорушка,
Въ небѣ ясна сокола;
Обнищала до гола,
Пропилась, прокралася,
Вся изворовалася!—

«Дѣло дрянь, сударыня; дѣло дрянь, Федорушка;
Что объ насъ повѣдаютъ,
Коль сосѣди свѣдаютъ?»

— Свѣдали, родименькій, свѣдали, невпорушка;
Плачутъ всѣ отъ радости,
Дѣлаютъ мнѣ гадости;
Плюютъ, да ругаются,
Вздуть меня сбираются.—

«Ты сама бы, матушка, ты-бъ сама, Федорушка,
Помянувъ родителей,
Въ морду бы хулителей!»

К. С. АКСАКОВЪ.

Свободное слово

Ты чудо изъ божьихъ чудесъ,
Ты мысли свѣтильникъ и пламя,
Ты лучъ намъ на землю съ небесъ,
Ты намъ человѣчества знамя.
Ты гонишь невѣжества ложь,
Ты вѣчною жизнію ново,
Ты къ свѣту, ты къ правдѣ ведешь,
Свободное слово!

Лишь духу власть духа дана,
Въ животной же силѣ нѣтъ прока:
Для истины—гибель она,
Спасенье для лжи и порока.
Враждуетъ ли съ ложью—равно
Живитъ его жизнію новой...
Неправдѣ опасно оно
Свободное слово!

Ограды властямъ никогда
Не зижди на рабствѣ народа!
Гдѣ рабство—тамъ бунтъ и бѣда,
Защита отъ бунта—свобода.
Рабъ въ бунтѣ опаснѣй звѣрей —
На ножъ онъ мѣняетъ оковы...
Оружье свободныхъ людей —
Свободное слово!

О, слово, даръ Бога святой!
Кто слово, даръ божескій, свяжетъ,
Тотъ путь человѣку иной—
Путь рабства преступный укажетъ
На козни, на вредную рѣчь;
Въ тебѣ-жъ и цѣленье готово;
О, духа единственный мечъ,
Свободное слово!

Отрывокъ изъ посланія къ N. N.

Не тамъ гдѣ громко, многолюдно,
Гдѣ блещетъ блескъ и шумъ шумитъ,
Гдѣ такъ великолѣпно-чудно,
Гдѣ все незыблемымъ глядитъ,
Гдѣ горделиво тяготѣетъ,
Полуторастолѣтній плѣнъ,
Не тамъ и не оттуда вѣетъ
Духъ новыхъ, будущихъ временъ!
То ночь горящая огнями,
При звукѣ непристойныхъ лиръ.
И солнца первыми лучами
Сей пышный постыдится пиръ,
Но тамъ, гдѣ тихо слышно слово,
Гдѣ нѣтъ ни коней, ни мечей,
Тамъ возрастаетъ сѣмя ново,
Залогъ иныхъ грядущихъ дней;
Но тамъ, гдѣ ветхая лачуга,
Гдѣ честный обитаетъ трудъ,
Гдѣ сталь косы, серпа и плуга,
Гдѣ пѣсни старыя поютъ,
Куда не вкралася измѣна
И не вошли ея дары;
Гдѣ только цѣпь чужого плѣна,
А не богатство и пиры.
Оттуда духъ грядущей жизни
Возникнетъ, полный силъ младыхъ,
Подастъ свободу вновь отчизны,
И разорветъ оковы ихъ.
Среди насмѣшки и сомнѣнья
Благое дѣло возстаетъ,
И поколѣнье поколѣнью
Свой славный трудъ передаетъ.
И чувство въ насъ проснулось снова,
И древній голосъ слышенъ вновь,
Произнеслось живое слово;
Измѣну побѣдитъ любовь.
Спадаетъ съ каждымъ часомъ болѣ
Съ очей густая пелена,
И богатырь выходитъ въ поле,
Отъ долгаго очнувшись сна.
И жизнь и трудъ и умъ народа
Стрясаютъ цѣпь и долгій плѣнъ
И улыбается свобода
Былыхъ, но памятныхъ временъ.
Быть можетъ, время не далече,
Когда, принявъ свой мощный видъ,
Какъ море заколеблясь, вѣче
Заговоритъ и зашумитъ.
И ты-ль предъ добрымъ начинаньемъ,
Боясь насмѣшки и труда,
Пребудешь чуждый ожиданьямъ,
Теряя юные года?
Не бойся полюбить сверхъ мѣры;
Ты молодъ, надо не робѣть,
Принять и трудъ, и силу вѣры
И въ добромъ дѣлѣ не слабѣть!
. . . .
. . . .

Я. П. ПОЛОНСКІЙ.

Голодъ.

Словно злое чудище,
Голодъ зарождается, —
Онъ въ дырявомъ рубищѣ
За гумномъ слоняется,
Въ огородахъ прячется,
Зимы дожидается,
На распутьи плачется.—

Буря ли проносится
Али дождикъ хлещется, —

Пахарю мерещится,
Голодъ въ избу просится,—
Поетъ волкомъ—скоблится,
Съ домовыми борется...

Какъ мятель поднимется
Голодъ съ мѣста двинется...
Нѣтъ его скуластѣе!
Нѣтъ его зубастѣе!
Сокрушитъ онъ вдовушку
Съ малыми ребятами,

Уведетъ коровушку,
Порѣшитъ съ телятами,
И продастъ онъ *пьгую*—
Съ хомутомъ, съ телѣгою,—
За ведро съ сивухою,
За кочанъ съ краюхою...

Съ алчною утробою,
Съ ненасытной злобою,
Съ вѣщими угрозами
Голодъ подъ морозами
Не боится холода,—
Добѣжитъ до города...

Кто его подслушаетъ,
Съ блюдца не докушаетъ
Ананаса въ сахарѣ,
И, быть можетъ, справится
Свѣтская красавица
О голодномъ пахарѣ.

Все, что нынче весело,
Носу не повѣсило,
Все, что живо, молодо,
Встаньте противъ голода!
Всѣ мы имъ обижены!!..—

Изъ послѣдней хижины
Выбейте костлявое
Чудище мозглявое,
Хриплое, увѣчное
И безчеловѣчное!

Голодъ—врагъ Создателя,—
Мудрецамъ—безчестіе...
Хуже непріятеля
Голода нашествіе.

Пѣсня гусляра.

(Отрывокъ изъ «Казиміра Великаго».)

«Ой, вы хлопы, ой, вы Божьи люди!
Не враги трубятъ въ побѣдный рогъ,
По пустымъ полямъ шагаетъ голодъ
И кого ни встрѣтитъ,—валитъ съ ногъ.

Продаетъ за пудъ муки корову,
Продаетъ послѣдняго конька....
Ой, не плачь, родная, по ребенкѣ!
Грудь твоя давно безъ молока.

Ой, не плачь ты, хлопецъ, по дѣвчинѣ!
По веснѣ авось помрешь и ты...
Уже растутъ, должно быть, къ урожаю
На кладбищахъ новые кресты...

«Ужъ на хлѣбъ, должно быть къ урожаю,—
Цѣны, что ни день, растутъ, растутъ...
Только паны потираютъ руки,—
Выгодно свой хлѣбецъ продаютъ...»

Въ альбомъ К. Ш...

Писатель,—если только онъ
Волна, а океанъ—Россія,
Не можетъ быть не возмущенъ,
Когда возмущена стихія.
Писатель, если только онъ
Есть нервъ великаго народа,
Не можетъ быть не пораженъ,
Когда поражена свобода.

Узникъ.

Меня тяжелый давитъ сводъ,
Большая цѣпь на мнѣ гремитъ.
Меня то вѣтромъ опахнетъ,
То все вокругъ меня горитъ!
И, головой припавъ къ стѣнѣ,
Я слышу, какъ больной во снѣ,
Когда онъ спитъ, раскрывъ глаза,—
Что на землѣ идетъ гроза.

Налетный вѣтеръ за окномъ,
Листы крапивы шевеля,
Густое облако съ дождемъ
Несетъ на сонныя поля.
И Божьи звѣзды не хотятъ
Въ мою темницу бросить взглядъ;
Одна, играя по стѣнѣ,
Сверкаетъ молнія въ окнѣ.

И мнѣ отраденъ этотъ лучъ,
Когда стремительнымъ огнемъ
Онъ вырывается изъ тучъ...
Я такъ и жду, что Божій громъ
Мои оковы разобьетъ,
Всѣ двери настежь распахнетъ,
И опрокинетъ сторожей
Тюрьмы безвыходной моей.

И я пойду, пойду опять,
Пойду бродить въ густыхъ лѣсахъ,

Степной дорогою блуждать,
Толкаться въ шумныхъ городахъ.
Пойду, среди живыхъ людей,
Вновь полный жизни и страстей,
Забыть позоръ моихъ цѣпей.

Бѣглый.

Ты куда, удалая ты башка!
Уходи ты къ лѣсу темному пока;
Не сегодня—завтра свяжутъ молодца.
Не ушелъ ли ты отъ матери, отца?
Не гулялъ ли ты за Волгою въ степи?
Не сидѣлъ ли ты въ острогѣ на цѣпи?

«Я сидѣлъ и въ острогѣ на цѣпи,
Я гулялъ и за Волгою въ степи,
Да наскучила мнѣ волюшка моя,
Воля буйная, чужая,—не своя.
Съ горя, братцы, изловить себя я далъ,
Изъ острога, братцы, съ радости бѣжалъ.

«Какъ въ острогѣ-то послышалося намъ,
Что про волю-то читаютъ по церквамъ,—
Ужъ откуда сила-силушка взялась,
Цѣпь желѣзная—и та, вишь, порвалась!
И задумалъ я на родину бѣжать;
Божья ночка обѣщалась покрывать.

«Я бѣжалъ,—ногъ не чуялъ подъ собой...
Очутился на сторонушкѣ родной;
Тутъ за рѣчкой моя матушка живетъ,
Не разбойничка, а сына въ гости ждетъ.
Я сначала постучуся у окна,—
Выходи, скажу, на улицу, жена!

«Ты не спрашивай, въ лицо мнѣ не гляди,
Отъ меня, жена, гостинчика не жди...
Много всякихъ я подарковъ тебѣ несъ,
Да вишь, какъ-то по дорогѣ все растресъ.
Я вина не пилъ,—съ воды былъ пьянъ,
Были деньги,—не зашилъ карманъ.

«Какъ намъ волю-то объявятъ господа,
Я съ воды хмеленъ не буду никогда;
Какъ мнѣ землю-то отмѣрятъ на міру,—
Я въ карманѣ-то зашью себѣ дыру.
Буду въ праздники царевъ указъ читать...
Кто же, братцы, меня можетъ забижать?!»

— Ты куда, удалая ты башка!
Уходи ты къ лѣсу темному пока...
Хоть родное-то гнѣздо недалеко,—
Ночь-то мѣсячна,—признать тебя легко.
Знать, тебѣ въ дому хозяиномъ не быть,—
По дорогамъ, значитъ, велѣно ловить...

Сумасшедшій.

Кто говоритъ, что я съума сошелъ?!
Напротивъ...—я гостямъ радёшенекъ... Садитесь!...
Какъ это вамъ не грѣхъ!? Неужели я золъ?
Не укушу,—чего боитесь!

Давило голову,—въ груди лежалъ свинецъ...
Глаза мои горятъ,—но я давно не плачу...—
Я все скрывалъ отъ васъ... Внимайте! Наконецъ
Я разрѣшилъ мою задачу!...

Да, господа! міръ обновленъ.—Вѣка
Къ благословенному придвинули насъ вѣку...
Вамъ скажетъ всякая приказная строка,
Что счастье нужно человѣку.—

Народы поднялись и обнажили мечъ,
Но образумились и обнялись какъ братья...
Гербы и знамена—все надо было сжечь,
Чтобъ только снять печать проклятья.

Настало царствіе небесное,—свѣтло.—
Просторно...—На землѣ нѣтъ ни одной столицы,—
Тирановъ также нѣтъ,—и все какъ сонъ прошло:
Рабы, оковы и темницы.—

Науки царствуютъ—видѣнья отошли,
Одни безумцы ими одержимы...
Чу! слышите,—поютъ со всѣхъ концовъ земли
Невидимые херувимы.

Ликуйте! Вѣчную привѣтствуйте весну!
Свободы райской гимнъ изъ сердца такъ и рвется!...
И я тянусь, тянусь, какъ лучъ, въ одну струну...—
Что́, если сердце оборвется?!...

Неизвѣстность.

Кто этотъ геній, что̀ заставитъ
Очнуться насъ отъ тяжкихъ сновъ,
Разъединенныхъ мысли сплавитъ
И силу новую поставитъ
На мѣсто старыхъ рычаговъ?
Кто упроститъ задачи сложность?
Кто къ совершенству дастъ возможность
Расчистить милліонъ дорогъ?
Кто этотъ дерзкій полу-богъ?
Кто нечестивецъ сей блаженный?
Кто геніальный сей глупецъ?
Пророкъ-фанатикъ вдохновенный,—
Или практическій мудрецъ?!...
Придетъ ли онъ, какъ утѣшитель
Иль какъ могучій, грозный мститель,
Чтобъ образумить племена?—
Любовь ли въ нужды наши вникнетъ,
Иль ненависть народамъ кликнетъ,—

Пойдетъ и сдвинетъ знамена?
Богъ вѣсть! напрасно умъ гадаетъ...
А тамъ, предтеча, можетъ быть,
Уже проселками шагаетъ.
Глубоко вѣритъ и не знаетъ,
Гдѣ ночевать, что ѣсть и пить.
Кто знаетъ, можетъ быть, случайно
Онъ и къ тебѣ ужъ заходилъ
Мечты мечтами замѣнилъ
И въ молодую душу тайно
Иныя думы заронилъ...

Орелъ и змѣя.

На горахъ подъ мятелями,
Гдѣ лишь ели однѣ вѣчно зелены,
Сѣлъ орелъ на скалу въ тѣнь подъ елями
И глядитъ:—изъ разсѣлины
Выползаетъ змѣя, извивается,
И на темномъ гранитѣ змѣиная
Чешуя серебромъ отливается.

У орла гордый взглядъ загорается,
Заиграло, знать, сердце орлиное!...
— «Высоко ты, змѣя, забираешься!»
Молвилъ онъ, «будешь плакать,—раскаешься!...»

Но змѣя ему кротко отвѣтила:
«Изъ-подъ камня горючаго
Я давно тебя въ небѣ замѣтила
И тебя полюбила, могучаго...
Не пугай меня злыми угрозами,
Нѣтъ!—бери меня въ когти желѣзные,
Познакомь меня съ темными грозами —
Иль умчи меня въ сферы надзвѣздныя.»

Засвѣтилися глазки змѣиные
Тихимъ пламенемъ, по змѣиному, —
Распахнулися крылья орлиныя, —
Онъ прижалъ ее къ сердцу орлиному...

Полетѣлъ съ ней въ пространство холодное...
Туча грозная съ нимъ повстрѣчалася...
Изгибаясь, змѣя подколодная
Подъ крыло его робко прижалася.

Съ бурей борются крылья орлиныя...
Близко молнія гдѣ-то ударила...
Онъ сквозь громъ слышитъ рѣчи змѣиныя...
Вдругъ, —
Змѣя его въ сердце ужалила.

И въ очахъ у орла помутилося,
Онъ отъ боли упалъ, какъ подстрѣленный,
А змѣя уползла и сокрылася
Въ глубинѣ, подъ гранитной разсѣлиной.

На кораблѣ.

Стихаетъ. Ночь темна. Свисти, чтобъ мы не спали!...
Еще вчерашняя гроза не унялась;
Тѣ жъ волны бурныя, что съ вечера плескали.
Не закачавъ, еще качаютъ насъ.
Въ безлунномъ мракѣ мы дорогу потеряли,
Разбитымъ фонаремъ не освѣщенъ компасъ.
Неси огня! звони, свисти, чтобъ мы не спали!—
Еще вчерашняя гроза не унялась...
Нашъ флагъ порывисто и безпокойно вѣетъ;
Нашъ капитанъ впотьмахъ стоитъ, раздумья полнъ...

Заря!... друзья, заря! Глядите, какъ яснѣетъ —
И капитанъ, и мы, и гребни черныхъ волнъ.
Кто боленъ, кто усталъ, кто бодръ еще, кто плачетъ,
Что бурей сломано, разбито, снесено —
Все ясно: Божій день, вставая, зла не прячетъ...
Но—не погибли мы!... и много спасено...
Мы мачты укрѣпимъ, мы паруса подтянемъ,
Мы нашимъ топотомъ встревожимъ праздныхъ лѣнь —
И дальше въ путь пойдемъ, и дружно пѣсню грянемъ:
Господь, благослови грядущій день!

Тяжелая минута.

Гдѣ вы, источники вѣчной любви —
Жажда всѣхъ видѣть счастливыми —
Кладъ дорогой, скрытый въ нервахъ, въ крови,
Въ пламенномъ сердцѣ съ порывами?
Гдѣ та великая вѣра въ людей —
Въ славу всего человѣчества?
Или хоть въ смѣлую правду друзей,
Шедшихъ страдать за отечество?...
Гдѣ та заря, что вставала?—скажи:
Гдѣ та душа, что проснулася?...
Или земля—это скопище лжи —
Въ грозныя тучи замкнулася?
Или опять племенная вражда
Въ каждый народъ протѣснилася,
И, какъ осенняя, съ грязью, вода
Въ сердце мое проточилася...
Или въ умы замѣшался хаосъ —
Или опять первобытная
Дичь разростается—крови и слезъ
Требуетъ власть ненасытная!?
Если погаснетъ священный огонь. —
Что впереди?—Тьма бездонная...
Милая! въ эту минуту не тронь
Сердце мое омраченное...

Можетъ быть, эта минута пройдетъ.
Можетъ быть, завтра-жъ попутная
Звѣздочка лучъ свой уронитъ,—сойдетъ
Въ душу хоть радость минутная.
Радъ буду встрѣтить я гостью мечту,
И принести ей раскаянье
За ненавистную мнѣ слѣпоту
И за минуту отчаянья.

* * *

Царство науки не знаетъ предѣла,
Всюду слѣды ея вѣчныхъ побѣдъ —
Разума слово и дѣло,
Сила и свѣтъ.

Гордая Муза! не бойся коварства!
Крикни толпѣ: отзовись хоть одинъ!
Этого свѣтлаго царства
Кто гражданинъ?

Въ темной толпѣ мы немного услышимъ
Братски отзывныхъ, живыхъ голосовъ:
Много-ли-жъ дѣлъ мы запишемъ, —
Много-ли словъ?

Словъ, разрѣшающихъ наше сомнѣнье,
Въ чемъ наша сила и гдѣ нашъ покой,
Вѣщихъ и полныхъ значенья
Правды святой.

Міру, какъ новое солнце, сіяетъ
Свѣточъ науки, и только при немъ,
Муза чело украшаетъ
Свѣжимъ вѣнкомъ.

Молитва.

Отче нашъ! сына моленью внемли!
Всепроникающую
Всесозидающую,
Братскую дай намъ любовь на земли!

Сыне, распятый во имя любви!
Ожесточаемое,
Оскудѣваемое
Сердце ты въ насъ освѣжи, обнови!

Духъ святый! правды источникъ живой!
Силы дай страждущему!
Разуму жаждущему
Ты вожделѣнныя тайны открой!

Боже! спаси ты отъ всякихъ цѣпей
Душу проснувшуюся
И ужаснувшуюся
Мрака и зла, и неправды людей!

Вставшихъ на гласъ твой услыши мольбу,
И цѣпенѣющую,
Въ лѣни коснѣющую
Жизнь разбуди на святую борьбу!

* * *

Что мнѣ она!—не жена, не любовница,
И не родная мнѣ дочь!
Такъ отчего-жъ ея доля проклятая
Спать не даетъ мнѣ всю ночь!?

Спать не даетъ, оттого, что мнѣ грезится
Молодость въ душной тюрьмѣ:
Вижу я своды... окно за рѣшеткою...
Койку въ сырой полутьмѣ...

Съ койки глядятъ лихорадочно-знойныя
Очи безъ мысли и слезъ,
Съ койки висятъ чуть не до-полу темныя
Космы тяжелыхъ волосъ...

Не шевелятся ни губы, ни блѣдныя
Руки на блѣдной груди,
Слабо прижатыя къ сердцу безъ трепета
И безъ надеждъ впереди...

Что мнѣ она!—не жена, не любовница
И не родная мнѣ дочь!
Такъ отчего-жъ ея образъ страдальческій
Спать не даетъ мнѣ всю ночь!?...

А. Н. МАЙКОВЪ.

Palazzo.

Войдемте: вотъ чертогъ съ богатыми столбами,
Земнымъ полубогамъ сооруженный храмъ.
Прохлада царствуетъ межъ этими стѣнами,
Лѣниво бьетъ фонтанъ по мраморнымъ плитамъ;
Террасы убраны роскошными цвѣтами,
И древніе гербы блистаютъ по стѣнамъ —
Эмблемы доблести фамилій, гордыхъ властью:
Кабаньи головы да львы съ открытой пастью.

Здѣсь все еще хранитъ слѣды временъ былыхъ;
Вездѣ минувшаго остатки вѣковые.
Вотъ груды пышныя доспѣховъ боевыхъ

И исполинскій мечъ, и латы пудовыя,
И Палестины вѣтвь, и кость мощей святыхъ;
Тамъ пытокъ варварскихъ орудья роковыя,
Колеса и зубцы; вкругъ дивныхъ даръ руинъ,
Антики желтые и длинный рядъ картинъ:

То предки гордые фамиліи высокой.
Тамъ старцы: латы ихъ изрублены въ бояхъ,
И страшенъ яркій взглядъ, съ улыбкою жестокой...
Тамъ красный кардиналъ, въ маститыхъ сѣдинахъ,
Колѣнопреклоненъ, съ молитвою глубокой,
Передъ Мадонною, съ младенцемъ на рукахъ;
Тамъ юноша, средь музъ, любимый Аполлономъ,
Вѣнчанный миртами лукавымъ Купидономъ.

Тамъ жены: та—бѣла, какъ мраморъ гробовой,
Въ потускшемъ взглядѣ скорбь и ужасъ затаенный...
То жизнь, убитая боязнью и тоской,
То жалоба души, судьбою обреченной
Служить для деспота свирѣпаго рабой
И сластолюбія забавою презрѣнной.
Какъ будто говоритъ она: «здѣсь дни губя,
Жила и умерла я въ мукахъ, не любя...»

Та—жизни полная, и въ блескѣ самовластья—
Сомкнутыя уста, нахмуренная бровь...
Обыкновенныхъ женъ ей мало было счастья
И гордая душа прорвалась изъ оковъ;
Служили ей кинжалъ, и ядъ, и сладострастье
На шумныхъ оргіяхъ, и мщенье, и любовь—
И взоръ ея горитъ насмѣшкой изступленной,
Всей гордостью души глубоко оскорбленной...

. . . .

И нынѣ пусто все въ блестящей галлереѣ...
На этихъ мраморахъ, густая пыль лежитъ;
Оборванный лакей, въ истасканной ливреѣ,
На креслахъ бархатныхъ раскинувшись, храпитъ;
И въ залахъ, какъ среди развалинъ Колизея,
Семейство Англичанъ кочуетъ и шумитъ...
А вы—вы кинули отцовъ чертогъ печальный,
Наслѣдники ихъ правъ и чести феодальной?

Благословенье вамъ! не злато, не гербы
Вамъ стали божествомъ, а разумъ и природа,
И громко отреклись вы отъ даровъ судьбы—
Отъ правъ, украденныхъ отцами у народа,
И вняли вы призывъ торжественной борьбы,
И движетъ вами кликъ: «Италіи свобода!»
И гордо шелеститъ, за честь страны родной,
Болонская хоругвь надъ вашей головой!

Благословенье вамъ! Италіи спасенной
Въ васъ избавителей увидѣть суждено!...
Но тише... Здѣсь живутъ: раскинутъ столъ зеленый,
Вчера здѣсь пиръ былъ: все исписано сукно;
Тамъ дребезги стекла... Бокалъ неосушенный...
И солнце облило лучами, сквозь окно,
Перчатки женскія и бюстъ Сократа важный,
Накрытый шляпкою красавицы продажной.

Плѣнникъ.

Сторожатъ меня Албанцы;
 Я въ цѣпяхъ, но у окна
Зацвѣтаютъ померанцы:
 Добрый знакъ—близка весна!

Дайте ей лишь укрѣпиться,
 Обрости густымъ вѣтвямъ,
И тропинкамъ позакрыться
 Темной листвой по горамъ—

Не сдержать меня желѣзу!
 Изъ темницы я уйду,
Черезъ стѣну перелѣзу,
 И въ кустарникъ пропаду.

Пусть Албанцы тутъ стрѣляютъ!
 Посреди турецкихъ селъ
Скоро матери узнаютъ,
 Завопятъ, что Димъ ушелъ!

Нива.

По нивѣ прохожу я узкою межой,
Поросшей кашкою и цѣпкой лебедой;
Куда ни оглянусь—повсюду рожь густая!
Иду,—съ трудомъ ее руками разбирая.
Мелькаютъ и жужжатъ колосья предо мной,
И колютъ мнѣ лицо... Иду я, наклоняясь,
Какъ будто бы отъ пчелъ тревожныхъ отбиваясь,
Когда, перескочивъ чрезъ ивовый плетень,
Средь яблонь въ пчельникѣ проходишь въ ясный день.

О, Божья благодать!... о, какъ прилечь отрадно
Въ тѣни высокой ржи, гдѣ сыро и прохладно!
Заботы полные, колосья надо мной
Бесѣду важную ведутъ между собой.
Имъ внемля, вижу я—на всемъ полей просторѣ
И жницы, и жнецы, ныряя точно въ морѣ,
Ужъ вяжутъ весело тяжелые снопы;
Вонъ—на зарѣ стучатъ проворные цѣпы:
Въ амбарахъ воздухъ полнъ и розана, и меда;
Вездѣ скрипятъ возы; средь шумнаго народа
На пристаняхъ кули валятся; вдоль рѣки,
Гуськомъ, какъ журавли, проходятъ бурлаки,
Нагнувши головы, плечами напирая,
И длинной бечевой по влагѣ ударяя...

О, Боже! Ты даешь для родины моей
Тепло и урожай, дары святого неба.—

Но, хлѣбомъ золотя просторъ ея полей,
Ей также. Господи, духовнаго дай хлѣба!
Уже надъ нивою, гдѣ мысли сѣмена
Тобой насажены, повѣяла весна,
И непогодами несгубленныя зерна
Пустили свѣжіе ростки свои проворно —
О, дай намъ солнышка! пошли ты ведра намъ,
Чтобъ вызрѣлъ ихъ побѣгъ по тучнымъ бороздамъ!
Чтобъ намъ, хоть опершись на внуковъ, стариками
Прійти на тучныя ихъ нивы подышать,
И позабывъ, что мы ихъ полили слезами,
Промолвить: «Господи! какая благодать!»

Картинка.

(Послѣ манифеста 19-го февраля 1861 года).

Посмотри: въ избѣ, мерцая,
Свѣтитъ огонекъ,
Возлѣ дѣвочки малютки
Собрался кружокъ;

И съ трудомъ, отъ слова къ слову
Пальчикомъ водя,
По печатному читаетъ
Мужичкамъ дитя.

Мужички въ глубокой думѣ
Слушаютъ, молчатъ;
Развѣ крикнетъ кто, чтобъ бабы
Уняли ребятъ.

Бабы суютъ дѣтямъ соску,
Чтобы ротъ заткнуть,
Чтобъ самимъ хоть краемъ уха
Слышать что-нибудь.

Даже, съ печи не слѣзавшій
Много-много лѣтъ,
Свѣсилъ голову и смотритъ,
Хоть не слышитъ, дѣдъ.

Что-жъ такъ слушаютъ малютку —
Аль ужъ такъ умна?...
Нѣтъ! одна въ семьѣ умѣетъ
Грамотѣ она.

И пришлося ей, младенцу,
Старикамъ прочесть
Про желанную свободу
Дорогую вѣсть.

Самой вѣсти смыслъ покамѣстъ
Теменъ имъ и ей:
Но всѣ чуютъ надъ собою
Зорю новыхъ дней...

Вспыхнетъ, братья, эта зорька:
Тьма идетъ къ концу!
Ваши дѣтки ужъ увидятъ
Свѣтъ лицомъ къ лицу

Тьма пускай еще ярится!
День взойдетъ могучъ!
Вѣщимъ окомъ я ужъ вижу
Первый свѣтлый лучъ.

Онъ горитъ ужъ на головкѣ,
Онъ горитъ въ очахъ
Этой умницы-малютки
Съ книжкою въ рукахъ!

Воля, братья,—это только
Первая ступень
Въ царство мысли, гдѣ сіяетъ
Вѣковѣчный день.

Поля.

Въ телѣгѣ ѣду по холмамъ;
Порой для взора нѣтъ границъ...
И все поля по сторонамъ,
И надъ полями стаи птицъ...

Я ѣду день, я ѣду два,—
И все поля кругомъ, поля!
Мелькнетъ жилье, мелькнетъ едва,
А тамъ поля, опять поля...

Порой ручей, порой оврагъ,
А тамъ поля, опять поля!
И въ золотыхъ опять волнахъ
Съ холма на холмъ взлетаю я...

Но гдѣ же люди? Ни души
Среди безмолвныхъ деревень...
Не вѣрится такой глуши!
Хотя бы встрѣча въ цѣлый день!

Лишь утромъ сѣрый четверикъ
Передо мною пролетѣлъ...
Въ пыли лишь красный воротникъ
Да черный усъ я разглядѣлъ...

Вотъ, наконецъ, бредетъ старикъ...
Остановился, шляпу снялъ,
Бормочетъ что-то... «Стой, ямщикъ!
Эй, дядя! съ чѣмъ Господь послалъ?»

— «Осмѣлюсь, баринъ, попросить —
Не подвезете-ль старика?»
— «Садись! Зачѣмъ не услужить!
Услуга-жъ такъ не велика!»

«Садись!»—«Я здѣсь, на облучекъ...»
— «Да мѣсто есть: садись рядкомъ!»
Но тутъ ужъ взять никто-бъ не могъ:
Старикъ уперся на своемъ;

Твердилъ, что въ людяхъ онъ пожилъ,
И къ обращенію привыкъ,
И знаетъ свѣтъ; иначе-бъ былъ
«Необразованный мужикъ!»

У старика былъ хмурый видъ,
Цвѣтистовычурная рѣчь;
Одѣтъ былъ бѣдно. но обритъ.
И бакенбардъ висѣлъ до плечъ.

— «Я былъ дворовый человѣкъ»—
Онъ говорилъ—«у князя Б.!
Да вотъ, пришлось кончать свой вѣкъ
На волѣ! самъ ужъ по себѣ!»

— «И слава Богу!»—«Какъ кому!
И какъ кто разумѣетъ свѣтъ!
И по понятью моему,
Отъ всей ихъ воли—толку нѣтъ!

«Еще я нонѣшнихъ князей,
Выходитъ, дѣдушкѣ служилъ...
Князь различать умѣлъ людей:
Я въ домѣ, можетъ, первый былъ!

«Да вотъ, настали времена!
Теперь иди, хоть волкомъ вой!
Стара собака, не годна,
Ѣстъ даромъ хлѣбъ,—такъ съ глазъ долой!

«Еще скажу: добры князья!
— Съ тебя оброку не хотимъ;
А хочешь землю, молъ,—такъ я:
— Покорно васъ благодаримъ!—

«Жаль ихъ самихъ!»—И тутъ старикъ
Повелъ разсказъ, какъ врозь идетъ
Весь княжій дворъ: шалитъ мужикъ,
Заброшенъ сахарный заводъ,

Слѣда ужъ нѣтъ оранжерей,
Охота, птичникъ и пруды,
И всѣ забавы для гостей,
И карусели, и сады—

Все въ запущеньи, все гніетъ...
Усадьба—прежде городокъ
Была! Вездѣ присмотръ, народъ!
И пей, и ѣшь! Все было впрокъ!

«Да, вспомянешь про старину!»
Онъ заключилъ, «былъ складъ да ладъ!
Э, ну ихъ съ волей! право, ну!
Да что она? одинъ развратъ!

«Одинъ развратъ!» онъ повторялъ...
Отжившій міръ въ его лицѣ,
Казалось, силы напрягалъ.
Какъ пламя, вспыхнуть при концѣ...

«Вотъ парень вамъ изъ молодыхъ»,
Сказалъ онъ, кинувъ грозный взглядъ
На ямщика: «спросите ихъ,
Куда глядятъ? чего хотятъ?»

Тотъ поглядѣлъ ему въ лицо,
Но за отвѣтомъ сталъ втупикъ:
Никакъ желанное словцо
Не попадало на языкъ...

«Чего?...» онъ началъ-было вслухъ...
Да вдругъ какъ кудрями встряхнетъ,
Да вдругъ какъ свиснетъ во весь духъ,—
И тройка ринулась впередъ!

Впередъ—въ пространство безъ конца!
Впередъ—не внемля ничему!
То былъ отвѣтъ-ли молодца,
И кони-ль вторили ему,—

Но мы неслись, какъ отъ волковъ,
Какъ изъ-подъ тучи грозовой,
Какъ бы мучителей-бѣсовъ
Погоню слыша за собой...

Неслись... а вкругъ по сторонамъ
Поля мелькали, и не разъ
Овечье стадо здѣсь и тамъ
Кидалось въ сторону отъ насъ...

Неслись... «Куда-жъ те дьяволъ мчитъ!»
Вдругъ сорвалось у старика.
А тотъ летитъ, лишь вдаль глядитъ,
А даль-то, даль—какъ широка!...

Эоловы арфы.

Засуха!.. Воздухъ спитъ... и небеса молчатъ...
И арфъ эоловыхъ безмолвенъ грустный рядъ...
Тѣ арфы—это вы, пѣвцы моей отчизны!
То образъ вашихъ душъ, исполненный тоской,
Мечтой заоблачной и грустной укоризной!...
Молчатъ онѣ, молчатъ какъ арфы, въ этотъ зной!...
Но, еслибъ мимо ихъ промчался вихремъ геній,
И жизни духъ пахнулъ въ родимой сторонѣ—
На встрѣчу новыхъ силъ и новыхъ откровеній
Какими-бъ звуками откликнулись онѣ!...

Л. А. МЕЙ.

Запѣвка.

Охъ, пора тебѣ на волю, пѣсня русская,
Благовѣстная, побѣдная, раздольная,
Погородная, посельная, попольная,
Непогодою-невзгодою повитая,
Во крови, въ слезахъ крещеная-омытая!
Охъ, пора тебѣ на волю, пѣсня русская!
Не сама собою ты спѣлася-сложилася,
Съ пустырей тебя намыло снѣгомъ, дождикомъ,
Нанесло тебя съ пожарищъ дымомъ-копотью,
Намело тебя съ сырыхъ могилъ метелицей!

Пѣсня.

Какъ у всѣхъ-то людей свѣтлый праздничекъ,
День великій—поминъ по родителямъ,
Только я, сиротинка безродная,
На погостѣ поминокъ не правила.
Я у мужа вечоръ отпросилася:
— «Отпусти, осударь,—похристосуюсь
На могилѣ со свекоромъ батюшкой.»
Идучи, я съ дороженьки сбилася,
Во темномъ во лѣсу заплуталася,
У оврага въ лѣсу опознался.
Въ томъ оврагѣ могила безкрестная:
Всю размыло ее ливнемъ дождикомъ,
Размело-разнесло непогодушкой...
Подошла я къ могилѣ, шатнулася,
Бѣлой грудью о землю ударилась:
— «Ты скажи мнѣ, сырая могилушка,
Таково-ли легко было молодцу
Загубить свою душеньку грѣшную,
Таково-то легко было дѣвицѣ
Подъ невольный вѣнецъ снаряжатися?»

И. С. АКСАКОВЪ.

Добро-бъ мечты!

Добро-бъ мечты, добро-бы страсти,
Съ мятежной прелестью своей,
Держали насъ въ могучей власти,
Сбивали насъ съ прямыхъ путей!
Нѣтъ! счастьемъ мелкаго объема
Довольны мы, безъ бурь и грома,
И мирно путь проходимъ свой,
И, тратя жизнь разумной мѣрой,
Съ туманнымъ днемъ, съ погодой сѣрой
Въ согласный ладъ живемъ душой.

Но эта жизнь—ни сонъ, ни бдѣнье,
Богъ знаетъ что. Подъ часъ, друзья,
Какое горькое презрѣнье
Къ себѣ и къ вамъ питаю я!
Намъ все дано! Мы грубой ложью
Затмить не въ силахъ правду Божью, —
Такъ ярокъ свѣтъ ея вдали!
Ее мы чтимъ, о ней мы тужимъ...
Но гдѣ же храмъ, въ которомъ служимъ?
Какія жертвы принесли?

А впрочемъ мы, дворянской лѣнью
Врачуя совѣсти недугъ,
Святому истины служенью
Свой барскій жертвуемъ досугъ!
Мы любимъ къ пышному обѣду
Прибавить мудрую бесѣду,
Иль въ поздней ужина порѣ,
Въ роскошно убранной палатѣ
Потолковать о бѣдномъ братѣ,
Погорячиться о добрѣ!

Что-жъ толку въ томъ? Проходятъ лѣта,
Любовь попрежнему мертва!
О, слово старое поэта:
«Словà, словà, одни словà!»
Не то, чтобъ лгали мы безстыдно,
Но спимъ, но дремлемъ мы обидно;
Но постепенно силы въ насъ,
Пугаясь подвиговъ суровыхъ,
Средь мелкихъ благъ, средь благъ дешевыхъ,
Счастливо гаснутъ каждый часъ!

Не все-же сонъ! Худыхъ желаній
Соблазнъ послышавъ иногда,
Обману ловкихъ оправданій
Мы поддаемся безъ труда.
Мудрецъ умомъ, хитрецъ душою,
Какъ примирился ты съ собою?
Какъ столько выгодъ согласилъ
Ты съ духомъ мудрости змѣиной,

Какой «златою серединой»
Ты путь опасный проходилъ?...

Нѣтъ! темныхъ сдѣлокъ, Боже правый,
Съ неправдой намъ не допусти,
Покрой стыдомъ совѣтъ лукавый,
Блаженство сонныхъ возмути!
Да пробудясь въ восторгѣ смѣломъ
Съ отвагой пылкою любви,
Мы жизнью всей, мы самымъ дѣломъ
Почтимъ велѣнія Твои!

На новый 1858 годъ.

День встаетъ, багрянъ и пышенъ,
Долгой ночи скрылась тѣнь,
Новой жизни трепетъ слышенъ,
Чѣмъ-то вѣщимъ смотритъ день!
Съ сонныхъ вѣждъ стряхнувъ дремоту,
Бодрой свѣжести полна,
Вышла съ Богомъ на работу
Пробужденная страна.

Такъ торжественно прекрасно
Блещетъ утро на землѣ;
На душѣ свѣтло и ясно,
И не помнится о злѣ,
Объ истекшихъ дняхъ страданья,
О потратѣ многихъ силъ
Въ скорбныхъ мукахъ ожиданья,
Въ безвременности могилъ!

Пусть почіютъ мирно гробы
Тщетно ждавшихъ столько лѣтъ!
Память имъ! Но въ сердцѣ злобы,
Ни вражды, ни мести нѣтъ.
Все проститъ онъ безъ разсчета,
Устоявшій въ дни тревогъ, —
Онъ, чей духъ годину гнета
Пережилъ и перемогъ.

Слышишь,—новому онъ лѣту
Пѣсню радости поетъ:
Благо всѣмъ, ведущимъ къ свѣту,
Братьямъ, съ братьевъ снявшихъ гнетъ,
Людямъ миръ, благословенье,
Долгихъ мукъ исчезнетъ слѣдъ,
Дню вчерашнему забвенье,
Дню грядущему привѣтъ!

* * *

Зачѣмъ душа твоя смирна?
Чѣмъ въ этомъ мірѣ ты утѣшен
Твой праздный день предъ Богомъ грѣшенъ,
Душа призванью не вѣрна!

Вокругъ тебя кипятъ задачи,
Вокругъ тебя мольбы и плачи,
И торжествующее зло,
А ты... Ужель, хотя однажды,
Ты боевой не свѣдалъ жажды,
Тебя въ борьбу не увлекло?

Ты возлюбилъ свое бездѣлье
И сна душевнаго недугъ.
Въ пустыхъ рѣчахъ, въ тупомъ весельи
Чредою гибнетъ твой досугъ.
На царство лжи глядя незлобно,
Ты примиряешься удобно
Съ неправдой быта своего,
Съ уродствомъ всѣхъ его увѣчій,
Не разъяснивъ противорѣчій,
Не разрѣшая ничего!

Предъ Богомъ лѣнью не грѣши!
Стряхни ярмо благоразумья!
Люби ревниво, до безумья,
Всѣмъ пыломъ дерзостнымъ души!
Освободясь, въ стремленьи новомъ,
Отъ плѣна ложнаго стыда,
Позорь, греми укорнымъ словомъ,
Подъемля насъ всевластнымъ зовомъ
На тяжесть общаго труда!

Безумцемъ слыть тебѣ у всѣхъ!
Но для святыни убѣжденья
Полезнѣй казни и гоненья,
Чѣмъ славы суетной успѣхъ.
О, въ этой душной нашей ночи,
Кому изъ насъ безстрашной мочи
Достанетъ правду возлюбить?
Кто озаритъ насъ правды свѣтомъ?
Однимъ безумцамъ въ мірѣ этомъ
Дано лучей ея добыть!...

* * *

Пусть сгибнетъ все, къ чему сурово
Такъ долго духъ готовленъ былъ:
Трудилась мысль, дерзало слово,
Въ запасѣ много было силъ...
Слабѣйте, силы! вы не нужны!
Засни ты, духъ! давно пора!
Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны
Во имя правды и добра!

Безплодны всѣ труды и бдѣнья,
Безплоденъ слова даръ живой,
Безсиленъ подвигъ обличенья,
Безуменъ всякій честный бой!
Безумна честная отвага
Правдивой юности,—и съ ней

Безумны всѣ желанья блага,
Святыя бредни юныхъ дней!

Такъ сокрушись, души гордыня!
Въ борьбѣ неравной ты падешь:
Сплошного зла стоитъ твердыня,
Царитъ безсмысленная ложь!
Она страшнѣй враговъ опасныхъ, —
Сильна не внѣшнею бѣдой,
Но тратой дней и силъ прекрасныхъ —
Въ борьбѣ пустой, тупой, нѣмой!...

Ликуй же, ложь, и насъ, безумцевъ,
Урокомъ горькимъ испытуй,
Гони со свѣта вольнодумцевъ,
Казни, цари и торжествуй!...
Слабѣйте жъ, силы! вы не нужны!
Засни ты, духъ! давно пора!
Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны
Во имя правды и добра!

Послѣднее стихотвореніе изъ прежнихъ.

Къ тишинѣ, къ примиренью, къ покою
Мнѣ пора-бы склониться давно.
Порѣшить я намѣренъ съ тоскою!...
Но могу-ли? удастся-ль оно?

Отвращусь-ли отъ грустной юдоли,
Убаюкаю-ль скорбные сны —
Сердцу страшно не чувствовать боли,
Самъ своей я боюсь тишины!

Все какъ будто обманъ и забвенье
Притаились подъ мудрости сѣнь:
Мыслимъ—въ душу сошло примиренье,
А въ душѣ лишь усталость да лѣнь!

Все какъ будто готовлю измѣну
Я великому множеству ихъ —
Обреченныхъ работѣ и плѣну
Бѣдныхъ, страждущихъ братьевъ моихъ.

Насъ роднятъ лишь печали да горе,
Только тамъ я не чуждый имъ братъ,
Только въ скорбномъ сливаяся хорѣ,
Наши пѣсни согласно звучатъ!...

И сдается—надъ всей безконечной
Жизнью міра проносится стонъ,
Стонъ тоски міровой, вѣковѣчной,
Порожденный въ пучинѣ временъ, —

Въ тѣ творенія дни молодые,
Какъ, собравшись на жизненный пиръ,
Человѣческимъ воплемъ впервые
Огласился ликующій міръ...

Съ той поры и понынѣ, ты съ нами
Неразлучно проходишь вѣка.
О, всесильная, ветхая днями,
О, владычица міра—тоска!

Н. А. НЕКРАСОВЪ.

Несжатая полоса.

Поздняя осень. Грачи улетѣли,
Лѣсъ обнажился, поля опустѣли,

Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводитъ она.

Кажется, шепчутъ колосья другъ другу:
«Скучно намъ слушать осеннюю вьюгу,

Скучно склоняться до самой земли,
Тучныя зерна купая въ пыли!

Насъ, что ни ночь, разоряютъ станицы
Всякой пролетной прожорливой птицы,

Заяцъ насъ топчетъ, и буря насъ бьетъ...
Гдѣ же нашъ пахарь? чего еще ждетъ?

Или мы хуже другихъ уродились?
Или не дружно цвѣли-колосились?

Нѣтъ! мы не хуже другихъ—и давно
Въ насъ налилось и созрѣло зерно.

Не для того же пахалъ онъ и сѣялъ,
Чтобы насъ вѣтеръ осенній развѣялъ?...»

Вѣтеръ несетъ имъ печальный отвѣтъ:
— Вашему пахарю моченьки нѣтъ.

Зналъ, для чего и пахалъ онъ и сѣялъ,
Да не по силамъ работу затѣялъ.

Плохо бѣднягѣ—не ѣстъ и не пьетъ,
Червь ему сердце больное сосетъ,

Руки, что вывели борозды эти,
Высохли въ щепку, повисли, какъ плети,

Очи потускли и голосъ пропалъ,
Чтó заунывную пѣсню пѣвалъ,

Какъ, на соху налегая рукою,
Пахарь задумчиво шелъ полосою.

Плачъ дѣтей.

Равнодушно слушая проклятья
Въ битвѣ съ жизнью гибнущихъ людей —
Изъ-за нихъ вы слышите ли, братья,
Тихій плачъ и жалобы дѣтей?

«Въ золотую пору малолѣтства
Все живое—счастливо живетъ,
Не трудясь, съ ликующаго дѣтства
Дань забавъ и радости беретъ.
Только намъ гулять не довелося
По полямъ, по нивамъ золотымъ:
Цѣлый день на фабрикахъ колеса
Мы вертимъ—вертимъ—вертимъ!

«Колесо чугунное вертится,
И гудитъ, и вѣтромъ обдаетъ,
Голова пылаетъ и кружится,
Сердце бьется, все кругомъ идетъ:
Красный носъ безжалостной старухи,
Что за нами смотритъ сквозь очки,
По стѣнамъ гуляющія мухи,
Стѣны, окна, двери, потолки, —
Все и всѣ! Впадая въ изступленье,
Начинаемъ громко мы кричать:
— Погоди, ужасное круженье!
Дай намъ память слабую собрать!
Безполезно плакать и молиться,
Колесо не слышитъ, не щадитъ:
Хоть умри,—проклятое вертится,
Хоть умри—гудитъ—гудитъ—гудитъ!

«Гдѣ ужъ намъ, измученнымъ въ неволѣ,
Ликовать, рѣзвиться и скакать!
Еслибъ насъ теперь пустили въ поле,
Мы въ траву попадали бы—спать.
Намъ домой скорѣй бы воротиться...
Но зачѣмъ идемъ мы и туда?...
Сладко намъ и дома не забыться:
Встрѣтитъ насъ забота и нужда
Тамъ, припавъ усталой головою
Къ груди блѣдной матери своей,
Зарыдавъ надъ ней и надъ собою,
Разорвемъ на части сердце ей...»

Страда.

Въ полномъ разгарѣ страда деревенская...
Доля ты!—русская долюшка женская!
Врядъ-ли труднѣе сыскать.

Не мудрено, что ты вянешь до времени,
Всевыносящаго русскаго племени
Многострадальная мать!

Зной нестерпимый: равнина безлѣсная,
Нивы, покосы да ширь поднебесная—
Солнце нещадно палитъ.

Бѣдная баба изъ силъ выбивается,
Столбъ насѣкомыхъ надъ ней колыхается,
Жалитъ, щекочетъ, жужжитъ!

Приподнимая косулю тяжелую,
Баба порѣзала ноженьку голую —
Некогда кровь унимать!

Слышится крикъ у сосѣдней полосыньки,
Баба туда—растрепалися косыньки —
Надо ребенка качать!

Что же ты стала надъ нимъ въ отупѣніи?
Пой ему пѣсню о вѣчномъ терпѣніи,
Пой, терпѣливая мать!...

Слезы ли, потъ ли у ней надъ рѣсницею,—
Право, сказать мудрено.
Въ жбанъ этотъ, заткнутый грязной тряпицею,
Канутъ они—все равно!

Вотъ она губы свои опаленныя
Жадно подноситъ къ краямъ...
Вкусны-ли, милая, слезы соленыя
Съ кислымъ кваскомъ пополамъ?...

Размышленія у парадиаго подъѣзда.

Вотъ парадный подъѣздъ. По торжественнымъ днямъ,
Одержимый холопскимъ недугомъ,
Цѣлый городъ съ какимъ-то испугомъ
Подъѣзжаетъ къ завѣтнымъ дверямъ:
Записавъ свое имя и званье,
Разъѣзжаются гости домой,
Такъ глубоко довольны собой,
Что подумаешь—въ томъ ихъ призванье!
А въ обычные дни этотъ пышный подъѣздъ
Осаждаютъ убогія лица:
Прожектеры, искатели мѣстъ,
И преклонный старикъ, и вдовица.
Отъ него и къ нему то-и-знай по утрамъ
Все курьеры съ бумагами скачутъ.
Возвращаясь, иной напѣваетъ «трамъ-трамъ»,
А иные просители плачутъ.
Разъ я видѣлъ, сюда мужики подошли,
Деревенскіе, русскіе люди,
Помолились на церковь и стали вдали,
Свѣсивъ русыя головы къ груди.
Показался швейцаръ.—«Допусти», говорятъ
Съ выраженьемъ надежды и муки.
Онъ гостей оглядѣлъ: некрасивы на взглядъ!
Загорѣлыя лица и руки,

Армячишка худой на плечахъ,
По котомкѣ на спинахъ согнутыхъ,
Крестъ на шеѣ и кровь на ногахъ,
Въ самодѣльные лапти обутыхъ
(Знать, брели-то долгонько они
Изъ какихъ-нибудь дальнихъ губерній).
Кто-то крикнулъ швейцару: «гони!
Нашъ не любитъ оборванной черни!»
И захлопнулась дверь. Постоявъ,
Развязали кошли пилигримы,
Но швейцаръ не пустилъ, скудной лепты не взявъ,
И пошли они, солнцемъ палимы,
Повторяя: суди его Богъ!
Разводя безнадежно руками,
И, покуда я видѣть ихъ могъ,
Съ непокрытыми шли головами...

А владѣлецъ роскошныхъ палатъ
Еще сномъ былъ глубокимъ объятъ...
Ты, считающій жизнью завидною
Упоеніе лестью безстыдною,
Волокитство, обжорство, игру, —
Пробудись! Есть еще наслажденіе:
Вороти ихъ! въ тебѣ ихъ спасеніе!
Но счастливые глухи къ добру...

Не страшатъ тебя громы небесные,
А земные ты держишь въ рукахъ,
И несутъ эти люди безвѣстные
Неисходное горе въ сердцахъ.

Чтó тебѣ эта скорбь вопіющая?
Чтó тебѣ этотъ бѣдный народъ?
Вѣчнымъ праздникомъ быстро бѣгущая
Жизнь очнуться тебѣ не дастъ.
И къ чему? Щелкоперовъ забавою
Ты народное благо зовешь;
Безъ него проживешь ты со славою,
И со славой умрешь!

Безмятежнѣй аркадской идилліи
Закатятся преклонные дни:
Подъ плѣнительнымъ небомъ Сициліи,
Въ благовонной древесной тѣни,
Созерцая, какъ солнце пурпурное
Погружается въ море лазурное,
Полосами его золотя, —
Убаюканный ласковымъ пѣніемъ
Средиземной волны,—какъ дитя,
Ты уснешь, окруженъ попеченіемъ
Дорогой и любимой семьи,
(Ждущей смерти твоей съ нетерпѣніемъ);
Привезутъ къ намъ останки твои,
Чтобъ почтить похоронною тризною,
И сойдешь ты въ могилу... герой,
Втихомолку проклятый отчизною,
Возвеличенный громкой хвалой!...

Впрочемъ, что-жъ мы такую особу
Безпокоимъ для мелкихъ людей?
Не на нихъ-ли намъ выместить злобу?
Безопаснѣй... Еще веселѣй
Въ чемъ-нибудь пріискать утѣшенье...
Не бѣда, что потерпитъ мужикъ:
Такъ ведущее насъ Провидѣнье
Указало... да онъ же привыкъ!
За заставой, въ харчевнѣ убогой,
Все пропьютъ бѣдняки, до рубля,
И пойдутъ, побираясь дорогой,
И застонутъ... Родная земля!
Назови мнѣ такую обитель,
Я такого угла не видалъ,
Гдѣ бы сѣятель твой и хранитель,
Гдѣ бы русскій мужикъ не стоналъ?
Стонетъ онъ по полямъ, по дорогамъ,
Стонетъ онъ по тюрьмамъ, по острогамъ,
Въ рудникахъ, на желѣзной цѣпи;
Стонетъ онъ подъ овиномъ, подъ стогомъ,
Подъ телѣгой, ночуя въ степи;
Стонетъ въ собственномъ бѣдномъ домишкѣ,
Свѣту Божьяго, солнца не радъ;
Стонетъ въ каждомъ глухомъ городишкѣ,
У подъѣзда судовъ и палатъ.
Выдь на Волгу: чей стонъ раздается
Надъ великою русской рѣкой?
Этотъ стонъ у насъ пѣсней зовется —
То бурлàки идутъ бичевой!...
Волга! Волга! Весной многоводной
Ты не такъ заливаешь поля,
Какъ великою скорбью народной
Переполнилась наша земля!
Гдѣ народъ, тамъ и стонъ... Эхъ, сердечный!
Что же значитъ твой стонъ безконечный?
Ты проснешься-ль, исполненный силъ,
Иль, судебъ повинуясь закону,
Все, что могъ, ты уже совершилъ, —
Создалъ пѣсню, подобную стону,
И духовно навѣки почилъ?

Орина, мать солдатская

> День-деньской моя печальница,
> Въ ночь—ночная богомольница,
> Вѣкова моя сухотница..
>
> *Изъ народной пѣсни.*

Чуть живые, въ ночь осеннюю
Мы съ охоты возвращаемся,
До ночлега прошлогодняго,
Слава Богу, добираемся.

— Вотъ и мы! Здорово, старая!
Что насупилась ты, кумушка?
Не о смерти ли задумалась?
Брось! пустая это думушка!

Посѣтила ли кручинушка?
Молви—можетъ, и размыкаю. —
И повѣдала Оринушка
Мнѣ печаль свою великую.

— Восемь лѣтъ сынка не видѣла,
Живъ ли, нѣтъ—не откликается,
Ужъ и свидѣться не чаяла,
Вдругъ сыночекъ возвращается.

Вышло молодцу въ безсрочные...
Истопила жарко банюшку,
Напекла блиновъ Оринушка,
Не насмотрится на Ванюшку!

Да не долги были радости...
Воротился сынъ больнёхонекъ,
Ночью кашель бьетъ солдатика,
Бѣлый платъ въ крови мокрёхонекъ!

Говоритъ: «поправлюсь, матушка!»
Да ошибся—не поправился,
Девять дней хворалъ Иванушка,
На десятый день преставился...

Замолчала—не прибавила
Ни словечка, безталанная.
— Да съ чего же привязалася
Къ парню хворость окаянная?

— Хилый, что-ли, былъ съ рожденія?...
Встрепенулася Оринушка:
«Богатырскаго сложенія,
Здоровенный былъ дѣтинушка!

«Подивился самъ изъ Питера
Генералъ на парня этого,
Какъ въ рекрутское присутствіе
Привели его раздѣтаго...

«На избёнку эти брёвнушки
Онъ одинъ таскалъ сосновыя...
И вилися у Иванушки
Русы кудри, какъ шелковыя.»

И опять молчитъ несчастная...
— Не молчи—развѣй кручинушку!
Чтó сгубило сына милаго —
Чай, спросила ты дѣтинушку?—

«Не любилъ, сударь, разсказывать
Онъ про жизнь свою военную,
Грѣхъ мірянамъ-то показывать
Душу—Богу обреченную!

«Говорить—гнѣвить Всевышняго,
Окаянныхъ бѣсовъ радовать...
Чтобъ не молвить слова лишняго,
На враговъ не подосадовать.

«Нѣмота передъ кончиною
Подобаетъ христіанину.
Знаетъ Богъ, какія тягости
Сокрушили силу Ванину!

«Я узнать не добивалася.
Никого не осуждаючи,
Онъ одни слова утѣшныя
Говорилъ мнѣ, умираючи.

«Тихо по двору похаживалъ
Да постукивалъ топорикомъ,
Избу ветхую облаживалъ,
Огородъ обнесъ заборикомъ;

«Перекрыть сарай задумывалъ.
Не сбылись его желанія:
Слегъ—и всталъ на ноги рѣзвыя
Только за день до скончанія!

«Поглядѣть на солнце красное
Пожелалъ,—пошла я съ Ванею:
Попрощался со скотинкою,
Попрощался съ ригой, съ банею.

«Сѣнокосомъ шелъ—задумался.
— Ты прости, прости, полянушка!
Я косилъ тебя во младости! —
И заплакалъ мой Иванушка!

«Пѣсня вдругъ съ дороги грянула,
Подхватилъ, чтó было голосу:
— «Не бѣлы снѣжки...» закашлялся,
Задышался—палъ на полосу!

«Не стояли ноги рѣзвыя,
Не держалася головушка!
Съ часъ домой мы возвращалися...
Было время—пѣлъ соловушка!

«Страшно въ эту ночь послѣднюю
Было: память потерялася,
Все ему передъ кончиною,
Служба эта представлялася.

«Ходитъ, чиститъ амуницію,
Набѣлилъ ремни солдатскіе,
Языкомъ игралъ сигналики,
Пѣсни пѣлъ—такія хватскія!

«Артикулъ ружьемъ выкидывалъ,
Такъ, что весь домишко вздрагивалъ;
Какъ журавль, стоялъ на ноженькѣ
На одной—носокъ вытягивалъ.

«Вдругъ—метнулся... смотритъ жалобно...
Повалился—плачетъ, кается,
Крикнулъ: «ваше благородіе!»
«Ваше!...» вижу—задыхается.

«Я къ нему. Утихъ, послушался —
Легъ на лавку. Я молилася:
Не пошлетъ ли Богъ спасеніе?...
Къ утру память воротилася,

«Прошепталъ: прощай, родимая!
Ты опять одна осталася!...
Я надъ Ваней наклонилася,
Покрестила, попрощалася,

«И погасъ онъ, словно свѣченька
Восковая, предъиконная...»

Мало словъ, а горя рѣченька,
Горя рѣченька бездонная!...

* * *

Въ минуты унынья, о, родина-мать!
Я мыслью впередъ улетаю.
Еще суждено тебѣ много страдать,
Но ты не погибнешь, я знаю.

Былъ гуще невѣжества мракъ надъ тобой,
Удушливѣй сонъ непробудный,
Была ты глубоко-несчастной страной,
Подавленной, рабски-безсудной.

Давно ли народъ твой игрушкой служилъ
Позорнымъ страстямъ господина?
Потомокъ татаръ какъ коня выводилъ
На рынокъ раба-славянина,

И русскую дѣву влекли на позоръ,
Свирѣпствовалъ бичъ безъ боязни,
И ужасъ народа при словѣ «наборъ»
Подобенъ былъ ужасу казни?

Довольно! Оконченъ съ прошедшимъ разсчетъ,
Оконченъ разсчетъ съ господиномъ!
Сбирается съ силами русскій народъ
И учится быть гражданиномъ.

И ношу твою облегчила судьба,
Сопутница дней славянина!
Еще ты въ семействѣ покуда—раба,
Но мать уже вольнаго сына!

Свобода.

Родина-мать! по равнинамъ твоимъ
Я не ѣзжалъ еще съ чувствомъ такимъ!

Вижу дитя на рукахъ у родимой,
Сердце волнуется думой любимой:

Въ добрую пору дитя родилось,
Милостивъ Богъ, не узнаешь ты слезъ!

Съ дѣтства никѣмъ не запуганъ, свободенъ,
Выберешь дѣло, къ которому годенъ;

Хочешь—останешься вѣкъ мужикомъ,
Сможешь—подъ небо взовьешься орломъ!

Въ этихъ фантазіяхъ много ошибокъ:
Умъ человѣческій тонокъ и гибокъ;

Знаю! на мѣсто сѣтей крѣпостныхъ
Люди придумали много иныхъ,

Такъ!... но распутать ихъ легче народу.
Муза! съ надеждой привѣтствуй свободу!

Сѣятелямъ.

Сѣятель знанья на ниву народную!
Почву ты, чтó-ли, находишь безплодную?
Худы-ль твои сѣмена?
Робокъ ли сердцемъ ты? слабъ ли ты силами?
Трудъ награждается всходами хилыми,
Добраго мало зерна!
Гдѣ-жъ вы, умѣлые, съ добрыми лицами?
Гдѣ-же вы, съ полными жита кошницами?
Трудъ засѣвающихъ робко, крупицами,
Двиньте впередъ!
Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
Сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ...

* * *

Что ни годъ—уменьшаются силы,
Умъ лѣнивѣе, кровь холоднѣй....
Мать-отчизна! дойду до могилы,
Не дождавшись свободы твоей!
Но желалъ бы я знать, умирая,
Что стоишь ты на вѣрномъ пути,
Что твой пахарь, поля засѣвая,
Видитъ ведреный день впереди;
Чтобы вѣтеръ родного селенья
Звукъ единый до слуха донесъ,
Подъ которымъ не слышно кипѣнья
Человѣческой крови и слезъ.

* * *

О, Муза! я у двери гроба,
Пускай я много виноватъ,
Пусть увеличитъ во сто кратъ
Мои вины людская злоба —
Не плачь! завиденъ жребій нашъ,

Не наругаются надъ нами:
Межъ мной и честными сердцами
Порваться долго ты не дашь
Живому, кровному союзу!
Не русскій—взглянетъ безъ любви
На эту блѣдную, въ крови,
Кнутомъ изсѣченную Музу...

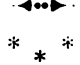
Пророкъ.

(Посвящается Чернышевскому).

Не говори: «забылъ онъ осторожность,
Онъ будетъ самъ судьбы своей виной!»
Не хуже насъ онъ видитъ невозможность
Служить добру, не жертвуя собой.

Но любитъ онъ возвышеннѣй и шире,
Въ его душѣ нѣтъ помысловъ мірскихъ.
«Жить для себя возможно только въ мірѣ,
Но умереть возможно для другихъ!»

Такъ мыслитъ онъ—и смерть ему любезна:
Не скажетъ онъ, что жизнь его нужна,
Не скажетъ онъ, что гибель безполезна:
Его судьба давно ему ясна...

* * *

Смолкли честные, доблестно павшіе;
Смолкли ихъ голоса одинокіе,
За несчастный народъ вопіявшіе...
Но разнузданы страсти жестокія.
Вихри злобы и бѣшенства носятся
Надъ тобою страна безотвѣтная.
Все живое, все честное косится...
Слышно только, о, ночь безразсвѣтная,
Среди мрака, тобою разлитаго,
Какъ враги, торжествуя, скликаются,
Такъ на трупъ великана убитаго
Кровожадныя птицы слетаются,
Ядовитые гады сползаются....

Родина.

И вотъ они опять, знакомыя мѣста,
Гдѣ жизнь отцовъ моихъ, безплодна и пуста,
Текла среди пировъ, безсмысленнаго чванства,
Разврата грязнаго и мелкаго тиранства;
Гдѣ рой подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ
Завидовалъ житью послѣднихъ барскихъ псовъ,
Гдѣ было суждено мнѣ Божій свѣтъ увидѣть,
Гдѣ научился я терпѣть и ненавидѣть,
Но, ненависть въ душѣ постыдно притая,
Гдѣ иногда бывалъ помѣщикомъ и я;
Гдѣ отъ души моей, довременно-растлѣнной,
Такъ рано отлетѣлъ покой благословенный,
И не ребяческихъ желаній и тревогъ
Огонь томительный до срока сердце жегъ...
Воспоминанія дней юности - извѣстныхъ
Подъ громкимъ именемъ роскошныхъ и чудесныхъ.—
Наполнивъ грудь мою и злобой, и хандрой,
Во всей своей красѣ проходятъ предо мной!...
Вотъ темный, темный садъ... Чей ликъ въ аллеѣ дальной
Мелькаетъ межъ вѣтвей, болѣзненно-печальный?
Я знаю, отчего ты плачешь, мать моя!
Кто жизнь твою сгубилъ?... О! знаю, знаю я!...
Навѣки отдана угрюмому невѣждѣ,
Не предавалась ты несбыточной надеждѣ—
Тебя пугала мысль возстать противъ судьбы,
Ты жребій свой несла въ молчаніи рабы...
Но знаю: не была душа твоя безстрастна;
Она была горда, упорна и прекрасна,
И все, что́ вынести въ тебѣ достало силъ,
Предсмертный шопотъ твой губителю простилъ!
И ты, дѣлившая съ страдалицей безгласной
И горе, и позоръ судьбы ея ужасной, —
Тебя ужъ также нѣтъ, сестра души моей!
Изъ дома крѣпостныхъ любовницъ и псарей
Гонимая стыдомъ, ты жребій свой вручила
Тому, котораго не знала, не любила...
Но матери своей печальную судьбу
На свѣтѣ повторивъ, лежала ты въ гробу
Съ такой холодною и строгою улыбкой,
Что дрогнулъ самъ палачъ, заплакавшій ошибкой...
Вотъ сѣрый, старый домъ... Теперь онъ пустъ и глухъ;
Ни женщинъ, ни собакъ, ни гаеровъ, ни слугъ...
А встарь?... Но помню я: здѣсь что-то всѣхъ давило,
Здѣсь въ маломъ и въ большомъ тоскливо сердце ныло.
Я къ нянѣ убѣгалъ... Ахъ, няня! Сколько разъ
Я слезы лилъ о ней въ тяжелый сердцу часъ;
При имени ея впадая въ умиленье,
Давно ли чувствовалъ я къ ней благоговѣнье?...
Ея безсмысленной и вредной доброты
На память мнѣ пришли немногія черты,
И грудь моя полна враждой и злостью новой...
Нѣтъ! Въ юности моей, мятежной и суровой,
Отраднаго душѣ воспоминанья нѣтъ;
Но все, что́ жизнь мою опутавъ съ первыхъ лѣтъ,
Проклятьемъ на меня легло неотразимымъ—
Всему начало здѣсь, въ краю моемъ родимомъ!...
И съ отвращеніемъ кругомъ кидая взоръ,
Съ отрадой вижу я, что срубленъ темный боръ—
Въ томящій лѣтній зной защита и прохлада,—
И нива выжжена, и праздно дремлетъ стадо,

Понуривъ голову надъ высохшимъ ручьемъ,
И на бокъ валится пустой и мрачный домъ,
Гдѣ вторилъ звону чашъ и гласу ликованій
Глухой и вѣчный гулъ подавленныхъ страданій,
И только тотъ одинъ, кто всѣхъ собой давилъ,
Свободно и дышалъ, и дѣйствовалъ, и жилъ...

Поэту.

(Памяти Шиллера).

Гдѣ вы—пѣвцы любви, свободы, мира
И доблести?... Вѣкъ «крови и меча!»
На тронъ земли ты посадилъ банкира,
Провозгласилъ героемъ палача...

Толпа гласитъ: «пѣвцы не нужны вѣку!»
И нѣтъ пѣвцовъ... Замолкло божество...
О, кто-жъ теперь напомнитъ человѣку
Высокое призваніе его?...

Прости слѣпцамъ, художникъ вдохновенный,
И возвратись!... Волшебный факелъ свой,
Погашенный рукою дерзновенной,
Вновь засвѣти надъ гибнущей толпой!

Вооружись небесными громами!
Нашъ падшій духъ взнеси на высоту,
Чтобъ человѣкъ не мертвыми очами
Могъ созерцать добро и красоту...

Казни корысть, убійство, святотатство!
Сорви вѣнцы съ предательскихъ головъ,
Увлекшихъ міръ съ пути любви и братства,
Стяжаннаго усильями вѣковъ,

На путь вражды!... Въ его дѣла и чувства
Гармонію внести лишь можешь ты,
Въ твоей груди, гонимый жрецъ искусства,
Тронъ истины, любви и красоты.

А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВЪ.

Притча о сѣятелѣ и сѣменахъ.

Шелъ сѣятель съ зернами въ полѣ и сѣялъ;
И вѣтеръ повсюду тѣ зерна развѣялъ.
Одни при дорогѣ упали; порой
Ихъ топчетъ прохожій небрежной ногой,
И птицъ, изъ окрестныхъ степей пролетая,
На нихъ нападаетъ голодная стая.
Другія на камень безплодный легли
И вскорѣ безъ влаги и корня взошли —
И въ пламенный полдень дневное свѣтило
Былинку палящимъ лучомъ изсушило.
Средь тернія пало иное зерно,
И въ терніи дикомъ заглохло оно...
Напрасно шелъ дождь и съ прохладной зарею
Поля освѣжались небесной росою;
Одни за другими проходятъ года —
Отъ зеренъ тѣхъ нѣтъ и не будетъ плода.
Но въ добрую землю упавшее сѣмя,
Какъ жатвы настанетъ урочное время,
Готовя стократно умноженный плодъ,
Высоко и быстро, и сильно растетъ,
И блещетъ красою, и жизнію дышитъ...
Имѣющій уши, чтобъ слышать,—да слышитъ!

Почему?

Съ тѣхъ поръ, какъ міръ живетъ и страждетъ человѣкъ
Подъ игомъ зла и заблужденья, —
Въ стремленіи къ добру и къ правдѣ каждый вѣкъ
Намъ бросилъ слово утѣшенья.
Умомъ ужъ не одинъ разоблаченъ кумиръ;
Но мысль трудиться не устала,
И рвется изъ оковъ обмана плѣнный міръ,
Прося у жизни идеала...
Но почему-жъ досель и сердцу, и уму
Такъ оскорбительно, такъ тѣсно?
Такъ много льется слезъ и крови? Почему
Такъ все запугано, что̀ честно?
О, слово первое изъ всѣхъ разумныхъ словъ!
Оно, звуча неумолимо,
Срываетъ съ истины обманчивый покровъ
И въ жизни не проходитъ мимо.
Да! *почему:* и смерть, и жизнь, и мы, и свѣтъ,
И все, что̀ радуетъ и мучитъ?
Хотя бы мы пока и вызвали отвѣтъ,
Который знанью не научитъ,—
Все будемъ требовать отвѣта *почему?*
И снова требовать, и снова...
Какъ ночью молнія прорѣзываетъ тьму,
Такъ свѣтитъ въ жизни это слово.

Нищая.

Съ ней встрѣтились мы средь открытаго поля
Въ трескучій морозъ. Не лѣта̀
Ее истомили; но горькая доля,
Но голодъ, болѣзнь, нищета,
Ярмо крѣпостное, работа безъ прока
Въ ней юную силу сгубили до срока.

Лоскутья одеждъ на ней были надѣты;
Спеленатый грубымъ тряпьемъ,
Ребенокъ, заботливо ею пригрѣтый,
У сердца покоился сномъ...
Но если не сжалятся добрые люди,
Проснувшись, найдетъ ли онъ пищи у груди?

Шептали мольбу ея блѣдныя губы,
Рука_подаянья ждала...
Но плотно мы были укутаны въ шубы;
Насъ тройка лихая несла,
Снѣгъ мерзлый взметая, какъ облако пыли...
Тогда въ монастырь мы къ вечернѣ спѣшили.

Конь Калигулы.

«Калигула, твой конь въ сенатѣ
«Не могъ сіять, сіяя въ златѣ;
«Сіяютъ добрыя дѣла».

Такъ поигралъ въ слова Державинъ,
Негодованіемъ объятъ.
А мнѣ сдается (виноватъ!),
Что тѣмъ Калигула и славенъ,
Что вздумалъ лошадь, говорятъ,
Послать присутствовать въ сенатъ.
Я помню въ юности плѣняла
Его иронія меня;
И мысль моя живописала
Въ стѣнахъ священныхъ трибунала,
Среди сановниковъ, коня.
Что-жъ, развѣ тамъ онъ былъ не кстати?
По мнѣ—въ парадномъ чепракѣ,
Зачѣмъ не быть коню въ сенатѣ,
Когда сидѣть бы людямъ знати
Умѣстнѣй въ конномъ денникѣ?
Что-жъ, развѣ звукъ веселый ржанья
Былъ для имперіи вреднѣй
И раболѣпнаго молчанья,
И лестью дышащихъ рѣчей?
Что-жъ, развѣ конь красивой мордой
Не затмевалъ ничтожныхъ лицъ,
И не срамилъ осанкой гордой
Людей, привыкшихъ падать ницъ?...
Я и теперь того же мнѣнья,
Что врядъ ли гдѣ встрѣчалось намъ
Такое къ трусамъ и къ рабамъ
Великолѣпное презрѣнье.

* * *

Мы долго лежали повергнуты въ прахъ,
Не мысля, не видя, не слыша;
Казалось, мы заживо тлѣемъ въ гробахъ—
Забита тяжелая крыша...
Но вспыхнувшій свѣточъ вдругъ вышелъ изъ тьмы,
Нежданная рѣчь прозвучала, —
И всѣ встрепенувшись, воспрянули мы,
Почуявъ благое начало.

Въ насъ сердце забилось, духъ жизни воскресъ,—
И гимномъ хвалы и привѣта
Мы встрѣтили даръ просіявшихъ небесъ
Въ рожденіи слова и свѣта!...

Мыслителю.

Орелъ взмахнетъ могучими крылами
И, вольный, отрѣшившись отъ земли,
О немощныхъ, влачащихся въ пыли,
Не думаетъ, паря подъ небесами...

Но, отъ мертвящей лжи освободясь
И, окрыленный мыслью животворной,
Когда для сферы свѣтлой и просторной
Ты, возлетѣвъ, покинешь мракъ и грязь;

Когда почувствуешь, какъ послѣ смрадной
И долго угнетавшей тѣсноты
Трепещетъ грудь отъ радости, и ты
Вдыхаешь воздухъ чистый и прохладный,

О, ты начнешь невольно вспоминать
О долѣ смертныхъ, темной и ничтожной!
Взирая сверху, будетъ невозможно
Тебѣ, счастливому, не пожелать,

Чтобъ братьевъ, пресмыкающихся долу,
Свѣтъ истины скорѣй освободилъ!...
Когда-жъ они безъ воли и безъ силъ,
Не будутъ твоему внимать глаголу,—

Съ высотъ своихъ ты властно имъ кричи!
Окованныхъ невѣжественнымъ страхомъ,
Заставь ты ихъ разстаться съ тьмой и съ прахомъ
И смѣлому полету научи!...

Сословныя рѣчи.

Вслѣдъ за рѣчью рѣчь звучала:
«Народъ, законность, власть, права»...
Что́-жъ это? громкія-ль слова?
Или гражданскія начала?...
Нѣтъ! гражданинъ сословныхъ правъ
Ярмомъ на земство не наложитъ!
И возглашать никто не можетъ,—
Народной думы не узнавъ
И отъ земли не полномоченъ,—
Что строй его правдивъ и проченъ!
Тотъ строй законенъ и живучъ,
Гдѣ равноправная свобода,
Какъ солнце надъ главой народа,

Льетъ всѣмъ живительный свой лучъ.
Во имя блага съ мыслью зрѣлой,—
И кромѣ блага—ничего!
Такъ вѣковое зиждутъ дѣло
Вожди народа своего.
А васъ, сословные витіи,
Васъ духъ недобрый подъучилъ
Почетной стражей стать въ Россіи
Противъ подъема русскихъ силъ!

Всѣмъ хлѣба!

Рабочій людъ едва не весь
На нашей родинѣ—безъ хлѣба.
«Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь!»
Такъ онъ, голодный, молитъ небо.

О, братья, хлѣба—бѣднякамъ
Въ лихіе дни нужды народной;
И хлѣба умственнаго—намъ,
Стоящимъ внѣ толпы голодной!

Утробной пищей сыты мы;
Но безъ духовнаго питанья
Ослабли тощіе умы,
Безплодны скудныя познанья.

Хоть удается намъ порой,
Пускаясь въ хитрость и обманы,
Прикрыть дешевой мишурой
Неблаговидные изъяны;

Хоть, искусившись въ похвальбѣ,
Среди народовъ даже нынѣ
Мы покланяемся себѣ,
Какъ между нечистью святынѣ;

Но жизнь освѣтитъ темный путь
И правду горькую откроетъ,
Разоблачивъ когда-нибудь,
Чего гордыня наша стоитъ.

О, никогда и никому
Кто льститъ вамъ, братья, вы не вѣрьте!
Безъ пищи умственной—уму
Грозитъ бѣда голодной смерти.

Всѣмъ хлѣба! Хлѣба—бѣднякамъ
Въ лихіе дни нужды народной;
И хлѣба умственнаго—намъ,
Стоящимъ внѣ толпы голодной!

* * *

Мы долго лежали, повергнуты въ прахъ,
Не мысля, не видя, не слыша;
Казалось, мы заживо тлѣемъ въ гробахъ—
Забита тяжелая крыша.
Но вспыхнувшій свѣточъ вдругъ вышелъ изъ тьмы.
Какъ будто-бы рѣчь прозвучала,—
И всѣ, встрепенувшись, воспрянули мы,
Почуявъ благое начало.
Въ насъ сердце забилось, духъ жизни воскресъ.—
И гимномъ хвалы и привѣта
Мы встрѣтили даръ просіявшихъ небесъ
Въ рожденіи славы и свѣта.

М. П. РОЗЕНГЕЙМЪ.

Книга.

Книга... Открываю.
«Бытопись россійская...»
Ну, тебя я знаю,
Знаю, степь ливійская!
Гдѣ тебя ни вскрою,
Книга безотрадная—
Всюду предо мною
Та же жизнь нескладная.
Ширина основы,
Нищета развитія.
Мрачны и суровы
Люди и событія:
Княжескія брани,
Ляхи да татарщина,
Дани, вѣчно дани—
И надъ всѣмъ боярщина...
Хитрые обманы,
Злостныя насилія,
Грозные Иваны,
Темные Василіи;
Вѣчно духъ народа
Давитъ сила строгая,
А кругомъ природа
Бѣдная, убогая:
Нива неприглядно
Тощая раскинулась,
Небо безотрадно
Сѣрое надвинулось,
Глухо боръ сосновый
Вѣтру откликается,
Жалобно-суровой
Пѣснью заливается,

Слышно въ ней печальной
Словно поминаніе,
Скорбное о дальней
Старинѣ сказаніе...

Чтó же, чтó въ тебѣ такое?...
Упивается душа,
А рыдаетъ ретивое...
Впрямь ты больно-хороша!

Ты не голосъ изъ могилы,
Не поминки мертвеца, —
Не подслушать этой силы
Въ пѣснѣ падшихъ до конца.

Горе гнета и насилья,
Словно море, глубоко,
Но отъ горя до безсилья—
Что до неба далеко.

Русская пѣсня.

Потрясающіе тоны,
Словно плачъ богатырей,
Звуки-вопли, звуки-стоны —
Пѣсня родины моей!

Д. АХШАРУМОВЪ.

* * *

Судьба жестокая свершилась надо мой.
Отъ смертной казни я едва освобожденный,
Стою среди снѣговъ, одинъ въ странѣ чужой,
Въ острогѣ, какъ въ тюрьмѣ, погибнуть
осужденный.

Прощай, мой милый край, семья родная!
Все лучшее, что въ жизни я любилъ,
И родина моя, столица дорога!
Я съ вами счастливъ былъ, но счастья не цѣнилъ.

Васъ больше нѣтъ при мнѣ, судьбы рукой суровой
Въ изгнанье дальнее влекусь я—скорбь въ душѣ!
Такъ вихремъ сорванный отъ дерева родного,
Летитъ зеленый листъ увянуть вдалекѣ!...

Свободы я лишенъ, и въ бѣгствѣ нѣтъ спасенья;
Въ обители снѣговъ одинъ я здѣсь стою...
Кому я выскажу тяжелыя мученья,
Которыя тѣснятъ и давятъ грудь мою?

Услышьте-жъ вы меня, дремучіе лѣса!
Одни свидѣтели и жалобъ, и страданья,
И съ жизнью моего послѣдняго прощанья;
И вы, горящія святыя небеса!

А. Н. ЯХОНТОВЪ.

* * *

Мнѣ робко шепчетъ тайный голосъ:
Зачѣмъ, по скользкому пути,
Свой тощій плодъ, невсхожій колосъ
На свѣтъ, на торжище нести!
Тамъ—свой кумиръ, своя забота,
Тамъ жизнь мятется и снуетъ
И силой злой водоворота
Охватитъ, смоетъ, унесетъ!...
Умы тамъ преданы всецѣло
Тому, что вѣсъ имѣетъ тѣло,
Тамъ—нѣтъ восторженныхъ дѣтей...
Пойми-жъ: кому какое дѣло
До пѣсенъ, грезъ души твоей?
Есть мощная потребность духа,
Потребность высказаться: глухо —
Средою чуждой смущена—
Порой, звучитъ ея струна;
Но и подъ гнетомъ невниманья,
Насмѣшки ѣдкой, порицанья
Не можетъ замолчать она!
Раздолье пѣснямъ, на свободѣ,
Тамъ, гдѣ широкій кругозоръ:
На солнцѣ, при честномъ народѣ,
Давай ей судъ и приговоръ.
Какъ цвѣтъ дающее и колосъ,
Простое, доброе зерно
Въ землѣ захлохнуть не должно,
Такъ слово правды, чувства голосъ
Таить въ груди не суждено.

Природа человѣку.

Если ты, переживъ свое счастье,
Истомленный отъ бурь и тревогъ,

Убѣжавъ отъ людского участья,
Неиспорченнымъ сердце сберегъ;
Если вѣдалъ ты въ жизненномъ морѣ
Жажду истины, знанья, труда,—
Приходи! Я уйму твое горе,
Я утѣшу тебя навсегда.
Приходи и въ сближеньи со мною,
Позабудь о житейской борьбѣ:
Я пытливому взгляду открою
То, о чемъ и не снилось тебѣ.
Чтó невѣрныя блага людскія,
Чтó ихъ слава, любовь и привѣтъ?
Дамъ тебѣ я богатства такія,
О которыхъ не вѣдаетъ свѣтъ.
Разорви же мірскія оковы,
Окунися въ живыя струи!
Какъ свободны и свѣжи, и новы
Будутъ мысли и чувства твои!
Погружаясь душой въ созерцанье
Вѣчно юной моей красоты,
Каждый день и Творца, и созданье,
Все полнѣй понимать будешь ты.
Погляди, какъ, проснувшись весною
Отъ глубокаго мертваго сна,
Вся въ цвѣтахъ, я опять предъ тобою,
Новой жизни и силы полна!
Я въ объятья зову тебя снова,
Я зову тебя къ жизни, къ труду...
Всякій трудъ наградить я готова,
Только Божьяго ведрышка жду,
Одинокому сердцу подруга,
Сномъ любви я повѣю надъ нимъ;
Страждешь ты?—исцѣлю отъ недуга
Всецѣлебнымъ дыханьемъ моимъ;
Жаждешь?—свѣтелъ мой ключъ животворный;
Изнемогъ?—широка моя сѣнь;
Тѣсно-ль груди?—вотъ лугъ мой просторный,
Даль небесъ и безоблачный день!

Болѣзнь вѣка.

Рыбацкій людъ столпился у рѣки,
Да не шумна и не криклива сходка:
Стоятъ, не шелохнутся рыбаки;
У берега причаленная лодка.
Послушаемъ, толкуютъ тамъ о чемъ?
—«Оказія! съ моста да въ рѣку прямо!»
—«Попуталъ грѣхъ!»—«Ко дну пошелъ ключомъ!»
—«Не въ мочь пришлось!»—«А ужъ и глыбко тамо!»
Протискались. Лежитъ поверхъ травы!
Лѣтъ двадцати или еще моложе,
Не изъ простыхъ, замѣтно по одежѣ;
Готовъ!... (цилиндръ помятый, съ головы,
Рядкомъ лежитъ: его словили тоже),
Изъ глазъ вода сочится, какъ слеза,
А нѣжный пухъ чуть оттѣняетъ губы,
Лицо раздуто, стиснулися зубы
И выпучены мутные глаза.
—«Не промигнетъ сердечный! Ужъ качали,
Да безъ пути... Начальству вѣсть дана».
Вотъ съ писаремъ пріѣхалъ старшина:
Прикрыли трупъ; за становымъ послали.
Ахъ, бѣдный, бѣдный! Богъ вѣсть, отчего
На свѣтѣ жить ему такъ стало тѣсно!
Помянутъ ли хоть душеньку его?
И кто онъ? и откуда?—неизвѣстно!
А жизнь кругомъ такъ радостно глядитъ,
И вешнее-то солнышко надъ нею
Какъ ясно свѣтитъ, будто говоритъ:
«Вставай, горюнъ! Вотъ, я тебя пригрѣю!»
А вправду, видно, стало ужъ не въ мочь?
Еще и пѣсня юности не спѣта,
А для него уже настала ночь,
Мгла вѣчности глухая, безъ разсвѣта...
Чего хотѣлъ и ждалъ онъ отъ судьбы
И, съ ней борясь, какую вынесъ пытку
За гордую, мятежную попытку
Отчаянно-безвыходной борьбы?
Иль зачерствѣть у взрослаго ребенка
Успѣла ужъ безсильная душонка?
Снести уроки жизни онъ не смогъ,
И безъ борьбы постыдно изнемогъ?
. . . .
Эхъ, замолчи предъ трупомъ неотпѣтымъ,
Рѣчь осужденья праздная!—грѣшно!
Вѣдь счастіемъ, заботливо пригрѣтымъ,
Понять людское горе не дано!...
. . . .

Мысль.

Пока надъ міра суетой,
Чиста и благородна,
Ношусь безплотною мечтой, —
Какъ воздухъ, я свободна,
Надъ твердью, молніи быстрѣй,
Въ пространствахъ я витаю,
Спускаюсь въ глубину морей,
И въ небо улетаю;
Скорбя надъ океаномъ бѣдъ
И заблужденій вѣка,
Въ дѣла людей вношу я свѣтъ
И въ сердце человѣка.
Наука мною создана —
Предвѣстница свободы —
И довершать я призвана
Красу и сонъ природы.

Но въ мірѣ жить не суждено
Мнѣ вольной, безтѣлесной:
Мнѣ слово бѣдное дано!
Какъ цѣпь желѣзная—оно
Въ моей юдоли тѣсной.
Здѣсь, на землѣ, моя судьба —
Оковы и гоненья...
Дитя свободы, я—раба
Съ минуты воплощенья!
Я крылъ могучихъ лишена
Въ изгнаніи суровомъ,
Умалена, искажена
Моимъ безсильнымъ словомъ.
Среди бездушья и страстей,
Неправдъ и преступленій,
Померкъ мой свѣточъ межъ людей,
И отлетѣлъ мой геній;
Я чувствъ высокихъ не бужу
Къ прекрасному, святому;
Міръ обуялъ меня: служу,
Какъ онъ, тельцу златому!
Лучъ вдохновенья на челѣ
Угасъ... я измельчала.
Утративъ въ непроглядной мглѣ
Сознанье идеала...
Отдайте мнѣ просторъ степей
И крылья для полета,
Освободите отъ цѣпей,
Отъ давящаго гнета!
Мнѣ любо жить въ сіяньи дня!
Властители, народы,
О, не страшитесь, какъ огня,
Дыханія свободы!
Въ оковахъ мнѣ спасенья нѣтъ;
Послѣднихъ силъ лишая,
Меня позорятъ мракъ и гнетъ
И губятъ, развращая.
Когда, откинувъ страхъ земной,
Взовьюсь я вольной птицей,
Я въ мірѣ буду не рабой,
А вольною царицей.
Не нужны будутъ мнѣ тогда
Коварства, ухищренья
На честномъ поприщѣ труда,
Науки, просвѣщенья.
Я межъ людьми останусь жить,
Отъ немощей свободна;
Я буду истинѣ служить,
Свѣтла и благородна!

Современному поэту.

Нѣтъ, не прошла поэзіи пора,
Но скорбь тебя великая объяла,
Поэтъ, глашатай правды и добра,
Высокаго хранитель идеала!
Гдѣ мощный духъ, гдѣ чувство красоты
Въ созданіяхъ художника свободныхъ?
Гдѣ вѣра въ жизнь и гордыя мечты
О торжествѣ стремленій благородныхъ?
Изсякла живоносная струя
Кипучихъ думъ и бодрыхъ вдохновеній,
Поникъ челомъ задумчивый твой геній,
И вѣщая замолкла пѣснь твоя!
Въ былые дни передъ златымъ кумиромъ,
Какъ и теперь, склонялся человѣкъ,
Вражда съ бѣдой носилися надъ міромъ,
Коварствовалъ себялюбивый вѣкъ;
Но вѣрилось, что время уврачуетъ
Недугъ людей, что рушится обманъ,
Проглянетъ день, разсѣется туманъ,
И честное добро восторжествуетъ.
То время обольщенія прошло:
Въ нашъ скорбный вѣкъ, полна самосознаньемъ,
Ложь наглая горда своимъ признаньемъ,
И прочное узаконилось зло.
Объята имъ, среди людского шума,
При блескѣ дня и въ тишинѣ ночной,
Всегда, вездѣ, тревожная, съ тобой
О родинѣ властительная дума.
О, еслибъ Русь главу неправдъ и золъ
Попрала исполинскою пятою,
И твой, поэтъ, пророческій глаголъ
Достойно могъ назвать ее святою!
Великъ судьбой указанный ей путь,
И въ мірѣ высоко ея призванье,
Ей мощь нужна... а червь любостяжанья
Глубоко ей сосетъ и точитъ грудь!...
Свободное—могущественно слово,
Когда гремитъ, какъ сталь закалено,
Негодованьемъ праведнымъ оно,
И до конца служить добру готово.
Забудь, поэтъ, плѣнительные сны,
Со зломъ борись громами обличенья...
О, горькіе судьбой тебѣ даны
Источники святого вдохновенья!
Будь свѣточемъ среди широкой тьмы,
Будь ангеломъ съ мечемъ огнепалящимъ,
Какъ божій гнѣвъ, побѣдно испепелящимъ
Глубокій ядъ общественной чумы.

Народъ.

Знакомъ съ тобой я чуть ли не съ пелёнокъ,
Народъ великорусскихъ деревень!
Ты продиралъ глаза еще спросонокъ,
Прозрѣлъ едва въ торжественный тотъ день,
Когда ждала у каждаго порога

Благая вѣсть: вчерашній рабъ, проснись!
И знаменіемъ крестнымъ осѣнись!
На вольный трудъ, съ благословеньемъ Бога!
Темна среда, невзраченъ образъ твой
Въ годину рабства и томленья!
Ты жертвой былъ ошибки роковой
И вѣкового преступленья;
Въ невѣжествѣ, въ грязи ты брошенъ былъ
На произволъ грабителей и барства,
Ты на цѣпи наслѣдственной изнылъ—
Безсмѣнный стражъ полунощнаго царства.
Не видѣли твоихъ кровавыхъ слезъ,
Не признавали человѣка...
Все пережилъ и все ты перенесъ,
Безъ горечи, безъ злобы и упрека.
И этотъ гнетъ насилій и оковъ,
Въ которыхъ гаснутъ духъ живой и сила,
Всю повѣсть эту скорбную вѣковъ—
Толпа твоихъ хулителей, враговъ,
Себялюбивая, забыла!
Не на своихъ плечахъ она несла
Невзгоды земства стараго покроя,
Всю тяготу крестьянскаго тягла,
Безправіе общественнаго строя,
Какъ не забыть?! О, сколько разъ и я —
Услышь, народъ, тяжелое признанье, —
Неправеднаго гнѣва не тая,
Клеймилъ тебя словами порицанья!
Но предъ твоей безпомощной судьбой,
Хоть тѣмъ же себялюбіемъ недуженъ,
Я умолкалъ, безропотной тоской,
Терпѣніемъ твоимъ обезоруженъ...

. . . .

Какъ нѣкогда съ Синайской высоты,
Народъ богоизбранный, принялъ ты
Гражданскихъ правъ и вольности скрижали...
Чтожъ сдѣлалъ ты съ великой той поры?
Отмылся ли отъ струповъ и коры,
Что на тебѣ вѣками наростали?
Поправился-ль?—Прошло не мало лѣтъ—
Красна-ль изба? полны-ль твои закромы?
Изъ тьмы глухой ты вышелъ ли на свѣтъ?
Опомнился-ль отъ круговой истомы?
Нѣтъ! обновить годами не легко,
Что ржавѣло столѣтія подъ спудомъ!
Твоя бѣда таится глубоко,
Убитый духъ не воскресаетъ чудомъ.
Неволей злой обиженъ и забитъ,
Дитя больное, смѣтливый ребенокъ,—
Ты и теперь не вышелъ изъ пеленокъ,
Хоть твердъ въ бѣдѣ, выносливъ, даровитъ.
Пусть въ скорбную безправія годину
Бѣдой невмочь навьюченную спину
Ты преклонилъ подъ Грознаго рукой;
Скрѣпивъ съ землей и жизнь твою и долю,
Пусть Годуновъ сковалъ тебѣ неволю:
Могучимъ былъ и будетъ образъ твой!
Грозу татаръ и Посполитой Рѣчи
И съ запада неслыханный погромъ,
Все принялъ ты, какъ исполинъ, на плечи
И—сбросилъ побѣдительно потомъ!
Вотъ—изъ среды твоей космато-сѣрой
Опять встаютъ и изумляютъ свѣтъ,
И въ бой идутъ съ несокрушимой вѣрой
Богатыри, которымъ равныхъ нѣтъ,
Но... истомленъ природою суровой,
Въ глуши и тьмѣ, безъ помощи, одинъ,
Ты вырости не могъ для жизни новой
Какъ вѣрный стражъ закона,—гражданинъ:
Разгулъ—законъ твоихъ шумливыхъ сходокъ,
Но трезвъ твой умъ, спокоенъ твердый шагъ,
Съ родной землей, подательницей благъ —
Весь слился ты, громадный самородокъ!
Жизнь безъ утѣхъ, лишенья, нищета,
Широкій духа складъ своеобразный,
Въ понятіяхъ—глухая темнота,
Все вызвало разгулъ твой безобразный;
Да! теменъ ты, какъ золотой чертогъ,
Завѣшанный отъ солнечнаго свѣта,
Какъ, утромъ, лѣсъ дремучій до разсвѣта,
Какъ грудой скалъ заваленный потокъ...
Дастъ Богъ—изъ тьмы непроходимой ночи
Пробьется лучъ; придетъ твоя чреда,
Прозрятъ твои осмысленныя очи,
Согрѣетъ духъ, поднимется среда.
Узнаешь ты, что честный трудъ—свобода,
Что изъ бѣды иного нѣтъ исхода,
Что тотъ прямой заступникъ твой и другъ,
Кто, предъ толпой не расточая лести,
Врачуетъ твой невѣжества недугъ,
И отъ тебя не ждетъ похвалъ и чести;
Кто правду говоритъ тебѣ въ глаза,
Кому твои простыя рѣчи внятны,
Знакомы нужды, близки и понятны
Вздохъ каждый твой и каждая слеза!

П. М. КОВАЛЕВСКІЙ.

* * *

За что вашъ гнѣвъ на племя молодое?
За что такой неумолимый судъ?
Иль васъ гнѣвитъ безслѣдно прожитое,
И то, что слѣдъ другіе ужъ кладутъ?

Пускай, увы! загубленные годы
Лежатъ горой, какъ желтые листы,
Обитые рукою непогоды;
Благословимъ весенніе цвѣты!

Незрѣлыхъ дѣлъ не оскорбимъ улыбкой!
Зачѣмъ, забывъ своихъ ошибокъ рядъ,
Кичиться намъ ихъ каждою ошибкой
И съ гордостью показывать назадъ?

Назадъ! Ихъ путь иной отъ колыбели.
Иныхъ заботъ зналъ бремя юный умъ,
Тогда какъ мы пустыя пѣсни пѣли
И громкихъ словъ любили праздный шумъ.

И вы на насъ воздвигнули гоненья
За то, что мы, подъ снѣгомъ сѣдины,
Взлюбили жизнь иного поколѣнья,
Весну другой, намъ неданной, весны;

За то, что мы сознали немощь нашу
И, жизни ядъ испивъ весь до чиста,
Любуемся, какъ юныя уста
Пьютъ новыхъ силъ непочатую чашу.

* * *

О, не зови воспоминаній!
Былыхъ надеждъ, былыхъ страданій,
Былого праздника любви—
Изъ ихъ забвенья не зови!
Но къ жизни съ вѣчными дарами,
Съ надеждой новой и мечтами,
Къ бѣдѣ грозящей впереди
Стопою твердою иди!
У пня разбитаго грозою,
Смотри, какъ свѣжею лозою,
На встрѣчу вѣтра и дождей,
Идетъ семья живыхъ вѣтвей!

А. Н. ПЛЕЩЕЕВЪ.

* * *

Впередъ! безъ страха и сомнѣнья,
На подвигъ доблестный, друзья.
Зарю святого искупленья
Ужъ въ небесахъ завидѣлъ я!

Смѣлѣй! дадимъ другъ другу руки
И вмѣстѣ двинемся впередъ.
И пусть подъ знаменемъ науки
Союзъ нашъ крѣпнетъ и растетъ.

Жрецовъ грѣха и лжи мы будемъ
Глаголомъ истины карать,
И спящихъ мы отъ сна разбудимъ,
И поведемъ на битву рать!

Не сотворимъ себѣ кумира
Ни на землѣ, ни въ небесахъ;
За всѣ дары и блага міра
Мы не падемъ предъ нимъ во прахъ!...

Провозглашать любви ученье
Мы будемъ нищимъ, богачамъ
И за него снесемъ гоненье,
Простивъ озлобленнымъ врагамъ!

Блаженъ, кто жизнь въ борьбѣ кровавой,
Въ заботахъ тяжкихъ истощилъ;
Какъ рабъ лѣнивый и лукавый,
Талантъ свой въ землю не зарылъ!

Пусть намъ звѣздою путеводной
Святая истина горитъ;
И вѣрьте, голосъ благородный
Не даромъ въ мірѣ прозвучитъ!

Внемлите-жъ, братья, слову брата,
Пока мы полны юныхъ силъ:
Впередъ, впередъ и безъ возврата,
Что-бъ рокъ вдали намъ ни сулилъ!

Другу.

Передъ тобой лежитъ широкій, новый путь.
Прими же мой привѣтъ, не громкій, но сердечный,
Да будетъ, какъ была, твоя согрѣта грудь
Любовью къ ближнему, любовью къ правдѣ вѣчной.

Да не утратишь ты въ борьбѣ со зломъ упорной
Всего, чѣмъ нынѣ такъ душа твоя полна,

И вѣры и любви свѣтильникъ животворный
Да не зальетъ въ тебѣ житейская волна.

Подъявъ чело, иди безтрепетной стопою;
Иди, храня въ душѣ свой чистый идеалъ,
На слезы страждущихъ отвѣтствуя слезою,
И ободряя тѣхъ, въ борьбѣ кто духомъ палъ,

И если въ старости, въ раздумья часъ печальный,
Ты скажешь: въ мірѣ я оставилъ добрый слѣдъ,
И встрѣтить я могу спокойно мигъ прощальный,—
Ты будешь счастливъ, другъ: иначе счастья нѣтъ.

Отчизна.

Природа скудная родимой стороны!
Ты дорога душѣ моей печальной;
Когда-то, въ дни моей умчавшейся весны,
Манилъ меня чужбины берегъ дальній...

И пылкая мечта, бывало, предо мной
Рисуетъ все блестящія картины:
Я вижу сводъ небесъ, прозрачно-голубой,
Громадныхъ горъ зубчатыя вершины...

Облиты золотомъ полуденныхъ лучей,
Казалось, миртъ, платаны и оливы
Зовутъ меня подъ сѣнь раскидистыхъ вѣтвей,
И розы мнѣ киваютъ молчаливо...

То были дни, когда о цѣли бытія
Мой духъ, среди житейскихъ обольщеній
Еще не помышлялъ... И, легкомысленъ, я
Лишь требовалъ у жизни наслажденій.

Но быстро та пора исчезла безъ слѣда,
И скорбь меня нежданно посѣтила...
И многое, чему душа была чужда,
Вдругъ стало ей и дорого, и мило.

Покинулъ я тогда завѣтную мечту
О сторонѣ волшебной и далекой...
И въ родинѣ моей узрѣлъ я красоту,
Незримую для суетнаго ока...

Поля изрытыя, колосья желтыхъ нивъ,
Просторъ степей, безмолвно величавый;
Весеннею порой широкихъ рѣкъ разливъ,
Таинственно шумящія дубравы.

Святая тишина убогихъ деревень,
Гдѣ труженикъ, задавленный невзгодой,
Молился небесамъ, чтобъ новый, лучшій день
Надъ нимъ взошелъ—великій день свободы.

Васъ понялъ я тогда; и сердцу такъ близка
Вдругъ стала пѣснь моей страны родимой,—
Звучала-ль въ пѣснѣ той глубокая тоска,
Иль слышался разгулъ неудержимый.

Отчизна! не плѣнишь ничѣмъ ты чуждый взоръ...
Но ты мила красой своей суровой
Тому, кто самъ рвался на волю и просторъ,
Чей духъ носилъ гнетущія оковы...

Лжеучителямъ.

Жрецы грѣха, пророки тьмы,
Напрасно вы постыдной ложью
Затмить хотите правду божью,
Сердца опутать и умы!
Безсильны злобы ухищренья,
Безсильно жало клеветы:
Свободы пылкія мечты,
Ко благу честныя стремленья
Вамъ не убить! Года пройдутъ,
И лжи замретъ безслѣдно голосъ;
Зерно добра дастъ пышный колосъ,
А ваши плевелы сгніютъ!
Иль ослѣпленнымъ вашимъ взорамъ
Заря иная не ясна?
Вамъ дѣла нѣтъ, что племена,
Покончивъ съ вѣковымъ раздоромъ,
Другъ другу руку подаютъ;
Что столько свергнуто кумировъ,
И что сильнѣй всѣхъ сильныхъ міра
Сталъ мысли животворный трудъ!
Вамъ дѣла нѣтъ! Но часъ настанетъ,
Жрецы грѣха, пророки тьмы,
И человѣкъ, какъ отъ чумы,
Отъ васъ съ проклятіемъ отпрянетъ!
И вы, съ позоромъ на челѣ,
Пойдете, ужасомъ объяты,
Какъ древле братъ, убившій брата,
Искать пріюта на землѣ!

* * *

Въ судѣ онъ слушалъ приговоръ,
Его галеры ожидали,
Онъ былъ бѣднякъ, и былъ онъ воръ.
Недѣлю дѣти голодали,
И, нищетой удручена,
Глядѣла въ гробъ его жена;
Труды, заботы, огорченья,
Знать не по силамъ были ей;
И поддался онъ искушенью:
Укралъ на хлѣбъ семьѣ своей.
И осужденіе безстрастно
Прочелъ ему синедріонъ;
Казалось, нищетой ужасной
Никто изъ нихъ не пораженъ;
Примѣръ не новъ, да и напрасно
Жалѣть,—неумолимъ законъ!

Лишь одному людское горе
Доступно было въ этотъ мигъ,
Любовь въ одномъ свѣтилась взорѣ:
Глядѣлъ—и кротокъ и великъ —
Среди безмолвной тишины
Христосъ распятый со стѣны...

* * *

Разстался я съ обманчивыми снами
Моей давно исчезнувшей весны!
Казалось, жизни мутными волнами
Уже навѣкъ они унесены.

Казалось мнѣ, что нѣтъ ужъ къ нимъ возврата,
Смирился я предъ силой роковой;
За что страдалъ, боролся я когда-то —
Все я призналъ несбыточной мечтой.

Казалось, впрокъ пошли мнѣ наставленья
Тѣхъ мудрецовъ, что, мнѣ бѣдой грозя,
Твердили: «Брось безумныя стремленья!
«Порочный міръ пересоздать нельзя.

«Пусть онъ коварной лжи опутанъ сѣтью,—
«Не твой картонный мечъ ее прорветъ,
«Перешибить нельзя обуха плетью:
«Живи же такъ, какъ большинство живетъ!»

И годы шли: и въ жилахъ кровь все стыла,
Въ душѣ все гасла вѣра въ идеалъ...
И афоризмъ: «солому ломитъ сила»
Порывы думъ кипучихъ охлаждалъ...

Но отчего-жъ, когда, порою, снова,
Средь мудрецовъ съ остывшею душой,
Изъ юныхъ устъ восторженное слово
Услышу я, зовущее на бой,

На честный бой, во имя тѣхъ забытыхъ
Безумныхъ грезъ... О! отчего тогда
Вдругъ на моихъ поблекнувшихъ ланитахъ
Румянецъ вспыхнетъ жгучаго стыда?

И отчего такъ сильно сердце бьется,
Какъ билось въ дни весны моей оно,
И къ жизни вновь все просится и рвется,
Что въ глубинѣ его погребено?

Или, когда о нагломъ ликованьи,
О торжествѣ неправды слышу я, —
Зачѣмъ во мнѣ кипитъ негодованье,
И злобы такъ полна душа моя!

И кажется мнѣ пошлостью бездушной
Вся эта мудрость опытныхъ людей,
Которой я принесъ, какъ рабъ послушный,
Васъ въ жертву, грезы юности моей!...

Старики

Вотъ и опять мы, какъ въ прежніе годы,
Старый товарищъ, бесѣду ведемъ, —
И прожитыя когда-то невзгоды,
Смутнымъ какимъ-то намъ кажутся сномъ.

Сколько мы лѣтъ не видались съ тобою!
Сколько воды съ той поры утекло...
Старость, подкравшись къ намъ тихой стопою,
Изборotздила обоимъ чело;

Пламень, горѣвшій въ глазахъ, потушила;
Снѣгомъ обсыпала волосы намъ,
Гдѣ наша бодрость, отвага и сила?
Видно онѣ не подъ стать сѣдинамъ!

Помнишь, товарищъ, минуту разлуки?
Весело въ даль мы глядѣли тогда,
Жали другъ другу съ улыбкой мы руки,
Грозная насъ не страшила бѣда.

Мы говорили другъ другу, прощаясь:
Скоро желанное время придетъ;
Сбудется все, что толпа, издѣваясь,
Бредомъ, мечтаньемъ нелѣпымъ зоветъ.

Что-же ты вдругъ покачалъ головою?
Что улыбнулись такъ горько уста?
Молодость насъ обманула съ тобою...
Совѣсть зато у обоихъ чиста.

Бѣдны мы оба, въ потертой одеждѣ,
Много отъ насъ отшатнулось друзей.
Пусть ихъ! Но сердце въ насъ бьется, какъ прежде,
Вѣрой горячей въ добро и людей.

Пылъ нетерпѣнья въ душѣ охладили,
Свергли не мало кумировъ- -года;
Но и кумирамъ толпы не кадили
Въ чаяньи благъ мы земныхъ никогда.

Съ пѣной у рта не бросали каменья
Въ юность кипучую, если полна
Гордой отваги, въ пылу увлеченья,
Насъ за ошибки корила она.

Знаемъ мы оба, какъ время настанетъ
Намъ отъ житейскихъ трудовъ отдохнуть,
Лихомъ она стариковъ не помянетъ,
Скажетъ: они пролагали намъ путь.

Такъ-то, товарищъ! Разбитымъ и хилымъ,
Намъ остается глядѣть въ сторонѣ,
Какъ нарождаются новыя силы,
Какъ на борьбу выступаютъ онѣ.

Да, вспоминая прожитые годы,
Въ сердцѣ суровое небо молить,

Чтобъ миновали всѣ наши невзгоды
Тѣхъ, кто пришелъ насъ, отжившихъ, смѣнить.

* * *

Не говорите, что напрасно,
Что для безплодной лишь борьбы,
Стремленій чистыхъ и прекрасныхъ
Дано вамъ столько отъ судьбы.

Что все, чѣмъ полно сердце нынѣ,
Подавитъ жизни тяжкій гнетъ;
Что все растратится въ пустынѣ,
Что дать могло бы цвѣтъ и плодъ.

Къ чему напрасныя сомнѣнья!
Идите смѣлою стопой;
Вы не изъ тѣхъ, въ комъ увлеченья
Съ лѣтами гаснетъ жаръ святой.

Пусть духъ извѣдаетъ страданье,
Въ борьбѣ пусть будетъ закаленъ;
И изъ горнила испытанья
И чистъ, и крѣпокъ выйдетъ онъ.

Храните-жъ чистыя химеры
Души возвышенной своей,
И животворный пламень вѣры
Пусть до конца не гаснетъ въ ней!

Нищіе.

1.

Въ удушливый зной по дорогѣ
Оборванный мальчикъ идетъ;
Изрѣзаны камнями ноги,
Струится съ лица его потъ.

Въ походкѣ, въ движеньяхъ, во взорѣ
Нѣтъ рѣзвости дѣтской слѣда;
Сквозитъ въ нихъ тяжелое горе,
Какъ въ рубищѣ ветхомъ нужда.

Онъ въ городъ ходилъ наниматься
Къ богатымъ купцамъ въ батраки;
Да взять-то такого боятся:
Щедушный батракъ не съ руки.

Одинъ онъ... Свезли на кладбище
Вчера его старую мать.
Съ сумою подъ окнами пищу
Приходится, видно, сбирать...

2.

Карета шестеркой несется,
За нею пустился онъ вслѣдъ;
Но голосъ внутри раздается:
«Вотъ я тебѣ дамъ, дармоѣдъ!»

Сурово лакейскія лица
Взглянули при возгласѣ томъ,
И жирный господскій возница
Стегнулъ попрошайку кнутомъ;

И прочь отскочилъ онъ безъ крика,
Лишь сладить не могъ со слезой...
И дальше пошелъ горемыка,
Поникнувъ на грудь головой.

Усталый и зноемъ томимый,
Онъ въ рощѣ дубовой прилегъ;
И видитъ, съ котомкою, мимо
Плетется сѣдой старичекъ.

«Здорово, парнишка! откуда?
«Умаялся! Хворенькій, знать!»
— Изъ города, дѣдушка. Худо
Мнѣ больно.—«Не хлѣбца ли дать?»

«Немного я набралъ сегодня,
«Да надо тебя пожалѣть.
«Мнѣ съ голоду милость Господня
«Не дастъ, словно псу, околѣть....»

И съ братомъ голоднымъ, что было
Въ котомкѣ, онъ все раздѣлилъ;
Собравъ свои дряхлыя силы,
На ключъ за водицей сходилъ.

И горе пока позабыто;
И дружно бесѣда идетъ...
Голоднаго, видно, не сытый,
А только голодный пойметъ!

* * *

Нѣтъ, лучше гибель безъ возврата,
Чѣмъ миръ постыдный съ тьмой и зломъ,
Чѣмъ самому на гибель брата
Смотрѣть съ злораднымъ торжествомъ!
Нѣтъ, лучше въ темную могилу
Унесть безвременно съ собой
И сердца пылъ, и духа силу,
И грезъ безумныхъ, страстныхъ рой,
Чѣмъ промѣнять на сонъ отрадный
И честный трудъ, и честный бой
И незамѣтно въ тинѣ смрадной,
Въ грязи увязнуть съ головой!

Ю. В. ЖАДОВСКАЯ.

* * *

Грустная картина!
Облакомъ густымъ
Вьется изъ овина
За деревней дымъ.
Незавидна мѣстность:
Скудная земля,
Плоская окрестность,
Выжаты поля.
Все какъ бы въ туманѣ,
Все какъ будто спитъ...
Въ худенькомъ кафтанѣ
Мужичекъ стоитъ,
Головой качаетъ, —
Умолотъ плохой, —
Думаетъ - гадаетъ:
Какъ-то быть зимой?
Такъ вся жизнь проходитъ
Съ горемъ пополамъ;
Такъ и смерть приходитъ
Съ ней конецъ трудамъ.
Причаститъ больного
Деревенскій попъ;
Принесутъ сосновый
Отъ сосѣда гробъ;
Отпоютъ уныло...
И старуха мать
Долго надъ могилой
Будетъ причитать...

* * *

Говорятъ,—придетъ пора,
Будетъ легче человѣку,
Много пользы и добра
Свѣтитъ будущему вѣку.
Но до нихъ намъ не дожить,
И не зрѣть поры счастливой,
Горько дни свои влачить
И томиться терпѣливо.
Что-жъ? закатъ печальныхъ дней
Пусть надеждой озарится,
Что и ярче и свѣтлѣй
Утро міра загорится.
А быть можетъ, какъ узнать?
Лучъ его и насъ коснется,
И придется увидать,
Какъ заря съ зарей сойдется...

Н. А. Некрасову.

Стихъ твой звучитъ непритворнымъ страданьемъ,
Будто изъ крови и слезъ онъ возсталъ!
Полный ко благу могучимъ призваньемъ,
Многимъ глубоко онъ въ сердце запалъ.

Онъ непріятно счастливцевъ смущаетъ;
Гордость и спесь возстаютъ на него;
Онъ эгоизмъ глубоко потрясаетъ, —
Вѣрь мнѣ—не скоро забудутъ его!

Льнутъ къ нему чуткимъ, внимательнымъ ухомъ
Души измятыя жизни грозой;
Внемлютъ ему всѣ скорбящіе духомъ,
Всѣ, угнетенные сильной рукой...

* * *

Не твердилъ онъ мнѣ льстивыхъ рѣчей,
Не смущалъ похвалою медовой,
Но запало мнѣ въ душу навѣкъ
Его рѣзко-правдивое слово...

Онъ по-своему какъ-то любилъ,
Но любилъ онъ глубоко и страстно!
Жизни онъ не считалъ никогда
Глупой шуткой иль даромъ напраснымъ.

Онъ, порой, предразсудки бранилъ,
Но въ душѣ его не было злобы;
Слову честному, дружбѣ, любви
Онъ былъ вѣренъ и преданъ до гроба.

И хоть часто терзали его
Неудачи, враги и сомнѣнья;
Но онъ умеръ съ надеждой святой,
Что настанетъ пора обновл нья.

Что пойметъ, наконецъ, человѣкъ,
Что идетъ онъ дорогой лукавой,
И сознаетъ неправду душой,
И воротитъ на счастіе право...

Не твердилъ онъ мнѣ льстивыхъ рѣчей,
Не смущалъ похвалою медовой,
Но запало мнѣ въ душу навѣкъ
Его рѣзко-правдивое слово...

* * *

Нѣтъ, никогда поклонничествомъ низкимъ
Я покровительства и славы не куплю,
И лести я ни дальнимъ и ни близкимъ

Изъ устъ моихъ постыдно не пролью.
Предъ тѣмъ, что я всегда глубоко презирала,
Предъ чѣмъ порой дрожатъ достойные—увы!
Предъ знатью гордою, предъ роскошью нахала
Я не склоню свободной головы.
Пройду своимъ путемъ, хоть горестно, но честно,
Любя свою страну, любя родной народъ.
И, можетъ быть, къ моей могилѣ неизвѣстной
Бѣднякъ иль другъ со вздохомъ подойдетъ.
На то, что скажетъ онъ, на то, о чемъ помыслитъ,
Я вѣрно отзовусь безсмертною душой...
Нѣтъ, вѣрьте, лживый свѣтъ не знаетъ и не смыслитъ,
Какое счастье быть всегда съ самимъ собой!

* * *

Лучшій перлъ таится
Въ глубинѣ морской;
Зрѣетъ мысль святая
Въ глубинѣ души.
Надо сильно бурѣ
Море взволновать,
Чтобъ оно, въ бореньи,
Выбросило перлъ;
Надо сильно чувству
Душу потрясти,
Чтобъ она, въ восторгѣ,
Выразила мысль.

Н. Д. ХВОЩИНСКАЯ.

(В. Крестовскій).

* * *

Подъ шумъ заботы ежедневной,
Спокойно задремавъ душой,
Они выслушиваютъ гнѣвно
Сужденья жизни молодой.

Ихъ будитъ какъ-то непріятно
Могучій говоръ свѣжихъ силъ,
Имъ чувства наши непонятны, —
Тотъ ихъ не зналъ, тотъ пережилъ.

Имъ странно наше увлеченье,
Имъ дерзко кажется оно,
Досадно наше убѣжденье,
Безумно, гордо и грѣшно...

Не побѣдивъ упорнымъ крикомъ,
Они пугаютъ небомъ насъ...
Внимая ихъ угрозамъ дикимъ,
Я грустно думаю подчасъ:

Зачѣмъ за истину святую
Я не могу ихъ толкъ принять,
И мысль тревожную и злую
И усмирить, и оковать,—

Негодованье и волненье
Смиривъ, дать миръ душѣ моей,
Чтобъ къ невозможному стремленье
Не оставалося у ней?...

Мечты, желанья!... О, Богъ съ ними,
Когда имъ воли не дано,
Когда словами лишь пустыми
Имъ выражаться суждено!

* * *

Среди борьбы и разрушенья,
Жрецы покинутыхъ боговъ,
Еще твердимъ мы откровенья,
Уже не вѣря силѣ словъ.
Тотъ свѣтъ, что истиной мы звали,
Враждебной тьмы прогнать не могъ,
Мы усумнились въ немъ и пали
Въ смятеньи въ прахъ, на нашъ порогъ...
И слышны крики ликованья
Надъ потрясенною землей...
Мы говоримъ: уже-ль—мечтанья
Все, что признали мы душой?
Мы заблуждалися, мы люди...
Не благо-ль то, что свершено?
Тому-ли мы взывали: «буди!»
Что въ этомъ мірѣ быть должно?...
И только вопль враговъ неясный,
Ихъ торжествомъ не заглушенъ,
Намъ говоритъ: споръ не напрасный!
Мужайтесь! Онъ не разрѣшенъ!...

* * *

Стоялъ онъ, прислонясь къ стволу сухому дуба,
Плотнѣе запахнувъ кафтанъ суконный, грубый,
Разсѣянно глядя, какъ вѣтеръ кочевой
По нивѣ прогонялъ волну вслѣдъ за волной.
Шепталисѣ звонкіе колосья; листья, травы
Стлались встревожены на днѣ сухой канавы,
И колыхалися, высоки и пестры,
Цвѣты осенніе. Песчаный склонъ горы

Мелькалъ между дубовъ: даль синѣла,
И небо блѣдное подъ тучей холодѣло.

Стоялъ онъ, голову свободно приподнявъ
И въ зелень пышную цвѣтущихъ, свѣжихъ травъ
Спокойно опустивъ свои босыя ноги.
Двѣ лошади свой кормъ щипали при дорогѣ,
Но онъ забылъ о нихъ. Недвижный, дѣтскій взоръ
Лѣниво устремилъ онъ въ небо и просторъ:
Какъ будто думая, покорно и уныло,
Что есть другая жизнь, гдѣ воля, радость сила,—
И не свобода то, когда въ степи глухой
Гуляетъ только звѣрь, да вѣтеръ кочевой.

Отрывокъ.

Ихъ домъ былъ—барскій домъ, и въ немъ она жила
Какъ птичка грустная, привыкши къ клѣткѣ тѣсной.
Отецъ былъ строгъ, угрюмъ, съ холодною душой
И домогался все чего-то—неизвѣстно.
Мать славилась своей роскошной красотой,
Своимъ таинственнымъ вліяніемъ въ гостиной.
А дочь... Она, какъ тѣнь, передо мной стоитъ.
Ужъ вечеръ. Купидонъ на мраморномъ каминѣ
У стрѣлки часовой лукаво сторожитъ.
Она у зеркала одна, совсѣмъ одѣта;
Веселый, шумный балъ давно невѣсту ждетъ
И тотъ, кому она—на зависть, толки свѣта —
И руку дѣтскую и сердце отдаетъ.
«Союзъ сей, зависти самихъ боговъ достойный»,
Воспѣтъ піитами. Но будущій супругъ
Отъ почестей другимъ не могъ уснуть спокойно—
И станъ его согнулъ томительный недугъ.
Напрасныхъ происковъ, обманутыхъ желаній,
Хоть сладко онъ умѣлъ улыбкою прикрыть,
Предъ сильными земли всю злость своихъ страданій,
Улыбкой самъ умѣлъ счастливить и язвить,
Привѣтно кланялся новорожденной славѣ,
И это дѣлалъ онъ ужъ много, много лѣтъ.
Но крылась сѣдина подъ пудрой величавой,
А дряхлость бѣдныхъ рукъ подъ кружевомъ манжетъ.
Онъ вздумалъ полюбить! И образъ нѣжный, милый,
При имени любви, опять передо мной!...
Въ ту ночь она балконъ поспѣшно растворила
И сходитъ въ темный садъ, печальный и пустой.
Дитя! ей страшенъ шумъ листовъ, ночныя тѣни,
Ея отчаянный, свободный первый шагъ.
Но кто-то передъ ней склонился на колѣни
На сбитыхъ осенью, поблекнувшихъ листахъ,
И ручка бѣлая съ ея кольцомъ вѣнчальнымъ
На чью-то голову кудрявую легла,
И слезы горькія лились во тьмѣ печальной,
И непогода ихъ, разсѣявъ, унесла.
И были слезы тѣ о счастьи невозможномъ,
О горести его, о горести своей,
О томъ, чтобъ не винилъ онъ, пылкій и тревожный,
Въ невѣрности ее,—чтобы простилъ онъ ей.

И. С. НИКИТИНЪ.

Соха.

Ты соха-ли, наша матушка,
Горькой бѣдности помощница,
Неизмѣнная кормилица,
Вѣковѣчная работница!

По твоей-ли, соха, милости,
Съ хлѣбомъ гумна пораздвинуты,
Сыты злые, сыты добрые,
По полямъ ковры раскинуты!

Про тебя и вспомнить некому...
Что-жъ молчишь ты, безпривѣтная,
Что не въ славу тебѣ трудъ идетъ.
Не въ честь служба безотвѣтная?...

Ахъ, крѣпка, не знаетъ устали
Мужичка рука желѣзная,
И покоитъ соху матушку
Одна ноченька беззвѣздная!

На межѣ трава зеленая,
Полынь дикая качается;
Не твоя-ли доля горькая
Въ ея сокѣ отзывается?

Ужъ и кѣмъ же ты придумана,
Къ дѣлу на-вѣки приставлена?
Кормишь малаго и стараго,
Сиротой сама оставлена...

Пахарь.

Солнце за день нагулялося,
За кудрявый лѣсъ спускается.
Лѣсъ стоитъ подъ шапкой темною,
Въ золотомъ огнѣ купается.

На бугрѣ трава зеленая
Спитъ, вся искрами обрызгана,
Пылью розовой осыпана
Да каменьями унизана,

Не слыхать-то въ полѣ голоса,
Молча воронъ на межѣ сидитъ,
Только слышенъ голосъ пахаря,
За сохой онъ на коня кричитъ.

Съ ранней зорьки пашня черная
Бороздами подымается,
Конь идетъ,—понурилъ голову,
Мужичекъ идетъ,—шатается...

Зрѣетъ рожь, тебѣ заботушка,
Какъ-бы градомъ не побилася,
Безъ дождей въ жары не высохла
Отъ дождей не положилася.

Хлѣбъ поспѣлъ,—тебѣ кручинушка:
Убирать ты не управишься,
На корню-то онъ осыплется,
Безъ куска-то ты останешься.

Урожай,—купцы спѣсивятся,
Годъ плохой,—въ семьѣ всѣ мучатся,—
Все твой дворъ не поправляется,
Дѣтки грамотѣ не учатся.

Гдѣ же кладъ твой заколдованный,
Гдѣ талантъ твой, пахарь, спрятался?
На труды твои, да на горе
Вдоволь вчужѣ я наплакался!

Староста.

Что не туча темная
По небу плыветъ, —
На гумно по улицѣ
Староста идетъ.

Борода-то черная,
Красное лицо,
Волоса-то жесткіе
Завились въ кольцо.

Пузо перевязано
Краснымъ кушакомъ,
Плечи позатянуты
Синимъ кафтаномъ.

Палкой подпирается,
Бровью не ведетъ,
Въ сапоги-то новые
Мѣра ржи войдетъ.

Онъ идетъ по улицѣ, —
Безъ метлы мететъ;
Курица покажется, —
Въ ворота шмыгнетъ.

Одаль, да съ поклонами
Мужички идутъ,
Ребятишки малые
Ко дворамъ ползутъ.

Утомился староста:
На гумнѣ стоитъ,
Гладитъ усъ и бороду,
Да на людъ глядитъ.

На небѣ ни облачка,
Вѣтерокъ-атъ спитъ,
Солнце землю-матушку,
Какъ огнемъ палитъ.

Отъ цѣповъ-то стукъ и дробь,—
Стонетъ все гумно.
Бабъ и дѣвокъ жаръ печетъ,
Мужичковъ равно.

Староста надумался:
«Молоти дружнѣй!»
Бабъ и дѣвокъ потъ прошибъ,
Мужичковъ сильнѣй.

Бабу чернобровую
Староста позвалъ,
Рѣчь-то велъ разумную, —
Дѣло толковалъ...

Дура баба плюнула,
Молотить пошла.
То-то, значитъ, молодость,
Въ нуждѣ не была!

Умная головушка
Рубитъ не сплеча.
Староста не выпустилъ
Слова сгоряча.

На скирды посматривалъ,
Поглядѣлъ на рожь,
Поглядѣлъ и вымолвилъ:
«Умолотъ хорошъ!»

Улыбнулся ласково,
Дѣвокъ похвалилъ,
Бабѣ съ бровью черною
Чорта посулилъ.

«Вечеромъ, голубушка,
Чистить хлѣвъ пошлю...»
— Не грѣшно-ли, батюшка?—
«Нѣтъ, коли велю!»

Баба призадумалась...
Староста пошелъ,
Онъ прошелъ по улицѣ,
Безъ метлы подмелъ.

На гумнѣ-то стонъ стоитъ,
Весело гумно:

Пóтомъ обливается
Каждое зерно.

Пѣсня бобыля.

Ни кола, ни двора,
Зипунъ—весь пожитокъ...
Эхъ живи—не тужи,
Умрешь—не убытокъ!

Богачу-дураку
И съ казной не спится;
Бобыль голъ, какъ соколъ,
Поетъ-веселится.

Онъ идетъ, да поетъ,
Вѣтеръ подпѣваетъ;
Сторонись, богачи!
Бѣднота гуляетъ!

Рожь стоитъ по бокамъ,
Отдаетъ поклоны...
Эхъ присвистни, бобыль!
Слушай, лѣсъ зеленый!

Ужъ ты плачь ли, не плачь, —
Слезъ никто не видитъ;
Оробѣй, загорюй,—
Курица обидитъ.

Ужъ ты сытъ ли, не сытъ,—
Въ печаль не давайся,
Причешись, распахнись,
Шути, улыбайся!

Поживемъ, да умремъ!—
Будетъ голь пригрѣта...
Разумѣй, кто уменъ,—
Пѣсенка допѣта!

Мать и дочь.

Худа, ветха избушка
И, какъ тюрьма, тѣсна;
Слѣпая мать-старушка,
Какъ полотно, блѣдна.

Бѣдняжка потеряла
Свои глаза и умъ
И, какъ ребенокъ малый,
Чужда заботъ и думъ.

Все пѣсни распѣваетъ,
Забившись въ уголокъ,
И жизнь въ ней догораетъ,
Какъ въ лампѣ огонекъ.

А дочь, съ восходомъ солнца,
Иглу свою беретъ,
У свѣтлаго оконца
До темной ночи шьетъ.

Жара. Вокругъ молчанье,
Лѣниво день идетъ,
Докучныхъ мухъ жужжанье
Покоя не даетъ.

Старушки тихій голосъ
Безъ-умолку звучитъ...
И гнется дочь, какъ колосъ,
Тоска въ груди кипитъ.

Народъ неутомимо
По улицѣ снуетъ,
Идетъ все мимо, мимо,—
Богъ-вѣсть куда идетъ.

Ужъ ночь. Темно въ избушкѣ,
И некому мѣшать;
Осталося—къ подушкѣ
Припасть,—и зарыдать.

Разговоры.

Новой жизни заря —
И тепло и свѣтло:
О добрѣ говоримъ,
Негодуемъ на зло.

За родимый нашъ край
Наше сердце болитъ;
За прожитые дни
Мучитъ совѣсть и стыдъ.

Чтò намъ цвѣсть не даетъ,
Держитъ ростъ молодой,—
Такъ и сбросилъ-бы съ плечъ
Этотъ хламъ вѣковой!

Гдѣ-жъ вы, слуги добра!
Выходите впередъ...
Подавайте примѣръ!
Поучайте народъ!

Нашъ разумный порывъ,
Нашу честную рѣчь
Надо въ кровь притворить,
Надо плотью облечь.

Какъ повѣрить словамъ—
По часамъ мы ростемъ!
Закричатъ: «помоги!»—
Черезъ пропасть шагнемъ!

Въ насъ душа горяча,
Наша воля крѣпка,
И печаль за другихъ
Глубока, глубока!...

А приходитъ пора
Добрый подвигъ начать,
Такъ намъ жаль съ головы
Волосокъ потерять:

Тутъ раздумье и лѣнь,
Тутъ насъ робость возьметъ;
А слова... на словахъ
Соколиный полетъ!...

Погостъ.

Глубина небесъ синѣетъ,
Свѣтитъ яркая луна,
Церковь въ сумракѣ бѣлѣетъ,
На погостѣ тишина.

Тишина—не слышно звука,
Не горитъ огня въ селѣ.
Безпробудно скорбь и мука
Спитъ въ кормилицѣ землѣ.

Миръ вамъ, старыя невзгоды!
Память вѣчная слезамъ!
Вѣетъ воздухомъ свободы
По трущобамъ и лѣсамъ.

Золотыя искры свѣта
Проникаютъ въ глушь и дичь,
Слышенъ въ полѣ кличъ привѣта,
По степямъ веселый кличъ.

Портной.

Пали на долю мнѣ пѣсни унылыя,
Пѣсни печальныя, пѣсни постылыя,
Радъ бы не пѣть ихъ, да грудь надрывается,
Слышу я, слышу чей плачъ разливается:
Бѣдность голодная, грязью покрытая,
Бѣдность не смѣлая, бѣдность забитая;
Днемъ она гибнетъ, и въ полночь, и за-полночь,
Гибнетъ она,—и никто нейдетъ на помочь;
Гибнетъ она—и опоры нѣтъ волоса,
Теплаго сердца, знакомаго голоса...
Горькій полынь—эта пѣснь невеселая,
Пѣснь невеселая, правда тяжелая!
Кто здѣсь узнаетъ кручину свою?
Эту я пѣсню про бѣдность пою.

I.

Морозъ трещитъ и воетъ вьюга,
И хлопья снѣга другъ на друга
Ложатся, и растетъ сугробъ.
И, молчаливый, будто гробъ,
Весь домъ промерзъ. Три дня забыта,
Ужъ печь не топится три дня,
И нечѣмъ развести огня,
И дверь рогожей не обита:
Она стара и вся въ щеляхъ;
Бѣлѣетъ иней на стѣнахъ,
Окошко инеемъ покрыто,
И отъ мороза на окнѣ
Вода застыла въ кувшинѣ.
Нѣтъ крошки хлѣба въ цѣломъ домѣ,
И на дворѣ нѣтъ плахи дровъ.
Портной озябъ. Онъ нездоровъ
И головой поникъ въ истомѣ:
Печальна жизнь его была,
Печально молодость прошла,
Прошло и дѣтство безотрадно:
Съ крыльца ребенкомъ онъ упалъ,
На камняхъ ногу изломалъ,
Его посѣкли безпощадно...
Не умеръ онъ. Полубольнымъ
Все росъ, да росъ. Но чѣмъ кормиться!
Что̀ въ руки взять? Чему учиться?
И самоучкой сталъ портнымъ.
Женился бѣдный,—все не радость:
Жена не долго пожила
И Богу душу отдала
Въ родахъ подъ Пасху. Вотъ и старость
Теперь пришла. А дочь больна,
Ужъ кровью кашляетъ она.
И все прядетъ, прядетъ все пряжу,
Иль, молча, спицами звенитъ,
Перчатки вяжетъ на продажу,
И все груститъ, и все груститъ.
Робка, какъ птичка полевая,
Живетъ одна, живетъ въ глуши.
Въ глухую полночь, чуть живая,
Встаетъ и молится въ тиши.

II.

Морозъ и ночь. Въ своей постели
Не спитъ измученный старикъ;
Его глаза глядятъ безъ цѣли,
Безъ цѣли онъ зажегъ ночникъ.
Лежитъ и стонетъ. Дочь привстала
И посмотрѣла на отца:
Онъ блѣденъ, хуже мертвеца...
«Что-жъ ты не спишь?» она сказала.
— Такъ, скучно. Хоть бы разсвѣло...
Ты не озябла? — «Мнѣ тепло...»
И разсвѣло. Окрѣпъ и холодъ.
Но хлѣба, хлѣба гдѣ добыть?
Суму надѣть иль воромъ быть?
О, будь ты проклятъ, страшный голодъ!
Куда итти? Кого просить?
Иль самого себя убить?
Портной привсталъ. Нѣтъ, силы мало!

Всѣ кости ноютъ, все болитъ;
Дочь посинѣла и дрожитъ...
Хотѣлъ заплакать,—слезъ не стало...
И со двора, въ нѣмой тоскѣ,
Побрелъ онъ съ костылемъ въ рукѣ.
Куда? онъ думалъ не о пищѣ,
Шелъ не за хлѣбомъ,—на кладбище
Шелъ бить могильщику челомъ;
Онъ былъ давно ему знакомъ.
Но какъ начать? Неловко было...
Портной съ нимъ долго толковалъ...
О томъ, о семъ; а сердце ныло...
И, наконецъ, онъ шапку снялъ:
«Послушай, сжалься, ради Бога!
Мнѣ остается жить немного;
Нельзя ли тутъ, вотъ, въ сторонѣ,
Могилу приготовить мнѣ?»
— Ого!—могильщикъ улыбнулся,
Ты шутишь, иль въ умѣ рехнулся?
Умрешь,—зароютъ, не грусти...
Грѣшно болтать-то безъ пути... —
«Зароютъ, другъ мой, я не спорю.
Вѣдь, дочь-то, дочь моя больна;
Куда просить пойдетъ она?...
Кого?... Ужъ пособи ты горю!
Платить-то нечѣмъ... Я бы радъ,
Я заплатилъ бы... вырой, братъ!...
— Земля-то, видишь ты, застыла...
Рубить-то будетъ не легко. —
«Ты такъ... не очень глубоко,
Не очень... все-таки могила!
Просить и совѣстно,—нужда!»
— Пожалуй, вырыть не бѣда!

III.

И слегъ портной. Лицо пылаетъ,
Въ бреду онъ громко говоритъ,
Что Божій гнѣвъ ему грозитъ,
Что грѣшникомъ онъ умираетъ,
Что онъ повѣситься хотѣлъ,
И только Катю пожалѣлъ.
Дочь плачетъ: «полно, ради Бога!
У насъ тепло, обита дверь,
И чай налитъ: онъ есть теперь,
И есть дрова, и хлѣба много,—
Все дали люди... Встань, родной!»
И вотъ встаетъ, встаетъ портной.
— «Ты понимаешь? Жизнь смѣется,
Смѣется... Кто тутъ зарыдалъ?
Не кашляй! тише! кровь польется...»
И навзничь мертвымъ онъ упалъ.

Нищій.

И вечерней, и ранней порою
Много старцевъ, и вдовъ, и сиротъ
Подъ окошками ходитъ съ сумою,
Христа-ради на помощь зоветъ.

Надѣваетъ-ли сумку неволя,
Неохота-ли взяться за трудъ, —
Тяжела и горька твоя доля,
Безпріютный, оборванный людъ!

Не откажутъ тебѣ въ подаяньи,
Не умрешь ты безъ крова зимой, —
Жаль разумное Божье созданье,
Человѣка въ грязи и съ сумой!

Но бѣднѣе и хуже есть нищій:
Не пойдетъ онъ просить подъ окномъ.
Цѣлый вѣкъ, изъ одежды и пищи,
Онъ работаетъ ночью и днемъ.

Спитъ въ лачужкѣ на грязной соломѣ,
Богатырь въ безысходной бѣдѣ,
Крѣпче камня въ несносной истомѣ,
Крѣпче мѣди въ кровавой нуждѣ.

По́-смерть зерна онъ въ землю бросаетъ,
По́-смерть жнетъ, а нужда продаетъ;
О немъ облако слезы роняетъ,
Про тоску его буря поетъ.

* * *

Медленно движется время,—
Вѣруй, надѣйся и жди...
Зрѣй, наше юное племя!
Путь твой широкъ впереди.
Молніи насъ освѣтили,
Мы на распутьи стоимъ...
Мертвые въ мірѣ почили,
Дѣло настало живымъ.

Сѣялось сѣмя вѣками, —
Корни въ землѣ глубоко;
Срубишь лѣса топорами,—
Зло вырывать не легко:
Намъ его въ дѣтствѣ привили,
Дѣды сроднилися съ нимъ...
Мертвые въ мірѣ почили,
Дѣло настало живымъ.

Стыдъ, кто безсмысленно тужитъ,
Листья зашепчутъ: онъ нѣмъ!
Слава, кто истинѣ служитъ,
Истинѣ жертвуетъ всѣмъ!
Поздно глаза мы открыли,

Дружно на трудъ поспѣшимъ...
Мертвые въ мирѣ почили,
Дѣло настало живымъ.

Рыхлая почва готова,
Сѣйте, покуда весна:
Добраго дѣла и слова
Не пропадутъ сѣмена.
Гдѣ мы и какъ ихъ добыли—
Внукамъ отчетъ отдадимъ...
Мертвые въ мирѣ почили,
Дѣло настало живымъ.

И. И. ГОЛЬЦЪ-МИЛЛЕРЪ.

Къ родинѣ.

Хоть и не сладокъ мнѣ, о, родина, твой дымъ
И болѣе упрековъ, чѣмъ благословеній
Я посылалъ тебѣ; хоть предъ лицомъ твоимъ
Я никогда не гнулъ и не согну колѣней,
Но если бы мнѣ стать на судъ пришлося твой
За то, что отнестись къ тебѣ я смѣлъ съ укоромъ, —
Предсталъ бы я на судъ съ спокойною душой,
А не съ потупленнымъ, по фарисейски, взоромъ.
Да, чистъ я предъ тобой, и я люблю тебя
Не той сценически красивою любовью,
Что смотритъ въ зеркало сторонкой на себя
Въ тотъ самый мигъ, какъ истекаетъ кровью...
Любовь моя къ тебѣ спокойна и проста,
Хоть одинаково твоя безповоротно;
Не знаютъ вовсе льстивыхъ словъ ея уста
И въ изліянія вступаютъ неохотно.
Но если жизнь моя нужна,—она твоя,
Мой трудъ — и онъ тебѣ принадлежитъ всецѣло;
И только мысль моя—одна вполнѣ моя,
Она дороже мнѣ, чѣмъ кровь моя и тѣло!

„Слу-шай“.

Какъ дѣло измѣны, какъ совѣсть тирана,
Осенняя ночка черна...
Чернѣй этой ночи встаетъ изъ тумана
Видѣніемъ мрачнымъ тюрьма.
Кругомъ часовые шагаютъ лѣниво;
Въ ночной тишинѣ, то и знай,
Какъ стонъ, раздается протяжно, тоскливо:
— Слу-шай!...

Хоть плотны высокія стѣны ограды,
Желѣзные крѣпки замки,
Хоть зорки и ночью тюремщиковъ взгляды,
И всюду сверкаютъ штыки,
Хоть тихо внутри, но тюрьма не кладбище,
И ты, часовой, не плошай:
Не вѣрь тишинѣ, берегися, дружище!
— Слу-шай!...

Вотъ узникъ вверху, за рѣшеткой желѣзной
Стоитъ, прислонившись къ окну,
И взоръ устремилъ онъ въ глубь ночи беззвѣздной,
Весь словно впился въ тишину...
Ни звука!... Порой лишь собака зальется,
Да крикнетъ сова невзначай,
Да мѣрно внизу подъ окномъ раздается:
— Слу-шай!...

«Не дни и не мѣсяцы—долгіе годы
Въ тюрьмѣ осужденъ я страдать,
А бѣдное сердце такъ жаждетъ свободы,—
Нѣтъ, дольше не въ силахъ я ждать!...
Здѣсь штыкъ или пуля,—тамъ воля святая,—
Эхъ, черная ночь, выручай!
Будь узнику ты хоть защитой, родная!...»
— Слу-шай!...

Чу!... шелестъ... — Вотъ кто-то упалъ... приподнялся...
И два раза щелкнулъ курокъ...
«Кто идетъ?...» Тѣнь мелькнула,—и выстрѣлъ раздался,
И ожилъ мгновенно острогъ.
Огни замелькали, забѣгали люди...
«Прощай жизнь, свобода, прощай!» —
Прорвалося стономъ изъ раненой груди...
— Слу-шай!...

И снова все тихо...—На небѣ несмѣло
Луна показалась на мигъ,
И словно сквозь слезы, изъ тучъ поглядѣла
И скрыла заплаканный ликъ....
Внизу-жъ часовые шагаютъ лѣниво;
Въ ночной тишинѣ, то-и-знай,
Какъ стонъ, раздается протяжно, тоскливо:
— Слу-шай!...

СТУДЕНТЫ.

Узнику [1].

Изъ стѣнъ тюрьмы, изъ стѣнъ неволи,
Мы братскій шлемъ тебѣ привѣтъ,
Пусть облегчитъ въ часъ злобной доли
Тебя онъ, нашъ родной поэтъ!
Проклятымъ гнетомъ самовластья
Намъ не дано тебя обнять
И дань любви, и дань участья
Тебѣ, учитель нашъ, воздать.
Но день придетъ, и на свободѣ
Мы про тебя разскажемъ все,
Разскажемъ въ русскомъ мы народѣ,
Какъ ты страдалъ изъ-за него.
Да, сѣялъ доброе ты сѣмя,
Вѣщалъ ты слово правды намъ.
Вѣрь,—плодъ взойдетъ, и наше время
Отмститъ сторицею врагамъ.
И разорветъ позора цѣпи,
Сорветъ съ чела ярмо раба
И призоветъ изъ снѣжной степи
Сыновъ народа и тебя.

[1]) Это стихотвореніе послано было арестованному поэту М. Л. Михайлову студентами, заключенными въ крѣпость въ Петербургѣ. *Примѣч. В. Б. Б.*

М. Л. МИХАЙЛОВЪ.

Отвѣтъ студентамъ [1]).

Крѣпко, дружно васъ въ объятья
Всѣхъ бы, братья, заключилъ,
И надежды и проклятья
Съ вами, братья, раздѣлилъ.
Но тупая сила злобы
Вонъ изъ братскаго кружка
Гонитъ въ снѣжные сугробы,
Въ тьму и холодъ рудника.
Но и тамъ, на зло гоненью,
Вѣру лучшую мою
Въ молодое поколѣнье
Свято въ сердцѣ сохраню.
Въ безотрадной мглѣ изгнанья
Твердо буду свѣта ждать
И въ душѣ одно желанье,
Какъ молитву повторять:
Будь борьба успѣшнѣй ваша,
Встрѣть въ бою побѣда васъ,
И минуй васъ эта чаша,
Отравляющая насъ!...

* * *

Если лѣтъ безстрастныхъ холодъ
Все въ тебѣ оледенилъ,
И забылъ ты, какъ любилъ,
Какъ боролся, какъ былъ молодъ;
Если юной жизни гулъ
Мирно спать тебѣ мѣшаетъ,—
Что же гробъ тебя пугаетъ?
Въ немъ бы крѣпче ты заснулъ.

Подъ землей ужъ не наскучатъ
Дѣти шумомъ... Шуму нѣтъ,—
И безсонницы не мучатъ,
И проходитъ злобный бредъ.

* * *

Вечеромъ душнымъ, подъ черными тучами насъ похоронятъ;
Молнія вспыхнетъ, заропщетъ рѣка, и дубрава застонетъ;
Ночь будетъ бурная: необозримою властью могучи,
Громомъ, огнемъ и дождемъ разразятся угрюмыя тучи,—
И надъ могилами нашими, радостный день предвѣщая,
Радугу утро раскинетъ по небу отъ края до края.

* * *

Зимнія вьюги завыли
Въ нашихъ пустыняхъ глухихъ;
Саваномъ снѣга закрыли
Мертвыхъ они и живыхъ.

Гробъ—моя темная келья,
Крышка тяжелая—сводъ;
Вѣтеръ полночный въ ущельѣ
Мнѣ панихиду поетъ.

[1]) Это стихотвореніе М. Л. Михайловъ послалъ студентамъ, сидѣвшимъ въ это время въ тюрьмѣ и приславшимъ ему привѣтственное стихотвореніе подъ заглавіемъ «Узнику». (См. выше). *Примѣч. В. Б. Б.*

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Михайлову

Закованъ тяжелой желѣзною цѣпью,
Идешь ты, изгнанникъ, въ холодную даль,
Идешь безконечною, снѣжною степью,
Идешь въ рудокопы на трудъ и печаль.

Иди безъ унынья, иди безъ роптанья,
Твой подвигъ прекрасенъ, и святы страданья.

И вѣрь неослабно, нашъ мученикъ ссыльный,
Иной рудокопъ не исчезъ, не потухъ.
Незримый, но слышный, повсюдный, всесильный
Народной свободы таинственный духъ.

Иди-жъ безъ унынья, иди безъ роптанья,
Твой подвигъ прекрасенъ, и святы страданья.

Онъ роется мыслью, работаетъ словомъ,
Онъ юношей будитъ въ безмолвьи ночей;
Пророчитъ о племени сильномъ и новомъ,
Хоронитъ безжалостно ветхихъ людей.

Иди-жъ безъ унынья, иди безъ роптанья.
Твой подвигъ прекрасенъ, и святы страданья.

Онъ создалъ тебя и въ плѣну не покинетъ,
Онъ стражу разгонитъ и цѣпь раскуетъ;
Онъ камень отъ входа темницы отдвинетъ,
На праздникъ народный тебя призоветъ.

Иди-жъ безъ унынья, или безъ роптанья,
Твой подвигъ прекрасенъ, и святы страданья.

Д. Л. МИХАЛОВСКІЙ.

* * *

Я не ропщу, хоть въ книгѣ жизни скучной
Не встрѣтилъ я страницы золотой.
И мнѣ шепталъ какой-то духъ докучный:
«За всѣ труды—лишь саванъ гробовой».

Я не ропщу, хоть быстро я дряхлѣю,
И мнѣ уже осталось мало жить:
О жизни я нисколько не жалѣю,
Когда-нибудь конецъ ей долженъ быть.

Но я скорблю, что глупо, безобразно
Она прошла: я втунѣ бремя несъ,
Терпѣлъ, страдалъ, боролся, мыслилъ праздно,
И никому я пользы не принесъ,

Что всѣ мои стремленья и усилья
Моя судьба къ ничтожеству свела,
Мнѣ на смѣхъ давъ подрѣзанныя крылья
Съ порывами могучаго орла.

* * *

Догораетъ свѣча, догораетъ,
А другого свѣтильника нѣтъ...
Пусть мой трудъ остановки не знаетъ,
Пока длится мерцающій свѣтъ.

Пусть отъ дрёмы, усталости, скуки
Не тускнѣетъ мой блещущій взглядъ,
Пусть мой умъ, мое сердце и руки
Сдѣлать все, что возможно спѣшатъ,

Чтобъ во тьмѣ меня мысль утѣшала,
Что послѣдняя вспышка огня,
Что послѣдняя искра—застала
За полезной работой меня;

Чтобъ, идя поневолѣ къ покою,
Могъ сказать я въ тотъ горестный часъ:
«Я умножилъ хоть горстью одною
Добрыхъ дѣлъ моихъ скудный запасъ».

Homo sum.

Когда я жилъ воображеньемъ,
Уединясь отъ всѣхъ заботъ,
И оскорблялъ пренебреженьемъ
Вокругъ трудящійся народъ,—

Случайно вздохи долетѣли
Ко мнѣ изъ тѣсныхъ городовъ,
Гдѣ на соломѣ коченѣли
Семейства жалкихъ бѣдняковъ,

Домчались съ поля битвы звуки,
Что кровь намъ въ жилахъ леденятъ:
Тамъ, корчась отъ смертельной муки,
Стоналъ израненный солдатъ.

Кого крикъ боли не тревожитъ?
Кто средь безчисленныхъ скорбей
Жить въ беззаботномъ счастьи можетъ
Храня покой души своей?

На жизнь смотрю другимъ я взоромъ
Съ того мнѣ памятнаго дня,
И вздохи тяжкіе укоромъ
Вездѣ преслѣдуютъ меня.

Внимая стонамъ ихъ молящимъ,
Несу я бремя новыхъ узъ:
Я съ человѣчествомъ скорбящимъ
Вступилъ въ таинственный союзъ!

И связи этой не нарушу:
Въ заботахъ о его судьбѣ,
Я человѣческую душу
Лишь нынѣ чувствую въ себѣ.

Мечтателю.

Волю давъ воображенью
И порывамъ праздныхъ думъ,
Всей вселенной къ улучшенью
Напрягаешь ты. свой умъ;

Возишь, въ суетной надеждѣ,
Плугъ по нивамъ міровымъ,—
Но занялся ли ты прежде
Полемъ собственнымъ своимъ?

Ты вѣщаешь горделиво:
«Въ мірѣ — плевелы и тьма!»
Но твоя готова-ль нива,
Нива сердца и ума?

Если нѣтъ — своимъ заботамъ
Одобренья не проси;
Прежде жаркимъ, крупнымъ потомъ
Эту ниву ороси,

Чтобы жатвою обильной
Вся покрылася она,—
И тогда рукою сильной
Бросишь въ міръ ты сѣмена.

О, тогда они безспорно
Въ пустотѣ не пропадутъ,
И послужитъ благотворно
Человѣчеству твой трудъ.

Въ горахъ.

Мрачны горы, покрытыя тучами,
Всѣ ущелья наполнила мгла,
Завладѣла провалами, кручами
И на днѣ пропастей залегла.
Неба нѣтъ; съ его мантіей звѣздною
Оно скрылось и свѣта не льетъ;
Я стою надъ какою-то бездною.
Тьма ночная растетъ и растетъ...
Глубже, глубже во мракъ укрываются
Ребра скалъ и обрывы стремнинъ,
Тамъ и сямъ изъ него выдвигаются
Шапки бѣлыя снѣжныхъ вершинъ.
Все недвижно, туманъ лишь колышется,
Все безмолвно, лишь гдѣ-то вдали
Грохотанье какое-то слышится,
Шумъ глухой, точно въ нѣдрахъ земли.
То потоки гремятъ, водопадами
Низвергаясь съ отвѣсныхъ стремнинъ:
То ручей, окруженный громадами
Голыхъ скалъ, рвется въ лоно долинъ.
Ты угрюма, пустыня дремучая,
Но, я вижу, есть жизнь и въ тебѣ:
То ручьевъ твоихъ влага кипучая,
Неустанная въ вѣчной борьбѣ.
Ты ужасна, пустыня безлюдная,
Смертью вѣютъ твои ледники,
Но питаетъ ихъ масса холодная
Твои рѣчки, твои родники.
Они въ нѣдрахъ твоихъ зарождаются
И на вольный, широкій просторъ
Съ бурнымъ плескомъ затѣмъ вырываются
Изъ твоихъ непривѣтливыхъ горъ.
Ты—ихъ мать, но струей своей чистою
Они сердце твое разорвутъ,
Взроютъ почву твою каменистую,
Но не ей плодородье дадутъ;
Потекутъ они къ морю долинами,
Будутъ ихъ своей влагой питать,
Далеко за твоими тѣснинами
Разливая свою благодать.

Ты, измученный гордымъ страданіемъ,
Мысли, правды, добра исполинъ,
Ты, въ вѣкахъ озаренный сіяніемъ,
Какъ снѣга этихъ горныхъ вершинъ,
Окруженъ ты густыми туманами
Неразумья и всякаго зла;
Въ твое сердце, покрытое ранами,
Грусть, какъ черная тѣнь, залегла...
Я сравню тебя съ этой пустынею:
Какъ она, ты печаленъ, угрюмъ;
Но великъ ты, съ великой святынею
Твоихъ творческихъ, пламенныхъ думъ.
Въ ореолѣ могучаго генія
Ты стоишь, величавъ, одинокъ;
Твои мысли, желанья, стремленія —
Это гордый кипучій потокъ.
Твое сердце терзаетъ онъ муками,
Веселитъ въ одинокой тиши,
Наполняя тревожными звуками
Глубину твоей мощной души.
Больше, больше потокъ разрастается,

Крѣпнетъ онъ въ непрерывной борьбѣ,
Но затѣмъ на просторъ вырывается:
Онъ остаться не могъ при тебѣ...
Ты взлелѣялъ волну эту сильную,
Какъ любимое чадо свое,
И со всей ея влагой обильною
Человѣчеству отдалъ ее.

Сѣятели.

Шагъ за шагомъ, стезей одинокою
Слово правды сквозь мракъ мы несемъ,
Съ вѣрою чистою, съ вѣрой глубокою
Возрастивъ ее въ сердцѣ своемъ.

Мы ее такъ хранили, лелѣяли, —
Но теперь насъ сомнѣнья гнетутъ:
Не пожнемъ мы того, что мы сѣяли,—
Можетъ быть, только внуки пожнутъ.

И то будетъ ли жатва обильная?
Плодотворна ли будетъ она?
Или почва сухая, безсильная
Превратитъ въ лебеду сѣмена?

Но къ чему намъ безплоднымъ сомнѣніемъ
Наболѣвшія мучить сердца?
Мы трудились съ великимъ терпѣніемъ,
Мы работали въ потѣ лица,

Съ безконечной борьбой и тревогою
Свѣтъ вливая въ сердца и умы...
Пусть и внуки надъ нивой убогою
Поработаютъ такъ же, какъ мы.

Пусть хоть два или три полныхъ колоса
На посѣвъ она имъ принесетъ.
Когда съ нами звукъ нашего голоса
Въ темномъ мірѣ забвенья умретъ.

П. И. ВЕЙНБЕРГЪ.

Нашимъ врагамъ.

Оставьте насъ! Въ шипящей злости
Вы намъ и гнусны, и смѣшны.
Оставьте—вы не въ пору гости
На свѣтломъ праздникѣ весны.

Напрасно бьете вы тревогу,
Стараясь ужасъ пробудить:
Для насъ открытую дорогу
Не вамъ, не вамъ загородить!

Оставьте насъ! Когда весною,
Въ сіяньи первой теплоты,
Раскроетъ съ силой молодою
Могучій дубъ свои листы —

Тогда ничто его свободы
И свѣжихъ силъ не сокрушитъ:
Подъ бурнымъ вихремъ непогоды
Непоколебимо онъ стоитъ,

Удары смѣло переноситъ,
Растетъ и крѣпнетъ по часамъ
И гордо голову возноситъ
Къ своимъ завѣтнымъ небесамъ.

Поэтъ.

Замолкло все. Сплошнымъ навѣсомъ
Недвижныхъ тучъ тяжелый сводъ
Повисъ надъ мрачно стихшимъ лѣсомъ,
Надъ потемнѣвшей гладью водъ.

Нигдѣ ни звука, ни движенья.
Застылъ, какъ мертвый, воздухъ самъ—
Какъ будто часъ уничтоженья
Пробилъ землѣ и небесамъ...

Но вдругъ—далеко—змѣйка свѣта,
Скользнувъ, прорѣзываетъ тьму...
Глухой раскатъ пронесся гдѣ-то,
Другой и третій вслѣдъ ему...
Вотъ ближе, громче рокотанье,
Вотъ чаще и свѣтлѣе блескъ,
И все слилось въ гигантскій трескъ,
Въ неугасимое сверканье.
И вторя имъ, изъ щедрыхъ тучъ,
На нивы, мучимыя жаждой,
Дождь низвергается—могучъ
И плодотворенъ каплей каждой...

Таковъ и ты пророкъ-поэтъ
Стоишь недвижный и суровый,
Какъ будто въ сердцѣ жизни нѣтъ,
Какъ будто кровъ сковалъ свинцовый,
Могильный сонъ... Но тишина—
Передъ грозой. То зрѣетъ дума
Въ тебѣ таинственно, безъ шума.
Но часъ приспѣетъ — и она
Изъ тайниковъ души священныхъ
Ворвется съ громомъ и огнемъ
Въ порочный міръ, и мчится въ немъ
Впередъ на крыльяхъ вдохновенныхъ,
Повсюду свѣтъ и красоту
Волшебно къ жизни вызывая,

Побѣдоносно разсѣвая
И мракъ, и смрадъ, и духоту...
И все, что сохнетъ подъ палящимъ
Огнемъ пустыни и песковъ,
Кропя дождемъ животворящимъ
Для жатвы будущихъ вѣковъ.

* * *

Безконечной пеленою
Развернулось предо мной
Старый другъ мой — море.
Сколько власти благодатной
Въ этой шири необъятной,
Въ царственномъ просторѣ!

Я пришелъ на берегъ милый,
Истомленный и унылый,
Съ ношею старинной
Всѣхъ надеждъ моихъ разбитыхъ,
Всѣхъ сомнѣній ядовитыхъ,
Всей тоски змѣиной.
Я пришелъ повѣдать морю,
Что съ судьбой ужъ я не спорю;
Что бороться долѣ
Силы нѣтъ, что я смирился
И позорно поклонился
Безобразной долѣ.

Но когда передо мною
Безконечной пеленою
Развернулось море,
И, отваги львиной полны,
Вдругъ запѣли пѣсню волны
Въ исполинскомъ хорѣ,
Пѣсню мощи и свободы,
Пѣсню грозную природы,
Жизнь берущей съ бою —
Все во мнѣ затрепетало,
И такъ стыдно, стыдно стало
Предъ самимъ собою —
За унынье, за усталость,
За болѣзненную вялость,
За утрату силы
Ни предъ чѣмъ не приклоняться
И съ врагомъ-судьбой сражаться
Смѣло до могилы!

Отряхнулъ съ себя я снова
Малодушія пустого
Пагубное бремя,
И врагу, съ отвагой твердой.
Снова кинулъ вызовъ гордый,
Какъ въ былое время...
А сѣдыя волны моря,
Пробужденью духа вторя
Откликомъ природы,
Все быстрѣй впередъ летѣли
Все грознѣе пѣсню пѣли
Жизни и свободы!...

Два преступника.

I.

По владимирской торной дорогѣ,
Провалявшись два года въ острогѣ,
Подъ конвоемъ дѣтина идетъ;
Крѣпко скованы ноги и руки,
И глухіе, протяжные звуки
Молодецкая грудь издаетъ.

Надрывается вьюга отъ злобы,
Вдоль степей снѣговые сугробы,
Словно бѣлые духи, стоятъ;
Холодны и безмолвны тѣ степи,
Только вѣтеръ бушуетъ, да цѣпи
На ногахъ арестанта звенятъ.

Не гадалъ и не думалъ бѣдняга,
Что какъ воръ душегубецъ, бродяга
Онъ пойдетъ изъ родного села....
Да напасть приключилась такая,
Погубила жена молодая,
Какъ змѣя, молодца извела...

Не боясь ни стыда, ни огласки,
За любовь, за горячія ласки
Заплатила измѣной она;
Не стерпѣлъ онъ—рука расходилась,
И въ крови подъ ножемъ повалилась
Молодая злодѣйка-жена...
. . . .
По владимирской торной дорогѣ,
Провалявшись два года въ острогѣ,
Подъ конвоемъ убійца идетъ;
Крѣпко скованы ноги и руки,
И глухіе, протяжные звуки
Молодецкая грудь издаетъ.

И уйдетъ онъ далёко, далёко,
И застонетъ глубоко, глубоко,
На цѣпи, въ темнотѣ рудника,
И до смерти клеймо отверженья—
Страшный символъ людского отмщенья—
Будетъ жечь и терзать бѣдняка...
Не ропщи на суровую долю,
Позабудь про минувшую волю,
Пусть гнетущій, убійственный трудъ
Истерзаетъ и душу, и тѣло...
Надъ тобой справедливое дѣло
Совершилъ человѣческій судъ!

II.

Далеко отъ сибирской дороги
Вознеслись дорогіе чертоги.
Залитой освѣщеніемъ залъ.
Обнаженныя плечи и руки,
И оркестра волшебные звуки
Возвѣщаютъ блистательный балъ.

Представителей высшаго свѣта
Съ величавой улыбкой привѣта
Принимаетъ хозяинъ-старикъ;
Онъ царитъ надъ изящнымъ собраньемъ,
И достоинства гордымъ сознаньемъ
Осѣненъ представительный ликъ.

Ни раздумья на немъ, ни кручины...
Передъ нимъ изгибаются спины,
Пышный рой джентльменовъ и дамъ
Съ уваженьемъ его обступаетъ
И почтительно жадно внимаетъ
Поучительно мудрымъ рѣчамъ....

Отчего же, средь блеска и шума,
Погруженный въ зловѣщую думу,
Я печально стою въ сторонѣ?
Что за вопли отчаянной муки
Сквозь волшебные бальные звуки
Отовсюду несутся ко мнѣ?

Въ раззолоченныхъ этихъ покояхъ,
На коврахъ, на шелку, на обояхъ,
Средь ликующихъ этихъ гостей—
Мнѣ мерещутся только могилы,
Да работой разбитыя силы
Да рыданія вдовъ и дѣтей...

И на лицахъ несчастныхъ созданій,
Изнемогшихъ подъ гнетомъ страданій,
Нищеты, оскорбленій, утратъ,
Я читаю ужасную повѣсть
Про дѣла, запятнавшія совѣсть
Обладателя пышныхъ палатъ;

Про ступени грѣха и порока,
По которымъ высоко, высоко
Возносился надменный богачъ,
Оставляя вездѣ за собою
Столько жертвъ, сокрушенныхъ борьбою,
И проклятья, и стоны, и плачъ...

Но картина зловѣщая эта
Холодна и незрима для свѣта,
И спокойно проходитъ злодѣй
По дорогѣ своей безмятежной,
Окруженный любовію нѣжной
И почтеніемъ добрыхъ людей...

Добрый путь тебѣ, старецъ маститый,
Уваженьемъ и славой покрытый,
Какъ наградой за честность и трудъ...
Проходи горделиво и смѣло—
Надъ тобой справедливое дѣло
Совершилъ человѣческій судъ.

Конгрессъ мира.

На конгрессѣ мира собралися люди.
Чувствомъ благороднымъ въ нихъ согрѣты груди;
Всходятъ на трибуну и съ душевнымъ крикомъ
Говорятъ о войнахъ, какъ о злѣ великомъ,
Какъ о страшной казни мысли и свободы!...
Говорятъ о братствѣ и зовутъ народы
Подъ благое знамя мира и работы...

Города и села, вдовы и сироты,
Труженники-люди—всѣ внимаютъ жадно
Слову добрыхъ братьевъ. Вѣрить имъ отрадно
Что безплоднымъ крикомъ не замрутъ тѣ рѣчи,
Что умолкнутъ въ мірѣ гибельныя сѣчи,
И земля не будетъ обагряться кровью,
И пойдутъ народы съ братскою любовью
По дорогѣ мира, до скончанья вѣка
Насаждая всюду благо человѣка.

Я, какъ и другіе, съ чувствомъ упованья
Слушаю всѣ эти жаркія воззванья...
Но межъ тѣмъ какъ слухъ мой услаждаютъ рѣчи—
На заводахъ льются ядра и картечи,
Выростаютъ пушки—грозные гиганты;
Дружно въ состязанье входятъ фабриканты
Съ мыслью отличиться и представить міру
Новаго устройства пушку иль мортиру.
И ученый техникъ въ скромномъ кабинетѣ
Трудится ужасно, все забывъ на свѣтѣ,
Призываетъ въ помощь всю свою науку,
Изобрѣсть стараясь помудренѣй штуку,
Чтобъ въ одно мгновенье, съ одного заряда,
Выбивать побольше воиновъ изъ ряда!

Письмо.

Мнѣ семьдесятъ пять лѣтъ кончается. Изъ нихъ
Сознательнымъ умомъ и сердцемъ человѣка
Я прожилъ болѣе полвѣка.
И вотъ теперь, порой, одинъ среди своихъ
Воскреснувшихъ воспоминаній,
Я провожу передъ собой
Картину дней былыхъ—невзгодъ, тревогъ, страданій
Тѣхъ близкихъ мнѣ людей, кому былъ данъ судьбой
Удѣлъ жестокій, безпощадный—

Сгонать подъ гнетомъ тьмы зловѣще-непроглядной,
Пытаться съ ней вступать въ борьбу —
И падать въ прахъ, какъ подобаетъ
Не гордому бойцу а жалкому рабу...
И, съ прошлымъ на ряду, мысль ярко освѣщаетъ—
Мнѣ настоящее.....
О, молодой мой другъ!
Тебя томитъ мучительный недугъ
Отчаянья, утраты упованья,
Блаженной вѣры въ торжество
Намъ всѣмъ священнаго призванья,
Того, въ чемъ цѣль существованья
Для человѣчества всего.
Лишаясь силъ отъ ядовитой муки,
Въ тупомъ уныніи ты опускаешь руки:
«Зачѣмъ работать? Все равно —
Намъ зла не сокрушить—незыблемо оно».
Увы! Такихъ, какъ ты, есть много...
Ахъ, милые друзья, повѣрьте старику:
Такая *вамъ* открылася дорога,
Какой не грезилось *намъ* на своемъ вѣку.
Да, правда, зло еще могуче,
И не стѣсненъ его просторъ,
Но свѣтъ даетъ враждебной тучѣ
Все чаще, все грознѣй отпоръ.
Что было пережито нами,
Для васъ звучитъ теперь словами сказки злой.
Нашъ кругъ былъ тѣсный кругъ, шелъ робкими шагами,
Безъ твердой почвы подъ собой.
Васъ много, съ каждымъ днемъ все шире,
Все крѣпче братскій вашъ союзъ;
То, что для васъ всего дороже въ мірѣ,
Освобождается отъ старыхъ ржавыхъ узъ.
Съ дыханіемъ животворящимъ,
Ломая зимній ледъ, весна идетъ, идетъ,
И прошлое предъ настоящимъ
Съ предсмертной злобою оружіе кладетъ.
Теперь-то время наступило
Для жатвы пышныхъ тѣхъ плодовъ,
Что цѣпью длинною годовъ
Возращены; теперь стоять уныло,
Теперь не дѣйствовать—и стыдно, и грѣшно.
Когда открыта дверь, передъ ея порогомъ
Остановившійся преступенъ передъ Богомъ
И предъ людьми. Грядущее полно
Надеждами—и ваше поколѣнье
Бороться призвано за ихъ осуществленье!

И. С. ТУРГЕНЕВЪ.

Порогъ.

(Изъ «стихотвореній въ прозѣ»)

Я вижу громадное зданіе. Въ передней стѣнѣ узкая дверь раскрыта настежь; за дверью угрюмая мгла. Передъ высокимъ порогомъ стоитъ дѣвушка.... русская дѣвушка. Морозомъ дышетъ та непроглядная мгла, и вмѣстѣ съ леденящей струей выносится изъ глубины зданія медлительный глухой голосъ.

«О, ты, что желаешь переступить этотъ порогъ, знаешь ли ты, что тебя ожидаетъ?»

— Знаю,—отвѣчала дѣвушка.

«Холодъ, голодъ, ненависть, насмѣшки, презрѣніе, обида, болѣзнь, самая смерть?»

— Знаю.

«Отчужденіе, полное одиночество?»

— Знаю... я готова. Я перенесу всѣ страданія, всѣ удары.

«Не только отъ враговъ, но и отъ родныхъ, отъ друзей?»

— Да... и отъ нихъ.

«Хорошо. Ты готова на жертву. Ты погибаешь,— и никто... никто не будетъ даже знать, чью память почтить.»

— Мнѣ не нужно ни благодарности, ни сожалѣнія. Мнѣ не нужно имени.

«Готова ли ты на преступленіе?»

Дѣвушка потупила голову.

— И на преступленіе готова...

Голосъ же тотчасъ возобновилъ свои вопросы.

«Знаешь ли ты, заговорилъ онъ, наконецъ, что ты можешь разувѣриться въ томъ, чему вѣришь теперь, можешь понять, что обманулась и даромъ погубила свою молодую жизнь?»

— Знаю и это и, все-таки, хочу войти.

«Войди!»

Дѣвушка перешагнула порогъ, и тяжелая завѣса упала за нею.

«Дура!» проскрежеталъ кто-то сзади.

«Святая!» пронеслось откуда-то въ отвѣтъ.

В. С. КУРОЧКИНЪ.

* * *

Честнымъ я прожилъ пѣвцомъ,
Жилъ я для слова родного.
Гробъ мой украсьте вѣнкомъ:
Труднымъ для дѣла благого
Въ жизни прошелъ я путемъ.

Пѣлъ и боролся со зломъ
Силою смѣха живого.
Гробъ мой украсьте вѣнкомъ:
Труднымъ для дѣла благого
Въ жизни прошелъ я путемъ.

Раздумье.

Золъ я впервые сегодня вполнѣ,
Золъ—оттого, что нѣтъ злости во мнѣ.

Нѣтъ этой злости, которая смѣло
Прямо изъ сердца срывается въ дѣло.

Нѣту ее—ненавистницы фразъ,
Злобы святой, возвышающей насъ.

Есть только жалкая, мелкая злоба,
Не доводящая даже до гроба;

Злоба, съ которой хоть семьдесятъ лѣтъ
Можно прожить безъ особенныхъ бѣдъ

И умереть, чтобы видѣли внуки
Самый пошлѣйшій родъ смерти,—отъ скуки.

Завѣщаніе.

Мой сынъ, я въ вѣчность отхожу
Изъ мрака суеты;
Сказалъ бы: въ рай, да не скажу,
И не повѣришь ты.
Мой сынъ, я въ вѣчность отхожу
Изъ мрака суеты.

Мой, сынъ, ввѣряясь небесамъ,
Надѣйся, уповай;
Но на Бога надѣясь, самъ,
Мой милый, не плошай.
Мой сынъ, ввѣряясь небесамъ,
Надѣйся, уповай;

Мой сынъ учись—ученье свѣтъ,
А неученье, тьма;
А жизнь на все ужъ дастъ отвѣтъ,
По-своему, сама...

Мой сынъ, учись—ученье свѣтъ,
А неученье тьма.

Мой сынъ, любовь—союзъ сердецъ,
Къ блаженству первый шагъ;
Второй шагъ будетъ подъ вѣнецъ,
А третій—подъ башмакъ.
Мой сынъ любовь—союзъ сердецъ,
Къ блаженству первый шагъ.

Мой сынъ, твоя опора—трудъ,
Твое все счастье въ немъ;
Хотя съ трудомъ въ больницахъ мрутъ,
Живущіе трудомъ.
Мой сынъ, твоя опора—трудъ,
Твое все счастье въ немъ.

Мой сынъ, спокойствіе души —
Отрада бѣднякамъ,
Зато ужъ въ немъ всѣ барыши
И всѣ успѣхи намъ,
Мой сынъ, спокойствіе души —
Отрада бѣднякамъ.

Мой сынъ, будь честенъ и горячъ,
Въ борьбѣ для счастья всѣхъ,
Да только послѣ ужъ не плачь,
Услышавъ общій смѣхъ.
Мой сынъ, будь честенъ и горячъ
Въ борьбѣ для счастья всѣхъ.

Мой сынъ, я въ вѣчность отхожу
Изъ мрака суеты,
Сказалъ бы: въ рай, да не скажу,
И не повѣришь ты.
Мой сынъ, я въ вѣчность отхожу
Изъ мрака суеты.

Старичокъ въ отставкѣ.

Литературой обличительной
Я заклейменъ,
Я слышу говоръ, смѣхъ язвительный
Со всѣхъ сторонъ.
Еще добро-бъ порода барская,
А то вѣдь зря,
Смѣется челядь канцелярская
И писаря!

А мнѣ всего былъ данъ родителемъ
Одинъ тулупъ,
И съ нимъ совѣтъ—чтобы съ просителемъ
Я не былъ глупъ,

Что «благо всякое даяніе»,
Да «спину гни!» —
Вотъ было наше воспитаніе
Въ былые дни.

Въ уѣздный судъ судьбой заброшенный
Въ шестнадцать лѣтъ,
Я вицмундиръ купилъ поношенный —
И бѣлый свѣтъ,
Съ его соблазнами, приманками —
Мнѣ не свѣтилъ,
Между обложками и бланками
Въ струяхъ чернилъ,

Я не забылъ отцовы правила.
Былъ вѣренъ имъ:
Меня всегда начальство ставило
Въ примѣръ другимъ.
Сносивъ щелчки его почтительно,
Какъ благодать,
Я даже мысли возмутительной
Не смѣлъ питать.

Я въ каждомъ старшемъ видѣлъ генія,
Всю суть наукъ, —
Я взялъ жену безъ разсужденія
Изъ старшихъ рукъ.
И какъ супруга съ ребятишками
Пилить пойдутъ,
Такъ я ученаго бы съ книжками
Поставилъ тутъ!

Я имъ опорой былъ единою.
Все нужно въ домъ:
И зашибешься гдѣ—полтиною,
А гдѣ рублемъ.
Дорога тѣсная, извѣстная:
Бралъ—все равно,
Какъ птичка Божія небесная
Клюетъ зерно.

Клюютъ пернатыя. отъ сокола
До голубковъ,
Клюютъ, клюютъ кругомъ и около:
На то данъ клювъ.
За что-жъ, когда такъ умилительно
Міръ сотворенъ,
Литературой обличительной
Я заклейменъ?

Тикъ-такъ! Тикъ-такъ!

Тикъ-такъ! Тикъ-такъ! Спокойно, ровно
Свершаетъ маятникъ свой кругъ,
Тоска томитъ меня, и словно
Меня пугаетъ этотъ стукъ.

Какъ будто, съ явною насмѣшкой,
Связавъ мнѣ ноги, лютый врагъ
Мнѣ говоритъ: «Иди! Не мѣшкай!»
Тикъ-такъ! Тикъ-такъ!

Увы! попрежнему, исправно
Кружась, какъ бѣлки въ колесѣ,
Вдругъ слышать явственно, недавно
Тикъ-такъ, тикъ-такъ! мы стали всѣ.
Мы маршируемъ, пляшемъ, пишемъ,
Дни коротаемъ кое-какъ,
А ночью всѣ съ тоскою слышимъ:
Тикъ-такъ! Тикъ-такъ!

Звукъ съ дѣтства каждому знакомый—
Тикъ-такъ, тикъ-такъ—извѣстный звукъ.
Не знаемъ сами, отчего мы
Его пугаться стали вдругъ.
То страхъ возьметъ, то вспыхнетъ злоба...
Ты, будто слышишь въ немъ, землякъ,
Стукъ молотка о крышку гроба —
Тикъ-такъ! Тикъ-такъ!

Чертогъ твой вижу изукрашенъ
Дѣлами предковъ, гордый мужъ!
Ты вчужѣ для меня былъ страшенъ,
Владѣя тысячами душъ.
Ты грезишь, въ сумракѣ, со страхомъ,
Что всѣхъ людей твоихъ, собакъ
Уноситъ время, съ каждымъ взмахомъ—
Тикъ-такъ! Тикъ-такъ!

Чертогъ твой вижу либеральный,
Нинонъ Лянкло изъ русскихъ дамъ,
И разговоръ патріархальный
Объ мужичкахъ я слышу тамъ.
Но вамъ неловко... Вслѣдъ за споромъ
Вдругъ смолкнетъ весь. ареопагъ
И простучитъ для всѣхъ укоромъ:
Тикъ-такъ! Тикъ-такъ!

Я вижу, канцелярскій геній,
Твой кабинетъ и трудъ ночной,
И рядъ твоихъ соображеній,
Гдѣ распустить, гдѣ крикнуть: «стой!»
Но тщетны мудрыя уловки!
Ты сталъ блѣднѣй своихъ бумагъ,
Услышавъ стукъ безъ остановки:
Тикъ-такъ! Тикъ-такъ!

Смотри: усердный твой поклонникъ—
Медоточивый публицистъ,
Трудясь надъ составленьемъ хроникъ,
Не кончивъ, вдругъ бросаетъ листъ.
Онъ вдругъ почуялъ, въ страшной мукѣ,
Всѣхъ этихъ гимновъ ложь и мракъ
Въ побѣдоносно-ровномъ стукѣ:
Тикъ-такъ! Тикъ-такъ!

Тикъ-такъ, тикъ-такъ—въ спокойной силѣ
Волнуетъ сердце, гонитъ сонъ...
Что-жъ это? Скука просто,—или
«Глаголъ временъ, металла звонъ?»
Мы слышимъ, въ ровномъ этомъ ходѣ,
За звукомъ—звукъ, за шагомъ—шагъ;
Движенье вѣчное въ природѣ:
Тикъ-такъ! Тикъ-такъ!

Мы слышимъ, въ звукахъ всѣмъ понятныхъ,
Законъ явленій міровыхъ:
Въ природѣ нѣтъ шаговъ попятныхъ;
Нѣтъ остановокъ никакихъ!
Мужайся, молодое племя!
Въ сіяньи дня исчезнетъ мракъ,
Тебѣ подсказываетъ время:
Тикъ-такъ! Тикъ-такъ!

На могилѣ Д. И. Писарева.

(Братьямъ писателямъ).

Еще одинъ изъ строя выбылъ вонъ,
Гдѣ ужъ и такъ ряды не слишкомъ тѣсны.
Миръ памяти скончавшагося, онъ
Писатель былъ талантливый и честный.

Талантливый и честный! Въ двухъ словахъ
Заключена властительная сила;
Одушевленъ былъ ею этотъ прахъ,
Освящена теперь его могила

Въ борьбѣ со зломъ, идущей безъ конца,
Имъ двигала полезная идея,—
И юношамъ въ ихъ чистыя сердца
Онъ внесъ ее, умами ихъ владѣя.

Усопшій братъ! Миръ памяти твоей.
Увы! Ты жилъ, какъ Добролюбовъ, мало.
Ты чистъ, какъ онъ; зерна твоихъ идей
Не подточило опытности жало:

Мы видѣли, какъ старились умы
И какъ сердца прекрасныя скудѣли.
Поклонимся-жъ могилѣ ранней мы,
Созрѣвшіе для неизвѣстной цѣли.

Д. Д. МИНАЕВЪ.

Вѣчная невѣста.

Молода, безсмертна, какъ природа,
Какъ невѣста, сходитъ въ міръ свобода
Передъ ней—благоговѣйно-тихъ—
Міръ не разъ склонялся, какъ женихъ.
И не разъ межъ нихъ—землѣ казалось—
Обрученья тайна совершалась.
И въ виду священныхъ, вѣчныхъ узъ,
Близокъ былъ божественный союзъ.
На челѣ богини новобрачной
Былъ покровъ таинственно-прозрачный;
Но, при видѣ брачнаго вѣнца,
Жизнь сбѣгала съ гордаго лица,
И, съ себя роняя покрывало,
Каждый разъ невѣста исчезала.
И донынѣ сходитъ въ міръ она,
Цѣломудріемъ своимъ защищена,
Оставаясь вѣчно для вселенной
Недоступной, чистой и нетлѣнной.

Надъ полями битвъ.

Приди, приди ко мнѣ, иронія святая,
Приди, чтобы я могъ склониться предъ тобой!
Двѣ націи ведутъ упорный бой,
Двѣ націи льютъ кровь, изобрѣтая
Орудья къ истребленію людей.
Всѣ знанія, все торжество идей
Несетъ цивилизованная раса
На бойню человѣческаго мяса,
И скошенной травою съ двухъ сторонъ
Ложится окровавленная масса.
Какъ варвары доисторическихъ временъ,
Въ чаду войны, подъ скрежетъ и проклятья
Другъ друга бѣшено губить стремятся братья,
Какъ кафры, обращаются въ звѣрей
По самовластной прихоти,—но въ небо
Несется вопль оставшихся безъ хлѣба
И безъ угла вдовицъ и матерей,
И надъ тобой, планета проклятая,
Лишь стонъ стоитъ въ неистовой борьбѣ...
Приди-жъ, приди ко мнѣ, иронія святая,
Приди, чтобъ поклонился я тебѣ!

Изъ старой тетрадки.

Говорятъ про сладость
Честнаго труда...
Милая! онъ въ радость
Былъ-ли намъ когда?

Очерствѣли оба
Мы въ когтяхъ нужды:

Зависть, голодъ, злоба—
Вотъ ея плоды.

Ты лежишь, больная,
Не сомкнешь очей;
Я сижу, не зная
Сна ужъ пять ночей,

Пять ночей надъ пыльной
Кипой скучныхъ дѣлъ...
Сонный и безсильный
Мозгъ окоченѣлъ.

Милая. больна ты;
Но, хоть грудь въ огнѣ,
Мы не такъ богаты,
Чтобы слечь и мнѣ.

Слегъ бы, впрочемъ, тоже.
Затекла рука,
А болѣзнь, о, Боже!—
Отдыхъ бѣдняка.

Но нужда на стражѣ,
Ждетъ, чтобъ одолѣть...
Не имѣешь даже
Права заболѣть!

Блудныя дѣти.

Когда передъ нами въ образахъ поэта,
Подъ сѣрымъ небомъ бѣдныхъ деревень,
Встаетъ народъ, несущій ночь и день
Тяжелый крестъ,—до слезъ картина эта
Насъ трогаетъ... Дивитъ насъ, сельскій людъ,
Порою, доводя до умиленья,
Свое неистощимое терпѣнье,
Безропотность и безконечный трудъ.
И сердце въ насъ становится моложе
Отъ грустныхъ нотъ пѣвца, и, наконецъ,
Отзывчивые нервы растревожа,
Мы сами плачемъ, какъ пѣвецъ,
И чувствуемъ, что связаны судьбою
Съ тобой, народъ. что кровна эта связь...
Потомъ, вполнѣ довольные собою,
Чувствительностью собственной гордясь,
Какъ практики сухіе по природѣ,
Среди заботъ и нашихъ личныхъ нуждъ.
Позабываемъ скоро о народѣ,
Который намъ на самомъ дѣлѣ чуждъ.
Такъ блудный сынъ, усталый отъ разврата,
Въ минуту свѣтлую, чтобъ успокоить мать,
Клянется всѣмъ, что́ дорого и свято
Еще ему, иную жизнь начать;
Клянется на колѣняхъ онъ, съ рыданьемъ—
Загладить прошлое безславіе и стыдъ...
Потомъ, очистивъ совѣсть покаяньемъ,
Опять на оргію полночную бѣжитъ.

Призракъ

Въ эпоху античнаго вѣка
Мудрецъ, засвѣтивъ свой фонарь,
Ходилъ и искалъ человѣка,
Искалъ человѣка, какъ встарь.

Столѣтья прошли, какъ видѣнья,
Исчезнувъ въ прошедшемъ, какъ дымъ,
И въ гробъ не одно поколѣнье
Сошло, чередуясь съ другимъ.—

А тѣнь Діогена все бродитъ
По міру съ своимъ фонаремъ
И свѣтъ безнадежно наводитъ
На встрѣчныхъ и ночью, и днемъ.

Родина.

Какъ мать свою, которая меня
Родила въ свѣтъ, вспоила и вскормила,
Но послѣ не дала такого дня,
Чтобъ этотъ день она не отравила—
То жалобой, за каждый шагъ виня,
За каждое движенье негодуя,
То холодомъ мнѣ душу леденя,—
Такъ и тебя, о родина, люблю я!
Люблю тебя я. какъ постылый сынъ;
Ты мнѣ чужда, ты мачихой мнѣ стала,
Но въ сердцѣ у меня есть уголокъ одинъ,
Гдѣ та любовь еще не умирала.

На баррикадѣ.

Среди камней на баррикадѣ взятой,
Гдѣ праведная кровь съ виновною лилась,
Былъ схваченъ мальчикъ, лѣтъ двѣнадцати.— «Проклятый!
И ты изъ этой шайки?»—Не смутясь,
— Да! отвѣчалъ ребенокъ.—«Превосходно!»
Воскликнулъ офицеръ: «Ихъ всѣхъ, поочередно,
Растрѣливать начнутъ; придетъ и твой чередъ.»
Передъ ребенкомъ пули засвистали;
Онъ видѣлъ, какъ рядами у воротъ,
Товарищи его безмолвно умирали.
Онъ подошелъ къ начальнику.—Отдать
Хотѣлъ бы я часы своей мамашѣ;
Позвольте мнѣ сходить къ ней.—«Ба! удрать
Задумалъ, братъ! Знать страшны пули наши?»
— Я возвращусь сейчасъ-же, капитанъ.—
— «Гдѣ ты живешь?» — Вонъ тамъ, пройдя фонтанъ.—

— «Ну, негодяй, бѣги...» Ребенокъ тотчасъ скрылся,
И строй солдатскій смѣхомъ разразился
И стоны умиравшихъ заглушилъ:
— «Вернусь, дескать! Каковъ? Вотъ шутку отмочилъ!...»
Когда же вдругъ ребенокъ возвратился,
Смѣхъ замеръ: этого никто не ожидалъ.
Тогда къ стѣнѣ ребенокъ прислонился,
Прекрасный и спокойный, и сказалъ:
— «Стрѣляйте! Я готовъ...»
Но залпъ не прозвучалъ.
Безумью смерти стало даже стыдно,
И мальчикъ былъ отпущенъ безобидно.

Насущный вопросъ.

Гражданинъ.

Молчи, толпа! твой дѣтскій ропотъ
Тревожитъ мирный сонъ гражданъ!
Ужели былъ напрасно данъ
Тебѣ на свѣтѣ долгій опытъ?
Тебя, капризную толпу,
Ведемъ мы къ истинѣ, къ наукѣ,
И, яркій свѣточъ взявши въ руки,
Твою житейскую тропу
Мы озаряемъ блескомъ знанья.
Среди блестящаго собранья
Мы проливаемъ много слезъ.
Слагая рѣчь за бѣдныхъ братій,
За всѣхъ, кто много перенесъ
Обидъ, гоненій и проклятій;
Твои невзгоды и тоску
Мы чтимъ въ созданіяхъ поэта,
И среди земскаго совѣта
Даемъ мы мѣсто мужику.
Всему, что сиро и убого,
Мы сострадали столько разъ,
И Ломоносова дорога
Открыта каждому изъ васъ.
Чего-жъ вамъ надо? Не робѣя,
Вкушайте знанья сладкій сокъ:
Сплетемъ мы лавровый вѣнокъ
Для геніальнаго плебея,
И будь онъ селянинъ простой—
Предъ нимъ мы преклонимся дружно.
Чего же вамъ, безумцы, нужно?
Того-ль. чтобъ дождикъ золотой,
Какъ манна. падалъ прямо съ неба,
Балуя праздностью народъ?
Чего-жъ вамъ здѣсь недостаетъ!
Чего-жъ хотите?

Толпа.

Хлѣба! Хлѣба!

Иронія судьбы.

Полночь. Огня не видать
Въ тѣсной коморкѣ хододной;
Плачетъ усталая мать.
Плачетъ ребенокъ голодный!...
Ихъ безразсвѣтной судьбѣ,
Стономъ своимъ откликаясь,
Плачетъ и вѣтеръ въ трубѣ,
Плачетъ всю ночь, надрываясь.
Съ влажной стѣны чердака
Крупныя капли спадаютъ;
Видно, въ жильѣ бѣдняка—
Даже и стѣны рыдаютъ!...

Пѣвцу.

Пѣвецъ! Когда желаешь ты
Народной памяти въ отчизнѣ,
Пой въ этой жизни не цвѣты.
Но пой о томъ. что̀ темно въ жизни.

Счастливымъ быть не всякій могъ.
Но въ каждомъ сердцѣ человѣка
Найдется темный уголокъ,
Гдѣ затаились слезы вѣка.

Н. А. ДОБРОЛЮБОВЪ.

* * *

Милый другъ. я умираю
Оттого, что былъ я честенъ;
Но зато родному краю
Вѣрно буду я извѣстенъ.

Милый другъ, я умираю,
Но спокоенъ я душою...
И тебя благословляю:
Шествуй тою же стезею.

* * *

Еще работы въ жизни много,
Работы честной и святой:
Еще тернистая дорога

Не залегла передо мной.
Еще пристрастьемъ ни единымъ
Своей судьбы я не связалъ,
И сердца полнымъ господиномъ
Противъ соблазновъ устоялъ.
Я вашъ, друзья, — хочу быть вашимъ!
На трудъ и битву я готовъ—
Лишь бы начать въ союзѣ нашемъ
Живое дѣло, вмѣсто словъ.
Но если—нѣтъ: мое презрѣнье
Меня далеко оттолкнетъ
Отъ тѣхъ кружковъ, гдѣ словопренье
Опять права свои возьметъ.
И сгибну-ль я въ тоскѣ безумной,
Иль въ мирѣ съ пошлостью людской,—
Все лучше, чѣмъ заняться шумной,
Надменно-праздной болтовней.
Но знаю я,—работа наша
Ужъ пилигримовъ новыхъ ждетъ,
И не минетъ святая чаша
Всѣхъ, кто ее не оттолкнетъ.

Нашъ Олимпъ.

Низко наше небо,
Надъ землей оно
Тяжело нависло,
Мутно и темно.
Негдѣ разыграться
Сладостнымъ мечтамъ,
Не откуда взяться
Свѣтлымъ божествамъ.
Но въ лѣсахъ дремучихъ,
Въ омутахъ рѣчныхъ,
Подъ землей, въ болотахъ,
Много духовъ злыхъ.
Ихъ нечистой силой
Связанъ нашъ народъ;
Имъ онъ, полный страха,
Почесть воздаетъ.
Если-жъ и подниметъ
Взглядъ свой къ небесамъ,
Все столбы да змѣи
Грозно ходятъ тамъ.

Жалобы ребенка.

Для чего вы связали мнѣ руки,
Для чего спеленали меня
И зачѣмъ на житейскія муки
Обрекли меня съ перваго дня?

Много въ жизни носить мнѣ придется
На душѣ и на тѣлѣ цѣпей.
Вкругъ кипучей груди обовьется
Много, много мучительныхъ змѣй.

Стариной освященный обычай,
Человѣка престранный законъ,
Предписанія модныхъ приличій—
Ими буду весь вѣкъ я стѣсненъ.

Дайте-жъ въ дѣтствѣ хотя мнѣ свободы,
Дайте вольно всей грудью вздохнуть,
Чтобы послѣ, въ тяжелые годы,
Могъ хоть дѣтство добромъ помянуть.

Дорожная пѣсня.

Мчитесь, кони, ночью влажной,
Пой «Лучину», мой ямщикъ!
Этой жалобы протяжной
Такъ понятенъ мнѣ языкъ...

Ты и я, всѣ наши братья.
Наши лучшіе друзья,
Всѣ узнали, безъ изъятья,
То, что такъ крушитъ тебя.

Пой, ямщикъ, твоя кручина
И во мнѣ волнуетъ кровь:
Вѣдь и мнѣ мою лучину
Облила водой свекровь.

А то, какъ было въ избушкѣ
Хорошо она зажглась...
Богъ проститъ моей старушкѣ:
Тьма по сердцу ей пришлась.

Мчитесь, кони, ночью влажной,
Пой «Лучину мой ямщикъ!
Этой жалобы протяжной,
Такъ понятенъ мнѣ языкъ...

* * *

Пускай умру—печали мало;
Одно страшитъ мой умъ больной—
Чтобы и смерть не разыграла
Обидной шутки надо мной:

Боюсь, чтобъ надъ холоднымъ трупомъ
Не пролилось горячихъ слезъ,
Чтобъ кто-нибудь въ усердьи глупомъ
На гробъ цвѣтовъ мнѣ не принесъ;

Чтобъ безкорыстною толпою
За нимъ не шли мои друзья,
Чтобъ подъ могильною землею
Не сталъ любви предметомъ я;

Чтобъ все, чего желалъ такъ жадно
И такъ напрасно я, живой,

Не улыбнулось мнѣ отрадно
Надъ гробовой моей доской.

Сила слова.

Моралистъ краснорѣчивый
Намъ о нищахъ говорилъ,
Рѣчью умной и правдивой
Помогать имъ насъ училъ:

Говорилъ о цѣли жизни.
О достоинствѣ людей,
Грозно сыпалъ укоризны
Противъ роскоши дѣтей...

Рѣчь его лилась такъ складно.
Былъ онъ такъ краснорѣчивъ,
Что ему внимали жадно
Всѣ, дыханье затаивъ,—

И, чтобъ не развлечь вниманья,
Отогнали двухъ старухъ,
Что на бѣдность подаянья
Подъ окномъ просили вслухъ...

* * *

Мы далеко. Неаполь цѣлый
Слился въ неясныя черты.
Одинъ Сентъ-Эльмо опустѣлый
Насъ провожаетъ съ высоты.

Безъ пушекъ, безъ солдатъ, свободный
Пугать онъ городъ пересталъ
И въ праздникъ вольности народной
Трехцвѣтнымъ пламенемъ сіялъ.

Но подъ веселыми огнями,
Какъ будто демоновъ полна,
Качая длинными тѣнями,
Чернѣла грозная стѣна.

И въ этотъ мигъ, какъ полдень знойный
Стоитъ надъ городомъ живымъ.
Чернѣетъ замокъ безпокойный
Тиранства прежнимъ часовымъ

И говоритъ: «отсюда можно
Изъ штуцеровъ перестрѣлять
Всѣхъ, кто пойдетъ неосторожно
Свободы истинной искать».

Въ прусскомъ вагонѣ.

По чугуннымъ рельсамъ.
Ѣдетъ поѣздъ длинный;
Не свернетъ ни разу
Съ колеи рутинной.

Часомъ въ часъ разсчитанъ
Путь его помильно...
Воля моя, воля!
Какъ ты здѣсь безсильна!

То-ли дѣло съ тройкой
Мчусь, куда хочу я,
Безъ нужды, безъ цѣли
Землю полосуя.

Не хочу я прямо—
Забирай налѣво,
По лугамъ направо,
Взадъ черезъ посѣвы.

Но, увы!—ужъ скоро
Мертвая машина
Стянетъ и раздолье
Руси исполина.

Сыплютъ иностранцы
Русскіе милліоны,
Чтобы русской волѣ
Положить препоны.

Но не поддадимся
Мы слѣпой рутинѣ:
Мы дадимъ духъ жизни
И самой машинѣ.

Не пойдетъ нашъ поѣздъ,
Какъ идетъ нѣмецкій:
То соскочитъ съ рельсовъ
Съ силой молодецкой;

То обвалитъ насыпь,
То мостокъ продавитъ,
То на встрѣчный поѣздъ
Ухарски направитъ;

То пойдетъ потише,
Опоздаетъ вволю,
За мятелью встанетъ
Сутки трое въ полѣ;

А иной разъ просто
Часика четыре
Подождетъ особу
Сильную въ семъ мірѣ.

Да, я вѣрю твердо,
Мертвая машина
Произволъ не свяжетъ
Руси исполина.

Вѣрю: всѣ машины
Съ русскою природой
Сами оживятся
Духомъ и свободой.

Сонъ.

Испытанной судьбой, въ тревожномъ снѣ моемъ
Не убаюканъ я роскошными мечтами,
Все буря снится мнѣ, все молнія и громъ,
Какой-то темный сводъ, да изверги съ цѣпями...
Бываетъ изрѣдка, что грезится и мнѣ
Картина мирная довольства и покоя.
Мнѣ отчій домъ рисуется во снѣ...
Я вновь дитя съ довѣрчивой душою...
Подъ отческимъ надзоромъ я расту,
Не вѣдая ни страсти, ни сомнѣній;
Заботливой рукой лелѣемый, цвѣту,
Вдали отъ горя и людскихъ волненій.
Душа моя радушна и тепла,
Полна любви и вѣры благодатной...
Природа вкругъ меня спокойна и свѣтла
И дышетъ прелестью какой-то непонятной.
Тутъ все со мной, что въ свѣтѣ мило мнѣ.
И кажется въ душѣ нѣтъ мѣста для желанья...
Но въ глубинѣ душевной, и во снѣ,
Шевелится тревожное сознанье,
Что это все мечта, не истина, а сонъ.
И часто у меня, средь чуднаго видѣнья,
Вдругъ вырывается изъ груди тяжкій стонъ,
Душа тоскливо жаждетъ пробужденья.

ОМУЛЕВСКІЙ.

(И. В. Ѳедоровъ).

Письменный столъ.

(Посвящается моему первенцу).

Закончивши пестраго дня суету
И новости всѣ захвативъ на лету,
Спѣшу я съ великой отрадой домой,
Какъ узникъ, разставшійся съ душной тюрьмой.

Тамъ, въ сторону бросивъ нарядный костюмъ,
Пускаю на волю я сердце и умъ;
А съ ними, ни чьихъ не пугаясь уликъ,
Развязанъ и мой многогрѣшный языкъ.

Съ веселымъ лицомъ суетясь у огня,
Подруга моя угощаетъ меня;
А блюдъ у нея неудавшихся нѣтъ,—
Вѣдь шутки и смѣхъ приправляютъ обѣдъ.

Мы знаемъ съ ней цѣну хорошимъ вещамъ:
Мишурнаго блеска не надобно намъ.
Но каждый не дружески прожитый часъ
Считается вѣчной потерей для насъ.

И какъ же мнѣ любо, когда на меня
Посыплется градомъ ея воркотня —
Что много я трачу, что надо ее
Давно бы послушать... и прочее все!

Пускай и заглянетъ въ мой уголъ нужда,
Но это еще небольшая бѣда.
На смѣну лишеній и всяческихъ золъ,
Тамъ ждетъ меня роскошь—мой письменный столъ.

За этимъ простымъ, заслуженнымъ столомъ
Съ чернильницей старой, съ грошевымъ перомъ,
Я властвую мыслью и такъ же могучъ,
Какъ все проникающій солнечный лучъ.

На полкахъ стоятъ легіоны мои,
Видавшіе славу и черные дни,—
И эта отважная книжная рать
Готова всегда за меня постоять.

Не разъ совершали мы трудный походъ,
Не разъ былъ сомнителенъ битвы исходъ,
Но утро всегда освѣщало враговъ,
Во тьму отступавшихъ отъ нашихъ рядовъ.

И здѣсь же, за этимъ уютнымъ столомъ,
Мы чествуемъ скромно, съ подругой вдвоемъ,
Счастливыя числа отчизны родной—
Побѣды державнаго свѣта надъ тьмой.

Рѣзвящійся тутъ же ребенокъ у ногъ,
Еще не извѣдавшій нашихъ тревогъ,
Какъ будто ужъ празднуетъ съ нами успѣхъ,—
Таковъ его звонкій, чарующій смѣхъ.

Бываетъ и то, что за этимъ столомъ
Уснешь иногда, изнуренный трудомъ...
О, много мы съ нимъ проводили ночей
За скучной работой для жадныхъ людей!

Но зналъ онъ не мало и бѣлыхъ листовъ,
Расписанныхъ къ утру узорами строфъ,
Когда удавался особенно стихъ,
Такъ часто упрямый въ капризахъ своихъ.

Какъ другъ неизмѣнный, мой письменный столъ
И счастье, и горе со мною прошелъ;
Какъ добрый товарищъ, всѣ тайны храня,
Ни разу онъ съ ними не выдалъ меня...

Мой первенецъ милый! На счастье въ борьбѣ,
Его подарю я въ наслѣдство тебѣ,—
Пускай разовьетъ онъ съ годами твой умъ
Во всей чистотѣ незапятнанныхъ думъ!

Море.

Коварно море... Въ тихій часъ
Оно обманываетъ глазъ
Невозмутимостью зеркальной
И, какъ ребенокъ въ пеленахъ.
Лежитъ въ широкихъ берегахъ
Во всей красѣ первоначальной.
Въ слѣпой довѣрчивости къ ней,
Забывъ былые ураганы,
Его властители-тираны—
Фаланги грозныхъ кораблей—
Ввѣряютъ все ему въ ту пору
И давятъ зыбкую опору
Громадной тяжестью своей...
Но горе вамъ, его владыки!
Быть можетъ, мига не пройдетъ,
Какъ вашъ послѣдній часъ пробьетъ,
Когда съ стремительностью дикой
Внезапно налетѣвшій шквалъ
Гиганта спящаго разбудитъ,
И посѣдѣвшій въ буряхъ валъ,
Разбивъ васъ въ дребезги у скалъ,
Ревѣть надъ вашимъ ухомъ будетъ!

* * *

Зачѣмъ ты бьешься сердце? Или мало
Кровавыхъ ранъ тебѣ нанесено?
Чего ты ждешь? Все лучшее давно
Тебя уже навѣки миновало!

Разбитое безжалостно людьми,
Ты снова, снова просишь ихъ участья,
И думаешь, что свѣтлый призракъ счастья
Прочнѣй кругомъ тебя царящей тьмы?

Не разъ, когда ты обливалось кровью
Подъ спрятаннымъ предательски ножемъ
Въ рукѣ, протянутой къ тебѣ врагомъ,
Съ невыразимой будто-бы любовью,—

Ты обѣщало мнѣ не биться вновь—
И никогда обѣта не сдержало;
Ты въ грудь мою попрежнему стучало,
Не давъ отмыть запекшуюся кровь...

О, сжалься! Посмотри, какъ похудѣло
Мое лицо, не старое еще...
А ты все такъ же бьешься горячо,
Все такъ же кровь расходуешь ты смѣло!

Кругомъ тебя такія же сердца.
Ихъ бьются тысячи въ одно мгновенье,—
Прислушайся: неслышно ихъ біенье,
Какъ не слыхать его у мертвеца.

А бились и они, какъ ты, тревожно,
Но опытъ жизни ихъ угомонилъ—
И, робкія, они остатокъ силъ
Расходуютъ съ разсчетомъ, осторожно...

Учись у нихъ... Но... нѣтъ! не слѣдуй имъ,—
Терзай меня пока не онѣмѣло:
Тебѣ могу пожертвовать я тѣло
Согрѣтое біеніемъ твоимъ...

Да! бейся вновь, какъ прежде, горячо,
По прежнему захлебывайся кровью.
Съ твоей горячей къ ближнему любовью
Для насъ не все потеряно еще!

Теплый уголъ.

Не велика моя квартира:
Шагнулъ два раза—и стѣна;
Но здѣсь зато вопросамъ міра
Ширь необъятная дана.

Въ квартирѣ, правда, свѣжесть дачи
И дуетъ запросто сквознякъ,—
Зато, какъ споръ пойдетъ горячій,
Потѣютъ всѣ, да еще какъ!

Положимъ, мебели немного—
Всего два стула да кровать;
Но молодежь не судитъ строго,
И ей къ тому не привыкать.

Притомъ за рядъ такихъ стѣсненій,
Гостямъ совѣтую я всѣмъ
Отнюдь свободу жаркій преній
Не ограничивать ничѣмъ.

Подслушать некому ихъ спора:
Слуга для всѣхъ—хозяинъ самъ.
А онъ ихъ юнаго задора
Не выдастъ мнительнымъ умамъ.

Не спорю, могъ бы я прелестный
Себѣ устроить уголокъ,
Да вѣдь порывамъ мысли честной
Открытъ мой настежь кошелекъ.

Мнѣ говорятъ: «Вы безъ разсчета
Живете, старый холостякъ».
Но это—мнѣнье идіота,
А для меня оно—пустякъ.

Какъ! эти лица, въ цвѣтѣ жизни,
Что жмутъ мнѣ руку, какъ друзья,
Надежда, будущность отчизны—
Неужли это не семья?

Мнѣ говорятъ: «Самихъ тревожитъ
Васъ часто волчій аппетитъ».

Такъ что-жъ? Ко мнѣ являться можетъ
Обѣдать каждый, кто не сытъ.

Скудна обитель трудовая,
Но что поставлено на столъ—
Ѣшь смѣло, юность золотая:
Хозяинъ—русскій хлѣбосолъ.

Одно неладно: для пирушки
Стакановъ, рюмокъ не найдешь,—
Такъ будемъ пить изъ общей кружки...
— За ваше счастье, молодежь!

Къ молодому поколѣнію.

Спѣшите, честные бойцы,
На дѣло родины святое!
Того, что сдѣлали отцы,
Отъ васъ потребуется вдвое...

Вамъ путь тяжелый предстоитъ
И ждетъ не мало васъ лишеній,
Но пусть вамъ силы подкрѣпитъ
Примѣръ минувшихъ поколѣній...

Не озирайтеся назадъ
Трусливыхъ выслушать совѣтовъ:
На то, что сзади говорятъ,
У васъ не можетъ быть отвѣтовъ...

Отвѣтъ за васъ произнесетъ
Высоко поднятое знамя—
И каждый грамотный прочтетъ,
Какое движетъ вами пламя!

Въ комъ духъ любви уже ослабъ,
Тому не мѣсто между вами:
Не долженъ быть «лѣнивый рабъ»
Между рабочими людями...

А ваши бодро пусть спѣшатъ,
Какъ будутъ силы ихъ ни малы:
Плохъ—говорятъ у насъ—солдатъ,
Когда не мѣтитъ въ генералы...

Еще далеко та страна,
Гдѣ протекаютъ рѣки медомъ;
Не вдругъ познается она
Идущимъ издали народомъ;

Не вамъ дано въ ней отдохнуть,
Кончая подвигъ жизни бранной...
Но хорошо окончить путь
Въ виду земли обѣтованной!

* * *

Дѣло святое за правду стоять.
Весело биться со зломъ;
Любо врага на борьбу вызывать
Съ яснымъ, открытымъ челомъ...

Въ этой упорной, неравной борьбѣ
Лучше побѣды не жди.—
Знай, что пожать не придется тебѣ
Думъ твоихъ свѣтлыхъ плоды...

Но, закаляясь все больше борьбой,
Не отступай ни на шагъ,
Чтобы и трупъ опозоренный твой
Встрѣтилъ съ почтеніемъ врагъ!

Сверстникамъ.

(Посвящается памяти Н. И. Шульгина).

Нашъ кругъ рѣдѣетъ то и дѣло,
Враговъ все больше, нѣтъ друзей,—
И ждемъ мы всѣ, на склонѣ дней,
Чье понесутъ первѣе тѣло...
Но намъ могила не страшна,
Мы рады вѣчному покою;
Лишь мысль тревожитъ насъ одна
Съ тоской назойливой и злою:—
Что не увидимъ мы плодовъ
Ни нашихъ думъ, ни нашихъ словъ.

Задачи нашей молодежи
Передъ растеряннымъ умомъ
Стоятъ, какъ въ облакѣ какомъ,
На тѣни блѣдныя похожи.
И эта наша молодежь,
Лишась опоры идеала,
Какъ градомъ выбитая рожь
На нивѣ, спуталась, припала,
И недозрѣвшее зерно
На жалкій ростъ обречено...

Но прочь тяжелое сомнѣнье,
Я вѣрю: въ лучшіе года
Опять отъ нашего труда
На молодое поколѣнье
Повѣетъ свѣжею струей;
Оно съ величіемъ воспрянетъ
Возвыситъ мощно голосъ свой
И насъ добромъ за то помянетъ
Что, выждать жатвы не успѣвъ,
Мы все же дали ей... посѣвъ.

Пѣсня.

Пѣсня—свобода моя,
Пѣсня—моя и отрада!
Если я смолкну, друзья,—
Мнѣ ничего ужъ не надо...

Надъ колыбелью моей
Пѣсня, какъ геній, витала:
Бѣдная мать моя въ ней
Силы свои почерпала...

Слушая пѣсни ея,
Я пріучался сурово
Личное благо свое
Въ счастіи видѣть другого...

Пѣсня вдохнула въ меня
Къ подвигамъ жажду святую,
Чтобъ до послѣдняго дня
Биться за мысль молодую...

Пѣть мастерица была
Дней моихъ свѣтлыхъ подруга;
Съ пѣсней она и ушла
Въ міръ безпечальный отъ друга...

Пѣсней я только и могъ
Эту наполнить потерю;
Я изболѣлъ, изнемогъ
Но... въ возрожденіе вѣрю...

Пусть и еще надо мной
Бури промчатся съ грозою,—
Прежде, чѣмъ пасть подъ грозой,
Встрѣчу ихъ пѣснью родною...

Если-жъ я смолкну, друзья,—
Мнѣ ничего ужъ не надо:
Пѣсня—свобода моя,
Пѣсня—моя и отрада!

* * *

Если ты странствуешь, путникъ,
Съ цѣлью благой и высокой,
Ты посѣти между прочимъ
Край мой далекій...

Тамъ сквозь снѣга и морозы
Носятся мощные звуки;
Встрѣтишь людей тамъ, что терпятъ
Муки за муки...

Нѣтъ тамъ пустыхъ истукановъ,
Вздоховъ изнѣженной груди...
Тамъ только люди да цѣпи,
Цѣпи да люди!

* * *

На дальней родинѣ моей
Обычный звукъ былъ звукъ цѣпей...
Онъ рано въ душу мнѣ проникъ
И съ дѣтства въ ней будить привыкъ
Тоску по участи людей.

Не помню я такого дня,
Чтобъ не звучалъ онъ для меня;
Не зналъ ночей такихъ, чтобъ мнѣ
Онъ не пригрезился во снѣ,
Все такъ же явственно звеня.

Я ощущаю и поднесь
Въ ушахъ болѣзненную рѣзь,
Когда доходитъ звукъ такой
До нихъ, хоть издали, порой,—
И часто вздрагиваю весь.

И я молю, чтобъ этотъ звукъ,
Глухой, какъ въ крышку гроба стукъ,
Безслѣдно замеръ поскорѣй
Для бѣдной родины моей —
Страны изгнанія и мукъ...

А. П. БАРЫКОВА.

У кабака.

Я не могу забыть ужаснаго видѣнья.
Страшнѣй всего въ немъ то, что это не былъ сонъ.
Не бредъ болѣзненный, не ложь воображенья:
Кошмаръ былъ наяву, и солнцемъ освѣщенъ.
Оборвана, блѣдна, худа и безобразна,
Безчувственно пьяна, но, вѣрно, голодна,
У двери кабака, засаленной и грязной,
На слякоти ступень свалилася она —
Кормилица и мать. Живой скелетъ ребенка
Ей грудь изсохшую теребитъ и грызетъ
Со злобой жаднаго, голоднаго волченка
И вмѣсто молока дурманъ и смерть сосетъ.
Кругомъ галдитъ народъ на площади базара,
И въ воздухѣ висятъ надъ сѣрою толпой
Ругательства да смрадъ промозглаго товара.
Кто ни пройдетъ—толкнетъ несчастную ногой...
А солнце-юмористъ, съ улыбкой властелина,
Изъ синей пустоты сіяетъ такъ свѣтло,
Лаская, золотя ужасную картину
Лучами ясными эффектно и тепло.

Обреченная.

На улицу меня швырнули какъ котенка,
Въ семь лѣтъ,—въ тотъ годъ, какъ мать въ подвалѣ умерла.
Я шустрая была и ловкая дѣвчонка;
Я скоро ремесло доходное нашла.
Ужъ я была стара въ семь лѣтъ. Все понимала.
Позоръ и нищета мнѣ съ первыхъ жизни дней
Открыли тайны всѣ вонючаго подвала,
Все,—что богатые скрываютъ отъ дѣтей.
Гдѣ деньги мать беретъ; какъ тянетъ ядъ косушки;
Гдѣ гривенникъ добыть ей подъ залогъ тряпья;
Чтó крѣпче, чтó больнѣй—пинки иль колотушки?...
Чтó значитъ красть и лгать; чтó значитъ: «дочь ничья»...
Охъ, много знала я... Меня не удивляло,
Что мать по вечерамъ уходитъ со двора
И возвращается безъ шляпки полинялой,
Съ подбитою щекой и пьяная съ утра...
Вотъ азбукъ да молитвъ не знаю я,—извѣстно...
Не помню, чтобъ и мать крестила лобъ хоть разъ...
Да и когда же намъ молиться? Богъ—для «честныхъ»,
Для «чистой публики», а не для «подлыхъ» насъ...
Что бишь я начала?... Ахъ, да... Меня прогнала
Хозяйка,—говоритъ: «Ступай, на хлѣбъ проси!
«У церкви тамъ постой»—и строго приказала:
«Смотри, чтó соберешь, сейчасъ ко мнѣ неси!»
Я вышла босикомъ и въ кацавейкѣ рваной,
А улица была темна и холодна,
Лишь фонари каретъ мелькали средь тумана.
Да церковь ярко вся была освѣщена.
Былъ праздникъ у людей. На паперти я стала,
Когда отъ всенощной валилъ народъ толпой;
Орава нищая въ бока меня толкала;
Никто не услыхалъ плаксивый голосъ мой.
Тутъ я на хитрости пустилась... И дорогу
До кабака нашла и звонкимъ голоскомъ
Запѣла пѣсенку, какихъ я знала много...
Одну изъ тѣхъ, что мать пѣвала подъ хмелькомъ.
Услышали внутри... Зазвали. Всѣмъ забавно,
Что «Казиміра» имъ такая мразь поетъ;
Кто далъ пятакъ, кто грошъ; хохочутъ... «Вотъ такъ славно!
«Ай, дѣвка! Умница! Она не пропадетъ»;
А пьяненькій одинъ мнѣ налилъ рюмку водки
И, путаясь рукой въ курчавыхъ волосахъ,
Погладилъ ихъ, сказалъ: «Для прочищенья глотки,
Хвати! Будь молодцомъ... Какъ есть во всѣхъ статьяхъ!»
И цѣловальникъ самъ посмѣивался глухо
Своимъ разъѣвшимся, расплывшимъ животомъ:
«Почаще заходи,—шепнулъ онъ мнѣ,—воструха!»
И тоже наградилъ зеленымъ мѣдякомъ.
За выдумку меня хозяйка похвалила,
Когда вернулась я, вся красная, домой.
«Ну, дѣвка—ты шустра...» И въ вечеръ тотъ не била,
А мѣдяки взяла, въ сундукъ сложила свой.
Съ тѣхъ поръ на промыселъ, во всякую погоду
Она меня гнала пинкомъ по вечерамъ.
И стала я расти... Шли за годами годы.
А вмѣстѣ съ красотой росъ мой позоръ и срамъ.
Я хороша была... Эхъ, барыня, начало
Исторіи моей ужъ огорчило васъ...
Просили «все» сказать... Прослушали такъ мало...
И слезы ужъ текутъ изъ вашихъ добрыхъ глазъ...
Да и къ чему, къ чему?... Вы ласково и мило
Сказали, что «спасти» меня хотите вы...
Оставьте, барыня! Меня спасетъ могила...
Иль спички сѣрныя, или вода Невы...
Разсказывать?... Ну, вотъ... Старикъ какой-то славный,
Добрѣйшій сжалился надъ бѣдной сиротой;
Увелъ меня къ себѣ и содержалъ исправно.
Училъ, ласкалъ, рядилъ... А кончилось бѣдой...
Пятнадцать было мнѣ, когда я убѣжала
Отъ «доброты» его... Господь ему судья...
Я, глупая, его за дѣдушку считала...
Почтенный, весь сѣдой... была жена, семья!...
Тутъ я въ провинцію попала... Въ опереткѣ
Играла я пейзанъ, матросовъ и пажей.
Антрепенеръ сказалъ: «Такія ноги—рѣдки!...
Беру васъ, душенька, на роли безъ рѣчей».
Извѣстно, чтó потомъ... Разсказывать нѣтъ силы
Всю грязь, весь смрадъ, весь чадъ, чтó я пережила...
Я память пропила... Я все перезабыла...
Куда обречена,—туда я и дошла...
Да, да! Обречена отъ самаго рожденья
Быть «падшей женщиной»! И мачихи-судьбы
Не смоется клеймо... Какое мнѣ спасенье?
Устала я... Больна... Не выдержу борьбы.
Когда вы въ первый разъ евангелье читали,
Я плакала, а вы сказали: «Спасена!»
Нѣтъ, барыня моя, вы съ книгой опоздали...
Теперь ужъ не спасетъ погибшей и она...
Вотъ... знаете ли что?... Ступайте-ка въ подвалы,
Въ трущобы, гдѣ жила я съ матерью моей...
Есть дѣвочекъ такихъ тамъ и теперь не мало,
Есть «обреченныя»! Спасайте ихъ, дѣтей!
Меня нельзя спасти!... Простите, дорогая,—
Быть «честной» не могу... Къ работѣ не годна...
А книга хороша... Я вспомню, умирая,
Что въ ней написано: «Ты будешь прощена!»

Чужому горю.

Что ты глядишь мнѣ въ глаза, неисходное,
Страшное, вѣчное горе чужое,
Надъ ухомъ воешь собакой голодною,
Мучишь, грызешь, не даешь мнѣ покою?
Выйду-ль на площадь, гдѣ лавки богатыя
Дразнятъ и манятъ прохожихъ товарами,—
Вижу тебя, какъ ползешь ты, косматое,
Вижу, какъ корчишься ты подъ ударами
Мачихи, лютой судьбы... И гніющія
Вижу я раны твои безобразныя;
Вижу, какъ тянешь ты цѣпи гнетущія,
Вижу лохмотья зловонныя, грязныя...
Слышу, какъ съ бабой забитой ругаешься;
Слышу, какъ плачутъ больныя и голыя
Дѣти твои, нищета горемычная,
Къ плети судьбы отъ рожденья привычные!...
Дома-ль сижу я порою ненастною
Въ темномъ углу, предо мной ты, угрюмое,
Встанешь и шепчешь мнѣ правду ужасную,
Кровь леденя безотвязною думою.
Злобенъ твой шопотъ: «Эхъ, любо вамъ, сытые,
Въ теплыхъ хоромахъ! А я-то, убогое,
Шляюсь, дырявымъ отрепьемъ прикрытое,
Въ тьмѣ непроглядной, безвѣстной дорогою,
Маюсь подъ вѣтромъ, подъ бурею грозною,
Путь мой заносятъ мятели суровыя;
Мерзну въ сугробахъ и ночью морозною
Гибну... Жарка ваша печь изразцовая,—
Что вамъ до горя чужого? Для бѣднаго
Жаль вамъ, порою, и грошика мѣднаго!...»
Чѣмъ мнѣ помочь тебѣ? Руки безсильныя
Тяжкій твой крестъ не поднимутъ, убожество!...
Бабьей слезою, горючей, обильною,
Не омывается ранъ твоихъ множество...
Золота нѣтъ у меня всемогущаго,
Нѣтъ и громоваго голоса зычнаго.
Съ чѣмъ же пойду противъ рока гнетущаго?
Какъ я за брата вступлюсь горемычнаго?
Мнѣ-ль разорвать твои цѣпи тяжелыя,
Мнѣ-ль освѣтить темноту непроглядную,
Мнѣ-ли пропѣть тебѣ пѣсню веселую,
Вѣщую, вольную, пѣсню отрадную?...
Что-жъ ты въ глаза мнѣ глядишь, неисходное,
Страшное, вѣчное горе чужое,
Надъ ухомъ воешь собакой голодною,
Мучишь, грызешь, не даешь мнѣ покою?

На почтѣ.

Контора почтовая тѣсная, душная,
Вся сѣрымъ народомъ набита биткомъ,
Рабочихъ артель, отправляя «подушныя»
Какъ стадо, толчется и претъ напроломъ.
Повѣсить топоръ можно въ воздухѣ тамъ:
Прохода мужикъ не даетъ господамъ.
И странно—весь этотъ оборванный людъ
Тѣснится у клѣтки, гдѣ деньги сдаютъ.
На лицахъ худыхъ, съ бородами косматами
Болѣзни, труда непосильнаго слѣдъ:
Сермяги въ известкѣ, тулупы съ заплатами;
Иной, словно нищій, въ лохмотья одѣтъ,
А тоже вонъ *денежный* держитъ пакетъ.
«Подушныя вносишь?»—«Подушныя, братъ...
Да малость домой для жены и ребятъ...
Вѣдь тоже пить-ѣсть они, милый, хотятъ;
Да паспортъ застрялъ въ волостномъ, вишь,
правленьи,
Такъ писаря смазать... Извѣстно, вѣдь, ротъ
Сухая-то ложка начальству деретъ,» —
Отвѣтилъ, и вырвался вздохъ сожалѣнья
Изъ груди больной.
Вся фигура невзрачная
Твердитъ о нуждѣ неисходной разсказъ.
Больного лица выраженіе мрачное
И взглядъ воспаленныхъ, слезящихся глазъ,
На лбу неразвитомъ морщины глубокія,
Свидѣтели горя, терпѣнья и мукъ;
Отрепьемъ прикрытыя плечи широкія,
Мозоли изъѣденныхъ известью рукъ,—
Все проситъ пощады, какъ кляча забитая,
И это «плательщикъ!» Не стыдно-ли, сытые?

Мои паціенты.

(Изъ деревенскаго дневника).

...Еще одинъ больной. Онъ что-то подъ тулупомъ
Несетъ. «Вотъ, матушка, и я до васъ—съ рукой»
Онъ распахнулъ тулупъ, и вдругъ запахло трупомъ...
«Пора рабочая, а вишь ты—грѣхъ какой!
Ужъ только вылечи, не постоимъ за цѣну,
Богъ хлѣбца уродилъ... Рука нужна для насъ.»
Какъ я ему скажу, что узнаю гангрену,
Что нужно доктора,—скорѣй, скорѣй, сейчасъ?!...
Сказала... Онъ махнулъ здоровою рукой,
Взглянулъ въ мои глаза съ отчаянной мольбой,
Съ усмѣшкой блѣдною, поникнувъ головой,
Спросилъ: «А дохтуръ гдѣ?»
И поплелся домой.
Не къ доктору идетъ... До города далеко,
А онъ шатается отъ вѣтра, какъ хмельной.
Кругомъ нѣмая степь раскинулась широко.
И колосъ клонится головкой наливной,
Прощаясь съ пахаремъ...
Унылый, но покорный
Идетъ онъ: «Въ животѣ и смерти Богъ волёнъ,

А вотъ пшеничку—жаль!»
Подъ гнетомъ думы черной
Заныла больно грудь,—о *хлѣбѣ* думалъ онъ!...
И пробѣгала дрожь въ его усталомъ тѣлѣ,
И пожирающій огонь горѣлъ въ крови...
О, Господи, да кто-жъ хозяинъ въ гнусномъ дѣлѣ?
Взгляни же ты на нихъ, Богъ правды и любви?
Тумана саваномъ окутано селенье.
Сквозь ночи мракъ густой, изъ желтыхъ камышей
Съ болота крадутся толпою привидѣнья
Въ деревню сонную и носятся надъ ней.
«Мы избавители, мы посланные неба,
Мы помощь имъ несемъ,—поетъ незримый клиръ:
Мы прекратимъ навѣкъ ихъ муки изъ-за хлѣба,
Дадимъ свободу имъ, забвеніе и миръ.
Они боятся насъ, но мы—благія силы,
Мы не мучители, не божіи бичи,
Хотя и валимъ ихъ въ глубокія могилы...
Мы исцѣлители, мы мужицкіе врачи!
Зовутъ насъ: дифтеритъ, горячка, лихорадка,
Холера, оспа, корь, голодный тифъ, запой...
Мы взглянемъ — и уснутъ навѣкъ страдальцы сладко;
Утомлены они, пора имъ на покой!
А вы что́ дали имъ при жизни, люди-братья,
За цѣлые вѣка тяжелаго труда?
Лишь право посылать вамъ горькія проклятья,
Когда ихъ душитъ гнетъ, болѣзнь или нужда!
Спасаемъ мы ихъ отъ васъ!...»
Раздался хохотъ дикій,
Шумъ крыльевъ, стукъ костей и погребальный звонъ,
Плачъ женщинъ и дѣтей, стенанія и крики,—
И я проснулася...
Какой нелѣпый сонъ!
Вновь радостно горитъ безсмертное свѣтило,
Все ожило кругомъ отъ неба до земли;
Желанье имъ служить проснулось съ новой силой...
— Вставайте, барыня, больные къ вамъ пришли!...

Жрецы эстетики.

Потокомъ звучныхъ словъ, пѣвучею волною
Лились твои стихи. Искусства знатоки
Признали пѣснь твою волшебной, неземною,
Рукоплескали ей, плели тебѣ вѣнки.
Ты сладко, звонко пѣлъ, какъ соловей весною,
Про солнце и любовь, цвѣты и ручейки...
А родина твоя—страдалица нѣмая—
Подъ снѣжнымъ саваномъ стонала, замерзая.
Ты стоновъ не слыхалъ. Мелодія созвучій
Баюкала тебя чарующей красой;
Какъ царственный орелъ, свободный и могучій,
Парилъ ты въ вышинѣ прозрачно-голубой,
Купался въ облакахъ, гнался за гордой тучей,
Знать не хотѣлъ земли... А въ безднѣ, подъ тобой,
Рыданья слышались, и вопли, и проклятья:
Безъ хлѣба, въ темнотѣ, тамъ гибли люди-братья.

Ты «грязной прозою» считалъ родное горе;
Восторженной душой ты жилъ въ странѣ чудесъ
«Искусства чистаго»; въ холодномъ, мертвомъ взорѣ
Античной статуи, въ сіяніи небесъ,
Въ колоннахъ мраморныхъ, въ живой лазури моря,
Въ душистомъ вѣтеркѣ, будившемъ сонный лѣсъ,
Да въ женской красотѣ искалъ ты вдохновенья
И мимолетныхъ грезъ. Ты пѣлъ для наслажденья!...

Судъ родины насталъ. Вѣнкамъ твоимъ лавровымъ
Теперь не сдобровать... Передъ тобой, пѣвецъ,
Страдалица и мать стоитъ въ вѣнкѣ терновомъ,
Презрѣнія полна: «Ты не поэтъ, а жрецъ
Бездушныхъ идоловъ! Могучимъ, вѣщимъ словомъ
Ты мнѣ не послужилъ; не разбудилъ сердецъ,
Умовъ, забывшихъ долгъ; огонь любви священной
Не захотѣлъ зажечь въ нихъ пѣсней вдохновенной.

Не знаю я тебя. Какой ты хочешь славы?...
Сходилъ-ли ты ко мнѣ съ высокихъ облаковъ?
Твои пѣвучія красивыя «октавы»
Я слышала сквозь стонъ голодныхъ бѣдняковъ;
Какъ ядъ насмѣшки злой, какъ жгучая отрава,
Лились веселыя мелодіи стиховъ
Въ истерзанную грудь... Пріими же въ награжденье
Забытой матери презрѣнье и забвенье!

Ты могъ поэтомъ быть, но чудный даръ природы
Унизилъ, обратилъ въ игрушку для людей...
Поэтъ—мой щитъ и мечъ; меня въ былые годы
Онъ грудью защищалъ. Онъ сѣятель идей,
Онъ голосъ, онъ языкъ безгласнаго народа,
Онъ первый лучъ зари грядущихъ свѣтлыхъ дней!
Будь самъ себѣ судья! Скажи, я жду отвѣта,
Достоинъ ли ты былъ названія поэта?»

Въ альбомъ счастливицѣ.

Взгляните на птицы небесныя и т. д.

Съ птичьей головкой на свѣтъ уродилась,
Пѣла, порхала, сыскала самца,
Птичьей любовью въ супруга влюбилась:
Счастлива ты, милый другъ, безъ конца...
Въ гнѣздышкѣ скрывшись отъ бурь и ненастья,
Съ гордостью глупыхъ выводишь птенцовъ,

Въ тепломъ навозѣ семейнаго счастья
Ищешь съ супругомъ любви червячковъ...
Зависть беретъ, какъ живешь ты привольно
Птичій свой вѣкъ,—безъ борьбы и страстей,
Думъ безпокойныхъ, сомнѣній невольныхъ,
Глупыхъ стремленій... и горя людей...

А. Н. АПУХТИНЪ.

* * *

Я люблю тебя такъ оттого,
Что изъ пошлыхъ и гордыхъ собою
Не напомнишь ты мнѣ никого
Откровенной и ясной душою;
Что съ участьемъ могла ты понять
Роковую борьбу человѣка;
Что въ тебѣ уловилъ я печать
Отдаленнаго, лучшаго вѣка!
Я люблю тебя такъ потому,
Что не любишь ты мертваго слова,
Что не вѣришь ты слѣпо уму,
Что чужда ты расчета мірского,
Что горячее сердце твое
Часто бьется тревожно и шибко...
Что смиряется горе мое
Предъ твоей миротворной улыбкой!

Пѣсни.

Май на дворѣ... Начанися посѣвы,
Пахарь поетъ за сохой.
Снова внемлю вамъ, родные напѣвы,
Съ той же глубокой тоской.

Но не одно гореванье тупое,
Плодъ безконечныхъ скорбей,—
Мнѣ уже слышется что-то иное
Въ пѣсняхъ отчизны моей.

Льются смѣлѣй заунывные звуки,
Полные силъ молодыхъ,—
Прежнихъ годовъ пережитыя муки
Грозно скопилися въ нихъ.

Такъ вотъ и кажется: съ первымъ призывомъ
Грянутъ они изъ оковъ
Къ вольнымъ степямъ, къ нескончаемымъ нивамъ,
Въ глушь необъятныхъ лѣсовъ.

Пусть тебя, Русь, одолѣли невзгоды,
Пусть, ты унынья страна...
Нѣтъ! я не вѣрю, что пѣсня свободы
Этимъ полямъ не дана!

* * *

Честь имѣю донести Вашему Высокоблагородію, что въ огородахъ мѣщанки Ефимовой найдено мертвое тѣло.

(Изъ полицейскаго рапорта).

Въ убогомъ рубищѣ, недвижна и мертва,
Она покоилась среди пустого поля;
Къ бревну прислонена, лежала голова...
Какая выпала вчера ей злая доля?
Зашибъ ли хмель ее среди вечерней тьмы,
Испуганный ли воръ хватилъ ее въ смятеньѣ,
Недугъ ли поразилъ,—еще не знали мы
И уловить въ лицѣ старались выраженье,
Но вѣяло оно покоемъ не земнымъ...
Народъ стоялъ кругомъ, какъ бы дивяся чуду,
И каждый клалъ свой грошъ въ одну большую груду,
И деньги сыпались къ устамъ ея нѣмымъ.
Вчера ихъ вымолить она бы не сумѣла...
Да эти щедрые и поздніе гроши,
Чтó, можетъ быть, спасли-бъ нуждавшееся тѣло,
Народъ охотнѣе бросаетъ для души...
Былъ чудный вешній день. По кочкамъ зеленѣли
Побѣги свѣжіе рождавшейся травы,
И дѣти бѣгали, и жаворонки пѣли...
Прохладный вѣтерокъ, вкругъ мертвой головы
Космами жидкими волосъ ея играя,
Казалось, лепеталъ о счастьѣ и веснѣ,
И небо синее въ прозрачной вышинѣ
Смѣялось надъ землей, какъ эпиграмма злая!

Во время войны.

(Братьямъ).

Свѣтаетъ... Не въ силахъ тоски превозмочь,
Заснуть я не могъ въ эту бурную ночь.
Чрезъ рѣки и горы, и степи просторъ
Васъ, братья, ищетъ мой взоръ.
Что съ вами? Дрожите ли вы подъ дождемъ
Въ убогой палаткѣ, прикрывшись плащемъ?
Вы стонете-ль въ ранахъ, томитесь въ плѣну,
Иль пали въ бою за родную страну,
И жизнь отлетѣла отъ лицъ дорогихъ,
И голосъ вашъ милый навѣки затихъ?...
О, Господи! Лютой пылая враждой,
Два стана давно ужъ стоятъ предъ тобой;

О помощи молятъ тебя ихъ уста;
Одинъ за Аллаха, другой за Христа...
Безъ устали, дружно во имя твое,
Работаетъ пушка и штыкъ, и ружье...
Но Боже! Одинъ ты и вѣра одна,
Кровавая жертва тебѣ не нужна,—
Яви же борцамъ негодующій ликъ,
Скажи имъ, что міръ твой хорошъ и великъ,
И слово забытое братской любви
Въ сердцахъ, омраченныхъ враждой, оживи!

* * *

О, будь моей звѣздой; сіяй мнѣ тихимъ свѣтомъ
Какъ эта чистая далекая звѣзда!
На землю темную она глядитъ съ привѣтомъ,
Чужда ея страстямъ, свободна и горда.
И только иногда, услыша въ отдаленьи
Любви безумный стонъ, отчаянный призывъ,
Она вздрогнетъ сама,—и въ жалости, въ смятеньи,
На землю падаетъ, о небѣ позабывъ!

Ф. Н. БЕРГЪ.

Заря.

Заря! Унынье, страхъ лучей ея бѣгутъ,
И сердце бьется жизни жаждой!
Толпою бодрою идемъ на жизнь и трудъ;
Свое для всѣхъ положитъ каждый.

Идемъ на жизнь и трудъ! Въ пылающихъ сердцахъ,
Въ біеньи частомъ каждой жилы,
Въ молчаньи сдержанномъ, въ стремительныхъ
рѣчахъ
Вся мощь и крѣпость львиной силы!

Пусть умирающихъ, ослѣпшихъ голоса
Звучатъ... Земля моя родная!
По селамъ, городамъ, въ поля твои, въ лѣса
Давно ужъ вѣетъ жизнь иная!

Вотъ вспыхнетъ солнышко надъ сумрачной землей!
Бѣгутъ обманчивыя тѣни,
И храма ветхаго—подъ твердою стопой
Дрогнули мшистыя ступени...

Въ полѣ.

Дай тебѣ Боже, родная земля:
Мира, свободы, покою!
Какъ эти села, какъ эти поля
Крѣпко сроднились со мною!
Чудное утро за ночью дождливою:
Сѣрая тѣнь переходитъ за нивою,
Тучки плывутъ въ синевѣ,
И широко́ по травѣ
Тянется вѣтеръ струей благовонною
Въ рощу зеленую,
Дождикомъ свѣжимъ омытую,
Солнечнымъ свѣтомъ залитую!...

Дай тебѣ Боже, родная земля,
Дождика, вёдра въ поля,
И сохрани ихъ отъ града, отъ голода,
Жара сухого, да поздняго холода!
Богъ вамъ на помощь, христовы работнички!
Глубже вамъ вспахивать пашенку черную,
Шире косой размахнуться проворною, —
Будетъ большой урожай,
Градъ не побьетъ, саранча не напустится,—
Знай увози-собирай!
Въ полдень ли жаркій, полуночью-ль тихою, —
Медомъ потянетъ отъ кашки съ гречихою.
Станутъ хлѣба, что́ стѣна,
И засквозятся, что золото яркое,
Стебли сухіе на солнышко жаркое,
И зашумятъ, какъ волна.

Пѣсни по селамъ польются веселыя,
Стономъ застонутъ телѣги тяжелыя.—
Горы сноповъ повезутъ.
Все, чѣмъ поля за труды ни поплотятся,
Все на току на сухомъ умолотится;
Все въ закрома покладутъ.

Дай тебѣ Боже, родная земля,
Мудрыхъ вождей и великихъ,
Чтобы не слышали эти поля
Криковъ проклятія дикихъ,
Чтобъ не лилась неповинная кровь,
Слезъ неутѣшныхъ не лилось —
Чтобъ вѣковѣчно святая любовь
Въ грѣшныхъ сердцахъ воцарилась!

Б. Н. АЛМАЗОВЪ.

Къ Шиллеру.

Пѣвецъ добра и свѣтлыхъ сновидѣній
Высокихъ душъ поборникъ и оплотъ,
Высокъ и чистъ твой непреклонный геній,
Высокъ и смѣлъ мечты твоей полетъ!
Ты въ мірѣ жилъ, но міру недоступенъ,
Душой въ иномъ далекомъ мірѣ жилъ,
Ты кротокъ былъ, но гордъ и неподкупенъ,
Ты міръ любилъ, но міру не служилъ.
Не влекъ тебя блескъ роскоши и власти,
Житейскихъ благъ призыву ты не внялъ,
Ни лестью сильному, ни чувствомъ низкой страсти
Высокій санъ пѣвца не запятналъ.

Кто изъ пѣвцовъ для суетной забавы
Высокій долгъ пѣвца не забывалъ
И чистыхъ музъ бесѣды величавой
На шумъ толпы нестройной не мѣнялъ?
Чья муза пылкая средь волнъ житейскихъ темныхъ
Прошла свой путь безгрѣшна и чиста?
Кто праздныхъ словъ лукавыхъ и нескромныхъ
Ей не влагалъ въ стыдливыя уста?
Кто лучшихъ силъ и сердца жаръ свободный
Своимъ страстямъ на жертву не принесъ,
По юнымъ днямъ, растраченнымъ безплодно,
Не лилъ порой потоки позднихъ слезъ?
Но кто судья безчувственный и строгій
Свой грозный судъ избраннымъ изречетъ?
Трудна пѣвца роскошная дорога:
По ней свой даръ какъ бремя онъ несетъ!
Избыткомъ всѣхъ даровъ природа надѣлила
Любимца своего; зато гнѣздится въ немъ
Могучихъ чувствъ бунтующая сила,
Опаснымъ грудь горитъ его огнемъ.
Сильнѣй другихъ онъ вѣщимъ сердцемъ чуетъ
И голосъ истины, и чары красоты;
Зато больнѣй душа его тоскуетъ,
Тревожнѣй въ немъ и страсти, и мечты.
Міровъ гармонія, могучій гласъ природы
Его душѣ живѣе говоритъ,
И жаждетъ грудь его раздолья и свободы—
Его весь міръ въ объятія манитъ.
Ему-ль съ душой, въ восторгахъ воспаленной,
Напоръ страстей разсудкомъ отражать,
Обречь всю жизнь на трудъ уединенный
И долгу строгому всего себя отдать?

Увы, межъ избранныхъ тѣхъ избранныхъ немного,
Кто-бъ сочетать умѣлъ въ себѣ, какъ ты,
Духъ стоика, обычай жизни строгій
Съ сердечнымъ пламенемъ и нѣгою мечты.
Да, ты отъ юности высокому служенью
Священныхъ музъ всего себя обрекъ,
Покинулъ все, что́ чуждо вдохновенью.
Отвергнулъ все, въ чемъ истинѣ упрекъ.
Бѣжавъ суетъ чарующаго круга,
Ты такъ любилъ очагъ семьи своей,
И мирный трудъ, и, въ свѣтлый часъ досуга,
Бесѣду тихую домашнихъ и друзей.
Ты мало зналъ житейскихъ наслажденій,
Фортуны взоръ неласковъ былъ къ тебѣ,
Зато могучъ на волѣ взросъ твой геній,
Твой духъ окрѣпъ въ лишеньяхъ и борьбѣ;
Ты сердца жаръ безплодно не развѣялъ
Путемъ забавъ и въ вихрѣ суеты,
Но въ тайникахъ души своей лелѣялъ
И сберегалъ для творческой мечты,—
И вотъ весь пылъ взлелѣяннаго чувства;
Всѣ страсти юности, всѣ отрока мечты
Ты воплотилъ въ созданіяхъ искусства—
Въ сосудъ нетлѣнный сей душевной красоты.
И чудной силою полны твои творенья!
О, кто изъ насъ, въ дни юности своей,
Не черпалъ въ нихъ святыя убѣжденья,
Любовь къ добру и къ подвигамъ стремленье,
И вѣру въ истину, и въ доблесть, и въ людей?
Моей душѣ они, какъ въ дни былые,
Восторги свѣтлыхъ думъ и дивныхъ грезъ дарятъ;
Они порой, во дни печали злые,
Своимъ огнемъ мой умъ животворятъ.
Въ минуты тяжкія мертвящаго сомнѣнья,
Когда нашъ умъ и давитъ и томитъ
Недугъ позорнаго, тупого охлажденья,
Когда боязнь духовнаго паденья,
Какъ смертный мигъ, намъ душу леденитъ;
Когда готовы мы назвать игрой безплодной
Борьбу за лучшія завѣтныя мечты,—
Мнѣ вдругъ является твой образъ благородный,
И въ прежній путь, какъ свѣточъ путеводный,
Меня манишь и призываешь ты.
Лелѣютъ слухъ твои святые звуки,
Отраду сладкую въ больную душу льютъ,
И усмиряются въ душѣ сомнѣній муки,
И силы новыя въ ней бодро возстаютъ:—
Вновь вѣришь въ истину, живущую отъ вѣка,
И рвешься радостно за правду въ честный бой,
Гордишься вновь за міръ и человѣка,
Торжественно оправданныхъ тобой!

Похороны.

Разносится напѣвъ торжественно-печальный,
И поѣздъ движется блестящій погребальный:
Вослѣдъ ему толпа народная валитъ,
Предъ гробомъ стройно гимнъ напутственный звучитъ,
Съ кадильницъ ѳиміамъ отъ ладона клубится,
Дымятся факелы, и съ гробомъ колесница
Везетъ бездушные останки богача;
Повсюду золото и бархатъ и парча
Надъ нимъ и вкругъ него блистаетъ и пестрѣетъ,
И тяжкій балдахинъ колеблется и рдѣетъ
На солнечныхъ лучахъ. За гробомъ стройно, въ рядъ,
Въ глубокомъ траурѣ, отъ головы до пятъ,
Съ изящной прелестью одѣты по картинкѣ,
Идутъ наслѣдники—на лицахъ ни слезинки!
И безконечною процессіей имъ вслѣдъ
Гремитъ торжественно блестящій рядъ каретъ.
Зѣваки мелкіе на улицѣ толпятся,
Большія барыни заботливо тѣснятся
Съ дѣтьми и няньками у зѣркальныхъ оконъ,
Любуясь зрѣлищемъ роскошныхъ похоронъ.
Повсюду слышится: «кого, кого хоронятъ?»
Хожалые съ пути простой народъ сторонятъ—
Толкаютъ и кричатъ и щедро сыплютъ брань,
Желая принести свою посильно дань,
Дань почестей чинамъ почившаго вельможи.
Какіе хлопоты и шумъ—и изъ чего же?
Когда и гдѣ, въ какой святой, великій часъ!
Какое зрѣлище для сердца и для глазъ!
Какое странное, нестройное смѣшенье:
Гремитъ, какъ Божій гласъ, святое пѣснопѣнье
Во всеуслышанье о суетѣ земной,
А все вокругъ полно бездушной суетой!
И смерти грозное и мрачное величье,
И свѣта тонкія, жеманныя приличья
Идутъ здѣсь объ руку,—и дикой пестротой
Пугаютъ мысль и взоръ... и чувствъ тяжелыхъ рой
Такъ безпорядочно, такъ смутно въ грудь тѣснится:
Не знаешь, хочешь ли смотрѣть, или молиться?

А въ тотъ же день и часъ, по тряской мостовой,
Везутъ на ломовомъ сосновый гробъ простой,
Ни шелкомъ, ни парчей блестящей не обитый,
Кой-какъ сколоченный, веревкой перевитый...
Въ немъ труженикъ-бѣднякъ. Свели его туда
Усилья тяжкія суроваго труда,
Нужда, сырой подвалъ, да знахарка-лѣкарка,
Да наша общая губительница, чарка.
За гробомъ чуть бредетъ отъ горести, въ слезахъ,
Жена покойника съ младенцемъ на рукахъ.
За нею тянется въ лохмотьяхъ вся убогихъ
Толпа пискливая голодныхъ, босоногихъ,
Худыхъ, безъ помощи оставленныхъ сиротъ,
Прямыхъ наслѣдниковъ труда и злыхъ заботъ.
За ними вслѣдъ бредетъ, потупя взоръ угрюмо,
Собратъ умершаго, томимый мрачной думой,
Такой же какъ и онъ безпомощный бѣднякъ.
За гробомъ не бѣгутъ, шумя, толпы зѣвакъ;
Хожалый съ улицы народъ простой не гонитъ:
Никто не хочетъ знать, кого и кто хоронитъ.
И только бѣдная старушка съ костылемъ,
Приблизившись къ вдовѣ съ растроганнымъ лицомъ,
Вопросъ ей дѣлаетъ, съ участіемъ печали:
«Какъ, матушка, скажи покойника-то звали?»
— Иваномъ, та въ отвѣтъ, рыдая, говоритъ.
И имя то, крестясь и охая, твердитъ
Старушка, чтобъ предъ сномъ, въ часъ тишины глубокой,
То имя помянуть въ молитвѣ одинокой.

В. С. ЛИХАЧЕВЪ.

* * *

Поэтъ сказалъ: «блаженъ, кто смолоду былъ молодъ!»
О, да! блаженъ стократъ, кто могъ въ разцвѣтѣ силъ
Извѣдать прелесть грезъ и въ комъ разсудка холодъ
Къ добру и истинѣ стремленья не убилъ!

Пусть не было ему ни славы, ни успѣха,
Ни опьяняющихъ восторговъ и похвалъ;
Пусть—кромѣ наглаго, безсмысленнаго смѣха —
Онъ для себя иной награды не стяжалъ:

Отзывчивой души прекрасныя движенья,
Какъ сны отрадные, какъ свѣтлыя видѣнья,
Онъ въ нѣдрахъ памяти любовно сбережетъ,

И, переживъ тѣхъ лѣтъ плѣнительную повѣсть,
До гроба—какъ скрижаль, какъ знамя—донесетъ
Мірскими благами некупленную совѣсть!

* * *

Женщинѣ дорогу!
И рабой-царицей,
Безмятежно шла ты яркой вереницей
Выспреннихъ восторговъ, робкихъ воздыханій,

Сладкозвучныхъ пѣсенъ, пламенныхъ желаній
И безумныхъ вспышекъ доблести спѣсивой—
Шла на жертву страсти, въ храмъ любви ревнивой.

Но разбиты мощнымъ духомъ обновленья
Обветшалой цѣпи вѣковыя звенья:
Труженицей скромной, съ бодрою душою,
Брани и лишеній тяжкою стезею,
Шествуешь ты нынѣ къ пышному чертогу
Знанія и свѣта...
Женщинѣ дорогу!

* * *

Смотрю я на дѣтей, когда они играютъ,
Когда и глазки ихъ блестятъ какъ небеса,
И яркимъ заревомъ ихъ личики пылаютъ,
И чистымъ серебромъ звучатъ ихъ голоса,—

Смотрю и мысленно твержу имъ пожеланья:
Пусть выростутъ они; пусть ихъ пытливый умъ
Окрѣпнетъ силою науки и познанья
И станетъ родникомъ живыхъ, свободныхъ думъ;

Пусть опытъ жизненный дорогу имъ укажетъ
Во練ракѣ мелкихъ дрязгъ и будничныхъ заботъ,
Ихъ волю закалитъ и прочнымъ камнемъ ляжетъ
Въ основу бытія, защитой отъ невзгодъ;

Но пусть останется навѣки неизмѣнной—
Незыблемый какъ міръ, прекрасной какъ мечта,—
Пусть сохранится въ нихъ жемчужиной безцѣнной
Младенческихъ сердецъ святая чистота!

И. З. СУРИКОВЪ.

Покой и трудъ.

Покой и тишь меня объемлютъ,
Я трудъ покинулъ и забылъ;
Мой умъ и сердце сладко дремлютъ.
Пріятенъ отдыхъ мнѣ и милъ.

И вотъ въ молчаніи глубокомъ,
Мнѣ чьи-то слышатся слова,
И кто-то шепчетъ мнѣ съ упрекомъ:
«На жизнь утратилъ ты права.

Ты бросилъ честную работу,
Покой и праздность возлюбилъ,
И создалъ самъ себѣ субботу,
И духомъ мирно опочилъ.

Твой свѣтлый умъ безъ дѣлъ заржавѣлъ
И сталъ безплоденъ, недвижимъ...
Пойми-же, какъ ты обезславилъ
Себя бездѣйствіемъ такимъ!

Жизнь вкругъ тебя трудомъ кипѣла;
Куда ни падалъ праздный взоръ—
Искали всюду люди дѣла,
Твой ближній былъ тебѣ—укоръ.

Съ терпѣньемъ, съ волею желѣзной
Тяжелый путь онъ пролагалъ;
А ты, какъ камень безполезный,
На пашнѣ жизненной лежалъ.

Уже-ль не ныла нестерпимо
Твоя, отъ тяжкой скорби, грудь,
Нѣмымъ раскаяньемъ томима,
Что бросилъ ты свой честный путь?»

И, точно острый ножъ, жестоко
Язвили тѣ слова меня,
И отъ дремы нѣмой, глубокой
Душа воспрянула моя.

И пошлость жизни я увидѣлъ,
Уразумѣлъ ее вполнѣ:
И свой покой возненавидѣлъ,
И опротивѣлъ отдыхъ мнѣ.

И къ мысли я воззвалъ: «Воскресни!
Возобнови остатокъ силъ!
Напомни мнѣ былыя пѣсни!
Я все растратилъ, все забылъ.

Хочу трудиться вновь; но, если
Ужъ поздно,—жизнь во мнѣ убей.» —
И силы прежнія воскресли
Въ груди измученной моей.

Все то, чѣмъ въ жизни заразился,
Я отъ себя тогда отсѣкъ,—
И для работы вновь родился,
Убитый лѣнью, человѣкъ.

* * *

Черствѣетъ сердце, меркнетъ умъ...
Грудь надрывается отъ боли...
Подъ гнетомъ горькихъ чувствъ и думъ
Поется грустно поневолѣ.

Мнѣ негдѣ думъ отрадныхъ взять:
Кругомъ меня мертво и сухо.
Тамъ трудно мыслить и дышать,
Гдѣ стонъ и вопли слышитъ ухо.

Гдѣ въ лѣтній зной изъ облаковъ
На землю дождь не упадаетъ,—
Тамъ ни травы нѣтъ, ни цвѣтовъ,—
Бурьянъ тамъ горькій выростаетъ.

Такъ пѣснь моя всегда горька,
Какъ тотъ бурьянъ въ степи безводной:
Звучитъ въ ней горе да тоска,
Да плачъ надъ долей безысходной!

Работники.

Вставай, товарищъ мой! Пора!
Пойдемъ! осенній день коротокъ...
Трудились много мы вчера,
Но скуденъ былъ нашъ заработокъ.

Полуголодные легли
На землю рядомъ мы съ тобою...
Какую ночь мы провели
Въ борьбѣ съ мучительной тоскою!

Въ работѣ выбившись изъ силъ,
Не могъ отъ холода заснуть я—
Суровый вѣтеръ шевелилъ
На тѣлѣ ветхіе лоскутья.

Но я къ лишеніямъ привыкъ;
Привыкъ ложиться я голодный.
Безъ слезъ и жалобы приникъ
Я головой къ землѣ холодной.

Я равнодушно смерти жду,
И не страшитъ меня могила;
Безъ скорби въ вѣчность я пойду...
На что мнѣ жизнь? чтó въ ней мнѣ мило?

Лишь одного пугаюсь я,
Одной я занятъ горькой думой:
Ужель и небо такъ угрюмо,
Такъ непривѣтно, какъ земля?...

Часовой.

Полночь. Злая стужа
На дворѣ трещитъ,
Мѣсяцъ облаками
Сѣрыми закрытъ.

У большого зданья,
Въ улицѣ глухой,
Мѣрными шагами
Ходитъ часовой.

Подъ его ногами
Жесткій снѣгъ хруститъ,—
А кругомъ глухая
Улица молчитъ.

Но шагаетъ ровно
Бравый часовой,
И ружье онъ крѣпко
Жметъ къ плечу рукой.

Вспомнился солдату
Край его родной;
Вспомнилась избушка
Съ бѣлою трубой;

Вспомнилась голубка —
Милая жена:
Чай, теперь на печкѣ
Спитъ давно она.

Можетъ быть, ей снится,
Какъ морозъ трещитъ,
Какъ солдатъ озябшій
На часахъ стоитъ...

Нужда.

Ахъ, нужда-ли ты, нужда,
Сирота забытая!
Ходишь ты безъ зипуна,
День-деньской несытая.

На твоей ли полосѣ
Не рожь наливается,
А крапива, да трава
Лѣтомъ колыхается.

Твоего добра и днемъ
Не сыскать со свѣчкою;
А въ избѣ зимой морозъ
Грѣется за печкою.

Да когда же ты, нужда
Горькая, поправишься?
Знать, тогда, какъ въ гробъ пойдешь,
Въ саванъ принарядишься!...

Доля бѣдняка.

Эхъ ты, доля, эхъ ты, доля,
Доля бѣдняка!
Тяжела ты, безотрадна,
Тяжела, горька!

Не твою ли это хату
Вѣтеръ пошатнулъ,
Съ крыши ветхую солому
Разметалъ, раздулъ?

И не твой ли подъ горою
Сгнилъ дотла овинъ,
Въ запустѣломъ огородѣ
Повалился тынъ?

Не твоей ли прокатили
Полосой пустой
Мужики дорогу въ городъ
Лѣтнею порой?

Не твоя-ль жена въ лохмотьяхъ,
Ходитъ босикомъ?
Не твои ли это дѣтки
Просятъ подъ окномъ?

Не тебя-ль въ пиру обносятъ
Чаркою съ виномъ,
И не ты-ль сидишь послѣднимъ
Гостемъ за столомъ?

Не твои-ли это слезы
На пиру текутъ,
Не твои-ли это пѣсни
Грустью сердце жгутъ?

Не твоя-ль это могила
Смотритъ сиротой?—
Крестъ свалился, вся размыта
Дождевой водой.

По краямъ ея крапива
Жгучая растетъ,
И зимой надъ нею вьюга
Плачетъ и поетъ,

И звучитъ въ тѣхъ пѣсняхъ горе,
Горе да тоска:
Это ты тутъ схоронилась,
Доля бѣдняка!

* * *

Если-бъ легкой птицы
Крылья я имѣла,
Въ частый-бы кустарникъ
Я не полетѣла.

Если-бъ я имѣла
Голосъ соловьиный,
Я бы не носилась
Съ пѣсней надъ долиной.

Я бы не летала
На разсвѣтѣ въ поле
Косарямъ усталымъ
Пѣть о лучшей долѣ.

Я бы не кружилась
Вечеромъ надъ хаткой,
Чтобъ ребенка пѣсней
Убаюкать сладкой.

Нѣтъ! я полетѣла-бъ
Съ пѣсней въ городъ дальній:
Есть тамъ домъ обширный,
Всѣхъ домовъ печальнѣй.

У стѣны высокой
Ходятъ часовые;
Въ окна смотрятъ люди
Блѣдные, худые.

Имъ никто не скажетъ
Ласковаго слова,—
Только вѣтеръ пѣсни
Имъ поетъ сурово.

Отъ окна къ другому
Тамъ-бы и летала,
Узниковъ привѣтной
Пѣсней утѣшала.

Я-бъ имъ напѣвала
Золотыя грезы,
И изъ глазъ потухшихъ
Вызывала слезы.

Чтобы эти слезы
Щеки ихъ смочили,
Полную печали
Душу облегчили...

* * *

Гдѣ ты, моя юность?
Гдѣ ты, моя сила?...
Горькая кручина
Грудь мою сдавила.

Головѣ поникшей
Тяжело подняться;
Думы въ ней, какъ тучи
Черныя, роятся;

И сквозь эти тучи
Солнце не проблещетъ;
Солнце, точно голубь
Раненый, трепещетъ.

Эхъ, судьба-злодѣйка!
Ты меня сгубила;
Въ мрачный, тѣсный уголъ
Злой нуждой забила.

Вотъ моя каморка—
Грязная, сырая;
Чуть во mракѣ свѣтитъ
Свѣчка, догорая.

Вотъ у стѣнки столикъ;
Вотъ два ветхихъ стула;
Въ уголкѣ икона
Въ мракѣ утонула.

Вотъ моя подруга
Въ безотрадной долѣ;
Шьетъ она, трудится,
Убиваясь въ горѣ.

Вотъ лежитъ въ постели,
Блѣдная, худая,
Охаетъ и стонетъ
Мать моя больная.

Холодно въ каморкѣ;
Коченѣютъ члены.
Затопилъ бы печку,—
Дровъ нѣтъ ни полѣна.

Голова кружится;
Все чернѣе думы;
И стоишь да плачешь,
Грустный и угрюмый.

И невольно въ сердцѣ
Злоба закипаетъ
На того, кто въ свѣтѣ
Злой нужды не знаетъ.

Горе.

Получилъ письмо отъ внука
Дѣдушка Өедотъ;
Внукъ на фабрикѣ прядильной
Въ Питерѣ живетъ.

Что въ письмѣ томъ пишетъ внучекъ,
Нужно дѣду знать,—
Да письма-то не умѣетъ
Самъ онъ прочитать.

И выходитъ на крылечко
Дѣдушка Өедотъ,—
Сѣлъ съ письмомъ, и грамотея
Съ нетерпѣньемъ ждетъ.

Время къ вечеру подходитъ,
Скотъ идетъ съ полей.
Вотъ предъ дѣдомъ показался
Жданный грамотей.

Мальчикъ въ бѣленькой рубашкѣ
По селу идетъ.
Дѣдъ кричитъ ему: «Ванюша!
На, прочти-ка вотъ!

Что тутъ пишетъ милый внучекъ,
Нужно мнѣ узнать.»—
Мальчикъ взялъ письмо, и бойко
Принялся читать.

Дѣдъ нагнулся къ грамотею,
Слушаетъ его.
Пишетъ внукъ: «чтобы не ждали
Денегъ отъ него.

Знаетъ онъ, что деньги нужны,
Что оброкъ стоитъ;
Гдѣ-же взять ихъ? Онъ въ больницѣ
Въ Питерѣ лежитъ.

И едва-ли скоро выйдетъ;
Боль-то не легка:
У него по самый локоть
Отнята рука.

Раздавило на работѣ
Руку шестерней;
И теперь семьѣ помощникъ
Будетъ онъ плохой.

Хоть и выйдетъ изъ больницы,—
Такъ опять бѣда;
Искалѣченный, безрукій, —
Годенъ онъ куда?...»

Много въ томъ письмѣ для дѣда
Горя и заботъ!
И заплакалъ горько, горько
Дѣдушка Өедотъ.

И глядитъ тоскливо мальчикъ,—
Тяжело ему;
Горе стараго понятно
И его уму.

Онъ поникъ головкой русой,
Опустилъ глаза,
И по личику ребенка
Катится слеза...

* * *

Ой, дубинушка, ты ухни!
Дружно мы за трудъ взялись.
Ты, плечо мое, не пухни!
Грудь моя, не надорвись!

Ну-ко, ну, товарищъ, въ ногу!
Налегай плечомъ сильнѣй!—
И тяжелую дорогу
Мы пройдемъ съ тобой скорѣй.

Ой, зеленая, подернемъ!—
Другъ мой! помни объ одномъ:
Нашу силу вырвемъ съ корнемъ,
Или многихъ сбережемъ.

Тѣхъ борцовъ, кому сначала
Легокъ трудъ, кто дѣлу радъ,—
Вскорѣ-жъ—глядь!—все дѣло стало
Передъ множествомъ преградъ.

Тѣмъ помочь намъ скоро надо,
Кто не видитъ, гдѣ исходъ —
И разрушатся преграды, —
И пойдутъ они впередъ.

Другъ! трудящемуся брату
Будемъ смѣло помогать,
Чтобъ за пóмогу въ уплату
Слово доброе принять.

За добро добромъ помянутъ
Люди насъ когда-нибудь,
И судить за то не станутъ,
Что избрали честный путь.

Злоба съ дочкою покорной —
Стоязычной клеветой,
Станутъ насъ судить упорно, —
Но не страшенъ злобы вой.

Прочь отъ насъ! на мертвыхъ рухни, —
Твой живыхъ не сломитъ гнетъ...
Ой, дубинушка, ты ухни!
Ой, зеленая, пойдетъ!

Трудящемуся брату.

Къ тебѣ, трудящемуся брату
Я обращаюся съ мольбой:
Не покидай на полдорогѣ
Работы начатой тобой.

Не дай въ бездѣйствіи мертвящемъ
Душѣ забыться и заснуть, —
Трудомъ тяжелымъ и упорнымъ
Ты пролагай свой честный путь.

И чѣмъ бы въ жизни ни грозила
Тебѣ судьба, — ты твердо стой!
И будь высокому призванью
До гроба вѣренъ ты душой

Пусть громъ гремитъ надъ головою;
Но тучи черныя пройдутъ...
Все одолѣетъ сила духа,
Все побѣдитъ упорный трудъ! —

Ф. ВОЛХОВСКОЙ.

Новогодняя пѣсня.

На рубежѣ прошедшаго съ грядущимъ,
Товарищи, оглянемся назадъ:
Тамъ не одинъ погибъ за правду братъ, —
Погибъ, побѣду завѣщавъ живущимъ.
Великое великой жатвы сѣмя,
Тѣ мертвецы живутъ среди бойцовъ...
Долой же грусть! Долой сомнѣній бремя!...
И выпьемте за нашихъ мертвецовъ!

Бодрящей струей
Вино пусть въ кубки льется! —
Еще въ насъ сердце бьется!
Какъ встарь, надъ головой
Все то же знамя вьется!

Хоть многіе упали ужъ въ бою,
А все-жъ ряды бойцовъ не порѣдили:
Они идутъ къ своей великой цѣли
И высоко несутъ хоругвь свою,
Встрѣчая смерть и муки, и измѣну
Открытой грудью, съ криками «впередъ!»
Товарищи! — за тѣхъ, кто сталъ на смѣну!
Я пью за тѣхъ, кто бьется и живетъ!

Бодрящей струей
Вино пусть въ кубки льется!
Пусть въ насъ душа смѣется,
И кличъ нашъ боевой
Пусть громче раздается!

Чу! Новый Годъ ужъ въ нашу дверь стучится...
Послѣдній тостъ: за весь рабочій людъ!
Я пью за тѣхъ, чей неустанный трудъ
Далъ все, чѣмъ человѣчество гордится. —
Кто все даетъ и вѣчно обдѣленъ, —
Кѣмъ живы братство, равенство, свобода,
Но для кого онѣ — лишь чудный сонъ!...
За счастіе, за честь, за жизнь всего народа.

А! вотъ и Новый Годъ!...
Вверхъ кубки! Пусть вино,
Какъ бодрый духъ играетъ!...
Грядущее темно,
Но насъ не испугаетъ:
На радость, иль на муки —
Дадимъ другъ другу руки!
Да здравствуетъ народъ!

Кричи!

Кричи о равенствѣ, о братствѣ, о свободѣ,
За правду честный бой безъ устали веди,
Греми на деспота проклятьемъ и въ народѣ
Сознаніе и мужество буди!

Кричи перомъ и словомъ, и примѣромъ,
Кричи при всѣхъ и всюду, и всегда,
Хотя-бъ тебя прозвали изувѣромъ
Солидные съ брюшками господа.

И пусть твои слова насмѣшкой дышатъ злою
И страстію кипятъ, какъ лава горячи,
И если крикъ твой кончится тюрьмою,
Припавъ къ рѣшеткѣ—все кричи!

И если деспотъ хищною рукою
Тебя за горло схватитъ, наконецъ,
И ты не въ силахъ будешь крикнуть: къ бою!
Хоть молча плюнь въ лицо ему, боецъ!

* * *

Не то обидно мнѣ, что отнята свобода,
Покой, здоровье и семья,
Что въ мертвой тишинѣ и мглѣ глухого свода
Дня свѣтлаго не вижу я;—
Нѣтъ, еслибъ дали мнѣ свершить благое дѣло,—
Что мнѣ страданіе мое?
Я дѣлу правому отдался бы всецѣло, —
Свободу-бъ отдалъ, счастье—все!
Я знаю этотъ міръ: въ немъ, въ этомъ жалкомъ мірѣ
Такъ исковерканъ жизни строй,
Что всякъ, кто думаетъ взглянуть на жизнь пошире
Тѣмъ самымъ жертвуетъ собой.
О, еслибъ въ міръ внести хоть каплю правды чистой!
За это я готовъ страдать.
И, вѣрьте, жалобы на мой удѣлъ тернистый
Вамъ отъ меня-бъ не услыхать!
Но вотъ обидно что: я полонъ былъ желаній,
Я многое свершить хотѣлъ
Но я былъ взятъ еще среди однихъ мечтаній
И воплотить ихъ не успѣлъ.
И вотъ я здѣсь сижу, страдаю, трачу силы
Изъ-за чего?—Изъ-за мечты!
А тамъ, на волѣ, за стѣной могилы,
Тамъ бой идетъ, тамъ нуженъ ты!

Узникъ.

Была семья—семья разбита...
Друзья?—Но гдѣ они теперь?
Тамъ въ темной ямѣ, мысль зарыта:
Онъ запертъ, словно дикій звѣрь!

Пропитанъ каждый мигъ сознаньемъ
Тупого торжества невѣждъ,
И ядомъ порванныхъ надеждъ,
И даже сонъ усталыхъ вѣждъ
Отравленъ часовыхъ бряцаньемъ.

Онъ жилъ. Онъ бился. Онъ вложилъ
Въ свою борьбу весь цвѣтъ, весь пылъ
Нетронутыхъ надеждъ и силъ—
Все отдалъ родинѣ своей
Еще въ началѣ юныхъ дней.

Что-же родина?—Она молчитъ.
Ужли-жъ онъ матерью забытъ?
Онъ, за нее отдавшій кровь
И радость жизни, и любовь?
Ужли-же тамъ, въ странѣ родной
Нѣтъ никого—души одной,
Чье сердце сжалось бы объ немъ
И братскимъ вспыхнуло огнемъ?...

14-е іюня 1898 года.

(Семидесятипятая годовщина дня рожденія П. Л. Лаврова).

Товарищи, соратники и братья,
Вы всѣ, кто здѣсь, и тѣ, кого здѣсь нѣтъ,
Раскройте шире братскія объятья
И—безъ различья лѣтъ, идей и платья —
Сольемъ весь пылъ
И чувствъ, и силъ
Въ одинъ сердечный, родственный привѣтъ!

Тому, въ сердца кто многихъ поколѣній
Добра и правды искру заронилъ, —
Тому, кто ядъ мучительныхъ сомнѣній
Не разъ разумнымъ словомъ исцѣлилъ,—
Кто говорилъ намъ вѣчно о народѣ,
Кто насъ училъ значенью слова «трудъ»,
Кто въ насъ питалъ любовь къ святой свободѣ
И тиранію громко звалъ на судъ,—
Чей умъ и въ счастьи и въ несчастьи,
И въ ведро, и въ ненастье
Всегда любовью свѣтлой былъ согрѣтъ,—
Тому сегодня семьдесятъ пять лѣтъ!
Какъ много лѣтъ!—и лѣтъ завидныхъ, честныхъ,
Въ трудѣ прожитыхъ, умныхъ, славныхъ лѣтъ,
Оставившихъ въ безчисленныхъ, безвѣстныхъ
Сердцахъ живой, неизгладимый слѣдъ!

Еще намъ дай такихъ годовъ,—по болѣ!
И не тверди что ты старикъ! Нѣтъ! нѣтъ!
Кто бороздитъ, какъ ты, науки поле
Булатомъ мысли въ семьдесятъ пять лѣтъ,—
Въ комъ для добра, какъ прежде, сердце бьется
И идеалъ горитъ святымъ огнемъ, —
Въ комъ стонъ земли родимой отдается
Живою болью, какъ ударъ ножомъ,
И въ чьей душѣ родное лихолѣтье,
Какъ встарь, родитъ негодованья крикъ,—
Тотъ не старикъ! Нѣтъ, нѣтъ, тотъ не старикъ,
Хотя-бъ онъ прожилъ цѣлое столѣтье!

Берите-жъ кубки ваши!
Звените громче чаши!
И въ этотъ свѣтлый мигъ
Пусть шире раздается,
Пусть далеко несется
Нашъ дружный, нашъ заздравный
Нашъ общій, братскій крикъ:
Да здравствуетъ нашъ славный,
Нашъ молодой старикъ.

М. МУРАВСКІЙ.

Въ народѣ.

Паспортъ, котомка,
Дюжина съ лишнимъ «изданій»,
Крѣпкія ноги,
Множество плановъ, мечтаній...

Нивы, покосы,
Свѣтлые виды, приволье...
Тракты глухіе,
Въ хатахъ мужицкихъ бездолье.

Но въ хатѣ каждой
«Страннику» хлѣбъ-соль готова...
Съ жадностью люди
Слушаютъ истины слова.

Въ селахъ жандармы,
Штрафы, оброки, поборы...
«Быть, братцы, бунту!»
Слышно кой-гдѣ въ разговорѣ.

Добрая почва:
Сѣмя тутъ ладно упало...
Ну-ка, что̀ дальше?
Пашни еще вѣдь не мало...

1874 г.

Е. ЧЕРНОБАЕВЪ.

Весенній сонъ.

Стонъ безсилья, горе злое
И безвременья пора —
Это все ушло въ былое,
Это было все вчера!
А сегодня я на волѣ
Жизнерадостно живу,
И въ мечтахъ о лучшей долѣ
Снится сонъ мнѣ на яву:
Будто вѣрную дорогу
На распутьи выбралъ я,
Будто сердце бьетъ тревогу
И въ огнѣ душа моя...
И отъ счастья замирая,
Слышу я весны привѣтъ:
Здравствуй, молодость живая
Съ вѣрой въ жизнь, добро и свѣтъ!

Сонъ.

Пронеслась во тьмѣ ночной
Пѣсня праведнаго гнѣва —
Содрогнувшейся волной
Похороннаго напѣва.
Въ разлетающихся снахъ
Встрепенулись тѣни ночи,
И въ далекихъ небесахъ
Хоры звѣздъ сомкнули очи.
Какъ воскреснувшій мертвецъ,
Всталъ разсвѣтъ съ улыбкой блѣдной—
Утѣшеньемъ для сердецъ,
Угнетенныхъ долей бѣдной.
А за нимъ на небосклонъ
Солнце брызнуло лучами,
И растаялъ мертвый сонъ
Подъ живыми небесами.
Я проснулся... Тьма кругомъ:
Тучи осени ненастной

Тихо плачутъ о быломъ—
О цвѣтахъ весны прекрасной.

Въ морѣ.

Взволновалось снова море,
И помчали стаи волнъ
На темнѣющемъ просторѣ
Въ даль туманную мой челнъ.
Расправляетъ крылья туча,
Застилая небеса;
Плещутъ волны, и могуча
Моря дикая краса.
Съ гуломъ, шумомъ ходятъ волны;
Громъ, огни—и вновь темно...
Взрывы бури мощи полны,
Сердце радости полно:
Бодрой пѣсней бурѣ вторя,
Я несусь надъ бездной водъ,
И звучитъ мнѣ изъ-за моря
Все слышнѣй призывъ: впередъ!

Послѣ бури.

Прошумѣлъ надъ бездной моря
Пролетѣвшій ураганъ,
Взвыло море, вихрямъ вторя,
Словно звѣрь отъ боли ранъ...
Сколько блеска послѣ бури
Золотое солнце льетъ,
Тихо плавая въ лазури,
Отражаясь въ лонѣ водъ!
Обнимаетъ небо землю,
Съ лаской льнетъ волна къ волнѣ,
И взволнованно я внемлю
Чьей-то пѣснѣ въ тишинѣ.
— Будутъ бури и ненастье,
Будетъ много бѣдъ лихихъ,
Но взойдетъ, какъ солнце, счастье
Изъ-за моря слезъ людскихъ!

* * *

Послѣ долгаго ненастья
И холодныхъ сновъ зимы
Улыбнулся проблескъ счастья
Намъ, какъ лучъ въ окнѣ тюрьмы.
Въ захолустье жизни сѣрой
Заглянули дни весны —
И сердца согрѣлись вѣрой,
И летятъ былые сны.
Милый другъ пора за дѣло...
Бодро выйдемъ на просторъ:
Жаждетъ радостно и смѣло
Свѣта, больше свѣта взоръ!

П. Л. ЛАВРОВЪ.

Апостолъ.

Когда желѣзною рукой
Насъ власти гнетъ повсюду давитъ,
Когда безумный произволъ
Измученнымъ народомъ правитъ,
Когда никто во всей странѣ
Отъ страха устъ раскрыть не смѣетъ,
И силы лучшія людей
Въ дремотѣ тяжкой цѣпенѣютъ,—
Среди страданій и оковъ
Порабощеннаго народа
Иди по селамъ, городамъ,
Кричи: «да здравствуетъ свобода!»

Гдѣ человѣка человѣкъ
Скотиной вьючною считаетъ,
Гдѣ все предъ денежнымъ мѣшкомъ
Колѣни трепетно склоняетъ,
Гдѣ честь и женская любовь,
И человѣка трудъ свободный —
Все покупается съ торговъ,
Гдѣ презираемый, голодный,
Работникъ жизнь свою клянетъ,—
Пусть тамъ твое живое слово
Къ борьбѣ со зломъ и къ жизни новой
Народъ молчащій воззоветъ.

Гдѣ сильный слабаго тѣснитъ,
Гдѣ деньги право замѣняютъ,

Гдѣ всюду наглый паразитъ
Народъ безсильный истощаетъ,
Гдѣ человѣка топчутъ въ грязь,
Гдѣ палачи, страны судьбами
Владѣя, нагло душатъ всѣхъ
Своими грязными руками,—
Туда иди на славный бой
Во имя правды и свободы.
Туда иди! буди людей!
Зови . . . . народы!

Не ты виной, когда въ бою
Кровь неповинная прольется;
Безъ жертвъ, безъ крови, безъ борьбы
Народамъ счастье не дается.
Не ты безжалостной рукой
Народа грабилъ достоянье;
Не ты отдалъ его судьбу
Своимъ льстецамъ на поруганье;
Не ты, когда страдалъ народъ,
Въ чертогахъ пышныхъ веселился;
Не ты виной, что онъ за ножъ
Теперь въ отчаяньи схватился.

Иди и не слабѣй въ борьбѣ!
Пусть рѣчь твоя не умолкаетъ!
Пусть будитъ дремлющихъ она,
Изъ гроба мертвыхъ поднимаетъ!
Когда же, къ радости враговъ,
Ты попадешься власти въ руки,
Не поблѣднѣешь ты предъ ней,
Въ оковахъ, обреченъ на муки.
И если радостный палачъ
Тебя, съ улыбкой безсердечной,
Нахально спроситъ: «Чья взяла?»—
Отвѣть: «Моя взяла, конечно!»

Рожденіе Мессіи.

Когда-то шли толпы въ соборы
Почтить ту ночь, когда съ высотъ
Гремѣли херувимовъ хоры,
Благую вѣсть неся въ народъ:
«Родился въ бѣдности Мессія;
«Родился въ ясляхъ царь міровъ.
«Онъ прекратитъ вражды земныя,
«Онъ уврачуетъ боль рабовъ,
«Онъ сломитъ цезаря гордыню
«Онъ фарисея обличитъ,
«Разрушитъ идоловъ святыню,
«Любовь и правду водворитъ.»

Вѣка минули за вѣками,
Но всюду царствуетъ вражда;
Народовъ кровь течетъ рѣками;
Для фарисеевъ нѣтъ суда;
Подъ лицемѣріемъ закона
Рабъ голода живетъ рабомъ,
И на безсмысленные троны
Съ небесъ не низлетаетъ громъ.
Любви и правды отъ Мессіи
Народы перестали ждать;
Не сходятъ ангелы святые
Земное зло уврачевать.

Безсильны жаркія молитвы
Безсильны Будды и Христы
Среди безчеловѣчной битвы,
Среди безумной суеты...
Встань, человѣкъ! Ты мертвый идолъ
Своей любовью оживилъ.
Ему свою ты силу придалъ
Себя въ Христѣ ты воплотилъ;
Благую вѣсть освобожденья
Ты самъ въ душѣ своей пропѣлъ.
Ты чуда ждешь? пришло мгновенье:
Иди на путь чудесныхъ дѣлъ!

Иди! Да возстаютъ народы!
Да прозрѣваютъ всѣ слѣпцы!
Вѣсть братства, равенства, свободы
Да грянетъ въ міръ во всѣ концы!
Да встанетъ изъ своей могилы
Работникъ-Лазарь навсегда!
Да рухнутъ царства грубой силы!
Да придетъ грозный день суда!
Да воцарится правда всюду!
Да обновится міръ трудомъ!
Иди, свершай земное чудо!
Самъ для себя будь божествомъ!

Придешь ты грознымъ судіею
Съ мечемъ и пламенемъ въ рукахъ;
Ложь затрепещетъ предъ тобою;
Кумиры зла падутъ во прахъ.
Народы въ день освобожденья
Скрѣпятъ свой братскій договоръ,
И новое раздастся пѣнье:
Благая вѣсть! Священный хоръ!
Мессія истинный родился;
Онъ началъ правды, братства вѣкъ;
Онъ въ нашемъ дѣлѣ воплотился—
Всесильный богочеловѣкъ!

Парижъ, 28 дек. 1870 г.

Впередъ

Go ahead!

Впередъ, люди братья, во имя познанья,
Во имя отчизны, во имя любви!

Впередъ, хоть дорогой тяжелой страданья!
Впередъ, хоть въ горячкѣ! впередъ, хоть въ крови!

Вокругъ насъ морозъ усыпительной лѣни
И мелкихъ тщеславій продажный расчетъ.
Кто сталъ среди жизни, кто сталъ средь движенья,
Тотъ сномъ непробуднымъ подъ хладомъ заснетъ;
И съ каменнымъ мозгомъ, и съ каменнымъ сердцемъ
Холодной статуей стоя средь людей,
Въ посмѣшище вѣку, въ укоръ одновѣрцамъ,
Онъ будетъ чужимъ для отчизны своей.
Онъ чуждъ будетъ братьямъ; онъ чуждъ будетъ вѣку;
Онъ чуждъ будетъ дѣтямъ своей же семьи,—
Бездушный свидѣтель для дѣлъ человѣка,
Ненужное бремя родимой земли.
Я слышу укоры толпы утомленной,
Слугъ жалкихъ былого, изжившихъ дѣтей:
«Къ чему ты зовешь насъ на путь отдаленный?
«Къ чему недовольство судьбою своей?
«Не хуже ли будетъ въ далекомъ стремленьи?
«Вся цѣль человѣка—безстрастный покой.
«Что намъ неизвѣстно—одно обольщенье;
«Мы знаемъ лишь то, что достанешь рукой.
«Насъ въ прошломъ лелѣютъ завѣтныи сказки,
«Святыя преданья минувшихъ временъ;
«Пускай это грезы, но нашей повязки
«Мы съ глазъ не снимаемъ: намъ дорогъ нашъ сонъ.
«Смотри: милліоны питаетъ былое;
«Подъ каждымъ листочкомъ живетъ паразитъ.
«Оставь ихъ дремать тамъ въ безбѣдномъ покоѣ:
«За что̀ ихъ гнѣздо твой ударъ разоритъ?
«Зачѣмъ ты стремишься внести разрушенье
«И слезы и муки въ спокойный нашъ міръ?
«Къ чему намъ познанье? Къ чему намъ движенье?
«Покой—наша радость, покой—нашъ кумиръ.»

Нѣтъ въ мірѣ покоя: вездѣ измѣненье;
Повсюду могучія силы кипятъ;
Вѣка другъ за другомъ спѣшатъ, какъ мгновенья:
Впередъ что̀ не можетъ, пошло то назадъ.
Несется съ планетами солнце куда-то;
Ногой попираемъ мы сотни вѣковъ,
И смотрятъ уныло на волны Евфрата
Дворцы Вавилона изъ дикихъ холмовъ.
И мчится впередъ неусыпное время,
Бросая намъ мысли, вопросы, мечты,
Землей засыпая отцовъ нашихъ племя,
Зовя насъ въ путь правды, добра, красоты;
Напрасны всѣ жертвы, напрасны молитвы—
Оно не отдастъ намъ единаго дня;
И тщетно былое идетъ съ нимъ на битву:
Для времени нѣтъ ни меча, ни огня.
За вѣрою вѣру оно отнимаетъ,
И царства падутъ подъ его топоромъ.
Въ крови поколѣній оно создаетъ
Грядущее благо надъ нынѣшнимъ зломъ.
Среди заблужденій растетъ въ немъ наука;
Средь рабства и скорби растетъ человѣкъ.
И дѣды страдаютъ для радости внука...
Впередъ насъ зоветъ девятнадцатый вѣкъ.

Впередъ же безъ страха! Впередъ безъ сомнѣнья!
Впередъ безъ оглядки! Впередъ намъ пора
Средь дикаго лѣса—должно поколѣнье
Пробить путь для знанья, любви и добра!
Конечно, изященъ лѣсъ дикой природы,
И цѣлое племя звѣрей въ немъ живетъ;
Конечно, ихъ хищная сгибнетъ порода,
И много безсильныхъ въ работѣ падетъ.
Но благо должно совершить свое дѣло;
Но правда должна побѣдить на землѣ.
Впередъ же! Въ работу спокойно и смѣло
Съ сознаніемъ силы на ясномъ челѣ.

Да рухнутъ, стоная, дубы вѣковые:
Они заграждаютъ дорогу къ добру,—
Гнѣздятся въ нихъ змѣи; ихъ дупла пустыя
Да вырвутся съ корнемъ на жертву костру!
Да рухнетъ царей беззаконныхъ держава!
Да рухнетъ умершихъ боговъ алтари!
Да царствуетъ разумъ! Да царствуетъ право!
Да свѣтитъ намъ солнце грядущей зари!
Да міръ оживится дыханьемъ свободы!
Да цѣпи преданья падутъ навсегда!
Да братьями станутъ земные народы
На принципѣ знанья, любви и труда!
Пусть гибнутъ ненужныхъ людей поколѣнья!
Пусть хищники гибнутъ на славу труда!
Пусть гибнутъ питомцы бездарные лѣни!
Пусть гибнутъ враги, паразиты труда:
Пусть плачетъ и стонетъ ихъ жалкое племя
Обрекъ его смерти исторіи судъ;
Летитъ, все летитъ неусыпное время
И волны грядущаго вѣчно растутъ.
Быть можетъ, мы ляжемъ кровавою жертвой,
Другимъ завѣщая цѣль жизни своей;
Тогда пусть живымъ возглаголаетъ мертвый
Впередъ! все впередъ! черезъ труппы друзей!

Да будемъ мы, братья, орудія жизни!
Да будемъ орудія правды святой!
Да служимъ мы словомъ и дѣломъ отчизнѣ!
Да смѣло идемъ по дорогѣ прямой!
Впередъ! Да погибнетъ все сердцемъ гнилое!
Все то, что отжило, пусть смертью умретъ.
Впередъ! Да возстанетъ все духомъ живое!
Во имя свободы и правды—впередъ!

Мартъ, 1857 г.

Н. П. Огареву.

Поклонъ борцу минувшихъ лѣтъ
На новый день его рожденья!
Пусть приметъ дружескій привѣтъ
Во имя вѣчнаго движенья,
Во имя боя всѣхъ вѣковъ
За справедливость и свободу,
Во имя всѣхъ живыхъ борцовъ
За благо русскаго народа.
Мы помнимъ «Колокола» звонъ!
Онъ разбудилъ отъ сна Россію;
И вотъ теперь со всѣхъ сторонъ
Идутъ на бой борцы иные.
Идутъ въ измученный народъ,
Идутъ въ голодныя селенья;
Всѣхъ русскихъ голосъ ихъ зоветъ
Въ бой за народное спасенье.
Пусть ихъ казнитъ лакейскій судъ;
Пусть ихъ измучатъ палачами;
Пусть ждетъ ихъ смерть: они несутъ
Въ народъ свое святое знамя,
То знамя общаго труда,
То знамя братства и науки,
И не опустятъ никогда
Его израненныя руки.
Въ побѣду вѣруютъ они,
Въ побѣду правды и свободы;
Придутъ, придутъ святые дни,
Возстанутъ спящіе народы!
Пройдетъ безуміе вѣковъ,
Пройдутъ ихъ вѣчныя страданья,
И кровью нынѣшнихъ борцовъ
Скрѣпится будущее зданье.
Тогда, въ день свѣтлый торжества,
Людей счастливыхъ поколѣнья
Сочтутъ дѣла, прочтутъ слова
Борцовъ за ихъ освобожденье,
Припомнятъ въ прошломъ рядъ именъ
Тѣхъ, что за истину страдали,
И грозный «Колокола» звонъ
Запишутъ въ вѣчныя скрижали.

1876 г.

Пѣсня юности.

Весело! Шумно! Здѣсь, жизнь молодая,
Ты свой чертогъ создаешь.
Горе, нужду и труды забывая,
Пляшетъ, поетъ молодежь.
Хохотъ и шутки. Стаканы сверкаютъ
Краснымъ, дешевымъ виномъ.
Это изгнанники праздникъ встрѣчаютъ...
Юности пѣсню споемъ!

«Голодъ и холодъ, и муки изгнанья,
«Долгіе годы тюрьмы,
«Трудъ непрестанный и горе скитанья—
«Все это вынесли мы.
«Все это завтра и снова, и снова,
«Молча, спокойно снесемъ.
«Что намъ сегодня до завтра лихова!
«Юности пѣсню споемъ!

«Полночь! Годъ новый! Его на чужбинѣ
«Встрѣтимъ мы крикомъ: Ура!
«Знаемъ: онъ дастъ намъ все то же, что нынѣ;
«Не принесетъ онъ добра.
«Будемъ работать за грошъ, за копейку,
«Мыкаться ночью и днемъ....
«Ну ее къ чорту заботу-злодѣйку!
«Юности пѣсню споемъ!

«Тише! За братьевъ далекихъ, любимыхъ,
«Молча поднимемъ стаканъ.
«Тамъ они бьются, тамъ мучитъ родимыхъ,
«Тянетъ ихъ жилы тиранъ.
«Всѣ мы готовимся къ грозному бою;
«Всѣ мы оружье куемъ.
«Будь то, что̀ будетъ? Предъ мрачной судьбою
«Юности пѣсню споемъ!

«Встрѣтимъ мы весело, встрѣтимъ мы смѣло
«Новый родившійся годъ!
«Будемъ мы биться за братское дѣло,
«Биться за бѣдный народъ.
«Рухните, старые, злые кумиры!
«Радостно мы развернемъ
«Красное знамя, стягъ юнаго міра!
«Юности пѣсню споемъ!»

Парижъ, 1-го января 1880 г

Пѣсня ненависти.

(Изъ Гервега).

Впередъ! скорѣй! чрезъ рѣки, черезъ горы
Зарѣ на встрѣчу молодой
Послѣдній поцѣлуй для милой, ласка взора...
И въ бой, скорѣе въ грозный бой!

Мы взяли въ руки мечъ: пока онѣ не сгнили,
Мы не должны разстаться съ нимъ.
Довольно мы враговъ своихъ любили,
Мы ненавидѣть ихъ хотимъ.

Нѣтъ, нѣтъ: любовь не дастъ рабамъ свободы,
И нѣтъ спасенія въ любви.
Ты, ненависть, суди враговъ народа!
Ты ненависть, оковы разорви.

Тамъ, гдѣ тираны тронъ свой нагло утвердили,
Престолъ мы въ щепки обратимъ.

Довольно мы враговъ своихъ любили:
Мы ненавидѣть ихъ хотимъ.

Пусть въ сердцѣ всѣхъ, въ комъ сердце страстью бьется,
Царитъ лишь ненависти жаръ.
Готовъ костеръ; довольно дровъ найдется,
Чтобъ на весь міръ разжечь святой пожаръ.

Вы всѣ, борцы земли, что для свободы жили,
Кричите братіямъ своимъ:
Довольно мы враговъ своихъ любили,
Мы ненавидѣть ихъ хотимъ.

Разите же враговъ не уставая,
Разите смѣлою рукой.
И будетъ вамъ та ненависть святая
Священнѣе любви святой.

Мы взяли въ руки мечъ: пока онѣ не сгнили,
Мы не должны разстаться съ нимъ.
Довольно мы враговъ своихъ любили,
Мы ненавидѣть ихъ хотимъ.

Х. Д.

Султанъ Мурадъ.

(Восточная легенда).

«Отъ робости дрожащими устами
«Едва дерзавшихъ лепетать
«Заставилъ насъ ты пыткой и мечами
«На вѣки замолчать;
«Но вѣрь, палачъ, настанетъ мигъ отмщенья,
«Когда изъ грозной темноты
«Возопіютъ холодные каменья,—
«Молчать же будешь ты!»

Такъ говорили нѣкогда султану
Три отрока, влекомые на казнь.
Убили ихъ, но въ глубинѣ души къ тирану
Закралася боязнь.
Онъ окружилъ себя безчисленною ратью,
Обвелъ дворецъ кольцомъ высокихъ стѣнъ
И въ немъ засѣлъ, какъ преданный проклятью,
Какъ тигръ, попавшій въ плѣнъ.

Среди дворца подъ каменные своды
Онъ повелѣлъ устроить тайный ходъ,
И подъ землей тѣ мрачныя проходы
Замкнули пять воротъ,—
Всѣ пять воротъ изъ черныхъ плитъ желѣзныхъ,
На каждой три желѣзные замка,
Чтобъ дрогнула въ жильяхъ безполезныхъ
Отважная рука!

Но въ тотъ дворецъ такъ тщательно хранимый,
На зло замкамъ вѣнчаннаго раба,
Вселился духъ, какъ месть, неумолимый
И грозный, какъ судьба.
Въ ночной тиши порой рождались звуки,
И въ вышинѣ носилась чья-то рѣчь:
«Погибнешь ты, въ крови омывшій руки,
«На насъ поднявшій мечъ!»

Султанъ Мурадъ разъ, словно привидѣнье,
Въ глухую ночь бродилъ съ конца въ конецъ,
Вдругъ слышитъ онъ: «Позоромъ преступленья
«Ты запятналъ вѣнецъ:
«Народъ твой нищъ, сыта отъ крови плаха».
И дрогнулъ онъ... По темному двору
Онъ кинулся отъ бѣшенства и страха,
Какъ звѣрь, въ свою нору.

По лабиринту темныхъ переходовъ
Съ ключемъ въ рукѣ блуждаетъ дико онъ,
Вдругъ грянули каменья горныхъ сводовъ
Ему со всѣхъ сторонъ:
«Твой часъ пришелъ, свершается отмщенье,
«Ты вспомни, царь: средь грозной тишины
«Возопіютъ холодные каменья,
«Молчать же будешь ты!...»

Что было тамъ, подъ этимъ чернымъ сводомъ,
Никто не зналъ. Предчувствіемъ томимъ,
Любимый рабъ со стражей и народомъ
Съ зарей пошелъ за нимъ.
И вдалекѣ, объятой тишиною,
Онъ, наконецъ, султана отыскалъ:
Одинъ во тьмѣ, загадкою нѣмою,
Холодный трупъ лежалъ!

АДА ЧУМАЧЕНКО.

* * *

Жизнь моя мнѣ кажется порою
Книгой сказокъ скучныхъ и безцвѣтныхъ,
Отъ которыхъ вѣетъ не весною,
Не тепломъ и свѣтомъ грёзъ завѣтныхъ,
А сырой темницы полумглою...
Но порой мнѣ грезится, что въ скучной
Книгѣ есть свободная страница,—
Что тяжелыхъ сказокъ вереница
Стережетъ покой ея докучный,
А она печально ждетъ поэта,
Ждетъ поэмъ и сотканныхъ изъ свѣта,
Полныхъ солнца, ласки и привѣта
Пѣсенъ радужныхъ о знойныхъ чарахъ лѣта...

Пѣсенъ тѣхъ, что̀ пѣла встарь Жаръ-Птица
О любви,—ждетъ чистая страница!

* * *

Что ни ночь, мнѣ снится степь родная,
Гдѣ гуляетъ вѣтеръ на просторѣ,
Гдѣ поетъ онъ пѣсни, колыхая
Ковыля серебряное море.
Снится мнѣ и гордый тополь стройный,
Весь облитый знойными лучами,
И забытый темный и спокойный
Старый садъ съ узорными кустами.
Что ни ночь—мнѣ снится голубое
Дальней родины ликующее небо,
Снится въ небѣ солнце золотое
Надъ волнами зрѣющаго хлѣба.
И надъ степью хищный ястребенокъ
Чуть паритъ, согрѣтый солнца лаской...
Что ни ночь—я плачу, какъ ребенокъ,
Какъ дитя, обманутое сказкой!

* * *

Мы попутнаго вѣтра дождалисы!...
Вѣдь не даромъ вчера надъ водой
Такъ тревожно и низко слетались
Буревѣстники стаей сѣдой.
И не даромъ, ихъ говору вторя,
Вся мятежной отвагой полна,
Безконечнаго гордаго моря
Говорила о чемъ-то волна...
А сегодня по-утру смѣялись,
Загораясь огнемъ, небеса...
Мы попутнаго вѣтра дождались, —
Другъ! смѣлѣе крѣпи парусу!

* * *

Ахъ не плачь, мой чуткій другъ, не сѣтуй
Объ орлахъ, погибшихъ на стремнинахъ,
О крылахъ изломанныхъ орлиныхъ,
О сердцахъ, разбитыхъ въ жаждѣ свѣта.
Взявъ отъ жизни счастье и сомнѣнья,
И тепло, и шумныхъ грозъ раскаты,
И борьбой, и радостью богаты,
Не боятся сильные забвенья!
И на трупахъ братьевъ, павшихъ въ битвѣ,
Возстаютъ такихъ же сильныхъ рати
И идутъ, съ отвагою во взглядѣ,
Позабывъ о пѣсняхъ и молитвѣ!
Да, не плачь, мой чуткій другъ, не сѣтуй
Объ орлахъ, погибшихъ на стремнинахъ!—

О не спѣтыхъ пѣсняхъ соловьиныхъ,
О цвѣтахъ, увядшихъ до расцвѣта,
О сердцахъ, не знавшихъ жажды свѣта,
Скучныхъ дняхъ безъ солнца и привѣта—
Пожалѣй, мой милый, и посѣтуй.

Л. И. ПАЛЬМИНЪ.

Пѣсня.

Будто крыло херувима свѣтла,
Пѣсня надъ міромъ страданій и зла
Въ тихомъ сіяньи проносится,
Съ радостной чудной улыбкой своей
Въ сумракъ печали, тоски и скорбей
Гостьей небесною просится.

Празднично-свѣтлый таинственный звонъ
Вѣетъ изъ пѣсни, и радостно онъ
Въ душу людскую вливается...
Смѣхъ со слезами, волной серебра,—
Словно божественной арфы игра,
Въ пѣснѣ волшебно мѣшается.

Трубы побѣды и громъ боевой,—
Все замолкаетъ своей чередой,
Въ вѣчность идутъ поколѣнія,
Рушатся троны и падаютъ въ прахъ,
Но неумолчно несется въ вѣкахъ
Пѣсня—дитя вдохновенія.

Гдѣ же ты, пѣсня, и кѣмъ рождена?
Не изъ лучей ли святыхъ соткана
Въ горной небесной обители?
Или изъ звуковъ божественныхъ лиръ
Свивши тебя, ниспослали къ намъ въ міръ
Съ дальнихъ свѣтилъ небожители?

Вѣтеръ ли вешній изъ чашечекъ розъ
Къ намъ изъ Эдема тебя перенесъ
Вмѣстѣ съ волшебными звуками?
Нѣтъ! ты печали и скорби полна,
Ты на холодной землѣ рождена
И убаюкана муками...

И не чертоги могучихъ царей
Дали пріютъ колыбели твоей,
Въ гордомъ гнѣздѣ самовластія,
Но какъ Мессія среди нищеты,—
Такъ же на свѣтъ родилася и ты
Въ лонѣ борьбы и несчастія!...

Поэту.

Бой за идею кипитъ во вселенной,
Кроетъ арену туманъ.
Ты, барабанщикъ, поэтъ вдохновенный,
Бей въ барабанъ, въ барабанъ.
Пусть барабаны во вражіемъ станѣ
Громче, сильнѣй и грубѣй,
Знамя идеи трепещетъ въ туманѣ,—
Ближе туда, не робѣй!
Лагерь бойцовъ съ каждымъ мигомъ рѣдѣетъ,
Но не ослабни душой:
Горсточка если одна уцѣлѣетъ,
Бей въ барабанъ и для той...
Если-жъ падетъ остальная вся братья—
Даже и трупы зови
Рокотомъ громкимъ вражды и проклятья,
Звуками теплой любви.
Пусть мы падемъ подо мглою туманной,
Но не дождавшись зари,
Самъ ты подъ собственный бой барабанный
Съ звукомъ послѣднимъ умри!

Весенній ледъ.

Вѣетъ вешнимъ тепломъ
Ледъ, поверженный въ ломъ,
Серебрится хрустальною гранью,
А, звеня въ тишинѣ,
Ручейки о веснѣ
Благовѣстье несутъ мірозданью.
Ледъ сподвижникъ зимы—
Самъ отрекся отъ, тьмы
Онъ теперь ужъ не служитъ коснѣнью,
Все, что прежде мертвилъ,
Самъ теперь оживилъ,
Звонко пѣсню запѣвъ обновленью.
Такъ и въ сферѣ людской:
Все, что мертвый покой
Охраняло отъ жизни и свѣта,
Вѣрь, настанетъ чередъ,
Словно тающій ледъ,
Встрѣтитъ жизни грядущее лѣто...

Спиридоній-Солнцеворотъ.

(Празднуется 12 декабря).

Время наше темное... Время наше странное.
Сумерки ли это,—
Часъ, когда становится гуще мгла туманная,
Или часъ разсвѣта?
Какъ живые образы, пни, въ бреду фантазіи,
Намъ грозятъ тѣнями,
Люди же намъ кажутся въ дикомъ безобразіи,
Мертвенными пнями.
Низко ходитъ солнышко, будто не свободное,
Мракъ его туманитъ...
Время наше темное, время переходное...

Что-то дальше станетъ?
Или въ ночь глубокую цѣлая вселенная
До конца потонетъ,
Или правда свѣтлая, какъ заря священная,
Тьму ночную сгонитъ?
Спиридоній Благостный? чту тебя сторицею!
Вопреки кумирамъ,
Выше Божье солнышко мощною десницею
Вознеси надъ міромъ!
Пусть и пень, подернутый плѣсенью корявою,
Пнемъ намъ въ очи глянетъ,
Въ тьмѣ же погибающій съ честію и славою
Озаренный встанетъ!
Старой тьмы хранители, рыцари коснѣнія,
Съ игомъ ихъ суровымъ,
Съ побѣжденнымъ сумракомъ, сгинутъ, какъ видѣнія,
Предъ сіяньемъ новымъ...

Морозъ и весна.

Ночь весенняя тихо легла надъ землей,
Ярко тысячи звѣздъ въ высотѣ голубой
Въ серебристыхъ лучахъ засверкали,
Но холодною свѣжестью дуетъ съ рѣки,
И послѣдній морозъ оковалъ ручейки,
Что при солнышкѣ рѣзво журчали.

Жалко старому дѣду поля покидать
И свободу въ лугахъ воскресающихъ дать
Для весны и для жизни кипучей...
Жаль, что скоро цвѣтами и юной травой
Запестрѣетъ обширный просторъ луговой,
Гдѣ онъ царствовалъ дикій, могучій...

Ходитъ старый по селамъ при яркихъ звѣздахъ,
Чтобъ весенній разливъ на лугахъ и поляхъ
Оковать дуновеньемъ могилы,
И съ досадой онъ слышитъ, какъ, встрѣчу веснѣ,
Подъ землею въ корняхъ и въ малюткѣ-зернѣ
Просыпаются новыя силы.

Бородою косматой онъ гнѣвно трясетъ,
Ледяныя сосульки на крышахъ куетъ
И ворчитъ, безпощадный и грозный:
«Неподвижность—вотъ принципъ великій, святой!
Все скую, все покрою корой ледяной,
Все сдавлю я десницей морозной!...

Что весна? Это нравовъ растлѣнье одно...
Своеволье таитъ молодое зерно...
Не спѣшите же рваться на волю,
Вы, мятежныя силы и травъ и цвѣтовъ!
Все скую, и попрежнему снѣжный покровъ
Раскидаю по чистому полю!...

Заморожу весеннія почки вѣтвей,
Заморожу я чувство въ сердцахъ у людей,
У поэта скую вдохновенье...
Слово каждое глыбой падетъ ледяной,
Мыслямъ крылья скую и въ недвижный покой
Обращу міровое движенье!...

Все, что рвется впередъ, ищетъ внѣшнихъ лучей,
Все застынетъ: и колосъ въ раздольѣ полей,
И побѣги на нивѣ науки...
Хоры пташекъ въ лѣсу замолчатъ навсегда,
И падутъ, замирая, осколками льда
Звонкой лиры аккорды и звуки!...»

Такъ старикъ провѣщалъ и поникнулъ главой...
Чу! волковъ раздался одобрительный вой;
«Браво!»—каркнула гдѣ-то ворона...
Ледъ сочувственно съ лужи одной затрещалъ,
Да въ хлѣву домовой длинный спичъ прорычалъ
Совершенно подобнаго тона...

Стихло все. Но весенняя ночь коротка,
И за дальней горою слова старика
Услыхала весна-чаровница.
Вотъ востокъ заалѣлъ надъ прибрежнымъ холмомъ,
И разсыпалась съ утреннимъ первымъ лучемъ
Золотыхъ облаковъ вереница.

Улыбнулась весна на слова старика,
И за нею и лѣсъ, и поля, и рѣка
Засмѣялись сочувственнымъ эхомъ,
Ручейки побѣжали, со смѣхомъ журча,
И малютка-подснѣжникъ надъ бредомъ хрыча
Разразился младенческимъ смѣхомъ...

Ледяныя сосульки, блестя хрусталемъ,
Стали таять со смѣхомъ подъ яркимъ лучемъ,
Смѣхъ по чащѣ лѣсной раскатился,
И, предвѣстникъ безоблачныхъ радостныхъ дней,
Первый жаворонокъ съ лона воскресшихъ полей
Съ звонкой пѣснею къ солнышку взвился.

Requiem.

Не плачьте надъ трупами павшихъ борцовъ,
Погибшихъ съ оружьемъ въ рукахъ,
Не пойте надъ ними надгробныхъ стиховъ,
Слезой не скверните ихъ прахъ.

Не нужно ни гимновъ, ни слезъ мертвецамъ,
Отдайте имъ лучшій почетъ:
Шагайте безъ страха по мертвымъ тѣламъ,
Несите ихъ знамя впередъ!

Съ врагомъ ихъ, подъ знаменемъ тѣхъ же идей,
Ведите ихъ бой до конца!
Нѣтъ почести лучшей, нѣтъ тризны святѣй
Для тѣни достойной борца!

А. Л. БОРОВИКОВСКІЙ.

31 Января 1881 г. *).

(Дѣтямъ).

Толпа идетъ, идетъ... Ужъ тѣ давно прошли,
А эти все идутъ... И тамъ идутъ—взгляни ты...
Вѣнки... Еще вѣнки. А сколько пронесли,
И каждый съ надписью, цвѣтами перевиты!

Смотри, дитя мое,—печаль и торжество!
Хоронитъ въ этотъ день—и празднуетъ столица;
Ты знай: въ исторіи народа твоего
Сегодня пишется хорошая страница.

И тридцать лѣтъ назадъ, въ началѣ жизни, онъ,
Чей гробъ теперь несутъ усыпанный цвѣтами,—
Онъ шелъ закованный, и тяжкій сердца стонъ
Старался заглушить, бряцая кандалами.

Потомъ, дитя мое, поймешь ты смыслъ того,
Что говорю тебѣ пока однимъ намекомъ...
Но цѣпи и цвѣты!... Для сердца твоего
И это ужъ звучитъ внушительнымъ урокомъ.

Онъ въ «Мертвомъ домѣ» жилъ. Тамъ люди заперты
Отъ жизни, отъ надеждъ, заброшенъ ключъ отъ двери...
И тамъ среди цѣпей онъ отыскалъ цвѣты—
Въ сердцахъ людей, людьми отвергнутый, какъ звѣри.

Внимали съ трепетомъ его разсказамъ мы...
Пусть узники его привѣтствуютъ какъ брата!
Вотъ—«отъ суда» вѣнокъ... А гдѣ же отъ тюрьмы?
Гдѣ ты, вѣнокъ отъ слезъ и вздоховъ каземата?

И властнымъ голосомъ твердилъ онъ вновь и вновь
Счастливымъ о судьбѣ—униженныхъ, несчастныхъ:
О чемъ ни говорилъ, къ нимъ призывалъ любовь
Въ рѣчахъ то горестныхъ, то вдохвовенно-страстныхъ.

Когда же начиналъ о дѣтяхъ онъ разсказъ,
О бѣдныхъ, сиротахъ,—какой тоской сердечной
Звучала рѣчь его! Какою, всякій разъ
Онъ вдохновлялся къ нимъ любовью безконечной!

Я не могу безъ слезъ страницы тѣ читать,
И если плакалъ я, то что же будетъ съ вами?
Вы чистыя сердца, вы будете рыдать,
Рыдать отъ всей души,—хорошими слезами!

Судомъ исторіи свергались алтари,
Судились геніи... Ты будь правдивъ, историкъ,
Какой найдешь въ немъ грѣхъ, всю правду говори,
Хотя бы твой успѣхъ былъ тягостенъ и горекъ...

Но, совершая судъ, напомни громко намъ
Тѣ вдохновенныя, возвышенныя строки,
Откуда черпали мы всѣ и ты, ты самъ,
Любви, прощенія великіе уроки.

*) Похороны Достоевскаго.

„Ecce Homo!"

Оставь отца и мать... Не строй себѣ гнѣзда—
Будь одинокъ... И пусть заглохнутъ навсегда
Въ твоей душѣ людскія страсти!
Будь святъ, будь недоступенъ ты
Соблазнамъ женской красоты,
Любви, богатства, славы, власти.
И, сердце чистое храня въ своей груди,
Весь пылъ его отдай безъ раздѣленья
Несчастнымъ братьямъ на служенье:
Гдѣ слышишь стонъ—туда иди!
Иди, дѣли съ рабомъ его труды, страданья,
Страдай больнѣе всѣхъ... Раздай свои стяжанья,
Останься нищъ и нагъ... И будешь ты великъ,
И страшенъ будетъ злу твой ясный, кроткій ликъ.
Ты міръ смутишь своимъ упрекомъ!
Пройдетъ изъ края въ край могучій голосъ твой,
И прогремитъ надъ злобой и порокомъ
Пророческая рѣчь нежданною грозой—
Да все неправое, поникнувъ головой,
Объято ужасомъ, дрожитъ передъ пророкомъ!
Но знай: въ землѣ своей пророку чести нѣтъ...
За подвигъ твой святой тебя осудитъ свѣтъ,
Найдется ученикъ, тебя предать готовый,
Лукавый фарисей сплететъ вѣнокъ терновый,
И повлекутъ тебя къ пропретору они...
И, надъ тобой ругаясь въ изступленьи,
Толпа возопіетъ о мщеньи,
Крича: «Распни его, распни!»
Судья, изъ выгодъ и боязни,
Тебя присудитъ къ лютой казни,—
И, опозоренный, умрешь отъ палачей,
Какъ врагъ народа, какъ злодѣй...
Но протекутъ года... Могучее зерно
Тобой посѣяно на почвѣ благодатной:
Придетъ пора—взойдетъ оно
И возрастетъ, дастъ плодъ стократный!
Тогда воскреснешь ты: міръ вспомнитъ о тебѣ,
Восплачетъ о твоей страдальческой судьбѣ,
Пойметъ, какою ты горѣлъ къ нему любовью,
Какую жертву ты принесъ своею кровью.

Тебѣ, казненному, воздвигнутъ алтари,
Терновому вѣнцу поклонятся цари,
Устроютъ торжества въ твое воспоминанье,
Раздастся братское лобзанье
При кликахъ радости о чудѣ изъ чудесъ:
«Воскресъ учитель нашъ, во-истину воскресъ!»

О пшеницѣ.

(Изъ прогулокъ съ дѣтьми младшаго возраста).

«Карась любитъ, чтобъ его жарили въ сметанѣ».
(*Подарокъ хозяйкамъ.*)

Говорятъ мнѣ дѣти: «папа,
Чья, скажи намъ, эта нива,
Гдѣ волнуется пшеница,
Яснымъ утромъ, такъ красиво?»

— Это все мое и ваше:
Часть дошла мнѣ по наслѣдству,
Часть въ приданое за мамой,
Часть купилъ я по сосѣдству.

Но, горя любовью братской
Къ мужику, «меньшому брату»,—
Я имъ роздалъ эти нивы...
За умѣренную плату...

— «Ахъ, какой ты, папа, добрый!
То-то будетъ наслажденье
Мужичку—покушать булокъ,
Да ватрушекъ, да печенья...»

— Нѣтъ, мужикъ не любитъ булокъ:
Онъ, капризный и упорный,
Вкусъ имѣетъ очень странный:
Любитъ хлѣбъ онъ только черный;

Да и этотъ хлѣбъ онъ любитъ
Приправлять еще мякиной...
Полагаю, грубость нравовъ
Вкусу грубому причиной...

— «Если онъ не ѣстъ пшеницы,
Что-жъ онъ любитъ дѣлать съ нею?»
— Дѣтки, любитъ онъ пшеницу
Въ полъ-цѣны продать еврею,

Деньги-жъ любитъ отдавать онъ
Въ казначейства, да въ управы...
Таковы мужичьи вкусы!...
Таковы мужичьи нравы!...

Царь природы.

Человѣкъ есть царь природы.
(*Букварь*)

Озарило небо щедро
Благодатный этотъ край
Жирнымъ хлѣбомъ, жирной пашней,
Жирной дичью,—просто рай!...

Но среди природы жирной,
Тощъ и скорбенъ, весь въ пыли,
Человѣкъ, «вѣнецъ созданья,
Перлъ природы, царь земли...»

Эй, мужикъ! Ты—царь природы!...
Понимаешь? Это все —
Хлѣбъ роскошный, звѣри, птицы,
Что ни видишь,—все твое...

Шапку снялъ: «не становой-ли...»
Тощій, скорбный, весь въ пыли,
Человѣкъ «вѣнецъ созданья,
Перлъ природы, царь земли...»

С. Д. ДРОЖЖИНЪ.

Отрывокъ.

Мнѣ жизнь еще не надоѣла,
И сила есть, и много дѣла
Найдется впереди;
Еще горитъ въ моей груди
Добра божественное пламя,
И я хочу высоко знамя
Служенья истинѣ святой
Держать передъ собой;
Хочу я къ свѣту путь направить —
Не для того, чтобы прославить
Дѣлами громкими себя —
Нѣтъ, страстно родину любя,
Я не могу безъ содроганья
Смотрѣть на тяжкія страданья
Богатырей всѣхъ славныхъ дѣлъ.
И мнѣ Господь на скромной лирѣ
Не красоту въ подлунномъ мірѣ,
А горе ихъ воспѣть велѣлъ.

Вѣчная память.

Вѣчную память надъ гробомъ споемъ
Тѣмъ, кто на свѣтѣ жилъ честнымъ трудомъ;
Нажилъ немало мозолей въ работѣ,
И, умирая, въ предсмертной заботѣ
Намъ завѣщалъ, — не отчаянье въ жизни,

А, прозрѣвая величье отчизны,
Вѣрилъ, что колосъ нальется зерномъ,—
Вѣчную память споемъ!

Тѣмъ, кто за родину въ битвѣ кровавой
Умеръ, вѣнчанный народною славой;
Въ слово живое кто мысль воплощалъ
И въ тишинѣ свое дѣло свершалъ —
Къ счастью стремился въ годину невзгоды,
Съ вѣрою въ силу родного народа,
Духомъ не падалъ въ призваньи святомъ, —
Вѣчную память споемъ!

Домовой.

Снѣжную пыль подымаетъ
Вѣтеръ надъ крышей гнилой,
По двору ходитъ-гуляетъ,
Дѣдушка самъ домовой:

Въ инеѣ шапка большая,
И до колѣнъ борода...
Смотритъ на дѣда, мерцая,
Съ темнаго неба звѣзда...

Горе... Крестьянинъ лишился
Въ зиму лошадки гнѣдой,
Вспомнивъ, объ ней разгрустился
Дѣдушка самъ домовой.

Какъ же не вспомнить родную,
Онъ сосункомъ ее зналъ, —
Часто бывало густую
Гриву сплеталъ — расплеталъ,

Гладилъ мохнатой рукою,
Вдоволь поилъ и кормилъ,
Чтобы лошадкѣ весною
Больше прибавилось силъ.

Съ кѣмъ теперь пахарь угрюмый
Вспашетъ землицу сохой?
Думаетъ горькую думу
Дѣдушка самъ домовой.

Вѣтеръ въ прогнившія щели
Съ свистомъ влетаетъ, какъ воръ,
Снѣгомъ разгульной метели
Кутаетъ плотно заборъ.

А на дворѣ запустѣнье, —
Все посмело какъ метлой.
Ходитъ одинъ въ озлобленьи
Дѣдушка самъ домовой.

Пѣсни рабочихъ.

I.

Трудъ да горе, капли пота
Пополамъ съ слезой,
За тяжелою работой
Съ вѣчною нуждой.
Ломота въ костяхъ, мозоли
Съ грязью на рукахъ,
Жизнь безъ счастія и доли
Въ четырехъ стѣнахъ.
Холодъ, голодъ, утомленье
Жизнью и трудомъ,
То попрекъ, то униженье
Передъ богачемъ.
Солнце весело проглянетъ,
Птичка запоетъ, —
Пѣсню ей въ отвѣтъ затянетъ
Чуть не весь заводъ,
Изъ грудей разбитыхъ льются,
Плачутъ голоса,
А надъ пѣснею смѣются
Взмахи колеса.

II.

Часы бѣгутъ,
Гнетущій трудъ
Ничѣмъ не нарушая;
А впереди,
Того и жди,
Нужда задавитъ злая.

Отъ горя — бѣдъ
Во цвѣтѣ лѣтъ
Мы силу-мочь теряемъ,
И въ нищетѣ,
По простотѣ
Душевной, погибаемъ.

У насъ всегда
Одна бѣда
Смѣняется другою,
Покуда гробъ
Не скроетъ попъ
Могильною землею.

Сонъ труженика.

Господи, сколько работы!
Некогда даже вздохнуть,
И отъ нужды да заботы
Вся истомилася грудь...

Некогда даже молиться...
Ляжешь въ постелю,—во снѣ

Хата знакомая снится,
Мать на родной сторонѣ.

Какъ же она исхудала,
Просто нельзя и узнать!
Видно, что много страдала
Эта несчастная мать.

Капли въ лицѣ не осталось
Прежней былой красоты:—
Видно, что рано спозналась
Съ горемъ, родимая, ты.

Въ страдную пору, въ ненастье,
Вижу: ты въ поле идешь,
Пѣсню про «горе-злосчастье»—
Горькую пѣсню поешь...

* * *

Честнымъ порывамъ дай силу свободную,
Начатый трудъ довершай,
И за счастливую долю народную
Жизнь всю до капли отдай!

Теплой любви,—вѣкового призванія
Въ сердцѣ своемъ не гаси,
Чудною силою,—свѣточемъ знанія
Русь воскреси!

В. И. НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО.

Буря.

Небо окутали тучи...
Чу!... заскрипѣло въ снастяхъ...
Качка сильнѣе и круче;
Въ бѣлыхъ косматыхъ гребняхъ
Волны за волнами море
Гонитъ на темномъ просторѣ...
Судно стрѣлою несется—
Парусъ вотъ-вотъ оборвется...
Что мнѣ за дѣло—впередъ!
Братья, пока мнѣ поется,
Я не боюсь непогодъ!...
Что тамъ чернѣетъ грядою
Въ хаосѣ бури и тьмы?
Скалы!... хлестнуло волною,
Смыло матроса съ кормы.
Вѣтеръ реветъ надо мною...
Громче! я справлюсь съ тобою!
Сердце пока еще бьется
Пѣсня орлицею вьется...
Пусть и погибну—впередъ!
Братья, пока мнѣ поется,
Я не боюсь непогодъ!...

Золото.

Глубоко подъ горою могучей
Золотая хоронится сила,
И гора эта кажется тучей,
Что огнистую молнію скрыла.
Сотни лѣтъ безотходно, толпою,
Не жалѣя измученной груди,
Сквозь утесы желѣзной киркою
Пробиваются къ золоту люди...
Но стоятъ некрушимые скаты,
Подъ ударами боли не зная,
И надежно въ гранитныя латы
Заковалася грудь золотая.
Съ той поры, какъ во мракѣ угрюмо
Схоронилося старое вѣче,
Спитъ великая, вѣщая дума
Въ самомъ сердцѣ народа, далече...
Гдѣ оно—не отыщешь примѣты,
Не забьется подъ твердой корою...
Сотни лѣтъ мудрецы и поэты
Въ грудь народа стучались толпою.
Шли за нимъ въ рудники и остроги
И ложилися вмѣстѣ въ могилы,
Но—къ народному сердцу дороги,
Отыскать у нихъ не было силы!

Пѣсня родины

Не поминай мой край родной;
Дитя, забудь родные звуки...
Въ странѣ холодной и чужой
Къ чему тревожить сердца муки?..
Засни, дитя мое, засни!...
Гони мечты о счастьи дальнемъ,—
Какъ ядъ мучительны они
Въ краю изгнанія печальномъ.
Дитя, тутъ все убьетъ морозъ,
Тутъ жизнь тебѣ луча не броситъ,
И грезы, какъ листы съ березъ,
Дыханье осени уноситъ...
Завѣетъ снѣгъ твои цвѣты,
Зима убьетъ живыя силы,
И только горе встрѣтишь ты
Отъ колыбели до могилы!...

— О, нѣтъ, отецъ! Мой край родной
И пѣсенъ радостные звуки
Мнѣ не забыть въ странѣ чужой,
Для мысли нѣтъ нигдѣ разлуки...
Когда кругомъ мятель реветъ,
Когда избушку снѣгъ заноситъ,
Передо мной мой край встаетъ,
Родимыхъ пѣсенъ сердце проситъ...
Въ нихъ ароматъ весеннихъ розъ,
Въ нихъ шелестъ нивы золотистой,
И пусть кругомъ трещитъ морозъ,
Пусть вьюга злится ночью мглистой,—
Снѣгъ не убьетъ цвѣтовъ родныхъ:
Они въ груди благоухаютъ,
Въ степяхъ изгнанія чужихъ
Зимою пышно расцвѣтаютъ;
Пусть горе только встрѣчу я,
Когда-жъ не станетъ силъ—родная
Вспорхнетъ какъ птичка, пѣснь моя
И улыбнусь я, умирая!

Родной край.

Засыпанный глубокими снѣгами,
Какъ трупъ въ землѣ, молчитъ мой край родной...
Стоитъ рѣка, окованная льдами,
И дремлетъ лѣсъ подъ шапкой снѣговой.
Въ дыму лачугъ, спасаясь отъ мороза,
Заснулъ народъ. Какъ туча, ходитъ сонъ,
Безсиленъ умъ. Совсѣмъ увяла грёза.
Запѣть—кому?... Тутъ пѣсня—тотъ же стонъ!

Я уходилъ въ край солнца и свободы,
Въ край яркихъ розъ и говорливыхъ водъ.
Не зная сна, на праздникѣ природы
Тамъ весело волнуется народъ,
И жизнь кипитъ. Подъ сводами руины,
Какъ будто бы забывшими упасть,
По вечерамъ рокочутъ мандолины,
И пѣснь звучитъ, и вспыхиваетъ страсть...

Но тамъ меня отчаянье томило:
Мнѣ чудился далекій и глухой,
Холодный край, раскинутый уныло,
Въ оковахъ льда, подъ шапкой снѣговой...
На праздникѣ плѣнительнаго юга
Мнѣ видѣлись: голодная страна,
Забытыхъ селъ убогая лачуга,
Густыхъ лѣсовъ угрюмая сосна.

Какъ великанъ, забытый небесами,
Какъ богатырь, волшебницей-зимой
Къ полярнымъ льдамъ прикованный цѣпями,
Давнымъ-давно, ты дремлешь, край родной,
И я все жду—съ живительной весною
Проснешься ты, колодникъ-великанъ.
Очнется Русь, какъ бѣшеной грозою
Разбуженный могучій океанъ!

Изъ-подъ снѣговъ сыны былого вѣча
Подымутся дружинами на бой,
И дрогнетъ тьма. Начнется злая сѣча—
Волшебныхъ чаръ не станетъ надъ землей;
Въ родномъ краю не знавшій лучшей доли,
Безграмотенъ, лицомъ и нравомъ дикъ,
Голодный рабъ, стонавшій лишь отъ боли,
Воскреснешь ты, свободенъ и великъ.

Пускай кругомъ царитъ еще могучій
Тяжелый мракъ, грядущее тая:
Мнѣ чудится порою изъ-за тучи
Сверкнувшая огнистая струя...
Я васъ пою, таинственныя силы,
Пою весну и солнце лучшихъ дней...
Откроются забытыя могилы—
Воскреснетъ жизнь на родинѣ моей...

Проснется жизнь съ весенними громами
И царство тьмы разсѣетъ навсегда!
Чу!... слышите—подъ старыми снѣгами
Уже бѣжитъ и точитъ ихъ вода...
Морозъ куетъ послѣдній разъ природу.
Бѣснуется, почуявши тепло...
Кто раньше всталъ—тотъ громко пой свободу,
Чтобъ дрогнуло ликующее зло!...

Дворецъ Тиверія и Сантъ-Эльмо.

Какъ тихо спятъ въ полдневномъ зноѣ купы
Весеннихъ розъ и лавровъ, и чинаръ!
Въ лазурь небесъ поднялися уступы
Гранитныхъ скалъ... Томитъ недвижный жаръ...
Вдали, на той вершинѣ одиноко—
Остатки стѣнъ и мраморныхъ колоннъ;
Ничто ихъ сонъ не возмутитъ глубокій...
Доносится, какъ будто дальній стонъ,
Прибой волны... Внизу равнина моря,
Едва колышутся могучіе валы.
Сюда ушелъ, съ добромъ и правдой споря,
Какъ звѣрь въ нору, на сѣрыя скалы
Тиверій, царь измученнаго міра,
Нѣмыхъ рабовъ разнузданный тиранъ;
Здѣсь былъ дворецъ развратнаго кумира
И палачей остервенѣлыхъ станъ...
Отсюда внизъ, съ гранитнаго уступа,
Кидали тѣхъ, въ комъ совѣсть не спала;
Морская глубь истерзаннаго трупа
Бездонною могилою была...
Ихъ тысячи... Но жертвы позабыты!
Зеленый миртъ—развалинъ властелинъ—

Шумитъ въ стѣнахъ. На каменныя плиты
Ползетъ змѣя. И солнца лучъ одинъ
Скользитъ въ окно сквозь чащу старыхъ пиній.
А вотъ еще—рабовъ недавнихъ страхъ:
Черезъ заливъ, какъ это небо синій,
Опять скалы и башни на скалахъ,—
Сантъ-Эльмо тамъ, на высотѣ воздушной...
Съ Тиверіемъ сравнявшійся позднѣй,
Какъ римскій царь, мучитель равнодушный,
Лишь утонченный болѣе злодѣй,—
Въ сырую тьму подъ каменные своды,
Презрѣнный трусъ, купавшійся въ крови,
Бросалъ туда защитниковъ свободы,
Апостоловъ науки и любви...
Исторія замкнулася темницей!
Мученія семнадцати вѣковъ
Безплодною промчались вереницей,
Не научивъ безсмысленныхъ рабовъ...
Злодѣямъ—лавръ, страдальцы позабыты,
Свобода—миѳъ, а произволъ—законъ,
Возвышены Іуды и Терситы,
Вѣнчаются Тиверій и Неронъ!
Гдѣ жизни смыслъ? Все тою же дорогой
Идутъ впередъ народы и вѣка,
И льется кровь за каждый шагъ убогій,
И такъ же цѣль, какъ прежде, далека...
Нашъ бѣдный міръ въ событіяхъ прошедшихъ
Является трагедіею мнѣ,—
Трагедіей, но въ домѣ сумасшедшихъ
Безумцами разыгранной вполнѣ!

Въ даль.

Изъ вашихъ душныхъ городовъ,
Изъ стѣнъ, пропитанныхъ слезами,
Въ блаженный край моихъ лѣсовъ
Я уношусь еще мечтами.

Зеленымъ царствомъ въ лѣтній зной
Ложится глушь моя родная.
Тамъ тѣнь, молчанье и покой,
Тамъ я воскресну, отдыхая...

Среди безмолвной красоты,
Гдѣ только бродитъ вѣтеръ горный,
Безсильно слово клеветы
И жало зависти упорной...

Смолистымъ воздухомъ дыша,
Въ тѣни столѣтнихъ великановъ,
Забудемъ все—о чемъ душа
Томилась въ области тумановъ;

Среди ликующихъ глупцовъ
И жертвъ, раздавленныхъ врагами,
Во мракѣ душныхъ городовъ,
Въ стѣнахъ, пропитанныхъ слезами.

Пѣсня работниковъ.

Мы, чья лампа загораетъ
Утромъ рано съ пѣтухами,
Мы, кого нужда сгоняетъ
Къ наковальнямъ за грошами,
Мы, что съ жизнью безотходно
Каждой мышцей вѣчно бьемся,—
Передъ старостью холодной
Безъ защиты остаемся...

Другъ за друга—стой смѣлѣй,
Пить сберемся-ль въ круговую,
Пусть хоть пушки грянутъ—пей
За свободу міровую!

Изъ земли, скупой и скудной,
И изъ моря добываетъ
Наша сила битвой трудной
Все, что краситъ и питаетъ.
Зрѣлый плодъ, колосья съ нивы,
Злато, перлы полной чашей...
Овцы бѣдныя на диво
Ткутъ плащи изъ шерсти нашей!

Другъ за друга—стой смѣлѣй,
Пить сберемся-ль въ круговую,
Пусть хоть пушки грянутъ—пей
За свободу міровую!

Что приноситъ намъ работа,
Хоть сгибаетъ наши спины?
Гдѣ плоды труда и пота?
Мы не люди, а машины!
Трудъ нашъ землю то и дѣло
Чудесами покрываетъ,
Но лишь медъ оконченъ—смѣло
Пчелъ хозяинъ выгоняетъ...

Другъ за друга—стой смѣлѣй,
Пить сберемся-ль въ круговую,
Пусть хоть пушки грянутъ—пей
За свободу міровую!

Въ жалкихъ рубищахъ, готовы
Мы съ лачугами сживаться,
Гдѣ однѣ ночныя совы
Да грабители гнѣздятся!
Но и въ нашихъ жилахъ страстно
Кровь горячая клокочетъ—
Поле, дубы, полдень ясный—
Кто же ихъ изъ насъ не хочетъ!

Другъ за друга—стой смѣлѣй,
Пить сберемся-ль въ круговую,
Пусть хоть пушки грянутъ—пей
За свободу міровую!...

Н. БАРАНОВЪ.

Кузнецъ.

Съ ранняго дѣтства мнѣ счастье сулили,
Счастье пророчили мать и отецъ...
Я подросталъ,—мнѣ они говорили:
Счастью ты самъ будь кузнецъ!

Много я пролилъ кроваваго пота,
Много я вынесъ тяжелыхъ тревогъ,—
Но у меня не спорилась работа:
Счастья сковать я не могъ!

Тратилъ я силы въ работѣ безплодной,
Гнулся подъ бременемъ тяжкимъ труда,
Бился въ оковахъ нужды безысходной, —
Счастья не зналъ никогда!

Но закаленный тяжелой борьбою,
Съ ранняго дѣтства привыкшій къ труду,
Я не склонюсь передъ жизнью безъ бою:
Счастье себѣ я найду!

Молотъ я выкую крѣпкій изъ стали,
Грозный врагамъ, безпощадный въ бою,
Чтобы далеко удары звучали,
Чтобы кругомъ сторонились и знали:
Счастье себѣ я кую!

Б. Н. ГЕЙМАНЪ.

2 (14) іюля 1889 года.

Пойте, товарищи! Пѣсней веселою,
Можетъ быть, думы отгоните прочь!
Только зачѣмъ въ эту пѣсню тоскливая
Нотка, забравшись, напомнила ночь,

Степи безлюдныя, цѣпи желѣзныя,
Дальняго сѣвера лютый морозъ
И молодыя надежды разбитыя,
И неоглядное кладбище грезъ!...

Пойте, товарищи, пѣсни веселыя!
Ровно сто лѣтъ, какъ Бастилья взята;
Нынче пируетъ весь міръ образованный
Память побѣды свободы, труда!...

Что-жъ вы задумались? Развѣ не радостно
Вспомнить о дальней побѣдѣ своей?
Только зачѣмъ тутъ рѣшетки желѣзныя?
Только зачѣмъ эти звуки цѣпей?...

Полноте, братцы! что цѣпи желѣзныя!
Тѣломъ мы скованы,—духомъ вольны!
Если гнететъ насъ дѣйствительность горькая,
Вспомнимъ прошедшіе годы и дни!

Пойте, товарищи, пѣсни веселыя!
Мрачныя думы гоните скорѣй!

Митѣ.

Ударитъ часъ, какъ тяжкій сонъ
Въ нѣмую даль нашъ вѣкъ уйдетъ.
Лучемъ свободы озаренъ,
Счастливый, новый міръ блеснетъ
Волшебной сказочной мечтой;
Изъ окровавленныхъ могилъ
Онъ, гордый, юный, полный силъ,
Придетъ, сіяя красотой!
И ты, дитя, придешь тогда
Въ тотъ міръ; проклятья старинѣ
Раскроютъ чистыя уста
И громко зазвучатъ онѣ!
И изъ-за нихъ нашъ темный міръ
Не омрачитъ вашъ чудный пиръ!...
Тогда поймешь ли ты, дитя,
Борьбу кровавыхъ грозныхъ дней,
Когда мечту въ душѣ тая,
Подъ лязгъ и гулкій звонъ цѣпей
Мы день и ночь вели въ бою?
Когда не только жизнь свою,—
Мы душу въ жертву принесли
И васъ на старческихъ плечахъ
Увлекши въ даль, отъ тьмы спасли?
Не прозвучитъ ли на устахъ
Укоръ жестокій? О, дитя!
Нашъ вѣкъ былъ мрачный, грозный вѣкъ,
А вашъ счастливый! Въ немъ, шутя,
Живетъ свободный человѣкъ!
Когда-бъ нашъ долгій, долгій бой
Не безпощадностью дышалъ,
Тогда-бъ и нашъ міръ былъ иной
И онъ бы грезой не сіялъ!...

А. А. ГОЛЕНИЩЕВЪ-КУТУЗОВЪ.

* * *

Такъ жить нельзя! Въ разумности притворной,
Съ тоской въ душѣ и холодомъ въ крови,
Безъ юности, безъ вѣры животворной,
Безъ жгучихъ мукъ и счастія любви,
Безъ тихихъ слезъ и громкаго веселья,
Въ томленіи больного забытья,
Въ уныніи разврата и бездѣлья,—
Нѣтъ, други, нѣтъ,—такъ дольше жить нельзя!
Сомнѣній ночь отрады не приноситъ,
Клеветъ и лжи наскучили слова,
Померкшій взоръ лучей и солнца проситъ,
Усталый духъ алкаетъ Божества.
Но не прозрѣть намъ къ солнцу сквозь тумана,
Но не найти намъ Бога въ дольней тьмѣ,—
Насъ держитъ власть побѣднаго обмана,
Какъ узниковъ въ оковахъ и тюрьмѣ.
Поблекшихъ дней влачится вереница
Въ безплодіи ненужныхъ дѣлъ и словъ,
И съ каждымъ днемъ мрачнѣе та темница,
Тяжеле гнетъ тѣхъ ледяныхъ оковъ.
Не вѣетъ въ міръ весны живой дыханье,
Творящихъ силъ изсякнула струя,
И лишь одно не умерло сознанье,
Не то призывъ, не то воспоминанье,—
Оно твердитъ: такъ дальше жить нельзя!

Къ Н...му.

Не пеняй на меня, мой взыскательный другъ,
За мою нищету и безсилье:
Ослѣпили меня, обступили вокругъ
Стѣны крѣпкія, мракъ и насилье.

Но, повѣрь, не далекъ обновленія день,
И сломаю я крѣпкую стѣну,
И покину тюрьмы непривѣтную сѣнь,
И паломника ризу надѣну.

Отъ шумящихъ столицъ далеко, далеко
Я уйду, строгой думой объятый,—
Въ душу родины тамъ загляну глубоко̀,
Заберуся въ землянки и хаты.

Нищеты и терпѣнья загадочный ликъ
Разгляжу при мерцаньи лучины,
Въ кабакѣ придорожномъ подслушаю крикъ
Безнадежной и пьяной кручины.

И, вернувшись назадъ, тебѣ пѣсню спою—
Не такую, какъ пѣлъ я донынѣ,—
Нѣтъ, услышавъ тогда эту пѣсню мою,
Ты поклонишься ей, какъ святынѣ!

Такъ ко гробу Господню идетъ пилигримъ,
Тамъ огонь зажигаетъ священный,
И потомъ тотъ огонь, теплой вѣрой хранимъ,
Онъ приноситъ въ пріютъ свой смиренный.

И домашніе, встрѣтивъ его у крыльца,
Съ умиленьемъ даръ Божій пріемлютъ
И правдиво-чудеснымъ рѣчамъ пришлеца,
Какъ небесному голосу, внемлютъ!

Мольба.

Убійства жаждой не объятый,
Я бранныхъ пѣсенъ не пою,
И душу мирную мою
Не тѣшатъ ярыхъ битвъ раскаты:
Я нѣмъ и глухъ къ громамъ войны.
Но вопли жертвъ мой слухъ терзаютъ;
Они побѣдно заглушаютъ
Веселье, шумъ и блескъ весны!
Несутся прочь мечты, желанья,
Блѣднѣетъ образъ красоты,
И я рыдаю—пѣснь страданья
Окровавленной нищеты!
Мнѣ чудятся проклятья, стоны,
Зубовный скрежетъ, смерти дрожь...
Богачъ!—давай свои мильоны!
Бѣднякъ,—неси послѣдній грошъ!
А нѣтъ гроша? хватай рубаху,
Одежду дѣтокъ и жены;
Все, все, что есть, кидай на плаху
Всепожирающей войны!
Не содрогаясь передъ кровью,
Омой ты раны на тѣлахъ
Бойцовъ, поверженныхъ во прахъ
И поднятыхъ твоей любовью,
И счастливъ будь, когда хоть разъ
Страдалецъ—жертва злобы дикой—
Тебя въ душѣ своей великой
Благословитъ въ послѣдній часъ!

Трепакъ.

Лѣсъ да поляны. Безлюдье кругомъ.
    Вьюга и плачетъ и стонетъ,
Чудится, будто во мракѣ ночномъ,
    Злая кого-то хоронитъ.

Глядь—такъ и есть! Въ темнотѣ мужика
Смерть обнимаетъ, ласкаетъ,
Съ пьяненькимъ пляшетъ вдвоемъ трепака,
На ухо пѣснь напѣваетъ.
Любо съ подругою бѣлой плясать!
Любо лихой ея пѣснѣ внимать!

Охъ, мужичекъ
Старичекъ
Убогой
Пьянъ напился,
Поплелся
Дорогой;
А метель-то, вѣдьма, поднялась,
Взыграла!
Съ поля—въ лѣсъ дремучій невзначай
Загнала!
Горемъ, тоской
Да нуждой
Томимый,
Лягь, отдохни,
Да усни,
Родимый!

Я тебя, голубчикъ мой, снѣжкомъ
Согрѣю;
Вкругъ тебя великую игру
Затѣю.
Взбей-ка постель,
Ты, метель
Лебедка!
Ну, начинай,
Запѣвай,
Погодка,
Сказку—да такую, чтобъ всю ночь
Тянулась,
Чтобъ пьянчугѣ крѣпко подъ нее
Уснулось!

Гой вы, лѣса,
Небеса,
Да тучи!
Темь, вѣтерокъ,
Да снѣжокъ
Летучій!
Станемъ-ка въ кружки, да удалой
Толпою
Въ пляску развеселую дружнѣй
За мною!

Глядь-ка, дружокъ,
Мужичекъ
Счастливый:
Лѣто пришло,
Разсвѣло!
Надъ нивой
Солнышко смѣется, да жнецы
Гуляютъ,
Снопики на сжатыхъ полоскахъ
Считаютъ.

. . . .

Лѣсъ, да поляны, безлюдье кругомъ.
Стихла недобрая сила.
Горькаго пьяницу въ мракѣ ночномъ
Съ плачемъ метель схоронила.
Знать, утомился плясать трепака,
Пѣсни пѣть съ бѣлой подругой—
Спитъ не проснется... Могила мягка
И ужъ засыпана вьюгой!

Весной.

Родная глушь, я полюбилъ тебя!
Какъ блудный сынъ, усталый и печальный,
Подъ отчій кровъ, бѣжавъ чужбины дальней,
Убогъ и нищъ душой вернулся я.
И ты меня, простивши, пріютила,
Съ участьемъ теплымъ улыбнулась мнѣ,

И для другихъ нѣмая, какъ могила,
Мнѣ рѣчь любви шептала въ тишинѣ.
Мой духъ воскресъ, мои открылись очи,
И я опять увидѣлъ предъ собой,
Какъ сквозь туманъ волшебной майской ночи,
Желанный путь—путь жизни трудовой!
Пора, пора!... Гремящіе потоки,
Смѣясь, бѣгутъ съ оттаявшихъ холмовъ,
И сладкіе, живительные соки
Изъ нѣдръ земли ползутъ въ стволы деревъ,
Ползутъ къ вѣтвямъ и въ стебли травки каждой,

Творящихъ силъ и трепета полны;
Весь юный міръ, томясь любовной жаждой,
Объятій ждетъ волшебницы весны...
И вотъ она, вся въ радужномъ сіяньѣ
Златыхъ одеждъ, парчи и багряницъ,

За стаями прилетныхъ, пѣвчихъ птицъ,
Приносится на страстное свиданье,
На брачный пиръ, исполненный чудесъ,
На торжество природы и небесъ!

Привѣтъ весны и ласковыя грезы,
Прекрасны вы!—Но для чего-жъ порой
И въ майскій день, и здѣсь въ глуши родной
Мнѣ слышатся стенанья, вздохи, слезы;
Насилія и гордости языкъ,

Обманъ и лесть униженнаго брата,
Проклятія голоднаго разврата,
Людская брань и звѣря дикій крикъ?
Зачѣмъ?
Но разсуждать теперь не время:

Земля просохла, зеленѣетъ лугъ...
Врѣзайся глубже въ пашню, острый плугъ,
Ровнѣй изъ рукъ на землю падай, сѣмя!
И дай, Господь, дождя и теплыхъ дней,
Чтобъ проросло въ землѣ оно скорѣй!

Торжество смерти.

День цѣлый бой не умолкаетъ;
Въ дыму затмился солнца свѣтъ,
Окрестность стонетъ и пылаетъ,
Холмы ревутъ—побѣды нѣтъ!
И пала ночь на поле брани;
Дружины въ мракѣ разошлись;
Все стихло—и въ ночномъ туманѣ
Стенанья къ нėбу поднялись.
Тогда, озарена луною,
На боевомъ своемъ конѣ,
Костей сверкая бѣлизною,
Явилась смерть... и въ тишинѣ,
Внимая вопли и молитвы,
Довольства гордаго полна,
Какъ полководецъ, мѣсто битвы
Кругомъ объѣхала она;
На холмъ поднявшись, оглянулась,
Остановилась... улыбнулась...
И надъ равниной боевой
Пронесся голосъ роковой:
«Кончена битва—я всѣхъ побѣдила!
«Всѣ предо мной вы склонились, бойцы,
«Жизнь васъ поссорила—я помирила.
«Дружно вставайте на смотръ, мертвецы!
«Маршемъ торжественнымъ мимо пройдите,—
«Войско свое я хочу сосчитать.
«Въ землю потомъ свои кости сложите,
«Сладко отъ жизни въ землѣ отдыхать.

«Годы незримо пройдутъ за годами,
«Въ людяхъ исчезнетъ и память о васъ—
«Я не забуду, и вѣчно надъ вами
«Пиръ буду править въ полуночный часъ!
«Пляской тяжелою землю сырую
«Я притопчу, чтобы сѣнь гробовую
«Кости покинуть во вѣкъ не могли,
«Чтобъ никогда вамъ не встать изъ земли!»

Д. Н. ЦЕРТЕЛЕВЪ.

Жертвоприношеніе Будды.

День наступилъ, спѣшитъ густой толпою
Ко храму древнему народъ
Взглянуть, какъ первый разъ своей рукою
Царь-отрокъ жертву принесетъ.

Цвѣтами устлана его дорога,
Гремитъ браминовъ стройный хоръ,
Но онъ глядитъ задумчиво и строго,
И полонъ скорби дѣтскій взоръ.

Кругомъ звучатъ священные напѣвы,
Горятъ алмазы и жемчугъ.
Его красавицы встрѣчаютъ дѣвы,
Волшебный замыкая кругъ.

И дышатъ счастьемъ лица молодыя,
Все полно жизни, красоты,
Сверкаютъ яркимъ солнцемъ залитые
Дворцы и ткани, и цвѣты.

Но вотъ и храмъ—и холодомъ, и лѣнью
Отъ сводовъ вѣетъ вѣковыхъ,
И подъ его суровой, хмурой тѣнью
Умолкло все,—и хоръ затихъ.

Внутри его тѣснятся изваянья,
Во мракъ впěривъ недвижный взоръ:
Праджапати – источникъ мірозданья,
Варуна—вѣчности просторъ.

И тутъ же Чандра, тихая богиня,
Царица свѣтлая ночей,
Что носится въ лазуревой пустынѣ
Въ вѣнцѣ серебряныхъ лучей,

И Сурія, живой огонь вселенной,
Кѣмъ міръ согрѣтъ и озаренъ,
И самъ великій Брама, неизмѣнный
Среди явленій и временъ.

И замерла толпа безмолвно на порогѣ,
И ждетъ, чтобъ царь колѣна преклонилъ свои.
Но онъ вошелъ, и встали мраморные боги
Предъ тѣмъ, кто міру несъ ученіе любви.

Сонъ.

Горами шелъ я одиноко,—
Чернѣлъ надъ обрывами лѣсъ,
И пѣнились воды потока,
И солнце сіяло съ небесъ,

Въ долину неслись водопады,
Ихъ брызги летѣли кругомъ;
И въ небѣ тѣснились громады,
Увѣнчаны снѣгомъ и льдомъ.

Казалось, остались далеко
Недавнее горе и зло,
Какъ будто водами потока
Ихъ смыло и прочь унесло;

И снова дышалось вольнѣе,
Развѣялась дымомъ печаль,
Въ прозрачномъ туманѣ синѣя,
Манила волшебная даль.

Казалось мнѣ, пали оковы,
Казалось, я цѣпи разбилъ
И, въ битву вмѣшаться готовый,
Стою полонъ вѣры и силъ.

Я прежней охваченъ мечтою,—
Свобода и правда влечетъ,—
Завѣтная цѣль предо мною.
И бодро иду я впередъ...

Но солнце зашло за горами,
Поднявшись надъ ними, луна
Осыпала землю лучами,
И лѣсъ пронизала она.

И вотъ я на камни, усталый,
Подъ старыми соснами легъ;
Тѣснились у ногъ моихъ скалы,
Гремѣлъ и плескался потокъ.

И падали черныя тѣни
На снѣгъ, освѣщенный луной,
Вершины, какъ рядъ привидѣній,
Бѣлѣли сквозь сумракъ ночной.

Заснулъ я: опять предо мною,
Какъ прежде, стояла она,
Все такъ же блестя красотою,
Все такъ же легка и стройна;

Глядятъ ея синіи очи,
Мерцаютъ и блещутъ огнемъ,
Какъ звѣзды на небѣ полночи,
Разсыпались кудри кругомъ,

Бѣгутъ ей на грудь и на плечи
Роскошною темной волной,
Безумныя, страстныя рѣчи
Уста ея шепчутъ порой.

Она говоритъ мнѣ: «напрасно
Ты правду тамъ ищешь, гдѣ ложь, -
Того, что ты любишь такъ страстно,
Того на землѣ не найдешь;

Опомнишься, путникъ усталый,
И бросишь безплодный свой трудъ,
Обманутъ твои идеалы,
Какъ тѣнь отъ тебя ускользнутъ.

Все въ мірѣ борьба и тревога,
Коварство, обманъ и развратъ,
Отъ имени вѣчнаго Бога
Безумье и злоба царятъ;

Во имя небесъ и прощенья
На плахахъ звенятъ топоры,
Во имя любви и смиренья
Трещатъ и пылаютъ костры;

Отъ имени братской свободы
Жрецы ея цѣпи куютъ,
Какъ стадо, за ними народы
На злѣйшее рабство идутъ;

Дерутся и рѣжутся братья
И тѣшатся мукой чужой,
Рыданія, вопли, проклятья
Отъ вѣка стоятъ надъ землей.—

Что-жъ пользы бороться напрасно?—
Все въ мірѣ безумье и ложь!
Того, что ты ищешь такъ страстно,—
Того на землѣ не найдешь.

В. Н. ФИГНЕРЪ.

Колыбельная пѣснь.

Милый узникъ, спи спокойно,
    Баюшки-баю!
Если сердце безпокойно,
    Хочешь—пѣснь спою?
Ты боролся за свободу
    И гнѣзда не вилъ;
Счастья ты желалъ народу,
    Для себя не жилъ.
Зналъ ты въ жизни узы братства,
    Но семьи—не зналъ!
Ни почета, ни богатства
    Въ жизни не стяжалъ.
Если жизни не отняли —
    Ты ли виноватъ?
А за подвигъ если-бъ взяли —
    Былъ бы счастливъ, братъ!
Есть преданіе сѣдое,
    Что когда-то встарь
Испытать бойца-героя
    Вздумалъ хитрый царь.
И послалъ онъ дорогія
    Ткани и парчи,
Жемчугъ, кубки золотые,
    Стрѣлы и мечи.
Не прельстился витязь златомъ
    И не взялъ жемчугъ,
Но плѣнился онъ булатомъ —
    Выбралъ мечъ да лукъ...
Предъ тобой судьба стояла,
    Полна тайныхъ чаръ:
Все, что любо, предлагала...
    Что-жъ ты выбралъ въ даръ?
. . . .
Много-ль, мало ли ты сдѣлалъ —
    Что судить, рядить?
Чашу жертвъ ты всю изведалъ —
    Будутъ ихъ цѣнить!
Идеальное стремленье
    Съ нами не умретъ!
Молодое поколѣнье
    Съ насъ примѣръ возьметъ.
Спи же узникъ, спи спокойно,
    Баюшки-баю!
Если-жъ сердце безпокойно —
    Брось ты пѣснь мою!...

1888 г.

* * *

Прощальный взглядъ сестры любимой
Доселѣ въ сердцѣ я храню:
Тотъ взглядъ любви невыразимой
Съ собой и въ землю схороню!

Казалось, въ трудный часъ разлуки
Всѣ чувства вдругъ проснулись въ ней —
И сердца любящаго муки
Отозвались въ душѣ моей...

Въ надеждѣ увидаться снова,
Ушла... не оглянулась мать!
Сестра-жъ осталась у порога,
Чтобъ этотъ взглядъ послѣдній дать.

Со взоромъ полнымъ состраданья
Въ глубокой скорби и тоскѣ,
Безмолвнымъ символомъ страданья
Въ тотъ мигъ она казалась мнѣ.

Когда бы поднялъ надо мною
Палачъ на плахѣ свой топоръ,
Едва ли-бъ съ большею тоскою
Смотрѣлъ тотъ жгучій скорбный взоръ

И стало на сердцѣ мнѣ жутко —
А все въ дверяхъ стоитъ она...
Но вотъ одна, одна минутка—
И связь живая порвана...

Дверь заскрипѣла, закачалась
И хлопнула въ послѣдній разъ...
За ней все та же скорбь осталась,
Но не видать ужъ скорбыхъ глазъ!

Къ Л. А. Волкенштейнъ.

Не на волѣ широкой—подъ сводомъ тюрьмы
Мы впервые съ тобой повстрѣчались
Въ тѣ тяжелые дни, когда съ жизнію мы
Предъ суровою карой прощались...
Было мнѣ въ эти дни не до новыхъ людей:
Жизнь прошедшая мнѣ рисовалась...
Проходилъ предо мной рядъ погибшихъ друзей,
Братство славное мнѣ вспоминалось...
Съ этимъ братствомъ несла я тревоги борьбы—
Силы сердца ему отдавала:
Всѣ несчастья, измѣны, удары судьбы
До послѣдняго дня раздѣляла...
Но союзъ нашъ, борьбою расшатанный, палъ,
Неудачи его сокрушили:
Безпощадно судъ смертью однихъ покаралъ,
Въ равелинѣ другихъ схоронили...
И пришлось въ день разсчета одной мнѣ предстать
Съ грустнымъ взоромъ, назадъ обращеннымъ,
Между новыхъ людей одинокою стать
Съ думой тяжкою, съ сердцемъ стѣсненнымъ...
Мудрено-ль, что тебѣ, какъ подругѣ чужой,
Равнодушно я руку пожала?
Жизнь кончалась, и ночь надо мной
Свой туманный покровъ разстилала...
И не думала я, что со мной ты войдешь
Въ эти стѣны дѣлить одно бремя,
Что въ тебѣ я опору и друга найду
Въ безразсвѣтное, трудное время!

С. ИВАНОВЪ.

* * *

Что ты, бѣдное сердце тоскуешь?
Что такъ бьешься, трепещешь въ груди?
Или, вѣщее, ты уже чуешь,
Что несвѣтлые дни впереди?

Или ты вспоминаешь былое?
Прежнихъ лѣтъ воскресаешь мечты;
Время юныхъ годовъ золотое,
И не можешь забыть его ты?

Или ты жаждешь живого участья,
Счастья, воли, простора полей,
Жаждешь ты отъ борьбы, отъ ненастья
Отдохнуть на груди у друзей?

— Да, я жажду свободы широкой,
Жизни полной труда и заботъ,
Но твердыня ограды высокой
Крѣпко насъ отъ нея стережетъ.

Хоть бы день лишь одинъ мнѣ свободы,
Чтобъ вздохнуть отъ мертвящихъ оковъ,
Чтобъ красой насладиться природы
И привольемъ полей и лѣсовъ!

— Да я жажду живого участья,
Жажду близкаго друга имѣть,
Но лишь грезами личнаго счастья
Сердца мнѣ моего не согрѣть.

И я жду терпѣливо разсвѣта...
Тяжело, пусть, и горько мнѣ здѣсь
Все же бремя тяжелое это
До конца буду гордо я несть.

Н. МОРОЗОВЪ.

Зимой.

Полно убиваться!
Полно тосковать!
Пусть снѣга кружатся
Подъ окномъ опять,
Пусть мятель ссыпаетъ
Горы у воротъ, —
Лѣтомъ все растаетъ
И снѣга и ледъ!

Полно убиваться!
Полно тосковать!
Пусть невзгоды злятся
Надъ тобой опять!
Хоть вражда пускаетъ
Всѣ гоненья въ ходъ —
Съ волей все растаетъ,
И вражда, и гнетъ!

Друзьямъ.

(Посвящается Вѣрѣ Фигнеръ).

Въ долгой, тяжелой разлукѣ
Цѣлые годы прошли;
Горя, страданья и муки
Много они принесли...

Сталъ я о волѣ смутнѣе
Помнить, какъ будто во снѣ...
Только друзья все яснѣе
Здѣсь вспоминаются мнѣ.

Часто сквозь сумракъ темницы,
Въ душной каморкѣ моей
Вижу я смѣлыя лица
Вѣрныхъ свободѣ людей.

Часто, какъ будто живые,
Въ этой тиши гробовой
Образы ихъ дорогіе
Ясно встаютъ предо мной...

Все здѣсь они оживляютъ,
Все согрѣваютъ они,
Быстро въ душѣ пробуждаютъ
Вѣру въ грядущіе дни...

Кажется, вотъ раздается
Голосъ ихъ здѣсь въ тишинѣ...
Словно струя пронесется
Воздуха съ вами ко мнѣ!

Знаю я, темныя силы
Ихъ не согнутъ передъ зломъ, —
Будутъ они до могилы
Биться съ народнымъ врагомъ.

Петропавловская крѣпость, 1875 г.

Древняя легенда.

Разъ на судъ собрались угнетающіе
Безпощадной и дикой толпой,
И предъ ними за правду страдающіе
Выходили изъ тьмы гробовой.
Тамъ, въ стѣнахъ крѣпостныхъ замуравленные,
Много лѣтъ были скрыты они,
Лишь одни палачи окровавленные
Сторожили ихъ ночи и дни.
За оградой тюрьмы несмолкаемая
Волновалася жизнь каждый день,
Пѣсня воли неслась нескончаемая,
Свѣтъ смѣнялъ полуночную тѣнь.
А внутри только стѣны обваливались,
Распадаясь на мусоръ и хламъ,
Каждый годъ разростались и сваливались
Лопухи по забытымъ угламъ.
И зеленые мхи пораскинулись
По высокимъ отвѣсамъ бойницъ,
Тамъ, гдѣ трещины въ стѣнахъ раздвинулись
И виднѣлись ряды черепицъ.
Но темницей глухой не подавленные
Появились страдальцы изъ тьмы

И, давно всѣми въ мірѣ оставленные,
Говорили въ безмолвьи тюрьмы:
«Пусть насилья законы безсмысленные
«Налагаетъ на насъ произволъ,
«Не помогутъ вамъ казни безчисленныя
«И падетъ угнетенья престолъ.
«Вы не страшны для насъ, угнетающіе,
«Хоть умремъ мы въ глуши отъ меча,
«Вѣчной жизни струи обновляющія
«Не пресѣчь вамъ рукой палача!»
И погибли они, обезглавленные,
Въ безпощадныхъ темницы стѣнахъ,
Но ихъ души, въ наслѣдье оставленныя,
Возродились въ грядущихъ борцахъ.
И какъ грозы гремятъ и всколыхиваютъ
Атмосферу глубокихъ ночей,
Ихъ идеи могучія вспыхиваютъ,
Озаряя сознанье людей.
И не могутъ съ тѣхъ поръ угнетающіе
Кончить казней кровавыхъ своихъ:
Все за счастье людей погибающіе
Возрождаются снова на нихъ.

* * *

Некуда дѣться отъ муки и боли!..
Порча какая случилася что-ли,
Желчь ли во мнѣ разлилась въ эту ночь,
Право, не знаю!... Но только не въ мочь!
Противъ любимой недавно отчизны
Льются изъ сердца слова укоризны..
Русская жизнь! Средь густой темноты
Какъ неуклюже сложилася ты!...

Родина мать! Ни счету, ни смѣты
Змѣямъ, что были тобою пригрѣты,—
Дѣдовъ вина и безпечность отцовъ—
Создали цѣлое племя рабовъ!...
Ты же,—ты только терпѣла, страдала,
Вѣчно трудилась и вѣчно молчала,
И средь громадной родимой земли
Вѣчно валялся народъ твой въ пыли...

Нѣтъ! Разойдись ты, тоска гробовая!
Злу не поможешь, лѣниво страдая,—
Некогда плакать, не время стонать.
Надобно дѣлу всѣ силы отдать!...

Родина мать! Разверни свои силы,
Жизнь пробуди средь молчанья могилы!
Встань! Угнетенье и тьму прекрати
И за погибшихъ дѣтей отомсти!

Памяти 1873—75 гг.

Я врагами въ тюрьмѣ погребенъ
Но живу все еще годъ отъ году...
Въ дни тяжелой борьбы за свободу
Было время моихъ похоронъ.

За желѣзной тюремной рѣшеткой,
За сырой и холодной стѣной
Яркимъ свѣтомъ горятъ предо мной
Эти дни моей жизни короткой.

Вспоминается мнѣ та пора,
Какъ по нивамъ родимаго края
Раздалось, сѣрый людъ пробуждая,
Слово братства, свободы, добра...

Какъ въ смятеньи подняли тревогу
Слуги мрака, оковъ и цѣпей,
И покровомъ терновыхъ вѣтвей
Застилали къ народу дорогу...

Какъ въ борьбѣ съ ихъ несмѣтной толпой
Молодая могучая сила,
Погибая, страну пробудила
На послѣдній, рѣшительный бой!

Вы, друзья, что въ борьбѣ уцѣлѣли,
Тоже здѣсь вспоминаетесь мнѣ...
Лучше-ль вамъ на родной сторонѣ?
Ближе-ль, братья, стоите вы къ цѣли?

Тяжкій крестъ привелось вамъ принять,
Легкій жребій мнѣ выпалъ на долю:
Трудно жить и бороться за волю,
Но легко за нее умирать.

Трудно жить, чтобъ порой не дрожала,
На врага подымаясь, рука,
Чтобы силъ не съѣдала тоска,
Если счастье въ борьбѣ измѣняло,

Чтобы въ томъ, кто возсталъ за любовь,
Вплоть до двери холоднаго гроба
Не смолкала-бъ могучая злоба
И кипѣла бы мщеніемъ кровь!...

Передъ судомъ.

Пріумолкла тюрьма.
Всюду тишь и покой...
И царитъ надъ землей
Полусвѣтъ, полутьма.

Что-то мрачно глядитъ
Нынче келья моя...
Хоть послушаю я,
Громко-ль сердце стучитъ..

Чу!... За дверью идутъ,
Слышенъ говоръ людей...
Близокъ часъ,—поведутъ
Насъ на судъ....

Но ни просьбъ, ни мольбы
И въ послѣдній нашъ часъ
Наши судьи-рабы
Не услышатъ отъ насъ!...

Пусть уныла тюрьма,
Пусть повсюду покой,
Пусть царитъ надъ землей
Полусвѣтъ, полутьма,

Но и въ этой глуши,
Гдѣ такъ долги года,
Нашей вольной души
Не сломить никогда!

Чу! въ тиши гробовой
Снова слышны шаги.
Приходите-жъ за мной
Вы скорѣе, враги!...

* * *

Милый другъ, безумно-смѣлый,
Честный и живой,
Быстро время пролетѣло
Нашихъ встрѣчъ съ тобой;

Если я къ тебѣ, бывало,
Мрачный приходилъ
И подавленный, усталый,
Съ грустью говорилъ

О тоскѣ невыносимой,
Что меня гнететъ
Въ этой жизни нестерпимой
Горя и невзгодъ —

Ты разсѣянно молчала,
Слушая меня,
И скучала, и зѣвала,
Сонъ едва гоня.

Но когда въ порывѣ новомъ
Рѣчь я заводилъ
О борьбѣ съ врагомъ суровымъ
До послѣднихъ силъ,

Снова клялся за свободу
Душу положить
И врагамъ за всѣ невзгоды
Братьевъ отомстить, —

Всѣ черты твои свѣтлѣли, —
Нѣтъ слѣда тоски!
И глаза твои горѣли
Словно огоньки...

* * *

Тамъ средь движенья
Вѣчныхъ свѣтилъ міровыхъ
Нѣтъ треволненья
Бурь и страданій земныхъ.

Здѣсь же народы,
Вѣчно въ цѣпяхъ и крови,
Ищутъ свободы,
Правды, добра и любви...

Борьба.

Могучее слово
Всесильнымъ вліяньемъ
Свѣтъ истины новой
Приноситъ въ сознанье
Нѣмого раба.

Но гордую силу,
И твердую волю,
И мощь-до могилы
Не падать въ неволѣ, —
Даетъ лишь борьба.

Предъ грозной борьбою
За свѣтъ безконечный
Надъ дольной землею
Царящее вѣчно
Насилье бѣжитъ.

Лишь въ битвѣ съ врагами,
Въ годины невзгоды,
Великое знамя
Вселенской свободы
Народъ водрузитъ!

Д. М. ПОЗДНЯКОВЪ.

Благодарность предшественникамъ.

(Посвящается живымъ и памяти умершихъ)

Вамъ борцы усталые,
Иль костьми полегшіе,
Мы поемъ привѣтъ...
Вами, предки славные,
Крестъ тяжелый несшіе,
Сдержанъ нашъ обѣтъ!...

Вы истину страстно любили;
Вы пламенны были душой,
Вы всю вашу жизнь посвятили
Родимой странѣ дорогой...

Вашъ голосъ будилъ ея силы,
Онъ словомъ свободы звучалъ,
И знамя добра до могилы
Вашъ тѣсный кружокъ охранялъ...

Намъ легче живется во многомъ,
Чѣмъ жить приходилось отцамъ,
И «слава!» за то всѣмъ народомъ
Споется когда-нибудь вамъ...

Для самыхъ далекихъ потомковъ
Святой будетъ ваша судьба,
Въ сказаньяхъ историка громко
Прославится ваша борьба...

Нашъ долгъ продолжать ваше дѣло,
Наслѣдовать вашимъ трудамъ,
Съ глубокою вѣрою, смѣло,
Съ презрѣніемъ къ жалкимъ врагамъ...

Не бросимъ мы трудъ вашъ священный,
Въ бѣдѣ—не опустимъ головъ
Намъ дорогъ завѣтъ вдохновенный
Страдальческихъ, славныхъ отцовъ!

Вамъ, бойцы усталые,
Иль костьми полегшіе
Мы поемъ привѣтъ...
Вами, предки славные,
Крестъ тяжелый несшіе,
Сдержанъ вашъ обѣтъ.

Е. БАХАРЕВЪ.

* * *

Довольно! Изсякло терпѣнье!
И такъ безконечные годы
Въ чаду произвола, насилій
Мы жили, не зная свободы.
Но люди, хорошіе люди,
О волѣ намъ правду сказали,
О, какъ возлюбили мы волю,
Какъ страстно о ней мы мечтали...
Деревня, гдѣ съ дѣтства мы жили,
Стояла въ поляхъ хлѣбородныхъ,
Но много въ ней умерло братьевъ
Ужасною смертью, голодныхъ...
Помѣщикъ, богатый и сытый,
Да съ нимъ кулаки міроѣды
Забрали мужицкую землю
Безъ боя, безъ жертвъ, безъ побѣды.
И въ поискахъ божеской правды
Безумно-упорны мы были,
За это насъ сѣкли кнутами
Да въ тюрьмахъ годами морили.
Довольно! Изсякло терпѣнье!
Впередъ,— въ лучезарные дали!
Хорошіе, честные люди
О волѣ намъ правду сказали...

Пѣсня дѣдушки.

Что, нарѣзвился?..
Ложися, усни!..
Долго не длятся
Веселые дни.
Дѣтство промчится,
Уйдетъ, какъ весна,—
Ждетъ тебя, милый,
Дорога одна...
Много работы
На этомъ пути...
Много безстрашныхъ
Стремятся пройти.
Боязнь убита
Въ могучихъ сердцахъ.
«Воли, намъ, воли!...»
У всѣхъ на устахъ.
Путь заграждаютъ
Истлѣвшіе пни...
Ярко сіяютъ
Надежды огни...
Спи же, родимый,
Покуда въ груди
Силъ еще мало...
Борьба впереди!...

Узникъ.

Тяжело. Нѣтъ ни свѣта, ни солнца лучей...
Только тьма, безпросвѣтная тьма.
Страшно. Стѣны становятся уже, тѣснѣй
И мрачнѣй, все мрачнѣе тюрьма.

Хоть на часъ-бы да сбросить мнѣ тяжесть оковъ!
Хоть-бы часъ да свободно пожить!
Хоть-бы разъ да вздохнуть ароматомъ цвѣтовъ
И хоть разъ сердцемъ всѣмъ полюбить!...

Все, что есть у меня, я согласенъ отдать,
Только-бъ дали на солнце взглянуть!
Только-бъ дали свободы мнѣ счастье узнать
И хоть разъ полной грудью вздохнуть!...

Но напрасно къ простору родимыхъ полей
Сердце рвется и просится грудь,
Съ каждымъ часомъ тюрьма все мрачнѣй и мрачнѣй,
Стѣны шепчутъ: «свободу забудь».

Н. А. ВРОЦКІЙ.

(А. А. Навроцкій).

Утесъ Стеньки Разина.

Есть на Волгѣ утесъ, дикимъ мохомъ обросъ
Онъ съ боковъ, отъ подножья до края,
И стоитъ сотни лѣтъ, только мохомъ одѣтъ
Ни нужды, ни заботы не зная...

На вершинѣ его не растетъ ничего,
Тамъ лишь вѣтеръ свободный гуляетъ,
Да могучій орелъ свой притонъ тамъ завелъ
И на немъ свои жертвы терзаетъ.

Изъ людей лишь одинъ на утесѣ томъ былъ,
Лишь одинъ до вершины добрался,
И утесъ человѣка того не забылъ,
И съ тѣхъ поръ его именемъ звался.

И хотя каждый годъ по церквамъ на Руси
Человѣка того проклинаютъ,
Но приволжскій народъ о немъ пѣсни поетъ
И съ почетомъ его вспоминаетъ...

Разъ, ночною порой, возвращаясь домой,
Онъ одинъ на утесъ тотъ взобрался,
И въ полуночной мглѣ, на высокой скалѣ
Тамъ всю ночь до зари оставался.

Много думъ въ головѣ родилось у него...
Много думъ онъ въ ту ночь передумалъ
И подъ говоръ волны, средь ночной тишины
Онъ великое дѣло задумалъ...

И, задумчивъ. угрюмъ отъ надуманныхъ думъ
Онъ на утро съ утеса спустился
И задумалъ пойти по другому пути,
И итти на Москву онъ рѣшился.

Но свершить не успѣлъ онъ того, что хотѣлъ
И не то ему пало на долю;
И расправой крутой, да кровавой рѣкой
Не помогъ онъ народному горю...

Не владыкою онъ былъ въ Москву приведенъ,—
Не почетнымъ пожаловалъ гостемъ,
И не ратнымъ вождемъ, на конѣ не съ мечемъ,
А въ постыдномъ бою съ мужикомъ-палачомъ
Онъ сложилъ свои буйныя кости...

Но прошла старина, и что въ тѣ времена
Лишь мятежною вспышкой казалось,
То теперь рѣшено, но не все—а одно
И надолго вопросомъ осталось...

И Степанъ будто зналъ, никому не сказалъ,

Никому своихъ думъ не повѣдалъ.
Лишь утесу тому, гдѣ онъ былъ, одному,
Онъ тѣ думы хранить заповѣдалъ...

И понынѣ стоитъ тотъ утесъ, и хранитъ
Онъ завѣтныя думы Степана...
И лишь съ Волгой одной вспоминаетъ порой
Удалое житье Атамана.

Но зато если есть на Руси хоть одинъ,
Кто съ житейской корыстью не знался,
Кто неправдой не жилъ, бѣдняка не давилъ,
Кто свободу, какъ мать дорогую любилъ
И во имя ея подвизался,—

Пусть тотъ смѣло идетъ, на утесъ тотъ взойдетъ
И къ нему чуткимъ ухомъ приляжетъ,
И утесъ-великанъ, все, что думалъ Степанъ,
Все тому смѣльчаку перескажетъ.

Бояринъ Кикинъ.

Порѣшили, присудили къ казни,
Утвердилъ царь Петръ свой приговоръ;
То извѣстье встрѣтилъ безъ боязни
Старый Кикинъ, бунтовщикъ, не воръ.

Было жаль послать его на плаху;
Вѣкъ нуждаясь въ умныхъ головахъ,
Русскій царь рубилъ ихъ неохотно:
Умъ цѣнилъ онъ даже во врагахъ.

Много винъ прощалъ ему Великій,
Все надѣясь въ немъ найти слугу,
Говоря, что старую березу
Не согнешь, какъ надобно, въ дугу,

Наконецъ, за колебанье трона,
Долженъ былъ онъ приказать отсѣчь,
Для поддержки власти и закона,
Хоть и здравый умъ, но съ буйныхъ плечъ.

Но и тутъ, ужъ наканунѣ казни,
Захотѣлъ услышать царь отвѣтъ
На одинъ вопросъ неразрѣшенный:
Уважалъ онъ Кикина совѣтъ.

Привели. Вошелъ старикъ свободно
И поклономъ отдалъ честь царю,
Хотя зналъ, что встрѣтитъ онъ заутра
Въ разъ послѣдній Божію зарю.

— «Слушай Кикинъ! объясни по правдѣ,
Отчего, при всемъ твоемъ умѣ,
Несмотря на всѣ мои поблажки,
Лишь врага я пріобрѣлъ въ тебѣ?»

— «Отчего! Скажу, коль неизвѣстно,
Коли самъ не понялъ, хоть востеръ:
При тебѣ уму не въ мѣру тѣсно,
А ему необходимъ просторъ.»

Новгородъ.

На челнѣ, ночною порою,
Я плылъ по родимой рѣкѣ,
Лежали недвижимо весла
Въ моей утомленной рукѣ.

Налѣво—въ туманѣ, чернѣла,
Горой поднимаясь, земля,
И рѣзко на ней выдѣлялись,
Зубчатыя стѣны Кремля.

За ними, вѣнчаясь крестами,
Невольно приковывалъ взоръ.
Краса Новграда, Софіи—
Премудрости Божьей соборъ.

Направо—вдоль берега, близко,
Тянулись заборы, дома,
Надъ ними едва возвышалась
Завѣтная башня одна.

Когда-то звучалъ тамъ свободный
Народный языкъ вѣчевой,
Когда созывалъ новгородцевъ
На вѣче, на судъ, иль на бой.

Широкой, могучей волною
Катилася мѣрно рѣка
И мнилось, какъ будто качаетъ
Меня дорогая рука.

Луна то скрывалась за тучи,
То ярко блестѣла въ водѣ,
И было торжественно чудно,
И было безмолвно вездѣ.

Челнокъ самъ собой подвигался,
А я, полный думъ и тоски,
Сидѣлъ неподвижно, внимая
Обычному шуму рѣки,

И въ этихъ рокочущихъ звукахъ—
Свободно бѣгущей волны,
Мнѣ сказывалъ дѣдушка-Волховъ
Завѣтныя думы свои.

*

— «Была пора, я гордо несъ
Новогородскія ладьи,
Когда онѣ, нагружены,
Пускались въ дальнія страны.

Лихіе витязи-купцы
Вселяли миръ, внушали страхъ,
Держа вѣсы, держа и мечъ
Въ привычныхъ къ дѣйствію рукахъ.

Смотри вонъ тутъ—заморскихъ странъ
Стояли корабли,
Мѣняя привозной товаръ
На звонкіе рубли.

Смотри, вонъ тамъ — былъ шумный торгъ,
Туда свозилъ народъ
Свои достатки и труды
Хозяйственныхъ работъ.

А тамъ, смотри, вонъ тамъ—звучалъ
Тотъ колокольный звонъ,
Когда на вѣче созывалъ
Новогородцевъ онъ.

Тамъ волновался и шумѣлъ
Свободный городъ мой,
Когда сбирался торговать
Народъ между собой.

На вѣчѣ онъ творилъ свой судъ
И изгонялъ князей,
На вѣчѣ избиралъ владыкъ
И отличалъ друзей;

И власть посадника его
Была сильна, грозна,
Зане народною душой
Являлася она.

Въ своихъ ладьяхъ—и на моряхъ
Умѣлъ онъ побѣждать,
Предъ нимъ не разъ склонялись — шведъ
И крестоносцевъ рать.

Онъ торговалъ, но честенъ былъ
И былъ за то любимъ,
И даже дальняя Ганза
Была въ союзѣ съ нимъ.

Былъ славенъ онъ. и на Руси,
Могучъ, силенъ, богатъ,
Вотъ былъ каковъ, въ былые дни,
Мой вольный Новоградъ!»

*

Какою отрадной былиной
Меня услаждала рѣка,
И съ нѣжной сыновней любовью
Внималъ я рѣчамъ старика.

Но вдругъ, словно въ гнѣвномъ порывѣ,
Встряхнулъ онъ сѣдой головой
И брызнулъ въ лицо мнѣ внезапно
Своею холодной волной.

*

— «Время завѣтное, долго ты длилося,
Долго—насталъ и конецъ,
Время другое сплело Новугороду
Тяжкій терновый вѣнецъ.

Говоръ давно ужъ носился по торжищамъ
Все о какой-то Москвѣ,
Что поднялась на рѣченкѣ невѣдомой,
Волны несущей къ Окѣ.

Ловко виляя хвостомъ предъ татарами
И не жалѣя своихъ,
Кончила тѣмъ, что, собравшися съ силами,
Освободилась отъ нихъ.

Свергнула иго, Руси ненавистное,
Но наложило свое;
Много неправды, коварства и хитрости
Было тогда у нея.

Княжества всѣ поглотила свободныя,
Стала не въ мѣру сильна
И, наконецъ, свою пасть ненасытную
Къ намъ обратила она.

Новгородъ вольный сломить, какъ татарина,
Вздумала, видно и впрямь —
Стала опасна свобода народная
Лютымъ московскимъ князьямъ.

Долго боролись съ Москвою кичливою
Вольные дѣти мои,
Но совладать съ непомѣрною силою
Жадной Москвы—не могли.

Помню, какъ всѣ провожали съ рыданіемъ
Колоколъ нашъ вѣчевой,
Чуяли бѣдные, что̀ съ нимъ теряется,
Что́ онъ увозитъ съ собой.

Но для Москвы уже стало потребностью
Насъ разорить до сумы,
Чтобы въ рабовъ безотвѣтно послушливыхъ
Переродилися мы.

И для того, чтобъ покончить рѣшительно
Съ городомъ вольнымъ моимъ,
Грозный Иванъ вдругъ надумалъ по своему
Разомъ расправиться съ нимъ.

Въ тѣ поры въ нашихъ ужъ не было бодрости
Прежнихъ временъ, не смогли
Иль побѣдить, или лечь до послѣдняго
Всѣмъ на защитѣ земли.

Духъ ослабѣлъ, истомились раздорами,
Всѣхъ обуяла корысть,
И межъ народа измѣнники гнусные,
Слуги Москвы, завелись.

Грозный не встрѣтилъ ни въ комъ супротивности,
Съ малою ратью пришелъ
И, разоривъ по дорогѣ всѣ волости,
Въ городъ свободно вошелъ.

Вольные люди пришельцу московскому
Били смиренно челомъ;

Встрѣтилъ его на мосту въ облаченіи
Пименъ владыка съ крестомъ,

Встрѣтилъ съ молитвою, почесть духовную
По старинѣ оказалъ,
Царь отвѣчалъ ему гнѣвно, укорами,
Въ церковь итти приказалъ.

Началъ владыка обѣдню и Господа
Долго и слезно молилъ,
Чтобы отъ лютаго гнѣва московскаго
Новгородъ Онъ охранилъ.

Кончилась служба, собралась у Пимена
Вся новгородская знать;
Но не садилась за трàпезу, съ трепетомъ
Стала царя ожидать.

Грозный вошелъ съ цѣлой стаей опричниковъ,
Сѣлъ, не молясь, и молчалъ,
Взоръ его гнѣвный лишь страхъ, да уныніе
Въ новогородцахъ встрѣчалъ.

Чуяли всѣ, что настали для города
Страшные, грозные дни,
Что недалеко расправа кровавая,—
И не ошиблись они.

Царь посидѣлъ, вдругъ неистовымъ голосомъ
Подалъ условленный знакъ,
И принялся за расправу послѣднюю
Нашъ безпощаднѣйшій врагъ.

Стали хватать, стали грабить безъ жалости,
Стали палить всѣхъ огнемъ,
Самъ царь Иванъ имъ придумалъ мученіе,
Страшно и вспомнить о немъ.

Рѣзали, жгли, не десятками, сотнями,
Всѣхъ:—богачей, бѣдняковъ,
Знатныхъ, простыхъ, и духовныхъ и иноковъ,
Словно какъ стадо быковъ.

Дни проходили за днями, недѣлями
Время текло, а они
Все продолжали расправу ужасную
И не тушили огни.

Солнце за тучами все укрывалося,
Или блестѣло во мглѣ,
Больно ему было видѣть, что дѣлали
Люди съ людьми на землѣ.

Рѣзать умаялись, душно имъ сдѣлалось—
Мертвые начали гнить;
Трупы безъ счета валялись по городу,
Царь не велѣлъ хоронить.

Звѣрь, такъ и тотъ бы проникнулся жалостью,
Какъ бы онъ ни былъ взбѣшенъ;
Но для Ивана считалось тò милостью,
Все не насытился онъ.

Вздумалъ забавиться новой потѣхою:
Къ мосту сгонять приказалъ
Всѣхъ, кто еще уцѣлѣлъ отъ мученія,
Кто своей участи ждалъ.

Стали вязать ихъ попарно и семьями,
Женъ, и мужей, и дѣтей,
Стали младенцевъ на шею привязывать
Матерямъ вмѣсто камней.

Свяжутъ — и съ моста!... лишь вскрикнутъ несчастные,
Тщетно на помощь зовутъ,
Тщетно о милости просятъ опричниковъ,
Тщетно спасенія ждутъ.

Съ пѣснями въ лодкахъ злодѣи катаются,
Словно какъ въ праздникъ народъ,
Да топорами сѣкутъ, кто хватается,
Или ко дну не идетъ.

Сколько народа, не сотни, а тысячи
Въ волны кидали мои
Эти исчадья московскаго деспота,
Въ эти ужасные дни.

Страшно припомнить, что только творилося:—
Хохотъ, рыданья съ мольбой,
Вопли, и пѣсни, и крикъ, и стенанія,
Плескъ и кровавый прибой!

Словно безумные, мечутъ безъ устали,
Счетъ потеряли давно,
Мечутъ народъ, какъ полѣнья, опричники
Въ волны мои и на дно.

Больше и больше... вдругъ кучи утопленныхъ
Сдѣлались кучей одной
И, преградивъ моимъ волнамъ теченіе,
Встали живою стѣной.

Грозный сидѣлъ, окруженный любимцами,
Самъ на мосту и смотрѣлъ,
Словно натѣшиться всласть надъ несчастными
Этой забавой хотѣлъ.

Гнѣвомъ вскипѣлъ я, злодѣю ужасному
Въ душу рѣшилъ заглянуть,
И захлестнулъ я кровавою пѣною
Звѣрю—въ изсохшую грудь!

Грозный вскочилъ, отшатнулся какъ бѣшеный,
Понялъ движенье мое,
И приказалъ своимъ лютымъ опричникамъ
Кончить веселье свое.

Казнь прекратилася... Грозный помиловалъ

Тѣхъ, кто остался въ живыхъ,
Но не оставилъ на мѣстѣ измученныхъ,
Къ Волгѣ онъ выселилъ ихъ.

Тамъ моя сила! ты знаешь, не разъ
Тамъ вырывалась она напоказъ,
И въ лихолѣтье [1]) собравшись въ семью,
Тамъ проявила живучесть свою.»

Волховъ затихъ, вдругъ волною послѣднею
Онъ повернулъ мой челнокъ,
Кинулъ на землю, отхлынулъ отъ берега,
Мѣрно вздохнулъ—и замолкъ.

*

Я понялъ... Но прежде чѣмъ выйти на берегъ,
Я молча взглянулъ на рѣку,
Хотѣлось задать мнѣ, средь сумрака ночи,
Послѣдній вопросъ старику.

Но старый боецъ угадалъ мою думу,
Сестру безнадежной тоски,
И выслушалъ я безотрадную правду
Отъ вѣчно свободной рѣки.

— «Не жди,—онъ сказалъ,—не надѣйся напрасно,
Прошли, какъ завѣтные сны,
Прошли безвозвратно для нашего града
Преданья святой старины.

На лонѣ моемъ, подъ бѣгущей волною,
Глубоко, у самаго дна
Лежитъ новгородцевъ былая свобода,
И спитъ непробудно она.

Ревниво и зорко ее охраняютъ
Погибшія дѣти мои,
И только порой ей всплывать дозволяютъ
Въ завѣтное время они.

Въ глубокую ночь, когда вѣтеръ вздымаетъ
Горой мою мощную грудь,
Когда изъ людей ни одинъ не дерзаетъ
Пуститься въ обыденный путь,

Тогда выплываетъ былая свобода
Могучей русалкой со дна
И мчится, и кружится въ бѣшеной пляскѣ
Съ моими волнами она.

. . . .
. . . .

Другого отвѣта не дастъ тебѣ Волховъ;
Объ этомъ, путями народной молвы,
Не спрашивай Волгу, не спрашивай Дона,
А спрашивай волны Невы.

[1]) Лихолѣтьемъ русскій народъ назвалъ 1612 годъ.

В. МАРТОВЪ.

* * *

Не весь я твой, поэзія... О, нѣтъ!
Ты только сонъ и дивный, и прекрасный,
Ты только сердца молодого бредъ,
Не правда ты, не голосъ безпристрастный.

Ты не отвѣтъ на зовъ души моей,
На скорбный зовъ усталаго страданья.
Не заглушишь мелодіей своей
Ты диссонансовъ мрачныхъ мірозданья!...

Какъ позабыть толпы голодный стонъ?
Какъ позабыть безумный смѣхъ разврата?
Они страшатъ, какъ погребальный звонъ,
Они зовутъ, какъ вѣщій гулъ набата.

Суровыхъ думъ властительная рѣчь,
Она нашъ вѣкъ немолчно призываетъ
Палящій свѣточъ истины зажечь,—
Сіянье грезъ его не согрѣваетъ...

In memoriam.

Въ тотъ мигъ, когда, мечтою опьяненный,
Я въ даль спѣшилъ бороться и страдать,
Когда весь міръ, какъ юноша влюбленный,
Я былъ готовъ восторженно обнять;
Когда за свѣтлымъ призракомъ свободы
Я шелъ впередъ заглохшею тропой,
Забывъ нужды тоскливыя невзгоды
И смѣхъ толпы бездушной и тупой,—
Тебѣ одной, мой другъ, погибшій рано,
Я былъ обязанъ мужествомъ въ борьбѣ,
И смѣло плылъ на встрѣчу урагана
Среди любви безбрежной океана,
Куда влекла любовь къ тебѣ...

Теперь, когда послѣдней сердца кровью
Я скорбныхъ строфъ не въ силахъ дописать.
Когда весь міръ съ болѣзненной любовью
Въ послѣдній разъ мнѣ хочется обнять,—
Твоей любви предсмертныя желанья
Одни даютъ еще мнѣ смѣлость жить,

И я спѣшу поэзію страданья—
Твоей души завѣтныя мечтанья
Въ послѣднихъ пѣсняхъ оживить...

* * *

Въ семьѣ шумливой мелочныхъ заботъ,
Трусливыхъ жалобъ, робкихъ сожалѣній,
Гдѣ полновластно царствуетъ расчетъ
И пошлость низменныхъ стремленій,—
Чтó вамъ сказать, свободныя мечты?
Что дѣлать вамъ, свободныя желанья?
Здѣсь наглый пиръ постыдной суеты,
Здѣсь торжество преступнаго дѣянья,
Идите прочь!... Въ глуши родныхъ степей,
Гдѣ стонетъ и бунтуетъ вьюга,
Найдете вы, увѣренъ я, скорѣй,
Скорѣй, чѣмъ здѣсь, и недруга, и друга...

Свиданіе.

Красавицу Волгу провѣдать опять,
Признаться, давно я сбирался,
И только успѣлъ я увидѣть ее,
Какъ тóтчасъ въ любви ей сознался.
Безумно-горячая рѣчь полилась
Съ наивно-ребяческимъ складомъ,
И какъ не стыдился я только ввѣрять
Ее жигулевскимъ громадамъ?
Такія ли пѣсни пѣвались при нихъ,
Такія ли клятвы давались?
Такіе ли люди за правду страдать
Когда-то предъ ними рѣшались?
Но ты, что слыхалъ Молодецкій курганъ
Съ своей достославною свитой,
Объ этомъ крещеному люду сказать
Могу я, подавно, открыто:
«На бѣлой груди убаюкать меня
Ты можешь, красавица Волга,
Съ тобою о счастьи далекомъ мечтать
Могу я и много, и долго.
«Такъ звѣздныя очи здѣсь ясно глядятъ,
Такъ даль голубая прекрасна,
Что хочется снова любить и страдать,
Какъ прежде—безумно и страстно!
«И вотъ я къ тебѣ на свиданье пришелъ:
Послушать ту пѣсню хочу я,
Ту пѣсню, что пѣла когда-то ты мнѣ—
Ее, какъ и прежде, люблю я.
«Подъ звуки ея, я бороться готовъ
За волю, погибшую волю.
И съ бою отнять у проклятой судьбы
Для братьевъ счастливую долю.
«Тогда мы побѣдную пѣсню споемъ,—
И грянетъ та пѣсня далёко,
Отъ сѣвера, съ снѣжной пустыни его,
До степи цвѣтущей востока.
«Отъ сна вѣкового проснется тогда
Народъ—великанъ полуночи,
И зорко во мракъ, застилающій путь,
Вперятся орлиныя очи.
«Забудетъ онъ скоро смиренье раба,
Обѣтъ отреченья аскета
И явится гордо къ народамъ въ семью
Подъ стягомъ багрянымъ разсвѣта.»
Забытую, чудную пѣсню въ отвѣтъ
Красавица Волга запѣла...
Зеленыя горы глядѣли на насъ,
И алое утро глядѣло.
А пѣсня ея, словно вешній разливъ,
Была и свѣтла, и раздольна,
Жарка, какъ послѣднія ласки весны,
Какъ дикія степи, привольна!...

* * *

Если трезвой мысли холодъ
Страсти ваши остудилъ,
И нужды желѣзный молотъ
Волю вашу закалилъ;
Если знаете вы твердо,
Что у жизни съ бою взять
Все возможно волѣ гордой,—
Смѣло можете сказать:
Братья! Часъ насталъ исхода,
И пароль священный данъ—
Тамъ, гдѣ правда и свобода,
Тамъ нашъ новый Ханаанъ!
Слава всѣмъ, кто выйдетъ нынѣ
На борьбу съ царящимъ зломъ,
И да будетъ намъ въ пустынѣ
Братство огненнымъ столпомъ!

— Д. —

Мысль.

Ее побивали камнями во прахъ,
Ее на крестѣ распинали,
Въ темницѣ томили и жгли на кострахъ
И псамъ на съѣденье бросали.
То пошлость, то глупость людская стѣной

Повсюду ей путь заграждала,
Но въ тайныя щели, какъ день золотой,
Какъ воздухъ она проникала.
Изъ мрака неволи, изъ пепла костровъ
Сильна и прекрасна вставала,
И ржавыя цѣпи срывала съ рабовъ
И спящихъ отъ сна пробуждала.
И сѣяла правду она межъ людей,
Средь лжи вѣковой и разврата,—
Но бури раздоровъ шумѣли за ней,
И братъ поднимался на брата.
И правда для нихъ оставалась нѣма:
Ихъ душу лучи ослѣпляли,
И свѣтомъ казалась имъ прежняя тьма,
И свѣтъ они тьмой называли...

С. Я. НАДСОНЪ.

* * *

Другъ мой, братъ мой, усталый, страдающій братъ,
Кто-бъ ты ни былъ, не падай душой:
Пусть неправда и зло полновластно царятъ
Надъ омытой слезами землей,
Пусть разбитъ и поруганъ святой идеалъ
И струится невинная кровь:—
Вѣрь, настанетъ пора—и погибнетъ Ваалъ,
И вернется на землю любовь!

Не въ терновомъ вѣнцѣ, не подъ гнетомъ цѣпей,
Не съ крестомъ на согбенныхъ плечахъ,—
Въ міръ прійдетъ она въ силѣ и славѣ своей,
Съ яркимъ свѣточемъ счастья въ рукахъ.
И не будетъ на свѣтѣ ни слезъ, ни вражды,
Ни безкрестныхъ могилъ, ни рабовъ,
Ни нужды, безпросвѣтной, мертвящей нужды,
Ни меча, ни позорныхъ столбовъ.
О, мой другъ! Не мечта этотъ свѣтлый приходъ,
Не пустая надежда одна:
Оглянись,—зло вокругъ черезчуръ ужъ гнететъ,
Ночь вокругъ черезчуръ ужъ темна!
Міръ устанетъ отъ мукъ, захлебнется въ крови,
Утомится безумной борьбой,—
И подниметъ къ любви, къ беззавѣтной любви,
Очи, полныя скорбной мольбой!...

* * *

Наше поколѣнье юности не знаетъ,
Юность стала сказкой миновавшихъ лѣтъ;
Рано въ наши годы дума отравляетъ
Первыхъ силъ размахъ и первыхъ чувствъ расцвѣтъ.
Кто изъ насъ любилъ, весь міръ позабывая?
Кто не отрекался отъ своихъ боговъ?
Кто не падалъ духомъ, рабски унывая,
Не бросалъ щита передъ лицомъ враговъ?
Чуть не съ колыбели сердцемъ мы дряхлѣемъ,
Насъ томитъ безвѣрье, насъ томитъ тоска...
Даже пожелать мы страстно не умѣемъ,
Даже ненавидимъ мы исподтишка!...
О, проклятье сну, убившему въ насъ силы!
Воздуха, простора, пламенныхъ рѣчей,—
Чтобы жить для жизни, а не для могилы,
Всѣмъ біеньемъ нервовъ, всѣмъ огнемъ страстей!
О, проклятье стонамъ рабскаго безсилья!
Мертвыхъ дней унынья послѣ не вернуть!
Загоритесь взоры, развернитесь крылья,
Закипи порывомъ трепетная грудь!
Дружно за работу, на борьбу съ порокомъ,
Сердце съ братскимъ сердцемъ и съ рукой рука,—
Пусть никто не можетъ вымолвить съ упрекомъ:
«Для чего я не жилъ въ прошлые вѣка»!...

Полдороги.

Путь суровъ... Раскаленное солнце калитъ
Раскаленные камни дороги.
О горячій песокъ и объ острый гранитъ
Ты изранилъ усталыя ноги.
Изстрадалась, измучилась смѣлая грудь,
Истомилась и жаждой, и зноемъ,
Но не думай съ тяжелой дороги свернуть
И забыться позорнымъ покоемъ!

Дальше путникъ, все дальше—впередъ и впередъ!
Отдыхъ послѣ,—онъ тамъ, предъ тобою...
Пусть подъ тѣнь тебя тихая роща зоветъ,
Наклонившись надъ тихой рѣкою;
Пусть весна разостлала въ ней мягкій коверъ
И сплела изъ вѣтвей изумрудный шатеръ,
И царитъ въ ней, любя и ласкaя,—
Дальше, дальше и дальше, подъ зноемъ лучей,
Раскаленной, безвѣстной дорогой своей,
Мимолетный соблазнъ презирая!

Страшенъ сонъ этой рощи, глубокъ въ ней покой:
Онъ такъ вкрадчивъ, такъ сладко ласкаетъ,
Что душа, утомленная скорбью больной,
Разъ уснувъ, навсегда засыпаетъ.
Въ этой чащѣ душистой дріада живетъ.

Чуть склонишься на мохъ ты,—съ любовью
Чаровница лѣсная неслышно прильнетъ
Въ полумглѣ къ твоему изголовью!...

И услышишь ты голосъ: «Усни, отдохни!...
«Прочь мятежные призраки горя!
«Позабудься въ моей благовонной тѣни,
«Въ тихомъ, лонѣ зеленаго моря!...
«Дологъ путь твой,—суровый, нерадостный путь...
«О, къ чему обрекать эту юную грудь
«На борьбу, на тоску и мученья!
«Другъ мой! ввѣрься душистому бархату мха:
«Эта роща вокругъ такъ свѣжа и тиха,
«Въ ней такъ сладки минуты забвенья!»...

Ты, я знаю, силенъ:—ты безстрашно сносилъ
И борьбу, и грозу, и тревоги,—
Но сильнѣе открытыхъ, разгнѣванныхъ силъ
Этотъ тайный соблазнъ полъ-дороги....
Дальше-жъ, путникъ!... Повѣрь, лишь ослабитъ тебя
Мигъ отрады, мигъ грезъ и покоя,—
И продашь ты все то, что ужъ сдѣлалъ, любя,
За позорное счастье застоя!....

* * *

Милый другъ,—я знаю, я глубоко знаю,
Что безсиленъ стихъ мой, блѣдный и больной;
Отъ его безсилья часто я страдаю,
Часто тайно плачу въ тишинѣ ночной...
Нѣтъ на свѣтѣ мукъ сильнѣе муки слова;
Тщетно съ устъ порой безумный рвется крикъ,
Тщетно душу сжечь любовь порой готова:
Холоденъ и жалокъ нищій нашъ языкъ!...

Радуга цвѣтовъ, разлитая въ природѣ,
Звуки стройной пѣсни, стихшей на струнахъ
Боль за идеалъ и слезы о свободѣ,—
Какъ ихъ передать въ обыденныхъ словахъ?
Какъ безбрежный міръ, раскинутый предъ нами,
И душевный міръ, исполненный тревогъ,
Жизненно набросить робкими штрихами
И вмѣстить въ размѣры тѣсныхъ этихъ строкъ?...

Но молчать, когда вокругъ звучатъ рыданья
И когда такъ жадно рвешься ихъ унять,—
Подъ грозой борьбы и предъ лицомъ страданья...
Братъ,—я не хочу, я не могу молчать!...
Пусть я, какъ боецъ, цѣпей не разбиваю,
Какъ пророкъ—во мглу не проливаю свѣтъ:
Я ушелъ въ толпу, и вмѣстѣ съ ней страдаю,
И даю, что въ силахъ—откликъ и привѣтъ....

* * *

Кругомъ легли ночныя тѣни,
Глубокой мглой окутанъ садъ;
Кусты душистые сирени
Въ весенней нѣгѣ мирно спятъ.
Склонясь зелеными вѣтвями,
Осока дремлетъ надъ прудомъ,
И небо яркими звѣздами
Горитъ въ сіяньи голубомъ.
Усни, забытый злой судьбою,
Усни, усталый и больной,
Усни, подавленный нуждою,
Измятый трудною борьбой!
Пусть ядъ безжалостныхъ сомнѣній
Въ груди истерзанной замретъ,
И рой отрадныхъ сновидѣній
Тебя неслышно обойметъ.
Усни, чтобъ завтра съ силой новой
Бороться съ безотрадной мглой,
Чтобъ не устать въ борьбѣ суровой,
Чтобъ не поддаться подъ грозой;
Чтобъ челнъ свой твердою рукою
По морю жизни направлять
Туда, гдѣ свѣтлою зарею
Едва подернулася гладь,
Гдѣ скоро жаркими лучами
Свѣтъ мысли ласково блеснетъ
И солнце правды надъ водами
Въ красѣ незыблемой взойдетъ.

Похороны.

Слышишь—въ селѣ, за рѣкою зеркальной,
Глухо разносится звонъ погребальный
Въ сонномъ затишьи полей;—
Грозно и мѣрно, ударъ за ударомъ,
Тонетъ въ дали, озаренной пожаромъ
Алыхъ вечернихъ лучей...

Слышишь—звучитъ похоронное пѣнье:
Это апостолъ труда и терпѣнья—
Честный рабочій почилъ...
Долго онъ шелъ трудовою дорогой,
Долго родимую землю съ тревогой,
Пòтомъ и кровью поилъ.

Жегъ его полдень горячимъ сіяньемъ,
Вѣтеръ знобилъ леденящимъ дыханьемъ,
Туча мочила дождемъ...
Вьюгой избёнку его заметало,
Градомъ на нивахъ его побивало
Колосъ, взрощенный трудомъ...

Много онъ вынесъ могучей душою,
Съ дѣтства привыкшей бороться съ судьбою.
Пусть же, зарытый землей,
Онъ отдохнетъ отъ заботъ и волненья—
Этотъ апостолъ труда и терпѣнья
Нашей отчизны родной.

Впередъ.

Впередъ, забудь свои страданья,
Не отступай передъ грозой,
Борись за дальнее сіянье
Зари, блеснувшей въ тьмѣ ночной!
Трудись, покуда сильны руки,
Надежды ясной не теряй,
Во имя свѣта и науки
Свой честный свѣточъ подымай!
Пускай клеймятъ тебя презрѣньемъ,
Пускай безсмысленный укоръ
Въ тебя бросаетъ съ озлобленьемъ
Толпы поспѣшный приговоръ:
Иди, не падая душою,
Своею торною тропой,
Встрѣчая грудью молодою
Всѣ бури жизни трудовой.
Буди уснувшихъ въ мглѣ глубокой,
Упавшимъ—руку подавай
И слово истины высокой
Въ толпу, какъ лучъ живой, бросай.

Пѣвецъ.

Съ непокрытымъ челомъ, изнуренный, босой,
Полный скорби и жгучей тревоги.
Шелъ однажды весною, въ полуденный зной,
Мимо рощи тѣнистой пѣвецъ молодой,
По горячей, кремнистой дорогѣ.

Роща, словно невѣста, въ весеннихъ лучахъ
Обновленнымъ уборомъ сіяла,
И роскошно пестрѣла въ нарядныхъ цвѣтахъ,
И душистой прохладой ласкала.
И казалось въ ней кто-то съ любовью шепталъ:
«Путникъ, путникъ, ко мнѣ! Ты такъ долго страдалъ,—
Прочь же черные призраки горя:
Я навѣю тебѣ лучезарные сны!...
Отдохни на груди ароматной весны
Въ тихомъ лонѣ зеленаго моря!...»

—«У меня-ль не цвѣтистъ изумрудный коверъ,
У меня-ль не узоренъ высокій шатеръ!
Я приникну, любя, къ изголовью,
И больному весеннюю пѣсню спою,—
Эту вкрадчиво-сладкую пѣсню мою,
Пѣсню, полную свѣтлой любовью!»

—«Путь суровъ... Раскаленное солнце палитъ
Раскаленные камни дороги,
О горючій песокъ и объ острый гранитъ
Ты изранилъ усталыя ноги,
А подъ сводами дѣвственной листвы моей
Бьется съ тихимъ журчаньемъ холодный ручей!
Серебристая струйка за струйкой бѣжитъ,
Догоняетъ, цѣлуетъ и тихо звенитъ...
Не упорствуй же путникъ, и чуткой душой
Отозвавшись на зовъ наслажденья,
Позабудься, усни!...»
Но пѣвецъ молодой
Не поддался словамъ искушенья.
Не на пиръ и не съ пира усталый онъ шелъ:
Съ страдныхъ нивъ и изъ избъ голодающихъ селъ,
Изъ угловъ нищеты и разврата,
Онъ спѣшилъ въ золотые чертоги принесть
Молодою любовью согрѣтую вѣсть
О страданьяхъ забытаго брата.
Онъ спѣшилъ, чтобъ пропѣть о голодной нуждѣ,
О суровой борьбѣ и суровомъ трудѣ,
О подавленныхъ, гибнувшихъ силахъ,
О горячихъ, безпомощныхъ дѣтскихъ слезахъ,
О безсонныхъ ночахъ и безрадостныхъ дняхъ,
О тюрьмѣ и безкрестныхъ могилахъ...
. . . .
Эта пѣсня его и томила, и жгла,
И впередъ, все впередъ неустанно звала...

* * *

Христосъ!... Гдѣ ты, Христосъ, сіяющій лучами
Безсмертной истины, свободы и любви...
Взгляни,—твой храмъ опять поруганъ торгашами,
И мечъ, что ты принесъ, запятнанъ весь руками,
Повинными въ страдальческой крови!...

Взгляни, кто учитъ міръ тому, чему когда-то
И ты училъ его подъ тяжестью креста!
Какъ ярко ихъ клеймо порока и разврата,
Какія лживыя за страждущаго брата,
Какія гнойныя открылися уста!...

О, еслибъ только зло!... Но рваться всей душою
Разсѣять это зло, трудиться для людей,—
И горько сознавать, что объ руку съ тобою
Кричитъ объ истинѣ, ломаясь предъ толпою,
Прикрытый маскою, продажный фарисей!...

Старая сказка.

Глухо стонетъ вьюга,—стонетъ и рыдаетъ,
И въ окно стучитъ костлявою рукой...
Жгучій страхъ мнѣ сердце дѣтское сжимаетъ:
«Мама, дорогая, сядь, побудь со мной!...»

И она прильнула нѣжно къ изголовью,
Нѣжно лобъ мой гладитъ, въ очи мнѣ глядитъ,
И подъ голосъ вьюги, лаской и любовью,
Грустью и заботой рѣчь ея звучитъ...

Какъ она прекрасна!... Въ трепетномъ сіяньи
Ночника она склонилась надо мной,
Точно свѣтлый ангелъ въ бѣломъ одѣяньи,—
Только легкихъ крыльевъ нѣту за спиной!...

Что-то безконечно-кроткое сіяетъ
Въ безконечно-милыхъ, дорогихъ чертахъ,
И горитъ въ улыбкѣ, и въ очахъ ласкаетъ,
И звенитъ, чаруя, въ сдержанныхъ рѣчахъ...

Только отчего-жъ такъ грустны эти глазки?
Отчего дрожитъ и холодна рука?
Отчего въ словахъ старинной этой сказки
Слышится такая правда и тоска?

«Мама, что съ тобой?» Но мама заглушаетъ
Мой вопросъ тревожной ласкою своей...
И такъ близко-близко надо мной сіяетъ
И такъ чудно-нѣженъ взоръ ея очей!...

Дѣтскій умъ не долго мучится сомнѣньемъ
Сказка расцвѣтаетъ, искрится, растетъ,—
И я всей душой и всѣмъ воображеньемъ,
Унесенъ въ тотъ міръ, куда она зоветъ!...

. . . .

Снова стонетъ вьюга, стонетъ и рыдаетъ,
И въ окно стучитъ костлявою рукой,
И ночникъ невѣрнымъ свѣтомъ озаряетъ
Блѣдный ликъ, склоненный нѣжно надо мной...

И звенитъ мнѣ голосъ: «Въ долгой, въ горькой жизни
Много встрѣтитъ спящихъ твой усталый взглядъ,
Не клейми-жъ ихъ словомъ ѣдкой укоризны,
Полюби ихъ, милый, полюби, какъ братъ!...

Позабывъ себя и не боясь глумленья,
Протяни имъ руку и впередъ зови,—
И блеснетъ во мглѣ имъ счастье обновленья,
И поймешь ты счастье братства и любви!...»

Памяти Ѳ. М. Достоевскаго.

Когда въ часъ оргіи, за праздничнымъ столомъ
Шумитъ кружокъ друзей, безпечно торжествуя,
И надъ чертогами, залитыми огнемъ,
Внезапная гроза ударитъ, негодуя,—
Смолкаютъ голоса ликующихъ гостей,
Блѣднѣютъ только-что смѣявшіяся лица,—
И, изъ полубоговъ вновь обратясь въ людей,
Трепещетъ Валтасаръ и молится блудница.

Но туча пронеслась и съ ней пронесся страхъ...
Пиръ оживаетъ вновь:—вновь раздаются хоры,
Вновь дерзкій смѣхъ звучитъ на молодыхъ устахъ,
И искрятся виномъ тяжелыя амфоры;
Порывъ раскаянья изъ сердца изгнанъ прочь,
Всѣ осмѣять его стараются скорѣе,—
И праздникъ юности, чѣмъ дальше длится ночь
Тѣмъ все становится развратнѣй и наглѣе!...

Но есть иная власть надъ пошлостью людской,
И эта власть—любовь!... Созданія искусства,
Въ которыхъ теплется огонь ея святой,
Сметаютъ прочь позорящія чувства;
Какъ благодатный свѣтъ, въ эгоистичный вѣкъ
Сіяетъ всѣмъ она, любя и исцѣляя,—
И не дрожитъ предъ ней отъ страха человѣкъ,
А ницъ склоняется, ее благословляя!...

И счастливъ тотъ, кто могъ и кто умѣлъ любить:
Печальный тернъ его прочнѣй, чѣмъ лавръ героя,
Святого подвига его не позабыть
Толпѣ, исторгнутой изъ мрака и застоя.
На скорбь его вездѣ откликнутся друзья,
И смерть его вездѣ смутитъ сердца людскія,
И въ часъ разлуки съ нимъ, какъ тѣсная семья
Надъ нимъ заплачетъ вся Россія!...

* * *

Мы спорили долго—до слезъ напряженья...
Мы были всѣ въ сборѣ и были одни:
А тяжкія думы, тоска и сомнѣнья
Измучили всѣхъ насъ въ послѣдніе дни...
Здѣсь, въ нашемъ кругу, на свободное слово
Никто самовластно цѣпей не ковалъ,
И слово лилось, и звучало сурово,
И каждый изъ насъ, говоря, отдыхалъ...

Но странно—собратья по общимъ стремленьямъ,
И спутники въ жизни на общемъ пути—
Съ какимъ недовѣрьемъ, съ какимъ озлобленьемъ
Другъ въ другѣ врага мы старались найти!
Не то же ли чувство насъ всѣхъ согрѣвало—
Любовь безъ завѣта къ отчизнѣ родной—
Не то же ли солнце надежды сіяло
Намъ въ жизни, окутанной душною мглой?...

Печально ты нашему спору внимала...
Порою, когда я смотрѣлъ на тебя,
Казалось мнѣ, будто за насъ ты страдала
И что-то сказать намъ рвалася, любя;
Ночь мчалась... за бѣлымъ окномъ разгорался
Разсвѣтъ... Умирала звѣзда за звѣздой...
Свѣтъ лампы, мерцая, краснѣлъ и сливался
Съ торжественнымъ блескомъ зари золотой,—
И молча тогда подошла ты къ рояли,
Коснулась задумчиво клавишъ нѣмыхъ,
И страстная пѣсня любви и печали,
Звеня, изъ-подъ рукъ полилася твоихъ...

Что́ было въ той пѣснѣ твоей, прозвучавшей
Упрекомъ и грустью надъ нашимъ кружкомъ
И сердце мое горячо взволновавшей
И чистой любовью, и жгучимъ стыдомъ,—
Не знаю... Безсонная ночь ли сказалась,
Больные ли нервы играли во мнѣ—

Но грудь отъ скопившихся слезъ подымалась,
Минута—и хлынули страстно онѣ...
Какъ будто бы кто-то глубоко правдивый
Вошелъ къ намъ озлобленнымъ, жалкимъ,
больнымъ,
И сталъ говорить—и воскресшій, счастливый
Кружокъ нашъ въ восторгѣ замолкъ передъ нимъ.

Поддѣльные стоны, крикливыя фразы,
Тщеславье, звучавшее въ нашихъ рѣчахъ,—
Все то, что дыханьемъ незримой заразы
Жизнь сѣетъ во всѣхъ, даже въ лучшихъ сердцахъ,
Все стихло—и только одно лишь желанье,
Одинъ лишь порывъ запылалъ въ насъ огнемъ—
Всю душу отдать на борьбу и страданье,
Но только бы дрогнула полночь кругомъ!...
О, другъ мой, намъ звуки твои показали
Всю ложь въ насъ, до нихъ—незамѣтную намъ,
И крѣпче другъ другу мы руки пожали,
Съ зарей возвращаясь къ обычнымъ трудамъ.

Надъ могилой И. С. Тургенева.

Тревожные слухи давно долетали;
Бѣда не подкралась къ отчизнѣ тайкомъ,—
Бѣда шла открыто, мы всѣ ее ждали;
Но всѣхъ взволновалъ разразившійся громъ.
И такъ ужъ немного вождей остается,
И такъ ужъ безлюдье насъ тяжко гнететъ,
Чье-жъ сердце на русскую скорбь отзовется,
Чья мысль ей укажетъ желанный исходъ?...

Больной и далекій,—въ послѣдніе годы
Немного ты далъ намъ, учитель и другъ:
Понять наши стоны и наши невзгоды
Тебѣ помѣшалъ безпощадный недугъ.
Но жилъ ты—и вѣрилось въ русскую силу,
И вѣрилось въ русской души красоту,—
Сошелъ, побѣжденный страданьемъ, въ могилу,
И нѣтъ тебѣ смѣны на славномъ посту.

Не здѣсь, не въ мерцаньи свѣчей погребальныхъ
Не въ пестрой толпѣ, не при громѣ рѣчей,
Не въ звукахъ молитвъ заунывно-печальныхъ,
Поймемъ мы всю горечь утраты своей:—
Поймемъ ее дома, поймемъ надъ строками
Высокихъ и свѣтлыхъ твореній твоихъ,
Заслышавъ, какъ сердце трепещетъ слезами,—
Слезами восторга и чувствъ молодыхъ!...

И долго при лампѣ, вечерней порою,
За дружнымъ и тѣснымъ семейнымъ столомъ,
Въ студенческой кельѣ, въ саду надъ рѣкою,
На школьной скамейкѣ и всюду кругомъ—
Знакомыя будутъ мелькать намъ страницы,
Звучать отголоски знакомыхъ рѣчей,
И, словно живыя, вставать вереницы
Тобою возсозданныхъ русскихъ людей!...

На могилѣ Герцена.

(Посвящается Н. А. Бѣлоголовому).

1.

На полдень отъ нашего скуднаго края,
Подъ небомъ цвѣтущей страны,
Гдѣ въ желтыя скалы стучитъ, не смолкая,
Прибой средиземной волны,
Гдѣ лѣсъ апельсиновъ изломы и склоны
Зубчатыхъ холмовъ осѣнилъ,
И Ницца на солнцѣ купаетъ балконы
Своихъ бѣломраморныхъ виллъ,—
Есть хмурый утесъ: словно чуткая стая
На отдыхъ слетѣвшихся птицъ,
Бѣлѣетъ на немъ, въ цвѣтникахъ утопая,
Семья молчаливыхъ гробницъ.

2.

Едва на востокѣ заря просіяетъ
За синею цѣпью холмовъ,
Туда она первый свой отблескъ роняетъ—
На мраморъ могильныхъ крестовъ.
А ночью тамъ дремлютъ туманы и тучи,
Волнами клубящейся мглы,
Какъ флеромъ, окутавъ изрытыя кручи
Косматой и мрачной скалы.
И видно оттуда, какъ даль горизонта
Сливается съ зыбью морской,
И какъ серебрится на Альпахъ Пьемонта
Въ лазури покровъ снѣговой.
И городъ оттуда видать: подъ ногами
Онъ весь, какъ игрушка, лежитъ,
Тѣснится къ волнамъ, зеленѣетъ садами,
И дышетъ и жизнью кипитъ!...

3.

Шумна многолюдная Ницца зимою:
Движенья и блеска полна,
Вдоль стройныхъ бульваровъ нарядной толпою
За полночь пестрѣетъ она.
Гремятъ экипажи, снуютъ пѣшеходы,
Звенятъ мандолины пѣвцовъ,
Взлетаютъ фонтаны жемчужныя воды
Въ таинственномъ мракѣ садовъ,

И только скалистый утесъ, наклоненный
Надъ буйнымъ прибоемъ волны,
Какъ сказочный витязь, стоитъ погруженный
Въ свои одинокіе сны...
Стоитъ онъ,—и мрачныя тѣни бросаетъ
На радостно-свѣтлый заливъ,
И знойный мистраль шелеститъ и вздыхаетъ
Въ листвѣ ея пышныхъ оливъ.

4.

Пришлецъ, сѣверянинъ,—еще съ колыбели
Привыкнувъ въ отчизнѣ моей,
Къ тоскливымъ напѣвамъ декабрьской мятели
И шуму осеннихъ дождей,—
На роскошь изнѣженной южной природы
Глядѣлъ я съ холодной тоской,
И городъ богатства, тщеславья и моды
Казался мнѣ душной тюрьмой...
Но былъ уголокъ въ немъ, гдѣ я забывался:
Безсильно смолкая у ногъ,
Докучливымъ шумомъ туда не врывался
Веселья и жизни потокъ.
То былъ уголокъ на утесѣ угрюмомъ:
Подъ сѣнь его мирныхъ могилъ
Я часто, отдавшись излюбленнымъ думамъ,
Отъ праздной толпы уходилъ.

5.

Среди саркофаговъ и урнъ погребальныхъ,
Среди обветшалыхъ крестовъ
И мраморныхъ женщинъ, красиво-печальныхъ
Въ оградахъ своихъ цвѣтниковъ,—
Тамъ ждалъ меня кто-то, какъ я одинокій.
Какъ я на чужихъ берегахъ
Страдальческій образъ отчизны далекой
Хранившій въ завѣтныхъ мечтахъ.
Отлитый изъ мѣди, тяжелой пятою
На мраморный цоколь ступивъ,
Какъ будто живой, онъ вставалъ предо мною
Подъ темнымъ наметомъ оливъ.
Въ чертахъ—величавая грусть вдохновенья,
Раздумье во взорѣ нѣмомъ,
И руки на мѣдной груди безъ движенья
Прижаты широкимъ крестомъ...

6.

Такъ вотъ гдѣ боецъ, утомленный борьбою,
Послѣдній пріютъ ты нашелъ!
Сюда не нагрянетъ жестокой грозою
Душившій тебя произволъ.
Изъ скорбной отчизны къ тебѣ не домчится
Бряцанье позорныхъ цѣпей.
Скажи-жъ мнѣ: легко-ли, спокойно-ли спится
Тебѣ межъ свободныхъ людей?
Тебя я узналъ... Ты въ минувшіе годы
Такъ долго, такъ гордо страдалъ!
Какъ колоколъ правды, добра и свободы
Съ чужбины твой голосъ звучалъ.
Онъ совѣсть будилъ въ насъ, онъ звалъ на работу,
Онъ звалъ насъ сплотиться тѣснѣй,
Но былъ ненавистенъ насилью и гнету
Языкъ твоихъ смѣлыхъ рѣчей...

С. Г. ФРУГЪ.

Пѣсня жизни.

Много чарующихъ пѣсенъ
Въ сумракѣ зимнихъ ночей
Пѣла мнѣ няня, склоняясь
Надъ колыбелью моей.

Много и сказокъ чудесныхъ
Знала старушка моя.
Блѣдной, туманной толпою,
Дѣтскую душу плѣня,

Тихо вставали картины,
Образы шли чередой.
Помню: угрюмые замки...
Горы, объятыя мглой...

Витязи въ грозныхъ доспѣхахъ...
Теремъ колдуньи сѣдой...
Черныя свѣчи... могила...
Стоны мятели ночной...

Всѣ эти пѣсни и сказки,
Въ складѣ исконномъ своемъ,
Были съ началомъ обычнымъ,
Были съ обычнымъ концомъ:

Зло на добро ополчалось;
Долго борьба ихъ текла;
Долго страдала, томилась
Правда подъ бременемъ зла;

А подъ конецъ, торжествуя
Надъ побѣжденнымъ врагомъ,
Гордо вставала святая
Въ славѣ и блескѣ своемъ...

Славно тѣ пѣсни кончались,
Только, увы! никогда

Мнѣ до конца ихъ дослушать
Не удавалось тогда:

Слухъ мой за сказкою длинной
Скоро слѣдить уставалъ,
На сердце сумракъ ложился,
Сонъ мнѣ рѣсницы смежалъ...

*

Няня въ могилѣ уснула;
Годы прошли чередой;
Новую страшную сказку
Я услыхалъ надъ собой.

Новую страшную пѣсню
Жизнь надо мною поетъ.
Каждое слово отраву
Въ душу унылую льетъ:—

Каждое слово въ той пѣснѣ—
Стонъ изъ кровавыхъ могилъ
Сотенъ замученныхъ жизней,
Сотенъ загубленныхъ силъ.

Слово той пѣсни разящей,
Звукъ тѣхъ бичующихъ словъ
Громко звучатъ надъ вселенной
Вотъ ужъ семнадцать вѣковъ;

Громко звучатъ надъ вселенной
Рвутся въ людскія сердца...
Я не слыхалъ ихъ начала
И не услышу конца.

Вѣрю, что славенъ и свѣтелъ,
Полонъ побѣды святой
Будетъ конецъ этой пѣсни,
Пѣсни борьбы вѣковой.

Вѣрю я — тризну справляя
Надъ побѣжденнымъ врагомъ,
Правда святая воспрянетъ
Въ славѣ и блескѣ своемъ.

Только, увы! не услышу,
Какъ эта пѣснь дозвучитъ:
На сердце сумракъ мнѣ ляжетъ,
Сонъ мои очи смежитъ.

Сонъ роковой, непробудный,
Въ мракѣ одной изъ могилъ
Сотенъ замученныхъ жизней,
Сотенъ загубленныхъ силъ...

Легенда о чашѣ.

— «Скажи мнѣ, то правда-ль, родная:
Мнѣ дѣдушка нашъ говоритъ,
Что на небѣ чаша большая
Предъ божьимъ престоломъ стоитъ,
И съ каждой бѣдою, что̀ насъ постигаетъ
Отъ рукъ безпощадныхъ людей,
Въ ту чашу слеза упадаетъ
Со скорбныхъ Господнихъ очей.
Когда-же слезами до самаго края
Наполнится чаша святая,—
На землю Мессія придетъ,
Тотъ самый, чья слава въ молитвахъ поется,
Тотъ самый, котораго ждетъ не дождется
Такъ долго нашъ бѣдный народъ?»

*

— Да, милый, родной мой, то правда святая. —
Печально промолвила мать.
И смолкло дитя, размышляя,
Но скоро спросило опять:
— «Когда же, родная, когда же слезами
Ужъ будетъ та чаша полна?
Быть можетъ, въ ней сохнутъ тѣ слезы вѣками?
Быть можетъ... бездонна она?»
И полные кротости, полные ласки,
Невинные, свѣтлые глазки
На мать устремило дитя.
Но мать, головою поникнувъ, стояла,
Слеза на рѣсницахъ ея задрожала...
Вотъ, яркимъ алмазомъ блестя,
Спадаетъ слеза на головку родную,
Съ головки на лобикъ течетъ...
О, Боже! пусть въ чашу святую
И эта слеза упадетъ!...

Грядущее.

(Пророкъ Исаія).

Когда подъ гнетомъ смуты злобной
Въ когтяхъ вражды междоусобной
Лежала, гибели полна,
Обѣтованная страна;
Когда богатство, слава, сила,
Плоды великихъ дѣлъ и думъ,
Что мощь народная взростила,
Вспоилъ, вскормилъ народный умъ,
Все гибло въ буряхъ смуты дикой,—
Тогда возсталъ пророкъ великій,
Въ устахъ Господень громъ храня,
И слово, полное огня,
И слово, острое, какъ жало,
Свободно, громко зазвучало
Надъ изступленной и слѣпой,
Во тьмѣ коснѣвшею толпой...

И если смолкла рѣчь пророка,
Исчезъ и слѣдъ великихъ дѣлъ
И въ тьмѣ могилы одиноко
Священный прахъ его истлѣлъ;
И если горы и равнины
Обѣтованной Палестины,
Мѣста, гдѣ жилъ онъ, гдѣ страдалъ,
Гдѣ мощный гласъ его звучалъ,
Давно пустыней мрачной стали, —
Народной памяти скрижали
Слова завѣтныя хранятъ...
Внемлите, смертные! Изъ гроба,
Гдѣ кости бренныя лежатъ,
Слова безсмертныя звучатъ:
— «Придетъ пора—исчезнетъ злоба;
Одной ликующей семьей,
Подъ знамя свѣта и свободы,
Стекутся мирные народы,
И надъ воскресшею землей
Утихнетъ гулъ борьбы кровавой,
Угаснетъ пылъ вражды навѣкъ,
Иною доблестью и славой
Гордиться будетъ человѣкъ:
То будетъ доблесть думъ высокихъ,
То будетъ слава добрыхъ дѣлъ.
И тамъ, гдѣ въ мракѣ смутъ жестокихъ
Сверкала сталь и щитъ звенѣлъ,—
На тучныхъ нивахъ въ чистомъ полѣ
Высокій колосъ зашумитъ,
И пѣсня пахаря на полѣ
Отрадой свѣтлой зазвучитъ!...»

Рай.

Съ тоской и страхомъ покидая
Эдемъ, потерянный на вѣкъ,
На колыбель былого счастья
Глядѣлъ со скорбью человѣкъ.

Онъ видѣлъ: ночь—ясна, прекрасна,
Какъ въ мірозданья первый день—
На кущи райскія наводитъ
Свою мерцающую тѣнь;

Въ тиши ночной, въ сіяньи лунномъ,
Обрызганъ свѣжею росой,
Эдемъ безгрѣшный тихо дремлетъ,
Сіяя дѣвственной красой;

Изъ темныхъ гротовъ нѣжно льется
Волшебныхъ звуковъ стройный хоръ;
Имъ вторятъ плескомъ водометы,
Имъ вторитъ гуломъ эхо горъ...

То чья-то тѣнь мелькнетъ въ сіяньи,
То вспыхнетъ искорка въ тѣни...
Неувядающія розы...
Неугасимые огни...

Всей той же прелестью волшебной
Обитель райская полна,—
Но чѣмъ-то грустнымъ и пустыннымъ
Ужъ вѣетъ на душу она:

Свѣтлы, но мертвы эти звѣзды,
Что блещутъ въ синей вышинѣ;
Нѣтъ страсти въ пѣснѣ соловьиной
И грезъ въ полночной тишинѣ.

Лишь блѣдный страхъ съ нѣмою тайной
Пугливо бродятъ тамъ четой.
Эдемъ во мглѣ ночной мерцаетъ,
Какъ ликъ царевны молодой

На ложѣ пышномъ и прекрасномъ
Среди цвѣтовъ, среди лучей,
Но съ взоромъ тусклымъ и холоднымъ
На вѣки гаснущихъ очей...

Чего жъ лишился рай, нетлѣнный,
Неувядающій вовѣкъ?
И слышитъ смертный голосъ тайный:
— Тебя, безумный человѣкъ!

Тебя, души твоей пытливой,
Броженья чувствъ, огня страстей,
Твоей мечты, твоихъ порывовъ
И мысли пламенной твоей—

Того, что мертвымъ очертаньямъ
Нѣмой, недвижной красоты
Даетъ и смыслъ, и цѣль, и силу
Движеньемъ творческой мечты.

Уйди, оставь, изгнанникъ бѣдный,
Цвѣтущій рай, пустынный рай.
Возстань, иди въ пустыню міра,
Работай, мысли, созидай—

И высшей славы ты достигнешь:
Въ ея сверкающихъ лучахъ
Померкнетъ блескъ свѣтилъ полночныхъ;
Пустынный рай падетъ во прахъ;

Обитель новую, прекраснѣй,
Свѣтлѣй и выше обрѣтешь:
Въ эмблемы, въ лозунги нѣмые
Живую душу ты вдохнешь;

Крупинкѣ каждой, каждой каплѣ
Отдашь ты долгіе года
Тоски, лишеній, гнѣва, боли,
Борьбы, сомнѣній и труда,—

И будетъ каждая песчинка
Хранить вовѣки яркій слѣдъ

Твоихъ заботъ, твоихъ мученій,
Твоихъ немеркнущихъ побѣдъ...

Оставь же, смертный, не жалѣя,
Обитель смертной красоты!
Возстань, иди въ пустыню міра—
Рай будетъ тамъ, гдѣ будешь ты!...

* * *

Не говорите намъ: «Безсильна правда ваша:
Ужъ въ мірѣ уголка такого нѣтъ,
Куда-бы ни проникъ ея творящій свѣтъ,
А горькая, губительная чаша
Тлетворной лжи и злобы вѣковой
Еще полна, полна отравой роковой...
— Безсильна не она, безсмертная, святая,
Безсильны мы, пигмеевъ жалкій рой,
Безсиленъ голосъ нашъ, пугливый и глухой,
Чтобъ, адскій хоръ вражды и злобы заглушая,
Въ сердцахъ людскихъ огонь божественный зажечь.
Есть рѣчь, есть молніей сверкающая рѣчь.
Мечомъ архангела пылающее слово,
Изъ устъ пророческихъ и сладко, и сурово
Божественный глаголъ надъ міромъ зазвучитъ.
Внимая властному глаголу,
И мудрый голову невольно склонитъ долу,
И сильный въ ужасѣ дрожитъ;
Чертоги рушатся, какъ съ дрогнувшей вершины
По ребрамъ скалъ крутыхъ катящіяся льдины.
Крошится, какъ песокъ, нѣмыхъ темницъ гранитъ.
Какъ лепестки сухихъ вѣнковъ отъ дуновенья,
Безсильно сыплются оковъ стальныя звенья,
И новыхъ думъ огонь горитъ въ душѣ людской,
И новыхъ силъ родныхъ потокомъ вольнымъ льется...
Но голосъ тотъ, увы!—могучій и святой—
Въ тысячелѣтье разъ надъ міромъ раздается!...
Не намъ въ ладьѣ своей обтечь
Подъ грозной бурей жизни море
И правды вѣчной на просторѣ
Провозгласить святую рѣчь;
Въ убогій нашъ вѣнецъ ни терній,
Ни лавровъ пышныхъ не вплести.
Намъ пламень искоркой вечерней
Едва мерцаетъ на пути,
Сырая-ль туча пронесется,
Холодный вѣтеръ ли дохнетъ,—
Она замечется, забьется
И безъ слѣда навѣкъ замретъ.
Но непрерывно, неустанно,
Пока, хоть блѣденъ, одинокъ,
Еще мерцаетъ средь тумана
Нашъ робкій тусклый огонекъ,
Отдавшись вольному порыву
Взывать, о братья, будемъ къ вамъ.
Внемлите братскому призыву,
Усильте насъ, придите къ намъ!
Поднимемъ вмѣстѣ наше бремя,
Неволи робкій тяжкій гнетъ!
Скорбей и бѣдъ не вѣчно время,—
Господня правда къ намъ грядетъ!
Сквозь мракъ и сонъ, сквозь дымъ и пламя
Она несетъ святое знамя
И бичъ возмездія несетъ...
Она придетъ, она разсудитъ...
Она темницы отопретъ
И мертвецовъ отъ сна разбудитъ,
И къ воздаянью призоветъ—
За всѣ печали, скорби, боли,
За каждый день, за каждый мигъ
Невинныхъ слезъ во тьмѣ неволи
За каждый стонъ, за каждый крикъ...
. . . .

Fata morgana.

Не тамъ, гдѣ небеса палящимъ пышутъ зноемъ,
Исполнены нѣмой, безжизненной тоски,
Гдѣ красной пеленой, объятые покоемъ,
Безбрежно стелются горячіе пески;
Не тамъ, гдѣ караванъ, томимый жаждой жгучей,
Уныло тянется по розсыпи горючей,
И смуглый сынъ степей, угрюмый бедуинъ,
Пытливый чуткій слухъ напрасно напрягаетъ
И, каждый звукъ ловя, съ тоскою озираетъ
Безжизненную ширь сверкающихъ равнинъ,—
Не тамъ, но въ тихій часъ подъ блѣдною зарею,
Въ прохладной сочной мглѣ пестрѣющихъ долинъ,
Подъ небомъ сѣвера мнѣ грезится порою
Воздушный сонмъ тѣней и призрачныхъ картинъ...
Прощайте всѣ, съ кѣмъ пилъ я чашу круговую
За славу шумную, вѣнки и алтари:
Отъ грезъ моихъ былыхъ иду я въ даль нѣмую,
Иныхъ ищу цвѣтовъ, я жду иной зари...
Иная грезится мнѣ слава—тамъ за далью
Невѣдомыхъ равнинъ... не пламенемъ и сталью,
Не силой куплена жестокой и слѣпой:
Въ скрижаляхъ мудреца, въ созвучіяхъ поэта
Великой вѣстницей добра, свободы, свѣта
Является она предъ чуткою толпой.
Вѣнокъ ея сплетенъ не изъ цвѣтовъ могильныхъ,
Не надъ обломками возносится она,
Есть слуги у нея, но нѣтъ рабовъ безсильныхъ,
Молитва есть безъ слезъ, веселье безъ вина...
Не шуменъ пиръ ея, но вольная дорога

Ведетъ къ ея столу. Не спрашиваютъ тамъ:
Гдѣ родина твоя? Въ какого вѣришь Бога?
Кому служилъ твой мечъ, курился фиміамъ?...
Придите всѣ, кто жилъ со зломъ и тьмою споря,
Кто, къ истинѣ стремя всѣ помыслы свои,
Хоть каплю счастья влилъ въ потокъ людского горя,
Хоть малое свершилъ для правды и любви!...

И вотъ идутъ они—съ восхода и заката,
Съ полуденныхъ полей, отъ сѣверныхъ снѣговъ,
И въ шумномъ хорѣ ихъ я слышу голосъ брата,
Освобожденнаго отъ вѣковыхъ оковъ...
И онъ идетъ туда! И онъ...
Увы! я знаю,
Далекъ и, можетъ быть, несбыточенъ мой сонъ.
Но Боже! этимъ сномъ я жизнь свою питаю,
Когда и мракъ и смерть ползутъ со всѣхъ сторонъ,
Какъ свѣтлый херувимъ на сумрачныхъ могилахъ,
Мечта завѣтная встаетъ передо мной...
Не дай же ей сойти съ небесъ моихъ унылыхъ,
Не дай померкнуть ей въ душѣ моей больной!...

Прометею.

Я внимаю мучительнымъ стонамъ твоимъ,
И, съ глубокой тоскою въ груди
Я гляжу на громады скалы роковой,
На тяжелыя цѣпи твои...
О! Зевесъ былъ жестокій, безжалостный богъ,
Безпощадный во власти своей...
Но умолкни на мигъ, жертва мести слѣпой,
Посмотри на меня, Прометей!
Не укралъ я у Бога святого огня,
Не укралъ: онъ мнѣ самъ его далъ,
И нести его къ людямъ, въ міръ рабства и тьмы
И беречь, и хранить завѣщалъ.
Не укралъ я у Бога святого огня
И не даромъ его получилъ:
И слезами своими, и кровью своей
Я за этотъ огонь заплатилъ.
И донынѣ еще я плачу за него
И слезами, и кровью своей,
И не коршунъ одинъ грудь больную клюетъ,—
Сотни коршуновъ, тысячи змѣй
Въ беззащитное бѣдное сердце впились,
Рвутъ кровавыя раны мои...
О, что значитъ, въ сравненіи съ мукой моей,
Всѣ страданья, всѣ муки твои?!...

Н. М. МИНСКІЙ.

Наше горе.

Не въ ярко блещущемъ уборѣ
И не на холеномъ конѣ
Гуляетъ, скачетъ наше Горе
По нашей сѣрой сторонѣ.
Пѣшкомъ и голову понуря,
Въ туманно-сумрачную даль
Плетется русская печаль.
Безвѣстна ей проклятій буря,
Чужда хвастливая тоска,
Смѣшна кричащая невзгода.
Дитя стыдливаго народа,
Она стыдлива и робка,
Неразговорчива, угрюма,
И тяжкій крестъ несетъ безъ шума.
И лишь въ тѣни родныхъ лѣсовъ,
Подъ шопотъ ели иль березы,
Порой вздохнетъ она безъ словъ
И льетъ невидимыя слезы.
Намъ эти слезы безъ числа
Родная муза сберегла...

Геній и трудъ.

I.

У священнаго дуба молились они,
Злополучные пасынки неба:
«Сжалься, Зевсъ! Отъ дождей всѣ потухли огни,
Въ шалашахъ мерзнутъ дѣти... Нѣтъ хлѣба...
Сжалься! Въ дерево молніей жгучей ударь!
Дай огня! Очаги засвѣти намъ, какъ встарь».

II.

Такъ молилися люди. А боги
Пировали въ то время у Зевса-отца.
Оглашались ихъ смѣхомъ чертоги,
Въ кубки свѣтлые нектаръ лился безъ конца.
И за шумомъ рѣчей сладкозвучныхъ
Зевсъ не слышалъ моленій докучныхъ.

III.

Между тѣмъ въ отдаленной пещерѣ, трудясь,
Прометей замышлялъ роковое.

Онъ не вышелъ молиться, больнымъ притворясь,
Но его удержало иное.
Быстро старецъ о дерево дерево третъ;—
Ноютъ руки его, по лицу льется потъ.

IV.

И бормочетъ онъ: «Да, ты прекрасно,
О небесное пламя! Изъ тучъ безъ труда
Ты нежданно летишь, но напрасно
Люди долго стрѣлы твоей ждутъ иногда:
Въ мигъ одинъ мощный дубъ одолѣешь,
Но порой и лачугъ не жалѣешь.

V.

Нѣтъ, иной нуженъ людямъ огонь...» И старикъ
Не бросаетъ тяжелаго дѣла.
Вдругъ въ пещерѣ послышался радости крикъ.
Древесина, дымясь, почернѣла.
Дымъ, синѣя, свиваетъ кольцо за кольцомъ,
И упорные сучья пылаютъ огнемъ!....

VI.

Среди пира огонь этотъ смѣлый
Вдругъ увидѣли боги съ далекихъ небесъ.
Прерванъ пиръ. Зевсъ нашелъ свои стрѣлы.
Наказать дерзновеннаго мчится Гермесъ.
Но ужъ поздно: старикъ восхищенный
Все повѣдалъ толпѣ изумленной....

VII.

Долго въ тяжкихъ цѣпяхъ Прометей изнывалъ,
Искупая свой грѣхъ благотворный.
Но огня, имъ зажженнаго, Зевсъ не сковалъ:
Разгорался огонь непокорный.
И Олимпъ запылалъ, и наказанъ тиранъ,
И пришелъ человѣкъ, и раскованъ титанъ.

VIII.

Будьте-жъ трижды вы благословенны,
Утѣшенья земныя въ скитаньи земномъ:
Трудъ, будящій огонь вдохновенный,
И огонь, разбужонный упорнымъ трудомъ,
Слезы замысла, потъ исполненья,
И завѣтная кровь искупленья!

Жирондистъ.

(Къ картинѣ Мюллера).

Тронулась въ путь колесница позорная...
Узникъ, какъ снѣгъ, побѣлѣлъ.
Душу окутало облако черное,
Умъ отъ тоски онѣмѣлъ.
Онъ истомился за ночь безпредѣльную
Нечеловѣческихъ мукъ.
Лишь отдается въ немъ болью смертельною
Сердца усиленный стукъ.
Словно сквозь дымку тумана
Движется море головъ,
Слышится бой барабана,
Слышится топотъ шаговъ.
Все это ждалъ онъ, и все неожиданно
Какъ-то случилося вдругъ.
Люди бѣгутъ, какъ на праздникъ невиданный..
Всѣхъ ихъ любилъ онъ, какъ другъ!
Страшныя тѣни парятъ надъ душою,
Выплывутъ, снова нырнутъ...
Грудь наболѣвшую съ болью тупою
Медленно, медленно рвутъ.
Что-то рыдаетъ... Туманится взглядъ...
Мрачно и страшно... Назадъ, о, назадъ!...
Поздно... Напрасны тоска и рыданія...
Ахъ какъ свѣтло позади!
Вотъ промелькнуло какое-то зданіе—
Дрогнуло что-то въ груди...
Онъ наклонился. Глядятъ любопытные,—
Это родной его домъ.
Плачутъ тамъ мать и сестра... Беззащитныя!
Здѣсь, за любимымъ окномъ,
Первую книгу прочелъ онъ завѣтную:
Другомъ была ему книга дана,
Вечеромъ сѣлъ онъ и ночь непримѣтную
Съ нею провелъ онъ безъ сна.
Помнитъ: онъ всталъ обновленнымъ,
Къ другу скорѣй побѣжалъ;
Крѣпко въ порывѣ смущенномъ
Руку ему онъ пожалъ.
И полилися вдругъ слезы блаженныя...
День этотъ вмѣстѣ они провели,
Плача давали обѣты священные,
Въ жертву себя обрекли...
Бѣдный ребенокъ! Въ тотъ радостный день
Первую къ гробу прошелъ ты ступень.
Нѣту возврата... О, годы счастливые!
Гдѣ ихъ припомнишь теперь?...
Тише, о, тише, толпа... Терпѣливѣе!
Ждать ужъ недолго, повѣрь...
Вотъ показалися стѣны угрюмыя...
Помнитъ онъ: судьи сидѣли кругомъ—
Вѣру въ людей звали верхомъ безумія,
Сильнаго вѣрою—звали врагомъ.
Жадно они разметали
Счастья минувшаго прахъ;
Жадно могилу копали,
Рылись въ погибшихъ мечтахъ...
Нѣтъ, онъ не выдержалъ!... Въ сердцѣ кипѣвшая
Рвалась наружу гроза.
Все, что таила душа наболѣвшая,
Все имъ швырнулъ онъ въ глаза...

Зналъ, что проходитъ въ тотъ горестный день
Онъ предпослѣднюю къ гробу ступень.
Да, предпослѣднюю... Шумъ приближается.
Страшно!... Назадъ, о, назадъ!

. . . .

Поздно... Напрасны тоска и рыданія.
О, какъ свѣтло позади!
Бьютъ барабаны... Минута молчанія...
Что-то порвалось въ груди...
Снова ревущей грозою
Бурно ликуетъ народъ,
Все покрывается мглою,
Все завертѣлось...
Впередъ!
Выше держи свою голову блѣдную,
Ногу смѣлѣй подымай, не страшись...
Это прошелъ ты ступеньку послѣднюю...
Кончены мука и жизнь.
Ты-жъ успокой, о, родная земля,
Кости того, кто погибъ за тебя!

Предъ зарею.

Приближается утро, но еще ночь.
(Исаія гл. 21, 12).

Не тревожься, недремлющій другъ,
Если стало темнѣе вокругъ,
Если гаснетъ звѣзда за звѣздою,
Если скрылась луна въ облакахъ,
И клубятся туманы въ лугахъ:
Это стало темнѣй—предъ зарею...
Не пугайся, неопытный братъ,
Что изъ норъ своихъ гады спѣшатъ
Завладѣть беззащитной землею,
Что бѣгутъ пауки, что, шипя,
На болотѣ проснулась змѣя:
Это гады бѣгутъ—предъ зарею...
Не грусти, что во мракѣ ночномъ
Люди мертвымъ покоятся сномъ,
Что въ безмолвіи слышны порою
Только глупый напѣвъ пѣтуховъ
Или злое ворчаніе псовъ,
Это—сонъ, это—лай предъ зарею...

Пѣсни о родинѣ.

Пѣсня первая

I.

Не ждалъ меня корабль на лонѣ синихъ водъ,
Не плакалъ горько пажъ любимый
И вѣрный песъ не вылъ передъ замкомъ, у воротъ,
Когда «прости» странѣ родимой

Печально я шепталъ. Висѣло надъ землей
Тумановъ сѣрыхъ покрывало.
То было вешнимъ днемъ, и съ неба дождикъ злой
Чуть моросилъ бездушно-вяло.
Я засмѣялся вслухъ, припомнивъ, что весной
Зовемъ мы этотъ адъ суровый.
Весна, весна!... Увы въ моей странѣ родной
Звучитъ насмѣшкой это слово.
Весна!... Но нѣтъ весны въ отчизнѣ у меня—
Ни у людей, ни у природы.
И, глядя на тоску рыдающаго дня,
Невольно дѣтства вспомнишь годы...

II.

Я у окна стоялъ... Кругомъ сгущалась тьма,
И подъ покровомъ тьмы кромѣшной,
Какъ люди, мрачные тянулися дома,
Какъ тѣни, люди шли поспѣшно.
Я думалъ: вотъ прошло пять лѣтъ, пять лучшихъ лѣтъ,
Въ пылу надеждъ, въ чаду сомнѣній.
Но гдѣ священный прахъ, гдѣ въ сердцѣ тайный слѣдъ
Отъ тѣхъ восторговъ и томленій?
Съ отчизной отчего проститься мнѣ не жаль,
И отчего поля чужбины,
Какъ прежде, не влекутъ въ таинственную даль?
Увы, дрожащій листъ осины
Сильнѣе прикрѣпленъ къ родной землѣ, чѣмъ я,
Я—листъ оторванный грозою.
И я-ль одинъ?... Васъ всѣхъ, товарищи-друзья,
Сорвало бурею одною.
Кто скажетъ: почему? Мы-ль не громили ложь,
Мы-ль жертвъ не жаждали?... Нѣтъ края,
Такого въ мірѣ нѣтъ угла, гдѣ-бъ молодежь,
Всѣ блага жизни презирая,
Такъ честно, какъ у насъ, такъ рано обрекла
Себя служенью правдѣ строгой.
Жизнь чуть ли не дѣтьми насъ прямо повела
Тернистой подвиговъ дорогой.
Намъ сжалъ впервые грудь не женскихъ ласкъ восторгъ,
Не сладкій трепетъ страсти новой,
И первую слезу изъ дѣтскихъ глазъ исторгъ
Не взглядъ красавицы суровой.
Надъ скорбной родиной скорбѣвшія уста
Шептали первыя признанья;
Надъ прахомъ дорогимъ товарища-бойца
Звучали первыя рыданья;
Взамѣнъ безпечныхъ словъ бесѣды молодой
Мы совѣсть раскрывали нашу;
Взамѣнъ хмѣльной струи изъ чаши круговой
Мы испытаній пили чашу.
И что же? Гдѣ плоды всѣхъ подвиговъ? Кого
Нашъ пламень грѣлъ, кому онъ свѣтитъ?
Нѣтъ насъ честнѣй и нѣтъ злосчастнѣй никого...
Но почему?... О, кто отвѣтитъ!?...

а,

ілъ,

нъ лчилъ

ъ тобой

й судьбой,
ьи;

кдъ полна,

ья рѣчь,

атскій мечъ,

Сбылись проклятія... порывы и мечты
Изъѣла ржавчина безсилья.
Тоскливо жаждетъ грудь добра и красоты;
Не поднимаясь, бьются крылья...

IV.

О, въ этотъ грустный часъ, когда прощальный взглядъ
На край родимый я бросаю,
Когда и словъ и дѣлъ, и лицъ нестройныхъ рядъ
Тревожной мыслью воскрешаю,—
Какая скорбь и желчь мнѣ заливаютъ грудь!...
Какъ страшно вдругъ обнять мечтою,—
Что видѣлъ я въ пять лѣтъ и что, сбираясь въ путь,
Я покидаю за собою...
. . . .
Дѣтей толпу,—больныхъ, озлобленныхъ дѣтей,
Или мятущихся безцѣльно,
Иль тихо гибнущихъ безъ воли и страстей,
Съ тоскою въ сердцѣ безпредѣльной.
И старцевъ робкій сонмъ... Запуганы давно,
Безъ добродѣтелей, безъ вѣры,
Собою лишь живя, они всѣмъ льстятъ равно, —
Гражданской немощи примѣры.
А тамъ, вдали—его, титана, что къ землѣ
Прикованъ мстительной судьбою
И, вмѣсто коршуновъ, снѣдаемъ въ сонной мглѣ
Невѣжествомъ и нищетою.
Кто знаетъ, можетъ быть, уже давно титанъ
Забылъ свое происхожденье,
И жалобы забылъ и, ослабѣвъ отъ ранъ,
Дряхлѣетъ молча въ заточеньи...
Но нѣтъ, о, скорбное перо, остановись,
И сердце, въ грусти безысходной,
Предъ тайной высшею смиренно преклонись,
Когда безсиленъ умъ холодный...
. . . .

V.

Прощай, прощай, страна невыплаканныхъ слезъ,
Страна порывовъ неоглядныхъ,
Силъ неразбуженныхъ, неисполнимыхъ грезъ,
Страна загадокъ неразгаданныхъ:
Страна безмолвія и шумной болтовни,
Страна испуга и задора,
Страна терпѣнія и дѣтской хлопотни,
Страна неволи и простора;
Страна больныхъ дѣтей, безпечныхъ стариковъ,
Веселья мрачнаго, какъ тризна,
Ненужныхъ слезъ и жертвъ...
Прощай, о, сфинксъ! Прощай, отчизна!...

На Рейнѣ.

Пѣснь вторая.

I.

Холмы за холмами тѣснятся кругомъ
Въ туманахъ синѣютъ вершины;
Вдали, за рѣкой, на утесѣ крутомъ
Сверкаютъ на солнцѣ руины.
Сверкая, извилистый Рейнъ предо мной,
Какъ озеро, тихо струится
И въ берегъ отзывчатый мутной волной
Съ задумчивой лѣнью стучится.
И долго надъ Рейномъ сѣдымъ я сижу
Въ объятіяхъ сладкой истомы.
Вдругъ образъ мелькнулъ... Я невольно дрожу,—
Мнѣ слышится голосъ знакомый.
Не берегъ то шепчется съ сонной рѣкой,
Не вѣтеръ кустами играетъ:
То совѣсти голосъ—и жгучей тоской
Объята, душа замираетъ.
«Быстро рѣка многоводная
Въ краѣ полночномъ течетъ,
Волны лазурно-холодныя
Въ море чужое несетъ.
. . . .
«Скованъ языкъ негодующій,
Скованы крылья мечты...
Что-же, о странникъ тоскующій,
Тамъ не томишься и ты?...»

Въ туманы закутавшись, дремлютъ холмы.
Играетъ свѣтъ мѣсяца съ тучкою бѣлой.
Въ сосновую рощу, въ объятія тьмы,
Вхожу я стопою несмѣлой.
Высокія сосны безмолвно грустятъ,
О чемъ?—можетъ мѣсяцъ провѣдалъ украдкой.
Какія-то тѣни кругомъ шелестятъ.
И тихо, и жутко, и сладко...
Иду—замираютъ шаги. Впереди—
Чу!—шорохъ привѣтный: лепечутъ березы.
Иду и молчу. Накипаютъ въ груди
Счастливыя, дѣтскія слезы.
Но голосъ раздался—исчезли мечты...
Не вѣтеръ играетъ съ вершиной высокой:
То совѣсть, грозя изъ ночной темноты,
Мнѣ жгучіе шепчетъ упреки:

. . . .
«Дни, словно тучи безцвѣтныя,
Тянутся въ снѣжной глуши...
Гдѣ вы, мечтанья привѣтныя,
Гдѣ вы, друзья беззавѣтные,
Гдѣ вы, о силы души?—
«Стынутъ мечты животворныя,
Дремлетъ душа... А друзья?—
Спятъ по гробамъ непокорные;
А малодушно-притворные
Рейнъ воспѣваютъ, грустя...»

II.

Страшный день сегодня... Тамъ, въ душѣ смущенной.
Раздаются звуки пѣсни похоронной,
Кто-то безпощадный приговоръ читаетъ...
Кто-то плачетъ тихо... Кто-то умираетъ...
Самъ ли виноватъ я, рокъ ли такъ сложился,
Но клянусь, что къ правдѣ я всю жизнь стремился..
Что-жъ брожу безъ цѣли, какъ старикъ отжившій?
О, прости, товарищъ—ты, свой долгъ свершившій!...
Страшный день сегодня... Тамъ, въ душѣ смущенной,
Раздаются звуки пѣсни похоронной.
Знаю: это совѣсть приговоръ читаетъ...
Это юность плачетъ, счастье умираетъ...

Гимнъ рабочихъ.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!
Наша—сила, наша—воля, наша власть.
Въ бой послѣдній, какъ на праздникъ, снаряжайтесь.
Кто не съ нами, тотъ—нашъ врагъ, тотъ долженъ пасть.
Станемъ цѣпью вкругъ всего земного шара
И по знаку, въ часъ урочный, всѣ—впередъ!
Врагъ нашъ дрогнетъ, врагъ не выдержитъ удара,
Врагъ падетъ—и возвеличится народъ.
Міръ возникнетъ изъ развалинъ, изъ пожарищъ,
Нашей кровью искупленный новый міръ.
Кто работникъ, къ намъ за столъ! Сюда, товарищъ!
Кто хозяинъ, съ мѣста прочь! Оставь нашъ пиръ!
Братья-други, счастьемъ жизни опьяняйтесь!
Наше все, чѣмъ до сихъ поръ владѣетъ врагъ.
Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!
Солнце въ небѣ, солнце красное—нашъ стягъ.

П. Ф. ЯКУБОВИЧЪ.

(П. Я.) (М. Рамшевъ).

* * *

Страдай одинъ!... Въ себѣ носи!
Твои правдивыя мученья
И, точно нищій, не проси
У встрѣчныхъ взора сожалѣнья.
Слѣды унынья глубже спрячь
И въ день тоски, закрывши двери,
Въ тиши ночной, одинъ оплачь
Свои утраты и потери!
Страдай одинъ!... Въ твоей груди —
Не у людей твое спасенье:
Въ ея сокровищахъ найди
И свѣтъ, и гордое терпѣнье.
А если часъ ударилъ твой
И всѣ надежды пережиты, —
Ну, что-же? Сгибни, какъ герой,
Разбей свой кубокъ недопитый!

Матери.

Мнѣ снилось сегодня—въ безвѣстномъ краю
Въ слезахъ я родимую видѣлъ свою.
— «Скажи, мой желанный, скажи, дорогой,
Дождусь-ли тебя я, соколикъ, домой?
Взгляни: мои очи ослѣпли отъ слезъ,
И снѣга бѣлѣй стали пряди волосъ...
Все грезятся мнѣ на яву и во снѣ
Страданья твои въ чужедальной странѣ,
Все слышу бряцанье тяжелыхъ цѣпей,
Все вижу замки у дубовыхъ дверей;
За ними знакомыя поступь и рѣчь...
Нельзя мнѣ спокойно въ могилушку лечь!»
— О, матушка милая! Радъ бы душой
Тебя я утѣшить, вернуться домой...
Хоть были-бъ три жизни даны мнѣ въ удѣлъ
Всѣ-бъ отдалъ я, всѣ... и къ тебѣ полетѣлъ!
Но душу живую посмѣю-ль продать?
Могла ли-бъ меня ты за сына признать?

И слезы лились у родимой рѣкой,
И дряхлой качала она головой...

Матери.

Не плачь, о, мать моя, и сына не кори:
Не горе домъ твой посѣтило.
Съ тоской и горечью врагамъ не говори,
Что сына ты похоронила.
Но ты скажи, что духомъ онъ возсталъ
И что ему смѣшна ихъ злоба;
Что много насъ, что пасть иль побѣдить
Идемъ мы, не страшась гоненья.
Что мы свободу вѣчную купить
Идемъ цѣною пытокъ и мученья.
О, мать моя, ты можешь ли понять
Слова мои, стремленья гражданина,
Иль, умирая, будешь повторять,
Что раньше схоронила сына?

Матери.

Орлица дѣтище свое
Въ разсѣлинѣ скалы укрыла.
Окрѣпъ птенецъ—и, быстрокрылый,
Умчался, позабывъ ее.

Ей не догнать его! Въ движеньи
Мятежныхъ браней и удачъ
Ему-ль доступно сожалѣнье?
— Не плачь, о, мать моя! Не плачь!

Настанутъ дни—худой и блѣдный,
Во прахъ низвергнется боецъ,
И съ головы его побѣдной
Сорвется праздничный вѣнецъ.

Тогда-то въ дни ночей темнѣе,
Забытъ, осмѣянъ, заклейменъ,
Средь милыхъ тѣней и именъ
Всего теплѣй, всего нѣжнѣе

Тогда тебя я вспомяну,
Тебя, кто душу далъ мнѣ въ мукахъ,
И въ лебединыхъ струнныхъ звукахъ
Свою безпечность прокляну!...

Портретъ.

Странная дѣвушка... Вѣчно веселая,
Какъ ты свой вѣкъ прожила?
Голосъ серебряный, косы тяжелыя,
Смертная блѣдность чела...
Изъ-подъ бровей, округленныхъ рѣшительно,
Звѣзды сіяютъ очей;
Смѣхъ неустанный звучитъ заразительно,
Какъ у безпечныхъ дѣтей.
Что̀ означаетъ онъ? Какъ эту ясную
Душу въ себѣ ты спасла?
Мимо-ль тебя съ непогодой ужасною
Темная туча прошла?
Часто казалось мнѣ—думой унылою
Вдругъ омрачалось чело:
Мигъ—и улыбкою дѣтскою, милою
Снова, глядишь, расцвѣло!
Снова порхаешь ты птичкой болтливою
Между печальныхъ подругъ
И оживляешь бесѣдой шутливою
Ихъ затуманенный кругъ.
А, между тѣмъ, въ мою душу сомнѣніе
Черной змѣею ползетъ:
Слава о тяжкомъ крестѣ и терпѣніи
Вслѣдъ за тобою идетъ.
Вонъ позади тебя, тёрномъ повитая,
Молодость грустно стоитъ,
Сны золотые, до срока убитые
Злобой неправдъ и обидъ.
А впереди,—о, какая глубокая
Тьма неразсвѣтныхъ ночей!
Жизнь догоритъ, какъ свѣча одинокая,
Жизнь далеко отъ друзей!
Что-же смѣешься ты, плача достойная?

Чаша еще-ль не полна?
Тише!... Веселость твоя безпокойная
Мнѣ, какъ рыданье, страшна!

* * *

Проснись, проснись, дитя мое,
Отъ сладкихъ сновъ и грёзъ!
Твой пиръ готовъ—уже сплетенъ
Вѣнокъ колючихъ розъ.

Спѣши-жъ въ тотъ городъ роковой,
Гдѣ, какъ безумный бредъ,
Проходитъ лучшій жизни сонъ,
Безъ боли—счастья нѣтъ!

Спѣши бороться и страдать,
И пламенно любить,
И жертвой жертвы не считать
И лишь для жертвы жить!

Но свѣтелъ будетъ твой вѣнецъ
Изъ перловъ тайныхъ слезъ...
Проснись, дитя мое, проснись
Отъ сладкихъ сновъ и грезъ!

* * *

Дороже райскихъ благъ, всего, друзья, что есть
Для васъ святого во вселенной,
Сокровищъ больше всѣхъ цѣните вашу честь,
Души алмазъ неоцѣненный!
Блюдите этотъ кладъ, какъ дѣвушка свой стыдъ,
Отъ юныхъ дней и до могилы,
И пусть ни злато васъ собою не прельститъ,
Ни поцѣлуй и смѣхъ Далилы!
Ни слезы матери, ни дряхлый вѣкъ отца,
Ни видъ уже готовой казни
Пусть вашей гордости не сломятъ до конца,
Открывши сердце для боязни!
Не вѣрьте разуму, когда онъ скажетъ вамъ,
Что не измѣна—ходъ лукавый,
Что можно смыть съ души вины случайный срамъ
Годами подвиговъ и славы.
Не вѣрьте: слабости то шепчетъ духъ больной,
Прикрывшись логики личиной...
Бойцу прилично быть не робкою женой,
А чуждымъ трепета мужчиной!

И если побѣдитъ сомнѣнья горькій часъ,
И роковое зло свершится —
О, знайте: нѣтъ людей, навѣкъ несчастнѣй васъ,
И лучше-бъ въ міръ вамъ не родиться!...
Ничто, ничто печаль души не усыпитъ —
Она растетъ, растетъ съ годами...
Довольный врагъ вамъ жизнь, свободу возвратитъ,
Осыплетъ золотомъ, дарами.
Свобода будетъ васъ душить, какъ сводъ тюрьмы,
Червонцы руки жечь вамъ станутъ;
Друзья... о, скорбь! о стыдъ!—друзья, какъ отъ чумы,
Отъ васъ испуганно отпрянутъ.
Потупитъ взоръ отецъ; мать, дорогая мать,
Родникъ прощенья безконечный,
Грустя о васъ, очей не будетъ осушать...
Міръ обречется въ трауръ вѣчный!

Но пусть простятъ друзья, иль пусть молчитъ пока
Легенда вашего позора:
Коснется-ль вашихъ рукъ товарища рука—
Вы стыдъ почувствуете вора.
Во взглядѣ любящемъ прочтете вы укоръ,
Въ бесѣдѣ дружбы—подозрѣнье.
Все кто-то будетъ вамъ шептать: «Позоръ! позоръ!
Презрѣнье, вѣчное презрѣнье!»

Чрезъ много, много лѣтъ, когда попавъ опять
Въ водоворотъ борьбы кипучей,
Найдете счастье вы, какое можетъ дать
Бойцу вѣнецъ его колючій,
Не разъ, какъ божій громъ съ безоблачныхъ небесъ,
Какъ адскій духъ средь кущей рая,
Мелькнетъ забытый сонъ... И солнца свѣтъ исчезъ,
И сердце сжала боль тупая...
. . . .

Пловцы.

Братья-писатели! въ нашей судьбѣ
Что-то лежитъ роковое...
Н. Некрасовъ.

«Не пора ли отдохнуть, о, братья?
Мракъ глубокъ, не видно маяка.
Шевелятся на душѣ проклятья,
Замерла усталая рука.
«Нѣтъ ни силъ, ни бодрости, ни воли!
Бросимъ весла! Руль—игрушка волнъ!
Тщетны крики нестерпимой боли,
Гибни, гибни, беззащитный челнъ!»

Такъ въ борьбѣ, покинуты любовью,
Сколько разъ стонали мы—и вновь
Въ пылкомъ сердцѣ, истекавшемъ кровью,
Воскресали силы и любовь.
Сколько разъ мы опускали руки,

Сколько разъ бросали буйный споръ—
И опять съ отвагой шли на муки,
На борьбу за свѣтъ и за просторъ!
Поднимали снова правды знамя,
Сѣя въ души тѣ лучи-слова,
Отъ которыхъ жизни ярче пламя,
Даль свѣтлѣй и выше голова!...

Битва жизни.

Ахъ, безъ жизни проносится жизнь вся моя!...
Поглощаемый мутною тиною,
Я борюсь день и ночь, самъ себѣ—и судья,
И тюрьма, и палачъ съ гильотиною.
И мучительный сонъ на яву и во снѣ
Не даетъ мнѣ покоя желаннаго:
Вижу въ полѣ широкомъ уснувшихъ бойцовъ
Послѣ дѣла великаго, браннаго.
Ночь беззвучно плыветъ надъ печальной землей,
Уходя въ вышину безпредѣльную;
Мѣсяцъ смотритъ изъ тучъ—дикій ужасъ разлилъ
По лицу его блѣдность смертельную...
Съ головами разбитыми къ небу лицомъ,
Посинѣвшіе, кровью облитые.
Тихо спятъ мертвецы; безотвѣтно глядятъ
Ихъ глаза неподвижно раскрытые.
Словно блѣдная тѣнь, словно призракъ нѣмой,
Обхожу я поляны ужасныя
И считаю—не знаю зачѣмъ—мертвецовъ
И гляжу на ихъ лица безстрастныя...
— О, все милыя лица! Все братья, друзья,
Все черты дорогія и близкія!

Всѣ отважно погибли, какъ слѣдуетъ пасть
Тѣмъ, въ комъ жили не помыслы низкіе,
А одна неподкупная, свѣтлая страсть
И одно лишь желанье великое,
Чтобы солнцу любви и свободы святой
Уступило насиліе дикое!
Точно призракъ ночной, точно блѣдная тѣнь,
Я иду чрезъ поляны унылыя...
— О, рыдай, моя пѣсня: все братья, друзья,
Все черты дорогія и милыя!

Обезумѣвъ отъ горя, упасть я хочу
Съ громкимъ воплемъ на землю холодную,—
Ей повѣдать всю лютую злобу мою,
И любовь и тоску безысходную.
Наклонившись, хочу я страдальцевъ обнять.
Вдругъ... О, ужасъ! ихъ лица безстрастныя
Стали темны, какъ ночь... На недвижныхъ устахъ
Зазмѣилась усмѣшка ужасная...
И объятому трепетомъ, чудится мнѣ
Шопотъ злобный, упреки суровые:
«Гдѣ ты былъ, когда въ битву мы грозную шли,
Побѣдить иль погибнуть готовые!
«Отчего не лежитъ твой истерзанный трупъ
Рядомъ съ нами, погибшими братьями?
Отчего ты, какъ воръ, лишь во мракѣ ночномъ
Къ намъ приходишь съ своими объятьями?
«Что́ намъ въ злобѣ твоей, хоть и нѣтъ ей конца,
Что́ тоска намъ твоя безысходная?
Пѣсни скорбныя громко умѣешь ты пѣть,
Но страшна тебѣ смерть благородная!
«Уходи, уходи! намъ противны, смѣшны
Оправданья твои малодушныя...
«Гдѣ ты былъ, когда въ бой мы безтрепетно шли,
Зову чести и долга послушные?
«О, уйди же, уйди... Мы не знаемъ тебя!..»

И помчался я въ даль безпредѣльную...
Мѣсяцъ сумраченъ плылъ... дикій ужасъ разлилъ
По лицу его блѣдность смертельную.
Руки горько ломая, я въ небо глядѣлъ,
Будто вѣря, что, зову послушное,
Усыпитъ оно скорбь мою, жгучую скорбь;
Но синѣло оно равнодушное,
Равнодушно взирая на правду, на ложь
И на все, что подъ бурею клонится,
И на все, что ликуетъ, царитъ и гнететъ—
Ни мольбой, ни проклятьемъ не тронется!
Я бѣжалъ, словно гнался невѣдомый врагъ—
По пятамъ моимъ мертвой поляною:
Брань и крики его, какъ отточенный ножъ
Наносили мнѣ рану за раною,
И напрасно пощады вымаливалъ я...

— Такъ безъ жизни проносится жизнь вся моя
Поглощаемый мутною тиною,
Я борюсь день и ночь, самъ себѣ—и судья,
И тюрьма, и палачъ съ гильотиною!...

Памяти Бѣлинскаго.

(Къ 50-лѣтней годовщинѣ смерти).

Я помню этотъ сонъ прекрасныхъ юныхъ дней
(Я уберегъ его подъ вихремъ непогоды!):
Могучій храмъ стоялъ въ родной землѣ моей.—

И ночь, и день пылалъ въ немъ жертвенникъ свободы.

Какимъ величіемъ и помысловъ, и дѣлъ
Я надѣлялъ жрецовъ,—тамъ, на горѣ стоящихъ!
Звукъ каждый слова ихъ въ душѣ моей горѣлъ,
Какъ отблескъ ихъ сердецъ, на высотѣ парящихъ.
Мнѣ говорила жизнь: «Не вѣрь! Смотри—твой жрецъ
И силѣ гимнъ поетъ, и злу кадитъ свободно,
А надъ свободою глумится всенародно....
Ему-ль присталъ изъ терніевъ вѣнецъ?»

Не разъ я унывалъ, лица поднять не смѣя!
Но грёза юныхъ дней, съ побѣднымъ торжествомъ,
Вновь пѣла мнѣ:
— «Пускай порой и фарисея
Курится фиміамъ на алтарѣ святомъ,
И волки хищные подъ видомъ агнцевъ бродятъ...
Забвенье—ихъ удѣлъ за жизненной чертой!
Въ святилище сердецъ лишь тѣ, какъ боги, входятъ,
Чьи думы далеки отъ пошлости мірской!—
Судьбы избранники, съ душой неоскверненной,
Любовь свою чужимъ отдавшіе скорбямъ,—
Чьимъ мукамъ чистымъ и слезамъ
Поклонится потомокъ отдаленный!...»

Тукъ-тукъ.

Онъ вернулся, мой старый, проклятый кошмаръ:
Загремѣла тяжелая дверь—
И опять я одинъ въ ненавистныхъ стѣнахъ
Какъ въ ловушку захлопнутый звѣрь!
Все какъ прежде: съ тройною рѣшеткой окно
И со сводомъ глухимъ потолокъ...
Тускло свѣтитъ ночникъ; въ тишинѣ гробовой
Громко кровь ударяетъ въ високъ.
Словно кто-то, настойчивый, злобно твердитъ:
«Нѣтъ возврата! Надеждамъ конецъ!
Молчаливою бездной навѣкъ отдѣленъ
Ты отъ міра живыхъ, ты—мертвецъ.»
Вдругъ я вздрогнулъ... Прислушаться жадно спѣшу...
Чу! невнятный, таинственный звукъ...
Будто кто-то въ стѣнѣ молоточкомъ стучитъ:
«Кто ты? Кто ты, товарищъ? Тукъ-тукъ!»
И къ холодному камню, дрожа, я приникъ.
«Братъ! ужъ близокъ послѣдній мой часъ.
Врагъ жестокій, не зная пощады, терзалъ—
Я разбитъ, но я честь мою спасъ.
Если родину ты повидаешь опять—
Ей снеси мой прощальный привѣтъ,
Братьямъ милымъ скажи...»
Молоточекъ замолкъ...
Что съ тобой, мой печальный сосѣдъ?
Какъ угроза, въ дверяхъ злобно щелкнулъ глазокъ,—
И вскочилъ я, какъ раненый звѣрь...
. . . .
— Нѣтъ, не сдамся, не сдамся я вамъ, палачи,
Вы могли мое тѣло сковать,
Но свободную душу безсильны убить—
Не хочу я, не буду молчать!
Что-то грудь мнѣ сдавило желѣзнымъ кольцомъ.
— Ахъ!...—и сбросилъ я тягостный гнетъ.
То былъ сонъ!...
Но отъ боли я вновь застоналъ:
Наяву тотъ же ужасъ гнететъ!
Безъ рѣшетокъ тюрьма и безъ каменныхъ стѣнъ,
Но безмолвіе то же вокругъ...
Лишь, порой, заглушенный призывъ долетитъ:
«Братъ, ты слышишь? Откликнись! Тукъ-тукъ!»

* * *

Товарищи, братья, друзья,
Не падайте гордой душою!
Ходите, веселость храня,
И съ поднятой вверхъ головою.

Не разъ налетитъ ураганъ,
Вашъ камень съ горы низвергая,
Но вы, какъ могучій титанъ,
Работайте, рукъ не слагая!

Услышатъ пророковъ иныхъ
Въ годину тоски и сомнѣній,
Но вы не оставьте для нихъ
Святого труда поколѣній!

Да ваши знамена прямѣй
Въ рукахъ неподкупныхъ держите
И ихъ чистотою сильнѣй
Свободы своей дорожите!

Поставьте ихъ выше всего,
Что знаете въ мірѣ святого,—
И блага отца своего
И сердца горячаго зова!

* * *

Оборванъ у музы цвѣтущій вѣнокъ,
И звучныя пѣсни допѣты.
Зловѣще молчанье, и сумракъ глубокъ...
— О, геній поэзіи, гдѣ ты?
Гдѣ голосъ твой прежній, что юность зажечь
Умѣлъ вдохновеньемъ и страстью,—
Свободная, смѣлая, честная рѣчь
Съ ея обаяньемъ и властью?
Ужели навѣкъ ты отъ насъ отвратилъ
Свой ликъ лучезарно-прекрасный,
И свѣтъ твой не утра предвѣстникомъ былъ,
А ночи тревожно-ненастной?

О, нѣтъ! эти тучи безсилья и сна
Промчатся надъ родиной бѣдной,
И снова придешь ты, какъ жизни весна,
Въ сіяніи власти побѣдной...
И пѣсня, поникшая грустно челомъ,
Какъ птица въ предчувствіи бури,
Очнется внезапно, ударитъ крыломъ,—
И гордо взовьется къ лазури!

Сонъ на чужбинѣ.

На чужбинѣ далекой тоскуя вдвоемъ,
Мы, какъ дѣти, однажды тихонько болтали
Въ полумракѣ вечернемъ о горькомъ быломъ
(Нашей старой, но все еще свѣжей печали!)
«Нѣтъ! тѣхъ дней я забыть не могу никогда,
Никогда не прощу!—ты, блѣднѣя, шептала;—
Ни одна впереди не мерцала звѣзда,
Умъ мѣшался, душа умирала.
«Днемъ и ночью шумѣла рѣка подъ окномъ,
Шевелясь, точно лапы чудовищъ враждебныхъ.
Рѣкъ такихъ мы въ краю не видали родномъ,
Развѣ въ грезахъ иль сказкахъ волшебныхъ.
«Величавый, холодный, безлюдный просторъ...
Наша лодка, да влажныя, черныя бездны,
Да по берегу стѣны отвѣсныя горъ...
О возвратѣ мечты безполезны!
«За утесомъ-гигантомъ вздымался утесъ,
Все безмолвнѣй, угрюмѣй, печальнѣй;
Все на сѣверъ потокъ насъ безжалостный несъ,
Дальше, дальше отъ родины дальней.
«Разъ я помню, подъ гнетомъ безумной тоски,
Вся пронизана влагой холодной,
Я заснула подъ мѣрные всплески рѣки
И приснилось мнѣ: вновь я свободна!...
«Я лечу, будто птица... Мелькаютъ вокругъ
Занесенныя снѣгомъ равнины...
Я лечу на желанный сверкающій югъ
Изъ холоднаго мрака чужбины.
«Ближе, ближе родная страна—
Небо блещетъ лазурью и свѣтомъ...
Сердце чуетъ: весна, золотая весна!—
Пахнетъ бѣлой акаціи цвѣтомъ.
«Вотъ и Днѣпръ, утонувшій въ вишневыхъ садахъ,
Засверкалъ бирюзою... Я вся задрожала!
И, на берегъ родимый упавши въ слезахъ,
Долго, жадно его цѣловала!

. . . .

Я очнулась на мрачной, холодной рѣкѣ—
Волны съ грознымъ нахлынули плескомъ.
Сердце билось въ груди, словно птица въ силкѣ,
Еще полное радостнымъ блескомъ
«И казалось въ тотъ мигъ: если-бъ родину я
Не во снѣ—на яву увидала,
Я упала-бъ на землю и слезъ не тая
Цѣловала ее, цѣловала!»
Милый голосъ во тьмѣ, какъ струна, зазвенѣлъ—
Ты внезапно замолкла угрюмо.
И утѣшить тебя я, мой другъ, не умѣлъ,
Полонъ той же мучительной думой!...

Кузнецы.

Мѣхъ гудитъ и дышитъ шумно,
Близъ горна кромѣшный адъ,
Въ пляскѣ бѣшено-безумной
Милліоны искръ летятъ.
Скачутъ огненныя стрѣлы,
Спѣетъ варъ,—и блескъ, и шумъ!
Плавны, быстры и умѣлы
Взмахи молота: дзинъ! бумъ!

Вотъ кузнецъ. Онъ весь—забота,
Черенъ, страшенъ, будто гномъ;
Щеки, мокрыя отъ пота,
Краснымъ свѣтятся огнемъ.
Ломитъ спинушку больную,
Очи жжетъ, мутится умъ;
Но кормилицу мірскую—
Соху онъ куетъ: дзинъ! бумъ!
Крѣпче, ноженьки, держите,

Не катись, слеза, изъ глазъ!
Духи мрака, кровь сосите,
Но блесни и свѣтлый часъ.
Чу! какъ будто ада звуки....
Грохотъ, пламя, лязгъ и шумъ...
А натруженныя руки
Ходятъ весело: дзинъ! бумъ!

Такъ и вы, друзья народа,
Кузнецы земли родной,

Стойте бодро въ дни невзгоды
У горна борьбы святой!
Пусть грохочетъ непогода:
Молотъ вашихъ мышцъ и думъ
Счастье выкуетъ народа,
Волю-долю... Дзинъ-дзинъ! бумъ!

Юношѣ.

Если, чувствуя вѣры священное пламя,
Знаешь ты, что не въ силахъ его погасить
Ни друзья, ни враги, что великое знамя
Въ битвѣ правой нести для тебя значитъ—жить,
Что любить, не страдая душой, невозможно
Для того, кому чуткое сердце дано,
А спокойное счастье преступно и ложно,
Разъ повсюду кругомъ безотрадно-темно;
Если такъ, о, мой братъ,—не сдавайся трусливо:
Жизнь борьба, а не рабство... Коль есть
Капля силы—борись! Сбереги горделиво
До конца свою вѣрность святынѣ и честь!

* * *

Разсѣянъ мракъ—завѣса поднята,
И въ первый разъ я сознаю безъ страха,
Что умерла о счастіи мечта,
И не подняться ей изъ праха!
Что сожалѣніе смѣшно,
И лишь дитя такъ долго стонетъ
О томъ, что разъ погребено:
Пусть мертвыхъ мертвые хоронятъ!
Что намъ до мертвыхъ? Разбудить,
Воззвать ихъ къ жизни мы не въ силахъ.
Пока есть капля крови въ жилахъ,
Не будемъ плакать на могилахъ,
Идемъ бороться, мыслить, жить!
Тамъ, гдѣ тревоги и ненастья,
Тамъ счастье любящимъ сердцамъ,
Удѣлъ же призрачнаго счастья
Оставимъ трусамъ и глупцамъ!

* * *

Я твой, земля! Твои страданья,
Твои восторги близки мнѣ,—
Былинки мирное шуршанье
И ропотъ грома въ вышинѣ.

Въ пучинахъ звѣздъ мечтою вольной
Люблю я, какъ въ волнахъ, нырять,
Но страшно мнѣ отчизнѣ дольной
Прости послѣднее сказать!

Что мнѣ небесъ обѣтованья?...
О, мать-земля! Я твой, я твой:
Приму я крестъ, приму страданье,
Но жизнью жить хочу земной!

И если тамъ, въ странѣ безвѣстной
Иная жизнь и счастье есть,—
Хотѣлъ бы силой я чудесной
И новый міръ, и рай небесный
Сюда, на землю, перенесть!

Веселый лучъ.

Веселому лучу денницы золотой
Однажды удалось въ окнѣ тюрьмы глухой
Минутнымъ гостемъ появиться.
И узнику ея шепталъ онъ съ вышины,
Что всюду по землѣ промчался богъ весны,
Что все должно перемѣниться.

«Ужъ цѣпи я сорвалъ съ гремучаго ручья,
«Ужъ пухомъ зелени луга украсилъ я,
«Уже проснулся и глядится
«Въ лазури вешнихъ водъ еще прозрачный лѣсъ,
«И жаворонка пѣснь звенитъ среди небесъ,
«И все должно перемѣниться!»

И, чу! Вотъ подъ окномъ безпеченъ и шумливъ,
Промчался птичекъ рой, крича наперерывъ
О томъ, какъ весело рѣзвиться,
О тепломъ солнышкѣ, о травкахъ полевыхъ...
Всѣ пѣли радостно, что въ вольномъ царствѣ ихъ
Все, все должно перемѣниться!

И вдругъ, навстрѣчу имъ, и тамъ, въ душѣ больной,
Давно замученной, какъ трупъ давно нѣмой,
Въ своихъ цѣпяхъ уставшей биться,
Пѣвецъ таинственный (откуда, кто—Богъ вѣсть),
Пропѣлъ желанную, пророческую вѣсть:
«Все, все должно перемѣниться!»

Сократъ.

Въ кругу друзей, учениковъ
Сидѣлъ Сократъ приговоренный
И кубокъ смерти беззаконный
Спокойно выпить былъ готовъ.
Тогда, не вытерпѣвъ, рыдая,
Предъ нимъ склонился Критіасъ...

Колѣни старца обнимая,
Онъ говорилъ:—«Живи для насъ!
Еще не поздно... кони близко...
Бѣжимъ! я стражу подкупилъ».
Но сынъ великій Софрониска
Ему съ упрекомъ возразилъ:
«Иль я не воинъ, мечъ носившій
И побѣдившій въ оны дни?
На снѣгъ, мой волосъ убѣлившій,
На сѣть морщинъ моихъ взгляни.
Когда бы жалости послушный,
Врагу теперь я уступилъ,—
Скажи, не всякій ли-бъ рѣшилъ:
«Онъ былъ обманщикъ малодушный!
Такъ вотъ любили вы кого,
Закономъ вамъ чье было мнѣнье!
Такъ вотъ хваленый умъ его
И къ смерти гордое презрѣнье!...
Когда-жъ не дрогну сердцемъ я,—
Знай: честный пылъ моихъ ученій,
Моя вражда, любовь моя
Достигнутъ дальнихъ поколѣній.
Глупецъ! И это-ль я отдамъ
За лишнихъ двѣ иль три минуты?»
Сказалъ и страшный ядъ цикуты
Поднесъ къ безтрепетнымъ устамъ.

* * *

Вы говорите: «Не нужна,
Намъ слава, не страшны потомки,
Укроютъ наши имена
Забвенья мирные потёмки».
Забвенья ждете вы?—О, нѣтъ!
Вамъ мало было бы забвенья...
Оставите вы прочный слѣдъ,
Вѣкамъ далекимъ въ поученье!
Когда изъ душной тьмы ночной,
Ликуя, красный день проглянетъ,
Отъ васъ, быть можетъ, внукъ родной
Съ тоской и ужасомъ отпрянетъ.
И въ книгѣ памяти святой
О нашихъ жертвахъ и печаляхъ
Вы мрачной ляжете чертой
На окровавленныхъ скрижаляхъ.
И ужъ сѣдая старина
Обвѣетъ насъ давно молчаньемъ,
А ваши будутъ имена
Все повторяться съ содроганьемъ!...

* * *

Онъ будетъ строгъ, потомства судъ —
Онъ долго ждетъ, но вѣрно мститъ!
Чья жизнь на зло отчизны трудъ,
Позорный трудъ людскихъ обидъ,
Кто, лишь съ корыстью зная счетъ,
Отвергъ любовь, и стыдъ, и честь,—
Утѣшьтесь, страждущіе,—тотъ
Въ вѣкахъ себѣ готовитъ месть!

Онъ будетъ правъ, потомства судъ—
Отъ злыхъ онъ добрыхъ отличитъ!
Оцѣнитъ каждый свѣтлый трудъ,
И вѣсъ, и горечь всѣхъ обидъ,
И жертву каждую зачтетъ,
И слезы всѣ, и каждый стонъ...
Придетъ онъ, правый судъ, придетъ,
И гнѣвъ, и милость будетъ онъ!

Послѣдняя жертва.

Вкругъ Африки мрачной, по бурной равнинѣ
Безбрежныхъ тропическихъ водъ,
Къ далекой странѣ Восходящаго Солнца
Семья броненосцевъ плыветъ.
Прекрасны и грозны стальные гиганты,—
Окрашены въ цвѣтъ боевой
И жерлами сотенъ орудій зіяютъ,
Готовые ринуться въ бой.
Но странно-безмолвны они, какъ гробницы;
Ни кликовъ, ни пѣсенъ живыхъ;
Недвижнѣе статуй, угрюмые люди
Стоятъ у лафетовъ стальныхъ.
Такъ узникъ стоитъ передъ плахой кровавой...

— «Погибель вѣрна впереди,
И тѣ, кто послалъ насъ на подвигъ ужасный,—
Безъ сердца въ желѣзной груди!
«Мы жертвы... Мы гнѣвнымъ отмѣчены рокомъ...
Но бьетъ искупленія часъ—
И рушатся своды отжившаго міра,
Опорой избравшаго насъ.
«О, день лучезарный свободы родимой,
Не мы твой увидимъ восходъ,
Но если такъ нужно—возьми наши жизни...
Впередъ, на погибель! Впередъ!»

И вотъ зашумѣли восточныя воды,
Сѣдой буревѣстникъ кричитъ...
Привѣтъ тебѣ, грозное Желтое море!
Чу! выстрѣлъ далекій гремитъ...
«Не флотъ ли Артура?... Взгляни: Петропавловскъ,

Полтава, Побѣда, Баянъ...
То старый Макаровъ къ намъ ѣдетъ на встрѣчу,
Салютъ отдаетъ Ретвизанъ...»

. . . .

Безумная грёза!.. Ужъ гордо не грянетъ
Огонь изъ его амбразуръ;
Въ развалинахъ дымныхъ, кровавою раной
Зіяетъ погибшій Артуръ!
И путь туда русскому флагу заказанъ...
— Смѣлѣе-жъ направо! Впередъ—
Къ безвѣстнымъ утесамъ враждебной Цусимы
Въ зловѣщій Корейскій проходъ!

— «Ты сжалишься, сжалишься, праведный Боже,
И волю измѣнишь свою:
Пусть чудо, великое чудо свершится—
Врага поразимъ мы въ бою!»

. . . .

Свершилось!... На днѣ ледяномъ океана
Стальные красавцы лежатъ,
И чуда морскія, акулы и спруты,
На нихъ въ изумленьи глядятъ.
Разбиты, истерзаны, кровью залиты
Гротъ-мачты, лафеты, рули...
Ни стона, ни звука... Въ могильномъ покоѣ,
Недвижимы, спятъ корабли...

Но бурею вѣсть по отчизнѣ далекой
Промчится, темна и грозна—
И кличемъ могучимъ: «Довольно!» отвѣтитъ
Одѣтая въ трауръ страна.
Довольно! Довольно! Герои Цусимы,
Вы жертвой послѣдней легли:
Разсвѣтъ уже близокъ... Она у порога—
Свобода родимой земли!

Въ морѣ.

Не за каждымъ всплескомъ моря
Кормчій съ трепетомъ слѣдитъ:
Все рѣшитъ послѣдній, грозный,
Все девятый валъ рѣшитъ!

Но, чтобъ валъ пришелъ девятый,
Валъ послѣдній, роковой,
Нужны первыя усилья,
Нуженъ первый валъ, второй...

Пусть они едва замѣтны,
Пусть они отражены:
Ждите, братья, ждите съ вѣрой
Побѣждающей волны!

* * *

Друзья! Въ тяжелый мигъ сомнѣнья
Взгляните пристальнѣй назадъ:
Какія блѣдныя видѣнья
Оттуда съ ужасомъ глядятъ!

И молятъ, и какъ будто плачутъ,
Грозятъ кистями рукъ худыхъ...
Что ихъ мольбы нѣмыя значатъ?
Кому, за что упреки ихъ?

То—наши братья... Жизнь, свободу,
Всѣ блага лучшія земли
Они родимому народу
Съ любовью въ жертву принесли.

Они погибли, вѣря страстно,
Что мы пойдемъ по ихъ стопамъ
И не дадимъ пропасть напрасно
Ихъ жертвамъ, ранамъ и скорбямъ!

Когда въ постыдный часъ паденья
Страдальца-брата тѣнь мелькнетъ,
Какая буря возмущенья
Внезапно сердце потрясетъ!

Святыя слезы покаянья
Подступятъ къ горлу... И опять
Горитъ душа огнемъ желанья
Итти на крестныя страданья,
Всю душу родинѣ отдать!

АМАРИ.

Къ солнцу свободы.

Въ страстномъ порывѣ руки простерла
Родина къ небу — горитъ ея взглядъ.
Пушекъ наведены мрачныя жерла
Съ окрикомъ грознымъ: «назадъ!»

Слышите гимна вы мощные звуки?
Солнце вы видите-ль въ прядяхъ волосъ?
Къ счастью ведетъ ее, къ счастью сквозь муки
Богъ-Геліосъ!

Онъ въ золотой изъ лучей багряницѣ,
Мѣрно по небу свершая свой путь,
Вздумалъ, безсмертный, сойти съ колесницы
Въ сердце ея заглянуть.

Видно угодно судьбѣ было мудрой,
Чтобы онъ новое сердце зажегъ,
Чтобъ цѣловалъ ее золоткудрый,
Юноша-Богъ.

Вотъ почему льется алой рѣкою
Жертвенно-чистой сыновъ ея кровь.
Сердце имъ, жжетъ лучезарной тоскою
Къ солнцу, къ солнцу любовь!

Къ смерти безстрашно идутъ ихъ когорты
Блещутъ на солнцѣ ярко мечи,
Очи горятъ, руки къ небу простерты,
Въ сердцѣ — солнца лучи!

Юныя очи оно ослѣпляетъ,
Всю заливаетъ небесную твердь,
Жгучую жажду ихъ устъ утоляетъ
Только лишь смерть!

Въ Парижѣ.

Весеннимъ солнцемъ ярко залитой,
Движенья, мощи, шума, блеска полный,
Нарядною сверкая красотой,
Катилъ Парижъ людскія толпы-волны
И трепеталъ, и искрился, и жилъ,
И я его дыханье сторожилъ,
И радостно и съ свѣтлымъ восхищеньемъ
Весь отдавался первымъ впечатлѣньямъ.

Казалось мнѣ, кругомъ надъ головой
Здѣсь рѣютъ тѣни мертвецовъ Коммуны,
И дышатъ кровью камни мостовой,
И глубоко волнуетъ сердца струны
Іюльскихъ память и февральскихъ дней,
И память той грозы, еще грознѣй,
Когда чело властителя народа
Поцѣловала въ первый разъ Свобода.

Величьемъ поражающій народъ!
Величьемъ вдохновенья и порыва!
Тебя всегда исторія зоветъ
Для перваго удара и для взрыва.
Ты часто рабски гнетъ переносилъ,
Но вдругъ вставалъ, весь въ блескѣ юныхъ силъ,
И искра гнѣва, вспыхнувши во взорахъ,
Какъ будто скрытый зажигала порохъ.

И ты бросалъ потоки гнѣвныхъ массъ
Изъ темныхъ, грязныхъ улицъ Антуана,
Какъ волны въ грозный наводненья часъ,
Какъ лаву вновь гремящаго вулкана.
Ты разрушалъ чертоги короля,
Ты умиралъ, пощады не моля,
И на призывъ Камилла Демулена
Шелъ узниковъ освобождать изъ плѣна.

И думалъ я: когда же, о, когда
И камня не останется на камнѣ
Отъ сѣраго, проклятаго гнѣзда
Бастиліи родной? Какъ дорога мнѣ,
Какъ мнѣ свята мечта о свѣтломъ днѣ,
Когда въ могильной страшной тишинѣ
Раздастся крикъ свободнаго народа:
«Для узниковъ измученныхъ — свобода!»

О, знаю я, что мой народъ — не рабъ,
Онъ борется, онъ ищетъ правъ свободныхъ.
Не даромъ же . . . .
Дрожалъ отъ криковъ грозныхъ всенародныхъ
Въ дотолѣ . . . . Москвѣ.
И крикъ тотъ отозвался на Невѣ,
И прокатился мощью по Россіи,
Какъ первый всплескъ взволнованной стихіи.

Средь чуждаго народа, здѣсь, вдали,
Моя душа всю вѣру сохранила
Въ народъ другой, народъ родной земли.
Таится въ немъ невѣдомая сила
Для лучшихъ, свѣтлыхъ будущаго дней:
Онъ чувствуетъ и глубже и сильнѣй;
Онъ свѣтится любовными лучами;
Хоть и труднѣй зажечь въ немъ гнѣва пламя,

Но день пришелъ, и вспыхнуло оно,
И въ каждомъ ярко загорѣлось взорѣ.
Да, моему народу суждено
До дна испить всю чашу бѣдъ и горя,
Но все-таки свѣтла его судьба,
Быть можетъ, закалитъ его борьба
И сдѣлаетъ могучимъ исполиномъ
И вознесетъ къ сіяющимъ вершинамъ,
И надъ его побѣдной головой
Событія пройдутъ волшебнымъ роемъ,
И новой, свѣтлой драмы міровой
Вершителемъ онъ станетъ и героемъ.
Кипитъ въ немъ силъ неизсякаемый родникъ,
И этихъ толпъ людскихъ мятежный крикъ,
И грозный, и властительно суровый, —
Лишь эхо жизни будущей и новой.

Е. С. ЛЕВИНА-СЫСОЕВА.

* * *

Постой, остановись! По каплѣ льется кровь,
Ты сердце гордое на части безъ пощады рвешь.
Могучихъ нужно силъ, чтобы бороться вновь.
Постой, остановись!... Но ты опять идешь?
Опять впередъ съ рѣшимостью холодной,
Опять туда, гдѣ горячѣй борьба,
Гдѣ гордо пѣснь звучитъ съ отвагой благородной?
Постой, остановись! Я потъ отру со лба.
Прилягъ на мигъ усталой головой,
Изъ сердца льется кровь горячею струей.
Постой, остановись! Пусть раны я обмою.
Пусть выступишь ты въ мигъ, когда слабѣе бой.
Ты сердца не щадилъ. Постой слабѣютъ силы.
О, пощади! Бѣжитъ волною кровь.
Зачѣмъ теперь, предъ скорою могилой,
Зачѣмъ ты къ самому себѣ такъ холодно суровъ?
Но ты идешь! Ты рану сжалъ руками,
Идешь впередъ, отваги буйной полнъ.
Безумно-жалкая! Горячими словами
Хотѣла я сдержать набѣгъ могучихъ волнъ.

Успокойся!

Видишь! На небѣ одна за одной
Яркія звѣзды зажглись.
Слышишь? Пахнуло прохладой рѣчной.
Тихо, спокойно... Усталое сердце, уймись!
Ты истомилось тревогой дневной,
Думъ безотрадныхъ полно.
Не было сумрачнѣй думы одной:
Молодость, счастье, ушли вы давно.
Полно, усталое сердце, смирись!
Личнаго счастья не дастъ намъ судьба.
Новымъ и сильнымъ огнемъ загорись,
Пусть въ тебѣ вспыхнетъ иная борьба.
Пусть подымается рать боевая,
Новыя силы на бой собери:
Бейся за братьевъ, имъ жизнь отдавая.
Силы не хватитъ—не трусь и.... умри....

Голодъ.

«Слышишь? Ты слышишь? Стучатся!
Снова стучатъ въ нашу дверь.»
«Полно! Кто можетъ забраться
Къ нищимъ рабочимъ теперь?»
Воетъ, реветъ непогода,
Силится крышу сорвать.
«Полно! Кому же охота
Насъ бѣдняковъ навѣщать.»
«Холодно». «Знаю, голубка:
Дровъ не хватило опять.
На-ка! Вотъ старая шубка.
Эхъ! если бы свѣчку достать....
Что же ты стала метаться?
Дикій испуганный взглядъ....»
«Слышишь? Ты слышишь? Стучатся,
Снова за дверью стучатъ.»
«Можетъ быть нищій? Да корки,
Корки у насъ не найдешь!»
«Нищій стоитъ у каморки
Слышишь? Подай ему грошъ!»
«Нѣтъ и гроша-то, родная,
Нищаго тоже тамъ нѣтъ.
Пышетъ головка больная.
Все это, милая, бредъ.»
«Нѣтъ, я не брежу, стучатся....»
«Правда. Я выйду, постой.
Эй! Кто тамъ вздумалъ забраться?
Кто тамъ стоитъ за стѣной?»
Воетъ, реветъ непогода,

Снѣгъ наметая горой....
«Кто тамъ стучится въ ворота?»
Голодъ—вашъ гость роковой....

Палачъ.

Онъ тщательно заперъ тяжелую дверь,
И бьется и стонетъ, какъ раненый звѣрь.
Онъ мечется дико и волосы рветъ.
Онъ знаетъ: теперь ихъ чередъ настаетъ.
Онъ тщательно заперъ дубовую дверь,
Но знаетъ—безсильны запоры теперь.
Онъ слышитъ: стучатся костлявой рукой,
И мечется, полный предсмертной тоской.
Онъ видитъ: спадаетъ тяжелый запоръ,
Онъ слышитъ неясный глухой разговоръ.
Онъ видитъ: какъ пасть, раскрывается дверь.
Онъ слышитъ: мы снова приходимъ теперь.
И входятъ кровавыя толпы тѣней
Со взглядомъ упорныхъ ихъ тусклыхъ очей.
Его только ищетъ стеклянный ихъ взоръ,
Ему только шлетъ безпощадный укоръ.
И блѣдный, и полный смертельной тоской
Онъ ищетъ оружье невѣрной рукой.
Но видитъ: пришельцы недвижно стоятъ,
И глазъ его ищетъ потухшій ихъ взглядъ.
Сраженный, безсильный предъ ними теперь,
Онъ рушится тяжко, какъ гибнущій звѣрь.

В. М. ГЕССЕНЪ.

Жизнь.

Юноша, челнъ снаряжая, пускался въ открытое море...
Тщетно твердятъ старики, возвращаясь изъ странствій далекихъ,
Какъ безпощадно на морѣ свирѣпствуютъ злобныя бури,
Какъ угрожаютъ пловцамъ и подводные камни, и мели,—
Вѣрой, надеждой и силой блестятъ его смѣлыя очи.
Старцемъ къ желанному берегу онъ, наконецъ, подплываетъ:
Видитъ—и здѣсь собираются юноши смѣлой толпою
Ввѣрить отважно могучему морю безсильныя чёлны...
Тщетно про тайныя мели, про скалы и бури твердитъ онъ—
Вѣрой, надеждой и силой восторженно блещутъ ихъ очи!...

ТАНЪ.

* * *

Не скорбнымъ, безсильнымъ, остывшимъ бойцамъ,
Усталымъ отъ долгихъ потерь,
Хочу я отважнымъ и юнымъ сердцамъ
Пропѣть свою пѣсню теперь!

Пусть мертвые мертвымъ приносятъ любовь
И плачутъ у старыхъ могилъ!
Мы живы: кипитъ наша алая кровь
Огнемъ неистраченныхъ силъ.

Священную память погибшихъ въ бою
Безъ слезъ мы сумѣемъ хранить!
Мы жаждемъ всю силу, всю душу свою
На тотъ же алтарь возложить!

Чьи смутные взоры поникли къ землѣ?
Пытливо глядимъ мы впередъ,
Упрямо стремимся увидѣть во мглѣ
Зари отдаленный восходъ.

Несись, моя пѣсня! Взлети до небесъ,
Какъ соколъ свободный отъ путъ!
Да здравствуетъ геній всемірныхъ чудесъ,
Могучій и творческій трудъ!

Несись, моя пѣсня, опять и опять!
Греми надъ землей, какъ труба!
Да здравствуетъ жизни всесильная мать,
Владычица міра, борьба!

Отъ края до края родимой страны
Другъ другу несемъ мы привѣтъ...
Мы ласточки свѣжей, зеленой весны,
Идущей за нами вослѣдъ.

Пусть скована стужей нѣмая земля
И каждый шумливый потокъ,
И умерли листья, и снѣгъ на поля
Серебрянымъ саваномъ легъ.

Уже прокатился громовый ударъ
Съ невѣдомыхъ горнихъ высотъ,
И дрогнула сила безжизненныхъ чаръ,
Тяжелый колеблется гнетъ.

И вѣтеръ предъ утромъ повѣялъ теплѣй;
Во мракѣ, на каждомъ шагу
Незримыя струйки отжившихъ ключей
Ужъ роются тайно въ снѣгу.

Да скроется сумракъ, да здравствуетъ свѣтъ!
Мы вѣстники новыхъ временъ!
Весна молодая идетъ намъ вослѣдъ
Подъ сѣнью несчетныхъ знаменъ.

* * *

Во мракѣ я пою, средь непробудной ночи...
Кто слышитъ голосъ мой, кто есть вблизи живой?
Напрасно я во тьму вперилъ пытливо очи,
Безсильный гаснетъ взоръ предъ черной пеленой.

Я поднялъ высоко протянутыя руки...
Кто видитъ обликъ мой? Откликнись въ этотъ часъ!
Кто видитъ въ темнотѣ мои слѣпыя муки,
Будь недругъ то, иль другъ, откликнись мнѣ хоть разъ!...

Пусть вздохъ ко мнѣ дойдетъ, далекій, безпріютный,
Какъ эхо, дастъ отвѣтъ въ зловѣщей тишинѣ.
Пусть призракъ мнѣ мелькнетъ таинственный и смутный
Иль молнія сверкнетъ въ угрюмой вышинѣ...

Во мракѣ я пою, тревожно, одиноко...
Кто слышитъ пѣснь мою? Я славлю яркій свѣтъ.
Я славлю лучъ зари, владычицы востока,
Настойчиво зову сіяющій разсвѣтъ.

Я солнцу гимнъ пою торжественный и стройный
И льется пѣснь моя безъ устали надъ мглой.
Я славлю блескъ утра, я славлю полдень знойный,
И голосъ мой звучитъ молитвенной хвалой.

Я пѣсней той живу. Съ надеждой чудотворной
Мой голосъ льется въ даль, мой голосъ рвется въ высь.
Молитвой я дышу сквозь мракъ темницы черной...
Кто слышитъ пѣснь мою во мракѣ, отзовись!

Какъ долго ждать утра? Какъ долго мнѣ молиться?...
Мой голосъ изнемогъ. Во мракѣ я пою.
Мнѣ тяжело дышать. Безбрежная темница.
Какъ тѣсная броня, сдавила грудь мою.

Усталый взоръ поникъ въ уныньи боязливомъ.
Ужъ голосъ мой дрожитъ болѣзненно, какъ стонъ.
Звени же, пѣснь моя, отчаяннымъ призывомъ,
Буди холодной тьмы оцѣпенѣлый сонъ!...

Взойди, заря, взойди привѣтно и широко!
Святая дочь утра, развѣй нѣмую ночь!...
Пусть радостнаго дня божественное око
Блеснетъ тебѣ во-слѣдъ и тьму прогонитъ прочь!..

Развѣй мою тоску и ужасъ малодушный,
Мой голосъ укрѣпи въ слабѣющей груди...
Развѣй нѣмую ночь, могилы сумракъ душный!...
Владычица небесъ, взойди, заря, взойди!...

Разбойникамъ пера.

Кто хочетъ, пусть молчитъ, но я молчать не стану,
На торжествѣ святомъ мнѣ ненавистна ложь.
И брошу я въ лицо безстыдному обману
Карающій упрекъ, отточенный, какъ ножъ!

Какъ гнѣвъ мнѣ окрылить, какъ голосъ мнѣ усилить?
И плетью словъ моихъ васъ поразить сплеча,
И ярости потокъ на васъ до капли вылить,
И пригвоздить къ столбу, какъ лезвіемъ меча?

Оставьте праздникъ нашъ! Не мѣсто здѣсь глумленью!
Разбойники пера, не мѣсто здѣсь для васъ!
И памятникъ пѣвца на васъ ложится тѣнью,
И блескъ его вѣнца отъ вашихъ меркнетъ глазъ.

Когда пѣвецъ погибъ, васъ не было на свѣтѣ,
Но скорбный тотъ конецъ такихъ же дѣло рукъ,
И ваши то отцы ему сплетали сѣти,
И жертву стерегли, какъ мотылька паукъ.

И ваши-то отцы травили, какъ собаки,
Скиталъца день и ночь, и поднимали лай,
И нанесли ударъ предательски во мракѣ,
Загнавъ усталаго на самый бездны край.

Но вы... вы хуже ихъ! Всю вашу подлость даже
Пустили вы въ размѣнъ на мѣдные гроши,
Торгуя клеветой на розничной продажѣ,
На улицѣ въ грязи сгребая барыши.

Оставьте праздникъ нашъ! Уродливаго торга
Не нужно намъ даровъ! Возьмите ихъ назадъ!
Вамъ чести не купить гримасою восторга,
Съ кадильницъ дорогихъ у васъ струится смрадъ!

Намъ дорогъ этотъ день. Къ святынѣ всенародной
Сюда собрались всѣ, чьи пылкія сердца
Питаются мечтой прекрасной и свободной,
Наслѣдствомъ вѣщихъ думъ усопшаго пѣвца.

И дорогъ намъ пѣвецъ, чьи золотыя струны
Звенѣли надъ землей, какъ крылья на лету,
И въ смутной тишинѣ учили вѣкъ нашъ юный
Любить и понимать добро и красоту.

Но вы зачѣмъ пришли съ поддѣльнымъ восхищеньемъ,
Какъ вы дерзнули встать такъ нагло впереди?
Когда навстрѣчу вамъ съ невольнымъ отвращеньемъ
У каждаго готовъ сорваться крикъ: «уйди!»

Вамъ не къ чему смотрѣть такимъ спокойнымъ взглядомъ!
Мы знаемъ, какъ давно слинялъ вашъ первый стыдъ,
Но ни одинъ изъ насъ не встанетъ съ вами рядомъ,
Пожатьемъ вашихъ рукъ руки не осквернитъ.

И если памятникъ съ подножія крутого
Увидитъ васъ внизу,—и онъ нахмуритъ бровь,
И рана старая въ груди проснется снова,
И прямо вамъ въ лицо изъ бронзы брызнетъ кровь...

М. ЦЕЙНЕРЪ.

На новый годъ.

Страна родимая! Всѣмъ сердцемъ и душой
Я шлю на новый годъ Всевышнему моленья,
Чтобъ Онъ разсѣялъ мракъ, царящій надъ тобой,
И озарилъ тебя лучами обновленья;
Чтобъ радостно возставъ отъ вѣкового сна,
Трудамъ осмысленнымъ ты предалась всецѣло,
Чтобъ чистыхъ помысловъ и свѣтлыхъ думъ полна,
На встрѣчу счастію направилась ты смѣло!
И чтобъ никто тебя не называлъ порой
Позорнымъ именемъ «страны цѣпей, изгнанья»...
О, родина моя! О, край мой дорогой!
Тебѣ, тебѣ, Сибирь, всѣ лучшія желанья!

У ночлежнаго дома.

Смотри: вотъ домъ двухъэтажный,
Построенный щедрой рукой,
На видъ—не особенно важный
Не блещетъ своей красотой.
Зачѣмъ же здѣсь всѣ эти лица?
Къ чему этотъ бѣдный народъ?
Зачѣмъ горемыки толпятся
У замкнутыхъ новыхъ воротъ?
Быть можетъ, что въ скромномъ томъ зданьи
Ликуетъ богатый добрякъ?
И въ щедромъ его подаяньи
Увѣренъ голодный бѣднякъ?
Быть можетъ, за пытки несчастья,
За муки тяжелой борьбы,
Въ томъ домѣ ждетъ бѣдныхъ участье
И прелести лучшей судьбы?
О, нѣтъ! не того имъ здѣсь надо!
Скорбятъ бѣдняки не о томъ...
Здѣсь ждетъ ихъ плохая награда:
Увы! тутъ ночлежный лишь домъ.
Да, только лишь ради ночлега
Сошлися сюда бѣдняки,
И, стоя подъ хлопьями снѣга,
Сжимаютъ въ рукахъ пятаки...
А вѣтеръ, какъ будто злорадно
Смѣясь надъ людскою бѣдой,
И треплетъ, и рветъ безпощадно
Лохмотья нужды роковой.
Продрогли несчастные люди.
Продрогли до мозга костей;
И ноютъ ихъ спины и груди
И слезы текутъ изъ очей.
Но вотъ заскрипѣлъ деревянный
Засовъ у тесовыхъ воротъ,
И, словно за дивною манной,
Во дворъ повалилъ весь народъ...
Но здѣсь-ли она?—Ахъ, едва-ли...
Убогъ этотъ временный кровъ...
И здѣсь слышенъ голосъ печали.
И здѣсь слышенъ стонъ бѣдняковъ.

Л. Н. ТРЕФОЛЕВЪ.

На бѣднаго Макара и шишки валятся.

(Русская пословица).

I.

Макарамъ все не ладится. Надъ бѣдными Макарами
Судьба-злодѣйка тѣшится жестокими ударами.
У нашего крестьянина, у бѣднаго Макарушки,
Ни денегъ нѣтъ на черный день, ни бабы нѣтъ сударушки,
По правдѣ-то, и деньги есть: брянчитъ копейка мѣдная,—
И баба есть: лежитъ она, изсохшая и блѣдная.
Помочь бы ей, да чѣмъ помочь?—Не по карману дороги
Всѣ лѣкаря и знахари, лихіе наши вороги.

II.

Макаръ бѣднякъ, любя жену, не знаетъ темной ноченьки,
Не спитъ, сидитъ, вздыхаючи, слезой туманя оченьки.
Слезами не помочь бѣдѣ—есть руская пословица,
А бабѣ-то, страдалицѣ, все пуще нездоровится.
— Не плачь, моя голубушка!—рѣшилъ Макаръ съ усмѣшкою:
Продамъ кобылу въ городѣ со сбруей и телѣжкою,
И заплачу я лѣкарю: онъ больно жаденъ, гадина!
Вошелъ Макаръ въ пустой сарай: кобылка-то... украдена.

III.

Настало лѣто красное. Стоятъ денечки красные
И молятся отъ радости на церковь православные.
Повсюду пчелъ жужжаніе въ цвѣтахъ душистыхъ слышится.
И рожь обильнымъ колосомъ волнуется, колышется.
Макаръ бѣднякъ утѣшился съ женой надеждой сладкою,
И пляшетъ, какъ помѣшанный, предъ бабою, съ присядкою;
Плясалъ, плясалъ и выплясалъ, и рветъ въ досадѣ волосы:
Ударилъ градъ... и выбилъ всѣ Макарушкины полосы.

IV.

Макаръ печально думаетъ: — «Отправлюсь до Симбирска я.
Есть у меня одинъ талантъ: есть сила богатырская.
Достались отъ родителя мнѣ плечи молодецкія.
И буду я таскать суда тяжелыя купецкія».
Бурлачить сталъ Макарушка. Идетъ дорогой долгою,
Знакомится подъ лямкою съ кормилицею Волгою,
Поетъ свою «дубинушку» съ тоскою заунывною,
Домой же возвращается съ одною мѣдной гривною.

V.

Проклявъ купца обманщика и дальнюю сторонушку,
Идетъ Макаръ на торгъ въ село продать свою бурёнушку.
По ней ребята плакали, какъ будто о покойникѣ
Жена бѣжала улицей въ изношенномъ повойникѣ
И голосила жалобно, больная, истомленная:
— «Прощай, моя скотинушка, прощай, моя кормленая!»
Макаръ, вернувшись, кается передъ женою строгою;
— «Я деньги за корову взялъ, да... потерялъ дорогою».

VI.

Жена его осыпала и бранью, и упреками:
— Разбойникъ, простофиля ты! Какъ быть теперь съ оброками?
Ужъ сколько горя горькаго въ замужествѣ испытала я?
Я кашляю,—и кровь течетъ изъ горла блѣдно-алая...
Проси отросчки подати!—И гонитъ въ изступленіи.
Макаръ пошелъ на судъ мірской; но въ волостномъ правленіи,
За недоимки старыя, какъ водится съ Макарами,
Не дешево отдѣлался... побоями, ударами.

VII.

Макара пуще прежняго грызетъ нужда проклятая.
Вдругъ слышитъ онъ: пріѣхала помѣщица богатая,
Такая добродушная, такая сердобольная,
Собою величавая и страшно богомольная,

Съ народомъ обращается безъ хитрости, не съ фальшею,
И величаютъ всѣ ее «почтенной генеральшею».
Макаръ-бѣднякъ въ хоромы къ ней пришелъ за покровительствомъ,
Но... выгнанъ былъ, какъ пьяница, ея превосходительствомъ.

VIII.

Ошиблась крѣпко барыня. Не воръ онъ и не пьяница,
Да съ горя и Макарушкѣ понадобилась склянчица.
Идетъ въ кабакъ Макаръ-бѣднякъ нетвердою походкою,
Залить свою печаль-змѣю усладой русской — водкою;
Но баба цѣловальница не вѣритъ въ долгъ, ругается!
— «Вина-то здѣсь безплатнаго для васъ не полагается,
Ступай назадъ, проваливай не то скажу я сотскому!»
И побѣжалъ Макарушка стрѣлой къ лѣску господскому.

IX.

Лѣсочекъ былъ соснякъ густой. Шумѣли сосны дикія.
Повѣдалъ имъ Макарушка бѣды свои великія:
Какъ жизнь прошла нерадостно, какъ бѣдствовалъ онъ смолоду,
Какъ привыкалъ подъ старость онъ и къ холоду, и къ голоду.
Довольно жить Макарушкѣ, пришлось бѣднягѣ вѣшаться...
Но даже сосны старыя надъ горемыкой тѣшатся,
Онъ умереть сбирается, изъ глазъ слезинки выпали...
Вдругъ шишки, стукнувъ въ голову, всего его осыпали.

Грамотка.

Дарья молодка отъ радости плачетъ:
Есть письмецо къ ней,—изъ Питера, значитъ.
Стало быть, мужъ посылаетъ поклонъ.
Скоро ли самъ-то воротится онъ?
Не зачѣмъ медлить въ холодной столицѣ,
Время вернуться къ женѣ-молодицѣ,
Платьемъ-обновкой утѣшить ее...
Славное будетъ въ деревнѣ житье!
Сбѣгала Дарья къ дьячку Еремею,
Проситъ его:—«Я читать не умѣю.
Ты прочитай мнѣ, хоть ради Христа!
Дамъ я за то и новинъ, и холста».
Горло прочистивъ забористымъ квасомъ,
Началъ читать онъ октавою—басомъ,
Свистнулъ отчаянно, въ носъ промычалъ,
И бородою, съ тоской, покачалъ.
— «Дарья голубушка! Вѣсти о мужѣ...
Жаль мнѣ тебя, горемычная, вчужѣ!
Слезъ понапрасну ручьями не лей....
Умеръ въ больницѣ твой мужъ Пантелей.»
Грохнулась оземь со стономъ бабенка.
— Какъ воспитаю безъ мужа ребенка?
Я вѣдь на сносяхъ!»—«Вижу я самъ.
Значитъ, угодно сіе небесамъ:
Значитъ, сіе испытаніе свыше.
Ты причитай, ради чада, потише!
Главное дѣло, терпѣнье имѣй!
(Молвилъ любовно дьячокъ Еремей).
Слушай, что пишутъ тебѣ изъ артели:
«Васъ письмецомъ извѣстить мы хотѣли,
Что ужъ давненько, Великимъ постомъ,
Умеръ супругъ вашъ, и спитъ подъ крестомъ.
Плохи у насъ, у рабочихъ, квартеры:
Гибнемъ, какъ мухи, отъ тифа, холеры.
Всякихъ недуговъ нельзя перечесть,
Сколько ихъ—дьяволовъ—въ Питерѣ есть!
Тифъ и спалилъ, какъ огонь, Пантелея.
Грѣшную душеньку слезно жалѣя,
Мы пригласили попа. Причастилъ,
Добрый такой: всѣ грѣхи отпустилъ.
Гробъ мы устроили цѣлой артелью;
Вырыть могилу велѣли Савелью;
Дядя Гаврило и дядя Орестъ
Сдѣлали живо березовый крестъ.
Сенька (онъ грамотенъ больно, разбойникъ!)
Надпись наляпалъ:—«Спи, добрый покойникъ!»
Баринъ ее, эту надпись, читалъ,
Въ стеклышко щурясь, и вдругъ засвисталъ.
— «Что ты свистишь?»—обозлился Ананій.
«*Знаковъ* не вижу....»—«Какихъ?»—«*Припинаній!*»
Добрые люди, чтобъ намъ удружить,
Знакъ и на мертвыхъ хотятъ наложить
Знаковъ наложено слишкомъ—довольно!...
Тутъ, умилясь, по душѣ, сердобольно
Выпили мы на поминкахъ...»
...За симъ
Слѣдуетъ подпись: «*Артельщикъ Максимъ.*»

* * *

Дальше нѣтъ рѣчи о Дарьиномъ горѣ,
Дальше—поклоны: невѣсткѣ Өедорѣ,
Бабкѣ Оринѣ и братцу Өомѣ,
Теткѣ Матренѣ и Феклѣ кумѣ.

Дубинушка.

По кремнистому берегу Волги рѣки,
Надрываясь идутъ бурлаки.
Тяжело имъ, на каждомъ шагу устаютъ
И «дубинушку» тихо поютъ.
Хоть бы дождь оросилъ, хоть бы выпала тѣнь
Въ этотъ жаркій, безоблачный день!
Все бы легче народу неволю терпѣть,
Все бы легче «дубинушку» пѣть.

* * *

— «Ой, дубинушка, ухнемъ!» И ухаютъ въ разъ...
Покатилися слезы изъ глазъ.
Истомилася грудь. Лямка рѣжетъ плечо...
Надо «ухать» еще и еще!

...Отъ Самары до Рыбинска пѣсня одна;
Не на радость она создана:
Въ ней звучитъ и тоска—похоронный напѣвъ,
И безсильный, страдальческій гнѣвъ.
Это—праведный гнѣвъ на злодѣйку-судьбу,
Что вступила съ народомъ въ борьбу
И велѣла ему, подъ ярмомъ за гроши,
Добывать—для другихъ—барыши...

* * *

— «Ну, живѣе!»—хозяинъ на баркѣ кричитъ
И костями на счетахъ стучитъ...
...Сосчитай лучше ты, борода-грамотей,
Сколько сложено русскихъ костей
По кремнистому берегу Волги рѣки,
Нагружая твои сундуки!

С. МОСКВИНЪ.

Переселенцы.

Я видѣлъ стариковъ съ нахмуреннымъ челомъ,
Старухъ морщинистыхъ съ печальнымъ взоромъ,
Подростковъ, ихъ отцовъ, тѣснившихся кругомъ,
Смотрѣвшихъ въ даль родимую съ укоромъ.

Запомнилъ также группы блѣдныхъ дѣтскихъ лицъ,
Не по лѣтамъ серьезныхъ и пытливыхъ;
Въ ушахъ моихъ звучитъ случайный смѣхъ дѣвицъ,
Какъ эхо горъ пустынныхъ, молчаливыхъ....

Скажите мнѣ: кто вы? куда лежитъ вашъ путь?
Зачѣмъ звучитъ тяжелый вздохъ мольбою?
О чемъ скорбитъ душа, что́ давитъ вашу грудь?
Какая мысль терзаетъ васъ собою?

«Мы люди,—былъ отвѣтъ;—желанье насъ одно,
Одна мечта сплотила дорогая:
На родинѣ нѣтъ силъ трудиться, тамъ бѣдно,—
Влечетъ насъ ширь невѣдомаго края.

«Хотимъ найти земли незанятый просторъ,
Приволье рѣкъ, чащу лѣсовъ дремучихъ.
Идемъ въ Сибирь, идемъ среди равнинъ и горъ
Поднять свой духъ, набраться силъ могучихъ.

«Мы все покинули: родимыя мѣста
И отчій домъ, гдѣ молодость промчалась,
И гдѣ подъ тяжестью житейскаго креста
Не разъ душа болѣла, надрывалась.

«Мы все покинули.... Идемъ мы въ новый путь...
Душа полна сомнѣній и тревоги.
О, Боже! укрѣпи, поддержкой нашей будь
И дай намъ силъ не потерять дороги!»

Затихли голоса, умолкъ ихъ звукъ глухой....
Весь этотъ людъ, лишь знавшій безпокойство,
Онъ у тебя пусть, край мой дорогой,
Найдетъ и трудъ, и силы, и довольство!

А. ПУКАРЕВЪ.

* * *

Прочь унынье, непогода.
Прочь ненастной жизни сѣнь!...
И да здравствуетъ свобода
И рождающійся день!...

Сердце радостно забьется,
Чуя вёсну на дворѣ,—
И далеко пронесется
Пѣсня наша на зарѣ!...

Поэтъ.

Когда поэта призываетъ,
Пославъ ему огонь святой,
Небесъ велѣніе на бой
И онъ велѣнію внимаетъ,
Духовнымъ ухомъ слышитъ онъ
И лязгъ цѣпей, и плачъ, и стонъ...
Онъ видитъ рубищемъ покрытыхъ
Борьбой измученныхъ, убитыхъ
Дѣтей и женъ и стариковъ....
Встаетъ онъ мраченъ и суровъ,
И вотъ, съ пылающимъ челомъ,
По струнамъ лиры ударяетъ....
Изъ нихъ онъ громы извлекаетъ
И блещутъ молніи кругомъ....
Клеймитъ онъ богачей надменныхъ,
Довольствомъ, блескомъ окруженныхъ,
Но голосъ пламенный его
Для нихъ не значитъ ничего:
Имъ не понять своей душой
Небесной истины святой!
Ихъ грудь спокойной остается,
Ихъ сердце также ровно бьется:
Оно покрыто ледяной,
Эгоистической корой.
Мертво!.... И всюду нѣтъ отвѣта
На голосъ пламенный поэта....
Къ рабамъ напрасно онъ взываетъ,—
Бѣднякъ его не понимаетъ
Своимъ подавленнымъ умомъ
Подъ рабскимъ, тягостнымъ ярмомъ
И мелкой, робкою душою...
И онъ замолкъ... Поникъ главою...
Лишь горы дальнія и долъ
Безплодно вторятъ тотъ глаголъ!...

Вобылка.

(Посвящ. В. Я. Е—ву).

Въ лачужкѣ убогой лучина горитъ
И свѣтомъ дрожащимъ мерцаетъ.
За прялкой на лавкѣ старуха сидитъ
И тихо молитву читаетъ.

Сидитъ-работаетъ одна и грустна
И взоръ отъ иконъ не отводитъ....
Казалось, покинута всѣми она,
Лишь кошка вокругъ нея ходитъ!

Работа не споро, не ладно идетъ,
Какъ будто ей что-то мѣшаетъ,
А буря протяжную пѣсню поетъ
И дождикомъ въ окна бросаетъ!...

Унылая пѣсня зловѣщей тоской
На сердце старухи ложится...
Вотъ дверь отворилась,—и съ ношей большой
Въ избу ея дочка тащится.

Тутъ мать устремила на дочку глаза
И взоромъ недвижнымъ смотрѣла,
Въ глазахъ ея тусклыхъ блеснула слеза,
Потомъ на щекѣ заблестѣла.

«Что, матушка?»—Дочь начала говорить—
«О чемъ тебѣ такъ пригрустнулось?
Вѣдь завтра нашъ праздникъ,—ну полно, грустить!
Смотри съ чѣмъ къ тебѣ я вернулась:

Насъ Богъ не оставилъ,—у насъ есть дрова,
Да денегъ на хлѣбъ еще будетъ,—
Ну вотъ и безъ нужды на день Покрова,
А тамъ насъ Господь не забудетъ!»

Вѣстимо, Анюта, стараньемъ твоимъ,
По милости Божьей, мы сыты,
Но скоро-ль увижуясь я съ Ваней моимъ....
Дождусь ли его? мнѣ скажи ты?!...

Ужъ годъ,—какъ въ солдатахъ! Ахъ, гдѣ-то мой свѣтъ?
Объ немъ даже нѣту и слуху....
Не знаю, родимый мой живъ или нѣтъ?!»—
И сильно качнуло старуху....

Она оперлася на лавку рукой
И взоръ къ образамъ устремила:
«Спаси его!»—шепчетъ—«Угодникъ Святой!
Спаси его, крестная сила!....»

Дочь ношу бросаетъ, къ старухѣ идетъ
И лаской ее утѣшаетъ,
А буря протяжную пѣсню поетъ
И дождикомъ въ окна бросаетъ!

ИВ. ГОРБУНОВЪ-ПОСАДОВЪ.

* * *

Намъ жизнь дана, чтобы любить,
Любить безъ мѣры, безъ предѣла,
И всѣмъ страдальцамъ посвятить
Свой разумъ, кровь свою и тѣло.

Намъ жизнь дана, чтобъ утѣшать
Униженныхъ и оскорбленныхъ,
И согрѣвать, и насыщать
Нуждой и скорбью угнетенныхъ.

Намъ жизнь дана, чтобъ до конца
Бороться съ тьмой, бороться съ ложью
И сѣять въ братскія сердца
Одну святую правду Божью.

А правда въ томъ, чтобы любить,
Любить безъ мѣры, безъ предѣла
И всѣмъ страдальцамъ посвятить
Свой разумъ, кровь свою и тѣло.

Святая.

Надрываясь отъ стоновъ пронзительныхъ,
Какъ грозой пораженные, вдругъ
Люди падали въ корчахъ томительныхъ,
Трепеща отъ испуга и мукъ.

Чьи-то руки чужія, суровыя
Поднимали страдальцевъ съ земли
И кидали въ повозки въ холщевыя
И куда-то поспѣшно везли.

Подъ досчатыя крыши барачныя
День и ночь, каждый мигъ, безъ конца
Подходили носильщики мрачные
И бросали—почти мертвеца.

Сотни тѣлъ, полутруповъ чуть бившихся,
Тамъ ложились одинъ предъ другимъ
И въ сосѣда очахъ закатившихся
Каждый видѣлъ, что смерть передъ нимъ.

И, ничьею рукой не пригрѣтыя,
Зачумленныя груды людей,
Всѣми брошены, всѣми отпѣтыя,
Задыхалися въ мукѣ своей.

Въ эту страшную бездну страданія,
Гдѣ отъ ужаса стыла душа,
Ты явилась, полна состраданія,
Безпредѣльной любовью дыша.

Терпѣливая, твердая, ясная,
Ты готова была умереть,
Только-бъ страждущихъ души несчастныя
Чѣмъ-нибудь оживить и согрѣть.

Вся сіяя отъ тайнаго счастія,
Ты ласкала спасенныхъ тобой,
И съ небесной улыбкой участія
Съ улетавшей прощалась душой.

Очи милыя, очи скорбящія,
Очи, полныя сдержанныхъ слезъ,
Улыбались, какъ звѣзды блестящія,
Всѣмъ, кто муки смертельныя несъ.

Точно мать надъ дѣтьми умиравшими,
Ты склонялась въ послѣдній ихъ мигъ
И шептала устами дрожавшими
На колѣняхъ молитву за нихъ.

И вливался въ сердца наболѣвшія
Свѣтлый, тихій, послѣдній покой,
И усопшихъ глаза потускнѣвшіе
Закрывала ты нѣжной рукой.

Смерть вездѣ надъ тобою носилася,
Скоръ твой былъ лучезарный конецъ,—
Надорвалося сердце—разбилося
Посреди воскрешенныхъ сердецъ.

Успокоилось тѣло, убитое
Страшнымъ ядомъ и страшнымъ трудомъ...
Бѣлымъ саваномъ мирно обвитая,
Отдохнула въ гробу ты своемъ!

Свѣтъ спокойный, торжественный, радостный
На застывшемъ виднѣлся челѣ, —
Вся любовью исполнена благостной,
Ты святою прошла по землѣ.

И могила у моря далекая
Учитъ насъ, какъ любить и страдать,
Какъ съ отрадой и вѣрой глубокою
За несчастныхъ всю душу отдать.

* * *

Когда звѣздою путеводной
Тебѣ чуть истина блеснетъ,

Съ душою смѣлой и свободной
Спѣши, куда она зоветъ!

О, знай, мой братъ, нѣтъ выше доли
Ее искать и ей служить
Съ ея могучей, вѣчной волей
Всю жизнь свою стараться слить!

Что всѣ гоненья, всѣ угрозы,
Всѣ терніи ея пути,
И оскорбленій тяжкихъ слезы
Для тѣхъ, кому ее найти

Далось сквозь долгій мракъ исканій,
Сквозь боль тоски о ней одной,
Сквозь мглу паденій и страданій
Души сомнѣніемъ больной!

Что жизнь безъ Истины? Ничто,
Тѣнь жизни, жалкое томленье,
Одинъ намекъ на бытіе,
Слѣпцовъ пустое сновидѣнье.

Лишь тотъ живетъ, чей умъ горитъ
Безсонной жаждой правды Божьей
И, отыскавъ ее, спѣшитъ
Порвать съ своей и общей ложью.

Лишь тотъ живетъ, кто жизнь кротовъ
Смѣнилъ на солнца блескъ, на вѣчно
Ростущій свѣтъ. Тюрьму рабовъ
На міръ свободы безконечной.

Матери и дѣти.

Вчера былъ чудный день... Съ утра въ мое окно
Весна лазурная любовно засіяла...
Забилось сердце, радостью полно,
И въ даль, куда-то въ даль, неудержимо звало...
Вчера все утро я, безпечный, какъ дитя,
Бродилъ по улицамъ, смотря, какъ расцвѣтаютъ
Подснѣжники въ садахъ, и весело слѣдя,
Какъ тучки по небу проносятся и таютъ.

Былъ часъ обѣденный, когда передо мной
Большая улица предмѣстья развернулась...
Гудѣлъ свистокъ на фабрикѣ... Домой
Голодная толпа рабочихъ потянулась...
Шли мальчики-ткачи, тянулися потомъ
Толпы мужчинъ, измученныхъ трудомъ,
Невольничьимъ трудомъ, трудомъ однообразнымъ,
Недѣлю согнутыхъ надъ вѣчнымъ колесомъ
И отдыхающихъ въ разгулѣ безобразномъ.

Шли дѣвочки-работницы: онѣ
Шутили весело и солнцу улыбались
И подъ лучомъ его румяными казались;
Но въ жалкихъ лицахъ ихъ виднѣлось ясно мнѣ,
Что бѣдные цвѣты оборваны жестоко,
Что пьяное насилье и развратъ
На всѣхъ углахъ добычу сторожатъ,
И сердцу дѣтскому знакомъ ужъ ядъ порока...

Шли матери-работницы, спѣша
Въ убогій уголъ свой. Ихъ грустная душа
Была полна заботъ; и не было имъ дѣла,
Что юная весна вездѣ цвѣла и пѣла
Милліономъ голосовъ, что теплый вѣтерокъ
Ужъ гдѣ-то колебалъ лазоревый цвѣтокъ
И тихо трепеталъ въ былинкахъ воскрешенныхъ...
Нѣтъ, только личики малютокъ изнуренныхъ
Виднѣлись матерямъ сквозь нѣжный блескъ весны.
Минуты жалкія на отдыхъ имъ даны,
Чтобъ только добѣжать до дѣтокъ истомленныхъ,
Чтобъ только увидать ихъ блѣдный, робкій взглядъ
И покормить скорѣй... И поспѣшить назадъ—
Туда, гдѣ надъ станкомъ, безъ солнца, безъ свободы,
Ползутъ за днями дни и за годами годы!

Въ Христову ночь.

Въ Христову ночь то было. Предо мной
Вдоль исполинской лѣстницы соборной
Спѣшившая толпа текла рѣкой черной,
Въ угрюмой тишинѣ ночной,
На всѣхъ устахъ былъ слышенъ только шепотъ.
Лишь чей-то грубый смѣхъ да ржаніе и топотъ
Жандармскихъ лошадей, метавшихся окрестъ,
Да нищенокъ-дѣтей тоскливыя стенанья
Смущали робкій трепетъ ожиданья.
Но вотъ сквозь полумракъ блеснулъ подъятый крестъ,
На золотыхъ шестахъ хоругви задрожали,
Лучъ фонаря сверкнулъ на тусклыхъ образахъ,
И ризы пастырей тревожно замерцали.
Въ какомъ-то облакѣ таинственной печали
Пошли они искать измучившійся прахъ
И не нашли его въ тиши могильной сѣни...
Но ихъ не обуялъ смертельный, тяжкій страхъ,
И поднялись они на паперти ступени,
И бросился народъ за ними жадно вслѣдъ...
Раскрылися врата и брызнулъ яркій свѣтъ,
И гимнъ любви, смерть смертью побѣдившей,
Помчался надъ толпой, въ молчаніи застывшей!...
И выстрѣлъ пушечный донесся, точно стонъ,
И хоръ колоколовъ отвсюду отозвался...
Въ морозномъ воздухѣ поплылъ протяжный звонъ

И звуковъ океанъ гудѣлъ и разливался.
Обвился городъ весь гирляндою узорной
Желтѣвшихъ плошекъ, флаговъ и свѣчей;
И восемь ангеловъ надъ кровлею соборной
Изъ каменной кадильницы своей
Бросали въ высь пурпуровое пламя, —
Оно взвивалося. какъ знамя,
Какъ царственный привѣтъ земного торжества,
Къ незримому престолу Божества.

II.

О дѣтскихъ дняхъ воспоминанье,
Какъ радостной весны душистое дыханье,
Повѣяло во мнѣ ласкающимъ тепломъ:
Я счастливъ былъ тогда въ невѣдѣньи своемъ.
Въ сіяньи дѣтскихъ грезъ вставала безъ конца
Слѣпившая своимъ величіемъ картина:
Торжественный возлетъ воскреснувшаго Сына
На лоно вѣчнаго Творца.
Тогда въ Христову ночь казались люди мнѣ
Простыми, милыми и кроткими дѣтями
Любимаго Отца. Въ какомъ-то чудномъ снѣ
Весь міръ я обнималъ наивными мечтами.
Мнѣ чудилось—потокъ любви лился съ небесъ,
Уста мои блаженно отвѣчали
На братскій поцѣлуй и набожно шептали:
«Воистину воскресъ, воистину воскресъ!»

III.

А въ эту ночь я былъ исполненъ горькихъ думъ
Давно я свергъ съ себя невѣдѣнья оковы,
Давно съ людскихъ сердецъ сорвалъ я всѣ покровы,
Давно ихъ душный мракъ раскрылъ мой алчный умъ
И страшно одинокъ я былъ въ тотъ шумный мигъ,
Когда меня вносилъ наплывъ народныхъ волнъ
Въ ликующій соборъ.—Я съ ужасомъ постигъ,
Какимъ обманомъ былъ восторгъ минутный полнъ:
И вѣщія слова пророка давнихъ дней,
Какъ погребальный плачъ, уныло зазвучали
Изъ темныхъ тайниковъ больной души моей,
Его святую скорбь они съ моей сливали,
Какъ будто въ вышинѣ, тамъ гдѣ-то надо мной
Склонился тихо Онъ, а сердца чуткимъ слухомъ
Ловилъ я рѣчь Его:
«О, бѣдный міръ земной,
Какъ нищъ ты въ эту ночь любви могучимъ духомъ!
Какъ мертвенъ человѣкъ безбожныхъ вашихъ дней,
Для подвиговъ добра такъ лживъ онъ и безсиленъ.
Онъ только на словахъ горячій другъ людей,
Онъ только на словахъ любовью изобиленъ.
Но тяжкимъ холодомъ полна душа его
И дикой гордостью душа его объята:
Все человѣчество онъ обнялъ бы какъ брата,
Но не обниметъ—нѣтъ—онъ брата своего.
Дрожащій, въ рубищѣ, бродяга изможденный
Пусть въ эту ночь къ нему, какъ къ брату, подойдетъ:
Братъ о Христѣ его съ презрѣньемъ оттолкнетъ,
Безумной дерзостью безмѣрно изумленный!...
Кто приметъ странника, кто нищаго возлюбитъ
И все раздѣлитъ съ нимъ — и хлѣбъ свой, и кафтанъ,
Тотъ пріютитъ Христа, Христа тотъ приголубитъ,
Но какъ далекъ Христосъ отъ этихъ христіанъ!
Подъ кровлей ихъ домовъ Христу закрытъ пріютъ,
Они Христа безжалостно изгнали
Въ ночлежные дома, въ темницы, въ госпитали,
И христіанами себя они зовутъ!...
И жизнь черствѣетъ въ нихъ. Мертвящій образъ скуки
Растетъ въ нихъ и твердитъ: нѣтъ лучше не живи...
И люди на себя накладываютъ руки...
Вашъ міръ становится могилой безъ любви.

IV.

И мука этихъ думъ, какъ буря, возмутила
Всю душу мнѣ... Она меня манила
Пробиться сквозь толпу, взбѣжать по ступенямъ
На бархатный помостъ надменнаго амвона
И крикнуть съ высоты на весь огромный храмъ
Сквозь гулъ пальбы, сквозь переливы звона:
«Вы христіане?!... Вы? Теперь упоены
Восторгомъ радости безпечной,
На днѣ сердецъ, какъ прежде, вы полны
Одной враждой безчеловѣчной!
Вы христіанки!?... Вы? Изнѣженное тѣло
Вы рады выставлять и въ храмѣ на показъ,
То мишурой прикрывъ, то наготою смѣлой
Дразня распутства жадный глазъ.
Вы полуматери и полусодержанки!
О, если-бъ тѣнь смиренной христіанки
Апостольскихъ временъ явилась бы межъ насъ,—
Какимъ стыдомъ, какой тоской за васъ
Зажегся-бъ взоръ ея!... И, жалости полна,
Предъ вами-бъ ницъ повергнулась она
И умоляла-бъ васъ. сестеръ ея несчастныхъ,
Забыть безумный бредъ мечтаній сладострастныхъ,
Отъ нѣги и страстей пойти во слѣдъ Христу,
Спасая сердца чистоту
Трудомъ, святымъ трудомъ для нищихъ и болящихъ,

Для всѣхъ отверженныхъ, гонимыхъ и скорбящихъ!
Вы христіане?!... Вы? Растерянной толпой
От колыбели и до гроба
Вы рабски тащитесь преступною тропой.
Надъ вашей вѣрою трусливой и слѣпой
Смѣется вашъ развратъ, насиліе и злоба!
Вся ваша жизнь—насмѣшка надъ Христомъ,
Надъ мудростью Его божественныхъ стремленій,
Сплошной позоръ кощунственныхъ глумленій
Надъ человѣчества растерзаннымъ Вождемъ!...
Чтобъ безбоязненно день изо дня тянуть
Цѣпь черныхъ дѣлъ и пиршествъ беззаботныхъ,
Вы жалкимъ лепетомъ моленій мимолетныхъ
Стремитесь Бога обмануть!
Опомнитесь!...»

Но мертвъ былъ мой языкъ.
Что значитъ голосъ мой?!... Предъ вѣковымъ обманомъ
Онъ прозвучалъ бы такъ, какъ чайки слабый крикъ
Звучитъ надъ мрачнымъ океаномъ...

Друзьямъ добра.

Когда надъ кораблемъ въ зловѣщихъ небесахъ
Клубятся тяжкія, грохочущія тучи,
И вѣтеръ мечется и свищетъ въ парусахъ,
И океанъ реветъ, бездонный и могучій;
Когда чрезъ бортъ волна безумная летитъ
И бьетъ о палубу своей сѣдою пѣной,
И мачта, какъ тростникъ, согнулась и дрожитъ,
Грозя внезапною измѣной,—

Никто тогда не спитъ на вахтѣ корабля...
Всѣ на ногахъ предъ близкою бѣдою:
И рулевой впился въ тяжелый кругъ руля,
Борясь со злобою морскою;
И руки твердыя безстрашныхъ моряковъ
Мелькаютъ межъ снастей надъ лѣстницей дрожащей
И паруса крѣпятъ... и весь корабль готовъ
Грудь съ грудью встрѣтиться съ грозой, на нихъ летящей.

Въ тѣ дни, когда вездѣ густѣетъ ночи тьма,
Когда живая жизнь куда-то исчезаетъ;
Когда нѣтъ воздуха для сердца, для ума,
И истина предъ ложью отступаетъ;
Когда призывъ любви зовется мятежомъ,
Когда проклятьями клеймится все святое,
Когда царитъ надъ сдавленнымъ умомъ
Все мертвое, слѣпое и глухое,—
Всѣ на ноги, кому свѣтъ дорогъ, тьма страшна!
Всѣ на ноги, въ комъ совѣсть не разбита,
Въ комъ къ истинѣ любовь свободна и сильна
И страхомъ за себя сознанье не убито!
Друзья добра, не опускайте взоръ
Передъ людьми вражды и святотатства:
Пусть каждый злобы крикъ найдетъ у васъ отпоръ
Въ горячей проповѣди братства!

Друзья добра, несите въ эту тьму
Всѣмъ страждущимъ слова призыва и привѣта,
Несите въ душную, огромную тюрьму
Ученіе любви, сознанія и свѣта!
Будите мысль вездѣ, гдѣ спитъ теперь она,
Будите жизнь вездѣ, гдѣ жизнь едва мерцаетъ,—
Пусть всюду мысль встаетъ отъ гробового сна,
Для жизни жизнь пусть всюду воскресаетъ!

Друзья добра, не бойтесь ни костровъ,
Ни плахи, ни меча, ни пытокъ, ни глумленій...
Внимая правдѣ вашихъ словъ,
Палачъ отступится отъ крови и мученій,
Тюрьма раскроется подъ братскою рукой
И выпуститъ измученныхъ на волю...
Жизнь новая, иди! Неси скорѣй съ собою
Рабамъ свободную и любящую долю!

С. А. АНДРЕЕВСКІЙ.

Пигмей.

Слѣдя кругомъ вседневныя кончины,
Страшусь терять бѣгущій мимо часъ:
Отжившій міръ въ безмолвіи погасъ,
А будущій не вызванъ изъ пучины —
Межъ двухъ ночей мы царствуемъ одни,
Мы въ полосѣ движенія и свѣта,
Всесильные, пока насъ грѣютъ дни,
Пока для насъ не грянулъ часъ запрета...
И я страшусь за нашъ отвѣтный постъ,
Гдѣ генію возможенъ смѣлый ростъ,
Гдѣ только разъ мы можемъ быть полезны—
И жутко мнѣ надъ краемъ бездны!

Но демонъ есть: онъ весь—лукавый смѣхъ;
Онъ говоритъ, спокойный за успѣхъ:
— «Какъ даръ судьбы, великое—случайно,
И генія вѣнчаютъ не за трудъ,
Неправеденъ потомства громкій судъ,
И ты, пигмей, сойдешь со сцены тайно.
Порывъ души заносчивый умѣрь,
Войди въ тотъ рай, куда открыта дверь:
Подъ этимъ солнцемъ видимымъ и яснымъ,
Въ живомъ теплѣ, которымъ дышишь ты,
Владѣй любовью свѣжей красоты—
Цвѣтущимъ тѣломъ гибкимъ и атласнымъ...
Объѣхавъ міръ, насыть кристаллъ очей
Эффектами закатовъ и восходовъ,
Величьемъ горъ и вольностью морей,
И пестрой вереницею народовъ...
Порой забавься вымысломъ чужимъ
За книгою, на сценѣ, въ галлереѣ,
Не предаваясь пагубной затѣѣ
Свой умъ и чувство жертвовать другимъ...
Къ земнымъ дарамъ питай въ себѣ охоту;
Люби вино, и шелкъ, и позолоту,
Здоровый сонъ, живую новость дня,
И шумъ толпы, и поздній свѣтъ огня...
Твой вѣкъ продливъ разумнымъ воздержаньемъ,
Ты отпадешь, какъ полновѣсный плодъ,
Не сморщенный до срока увяданьемъ,
Не сорванный разгуломъ непогодъ.»

Но, слушая тѣ здравые совѣты,
Задумчиво внимаетъ имъ пигмей:
Претятъ ему доступные предметы,
Манитъ его туманный міръ идей,
Тревожимый упрекомъ потаеннымъ,
Въ невыгодной заботѣ о другихъ —
Идетъ онъ мимо прелестей земныхъ
Съ лицомъ худымъ и гнѣвомъ убѣжденнымъ!
И созданный въ подобіе звѣрямъ,
Въ оковахъ плоти спутанный, какъ сѣтью,
Онъ, не стремясь къ благому долголѣтью,
Идетъ на смерть, служа своимъ мечтамъ...
И если міръ цвѣтущій и прелестный
На полный мракъ имъ гордо обмѣненъ,
Зато во всей могучей поднебесной
Нѣтъ ничего прекраснѣе, чѣмъ онъ!
Нѣтъ ничего священнѣе для взора,
Какъ бѣлые, сухіе черепа
Работниковъ, сошедшихъ безъ укора —
Молись ихъ памяти, толпа!

Твердость.

Люблю твоихъ глазъ непорочную ясность
И смѣлую правду рѣчей,
И добрыхъ дѣяній святую негласность
Въ кругу незамѣтныхъ людей.
Но ежели счастье тебя отуманитъ
И съ лаской подкрадется лесть,
И блага, которыхъ не счесть,
Фортуна къ тебѣ раболѣпно протянетъ, —
Незыблемъ останься межъ нихъ:
Такъ струны прямыя лучей золотыхъ,
Снопомъ ниспадая изъ купола храма,
Недвижны въ кудрявыхъ волнахъ ѳиміама...

К. М. ФОФАНОВЪ.

* * *

Что-то будетъ у насъ впереди, и куда намъ итти?
Міръ такъ много страдалъ, человѣчество плакало много
И съ безумьемъ во взорѣ, съ тоскою на трудномъ пути
Въ блѣдныхъ призракахъ сердца искало то правду, то Бога.
Низвергалися царства и вновь созидались они,
Создавались кумиры и въ прахъ низвергалися снова,
Сѣрый мракъ уносилъ лучезарно расцвѣтшіе дни.
Боевые мечи заглушали свободное слово.
Міръ изъ бездны вставалъ, колебался надъ бездною вновь,
И отвѣта просилъ у судьбы,—но судьба молчалива.
И распятая правда, сожженная злобой любовь
Вознеслись маяками—и блещетъ надъ бездной пугливо.

* * *

Міръ ликуетъ въ безуміи алчномъ своемъ;
Люди мечутся, стонутъ и страждутъ;

Отстрадавшие спятъ заколдованнымъ сномъ,
И нежившие жизни не жаждутъ.

Стягъ добра и любви, всезиждительный стягъ,
Опустился въ безсильи холодномъ.
А позоръ и печаль, и нужда—что ни шагъ...
Нѣтъ порыва мечтамъ благороднымъ.

Все темно или полно загадки слѣпой,
Иль позорно, какъ рабъ вѣроломный,
И проходитъ толпа по дорогѣ глухой
Безъ свѣтильника полночью темной.

Мы родились подъ знаменемъ чистой любви,
Насъ вспоили народныя слезы,
И огонь разливали въ горячей крови
Лучшихъ дней благородныя грезы.

Между раннихъ гробовъ, между жертвъ роковыхъ
Мы—съ грядущимъ незримыя звенья.
Если мы замолчимъ, то на нивахъ мірскихъ
Не забрезжетъ заря обновленья...

Отошедшимъ.

Отходятъ старые глашатаи свободы
Подъ своды вѣчные, подъ гробовые своды—
И лавры провожаютъ ихъ,
И смерти торжеству внимаетъ скорбь живыхъ!
Они родилися въ мятущіеся годы,
Въ дни предразсудковъ роковыхъ.
Въ тѣ дни, когда еще зарей освобожденья
Не озарился мракъ отчизны дорогой...
При нихъ порвалися гнилого рабства звенья,
Отъ нихъ повѣялъ духъ благого просвѣщенья
Надъ пробужденною страной.
Понятна ихъ борьба, разумна ихъ тревога,
Благословенъ ихъ трудный путь...
Страдая и любя, они творили много,
Ихъ есть чѣмъ помянуть!
А мы! Мы робкое, больное поколѣнье,
Смиривъ въ своихъ сердцахъ пытливое волненье,
Мы все хотимъ простить и все благословить.
Но цѣль потеряна; кумиръ давно разрушенъ...
Мы къ міру холодны, и міръ къ намъ равнодушенъ:
Мы не умѣемъ жить!

На добрую память.

Живите, люди добрые; живите, люди честные!
Стремися, юность смѣлая, безъ устали впередъ!—
Тебѣ земля цвѣтущая, тебѣ огни небесные,
Тебѣ весна румяная и шепотъ вешнихъ водъ.

Живите, возлюбившіе все свѣтлое, все чистое,—
Вы, правдѣ неизмѣнные, глашатаи земли!
Не даромъ солнце знанія, какъ истина, лучистое,
Все ярче разгорается и блещетъ вамъ вдали.

Живите—будьте счастливы! Тотъ счастливъ, кто съ младенчества
Въ тоскѣ желаній призрачныхъ не зналъ лукавыхъ грезъ.
И счастливъ тотъ, кто съ вѣрою погибъ за человѣчество,
Кто рано легъ въ холодный гробъ, кто зла не перенесъ.

Но тѣ еще счастливѣе, кому борьба печальная
Не смѣла крылья юныя до времени разбить,—
Чье слово вдохновенное, какъ арфа, музыкальное,
Осталось въ мірѣ дремлющихъ на доброе будить.

Исчезнетъ зло мятежное, пройдутъ мечты лукавыя,
Пройдутъ непостоянные, безумные года,—
Погибнутъ всѣ жестокіе, погибнутъ всѣ неправые,
А истина великая и слово—никогда!

М. ВАТСОНЪ.

Родная печать.

Глухимъ мертвящимъ сномъ, постыднымъ, малодушнымъ
Ее пытались отравить;
Въ бунтующую грудь вонзали когти злые,
Чтобъ спутать гордыхъ мыслей нить.
Укора громкій стонъ и крикъ негодованья
Душили на ея устахъ,
И, плѣнную, ее угрозой властной мнили
Склонить, трепещущую, въ прахъ.
Когда же сердце ей сжигалъ огонь мятежный,
И не могла она молчать,
Отравой жгучихъ ранъ терзать ее спѣшили
И острымъ терніемъ вѣнчать...
Довольно мрачныхъ сновъ! Пора, друзья, намъ слиться

Въ одинъ воинственный союзъ,
Пора сомкнуть ряды и съ пыломъ дерзновеннымъ
Расторгнуть звенья тяжкихъ узъ!
Пусть сумрачную жизнь лучомъ горячимъ, страстнымъ
Любовь къ свободѣ озаритъ,
И пламя той любви сильнѣй цѣпей желѣзныхъ
Другъ съ другомъ насъ соединитъ.
Лишь прозвучи скорѣй ты, благовѣстъ желанный!
Сумѣетъ вольная печать
И пламенную мысль, и гордыя стремленья
На благо родины отдать.

ВАЛ. БРЮСОВЪ.

* * *

Каменщикъ, каменщикъ въ фартучкѣ бѣломъ
Что ты тамъ строишь? Кому?
—Эй, не мѣшай намъ, мы заняты дѣломъ,
Строимъ мы, строимъ тюрьму.
Каменщикъ, каменщикъ, съ вѣрной лопатой,
Кто же въ ней будетъ рыдать?
—Вѣрно, не ты и не твой братъ богатый,
Незачѣмъ вамъ воровать!
Каменщикъ, каменщикъ, долгія ночи
Кто-жъ проведетъ въ ней безъ сна?
—Можетъ быть, сынъ мой, такой же рабочій,
Тѣмъ наша доля полна.
Каменщикъ, каменщикъ—вспомнитъ пожалуй,
Тѣхъ онъ, кто несъ кирпичи.
—Эй, берегись! Подъ лѣсами не балуй...
Знаемъ все сами, молчи.

Д. С. МЕРЕЖКОВСКІЙ.

Кораллы.

Широко раскинулся вѣтвями,
Чуждый неба, звуковъ и лучей,
Цѣлый лѣсъ коралловъ подъ волнами
Въ глубинѣ тропическихъ морей!
Милліонамъ тружениковъ вѣчныхъ—
Колыбель, могила и пріютъ,
Дивный плодъ усилій безконечныхъ,
Этотъ міръ полипы создаютъ.
Каждый родъ—ступень для жизни новой,—
Будетъ смертью въ камень превращенъ,
Чтобы лечь незыблемой основой
Поколѣньямъ будущихъ временъ;
И встаетъ изъ бездны океана,
И растетъ коралловый узоръ;
Презирая натискъ урагана,
Онъ стремится къ небу на просторъ,
Онъ вознесся кружевомъ пурпурнымъ,
Исполинской чащею вѣтвей
Въ полусвѣтѣ мягкомъ и лазурномъ
Преломленныхъ, трепетныхъ лучей.
Часъ придетъ,—и гордо надъ волнами,
Раздробивъ ихъ влажный изумрудъ,
Новый островъ, созданный вѣками,
Съ торжествомъ кораллы вознесутъ...
О, пускай въ глухой и темной долѣ,
Какъ полипъ, ничтоженъ я и слабъ,—
Я могучъ святою жаждой воли,
Утомленный труженикъ и рабъ!
Тамъ, за далью, вижу я надъ нами
Новый рай, лучами весь облитъ,
Новый островъ, созданный вѣками,
Высоко надъ бездною царитъ.

Жертва.

У ясныхъ волнъ священной Брамапутры
Проводитъ дни въ молитвѣ и постѣ
Божественный подвижникъ Усинара.
Однажды царь небесъ, могучій Индра,
Отшельника задумалъ испытать.
Тогда въ голубку Агни превратился,
И соколомъ за ней помчался Индра.
Но на груди подвижника святого,
Увидѣвъ въ немъ защиту отъ врага,
Дрожащая голубка пріютилась;
Онъ бережно покрылъ ее рукой
И ласково промолвилъ ей: «не бойся!»
Но въ тотъ же мигъ на каменный уступъ—
Угрюмъ и мраченъ—соколъ опустился
И злобно крикнулъ: «по какому праву,
«Могучій Усинара, ты дерзнулъ
«Отнять мою законную добычу?»
— Во имя милосердья и любви
Тому, кто слабъ, я долженъ дать защиту.
— «Что значитъ милосердье и любовь?
«Въ моемъ гнѣздѣ голодные птенцы
«И день, и ночь кричатъ: „отецъ, дай пищи!"
«Лишивъ меня послѣдняго куска,
«Старикъ, ты предалъ ихъ голодной смерти!»
— «Я дамъ тебѣ волшебные дворцы
И грудами каменьевъ драгоцѣнныхъ,
И золотомъ осыплю я тебя,—
Но,—видитъ Богъ,—я выдать не могу
Гонимую, безпомощную жертву...»
Онъ говорилъ и старческой рукой
Любовно гладилъ бѣлую голубку.
— «Нѣтъ, Усинара,—грозно молвилъ соколъ:—
«Къ чему мнѣ золото, къ чему дворцы:
«Я не отдамъ за нихъ моей добычи.
«Смерть—побѣжденнымъ, сильнымъ—торжество—
«Таковъ законъ природы безпощадный.
«Я голоденъ, не мучь меня, старикъ...
«Мнѣ надо теплаго, живого мяса!
«Я требую, чтобъ ты мнѣ возвратилъ
«Кусокъ, моей добычѣ равный вѣсомъ.
«И, если ты не хочешь, чтобъ погибла
«Иная жертва—мяса для меня
«Изъ собственной груди ты долженъ вырвать.»
Но ласково, морщинистой рукой,
Отшельникъ гладилъ бѣлую голубку,
Потомъ взглянулъ на сокола, и жалость
Ко всѣмъ живымъ, ко всѣмъ, кого томитъ
Нужда и голодъ, жалость кроткимъ свѣтомъ
Зажглась въ его божественныхъ очахъ,
Задумчивыхъ и безконечно-добрыхъ.
Онъ тихо молвилъ соколу: «ты правъ».
И острый ножъ онъ въ грудь себѣ вонзилъ
И вырѣзалъ кусокъ живого мяса,
И бросилъ соколу взамѣнъ добычи.
Но тотъ сказалъ: «мы смѣримъ на вѣсахъ,
«Чтобъ былъ кусокъ голубкѣ равенъ вѣсомъ.»
И повелѣлъ отшельникъ, и передъ нимъ
Явился рой духовъ его служебныхъ.
Тяжелые, огромные вѣсы
Они къ скалѣ гранитной прицѣпили,
И на одну изъ чашекъ голубь сѣлъ,
И на другую бросилъ Усинара
Кусокъ кровавый собственнаго тѣла.
Но чаша съ голубемъ не поднялась.
Еще кусокъ онъ вырѣзалъ и бросилъ
Потомъ еще, еще... и кровь струилась,
И не было на немъ живого мѣста:
Срывалъ онъ тѣло съ бедеръ, съ плечъ, съ груди
И все кидалъ на эту чашу,
Что неподвижно въ воздухѣ висѣла.
Вся плоть его—зіяющая рана,
Подъ ней въ крови кой-гдѣ бѣлѣетъ кость,
А между тѣмъ въ очахъ глубоко-ясныхъ—
Все та же необъятная любовь.
Онъ подошелъ къ вѣсамъ и покачнулся,
И навзничь грохнулся, но среди мукъ
Онъ упрекалъ себя за эту слабость,
Онъ говорилъ: «позоръ, позоръ тебѣ,
О, жалкое, безсмысленное тѣло!...
Иль мало я училъ тебя страдать,
Томилъ постомъ, сушилъ полдневнымъ зноемъ...
Впередъ, скорѣй,—конецъ твой, недалекъ:
Еще одно послѣднее усилье!...»
Изъ лужи крови бодро онъ поднялся.
Приблизился къ вѣсамъ и въ нихъ вошелъ,
И чаша опустилась до земли
И радостно къ лазуревому небу
Спасенная голубка вознеслась.
Вздохнулъ онъ и промолвилъ: «какъ я счастливъ!...»
И блѣдное, прекрасное чело
Безоблачнымъ блаженствомъ просіяло.

Сакья-Муни.

По горамъ, среди ущелій темныхъ,
Гдѣ ревѣлъ осенній ураганъ,
Шла въ лѣсу толпа бродягъ бездомныхъ
Къ водамъ Ганга изъ далекихъ странъ.
Подъ лохмотьями худое тѣло
Отъ дождя и вѣтра посинѣло;
Ужъ они не видѣли два дня
Ни пріютной кровли, ни огня.
Межъ деревъ, во мракѣ непогоды,
Что-то тамъ мелькнуло на пути:

Это храмъ—они вошли подъ своды,
Чтобы въ немъ убѣжище найти.
Передъ ними на высокомъ тронѣ—
Сакья-Муни, каменный гигантъ.
У него въ порфировой коронѣ—
Исполинскій чудный брилліантъ.
Говоритъ одинъ изъ нищихъ: «Братья,
Ночь темна, никто не видитъ насъ,
Много хлѣба, серебра и платья
Намъ дадутъ за дорогой алмазъ.
Онъ не нуженъ Буддѣ: свѣтятъ краше
У него, царя небесныхъ силъ,
Груды брилліантовыхъ свѣтилъ
Въ ясномъ небѣ, какъ въ лазурной чашѣ...»
Поданъ знакъ, и вотъ ужъ по землѣ
Воры тихо крадутся во мглѣ.
Но, когда дотронуться къ святынѣ
Трепетной рукой они хотятъ,—
Вихрь, огонь и громовой раскатъ,
Повторенный откликомъ въ пустынѣ,
Далеко откинулъ ихъ назадъ.
И отъ страха все окаменѣло...
Лишь одинъ, спокойно-величавъ,
Изъ толпы впередъ выходитъ смѣло.
Говоритъ онъ Богу: «Ты неправъ!
Или намъ жрецы твои солгали,
Что ты кротокъ, милостивъ и благъ,
Что ты любишь утолять печали
И, какъ солнце, побѣждаешь мракъ?
Нѣтъ, ты мстишь намъ за ничтожный камень,
Намъ, въ пыли простертымъ предъ тобой,
Но, какъ ты, съ безсмертною душой!
Что за подвигъ сыпать громъ и пламень
Надъ безсильной, жалкою толпой...
О, стыдись, стыдись, владыка неба,
Ты воспрянулъ, грозенъ и могучъ,
Чтобъ отнять у нищихъ корку хлѣба!
Царь царей, сверкай изъ темныхъ тучъ,
Грянь въ безумца огненной стрѣлою,—
Я стою, какъ равный, предъ тобою
И, высоко голову поднявъ,
Говорю предъ небомъ и землею:
Самодержецъ міра, ты неправъ!»
Онъ умолкъ, и чудо совершилось:
Чтобы снять алмазъ они могли,
Изваянье Будды преклонилось
Головой вѣнчанной до земли.
На колѣняхъ, кроткій и смиренный,
Предъ толпою нищихъ—царь вселенной,
Богъ, великій Богъ лежалъ въ пыли!

Пророкъ Іеремія.

О дайте мнѣ родникъ, родникъ воды живой!
Я плакалъ бы весь день, всю ночь въ тоскѣ нѣмой
Слезами жгучими о гибнущемъ народѣ.
О, дайте мнѣ пріютъ, пріютъ въ степи глухой!
Покинулъ бы навѣкъ я край земли родной,
Ушелъ бы отъ людей скитаться на свободѣ.
Зачѣмъ меня, Господь, на подвигъ ты увлекъ?
Открою лишь уста, въ устахъ моихъ—упрекъ.
Но ненавистенъ Богъ—служителямъ кумира!
Усталъ я проклинать насилье и порокъ;
И что имъ истина, и что для нихъ пророкъ!
Отъ сна не пробудить царей и сильныхъ міра...

И я хотѣлъ забыть, забыть въ чужихъ краяхъ
Народъ мой, гибнущій въ позорѣ и цѣпяхъ.
Но я не могъ уйти—вернулся я въ неволю.
Огонь—въ моей груди, огонь—въ моихъ костяхъ...
И какъ мнѣ удержать проклятье на устахъ?
Оно сожжетъ меня, но вырвется на волю!

* * *

Часовой на посту долженъ твердо стоять:
У тебя молодыя здоровыя руки,
Ты не въ правѣ на міръ и на Бога роптать,—
Ты рожденъ для труда, не для призрачной муки.
Надоѣли намъ вѣчные стоны твои;
Постыдись! неужель ты умѣешь, какъ дѣва,
Лишь вздыхать при лунѣ о погибшей любви,
Неужель въ тебѣ нѣтъ ни отваги, ни гнѣва!
О, повѣрь,—если въ битву съ могучимъ врагомъ,
Презирая мученья, ты кинешься смѣло,
Полонъ жгучей любовью, враждой и стыдомъ,
Если жизнь ты отдашь за великое дѣло,—
Будутъ дѣтской игрою казаться тебѣ
Твои прежнія пѣсни, мечты и страданья,
Ты смертельныя раны забудешь въ борьбѣ,
Вмѣсто жалобъ и слезъ и проклятій судьбѣ —
Ты въ крови будешь пѣть въ свѣтлый день
упованья!

Совѣсть.

Поэтъ, у ногъ твоихъ волнуется, какъ море,
Голодная толпа и ропщетъ, и грозитъ;
Стучится робко въ дверь безпомощное горе,
И призракъ нищеты въ лицо тебѣ глядитъ,—
А ты... изнѣженный, больной и пресыщенный,
Ты заперся на ключъ отъ воплей и скорбей;
Не начиная жить, ты жизнью устрашенный,
Бѣжалъ, закрывъ глаза, отъ міра и людей.

Надъ книгой ты скорбѣлъ, ты плакалъ надъ собою,
И, презирая трудъ. о подвигахъ мечталъ,
И, въ праздности гордясь печалью міровою,
Стенаньямъ гибнущихъ безчувственно внималъ.
Игралъ ты, какъ дитя, въ искусство и науку.
Въ уютной комнатѣ ты для голодныхъ пѣлъ
Свою развратную, безсмысленную скуку,
И хлѣбъ чужой, какъ воръ, всю жизнь
безпечно ѣлъ.
Объ истинѣ кричалъ, но въ истину не вѣрилъ,
И, чувства мнимаго любуясь красотой,
Какъ въ зеркалѣ актеръ любуется собой, —
Въ слезахъ раскаянья ты лгалъ и лицемѣрилъ!

Что могъ бы ты сказать измученному міру?
Кому свою печаль ничтожную поешь?...
Твой безполезный стихъ—кощунственная ложь;—
Разбей ненужную, безсмысленную лиру!...
Съ людьми ты не хотѣлъ бороться и страдать,
Ни разу на мольбу ты не далъ имъ отвѣта,
И смѣешь ты себя, безумецъ, называть
Священнымъ именемъ поэта!

Донъ-Кихотъ.

Шлемъ—надтреснутое блюдо,
Щитъ—картонный, панцырь жалкій...
Въ стременахъ висятъ, качаясь,
Ноги тощія, какъ палки.

*

Но зато какъ много дѣтской
Доброты въ улыбкѣ нѣжной,
И въ лицѣ худомъ и блѣдномъ
Сколько вѣры безмятежной!

*

Для него хромая кляча —
Конь могучій Россинанта,
Эти мельничныя крылья —
Руки мощныя гиганта.

*

Видитъ онъ въ тавернѣ грязной
Роскошь царскаго чертога,
Слышитъ въ дудкѣ свинопаса
Звукъ серебрянаго рога.

*

Санхо Панса ѣдетъ рядомъ;
Гордый видъ его серьезенъ:
Какъ прилично копьеносцу,
Онъ величественъ и грозенъ.

*

Въ красной юбкѣ, въ пятнахъ дегтя,
Тамъ, надъ кучами навоза —
Эта царственная дама —
Дульцинея де-Тобозо...

*

Страстно, съ юношескимъ жаромъ
Онъ толпѣ крестьянъ голодныхъ,
Вмѣсто хлѣба, разсыпаетъ
Перлы мыслей благородныхъ:

*

«Люди добрые, ликуйте, —
«Наступаетъ праздникъ вѣчный:
«Міръ не солнцемъ озарится,
«А любовью безконечной...

*

«Будутъ всѣ равны; другъ друга
«Перестанутъ ненавидѣть;
«Ни алькады, ни бароны
«Не посмѣютъ васъ обидѣть.

*

«Пойте, братья, гимнъ побѣдный!
«Этотъ мечъ несетъ свободу,
«Справедливость и возмездье
«Угнетенному народу!»

*

Изъ приходской школы дѣти
Выбѣгаютъ, бросивъ книжки,
И хохочутъ, и кидаютъ
Грязью въ рыцаря мальчишки.

*

Апплодируя, какъ зритель,
Жирный лавочникъ смѣется;
На крыльцѣ своемъ трактирщикъ
Весь отъ хохота трясется.

*

И почтенный патеръ смотритъ,
Изумленіемъ объятый,
И громитъ безумье вѣка
Онъ латинскою цитатой.

*

Изъ окна глядитъ цырюльникъ,
Онъ прервалъ свою работу,
И съ восторгомъ машетъ бритвой,
И кричитъ онъ Донъ-Кихоту:

*

«Благороднѣйшій изъ смертныхъ!
«Я желаю вамъ успѣха!...»
И не въ силахъ кончить фразы,
Задыхается отъ смѣха.

*

Всѣ довольны, всѣ смѣются
Съ гордымъ видомъ превосходства,
И никто въ немъ не замѣтитъ
Красоты и благородства.

*

Онъ не чувствуетъ, не видитъ
Ни насмѣшекъ, ни презрѣнья:
Кроткій ликъ его—такъ свѣтелъ,
Очи—полны вдохновенья.

*

Смѣйтесь, люди; но, быть можетъ,
Вы когда-нибудь поймете,
Чтó возвышенно и свято
Въ этомъ жалкомъ Донъ-Кихотѣ:

*

Святы въ немъ—любовь и вѣра,
Этой вѣрою согрѣты
Всѣ великіе безумцы,
Всѣ пророки и поэты!

* * *

Voluntas est superior intellectu.
Дунсъ Скоттъ.

Блаженъ, кто цѣль избралъ, кто вышелъ на дорогу
И мужествомъ бойца, и вѣрой надѣленъ,
Кто бросился стремглавъ въ житейскую тревогу,
Кто весь насущною заботой поглощенъ.
Волнуемъ злобой дня, въ работѣ торопливой
Онъ поневолѣ чуждъ сомнѣній роковыхъ,
И некогда ему отыскивать пытливо
Завѣтнаго ключа вопросовъ міровыхъ.
Со знаменемъ въ рукахъ вступая въ бой кровавый,
Онъ можетъ ранами гордиться предъ толпой,
Онъ можетъ совершить свой подвигъ величавый
И на виду у всѣхъ погибнуть, какъ герой,
Погибнуть, какъ орелъ, чтó гордо умираетъ,
Пернатою стрѣлой пронзенный въ облакахъ,
И гаснущій зрачокъ на солнце устремляетъ,
Встрѣчая свой конецъ въ родимыхъ небесахъ.
Но горекъ твой удѣлъ, мечтатель безполезный:
Ненуженъ никому, отъ жизни ты далекъ.
И трепетно склонясь надъ сумрачною бездной
Неразрѣшимыхъ тайнъ, ты вѣчно одинокъ...
Струной, надорванной мучительнымъ разладомъ,
Твой каждый чуткій нервъ болѣзненно дрожитъ,
И каждый твой порывъ неотразимымъ ядомъ
Сомнѣній роковыхъ въ зародышѣ убитъ.
Въ бездѣйствіи проживъ, погибнешь ты безцѣльно...
Не тронетъ никого твой заунывный плачъ,
Не въ силахъ ничему отдаться нераздѣльно,—
Ты самъ своей души—безжалостный палачъ.
Порой ты рвешься въ даль, надеждой увлеченный,
Но воля скована тяжелымъ, мертвымъ сномъ:
Ты недвижимъ,—какъ трупъ, въ безсильи роковомъ,
Ты живъ,—какъ заживо въ могилу погребенный
Хотя бы вѣчностью влачился каждый мигъ,
Изъ гроба вырваться на волю не пытайся;
Не вылетитъ изъ устъ ни жалоба, ни крикъ,—
Молчи и умирай, терпи и задыхайся!

Поэту нашихъ дней.

Молчи, поэтъ, молчи: толпѣ не до тебя.
До скорбныхъ думъ твоихъ кому какое дѣло?
Твердить былой напѣвъ ты можешь про себя,—
Его намъ слушать надоѣло...

Намъ каждый ли твой стихъ сокровища души
За славу мнимую безумно расточаетъ,—
Такъ за глотокъ вина послѣдніе гроши
Порою пьяница бросаетъ.

Ты опоздалъ, поэтъ: нѣтъ въ мірѣ уголка,
Въ груди такого нѣтъ блаженства и печали,
Чтобъ тысячи пѣвцовъ объ нихъ во всѣ вѣка,
Во всѣхъ краяхъ не повторяли.

Ты опоздалъ, поэтъ: твой міръ опустошенъ,—
Ни колоса—въ поляхъ, на деревѣ—ни вѣтки;
Отъ сказочныхъ пировъ счастливѣйшихъ временъ
Тебѣ остались лишь объѣдки...

Попробуй слить всю мощь страданій и любви
Въ одинъ безумный вопль, въ негодованьи гордомъ
На лирѣ и въ душѣ всѣ струны оборви
Однимъ рыдающимъ аккордомъ,—

Ничто не шевельнетъ потухшія сердца,
Въ священномъ ужасѣ толпа не содрогнется,
И на послѣдній крикъ послѣдняго пѣвца,
Никто, никто не отзовется!

Пророкъ Исаія.

Господь мнѣ говоритъ: «Довольно Я смотрѣлъ,
Какъ надъ свободою глумились лицемѣры,
Какъ человѣкъ ярмо позорное терпѣлъ:
Не отъ вина, не отъ сикеры —
Онъ отъ страданій опьянѣлъ.
Князья народу говорили:
«Пади предъ нами ницъ!» и онъ лежалъ въ пыли,
Они, смѣясь, ему на шею наступили,
И по хребту его властители прошли.
Но Я приду, Я покараю
Того, кто слабаго гнететъ.
Князья Ваала, какъ пометъ,
Я ваши трупы разбросаю!
Вы всѣ передо Мной разсѣетесь, какъ прахъ.
Что для Меня вашъ скиптръ надменный!
Вы—капля изъ ведра, пылинка на вѣсахъ
У Повелителя вселенной!
Земля о мщеньи вопіетъ.
И ни корона, ни порфира —
Ничто отъ казни не спасетъ,
Когда тяжелая сѣкира
На корень дерева падетъ.
О, скоро Я войду, войду въ мое точило,
Чтобъ гроздья спѣлыя ногами растоптать,
И въ ярости князей и сильныхъ попирать,
Чтобъ кровь ихъ алая Мнѣ ризы омочила,
Я царства разобью, какъ глиняный сосудъ,
И пышные дворцы крапивой поростутъ.
И поселится змѣй въ покинутыхъ чертогахъ,
Тамъ будетъ выть шакалъ и страусъ яйца класть,
И выростетъ ковыль на мраморныхъ порогахъ:
Такъ предъ лицомъ Моимъ падетъ земная власть!
Утѣшься, Мой нородъ, Мой первенецъ любимый,
Какъ мать свое дитя не можетъ разлюбить,
Тебя, измученный, гонимый,
Я не могу покинуть и забыть,
Я внялъ смиренному моленью,
Я васъ отъ огненныхъ лучей
Покрою скиніей Моей,
Покрою сладостною тѣнью.
Мое святилище—не въ дальнихъ небесахъ,
А здѣсь—въ душѣ твоей, скорбями удрученный,
И одинокой, и смущенной,
Въ смиренныхъ и простыхъ, но любящихъ сердцахъ.
Какъ нѣжная голубка осѣняетъ
Неоперившихся птенцовъ,
Моя десница покрываетъ
Больныхъ, и нищихъ, и рабовъ.
Она спасетъ ихъ отъ ненастья
И напитаетъ отъ сосцовъ
Неизсякаемаго счастья.
Миръ, миръ Моей землѣ!.... Кропите небеса,
Отраду тихую весенняго покоя.
Я къ вамъ сойду, какъ дождь, какъ свѣтлая роса
Среди полуденнаго зноя.»

Т. Л. ЩЕПКИНА-КУПЕРНИКЪ.

Неурожай.

Истощена земля: не въ силахъ хлѣба дать.
Напрасно къ небу шлютъ моленья люди;
Несчастная—примолкла, точно мать,
Которая боится зарыдать,
Держа ребенка у изсохшей груди.
А онъ—виновный безъ вины—
Страдаетъ, плачетъ онъ, не зная,
За что его караетъ грудь родная...
Такъ плачетъ и народъ моей страны.
Съ отчаяньемъ его рыданьямъ внемлю...
Повсюду слезы, слезы... Сколько ихъ!...
Но, видно, мало слезъ людскихъ,
Чтобъ напоить сухую землю.

Бояться надо намъ...

Бояться надо намъ не ужасовъ возстанья,
Не хитростей подпольной клеветы;
Бояться надо намъ постыднаго незнанья
И тягостной духовной нищеты.

Не противленья власти и законамъ,
Не пылкихъ подвиговъ должны бояться мы....
Но равнодушія къ людскимъ слезамъ и стонамъ
И отупѣнья въ царствѣ вѣчной тьмы.

Невѣжество! вотъ врагъ непобѣдимый,
Что родину лишаетъ лучшихъ силъ...
Источникъ гибели незримой
И преждевременныхъ могилъ.

Мы, на борьбу съ нимъ выступая смѣло,
Должны бояться только одного,
Что не успѣетъ наше дѣло
Одну хоть жертву вырвать у него.

Памяти М. Ю. Гольдштейна.

(Убитаго въ Архангельскѣ 20 окт. 1905 г.).

Въ послѣдній разъ онъ былъ среди друзей.
Тайкомъ свое покинулъ онъ изгнанье;
Кому-то облегчить существованье
Спѣшилъ поддержкой пламенной своей.
Онъ не умѣлъ остаться равнодушнымъ,
Страдая самъ, къ страданіямъ людскимъ.
И жилъ онъ здѣсь съ довѣрьемъ простодушнымъ
Гдѣ день, гдѣ ночь—попрежнему гонимъ
Вотъ онъ средь насъ: потертая одежда,
Сіяніе серебряныхъ сѣдинъ
И свѣтлыхъ глазъ глубокая надежда
Не меркшая подъ гнетомъ злыхъ годинъ.
Онъ не зачахъ среди лишеній ссылки,
Среди угрюмой сѣверной земли
Его мечты какъ прежде были пылки,
Любовь и трудъ—впередъ его вели.
Съ кѣмъ онъ когда-то жизнью жилъ одною,
Ему давно твердили: «покорись!»
Потомъ, предавшись сытому покою,
Совсѣмъ ушли, забыли, отреклись.
Но ихъ, избравшихъ путь успокоенья,
Онъ никогда, бездомный, не корилъ:
Безъ гнѣвныхъ словъ—со вздохомъ сожалѣнья,
Онъ говорилъ: «имъ не хватило силъ!»
Ученый кроткій, съ рѣчью дѣтски-чистой,
Съ улыбкою разсѣянно-лучистой,
Въ гармонію, какъ юноша, влюбленъ,
Онъ извлекалъ изъ клавишей рояли
То счастья гимнъ, то тихій вздохъ печали,
Божественнымъ дыханьемъ окрыленъ.
Онъ забывалъ и ссылку и лишенья,
Отдавшись чарамъ музыки святымъ,
Тогда съ невольнымъ чувствомъ умиленья,
Растроганы, слѣдили мы за нимъ.
И говорилъ онъ намъ о новомъ вѣкѣ,
О новомъ, лучшемъ, чистомъ человѣкѣ.
Пророчилъ онъ свободы торжество
И мы съ любовью слушали его.
Онъ полонъ былъ великаго довѣрья
И наяву святые видѣлъ сны,
И часъ пришелъ и палъ онъ—у преддверья
Обѣтованной стороны!
Но въ смертный часъ работникъ благородный
Увидѣлъ свѣтъ, прорвавшій смѣло тьму!
И вѣрится—земля легка ему:
Онъ легъ въ землѣ свободной!

К. Н. ЛЬДОВЪ.

Кармелитка *).

(Средневѣковая легенда).

Луна, какъ факелъ, освѣтила
Безмолвный садъ;
Въ лазури звѣздныя кадила
Чуть-чуть дрожатъ...
Въ оградѣ звякнула калитка,
Шуршитъ сирень,
И молодая кармелитка
Скользитъ, какъ тѣнь.
Трепещетъ грудь подъ рясой черной,
Раскрытъ клобукъ,
И четки змѣйкою проворной
Сбѣгаютъ съ рукъ.
Вдохнулъ ей замыселъ грѣховный
Учитель зла...
— «Ты звалъ меня, отецъ духовный,
И я пришла.»
Но, вмѣсто страстнаго объятья,
Сердечныхъ словъ,
Надъ ней раздалися проклятья
И звонъ оковъ.
— «Покайся, грѣшная черница!
Забывши стыдъ,
Ты не монахиня,—блудница,
Твой грѣхъ открытъ!
Тебѣ—костеръ, тебѣ—отрава

*) Кармелитка—монахиня католическаго ордена. Явленія, подобныя описанному въ этомъ стихотвореніи, конечно, давно уже отошли въ область историческаго, почти легендарнаго прошлаго. *Прим. автора.*

И мракъ могилъ...
Я искусилъ тебя лукаво,—
Но искусилъ.»
Она трепещетъ въ мертвомъ страхѣ,
Звучатъ ключи.
Идутъ суровые монахи,
Какъ палачи.
Упали темныя одежды,
Обнажена...
Безъ покаянья, безъ надежды
Стоитъ она...
Судья съ пергаментнаго свитка
Сорвалъ печать,—
И услыхала кармелитка:
«Замуровать!»
И скрылась тайна въ темной нишѣ,
Исчезъ тайникъ,
И замиралъ все тише, тише
Предсмертный крикъ.

Швея.

На небѣ блещетъ солнце,
Какъ золоченый щитъ...
Насупротивъ въ оконцѣ
Работница строчитъ.

Машина, что кузнечикъ,
Выводитъ тикъ да тукъ!
Какъ будто дождь колечекъ
Посыпался изъ рукъ.

Убогая косынка,
Склоненная швея...
Нехитрая картинка, —
А заглядѣлся я!

Вся сцена словно рамой
Окномъ обведена—
И жизненною драмой
Загадочно полна.

И впрямь, почти картина:
Такъ вѣчно можетъ быть,—
Стучать должна машина,
Швея должна строчить.

* * *

Бѣлая ночь. Небеса, точно дымка,
Странно прозрачны и странно туманны.
Городъ уснулъ. Прикурнувши къ сидѣнью,
Дремлетъ извозчикъ. Родимое поле
Снится ему. Озаренная солнцемъ,
Тихо колышется рожь золотая.
Блещутъ серпы. Подъ веселую пѣсню
Дѣло спорится. Сынишка подростокъ
Жнетъ, точно взрослый, и матка съ нимъ рядомъ..
Сладкія грезы! Улыбка играетъ
Въ темномъ лицѣ...
Вдругъ послышался окликъ:
— «Ишь, нализался!» Извозчикъ съ просонокъ
Дернулъ вожжами. Блюститель порядка
Смотритъ во слѣдъ и грозитъ ему пальцемъ.

Отшельникъ.

Въ бору ароматномъ, гдѣ сосны и ельникъ
Сплотилися тѣсно въ зеленый плетень,
Гдѣ дятелъ стучитъ и блуждаетъ олень, —
Отъ грѣшнаго міра спасался отшельникъ.
И вотъ омрачила предсмертная тѣнь
Черты изможденнаго лика...
И старецъ воскликнулъ: «Господь мой, Владыка
Незримыхъ и зримыхъ пространствъ и міровъ,
Прими мою душу и бренный покровъ,
На ней тяготѣвшій, какъ цѣпи!
Я въ жизни томился, какъ въ сумрачномъ склепѣ,
Я жаждалъ безумно грядущей зари,
Покинулъ людей и твои алтари,
И все, что̀ къ земному меня привлекало...
Но истины сердце напрасно алкало:
Во мракѣ я жилъ и во мракѣ умру...
И совѣсть мою, какъ змѣиное жало,
Язвитъ сожалѣніе... Въ темномъ бору
Я былъ равнодушенъ къ земному добру;
Мірскія тревоги, мірскія печали
Смиренной молитвы моей не смущали,
Я духомъ стремился въ небесную даль—
И вотъ у могилы чего-то мнѣ жаль,
О чемъ-то быломъ я тоскую!
О, Боже, Ты пѣнишь пучину морскую
И вновь превращаешь въ зеркальную гладь,—
Верни же Твой миръ и Твою благодать,
Душѣ, омраченной сомнѣньемъ!
Легко умереть, тяжело умирать...
О, Боже, обвѣй мою душу забвеньемъ
И въ очи мнѣ славой Твоею блесни.
Зажги на мгновенье святые огни,
Огни вѣковѣчнаго свѣта!...»
Но сумрачно въ кельѣ... Послышался гдѣ-то
Двухъ совъ заунывный, глухой перекликъ...
И старецъ съ мольбою къ святынѣ приникъ,—
И не было старцу отвѣта...

А. П. КОЛТАНОВСКІЙ.

Изъ дневника пролетарія.

Смѣняются годы. Дряхлѣетъ духъ и тѣло.
Растутъ ряды могилъ былыхъ надеждъ и думъ.
Изъ глазъ исчезъ маякъ завѣтнаго предѣла...
Живу поденщикомъ, озлобленъ и угрюмъ...
Чего-жъ еще я жду? Какъ червь, покрытый прахомъ,—
Полураздавленный пятой моей судьбы,
Я корчусь и ползу съ тревогою и страхомъ,
Безъ вѣры въ лучшее, безъ силы для борьбы.

Напрасно умъ велитъ открыть безъ сожалѣнья
Пріюта вѣчнаго таинственную дверь,—
При мысли роковой душа полна смятенья:
Въ предсмертномъ ужасѣ во мнѣ трепещетъ звѣрь.

Онъ молитъ: «Дай мнѣ жить, хоть крохами богатыхъ,
Хоть псомъ на привязи добро ихъ сторожить,
Хоть жалкимъ быть шутомъ въ сіяющихъ палатахъ,
Хоть нищимъ, хоть рабомъ,—но только-бъ вѣкъ продлить!...»

И я живу—во тьмѣ, въ неволѣ, изнывая,
Пока изъ ранъ моихъ еще сочится кровь...
О, будь ты проклята, животная, слѣпая,
Къ позору бытія позорная любовь!...

Въ конторѣ.

Унынье и тоска... Накурено и душно...
Отъ пишущихъ машинъ, отъ счетъ—немолчный стукъ...
Писцы, средь толстыхъ книгъ, хлопочутъ равнодушно,
И въ лицахъ ихъ—ни думъ, ни радости, ни мукъ.

И такъ съ утра—до вечера... И нынѣ,
И завтра будетъ то-жъ... и дальше—безъ конца.
И некогда вздохнуть... Какъ дерево въ пустынѣ,
Безъ влаги жизненной мертвѣютъ ихъ сердца.

Нужда согнала ихъ, чтобъ подъ ярмо склониться,
Работать, чтобы ѣсть, и ѣсть, чтобъ только жить,
И жить затѣмъ, чтобъ также вновь трудиться,—
Пока не оборветъ судьба ихъ жизней нить.

И я средь нихъ—воловъ, покорныхъ темной долѣ
И ревностно, за кормъ, влачащихъ тяжкій плугъ,—
Томлюсь, какъ дикій конь, тоскующій о волѣ
И рвущійся туда, гдѣ блещетъ степь и лугъ...

Въ бурю.

... Несется корабль, а на встрѣчу съ волны на волну,
Какъ мячикъ, суденышко утлое скачетъ...
Кто, дерзкій, пойдетъ этой ночью ко дну?
Надъ кѣмъ завтра чайка заплачетъ?...

Не горсть удальцовъ на просторъ изъ неволи бѣжитъ,
Иль въ край неизвѣстный за счастьемъ и славой,
Не грозная шайка добычу слѣдитъ,
Готовясь къ потѣхѣ кровавой...

То—дѣти нужды, слуги жадной корысти людской,
Богатство чужое везутъ изъ-за моря,
За хлѣбъ свой убогій—безстрашной рукой
Съ ревущей пучиною споря.

Какъ призракъ, ихъ парусъ мелькнулъ и растаялъ во мглѣ...
А море во слѣдъ имъ хохочетъ и стонетъ...
Примчитъ ли ихъ бѣшеный вѣтеръ къ землѣ,
Иль въ безднѣ кипящей схоронитъ?...

В. П. ЛЕБЕДЕВЪ.

Шутъ Іоанна Грознаго.

Когда, гнѣвясь на козни москвитянъ,
Жилъ въ слободѣ суровый Іоаннъ;
Когда, запятнанъ кровью неповинныхъ,
Онъ пировалъ на пиршествахъ безчинныхъ;
Когда, въ сѣкиры бранные мечи
Перековавъ, трудились палачи,

И смѣшанъ былъ за трапезою царской
И смердовъ родъ, и чванный родъ боярскій,—
Въ тѣ дни убійствъ, и казней, и гульбы
Дрожали всѣ—бояры и рабы.
Лишь царскій шутъ въ заплатанномъ кафтанѣ
Шутить дерзалъ при грозномъ Іоаннѣ,
И иногда, стыдясь кровавыхъ дѣлъ,
Царь въ хитрой шуткѣ истину терпѣлъ.
Разъ Іоаннъ, держась за посохъ гнутый,
Пришелъ на пиръ съ Басмановымъ, съ Малютой.
Онъ мраченъ былъ... Въ застѣнкѣ до утра
Багрила кровь желѣзо топора,
Свистали плети, жертвѣ истомленной
Нагую грудь язвилъ свинецъ топленый,
И озарялъ костра пунцовый свѣтъ
Сквозь синій чадъ обугленный скелетъ.
Еще усталый, блѣдный и суровый,
На стулъ рѣзной въ узорчатой столовой
Сѣлъ Іоаннъ. Толпа нарядныхъ слугъ
Засуетилась съ винами вокругъ;
Всѣ въ клобукахъ, сидѣли, пили въ страхѣ
Изъ чашъ рѣзныхъ опричники, монахи,
А смѣлый шутъ у самыхъ царскихъ ногъ
На бѣлой шкурѣ весело прилегъ.
— «Эхъ, царь Иванъ», онъ молвилъ властелину:
«Залей виномъ, виномъ залей кручину...»
— «Пошелъ, дуракъ!...»—и мощною рукой
Царь опрокинулъ кубокъ золотой,
И со стола на бѣлый мѣхъ и на полъ
Напитокъ сладкій пурпуромъ закапалъ.
Страхъ оковалъ опричниковъ ряды,
Но, красныхъ капель яркіе слѣды
Стряхнувъ полой съ мишурнаго кафтана,
Шутъ отвѣчалъ на окрикъ Іоанна:
— «Не лей ручьемъ заморскаго вина...
«Вино не кровь!...» Настала тишина...
Поражены, изъ-за столовъ воспрянувъ,
Смѣшались всѣ; но посохъ Іоанновъ
Уже сверкнулъ и свистнулъ на лету,
Впиваясь въ горло дерзкому шуту...
И съ той поры никто изъ слугъ царёвыхъ
Не смѣлъ шутить на пиршествахъ дворцовыхъ.
Но много разъ суровый Іоаннъ,
Поднявъ виномъ наполненный стаканъ,
Жалѣлъ шута, не слыша шутокъ смѣлыхъ
Изъ рабскихъ устъ убійцъ освирѣпѣлыхъ...

Путникъ.

Сверкали зеленыя очи драконовъ
Изъ мрака угрюмыхъ пещеръ;
Былъ камень кремнистый ущелій и склоновъ
И жостокъ, и сѣръ...
Колючій терновникъ росъ хмуро и чахло,
Роняя на камни иглу за иглой;
Изъ пропасти пахло
Разрытой могильной землей...
Шелъ путникъ, и горные склоны
Безъ стона онъ кровью кропилъ;
Не слышалъ онъ вѣянья близкихъ могилъ,
Не слышалъ, что выли драконы,
Что иглы терновыя грудь
И руки ему обнаженныя рвали,
Что бѣшено въ горномъ провалѣ
Потокъ пролагалъ себѣ путь...
Онъ шелъ и пылающимъ взоромъ
Безумно стремился туда,
Гдѣ, тѣшась небеснымъ просторомъ,
Къ звѣздѣ прилетала звѣзда...
Онъ шелъ... Все труднѣе и круче
Былъ путь по кремнистой скалѣ,—
А звѣзды сверкали, прекрасны и жгучи,
Все такъ же во мглѣ.
Все такъ же очами изъ мрака пещеры
Драконы грозили, плылъ запахъ могилъ,
И такъ же, исполненъ пылающей вѣры,
Очей не сводя со свѣтилъ,
Онъ кровью холодные камни кропилъ...

На улицѣ.

День померкъ, и ночи тьма
Спускалась съ вышины,
И были улицы, дома
Зарей освѣщены.

По ней, ступая тяжело,
Шелъ каторжниковъ рядъ,
И велъ ихъ—сабли наголо—
Угрюмый взводъ солдатъ.

И въ блескѣ оконъ и домовъ,
Въ весенней красотѣ,
Былъ дикъ и страненъ звонъ оковъ
Столичной суетѣ.

И съ любопытствомъ тамъ и тутъ,
Среди забавъ и дѣлъ,
Счастливый людъ, свободный людъ
На скованныхъ глядѣлъ...

Мраморъ.

(Фреска).

Усталый рабъ въ каменоломнѣ тѣсной
Свершалъ свой трудъ тяжелый и безвѣстный

Гиметскій мраморъ, бѣлый, точно снѣгъ,
Онъ острымъ ломомъ скалывалъ и сѣкъ...
Тянулась долго трудная работа,
Ломилась грудь, струились капли пота,
Надсмотрщикъ злой отсчитывалъ сплеча
Рабу удары тонкаго бича —
И кровь текла по бѣлоснѣжной глыбѣ
И алой каплей рдѣла на изгибѣ...
И кончилъ рабъ и, выронивши ломъ,
Упалъ безъ силъ...
Съ державой и съ орломъ,
Бѣлѣлъ подъ аркой мраморной Юпитеръ;
Змѣясь, бѣжала цѣпь узорныхъ литеръ
На пьедестала гладкой бѣлизнѣ...
Народъ шумѣлъ... Ликуя, въ сторонѣ
Творецъ скульпторъ, питомецъ мирныхъ студій
Внималъ рѣчамъ цѣнителей и судей:
«Какой орелъ! Живой! Взгляни:—вотъ, вотъ,
«Воспрянетъ онъ и крылья развернетъ!..
«А мантія!? А гордый взоръ владыки!?...»
Скульпторъ сіялъ—и, полный торжествомъ,
Онъ и не зналъ, не помышлялъ о томъ,
Чей трудъ служилъ въ горахъ во мглѣ суровой
Его труду зачаткомъ и основой.

А. Н. БУДИЩЕВЪ.

Послѣ битвы.

Военачальники избиты,
И уничтоженъ нашъ отрядъ...
Какъ очи гнѣвныя, горятъ
Созвѣздья, тучами повиты,
И вѣтеръ стонетъ, да луна
Глядитъ, печальна и блѣдна.

Я тихо выползъ изъ оврага,
Куда врагами сброшенъ былъ;
Росою жажду утолилъ
И, окровавленною шпагой
Смолистыхъ сучьевъ нарубивъ,
Зажегъ костеръ. Верхушки ивъ
Въ оврагѣ темномъ лепетали;
Безъ грома молніи сверкали
Вдали надъ сумрачной горой,
Ца гдѣ-то звонко кони ржали,
И сычъ кричалъ, да волкъ порой
Протяжно вылъ во тьмѣ ночной...
И вспомнилъ я: мы въ кучу сбились,
Спасая знамя отъ враговъ;
Тамъ стонъ стоялъ; ряды бойцовъ
Травою скошенной ложились.
И умирающій—кто могъ
Еще дышать,—спускалъ курокъ;
И холодѣвшими устами,
Послѣдній испуская стонъ,
Просилъ подать еще патронъ...
Мы въ злобѣ спорили съ звѣрями
И лишь о томъ жалѣли тутъ,—
Что руки рѣзать устаютъ!
И долго я въ оцѣпенѣньи
Сидѣлъ съ поникшей головой
И размышлялъ съ самимъ собой,
Но разрѣшить не могъ сомнѣнья:
Трусъ возбуждалъ во мнѣ презрѣнье,
И отвращеніе—герой!...

Изъ зимняго альбома.

Заря надъ полями алѣетъ.
Свѣтаетъ. Рѣдѣетъ туманъ,
И звѣздами инея сѣетъ
На скатѣ оврага бурьянъ.
Тамъ, нюхая воздухъ, лисица
Голодую мышь сторожитъ.
А въ садикѣ бѣломъ синица
Порхаетъ, поетъ и звенитъ;
Щебечетъ, какъ будто смѣется.
Знать, сердце надеждой живетъ,
Что красное лѣто вернется
И къ намъ мимоходомъ зайдетъ;
Заглянетъ въ холодныя хаты,
Въ окошко дождемъ застучитъ.
«За сохи, за косы, солдаты!»
Надъ соннымъ селомъ закричитъ:
«Взгляните: весна надъ полями!
Проснулись и птица, и звѣрь.
Что̀ срублено древле отцами,
Подъ пашни корчуйте теперь!
Глядите на будущность смѣло,
И дѣти вамъ славу споютъ...
Да здравствуетъ честное дѣло,
Да здравствуетъ солнце и трудъ!...»

В. Н. ЛАДЫЖЕНСКІЙ.

На могилѣ Лермонтова.

Какъ море, гладь степей раскинулась кругомъ,
Лишь изрѣдка мелькнетъ убогое селенье,
И церковь бѣдная съ сіяющимъ крестомъ
На мирныя поля зоветъ благословенье...
Такъ вотъ куда, пѣвецъ, всевластною мечтой
Такъ часто мысль тебя, тоскуя, уносила,
Загубленный пророкъ страны моей родной —
Великій Лермонтовъ, такъ вотъ твоя могила!
Цвѣтущія поля ласкаютъ жадный взоръ,
Вотъ старый домъ, и садъ, и милыя Тарханы,
И роща вдалекѣ, а тамъ—опять просторъ,
Гдѣ вечеромъ въ степи синѣются туманы,
Какъ стая птицъ, на югъ несутся облака,
И если твой привѣтъ, съ собой, въ страну изгнанья,
Казбеку вѣчному снесутъ издалека,
То скажутъ, что поэтъ давно забылъ страданья,
Что горе спитъ въ землѣ, и что могильный сонъ
Ни клевета друзей, ни зависть не встревожитъ,
Что роемъ свѣтлыхъ грезъ покой твой окруженъ,
И злоба самая развѣять ихъ не сможетъ.

*

Но, еслибъ иногда страны своей родной
Ты могъ увидѣть жизнь,—проснулось бы мученье
Печально-бъ ты глядѣлъ, съ щемящею тоской,
На племя жалкое, на «наше поколѣнье».
Напрасно протекли привычной чередой
Полвѣка долгаго томительные годы,
Безславенъ, какъ и встарь, нашъ скучный путь земной,
И сами мы бѣжимъ отъ счастья и свободы.
Лишь наглой дерзостью твой слухъ бы поразилъ
Разнузданныхъ страстей пиръ далеко не новый,
И съ головы «вѣнецъ пѣвца, вѣнецъ терновый»
Ты самъ сорвалъ бы и разбилъ!...

Умирающій пѣвецъ.

(Дорогой памяти А. Н. Плещеева).

Пѣвецъ умиралъ, истомленный борьбой;
Въ немъ сердце сжималось предсмертной тоской.
Холодная вьюга, прощаясь надъ нимъ,
Рыдала, какъ мать надъ ребенкомъ больнымъ.

Ужъ смерть леденила страдальческій взоръ,
И въ скорби друзей онъ читалъ приговоръ.

И вѣчную ночь—свой желанный покой—
Страдалецъ встрѣчалъ безысходной тоской.

Вдругъ слышитъ онъ пѣсню, поется она.
Любовью и нѣгой, и лаской полна,

И дышитъ свободнѣй усталая грудь.
Подъ пѣсню пѣвцу такъ отрадно заснуть.

Онъ самъ эту пѣсню когда-то сложилъ,
Въ нее онъ любовь и мечты перелилъ;

Тѣ звуки къ забытому счастью зовутъ.
Пѣвцы умираютъ, но пѣсни живутъ!

Покой и прощенье—тому, кто любилъ,
Кто пѣснями людямъ, какъ братьямъ, служилъ.

Пусть вянутъ надъ бѣдной могилой цвѣты,
Но жить будутъ вѣчно любовь и мечты!

* * *

Блаженъ, кто съ вѣрою святою
Могъ къ цѣли доблестной итти,
Кто непогодой и грозою
Задержанъ не былъ на пути.

Блаженъ, кому дана судьбою
Отвага мощнаго бойца;
Прекрасенъ лавръ, рукой родною
Вплетеный въ тернъ его вѣнца.

Но не кори, страна родная,
И тѣхъ, кто палъ на полпути.
И ихъ, какъ мать, благословляя,
За ихъ любовь къ тебѣ прости!

Венеры.

(На мотивъ изъ Сюлли-Прюдома).

Я посѣтилъ пріютъ искусства—
Роскошный Лувръ. Передо мной,
Чаруя взоръ, лаская чувства,
Сіяла гордой наготой
Толпа Венеръ. Едва казался

Дворецъ царей достойнымъ ихъ—
И я красою любовался
Ихъ формъ—холодныхъ и нагихъ.
Я уходилъ. Передо мною—
Печальный образъ нищеты
Мелькнулъ съ тревожною мольбою,
Но съ той же властью красоты.
Лохмотья жалкія одежды,
Печать страданья на челѣ,
И взоръ, молящій безъ надежды
О лучшей долѣ на землѣ:
Недавнихъ дней живыя муки,
Блескъ потухающій очей,
Иглой исколотыя руки—
Вотъ что я видѣлъ. Прочь скорѣй,
Дитя несчастья и страданья,
Торгуй на улицахъ собой.
Мы пріютили изваянья,
Но мы не тронемся мольбой.
Для красоты не жаль намъ траты,
Но вотъ суровый нашъ отвѣтъ:
Для женщинъ мраморныхъ палаты,—
А для живыхъ—пріюта нѣтъ!

А. Н. ЛЕНЦЕВИЧЪ.

(А. Н. Хавскій).

Вдова.

(Памяти Некрасова).

Дыша борьбой,—прекрасенъ и могучъ,—
Гремѣлъ аккордъ свободнаго напѣва.
Не стало струнъ; угасъ, какъ Божій лучъ,
Пророкъ суда, возмездія и гнѣва.

И съ той поры—печальною вдовой,
Храня завѣтъ минувшаго союза,
Влачитъ какъ тѣнь, съ поникшей головой,
Остатокъ силъ—тоскующая муза.

Но снится ей, что грозная судьба
Еще не все во мракѣ подавила:
Еще живетъ могучая борьба,
Еще цвѣтетъ невянущая сила!

Въ завѣтный мигъ, въ часъ утра—снится ей,—
Томясь мечтой блаженнаго союза,
Придетъ пѣвецъ и скажетъ: будь моей,
Довѣрься мнѣ, чарующая муза!

Уснула ты развѣнчанной вдовой,
Проснись на зовъ невѣстой вдохновенной,—
И мы зажжемъ
«волшебный факелъ твой,
Погашенный рукою дерзновенной!» *).

*) Стих. Некрасова: «Поэту *(памяти Шиллера)*».
Прпм. авт.

Портреты.

Я по стѣнамъ ихъ развѣсилъ съ волненіемъ;
Съ трепетомъ—въ каждомъ лицѣ
Я прочиталъ отраженіе скрытое
Правды въ терновомъ вѣнцѣ...
День озарялъ ихъ прощальнымъ сіяніемъ.
Тихо спускаясь во слѣдъ,
Лунная ночь разметала торжественно
Свой электрическій свѣтъ...
И,—какъ живые,—въ лицо мое пристально
Всѣ они смотрятъ теперь...
Стань же предъ ними съ нѣмою молитвою,
Все имъ свободно повѣрь!
Думы ихъ зла и неправды не вѣдали,
Руки не мыты въ крови;
Міру завѣтъ они чистый оставили
Подвига, жертвы, любви.
Совѣсть померкшая, честь позабытая,
Правда безсмертныхъ рѣчей,—
Все ими вложено съ силою скрытою,
Въ сердце отчизны твоей...
Ночь подвигается... Въ дымку закутавшись,
Тускло мерцаетъ луна,
Тѣни—что призраки; сонная комната
Жуткаго мрака полна...
Лица ихъ только бѣлѣютъ загадочно:
Чудится, будто во мглѣ—
Съ терніемъ свитые лавры незримые
Блещутъ на каждомъ челѣ...

Подвижница.

Ласковый, блѣдный, съ печатью страданія,
Передо мною твой образъ рисуется.
Въ горлѣ моемъ закипаютъ рыданія;
Сердце мое замираетъ, волнуется.
Гдѣ ты, родная? Подъ жизненнымъ бременемъ
Грудь ли твою надорвало работою?
Жаръ ли священный смѣнился со временемъ
Въ сердцѣ остывшемъ—иною заботою?
Нѣтъ, не осилила тьма безпросвѣтная!
Вѣрю,—подвижница духомъ не падаетъ;
Вѣрю,—и нынѣ надежда завѣтная
Сердце ея согрѣваетъ и радуетъ.
Смолоду зрѣла мечта благородная,
Крѣпли сознательно помыслы честные.
И повлекло тебя въ море народное,
Въ глушь деревенскую, въ хижины тѣсныя.
Жить начинавшая,—рано ты свергнула
Жизни безцѣльной ярмо ненавистное;
Міръ искушеній ты гордо отвергнула.
Благо тебѣ, существо безкорыстное!
Душу свою не напрасно вложила ты
Въ дѣло великое долга суроваго:
Знаю,—тернистый вѣнецъ заслужила ты
Краше, свѣтлѣй и почетнѣй лавроваго...

Похороны.

(Памяти Шелгунова).

По вѣснѣ, въ полутемной квартирѣ—
Незамѣтно—подъ шумъ городской,
Надорвался работникъ и, въ мирѣ,
Догорѣвъ, отошелъ на покой...
Не бѣлѣла парча гробовая...
Похоронному пѣнью въ отвѣтъ—
Не стонала, дрожа, мостовая
Подъ колесами чинныхъ каретъ...
На прощанье пальбы не гремѣло
Опочившему въ Бозѣ рабу...
Но когда безсловесное тѣло
Понесли въ деревянномъ гробу,—
Молодежь нерѣдѣющимъ хоромъ
До могилы шагала пѣшкомъ;
И на солнцѣ зеленымъ узоромъ
Колыхались вѣнокъ за вѣнкомъ.
А на кладбищѣ рѣчи звучали.
Разливался торжественный свѣтъ,
И въ лучахъ его,—полной печали,—
Трепеталъ похоронный привѣтъ...
И казалось,—ночною порою
Въ синемъ сумракѣ, полномъ чудесъ,
До зари—надъ могилой сырою
Втайнѣ плакали звѣзды небесъ.
А внизу—на могилѣ, не слышно,
Подъ покровомъ ночной темноты—
Сѣялъ сѣятель сѣмя... и пышно
Расцвѣтали живые цвѣты...

Въ царствѣ лирики и мелодіи.

Полонъ творчества, полонъ мелодіи,—
Вдохновенно игривъ и красивъ,—
Упоительно за душу трогаетъ
И ласкаетъ залетный мотивъ...

*

Звѣзды яркія... волны жемчужныя...
Ароматъ поцѣлуевъ и розъ,—
Все въ одно музыкальное цѣлое
Широко и свободно слилось.

*

Тутъ—и смѣхъ, и любовь, и лобзанія;
Звонъ бакаловъ и лавры вѣнца...
Только крови да слезъ человѣческихъ
Не дало вдохновенье пѣвца...

*

Трепеща недосказанной жалобой,
Схоронясь отъ очей—въ тишинѣ
За кулисами сцены сверкающей
Пріютились и дремлютъ онѣ...

*

Придавилъ ихъ узорчатый занавѣсъ:
Онъ украшенъ гирляндами розъ...
А подъ розами глохнетъ—«*кипѣніе
Человѣческихъ крови и слезъ*».

Сонъ.

Въ полночь угрюмую будитъ уснувшаго
Зовъ неожиданный:
«Братъ, выходи!
Стража разбросана,
Клѣтка растворена,
Цѣпи раскованы;
Врагъ—позади».
Флаги на площади... Пѣсня побѣдная
Льется по городу звонкой волной!...
И говоритъ онъ испуганнымъ голосомъ:
«Братья весны моей! Вы ли со мной?
«Братья спасители! Кѣмъ вы ниспосланы?
«Кто вамъ, какъ ангеламъ, дверь отворилъ?

«Гнѣвъ обезсиленный, сердце разбитое
«Здѣсь, у порога, давно я смирилъ.
«Очи мои слѣпотой затуманены;
«Кудри мои серебрятся, какъ снѣгъ...
«Братья! но все-жъ-таки, пыткой поруганный,
«Я—человѣкъ!
«Ожилъ я... Вѣра моя позабытая,
«Геній мой свѣтлый—воскресли въ груди!...»

. . . .

Сторожъ, гремящій
Ключами желѣзными!
Стой,—не буди...

К. Д. БАЛЬМОНТЪ.

Искры.

Если капли дождевыя
Съ неба падаютъ на землю,—
На просторѣ поля всходы
Разрастутся пышной нивой!
Если искры свѣтлой мысли
Въ душу падаютъ глубоко,—
Въ тайникахъ сокрытыхъ сердца
Вспыхнутъ чувства молодыя!

Памяти И. С. Тургенева.

1.

Уходятъ дни. И вотъ ужъ десять лѣтъ
Прошло съ тѣхъ поръ, какъ смерть къ тебѣ склонилась.
Но смерти для твоихъ созданій нѣтъ,
Толпа твоихъ видѣній, о, поэтъ,
Безсмертіемъ навѣки озарилась.

2.

Въ нѣмомъ гробу ты спишь глубокимъ сномъ;
Родной страны суровыя мятели
Рыдаютъ скорбно въ сумракѣ ночномъ,
Баюкаютъ тебя въ твоей постели
И шепчутъ о блаженствѣ неземномъ.

3.

Ты заслужилъ его. Во тьмѣ невзгоды,
Когда, подъ тяжкимъ гнетомъ, край родной,
Томясь напрасно жаждою свободы,
Переживалъ мучительные годы,
Ты былъ исполненъ думою одной:

4.

Кумиръ неволи сбросить съ пьедестала,
Живой волной ударить въ берега,
Сломить ту силу, что умы сковала,—
И ты поклялся клятвой Ганнибала,
Жить лишь затѣмъ, чтобъ растоптать врага.

5.

И ты спустился въ темныя пучины
Народной жизни, горькой и простой,
Плѣняющей печальной красотой,
И подсмотрѣлъ цвѣты средь грязной тины,
Средь грубости—любви порывъ святой.

6.

И слился ты съ той свѣтлою плеядой,
Предъ чьимъ огнемъ разсѣялася тьма,
Предъ чьимъ тепломъ растаяла зима;
Нахлынули борцы живой громадой,—
И пала крѣпостничества тюрьма.

7.

Но въ этотъ мигъ зиждительный и чудный
Ты не хотѣлъ душою отдохнуть,
Святымъ огнемъ твоя горѣла грудь,
И вотъ опять—далекій, многотрудный
Передъ тобой открылся новый путь.

8.

Дворянскихъ гнѣздъ завѣтныя аллеи.
Забытый садъ. Полузаросшій прудъ.
Какъ хорошо, какъ все знакомо тутъ!
Сирень, и резеда, и эпомеи,
И георгины гордые цвѣтутъ.

9.

Затмилась ночь. Чуть слышенъ листьевъ ропотъ.
За рощей чуть горитъ луны эмаль.
И въ сердцѣ молодомъ встаетъ печаль.
И слышенъ чей-то странный, грустный шопотъ.
Кому-то въ этотъ часъ чего-то жаль.

10.

И тамъ вдали, гдѣ роща такъ туманна,
Гдѣ лучъ едва трепещетъ надъ тропой,—
Елена, Маша, Лиза, Маріанна
И Ася, и несчастная Сусанна—
Собралися воздушною толпой.

11.

Знакомыя причудливыя тѣни,
Созданія любви и красоты,
И дѣвственной, и женственной мечты;
Ихъ вызвалъ къ жизни чистый, нѣжный геній,
Онъ далъ имъ форму, краски и черты.

12.

Не будь его, мы долго бы не знали
Страданій женской любящей души,
Ея завѣтныхъ думъ, нѣмой печали;
Лишь съ нимъ для насъ впервые прозвучали
Тѣ пѣсни, что таилися въ тиши.

13.

Онъ возмутилъ стоячихъ водъ молчанье,
Запросамъ тайнымъ громкій далъ отвѣтъ,
Изъ тьмы онъ вывелъ женщину на свѣтъ,
Въ широкій міръ стремленій и сознанья,
На путь живыхъ восторговъ, битвъ и бѣдъ.

14.

Вотъ почему, съ любовью вспоминая
О томъ, кто удалился въ міръ иной,
Предъ кѣмъ зажегся свѣточъ неземной,
Здѣсь собралась толпа ему родная,
Съ нимъ слившаяся мыслію одной:

15.

Пусть мы съ тобой разлучены судьбою
Ужъ десять невозвратныхъ долгихъ лѣтъ,
Но ты, нашъ другъ, учитель и поэтъ,
Средь насъ живешь! Сверкаетъ надъ тобою
Безсмертія нетлѣнный чистый свѣтъ!

Болото.

О, нищенская жизнь, безъ бурь, безъ ощущеній!
Холодный полумракъ, безъ звуковъ и огня!
Ни воплей горестныхъ, ни гордыхъ пѣснопѣній,
Ни тьмы ночной, ни свѣта дня!
Туманы, сумерки. Средь тусклаго мерцанья
Смѣшались контуры, и краски, и черты,
И въ царствѣ мертваго безсильнаго молчанья
Лишь дышатъ ядовитые цвѣты.
Да жабы черныя, исчадія трясины,
Порою вынырнутъ изъ грязныхъ спящихъ водъ
И, словно радуясь обилью скользкой тины,
Ведутъ зловѣщій хороводъ.

Опричники.

Когда опричники, веселые, какъ тигры,
По слову Грознаго, среди толпы рабовъ,
Кровавыя затѣивали игры,
Чтобъ увеличить полчища гробовъ, —

Когда невинныхъ жгли и рвали по суставамъ,
Перетирали ихъ цѣпями пополамъ,
И въ добавленье къ царственнымъ забавамъ
На женъ и дѣвъ ниспосылали срамъ, —

Когда, обливъ шута горячею водою,
Его добилъ ножомъ освирѣпѣвшій царь, —
На небесахъ, своею чередою,
Созвѣздья улыбалися, какъ встарь.

Лишь только эта мысль въ душѣ блеснетъ
случайно,
Я слѣпну въ бѣшенствѣ, мучительно скорбя.
О, если міръ—божественная тайна,
Онъ каждый мигъ—клевещетъ на себя.

Человѣчки.

Человѣчекъ современный, низкорослый, слабо-
сильный,
Мелкій собственникъ, законникъ, лицемѣрный
семьянинъ,
Весь трусливый, весь двуличный, косодушный,
щепетильный,
Вся душа его, душонка—точно изъ морщинъ.

Вѣчно долженъ и не долженъ, то нельзя, а это
можно,
Бракъ законный, спросъ и купля, обликъ сонный,
гробъ сердецъ,
Можешь карты, можешь мысли передернуть—
осторожно,
Явно грабить неразумно, но стриги—овецъ.

Монотонный, односложный, какъ напѣвы
людоѣда:—
Тотъ упорно двѣ-три ноты тянетъ-тянетъ безъ
конца,
Звѣрь несчастный существуетъ отъ обѣда до
обѣда,
Чтобъ поѣсть, жену убьетъ онъ, умертвитъ отца.

Этотъ ту же пѣсню тянетъ, только онъ вѣдь
просвѣщенный,
Онъ оформитъ, онъ запишетъ, дверь запретъ
онъ на крючокъ,
Блѣдноумный, сыщикъ вольныхъ, немочь сердца,
евнухъ сонный, —
О, когда-бъ ты, милліонный, вдругъ исчезнуть
могъ!

АНДРЕЙ ВЕЙНБЕРГЪ.

Пѣсня живыхъ.

Отъ траншей Ляояна далекаго,
Отъ холмовъ Портъ-Артура высокаго,
Черезъ горы, лѣса, черезъ степи
Безконечныя тянутся цѣпи;
По дорогамъ родимой земли
Стучатъ костыли.

Все идутъ, все идутъ вереницами,
Съ изможденными, сѣрыми лицами,
Черезъ степи, лѣса, черезъ горы,
И горятъ воспаленные взоры.
Въ перевязкахъ, въ отрепьяхъ, въ пыли...
Стучатъ костыли...

Гости съ пира домой возвращаются,
Спотыкаясь, бредутъ, обнимаются,
Это гости бредутъ съ пира пьянаго,
Гдѣ вина не хватило багрянаго.
Льется буйная пѣсня вдали,
Отбиваютъ напѣвъ костыли,

И напѣвъ — веселый звукъ
«Тукъ-тукъ-тукъ»,
Костылей веселый стукъ.
Конченъ, конченъ истребительный
Пагубный походъ.
Вейся, вейся въ пляскѣ радостной,
Пьяный хороводъ.
Посреди пустыхъ, невспаханныхъ
Выжженныхъ полей
Завивайся, ковыляющій
Танецъ костылей.

Этимъ полямъ не чета
Наши манчжурскія были:
Стлали тѣлами снопа,
Цѣпомъ стальнымъ молотили.
Тамъ, по колѣни въ крови,
Злая работа кипѣла.
Клали животъ на току,
Вѣяли души отъ тѣла.

Такъ пляшите весело,
Подымайте пыль,—
Сторонись, прохожіе,
Размахнись, костыль.

Холодъ, голодъ, нищенство,
Намъ вѣдь не тужить,
Наша радость высшая,
Наше счастье—жить.

Жить, хоть изувѣченнымъ,
Жить и видѣть свѣтъ,—
Это радость высшая,
Выше счастья нѣтъ.

На постель кровавую
Кто улегся спать,
Не разбудитъ милая,
Не подыметъ мать.

— Дѣвушка любимая,
Вотъ и я съ тобой,
Къ сердцу дай прижать тебя,
Хоть одной рукой.

— Дитятко, болѣзное,
Ну, не прячь лица,
Иль тебѣ безрукаго
Не узнать отца?

— Матушка, родимая,
Какъ я изнемогъ,
Сотни верстъ и тысячи
Ползъ къ тебѣ безъ ногъ.

Богъ привелъ увидѣться...
Ну-же, веселѣй,
Пойте вы, убогіе,
Пѣсню костылей.

Пойте пѣсню грозную,
Пойте гимнъ калѣкъ.
Слушай ты, не раненый,
Сытый человѣкъ.

«Подайте убогому,
Подайте калѣкѣ безногому,
Безрукому... безногому...»

А. М. ѲЕДОРОВЪ.

Голодъ.

Вотъ онъ идетъ опять, идетъ слѣпой палачъ.
Вы слышите-ль, подъ каменной стопою,
Какъ мѣдь, гудитъ земля съ покорностью тупою,
Въ голодныхъ деревняхъ ей вторитъ стонъ и плачъ.
Вотъ онъ идетъ опять, идетъ слѣпой палачъ.

По чернымъ пажитямъ и по безплоднымъ нивамъ
Шагаетъ грозно онъ, сметая по пути
Колосья тощіе, которымъ не спасти
И дѣтокъ маленькихъ въ ихъ горѣ сиротливомъ,
По чернымъ пажитямъ и по безплоднымъ нивамъ.

Пылай огонь войны и лейся кровь вдали.
Ужъ лучше заодно погибнуть тамъ отъ пули,
Чѣмъ спать отъ голода, какъ ихъ отцы уснули,
Отдавъ себя землѣ для хищниковъ земли.
Пылай огонь войны и лейся кровь вдали.

На днѣ чужихъ морей родные корабли
Лежатъ разбитые, кровавыми гробами,
Акулы жадныя кружатъ надъ мертвецами
И травы цѣпкія ихъ въ саванъ облекли.
На днѣ чужихъ морей родные корабли.

По вьющимся тропамъ, по скрещеннымъ дорогамъ
Идетъ слѣпой палачъ и оставляетъ слѣдъ:
На пепелищѣ—дымъ; на гноищѣ—скелетъ.
О, родина! Иль ты совсѣмъ забыта Богомъ!
По вьющимся тропамъ, по скрещеннымъ дорогамъ.

Я слышу колоколъ: онъ тянетъ, онъ зоветъ
Въ осиротѣлый храмъ, за каменныя стѣны.
Призывъ къ терпѣнію звучитъ страшнѣй измѣны,
И глухъ къ нему въ конецъ озлобленный народъ.
Я слышу колоколъ: онъ тянетъ, онъ зоветъ.

Всѣ ждутъ, когда иной поднимется звонарь.
Онъ било тяжкое качнетъ съ размаха.
Пора! Въ святую мѣдь торжественно ударь
И вызови народъ изъ сумрака и праха
Всѣ ждутъ, когда иной поднимется звонарь.

Кровавая заря окрасила востокъ.
Дуй вѣтеръ! Разожги пророческое пламя,
Оно послужитъ намъ, какъ стягъ, какъ Божье
знамя.
Звучи, о, пѣснь моя, какъ горныхъ водъ потокъ.
Кровавая зоря окрасила востокъ.

Мать.

Прекрасная, склонясь надъ дѣтской колыбелью,
Гдѣ ангелъ сна хранилъ невинное дитя,
Задумалася мать...
Съ зеленой стройной елью
Боролся буйный вихрь, за окнами свистя;
Угрюмой ночи мракъ, какъ тяжкій бредъ больного.
Пугалъ тревожный взоръ; а на стеклѣ морозъ,
Казалося, чертилъ увѣренно, сурово
Отвѣтъ на роковой, таинственный вопросъ.
И спрашивала мать: «О, Боже! Боже правый!
Гдѣ тотъ святой алтарь, куда ребенокъ мой
Въ грядущемъ принесетъ съ торжественною славой
Достойный даръ души богатой и живой?
Скажи мнѣ: гдѣ онъ? гдѣ? И я всю жизнь, всѣ
силы
Потрачу, чтобы онъ, мой первенецъ, мой сынъ
Отважно шелъ туда, не дрогнувъ, до могилы,
Какъ въ будничной толпѣ—великій властелинъ.
Скажи мнѣ только—гдѣ?»
И взоръ ея любовный
Вперился въ полумракъ передняго угла,
Гдѣ тихо догоралъ лампады свѣтъ неровный
И чей-то строгій ликъ смотрѣлъ изъ-за стекла:
То былъ священный ликъ Владыки-Саваоѳа.
И ей казалося: въ тоскливой тишинѣ,
Съ безмолвнаго холста, сіяя, какъ въ огнѣ,
Онъ кротко прошепталъ: «Такой алтарь—
Голгоѳа».

Посвящается матери.

Мучительная ночь!... Усталый и разбитый,
Окончивъ трудный день, вернулся я домой;
Въ груди кипѣла желчь волною ядовитой.
И чей-то голосъ мнѣ шепталъ въ тиши ночной:
«Безумецъ! о, къ чему стремишься ты напрасно?
Далекъ грядущихъ дней желаемый восходъ:
Сурово, какъ палачъ, и, какъ палачъ, безстрастно
Твои усилья жизнь, смѣяся, разобьетъ.
Смотри: вокругъ тебя съ безсмысленнымъ
забвеньемъ
Ликуетъ цѣлый сонмъ довольныхъ всѣмъ глупцовъ:
Имъ имя—легіонъ; въ борьбѣ съ такимъ теченьемъ
Безслѣдно пропадутъ усилія борцовъ.
Смотри...» Но, утомленъ сомнѣньемъ и скорбями,
Забылся я, и вотъ, въ полночной тишинѣ,
Какъ ангелъ вѣющій незримыми крылами,
Ея святая тѣнь явилася ко мнѣ.
Да, то была она, склоненная къ постели.
Отъ острыхъ терній кровь виднѣлась на челѣ.
Она, которая учила съ колыбели
Меня терпѣть, любить и вѣрить на землѣ.
Ея скорбящій ликъ припавшій къ изголовью,
Небесной красотой и нѣжностью сіялъ,
И взоръ ея горѣлъ печалью и любовью,
И голосъ дорогой, какъ музыка, звучалъ:
«Борись, пока въ груди не смолкли жизни силы,
Пока въ зловѣщей тьмѣ твой свѣточъ не погасъ,
Пока, какъ Божій громъ, не грянулъ смерти часъ,
И не окуталъ мракъ могилы!
Хвала и честь тому, кто страстной, свѣтлой вѣры
Не потерялъ въ борьбѣ со злобою людской!
А ты? Такъ молодъ ты! Стыдись, когда сомнѣнье

О торжествѣ добра вползетъ въ твой мозгъ
змѣей!...»
И скорбный голосъ смолкъ, и дивное видѣнье
Исчезло, какъ заря, окутанная тьмой...

* * *

Мы нынче будемъ голодать
И завтра... много дней.
Глядѣть съ укоромъ будетъ мать,
А дѣти—плакать съ ней.
Но сердце стиснемъ мы въ груди,
Чтобъ долгъ свой не забыть.
Смерть не пугаетъ впереди,
Когда страшнѣе жить.
Восходитъ солнце каждый день,
Весна ласкаетъ глазъ,
Зовутъ лѣса въ родную тѣнь:
Все это не для насъ.
Съ зари должны мы до зари
Трудиться цѣлый вѣкъ.
Кто жилъ рабомъ, тотъ хоть умри,
Какъ вольный человѣкъ.
Намъ ночью снится свистъ ремней,
И гулъ машинъ, и паръ.
Но на яву еще страшнѣй.
Еще больнѣй кошмаръ.
Неужто также въ кабалѣ
И нашимъ дѣтямъ жить!
Коль правды нѣтъ въ родной землѣ,
Пора ее забыть.
Поили пòтомъ землю мы
И кровью напоимъ.
Тотъ побѣдитъ упорство тьмы,
Чей духъ непобѣдимъ.
Прости мой домъ, прости семья.
Богъ вѣсть, вернусь ли вновь.
Свободѣ жизнь и кровь моя
А вамъ—моя любовь.

Тюрьма.

Тюрьма!
Съ высокаго холма
Въ степи скитаяся безъ цѣли,
Я увидалъ тебя, тюрьма.
Была весна. Подъ солнцемъ пѣли
Молитву жаворонки. Даль
Струилась воздухомъ нагрѣтымъ.
Летѣли пчелы къ первоцвѣтамъ.
Сіяли радость и печаль.
И сердцу раннею весною,
Когда вся степь такъ широка,
Тюрьма съ высокою стѣною
Была особенно дика.
При этихъ тропкахъ въ влажномъ полѣ,
При золотистыхъ зеленяхъ,
Больнѣе думать о неволѣ,
О людяхъ, запертыхъ въ камняхъ.
О, камни смерти и позора!
Какъ кровь весною красны вы
Предъ нѣжной зеленью убора,
Подъ небомъ, полномъ синевы.
Мой стихъ травой приникнетъ къ стѣнамъ
И птицей къ окнамъ прилетитъ.
Всѣхъ примиритъ на мигъ онъ съ плѣномъ
И съ ѣдкой ржавчиной обидъ.
Вы не одни: тоскуетъ съ вами
Моя душа. Не такъ давно
Я былъ за этими стѣнами
И узнаю мое окно.
Разъ... два... три... третье сверху, слѣва.
О, какъ тоскливо сжалась грудь!
Но сердце вспыхнуло отъ гнѣва,
И прошептало—«не забудь».
Я помню, помню, какъ жандармы
Ворвались полночью въ мой домъ
И, вмѣстѣ съ воздухомъ казармы,
Внесли насилье и содомъ.
Чутьемъ невѣжественно-лисьимъ
Во всемъ крамолу находя,
Священныхъ книгъ, завѣтныхъ писемъ
Они касались, не щадя,
И все швыряли въ безпорядкѣ,
Не пропускали даже щель.
Мой мальчикъ спалъ въ своей кроваткѣ,
Разрыли и его постель.
И на разсвѣтѣ, точно вора,
Меня охрана повезла
Къ вамъ, камни смерти и позора,
Къ вамъ, стѣны ужаса и зла.
Меня давила одиночка
Я къ Волгѣ съ дѣтскихъ лѣтъ привыкъ:
Здѣсь каждая черта и точка
Имѣла смыслъ свой и языкъ.
И я, по ихъ живымъ намекамъ
Старался угадать въ тоскѣ,
Кто жилъ здѣсь раньше, какъ по строкамъ
На непонятномъ языкѣ,
И только надъ моей постелью
Прочелъ слова: «Товарищъ, знай,
У насъ свободѣ колыбелью
Тюрьма. Но ты не унывай».
Спасибо, другъ. Не знаю, кто ты,
Но мнѣ такъ родственно близки
Твои черты, твои заботы

И этотъ слѣдъ твоей руки.
Гдѣ ты? Какъ я, уже на волѣ,
Иль въ снѣжныхъ тундрахъ... въ рудникѣ?
Но нѣтъ, не надо криковъ боли:
Онъ звалъ не уступать тоскѣ—
Я ей не уступалъ. Въ темницѣ
Моя душа была горда;
И даже вамъ, ручныя птицы,
Я не завидовалъ тогда.
Пускай живутъ въ уютныхъ гнѣздахъ
Тѣ, кто не страждетъ за другихъ.
Дѣлить хотѣлъ я душный воздухъ
Съ семьей товарищей моихъ.
Въ комъ духъ бойца живетъ и дышетъ,
Тотъ и въ неволѣ, и въ тюрьмѣ
Призывный громъ душою слышитъ
И ловитъ молніи во тьмѣ.
Въ окно съ рѣшоткою желѣзной,
Я видѣлъ неба лишь клочекъ,
Но притягательною бездной
Къ себѣ глаза мои онъ влекъ,
И разжигалъ воображенье
Глубокой тайной и рождалъ
Неизъяснимыя видѣнья,
И я мечтой средь нихъ блуждалъ.
Они пророчества таили
О смѣлыхъ подвигахъ борьбы.
И неизвѣданныя были
И тайны жизни, и судьбы.
Тюремный дворъ былъ глухъ и скученъ.
Тамъ день и ночь, какъ не живой
Шагалъ, съ винтовкой неразлученъ,
Унылый, сонный часовой.
А утромъ по двору шли кругомъ
Попарно каторжники. Звукъ
Ихъ кандаловъ тупымъ испугомъ
Весь воздухъ заражалъ вокругъ,
И послѣ ихъ прогулки долго
Все цѣпи слышалися мнѣ,
А ночью снилось дѣтство, Волга,
И часто плакалъ я во снѣ.

Гдѣ я? Ужели надо мною
Бездонность неба... пѣсни птицъ!
И вѣетъ лаской и весною
Во мракъ заплаканныхъ рѣсницъ.
Весна! Дохни свободой въ окна,
Порывомъ нѣги и любви.
Какъ чахлой озими волокна,
Надежды слабыхъ обнови.
Тому, кто за моей рѣшеткой
Глядитъ на этотъ клокъ небесъ,
Прощебечи ты птичкой кроткой,
Повѣй могуществомъ чудесъ.
И оживи нѣмую келью,
И повтори: «Товарищъ, знай,
У насъ свободѣ колыбелью —
Тюрьма. Но ты не унывай».

Хлѣба!

Какъ тяжелый, карающій молотъ,
Въ этотъ сумрачный памятный годъ,
Опустился губительный голодъ
На тебя, горемычный народъ.
Не дало всемогущее небо
Землепашцамъ награды за трудъ.
«Братья! Братья! Откликнитесь! Хлѣба!»
Ради Бога страдальцы зовутъ.
Вѣчно полны тупого смиренья,
По простору великой страны
Подъ снѣгами родныя селенья
Притаилися въ плоть до весны.
Дымъ изъ трубъ закоптѣлыхъ не вьется.
Опустѣвшая печь холодна.
«Хлѣба! Хлѣба!» Какъ стонъ раздается.
«Въ закромахъ не осталось зерна!...»
Кто-жъ останется къ нимъ безучастнымъ?!
Помогите упавшимъ въ борьбѣ!
Помогая голоднымъ, несчастнымъ,
Вы поможете, братья, себѣ!

* * *

Народъ гонимый! Твой страдальческій удѣлъ
Порой волнуетъ сердце мнѣ до боли.

Лишенный родины, участія и воли,
Подъ тучей ядовитыхъ стрѣлъ,
Скитаешься вездѣ ты въ мірѣ одинокій,
Какъ ночью голуби, когда пожаръ жестокій,
Разрушивъ гнѣзда ихъ, разсѣеваетъ птицъ
Въ пріюты мрачные расщелинъ и гробницъ.

Въ былыя времена твой геній величавый
Сіялъ по всей землѣ торжественною славой,
И людямъ гибнущимъ онъ первый завѣщалъ
Любви и истины священный идеалъ.
Но зерна дивныя пророческой святыни
Пигмеи жалкіе забросили въ пустыни.

Загадоченъ, какъ міръ, твой сумрачный удѣлъ.
Возстанешь ли ты вновь непобѣдимъ и смѣлъ?
Услышатъ ли вдали грядущаго народы
Изъ блѣдныхъ устъ твоихъ великій гимнъ свободы?
Иль, какъ ярмо оковъ, небесный гнѣвъ влача

Повсюду за собой, погибнешь ты безслѣдно
Въ пыли, униженный, осмѣянный и блѣдный
Подъ грубою рукою палача?

Кто дастъ отвѣтъ?... Твой стонъ, народъ разъединенный,
Мнѣ душу точно звонъ тревожитъ похоронный.

Балъ.

Вокругъ меня кипѣлъ блестящій, шумный балъ.
Въ потокахъ ослѣпительнаго свѣта
И въ волнахъ музыки какъ будто утопалъ
И залъ, и вся толпа приверженцевъ паркета.
Но мнѣ вся эта жизнь казалась душнымъ сномъ.
И, чуждый ихъ тревогъ и праздничнаго шума,
Стоялъ я одинокъ въ раздумьи роковомъ,
И жгла пытливый умъ мучительная дума.
Въ безпечномъ говорѣ веселыхъ голосовъ
Мнѣ слышались въ тотъ мигъ и вопли, и стенанья
Страдальцевъ, чей удѣлъ былъ мраченъ и суровъ
И въ сердцѣ пробуждалъ святое состраданье.
За жизнью праздности я видѣлъ тьму гробницъ,
Лохмотья нищеты сквозь пышные наряды.
И въ выраженіяхъ тупыхъ и сытыхъ лицъ
Больныхъ, голодныхъ массъ страдальческіе взгляды.
Безсмысленной судьбы безсмысленный законъ!
И есть, и будетъ онъ отъ вѣка и до вѣка:
За смѣхъ безпечнаго страдальцевъ платитъ стонъ;
Несчастіе толпы—за счастье человѣка.

Сторожевые огни.

Когда на землю сумракъ палъ,
И встали тѣни, какъ живыя,
Мы на холмахъ, на гребняхъ скалъ
Зажгли огни сторожевые.

Боецъ усталый, погляди,
Они и здѣсь и тамъ.... ихъ много.
Не угаси огня въ груди,
Не отрекись душой отъ Бога.

Огни пылаютъ въ темнотѣ,
Пронзая гнетъ ея беззвѣздный.
Пока мы здѣсь, на высотѣ
Не такъ опасенъ врагъ нашъ грозный.

Врасплохъ насъ не застанетъ онъ
И не дерзнетъ напасть открыто.
Огни горятъ со всѣхъ сторонъ;
Они и знамя, и защита.

Пусть другъ измученный уснетъ:
Беречь для битвы нужно силы.
Мы завтра двинемся впередъ,
Взявъ комъ земли съ родной могилы.

Ужъ недалеко до зари.
Рѣдѣетъ сумракъ, тѣни таютъ.
Сторожевой огонь, гори,
Пока лучи не заблистаютъ.

Сонетъ.

Въ окнѣ тюрьмы съ рѣшеткой вѣчно ржавой
Восходъ зари я встрѣтилъ въ первый разъ,
Но блескъ ея спокойный, величавый
Не радуетъ моихъ безсонныхъ глазъ.
О, первый день неволи! Скорбный часъ!
Онъ возвѣстилъ, что произволъ кровавый
Еще гнететъ и сковываетъ насъ,
Безславіе свирѣпствуетъ надъ славой.
Такъ дни пройдутъ, а можетъ быть, года,
И много зорь я въ этомъ склепѣ встрѣчу,
Душа моя останется горда.
Но часъ пробьетъ, завѣтный часъ, когда
Въ огнѣ зари увижу я предтечу
Свободныхъ дней, священнаго суда.

* * *

Они горятъ, огни войны кровавой.
Ихъ горсть бойцовъ торжественно зажгла.
Затмилъ собой созвѣздіе Орла
На небесахъ ихъ отблескъ величавый,
И дрогнула удушливая мгла.
Какъ скользкій гадъ, надменный и лукавый,
По трупамъ жертвъ, погибшихъ съ кроткой славой,
Глухая ночь въ могилу поползла.
Близка заря. Бойцы, готовьтесь къ бою!
Гдѣ всѣ ждутъ дня, тамъ не ужасенъ мракъ.
Гдѣ правды свѣтъ, тамъ не опасенъ врагъ.
Кто жертвуетъ за родину собою,
Въ святой крови пускай омочитъ стягъ.
Убійцѣ—смерть! Безсемертіе—герою!

* * *

Слава вамъ, слава, святыя рабочія руки!
Изъ тьмы вѣковой,
Изъ ужаса мрачной придавленной муки
Вы вызвали голосъ живой:
Свобода! свобода!

На гордыхъ и честныхъ плечахъ,
Презрѣвши глухую невзгоду,
Насилье, гоненья и страхъ,
Несли вы отчизнѣ свободу.
Свобода! Свобода!

И съ вами, какъ другъ вашъ, какъ братъ,
Шла свѣтлая молодость въ ногу.
Вамъ злоба кричала: «Назадъ!»
Любовь открывала дорогу.
Свобода! Свобода!

Голодные шли вы впередъ,
Какъ шли крестоносцы на битву.
Вамъ гимнъ мое сердце поетъ,
Душа вамъ слагаетъ молитву.
Свобода! Свобода!

Горе падшимъ, слава павшимъ!
Побѣжденный побѣдитъ.
Намъ отважнымъ, смерть пріявшимъ,
Лучъ безсмертія горитъ.
Свобода! Свобода!

Слава вамъ, слава, святыя рабочія руки!
Изъ тьмы вѣковой,
Изъ ужаса мрачной придавленной муки
Вы вызвали голосъ живой:
Свобода! Свобода!

А. ЧЕРЕМНОВЪ.

Пѣсня о бѣдномъ Макарѣ.

Ни витязей славныхъ, ни знатныхъ бояръ
Для пѣсни простой намъ не надо!
Споемъ про тебя мы, убогій Макаръ...
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!
Какъ жилъ да гулялъ ты, убогій Макаръ,
Въ исконномъ россійскомъ порядкѣ,
Отъ Бѣлаго моря до крымскихъ татаръ,
Отъ Польши до самой Камчатки.
Француза и шведа, и турка побилъ,
И жарилъ въ китайца изъ пушки,
Почету и славы премного добылъ,
Но жилъ себѣ въ бѣдной избушкѣ.
Насквозь продувала избушку мятель,
Морозецъ заглядывалъ въ щели;
А возлѣ стояла высокая ель:
На ели сидѣли Емели.
Какъ станетъ Макара морозъ донимать,
Аль голодъ закручивать кишки, —
Емели Макара давай утѣшать:
Бросаютъ еловыя шишки.
И такъ-то ли ладно Макаръ проживалъ!...
Да бѣса взяла, вишь, досада,
И бѣсъ искушенье Макару послалъ...
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!
Оставилъ веселья Макаръ и пиры
Отъ глупой своей отъ кручины;
Не хочетъ онъ больше дубовой коры,
Не хочетъ и вкусной мякины.
Далась же задача его простотѣ!
Все пуще его забираетъ!
Не хочетъ Макаръ проживать въ темнотѣ,
Наукамъ учиться желаетъ!
Емели съ Макаромъ и эдакъ и такъ;
Сулятъ ему множество шишекъ.
Бормочетъ въ отвѣтъ имъ упрямый чудакъ,
Что шишекъ давно-молъ излишекъ.
Бормочетъ-лопочетъ, анъ, глядь да поглядь —
И вовсе почалъ упираться:
Не хочетъ языцей Макаръ покорять,
За Лидзы и Пудзы сражаться!
И столь помутилась его голова,
Что брешетъ Макаръ безъ пардону:
Нужны-де ему и суды, и права,
И жить-молъ пора по закону.
Надула-ль тѣ мысли Макару мятель,
Сверчки-ли въ избушкѣ напѣли? —
Загадка большая для умныхъ Емель.
Слѣзаютъ сердечные съ ели:
— Макарушка-свѣтикъ! На кой тебѣ чортъ
Сдалися крамольныя рѣчи?
Извѣчно ты былъ въ послушаніи твердъ,
Зато и прославленъ далече.
— Народы и чуждыхъ и ближнихъ земель
Честятъ тебя многою честью!
Послушай, кормилецъ, разумныхъ Емель:
Опутанъ ты дьявольской лестью!
— «Смутили тебя—укуси ихъ комаръ! —
Лихіе враги-супостаты!
Ты—русскій Макаръ, православный Макаръ,
Они же отъ Бога прокляты.
— «Гони ты ихъ въ шею скорѣй отъ себя
Куда не гонялъ свое стадо,
Не то—вотъ-те крестъ!—одурачатъ тебя!
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!
— «Безъ насъ ты, убогій, въ конецъ пропадешь
Тебѣ во спасенье мы мелемъ!
Неужто ты вѣры теперь не даешь
Исконнымъ россійскимъ Емелямъ?

— «Вѣдь мы-то, Емели, не даромъ всегда
Живемъ при тебѣ, при Макарѣ!
Нужны мы, нужны, какъ во ржи лебеда,
Нужны мы, какъ мыши въ амбарѣ!
— «Твоей ради пользы на шею твою,
Какъ мельничный жерновъ, повисли!..
Ступай же, кормилецъ, въ избушку свою,
Гони ты къ нечистому мысли!
— «Начальству у Бога здоровья проси,
Живи потихоньку, какъ надо;
Своихъ самобытныхъ телятокъ паси!..
Ой, ладо, о, ладушко-ладо!...»—
На сладкія рѣчи премудрыхъ Емель,
На ихъ на пріятныя пѣсни
Отвѣта Макара не знаемъ досель,
Повѣдать не можемъ,—хоть тресни!
Вишь, тучи въ ту пору по небу зашли,
И вѣтеръ отъ сѣвера дунулъ...
Мы слòва Макара слыхать не могли,
А только видали, что плюнулъ.
На землю, аль въ рожу кому изъ Емель—
Не знаемъ;—такая досада!...
Ой, люшеньки-люли! Ой, лель-диди-лель!
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!...

Баллада о гордомъ графѣ.

Вернулся въ зáмокъ гордый графъ
Изъ долгаго похода.
Потѣшилъ графъ свирѣпый нравъ,
Смиривъ мятежъ народа.
На сѐла, нивы и поля
Онъ ринулся, какъ лава,
Во имя Бога, короля
И рыцарскаго права.
Рубилъ онъ блѣдныхъ матерей
И старцевъ посѣдѣлыхъ;
Топталъ копытами коней
Дѣтей осиротѣлыхъ.
Вернулся.—Гдѣ же мой дуракъ?
Пускай насъ позабавитъ!—
И шутъ, кривляясь такъ и сякъ,
Побѣды графа славитъ.
— А гдѣ красавица моя?
Пускай меня потѣшитъ!—
И дѣва, слезы затая,
Герою кудри чешетъ.
Герой опять въ ладоши—хлопъ;
Весь дворъ пришелъ въ движенье.
— А гдѣ же попъ? Скорѣе, попъ,
Давай мнѣ отпущенье!—
И служитъ жирный духовникъ
Молебенъ покаянный,
И вторитъ силъ небесныхъ ликъ,
Весельемъ обуянный,
И херувимовъ свѣтлый рой,
Надувъ усердно губы,
Трубитъ побѣдно надъ землей
Въ серебряныя трубы.

Л. МУНШТЕЙНЪ.

(Псевдонимъ Lolo).

Свобода.

Свобода!... Этотъ кличъ вчера звучалъ какъ бредъ,
А нынче онъ звенитъ побѣдной, гордой пѣсней:
Она и радостнѣй, и ярче, и чудеснѣй
Всѣхъ историческихъ, прославленныхъ побѣдъ!

Свобода! Этотъ кличъ волною животворной
Несется по Руси сіяя и горя.
Оковы сорваны!—и послѣ тьмы позорной,
Взошла могучая, желанная заря!

Свободный край, гордись своей грядущей новью,
Но помни, что *рабы*, поливъ безвинной кровью
Свой трудный, страшный путь, тебѣ ее несли...
Такъ отплати-же имъ великою любовью
И поклонись имъ до земли!

Мы свободны!

Мы свободны! Жизнь прекрасна!
Братства, равенства поборникъ
Путь свершаетъ безопасно,
Если дремлетъ старшій дворникъ.
Мы свободны! Силу, крылья—
Намъ дала свобода слова...
Не боимся мы насилья—
Если нѣтъ городового.
Мы свободны! Прочь невзгода!
Дождались зари желанной...
На Руси царитъ свобода—
Подъ усиленной охраной!
Мы свободны! Мощь народа,
Разумъ, сердце—все въ движеньи.
На Руси царитъ свобода—
На военномъ положеньи.

МИНАКОВЪ [1]).

На эшафотѣ.

Прости, несчастный мой народъ,
Простите, добрые друзья!
Мой часъ насталъ, палачъ ужъ ждетъ,
Уже колышется петля!

*

И если прежде не вполнѣ
Тебѣ на пользу я служилъ, —
Прости, народъ, теперь ты мнѣ:
Тебя я искренно любилъ!

*

Прости... прости... Петля ужъ жметъ,
Въ глазахъ темно... Холонетъ кровь...
Ура! Да здравствуетъ народъ,
Свобода, разумъ и любовь!

[1]) Стихотворенія Минакова и Саблина мы печатаемъ не на томъ мѣстѣ, гдѣ они должны бы стоять соотвѣтственно ихъ хронологической датѣ. Ранѣе они нами были случайно пропущены. *Составитель.*

Н. А. САБЛИНЪ.

Голуби.

Голуби по двору ходятъ-воркуютъ
Сизой артелью своей.
Все подозрительно какъ-то толкуютъ,
Быстро летятъ отъ людей.
Часто гурьбою громадной слетаются,
Мирно ко мнѣ подъ окно;
Цѣлой коммуною дружно питаются,
Дѣлятъ по-братски зерно.
Видно вліянье идей растлѣвающихъ
Въ бѣдной семьѣ голубей —
Мыслей, основы основъ подрывающихъ,
Соціализма идей.
Гдѣ у нихъ личность отъ злыхъ ограждающій
Мудрой полиціи глазъ?
Гдѣ у нихъ кормчій, ихъ жизнь направляющій,—
Этотъ порядка компасъ?
Здѣсь анархизма примѣръ замѣчается, —
Страшный примѣръ для людей!
Браки свободны—никто не вѣнчается,
Нѣтъ ни поповъ, ни церквей.
Голуби сизые, пташечки бѣдныя,
Развращены вы совсѣмъ!
Кѣмъ же идеи эти зловредныя
Къ вамъ прививаются? Кѣмъ?
Скажутъ—природой... Для благъ человѣчества
Выскажу мнѣнье свое:
Если природа враждебна отечеству —
Выслать подальше ее!

П. С. ПОЛИВАНОВЪ.

Кошмаръ.

Сыро, пасмурно, дождь мороситъ цѣлый день,
Наводя отупѣнье и скуку.
Я не въ силахъ читать, даже думать мнѣ лѣнь,
Даже трудно подвинуть мнѣ руку.

Я упорно на тучи гляжу, что висятъ
Низко, низко надъ самой землею,

А въ душѣ у меня смутныхъ образовъ рядъ
Проторенной проходятъ стезею;

И не знаю я самъ, что творится во мнѣ:
Вспоминаю ли слово былое?
Иль грядущаго тѣни въ нѣмой тишинѣ
Омрачаютъ сознанье больное?

Только чувствую я, что даетъ въ немъ ростокъ
Горькихъ думъ ядовитое сѣмя,
И угрюмыхъ, туманныхъ видѣній потокъ
Давитъ грудь, какъ свинцовое бремя.

Я не въ силахъ словами тоску передать,
Тотъ болѣзненный рядъ ощущеній,
Что имѣетъ зловѣщую власть—вызывать
Появленье постылыхъ видѣній...

Въ чемъ ихъ сущность—понять я не могъ,
И не разъ становилось ужасно,
Если чувствовалъ я, что мой умъ изнемогъ, —
Но старался почтить ихъ напрасно:

Такъ неясны, расплывчаты, смутны они,
Такъ безформенно ихъ колыханье,
Какъ сливается осенью въ тусклые дни
Сѣрыхъ тучъ въ небесахъ очертанье.

Иногда я страшусь: не схожу ли съ ума?
Что за призраки дикіе вижу?...
О, проклятая, душная, мглистая тьма!
Какъ я жгуче тебя ненавижу!

Но проходитъ пора, ты надвинулась вновь,
И, подкравшись ко мнѣ невидимкой,
Появленьемъ своимъ леденишь мою кровь,
Застилаешь сознаніе дымкой.

Я во власти твоей, цѣпенѣетъ мой умъ,
Сердце замерло, скованы руки,
Только слышу я вѣтра подавленный шумъ,
Иль дождя монотонные звуки.

Такъ проходятъ минуты, проходятъ часы,
И сильнѣе все крѣпнетъ желанье,
Чтобы время фатальнымъ ударомъ косы
Пересѣкло и жизнь и страданье!...

Шлиссельбургская крѣпость.
1899 г.

Н. Л. ПУШКАРЕВЪ.

Изъ „Пѣсенъ съ дороги“.

Грязная хата, глаза разъѣдающій,
Ѣдкій, удушливый чадъ,
Дымъ отъ лучины, треща догорающей,
Грязныя бабы и плачъ не смолкающій
Грязныхъ и дикихъ ребятъ, —
Весь этотъ адъ,
Вся эта жизнь съ тяготой ея голою,
Полною горя, страданій и мукъ —
Все это снова, съ тоской невеселою,
Живо и рѣзко, картиной тяжелою,
Встало въ глазахъ моихъ вдругъ.
Мысль! облети ты всѣ царства извѣстныя,
И... и отвѣть ты мнѣ: гдѣ,
Гдѣ въ нихъ злодѣи, купцы и безчестные
Вѣчно не въ шелкѣ, а умный и честные
Вѣчно не гибнутъ въ нуждѣ?
— Гдѣ? — Да нигдѣ!
Мысль! Гдѣ нашла ты ту землю счастливую,
Землю, гдѣ грязь не противна для глазъ,
Зло не тревожитъ въ насъ думу тоскливую,
И... и не будитъ въ насъ месть справедливую?
— Гдѣ она? Гдѣ? — Да у насъ.

І. БРЕХНИЧЕВЪ.

Пѣсня о мушѣ-носильщикѣ.

Низко согнувшись въ дугу,
Съ возомъ почти на спинѣ,
Тихо плетется муша,
Баринъ идетъ въ сторонѣ...

Тихо плетется муша,
Старыя кости трещатъ,
Ноетъ усталая грудь,
Слабыя ноги дрожатъ.

Много подобныхъ возовъ
Гнуло его до земли, —
Въ тяжкомъ, тяжеломъ трудѣ
Лучшіе годы прошли,

Жизнь онъ прошелъ одинокъ,
Ласки семейной не зналъ...
Только носилъ да носилъ,
Гнулся, потѣлъ господамъ...

Скоро не станетъ ужъ силъ...
Ну, а потомъ—и всегда —
Только и жди впереди
Голодъ, безсилье, нужда...

Смерть въ одинокомъ углу,
Грубо сколоченный гробъ...
Даже по-Божьи отпѣть
Врядъ ли потрудится попъ.

Низко согнувшись въ дугу,
Съ возомъ почти на спинѣ,
Тихо плетется муша.
Баринъ идетъ въ сторонѣ.

X.

* * *

Ужъ близокъ разсвѣтъ. Ночи блѣдная тѣнь
Въ свѣтѣ солнца растаять готова;
Наступаетъ, гляди, жизнерадостный день
Долгожданнаго вѣка златого.

Пробуждается всюду рабочій народъ
Съ пробужденьемъ дремавшей природы:
Раздается могуче и громко: «впередъ,
Угнетенные, къ свѣту и счастью, къ свободѣ!...»
И на этотъ живящій и бодрый призывъ,
Изъ могучей вышедшій груди,
Вѣковые раздоры свои позабывъ,
Отозвались рабочіе люди.

И вступающимъ въ бой солнце шлетъ свой привѣтъ
Въ волнахъ яркаго чистаго свѣта.

. . . .

Загорѣлась заря... Уже близокъ разсвѣтъ...
Близко царство любови и свѣта.

Л. М. МЕДВѢДЕВЪ.

Сѣятелю.

Зародыши добра и мысли благородной
На нивѣ дѣвственной, на нивѣ плодородной,
На пажити святой, на пажити народной
Со всѣмъ стараньемъ сѣй!

*

И подаритъ зерно потомъ благіе всходы,
Исчезнутъ бѣдствія, и пролетятъ невзгоды,
Хоть медленно идутъ желанные тѣ годы
Для родины твоей!

*

Но подойдетъ пора, потомъ наступитъ время —
Сторицей возрастетъ посѣянное сѣмя,
И сохранитъ его родное племя
На вѣкъ въ груди своей!

*

И тихо ты умрешь забытый, неизвѣстный,
И бросишь этотъ міръ обманчивый и тѣсный,

Но вѣрь, что заронишь порывъ благой и честный
Въ душѣ другихъ людей!

Война.

«Война, война!» несется кличъ,
Повсюду шумная тревога,
Она идетъ, какъ страшный бичъ.
Какъ злое наказанье Бога.

*

Она идетъ, за ней во слѣдъ
Въ сіяньи безпощадной славы
Несется адскій шумъ побѣдъ
И пораженій вздохъ кровавый.

*

Онъ идетъ—и вотъ кругомъ
Встаютъ жестокія картины:
Истреблены дома огнемъ,
Въ крови и горы, и долины.

*

Внимая голосу войны,
Идутъ безсмысленные люди,
И подъ ударъ обращены
Ихъ жизнью дышащія груди.

*

Подъ страшнымъ именемъ солдатъ
Они идутъ на гулъ сраженья,—
И убиваетъ брата братъ
Безъ всякой искры сожалѣнья.

*

Уста несчастныхъ матерей
Сквозь сонъ твердятъ молитвы
За ихъ любимыхъ сыновей,
Погибшихъ жертвой грозной битвы.

*

Но не услышатъ нѣжныхъ словъ
Они, угасшіе такъ рано
Подъ пулей мѣткою враговъ
Подъ дикій грохотъ барабана.

*

Война, проклятая война,
Не ты ли намъ еще отъ вѣка
Какъ наказанье суждена
За преступленья человѣка?

Въ родной глуши.

И этотъ городъ многолюдный,
И это мертвое молчанье,
И сонъ позорно-непробудный
Во мнѣ родятъ одно страданье.

*

Какъ въ нѣдрахъ сумрачной могилы
Здѣсь вѣетъ леденящей тьмою,
Умы людей, таланты, силы
Обречены навѣкъ застою.

*

Здѣсь глохнетъ проблескъ силы свѣжей,
Царитъ здѣсь спячка вѣковая...
Да, этотъ русскій сонъ медвѣжій —
Прообразъ твой, страна родная!

Надъ моремъ.

Я съ грустью гляжу на шумящее море,
Стремится волна за волною;
Не такъ ли и ты, безконечное горе,
Разлилось надъ русской землею?

*

Не видно конца этой буйной пучинѣ,
Повсюду зеленыя воды;
Такъ точно не видно исхода кручинѣ,
Конца не отыщешь невзгоды.

* * *

Бреду я пыльною дорогой:
Жара; идется тяжело;
А по пути въ красѣ убогой
Стоитъ печальное село.

Есть красота и въ горѣ вѣчномъ,
Есть и въ страданьѣ красота...
Во всемъ позорѣ безсердечномъ
Здѣсь властью правитъ нищета.

Скренился ветхій рядъ избенокъ,
Гдѣ жизнь текла изъ рода въ родъ.
Какой безпомощный ребенокъ,
Какъ неподвиженъ ты, народъ!

Въ цѣпяхъ нужды, во мракѣ душномъ
Ты злыхъ невзгодъ извѣдалъ рой...
Но и въ ребенкѣ простодушномъ
Нерѣдко кроется герой.

Памяти пріятеля.

(А. А. Воейкова).

Межъ насъ не долго онъ побылъ,
Но всѣми былъ любимъ,
Никто изъ насъ не позабылъ
Часовъ, прожитыхъ съ нимъ.
Онъ былъ прекрасный человѣкъ,
Но жилъ лишь краткій вѣкъ
И въ цвѣтѣ юной силы
Сошелъ подъ сѣнь могилы.

*

Онъ правдѣ преданъ былъ душой,
Любилъ родной народъ
И порывался въ грозный бой
Съ жестокостью невзгодъ,
Но брошенъ жребій роковой —
И онъ унесъ во гробъ съ собой
Рой пламенныхъ мечтаній
И свѣтлыхъ ожиданій.

*

Онъ только-только расцвѣталъ...
Пробилъ урочный часъ...
Онъ общій жребій испыталъ:
Безвременно угасъ.
У насъ всегда такъ гибнетъ тотъ,
Кто истиннымъ путемъ идетъ—
Путемъ святыхъ стремленій
И честныхъ убѣжденій.

*

Но мирно спи, усопшій братъ,
Отъ насъ хоть скрылся ты,
Но избѣжалъ и злыхъ утратъ
И міра пустоты.
Ты не успѣлъ еще страдать,
А намъ придется испытать
Страданья горькой муки
И съ лучшими разлуки.

Ф. ФИЛИМОНОВЪ.

Русской женщинѣ.

Бурною волною время проносилось,
Въ вѣчность роковую невозвратно мчась,
Въ теремѣ высокомъ ты вѣка томилась,
Вольною душою на просторъ рвалась.

И когда отъ муки изболѣвъ душою,
Падали мы духомъ, проклиная тьму...—
Ты являлась другомъ, нѣжною сестрою,
Ангеломъ небеснымъ въ душную тюрьму.

Ты средь мирной жизни другъ нашъ неизмѣнный...
И тогда, когда мы падали въ крови,
На поляхъ сраженій, ты подъ громъ военный,
Намъ шептала рѣчи, полныя любви.

Ты изъ тьмы стремилась къ свѣту понемногу,
Ты весь вѣкъ служила правдѣ и добру,
И настало время.—Женщинѣ дорогу
И почетъ, и мѣсто въ жизненномъ пиру!

Въ минуту раздумья.

Настанетъ ночь, и мѣрной чередою,
Какъ мертвецы, покинувши гроба,
Картины бѣдъ проходятъ предо мною,
Кипитъ за жизнь кровавая борьба!
Мнѣ чудятся станки, гигантскія машины,
Расплавленная мѣдь, ползущая рѣкой,
И лица блѣдныя, и согнутыя спины,
И мертвыхъ глазъ какой-то блескъ стальной.
Ужасная, тяжелая картина!
«Да, вотъ вопросъ: страшнѣй ли ада видъ?»
Страдай, терпи! реветъ, свистя, машина;
Страдай, терпи! вся фабрика гремитъ.
Задумался я вновь надъ муками моими,
И чей-то голосъ мнѣ вдругъ шепчетъ, слабъ и тихъ:
«Сравни ихъ жизнь съ своей, страданья ихъ съ своими,
Ну, что твоя печаль передъ печалью ихъ?
Ничтожный, слабый стонъ средь стона мірового,
Единая слеза средь океана слезъ.
Ихъ тяжкій стонъ—бретъ тяжело больного;
Твоя тоска—плодъ юношескихъ грезъ.
Учись у нихъ, безропотно страдавшихъ,

Несущихъ крестъ на согнутыхъ плечахъ;
Учись у нихъ—лишь въ вѣрѣ почерпавшихъ
Запасы силъ съ молитвой на устахъ.
О, какъ они живутъ, какъ мучатся глубоко,
Въ смиренномудріи не ждущіе вѣнка!
Учись у нихъ страданью безъ упрека,
Учись у нихъ—терпѣнью безъ конца!»
Уходятъ призраки обычной чередою,
Не видно ужъ ихъ лицъ, не слышится ихъ стонъ,
А я... я все сижу съ поникшей головою,
До утра самаго въ раздумье погруженъ.

На фабрикѣ.

(Отрывокъ).

Блѣдныя лица, согнутыя спины,
Жаромъ пылаетъ кипящая мѣдь...
Грохотъ колесъ... Отъ движенья машины
Стѣны качаются... Страшно глядѣть,

Носится облако дыма и смрада,
Грудь надрывается—нечѣмъ дышать,
Въ поле уйти бы отъ этого ада,
Дальше-бъ куда убѣжать.

Дальше... туда, гдѣ качаются ивы,
Гдѣ отъ зари до зари
Тихо колышутся хлѣбныя нивы,
Пѣсни поютъ косари.

ИВ. БѢЛОУСОВЪ.

* * *

Я шелъ одной прямой дорогой,
Хоть было много мнѣ дорогъ,
Служилъ всю жизнь я правдѣ строгой—
И обезсилѣлъ, изнемогъ.

И вотъ устало сердце биться,
Мечта же все зоветъ впередъ,
Но, какъ подстрѣленная птица,
Жизнь замедляетъ свой полетъ.

Но не хочу, чтобъ люди знали,
Что силы нѣтъ въ моей груди,—
Нѣтъ на лицѣ моемъ печали,—
Зарю я вижу впереди!

И обезсиленной рукою
Туда указываю я,
Гдѣ свѣтлой, яркой полосою
Горитъ побѣдная заря!

Изъ „Водрыхъ пѣсенъ“.

I.

Словно вѣтеръ перелетный,
Что летаетъ по полямъ,
Съ пѣсней вольной, беззаботной
Прихожу я, братья, къ вамъ.
Сбросьте тяжкій гнетъ насилья,
Поднимите выше грудь,
Расправляйте смѣло крылья,
Отправляйтесь бодро въ путь!
Что тамъ будетъ въ темной дали—
Не гадайте—будетъ то,
Все, о чемъ давно мечтали,
Крѣпко вѣрили во что!...

II.

Еще гроза не унялась,
Еще гремятъ раскаты грома;
Борьба съ грозой не въ первый разъ,—
Она намъ съ дѣтскихъ лѣтъ знакома!
И знаемъ мы, что за грозой
Заблещетъ солнце золотое,
Обвѣетъ ласкою живой
Насъ небо ясно-голубое.
И снова станемъ пѣсню пѣть
Про трудъ свободный, благородный...
За то, что намъ пришлось терпѣть—
Жить будемъ въ памяти народной!

СЕРГѢЙ БЕРДЯЕВЪ.

Послѣдніа судороги.

Это «свободой» *у нихъ* называется:
Новыя жертвы и новая кровь!
Только недаромъ она проливается,—
Выростутъ месть и любовь...
Пусть принимаетъ съ холодной оглядкою,
Даръ отъ предателей русскій народъ —
Гибель Іуды готовятъ украдкою,
Пусть же добра онъ не ждетъ!
Выстрѣлы слышались всюду ружейные,
Пули слѣпыя летали кругомъ...
Такъ завершились посулы елейные
Страшнымъ свинцовымъ дождемъ!
Съ бѣшенствомъ шествіе мирное встрѣтили
Правды и воли народной враги,
Въ грудь пролетарію честному мѣтили...
Жизнь свою, братъ, береги!
Это—торжественный день возрожденія,
Будто бы къ счастью завѣтному путь?
Вижу убитыхъ кровавыя тѣни я...
Стыдно-ль убійцамъ? Ничуть!...
Праздника жду я иного великаго:
Царству безправія будетъ конецъ,—
Смерть произвола жестокаго, дикаго
Подлыхъ продажныхъ сердецъ!

ЛЕВЪ ЖДАНОВЪ.

Пытка свободой.

— «Ты хочешь слышать, милый внукъ,
О самой тягостной изъ мукъ,
Какую даже и во снѣ
Невыносимо вспомнить мнѣ...
Да, все равно! Мой близокъ часъ.
Покуду разумъ не угасъ,—
Тебѣ открою быль свою
И муки сердца изолью.
Въ подземной, крѣпостной тюрьмѣ
Провелъ я много лѣтъ во тьмѣ.
Въ молчаньи пытки выносилъ,
Терпѣлъ насколько было силъ.
И досаждало палачу,
Что такъ упорно я молчу!
Онъ рвалъ мнѣ грудь, огнемъ палилъ,
Почетъ, свободу мнѣ сулилъ,
Богатство въ руки мнѣ давалъ...
Я—никого не выдавалъ...
И, наконецъ, въ нѣмой тюрьмѣ,
Въ кольцѣ желѣзномъ какъ въ ярмѣ,
Я былъ забытъ... Шесть долгихъ лѣтъ
Не проникалъ ни звукъ, ни свѣтъ
Въ мою могилу. Я сидѣлъ,
Не выпрямляясь!... Посѣдѣлъ
До срока, въ тридцать съ лишнимъ лѣтъ;
Сталъ худъ и страшенъ, какъ скелетъ...
Сырая тьма... Тяжелый смрадъ —
Таковъ мой былъ темничный адъ!
Разъ, только разъ, въ три долгихъ дня
Тюремщикъ пищу для меня,
Какъ звѣрю въ яму, подавалъ:
Воды и хлѣба. Громко звалъ
Я палача-судью къ себѣ...
Рвался изъ цѣпи... Но въ борьбѣ
Весь обезсиленъ, на полу
Лежалъ, какъ трупъ нѣмой въ углу
Часами, днями... Подъ конецъ—
Затихъ, умолкнулъ, какъ мертвецъ..
И—помню день... Вѣрнѣе ночь...
— Мнѣ жаль тебя... Хочу помочь —
Шепнулъ мнѣ сторожъ и пилой
Сталъ рѣзать цѣпь мою. Долой
Ее откинулъ и шепнулъ:
— Весь монастырь теперь уснулъ...
Къ разсвѣту близко... Уходи!
Меня не выдай самъ, гляди!...
Сказалъ... какъ призракъ скрылся... Мнѣ
Сдавалось: вижу все во снѣ.
Да, нѣтъ! Раскрыта кельи дверь.
Однимъ прыжкомъ хотѣлъ, какъ звѣрь,
Покинуть смрадную тюрьму
И, вдругъ, свалился... Не пойму,
Какъ не остался вовсе въ ней,

Какъ добрался до ступеней,
Ползкомъ, съ усильемъ?... Словно ногъ
Лишенный,—двигаться не могъ!
Но, вотъ,—попалъ я въ корридоръ.
Гляжу, раскрыта дверь во дворъ.
Всей грудью воздухъ пью ночной...
И словно чудо надо мной
Свершилось... Бодро всталъ... иду...
Въ удачу вѣрю... Воли жду!
Жду воли, послѣ столькихъ лѣтъ!...
Стою въ тѣни кустовъ. Разсвѣтъ
Одѣлъ полнеба въ янтари.
Давно не видѣлъ я зари...
Шесть лѣтъ сидѣлъ въ могильной тьмѣ...
Смѣшалось все въ душѣ, въ умѣ!
Надъ лѣсомъ—рдѣли небеса...
Звенѣли птичьи голоса...
Сдавалось мнѣ: ужъ я въ раю
Несу Творцу хвалу мою!...
Но тутъ же вспомнилъ, что пора!
Собралъ всѣ силы... Со двора —
Бѣгу къ калиткѣ... Отперта!...
Близка завѣтная мечта...
Близка! Одинъ послѣдній шагъ —
И надо мной безсиленъ врагъ.
Уйду навѣки далеко!
Такъ стало нà сердцѣ легко...
Кто знаетъ, даже можетъ быть, —
Я могъ бы прошлое забыть...
Неволю, пытки-бы простилъ,
Не проклиналъ-бы и не мстилъ...
Но,—только въ поле выхожу,
Кидаюсь къ лѣсу... Вдругъ—гляжу:
Навстрѣчу главный мой судья
Идетъ, злорадство не тая!
Куда? Куда, мой бѣдный братъ?
Иль нашей встрѣчѣ ты не радъ?
Ужель задумалъ убѣжать?
Позволь къ груди тебя прижать...
Хочу назадъ тебя свести.
Ты слабъ... Безъ друга не дойти...
Меня, какъ слабое дитя,
Повелъ онъ, дьявольски шутя,
И, вдругъ, у самой у тюрьмы
Шепнулъ: «тебя жалѣемъ мы,
Тяжка неволя... Божій міръ
Прекрасенъ... Заключимъ же миръ.
Друзей преступныхъ назови —
И на свободѣ самъ живи!...»
Сознàюсь, внукъ: не сразу, нѣтъ, —
Я далъ лукавому отвѣтъ.
Но мой отвѣтъ ты угадалъ!...
Еще не мало дней страдалъ
Я въ подземельи... Вдругъ тюрьма
Моя распалася сама, —
Когда воспрянувшій народъ
Лавиной двинулся впередъ...
И подъ возмездія мечи —
Попали злые палачи!

Прошло съ тѣхъ поръ не мало лѣтъ,
Я покидаю этотъ свѣтъ...
Но—вспомню съ трепетомъ мою
»Свободой пытку»—и въ раю!

На зарѣ свободы.

Какъ хорошо порой средь темнаго народа,
Въ глухія времена, въ странѣ печальной жить.

Сурова и бѣдна славянская природа.
Здѣсь мысль принуждена насилію служить.
Есть лучшія края. Тамъ—воля, тамъ—свобода.
Тамъ—круглый годъ весна... И солнце по утрамъ,
Сверкая съ яснаго, лазореваго свода,
Внимаетъ радостнымъ, привольнымъ голосамъ.
Туда за многими, покинувъ гнетъ неволи,—
Умѣлъ бы я уйти. Но—здѣсь мнѣ все милѣй,
Хотя съ отчаяньемъ, съ холоднымъ чувствомъ боли
Гляжу въ нѣмой просторъ синѣющихъ полей.
По нивамъ—призраки Тоски и Одичанья,
Нужды и Голода проносятся во мглѣ.
Здѣсь—нарушаетъ скорбь унылаго молчанья
Стонъ пахаря-раба, припавшаго къ землѣ...
Въ угрюмыхъ городахъ, какъ въ тюрьмахъ стопалатныхъ,—
Томятся жалкія, усталыя толпы
Людей замученныхъ, напуганныхъ, развратныхъ...
И это—общества, отечества столпы!
Но здѣсь, средь моря зла, средь пошлости и прозы—
Сверкаютъ проблески возвышенныхъ идей
И свято сберeглись несбыточныя грезы
О счастьѣ, о любви, о братствѣ всѣхъ людей!
Вчерашній жалкій рабъ, задавленный, покорный
Выходитъ на борьбу, чтобъ побѣдить, иль пасть!
Рѣшимости его, могучей и упорной,—
Не сломитъ произволъ, не запугаетъ власть!...
Вотъ почему люблю страну мою родную.
Привольно дышется въ забытой сторонѣ,
Когда взломавъ тюрьму, препону ледяную,—
Потокъ бурливыхъ водъ несется по веснѣ.
Шумитъ, гремитъ, несетъ деревья, камни, пѣну,
Жизнь новую даритъ и пашнямъ и лѣсамъ!
Онъ—рушитъ косности и произвола стѣну,
Покуда широко не разольется самъ...

Жить хорошо порой средь бѣднаго народа,
Когда воспрянувшій,—стремится къ волѣ онъ.
Кругомъ — кипитъ борьба... Кличъ торжества и стонъ...
А впереди—она, великая Свобода!

Наканунѣ.

Міръ стучитъ въ Насилья дверь,
Міръ стучитъ милліономъ рукъ.
Всѣмъ понятенъ мощный звукъ:
«Воли, воли намъ теперь!»

Рвется къ свѣту міръ изъ тьмы,
Міръ спѣшитъ милліономъ ногъ.
Слышно съ тысячи дорогъ:
«Къ свѣту, къ волѣ рвемся мы!»

И—добьются... И—дойдутъ.
Вспыхнетъ счастія заря.
Тронъ всеміриаго царя
Самъ захватитъ мощный Трудъ.

Изъ пѣсенъ о волѣ.

Я на борьбу не зову.
Всюду кипитъ ужъ борьба.
Дѣло Свободы рѣшитъ
Вольный народъ и судьба!
Я и Возмездья не жду:
Тяжкій Возмездья законъ,—
Мѣрно свершаетъ свой путь,
Грозный свой путь—безъ препонъ.
Жалобы я не твержу.
Молча всѣ ринемся въ бой.
Если смогу,—уложу
Молча врага предъ собой!
Руку на мечъ положивъ,
Въ первыхъ рядахъ я стою.
Близокъ рѣшающій часъ,
Силы столкнутся въ бою.
Грозный завяжется бой...
Счастье земли у дверей...
Радъ заплатить я собой,—
Грянуль бы онъ поскорѣй!

ИВ. БУНИНЪ.

На дальнемъ сѣверѣ.

Гакъ небо низко и уныло,
Такъ сумрачно вдали,
Какъ будто время здѣсь застыло,
Какъ будто край земли.

Густое чахлое полѣсье
Стоитъ среди болотъ.
А тамъ—угрюмо въ поднебесье
Уходитъ сумракъ водъ.

Ужъ ночь настала, но свинцовый
Дневной не меркнетъ свѣтъ.
Нѣмая тишь въ глуши сосновой,
Ни звука въ морѣ нѣтъ.

И звѣзды тускло, недвижимо
Горятъ надъ головой,
Какъ будто ихъ зажегъ незримо
Самъ ангелъ гробовой.

И сонъ на мертвый край изгнанья
Идетъ и нѣмъ, и тихъ...
О, темный бредъ воспоминанья!
О, грустно-странный стихъ!

Зову тебя: скажи счастливымъ,
Что гдѣ-то скорбь царитъ,
Скажи всѣмъ празднымъ, суетливымъ,
Что гдѣ-то все молчитъ!

Затѣмъ, что всѣ они повинны
За горечь нашихъ бѣдъ:
За сны, утраты и кручины
И темныхъ пѣсенъ бредъ!

* * *

Вьется путь въ снѣгахъ, въ степи широкой.
Вотъ—луга и надъ оврагомъ мостъ,
Подъ горой—поселокъ одинокій,
На горѣ—заброшенный погостъ.

Ни души въ поселкѣ; не краснѣютъ
Изъ-подъ крышъ вечерніе огни;

Слѣпо срубы въ сумеркахъ чернѣютъ...
Знаю я,—покинуты они.

Пахнетъ въ нихъ холодною золою,
Въ печку провалилася труба,
И давно ужъ смотритъ нежилою,
Мертвой и холодною изба.

Подъ застрѣхи вѣтеръ жесткій дуетъ,
Сыплетъ снѣгомъ... Только онъ одинъ
О тебѣ, родимый край, тоскуетъ
Посреди пустыхъ твоихъ равнинъ!

Мы спѣшимъ, мы ищемъ лучшей доли,
Мы хотимъ, чтобъ это было сномъ—
И погостъ, и вѣшки въ бѣломъ полѣ,
И пустыня въ сумракѣ ночномъ.

Путь бѣжитъ, въ степи метель играетъ,
Хмуро сходитъ долгой ночи тѣнь...
О, пускай скорѣе умираетъ
Этотъ жесткій, этотъ тусклый день!

На распутьи.

(В. М. Васнецову).

На распутьи въ дикомъ древнемъ полѣ
Черный воронъ на крестѣ сидитъ.
Заросла бурьяномъ степь на волѣ,
И въ травѣ заржавѣлъ старый щитъ.

На распутьи люди начертали
Роковую надпись: «Путь прямой
Много бѣдъ готовитъ, и едва ли
Ты по немъ воротишься домой.

«Путь направо безъ коня оставитъ,—
Побредешь одинъ и сиръ, и нагъ,—
А того, кто влѣво путь направитъ,
Встрѣтитъ смерть въ незнаемыхъ поляхъ».

Жутко мнѣ! Вдали стоятъ могилы,—
Въ нихъ былое дремлетъ вѣчнымъ сномъ...
«Отзовися, воронъ чернокрылый!
Укажи мнѣ путь въ краю глухомъ.

«Я покинулъ островъ Царь-Дѣвицы,
Сине море, теремъ и сады,
Не ищу я по свѣту Жаръ-Птицы,—
Укажи мнѣ ключъ живой воды,

«Свѣтлый ключъ, который воскрешаетъ
Усыпленныхъ мертвою водою
И цвѣтами степи украшаетъ,
Призывая къ жизни молодой!

Но молчитъ угрюмо воронъ вѣщій,
Неподвижно на крестѣ сидитъ
И угрюмо, зоркій и зловѣщій,
На меня и на коня глядитъ.

Дремлетъ полдень. На тропахъ звѣриныхъ
Тлѣютъ кости въ травахъ. Три пути
Вижу я въ желтѣющихъ равнинахъ...
Но куда и какъ по нимъ итти?

Гдѣ равнина дикая граничитъ?
Кто, пугая чуткаго коня,
Въ тишинѣ изъ синей дали кличетъ
Человѣчьимъ голосомъ меня?

И ужели нѣтъ пути иного,
Гдѣ бы могъ пройти я, не губя
Ни надеждъ, ни счастья, ни былого,
Ни коня, ни самого себя?

Вѣетъ поле тишиной великой.
Мертвецы въ могилахъ древнихъ спятъ.
Очарованъ красотою дикой,
Опускаю я покорно взглядъ.

Вижу я курганы вь тихомъ полѣ...
Много лѣтъ стоятъ они, и нѣтъ
Дѣла имъ до нашей бѣдной доли,
До мгновенныхъ радостей и бѣдъ!

И одинъ я въ полѣ, и отважно
Жизнь зоветъ, а смерть въ глаза глядитъ...
Черный воронъ сумрачно и важно,
Полусонный на крестѣ сидитъ.

* * *

Скачетъ пристяжная, снѣгомъ обдаетъ...
Сонный зимній вѣтеръ надо мной поетъ,
Въ полуснѣ, волнуясь по полю бѣжитъ,
Вмѣстѣ съ колокольчикомъ жалобно дрожитъ.

Эй, проснися, вѣтеръ! Подыми пургу,
Задымись метелью бѣлою въ лугу,
Загуди поземкой, закружись въ степи,
Крикни вмѣсто пѣсни: «Постыдись, не спи!»

Безотраденъ путь мой! Каждый Божій день—
Глушь лѣсовъ да холодъ—голодъ деревень...
Стыдно мнѣ и больно... Только стыдъ-то мой
Слишкомъ скоро гаснетъ въ тишинѣ нѣмой!

Сонный зимній вѣтеръ надо мной поетъ,
Усыпляетъ пѣсней, воли не даетъ,
Путь заноситъ снѣгомъ, по-полю бѣжитъ,
Вмѣстѣ съ колокольчикомъ жалобно дрожитъ...

Метель.

Ночью въ поляхъ, подъ напѣвы метели,
Дремлютъ, качаясь, березки и ели...
Мѣсяцъ межъ тучекъ надъ полемъ сіяетъ, —
Блѣдная тѣнь набѣгаетъ и таетъ....
Мнится мнѣ ночью: межъ бѣлыхъ березъ
Бродитъ въ туманномъ сіяньи Морозъ.

Ночью въ избѣ, подъ напѣвы метели,
Тихо разносится скрипъ колыбели....
Мѣсяца свѣтъ въ темнотѣ серебрится, —
Въ мерзлыя стекла по лавкамъ струится....
Мнится мнѣ ночью: межъ сучьевъ березъ
Смотритъ въ безмолвныя избы Морозъ.

Мертвое поле, дорога степная!
Вьюга тебя заметаетъ ночная,
Спятъ твои села подъ пѣсни метели,
Дремлютъ печальныя, темныя ели...
Мнится мнѣ ночью: не степи кругомъ, —
Бродитъ Морозъ на погостѣ глухомъ...

Вальдеръ.

Хаду—слѣпецъ, онъ жалокъ. Мракъ глубокій
Скрываетъ свѣтъ и правду отъ него.
Но, чадо тьмы, онъ весь во власти Локи —
Онъ на̀-смерть поражаетъ божество.

И все же міръ лишь жаждой свѣта дышетъ!
И Солнце, погребенное во тьму,
Изъ гроба тьмы, изъ бездны ада слышитъ,
Что міръ въ тоскѣ взываетъ лишь къ нему.

И дрогнетъ тьма! И вспыхнетъ на востокѣ
Воскресшій Свѣтъ! И боги пригвоздятъ
Тебя, какъ пса, къ граниту горъ, о, Локи!
И будетъ змѣй, свирѣпый и стоокій,
Точить со скалъ на темя Локи—ядъ!

Ормуздъ.

Ни алтарей, ни истукановъ,
Ни темныхъ капищъ. Міръ одѣтъ
Въ покровы мрака и тумановъ:
Боготворите только Свѣтъ.

Владыка Свѣта весь въ единомъ —
Въ борьбѣ со Тьмой. И потому
Огни зажгите по вершинамъ:
Возненавидьте только Тьму.

Ночь третью міра властно правитъ.
Но мудрый жаждетъ вѣрить Дню:
Онъ въ мірѣ радость солнца славитъ,
Онъ поклоняется Огню.

И, возложивъ костеръ на камень,
Всю жизнь свою приноситъ въ даръ
Тебѣ, неугасимый Пламень,
Тебѣ, всевидящій Датаръ!

Самсонъ.

Былъ ослѣпленъ Самсонъ, былъ Господомъ обиженъ,
Былъ чадами грѣха поруганъ и униженъ
И приведенъ на пиръ. Тамъ, опустивъ къ землѣ
Незрячіе глаза, онъ слушалъ смѣхъ и клики,
Но мгла текла предъ нимъ—и въ этой жуткой мглѣ
Пылали грозные архангельскіе лики.
Они росли, какъ смерчь,—и вдругъ разверзлась твердь,
Прорѣзалъ тьму глаголъ: «Возстань, мой рабъ любимый!»
И просіялъ слѣпецъ красой непостижимой
Затрепеталъ, какъ кедръ, и поблѣднѣлъ какъ смерть,
О, не плѣнитъ его теперь Ваала хохотъ,
Не обольститъ очей ни пурпуръ, ни виссонъ!—
И цѣлый міръ потрясъ громовый гулъ и грохотъ:
Зане былъ слѣпъ Самсонъ.

За измѣну.

Вспомни тѣхъ, что покинули страну свою ради страха смерти.
Коранъ.

Ихъ Господь истребилъ за измѣну несчастной отчизнѣ,
Онъ костями ихъ тѣлъ, черепами усѣялъ поля.
Воскресилъ ихъ пророкъ: онъ просилъ имъ у Господа жизни.
Но позора Земли никогда не прощаетъ Земля.

Двѣ легенды о нихъ прочиталъ я въ легендахъ Востока.
Милосердна одна: воскрешенные пали въ бою.
Но другая жестока: до гроба, по слову пророка,
Воскрешенные жили въ пустынномъ и дикомъ краю.

Въ день возстанья изъ мертвыхъ одежды ихъ черными стали,
Въ знакъ того, что на нихъ—замогильнаго тлѣнія слѣдъ,
И до гроба ихъ лица, склоненныя долу въ печали,
Сохранили свинцовый, холодный, безжизненный цвѣтъ.

В. ГИЛЯРОВСКІЙ.

* * *

Тянутся дикія степи далеко,
Снѣгомъ покрыты равнины глубоко.

Степью дороги идетъ полоса,
Дальше за нею чернѣютъ лѣса.

Сосны да ели, дубы вѣковые,
Словно какъ стражи, стоятъ роковые,

Словно богатства страны берегутъ;
Ну и богатства несмѣтныя тутъ!

Бурныя рѣки, болотныя топи,
Все это чистаго золота копи,

Золото всюду—въ болотѣ, въ рѣкѣ
И глубоко подъ землей въ рудникѣ.

Только богатства далеко зарыты,
Сверху землею и снѣгомъ покрыты...

Золота много,—но эта страна,
Хоть и богата, но все же бѣдна!

Гдѣ же въ ней люди? Тунгусъ одинокій
Мчится на лыжахъ по тундрѣ широкой,

Иль самоѣдъ да лопарь иногда
Гонятъ по степи оленей стада;

Лось пробѣжитъ, отъ волковъ убѣгая;
Птицъ перелетныхъ протянется стая;

Къ западу крадется смѣлый варнакъ,—
Родину хочетъ увидѣть бѣднякъ.

Чаще всего по замерзнувшей степи
Звякаютъ мѣрно тяжелыя цѣпи,

И подъ унылый томительный звукъ,
Полная горя терзаній и мукъ,

Пѣсня поется про край отдаленный,
Западъ веселый и вѣчно зеленый

Да про родные луга и поля...
Слезы пѣвцовъ принимаетъ земля.

Золото! въ землю, гдѣ ты пролежало,
Слезъ этихъ горькихъ упало не мало...

Блескъ свой ты, золото, взяло у нихъ,
У замерзающихъ слезъ дорогихъ...

Въ горахъ.

Ночь темна, а темнѣй подо мною
Пропасть грозная, мрака полна,
Съ дикимъ звѣремъ,—гремящей рѣкою,—
Это бурная пропасть страшна.
Въ ней стучатъ и грохочутъ каменья
Подъ могучею бурной волной,
А подъ шумъ тотъ, какъ мигъ сновидѣнья,
Рядъ картинъ промелькнулъ предо мной.
Все, что̀ въ юности читано было,
Что̀ твердили порой старики,
Все то въ памяти ясно такъ всплыло,
Встало живо подъ говоръ рѣки.
Межъ утесовъ—штыки и шинели,
Крики горцевъ—за волю бойцовъ.
Грохотъ ружей въ отчаянномъ дѣлѣ,
Что ни выстрѣлъ,—то смерть удальцовъ!...
И бѣжитъ за картиной картина,
Бурно мчится волна за волной,
Подо мной все чернѣе пучина,
Низко тучи сошлись надо мной...
Вѣтеръ пѣсню поетъ по ущелью,
Вторитъ буйному вѣтру волна,
Ни любви въ пѣсни нѣтъ, ни веселья,
Горя-горькаго пѣсня полна...
Слышу я: пало все подъ булатомъ!
Сгибла воля со смертью бойцовъ,
Передъ ложнымъ почетомъ да златомъ
Пала доблесть лихихъ удальцовъ.
Тѣхъ, что̀ славно дрались за отчизну,
Позабылъ суетливый народъ...
Имъ рѣка правитъ горькую тризну,
«Память вѣчную» вѣтеръ поетъ...
Пропоетъ про былое ихъ счастье
Въ темной пропасти этой рѣка,

Коль порою въ грозу и ненастье
Разбушуется, грозно дика...
Про несчастную горькую долю
Съ бурей пѣсню она пропоетъ,
Тотъ, кто любитъ несчастныхъ да волю,
Только тотъ эту пѣсню пойметъ.
Кто не знался съ неправдой людскою,
Кто за деньги себя не продастъ,—
Тотъ поплачетъ съ бурливой рѣкою,
Честь погибшимъ за волю отдастъ.

* * *

Къ свѣту тянется ребенокъ и въ младенческіе годы
Любитъ небо голубое, любитъ солнца свѣтъ веселый.
Кто хранитъ любовь ту вѣчно въ жизни долгой и тяжелой,
Къ свѣту знанья и науки, свѣту правды и свободы,
Тотъ душою, какъ ребенокъ, такъ же свѣтелъ, чистъ и ясенъ,
И тому, какъ и ребенку, мрака темный міръ ужасенъ:
Онъ боится тьмы и мрака, тьмы невѣжества великой,
Гдѣ чудовища ютятся, полны къ свѣту злобы дикой!

Памяти А. Н. Плещеева.

Предъ нами свѣжая могила...
Иль такъ природой суждено,
Чтобъ все—талантъ, надежда, сила,
Все было въ ней погребено?...
Нѣтъ, нѣтъ... Не все! Лишь только тѣло,
Лишь тлѣнный прахъ отъ насъ уйдетъ,
Но мы, друзья, мы вѣримъ смѣло,
Душа въ твореньяхъ не умретъ!...
Ты насъ училъ впередъ стремиться,
Мракъ ненавидѣть, вѣрить въ свѣтъ,
Училъ страдать и съ тьмою биться,
Училъ весь міръ любить, поэтъ!
И не умрутъ твои творенья,
Живая заповѣдь твоя:
«Впередъ! безъ страха и сомнѣнья
На подвигъ доблестный, друзья!»

На сѣверѣ.

Въ странѣ бурана и мятели,
Гдѣ слышенъ только бури вой,
Гдѣ сосны старыя да ели
Ведутъ бесѣду межъ собой, —
Тамъ человѣкъ бываетъ рѣдко,
Его пустыни не влекутъ.
Лишь самоѣдъ охотникъ мѣткій
Стрѣлой каленой, да якутъ,
Туда являясь для охоты,
Летятъ по снѣжныхъ глубинамъ,
Чрезъ занесенныя болота,
Къ пустыннымъ моря берегамъ...
Тамъ рыщетъ лось, да волкъ голодный
Себѣ добычу сторожитъ,
Да иногда лишь край холодный
Несчастныхъ пѣсня огласитъ.
Но что печальнѣе, она ли,
Или волковъ голодныхъ вой,
Чтò долеталъ изъ снѣжной дали
До слуха тѣхъ пѣвцовъ порой,—
Рѣшить нельзя... А пѣсня льется,
Родной въ немъ слышится мотивъ...
Она про родину поется,
Про золото родимыхъ нивъ,
Родныхъ, оставленныхъ далеко,
Навѣкъ покинутыхъ друзей...
Звучитъ та пѣсня одиноко
Подъ звонъ заржавленныхъ цѣпей!

Бродяга.

Не смѣйтесь, что все я о волѣ пою,
Какъ мать дорогую, я волю люблю...

Не смѣйтесь, что пѣлъ я о звукѣ оковъ,
О скрипѣ дверей и о лязгѣ штыковъ...

О холодѣ, голодѣ пѣлъ, о бѣдѣ,
О горѣ глубокомъ и горькой нуждѣ.

Родился я въ холодѣ, повитъ бѣдой,
Я выросъ въ тюрьмѣ и воспитанъ нуждой...

Подъ звуки тюремныхъ дверей и оковъ
Не слышалъ я матери ласковыхъ словъ,

Она не баюкала нѣжно меня,
Судьбу умирая въ темницѣ, кляня.

А послѣ слѣпца я за палку водилъ
И жалобно пѣлъ, когда хлѣба просилъ.

Несчастіе спутникомъ было ему,
И снова попалъ со слѣпцомъ я въ тюрьму.

Но волю узналъ я, въ лѣсу побывалъ
И, бросивъ слѣпца, изъ тюрьмы убѣжалъ.

Работалъ въ деревнѣ, пригрѣли меня,
Но дожилъ опять до несчастнаго дня,

Опять оторвали меня отъ земли
И снова въ тюрьму въ кандалахъ повели...

Отъ шумнаго лѣса, отъ желтыхъ сноповъ,
Отъ матки-сохи, за желѣзный засовъ!

Стенька Разинъ.

I.

Гудитъ Москва. Народъ толпами
Къ заставѣ хлынулъ, какъ волна,
Вооруженными стрѣльцами
Вся улица запружена.
А за ставой зеленѣютъ
Цвѣтами яркими луга,
Колеблясь, волны ржи желтѣютъ,
Рѣки чернѣютъ берега...
Дорога сѣрой полосою
Играетъ змѣйкой между нивъ,
Окружена живой толпою
Высокихъ придорожныхъ ивъ.
А по дорогѣ пыль клубится
И что-то движется вдали:
Казакъ припалъ къ коню и мчится,
Конь чуть касается земли.
— Веземъ, встрѣчайте честью гостя,
Готовьте два столба ему,
Земли немного на погостѣ
Да попросторнѣе тюрьму,
Веземъ!
И вотъ ужъ у заставы
Красивыхъ всадниковъ отрядъ.
Они въ пыли, ихъ пики ржавы,
Пищали за спиной висятъ.
Везутъ телѣгу. Палачами
Окружена телѣга та,
На ней прикованы цѣпями
Сидятъ два молодца. Уста
У нихъ сомкнуты, грустны лица,
Въ глазахъ то злоба, то туманъ...
Не такъ къ тебѣ, Москва-столица,
Мечталъ пріѣхать атаманъ
Низовой вольницы! Со славой,
Съ побѣдой думалъ онъ войти,
Не къ плахѣ грозной и кровавой
Мечталъ онъ голову нести!
Не зная неудачъ и страха,
Не охладивши сердца жаръ,
Мечталъ онъ самъ вести на плаху
Дьяковъ московскихъ и бояръ.
Мечталъ, а сдѣлалось другое:
Какъ вора, Разина ведутъ,
И передъ нимъ встаетъ былое,
Картины прошлаго бѣгутъ:
Вотъ берега родного Дона...
Отецъ замученный... Жена...
Вотъ Русь, народъ... Мольбы и стона
Полна несчастная страна...
Монахъ угрюмый и высокій,
Блеститъ его орлиный взоръ...
Вотъ Волги-матушки широкой
И моря Каспія просторъ...
Его ватага удалая,
Поволжья бурная гроза...
И персіянка молодая,
Она предъ нимъ... Ея глаза
Полны слезой, полны любовью,
Полны восторженной мечты...
Вотъ руки, облитыя кровью —
И нѣтъ на свѣтѣ красоты!
А тамъ все висѣлицы, битвы,
Пожаровъ безпощадныхъ чадъ,
Убійства въ полѣ, у молитвы,
Въ бою... Вонъ висѣльниковъ рядъ
На Волгѣ, на степныхъ курганахъ,
Въ покрытыхъ пепломъ городахъ,
Въ расшитыхъ золотомъ кафтанахъ,
Въ цвѣтныхъ боярскихъ сапогахъ...
Подъ Астраханью бой жестокій...
Врагъ убѣжалъ, разбитый въ прахъ...
А вотъ онъ ночью одинокій
Въ тюрьмѣ, закованный въ цѣпяхъ...
И надо всѣмъ Степанъ смѣется,
И казнь, и пытки—ничего:
Однимъ лишь больно сердце бьется —
Свои же выдали его.

II.

Утро ясно встаетъ надъ Москвою,
Солнце ярко кресты золотитъ,
А народъ еще съ ночи толпою
Къ Красной площади, къ казни спѣшитъ.
Чу. ведутъ! Взволновалась столица,
Вся толпа колыхнулась волной,
Зачернѣлась на ней колесница
Съ перекладиной, съ цѣпью стальной.
Атаманъ и разбойникъ мятежный
Гордо всталъ у столба впереди,
Онъ въ рубахѣ одѣтъ бѣлоснѣжной,
Крестъ горитъ на широкой груди.
Рядомъ съ нимъ, и усталъ, и взволнованъ

Не высокъ, но плечистъ и сутулъ,
На цѣпи на желѣзной прикованъ,
Фролъ идетъ, удалой есаулъ;
Братъ любимый, рука атамана,
Всей душой онъ былъ преданъ ему
И, узнавъ, что забрали Степана,
Самъ охотно явился въ тюрьму.
А на черномъ высокомъ помостѣ
Дьякъ, съ дрожащей бумагой въ рукахъ,
Ожидаетъ желаннаго гостя,
На лицѣ его злоба и страхъ.
И дождался. На помостъ высокій
Разинъ съ Фролкой спокойно идетъ,
Мирно колоколъ гдѣ-то далекій
Православныхъ молиться зоветъ;
Тихо дальніе тянутся звуки,
А народъ недвижимый стоитъ:
Кровожадный, ждетъ Разина муки —
Часъ молитвы для казни забытъ...
Подошли. Расковали Степана,
Онъ кого-то глазами искалъ...
Передъ взоромъ бойца-атамана,
Словно листъ весь народъ задрожалъ.
Дьякъ указъ «про несказаны вины»
Прочиталъ, взялъ бумагу въ карманъ,
И къ Степану съ сѣкирою длинной
Катъ пришелъ... Не дрогнулъ атаманъ;
А палачъ и жестокъ, и ужасенъ,
Ноздри вырваны, нѣтъ и ушей,
Глазъ одинъ, весь кровавый, былъ красенъ;
По сложенью медвѣдя сильнѣй.
Взялъ онъ за руку грознаго ката,
И, промолвивъ, поникъ головой:
«Передъ смертью прими ты за брата,
Помѣняйся крестомъ ты со мной».
На глазу палача одинокомъ
Брилліантикъ слезы заблисталъ,—
Человѣкъ тотъ о прошломъ далекомъ,
Можетъ быть, въ этотъ мигъ вспоминалъ...
Жилъ и онъ вѣдь, какъ добрые люди,
Не была его домомъ тюрьма,
А потомъ ужъ коснулося груди
Раскаленное жало клейма,
А потомъ ему уши рубили,
Рвали ноздри, ременнымъ кнутомъ
Чуть до смерти его не забили
И заставили быть палачомъ.
Омочивъ свои щеки слезами,
Подалъ крестъ атаманъ ему свой—
И враги помѣнялись крестами...
«Братья!» шопотъ стоялъ надъ толпой...
Обнялися ужасные братья.
Да, такой не бывало родни,
А какія то были объятья—
Задушили-бъ медвѣдя они!
На востокъ горячо помолился
Атаманъ, полный воли и силъ,
И народу кругомъ поклонился:
— Православные, въ чемъ согрубилъ
Все простите, виновенъ не мало,
Катъ за дѣло Степана казнитъ,
Виноватъ я....—Въ отвѣтъ прозвучало:
«Мы прощаемъ, и Богъ тя проститъ!...»
Поклонился, и къ крашеной плахѣ
Подошелъ своей смѣлой стопой,
Разстегнулъ бѣлый воротъ рубахи,
Легъ... Накрыли Степана доской.
— Что-жъ, руби—злобно дьякъ обратился:—
Али дѣло забылъ свое, катъ?
— «Не могу бить родныхъ—не рядился,
Мнѣ Степанъ по кресту теперь братъ,
Не могу!» И сѣкира упала,
По помосту гремя и стуча.
Тутъ народъ подивился не мало....
Дьякъ другого позвалъ палача.
Новый катъ топоромъ размахнулся,
И рука откатилася прочь.
Дрогнулъ помостъ, народъ ужаснулся...
Хоть бы стонъ! Лишь глаза, словно ночь,
Чернымъ блескомъ кого-то искали
Близъ помоста и сзади вдали...
Яркой радостью вдругъ засверкали,—
Знать желанныя очи нашли.
Но не вынесъ той казни Степана,
Этихъ мукъ, есаулъ его Фролъ:
Какъ упала рука атамана,
Закричалъ онъ, испуганъ и золъ....
Вдругъ глаза непрогляднѣе мрака
Посмотрѣли на Фролку. Онъ стихъ.
Крикнулъ Стенька:
— Молчи ты, собака—
И нога отлетѣла въ тотъ мигъ.
Все сѣкира быстрѣе блистаетъ,
Нѣтъ ноги и другой нѣтъ руки,
Голова по помосту мелькаетъ,
Тѣла Разина рубятъ въ куски.
Изрубили за нимъ есаула,
На колъ головы ихъ отнесли,
А въ толпѣ среди шума и гула,
Слышно—женщина плачетъ вдали.
Вотъ ее-то своими глазами
Атаманъ межъ народа искалъ!
Поцѣлуй огневыми очами
Передъ смертью онъ ей посылалъ.
Оттого умиралъ онъ счастливый,
Что напомнилъ ему ея взоръ,
Донъ далекій, родимыя нивы,
Волги-матушки вольный просторъ,

Всѣ походы его боевые,
Гдѣ онъ самъ никого не щадилъ,
Оставлялъ города огневые,
Воеводъ ненавистныхъ казнилъ....

Владимірка—большая дорога.

(Посвящаю И. И. Левитану).

Межъ чернѣющихъ подъ паромъ,
Плугомъ поднятыхъ полей
Лентой тянется дорога,
Изумруда зеленѣй...
То Владимірка...
Когда-то
Оглашалъ ее и стонъ
Безконечнаго страданья,
И цѣпей желѣзныхъ звонъ.
По бокамъ ея тянулись
Стройно линіи березъ,
А трава, что̀ зеленѣетъ,
Рождена потокомъ слезъ...
Незабудки голубыя—
Это слезы матерей,
Въ лютомъ горѣ провожавшихъ
Въ даль безвѣстную дѣтей...
Вотъ фіалки... Здѣсь невѣста,
Разбивая чары грезъ,
Попрощавшись съ другомъ милымъ,
Пролила потоки слезъ...
Все цвѣты, гдѣ прежде слезы,
Прибивали пыль порой,
Гдѣ гремѣли колымаги
По дорогѣ столбовой.
Помню ясно дни былые,
И картинъ мелькаетъ рядъ:
Стройной линіей березы
Надъ канавами стоятъ...
Вижу торную дорогу
Саженъ въ тридцать ширины,
Травки нѣтъ на той дорогѣ
Нескончаемой длины...
Телеграфъ гудитъ высоко,
Полосатая верста,
Да часовенка въ сторонкѣ
У ракитова куста.
Пыль клубится предо мною
Ближе... ближе. Стукъ шаговъ,
Мѣрный звонъ цѣпей желѣзныхъ
Да тревожный лязгъ штыковъ...
«Помогите намъ, несчастнымъ,
Помогите бѣднымъ—намъ!...»
Такъ поютъ подъ звонъ желѣза,
Что̀ приковано къ ногамъ.
Вотъ сквозь пыль штыки сверкаютъ;
Блещутъ ружья на плечахъ,
Дальше сѣрыя шеренги—
Всѣ закованы въ цѣпяхъ.
Врагъ и другъ соединились,
Всѣхъ связалъ желѣзный прутъ
И подъ строгимъ карауломъ
Люди въ каторгу бредутъ!
Но насталъ конецъ.
Дорога,
Что̀ за мной и предо мной,
Не услышитъ звонъ кандальный
Надъ зеленой пеленой...
Я спокоенъ—не увижу
Здѣсь картинъ забытыхъ дней,
Не услышу пѣсенъ стоны,
Лязгъ штыковъ и звонъ цѣпей...
Я иду впередъ спокойный...
Чу!.... свистокъ. На всѣхъ парахъ,
Вдаль къ востоку, мчится поѣздъ,
Часовые на постахъ,
На площадкахъ возлѣ двери,
Гдѣ одинъ, гдѣ двое въ рядъ...
А въ оконца, сквозь рѣшетки,
Шапки сѣрыя глядятъ!

О. Н. ЧЮМИНА.

Новгородъ.

Великій Новгородъ! Тебя ли предъ собою
Я вижу съ навсегда поникшею главою?
Ты ль это, исполинъ, когда-то величавый,
Гремѣвшій далеко богатствами и славой,—
Стоишь развѣнчанный? И храмы лишь одни
Напоминаютъ намъ твои былые дни.

Святая Софія... Отъ этихъ гордыхъ словъ
Какъ бились радостно сердца твоихъ сыновъ!
А мы, внимая имъ съ улыбкой сожалѣнья,
Читаемъ лишь однѣ страницы разрушенья

Когда-то гордыхъ стѣнъ и башенъ боевыхъ—
Величья прежняго свидѣтелей нѣмыхъ...

Замолкнулъ громкій звонъ на башнѣ вѣчевой,
Народа гордый кличъ не слышенъ боевой,—
И молча ты стоишь, какъ памятникъ унылый,
Надъ этой славною безвременной могилой,
И только Волховъ, твой старѣйшій, лучшій сынъ,
Къ тебѣ попрежнему ласкается одинъ...

Испытаніе.

Нужно грозъ во всей ихъ силѣ,
Чтобъ цвѣтокъ благоухалъ!
Лишь въ пылающемъ горнилѣ
Закаляется металлъ!

Звѣзды искрятся отрадно
Лишь тогда, какъ день исчезъ,
Вслѣдъ за бурей безпощадной
Блещетъ радуга небесъ!

И, въ горнилѣ испытанья,
Все нечистое круша,—
Чистымъ пламенемъ страданья
Закаляется душа!

* * *

Свободное слово, безсмертное слово,
Ты—пламенный свѣточъ во мракѣ былого—
Ты въ рабствѣ томилось въ теченье вѣковъ,
На пыткѣ, въ темницѣ, подъ гнетомъ оковъ.

Судили тебя, обрекали изгнанью,
Топтали ногами, предавъ поруганью,
Тебя сожигали рукой палача,
Но ты не смолкало, побѣдно звуча.

Свободное слово, великое слово,
Въ плѣну у насилья, у коршуна злого,
Къ скалѣ пригвожденный титанъ Прометей—
Ты рвешься на волю изъ цѣпкихъ когтей.

Но цѣпь распадется--ты смѣло воспрянешь
И—сильное правдой, любовью, добромъ—
Съ зарею надъ міромъ побѣдно ты грянешь,
Какъ Божій ликующій громъ!

Девятый валъ.

Холодный вѣтеръ бушевалъ,
Во тьмѣ унылой завывая,
Исчезла даль береговая,
Идетъ девятый валъ.
Ужели все, что было свято
Къ чему онъ съ вѣрою взывалъ,—
Умчитъ съ собою безъ возврата
Девятый валъ?
Всему конецъ: любви обманамъ,
Борьбѣ за свѣтлый идеалъ!
Заволоклася даль туманомъ,
Идетъ девятый валъ.
Смѣлѣй, гребецъ! Зловѣщей ночи
Ты часто вызовъ свой бросалъ,
Гляди же ей безстрашно въ очи,
Вотъ онъ—девятый валъ.

Гребецъ.

Во мракѣ вѣтеръ бушевалъ,
Грядой клубились тучи,
И грозно шелъ за валомъ валъ,
Вдали чернѣли кручи.
Гребецъ ужъ выронилъ весло,
Изломанъ руль сначала,
И вотъ другое унесло,
Волна его умчала.
И легъ пловецъ на дно челна,
Скрестилъ спокойно руки,
Пускай несетъ его волна
Въ страну, гдѣ нѣтъ разлуки.
И пѣсню громкую запѣлъ
Онъ въ честь морской дружины:
— Хвала тому, кто-духомъ смѣлъ
Переплыветъ пучины!
Хвала и гибнущимъ въ пути,
Кого умчали воды!
Лети, ладья моя, лети
Туда, въ страну свободы!

ИВАНОВЪ-КЛАССИКЪ.

(А. Ѳ. Ивановъ).

* * *

Любовью чистой мы не любимъ
И, разрывая дружбы связь,
Всѣ наши дни безплодно губимъ
И святость чувства топчемъ въ грязь.

Какъ жалкій трусъ въ безсильной злобѣ,
Мирясь съ ликующимъ врагомъ,
Въ гнилой, болотистой трущобѣ
Позорный торгъ ведемъ кругомъ.

На проблескъ честнаго желанья
Циничный смѣхъ бросаемъ вслѣдъ,
И въ прахъ разбиты упованья
Давно минувшихъ юныхъ лѣтъ.

Чего-то ждемъ... бредя къ бездолью,
Мы равнодушны ко всему,
И сердце сжато тайной болью,
И нѣтъ здѣсь отзыва ему.

И лишь порой, смыкая вѣжды,
Въ безмолвный часъ полночной тьмы,
Былыя свѣтлыя надежды
Сквозь сонъ оплакиваемъ мы!

Изъ забытой тетради.

Гусли—мысли мои, пѣсня—думка моя,
Откликались друзьямъ подъ шумокъ ихъ рѣчей,
Въ часъ отрадныхъ минутъ, въ годы злого житья,
Въ блескѣ майскаго дня, въ тьмѣ декабрьскихъ ночей.

На разгульномъ пиру золотыхъ юныхъ лѣтъ,
Въ необъятной, родной для души, сторонѣ,
Счастье—солнце мое, какъ лазоревый цвѣтъ,
Только разъ, навсегда, улыбнулося мнѣ.

Но завялъ тотъ цвѣтокъ, и погасъ ясный лучъ,
Одиночества грусть отуманила взоръ,
Измѣнилась судьба, и громадами тучъ
Затянуло кругомъ роковой кругозоръ.

Не боясь грозныхъ бурь, продолжалъ я итти
Все впередъ да впередъ, въ неизвѣданный путь,
И проклятое зло, на раздольномъ пути,
Не могло надломить мнѣ открытую грудь.

Пѣсня—думка моя, гусли—мысли мои,
Вдохновляли меня, ободряли къ труду,
Собирали друзей подъ напѣвы свои,
Гнали горюшко прочь, облегчали нужду.

А безвременья дни доказали легко,
Что нельзя бодрыхъ силъ горькой долей сгубить,
Вѣру въ сердце они занесли глубоко,
Научили прощать и сильнѣе любить.

Божій міръ такъ хорошъ... въ немъ есть правда и трудъ,
А за нихъ всей душой постоитъ добрый людъ:
Не одни же цвѣты въ чистомъ полѣ цвѣтутъ,
Не однѣ же въ лѣсахъ нашихъ пташки поютъ.

Рано кончить мнѣ путь... Помня юные сны,
Я надеждой живу, вѣря въ правду и честь,
Не бываетъ безъ бурь лучезарной весны,
Если въ жизни есть грусть, то и радости есть!

Счастливъ тѣмъ я, друзья, что за эти лѣта
Полной чаши своей я не допилъ до дна,
Что свободу люблю, и что совѣсть чиста,
Что не знала весь вѣкъ злыхъ укоровъ она!

П. В. БЫКОВЪ.

Изъ „зимнихъ пѣсенъ“.

Прочнѣе, чѣмъ цѣпью желѣзной, тяжелой,
Морозами скована плотно земля.
Уныло и жалко лѣсъ выглядитъ голый,
И мертвы подъ саваномъ бѣлымъ поля.
Въ степи средь тиши гробовой, непробудной
Лишь волки голодные воютъ... И лучъ
Холоднаго солнца, и блѣдный, и скудный,

Тусклѣй еще свѣтитъ подъ массою тучъ.
Лежатъ снѣговые сугробы повсюду,
Метель и свиститъ, и реветъ, и гудитъ...
Бѣда въ эту пору убогому люду,
Ни сильныхъ, ни слабыхъ зима не щадитъ.
И какъ бы она ни глядѣла сурово,
Устроивши царство покоя и сна,
Наступитъ конецъ ея власти,—и снова
Обрадуетъ міръ чародѣйка-весна.
Въ природѣ начнется вездѣ пробужденье,
Съ веселымъ журчаньемъ польется потокъ,
Все праздновать станетъ свое возрожденье,—
И мелкая пташка, и каждый цвѣтокъ...
А мы, въ эти дни обновленья природы,
Иную жизнь новую также-ль начнемъ...
И сбросимъ ли старое горе, невзгоды,
Зажгутся-ль сердца наши правды огнемъ?...
Увы!.. Насъ весна не измѣнитъ нимало,
Ничтожные, жалкіе будемъ мы жить
Попрежнему—жизнью вполнѣ обветшалой
И рабски страстямъ недостойнымъ служить.
И глохнуть мы будемъ средь жизни безплодной,
Какъ чахлыя травы въ песчаныхъ мѣстахъ,—
Со злобой въ душѣ лицемѣрной, холодной,
Съ улыбкой и словомъ любви на устахъ....
Во всемъ мы останемся тѣ же, что были,
Останутся скованы наши сердца
Морозомъ жестокимъ, и, словно въ могилѣ,
Мы спать будемъ, спать безъ конца...

Утѣшеніе.

Полно, полно, моя ненаглядная!
Или ты надъ собой невластна,
Что, какъ зимняя ночь непроглядная,
Молчалива ты стала, грустна?

Измѣнилась и сдѣлалась блѣдною,
Не сверкаетъ въ глазахъ огонекъ
И поникла головкой побѣдною,
Словно бурей помятый цвѣтокъ.

И, отчаянья крику послушная,
Не знававшая ранѣе грезъ,
Ты клянешь свой удѣлъ, малодушная,
Удержаться не въ силахъ отъ слезъ.

Гдѣ же, гдѣ твоя волюшка гордая
И готовность бороться со зломъ,
Молодая увѣренность твердая,
Что ты сможешь пойти напроломъ?....

Въ первый разъ, на пути своемъ жизненномъ,
Неудачъ повстрѣчала ты рядъ,—
И во взорѣ твоемъ укоризненномъ
И унынье, и ропотъ сквозятъ.

И. невзгоды терпя скоротечныя,
Опускаешь ты руки сейчасъ,
А ничтожныя раны сердечныя
Ты спѣшишь выставлять на показъ!

Обманули тебя сны чудесные,
Злобно шутитъ съ тобой рокъ слѣпой,
За порывы благіе и честные
Ты осмѣяна грубо толпой...

Д. Н. САДОВНИКОВЪ.

Къ Волгѣ.

Тебѣ несу стихи, рѣка моя родная,—
Они—навѣяны и созданы тобой—
Мелькали предо мной, окраскою сверкая,
Какъ рыбки вольныя сверкаютъ чешуей.
Просторъ песковъ твоихъ, лѣсовъ живыя краски,
Разливы вешніе ликующей воды
И темныхъ Жегулей преданія и сказки
На нихъ оставили замѣтные слѣды.
Я выросъ близъ тебя, среди твоей природы;
На берегахъ твоихъ я рѣчь свою ковалъ
Въ затишьи вечеровъ и въ шумѣ непогоды,
Когда, сердитая, ты разгоняла валъ....
И я не позабылъ, живя съ тобой въ разлукѣ,
Разбѣга мощнаго твоей живой волны,
И вотъ несу тебѣ мятежныхъ пѣсенъ звуки,
Ты навѣвала ихъ, тобой они полны!...

Въ Жегуляхъ.

Курганы, кручи и вершины
Тѣснятся въ непривѣтный рядъ;
До сей поры они хранятъ

Свои суровыя былины...
Зайдетъ ли рѣчь о давней были,—
Намъ старики передаютъ:
— «Здѣсь изъ оврага выходили,
«Тамъ барки грабили, а тутъ—
«На самой вышкѣ, у Дурмана,
«Въ лѣсу разбойничій былъ станъ,
«Да Стеньки—слышь ты—атамана
«Подстерегали караванъ!...»
Подъ шапкой утреннихъ тумановъ
Молчатъ сосновые лѣса
Про удальство и чудеса
Давно погибшихъ атамановъ...
Давно въ горахъ не свищетъ пуля,
Кистень въ лѣсу не сторожитъ;
Лишь чайка въ воздухѣ дрожитъ,
Свою добычу карауля.
Изъ трубъ поселка дымъ взлетаетъ;
Земля сохою поднята,
Стучитъ топоръ, и выплываютъ
Въ горахъ сѣдые беркута...
Но духъ людей, которымъ тѣсенъ
Казался міръ въ избыткѣ силъ,
Родной напѣвъ поволжскихъ пѣсенъ
Въ своемъ размахѣ сохранилъ.
И пѣсня та, путиной долгой,—
И, величава, и стройна—
Несется въ мѣстѣ съ синей Волгой,
Кидая въ души сѣмена...
Кто пѣсню вольную заслышитъ,
Кто отъ души ее споетъ,—
Любое сердце расколышетъ,
Любые цѣпи разобьетъ!...

* * *

Вѣтеръ безъ устали дуетъ,
Волгу взрывая до дна,
Буря шумитъ и лютуетъ,
Мутная ходитъ волна...
Волнъ бѣлогривые гребни
Грозно рядами идутъ
И, разбѣгаясь на щебнѣ,
Пѣной пески обдаютъ...
Вѣтеръ въ налетѣ могучемъ
Тучей вздымаетъ пески;
О землю бьются по кручамъ—
Чуя бѣду—тальники...
Къ пристани свалены груды
Бревенъ, раскиданныхъ дровъ;
Щепки разбитой «посуды»
Тянутся вдоль береговъ...
— «Зла безъ добра не бываетъ!»
Такъ разсуждаетъ народъ:
«Буря купцовъ разоряетъ,
«Дровъ бѣдняку подаетъ!...»

М. Н. СОКОЛОВЪ.

Царица мысль.

Царица мысль!.... Вѣнокъ душистыхъ розъ,
Стыдливо на челѣ зардѣвшись бѣлоснѣжномъ,
Чуть оттѣнилъ твой взоръ, безсмертныхъ полный грезъ,
Глубокій, ласковый и нѣжный...

Посланница небесъ, ты шла въ толпѣ людской,
Вся вдохновенная, чарующе-простая,
И всѣхъ тоскующихъ звала ты за собой
На пиръ, царица молодая!

И подневольный рабъ, измученный нуждой,
Шелъ за тобой, какъ гордый царь вселенной,
Слагая гимнъ невѣстѣ молодой,
Взволнованъ страстью вдохновенной.

Ты въ міръ несла надзвѣздной жизни сны;
Въ яремъ земли цвѣты небесъ вплетая...
И тѣни блѣдныя забытой старины,
Свои могилы оставляя,

Живымъ шептали вновь мечты погибшихъ дней,
Въ прозрачномъ сумракѣ грядущее свѣтилось,
И сердце сонное измученныхъ людей
Вновь жизнью радостною билось....

Такою въ первый разъ тебя я увидалъ,
Царица свѣтлая и вѣчно молодая!...
До той поры, безпечный, я вѣнчалъ
Свое чело, тебя не зная,

Наивной радости и жизни молодой
Недолговѣчными, но яркими цвѣтами,
И, убаюканный минутною мечтой,
Я спалъ съ открытыми глазами!...

Я увидалъ тебя, царица мощныхъ думъ!
И сердце дрогнуло невѣдомой тоскою,
И проклялъ я безпечный жизни шумъ,
И зарыдалъ передъ тобою...

И за тобой, влюбленный, я бѣжалъ,
Я звалъ тебя на пиръ любви счастливой,
Прійти ко мнѣ тебя я заклиналъ,
И вновь рыдалъ, нетерпѣливый...

Я бросилъ все, чѣмъ прежде счастливъ былъ,
Безсонныхъ думъ волненіемъ тревожнымъ
Измученный, всѣмъ сердцемъ полюбилъ
Я сонъ о счастьѣ невозможномъ...

Горѣлъ мой мозгъ невѣдомымъ огнемъ,
Больная грудь порывисто вздымалась,
Молчала ночь—и тихо подъ окномъ
Ко мнѣ царица постучалась...

Она пришла, и скорбный, блѣдный ликъ,
Слезами жгучаго страданія облитый,
Я увидалъ и головой поникъ
Подъ пыткой грусти ядовитой...

Безсильная, упавъ передо мной,
Она въ отчаяньи порывисто рыдала,
И руки блѣдныя съ какою-то тоской
Въ какомъ-то ужасѣ ломала...

Я цѣловалъ черты ея лица,
Чтобы согрѣть холодное страданье,
Но все лились рыданья безъ конца,
Непобѣдимыя рыданья. ...

И съ той поры въ мой скорбный домъ она
Приходитъ часто, полная тоскою,
Задумчива, безмолвна и блѣдна,
Сидитъ всю ночь передо мною...

И вспыхнетъ смѣхъ въ чертахъ ея порой,
Зловѣщій смѣхъ, всесильный и холодный,
И встанетъ, мощная, она передо мной
Съ улыбкой скорби неисходной...

И, непонятная, божественнымъ огнемъ
Нѣмыхъ міровъ освѣтитъ вереницы,
Въ движеніи застывшихъ вѣковомъ,
Счастливыхъ грезъ моихъ гробницы....

И въ нихъ ничтожнаго, въ ярмѣ тупой нужды,
Раба голоднаго покажетъ,—человѣка,
Его безплодные и жалкіе труды,
И рабство вольное отъ вѣка...

И открывается въ видѣніи судьба,
Обвившая, какъ жертву змѣй голодный,
Цѣпями ржавыми безсильнаго раба,
Нѣмого въ мукѣ неисходной...

Любовь царицы сердце мнѣ сожгла,
Ея лобзанья мозгъ мой прожигаютъ,
И борозды средь блѣднаго чела,
Какъ плугъ желѣзный, пролагаютъ...

Какъ смерть, ея мучительна любовь!...
Она придетъ и, скорбная, тоскуетъ,
Рыдая, сердце мнѣ цѣлуетъ
И пьетъ изъ сердца кровь...

Но я зову царицу вновь и вновь.
Я вѣренъ ей, одной моей подругѣ;
Я ей одной отдамъ досуги,
Пока во мнѣ струится кровь...

Кто полюбилъ ее, тотъ не измѣнитъ ей;
Тотъ рабъ ея, кто разъ ее полюбитъ—
И ласками мучительныхъ ночей
Она любовника погубитъ...

* * *

Зачѣмъ ты снова предо мной
Явился, геній благодатный,
Съ своею лаской молодой,
Съ своею властью непонятной?

Въ добро я вѣровать отвыкъ
Подъ гнетомъ горя и лишеній;
Сковалъ я смѣлый свой языкъ,
Глашатай свѣтлыхъ вдохновеній;

Неволи я не замѣчалъ,
Гремя желѣзными цѣпями...
Зачѣмъ ты, геній, вновь предсталъ
Съ своими чудными рѣчами?...

Огонь божественныхъ очей
Блеснулъ въ стѣнахъ моей темницы
И вспыхнулъ заревомъ денницы,
Ударясь въ сталь моихъ цѣпей.

И онъ божественной рукой
Моей тюрьмы раздвинулъ своды,
И вдаль смотрѣлъ я, и съ тоской
Внималъ вѣщаніямъ свободы...

Мой гордый нравъ минувшихъ дней
Съ былою мощью пробудился—
О, какъ въ тотъ мигъ я устыдился
За мракъ тюрьмы, за звонъ цѣпей!...

* * *

Лѣнь вѣковая, тупое терпѣнье,
Сонъ непробудный холопскаго вѣка,—
Но, какъ и прежде, не знаетъ стѣсненья
Мысль человѣка.

Пусть поколѣнье рабовъ затаится,
Жизнь сберегая въ безславные годы,—
Силою мысли средь тьмы загорится
Солнце свободы.

Вѣчнаго міра безсмертныя силы,
Жизнь созидая, работаютъ вѣчно.
Мысль разгадаетъ и жизнь, и могилы:
Мысль безконечна.

Мгла разбѣжится предъ мыслью державной,
Все озарится, что́ было не видно,—
Будетъ толпѣ, добровольно безславной,
Больно и стыдно.

Отзвукомъ жизни весь міръ наполняя,
Люди возстанутъ къ свободѣ готовы,—
Дрогнетъ позорная цѣпь вѣковая,
Рухнутъ оковы.

И человѣчеству данью свободной
Новую мысль проживутъ поколѣнья
И не умрутъ въ повтореньи безплодномъ
Смертью забвенья.

В. Н. СИМБОРСКІЙ.

Сонъ.

Мнѣ снится, съ косою, съ сѣдой бородой,
Усѣлся Сатурнъ, недвижимъ;
Событія міра, картиной живой,
Мѣняясь, идутъ передъ нимъ.
Онъ видитъ: въ чаду вакханалій, пировъ,
Обрызганный кровью, виномъ,
У праха разбитыхъ родимыхъ боговъ,
По латамъ повитый плющомъ,
Какъ левъ, пораженный нещадной стрѣлой,
Агоніей смерти томимъ,
Въ лучахъ восходящихъ зари молодой
Хрипитъ обезсиленный Римъ...
Онъ видитъ: гигантъ, умирая, поникъ
Подъ юной, могучей рукой,
И въ бороду тихо смѣется старикъ,
Качая сѣдой головой...

Онъ видитъ: подъ знаменемъ правды, креста
Работаетъ петля, топоръ,
И дикій аскетъ, призывая Христа,
Молясь, зажигаетъ костеръ...
Средь стоновъ, проклятій, Te Deum гремитъ,
Купается рыцарь въ крови,
И пѣснь миннезингера кротко звучитъ,
Полна беззавѣтной любви...
Онъ слышитъ виллана отчаянный крикъ
Подъ тяжкой баронской пятой,—
И въ бороду тихо смѣется старикъ,
Качая сѣдой головой.

Вѣкъ новый блестящихъ идей и труда
Предъ старымъ Сатурномъ идетъ.
И истины ярко сіяетъ звѣзда,
И таетъ невѣжества ледъ.
Онъ видитъ: свободѣ грядущей народъ
Въ восторгѣ куритъ ѳиміамъ,
И, тишь нарушая, свиститъ пароходъ,
Весь въ брызгахъ идетъ по волнамъ.
Работаетъ пушка Армстронга и штыкъ,
И штуцеръ блеститъ нарѣзной...
Хохочетъ, хохочетъ, хохочетъ старикъ,
Качая сѣдой головой.

И. ГУРВИЧЪ.

Пѣсня рабочихъ.

Все, чѣмъ отчизна гордится,
Все, что красуется въ ней,
Нашею силой родится,
Пóтомъ, трудомъ нашихъ дней.
Мы города основали,
Дымныя лона болотъ
Въ стройный гранитъ заковали,
Словно въ незыблемый ледъ.
Нами прорѣзаны горы,
Тамъ, гдѣ мѣшали онѣ,
Сдвинуты темныя боры,
Созданы грани волны.
Мы по рѣкамъ и потокамъ
Мостъ провели за мостомъ,
Западъ связали съ востокомъ
Ровнымъ чугуннымъ путемъ.
Мы воздвигали неслышно
Стѣны роскошныхъ дворцовъ,
Парки раскинули пышно,
Гладь серебристыхъ прудовъ.
Все для насущнаго хлѣба
Мы созидали за грошъ,
Все для избранниковъ неба,
Все для лѣнивыхъ вельможъ.
Нынѣ-жъ родному народу
Тяжкій свой трудъ отдаемъ,
Братьямъ усталымъ свободу,
Миръ и покой создаемъ.

ВАС. СМИРНОВЪ.

* * *

На бой суровый я вышелъ смѣло
И громко крикнулъ:—«Впередъ, друзья!»—
Отвагой сердце мое кипѣло,
Достигнуть солнца мечта хотѣла,
Огнемъ священной вражды горѣла
Душа моя.
Гремѣли трубы. Мечи скрещались;
И пѣли стрѣлы во тьмѣ глухой.
Въ горячихъ схваткахъ ряды сплетались.
Но врагъ былъ силенъ,—и мы распались!
Одни погибли, другіе сдались...
Проигранъ бой....
Разбиты думы о лучшей долѣ;
Блѣднѣютъ грёзы прекрасныхъ сновъ
И вотъ я—узникъ, томлюсь въ неволѣ...
А сердце такъ же все рвется къ волѣ
И тихо стонетъ отъ жгучей боли,
Подъ звонъ оковъ.

Per aspera—ad astra.

Громады черныхъ мрачныхъ скалъ
Предъ нами высятся стѣною.
Разинулъ пасть свою провалъ,
На днѣ его косматый валъ
Гремитъ угрозною враждою.

Въ уступахъ скалъ между камней
Кишатъ фаланги, скорпіоны,
Шипятъ зловѣще ленты змѣй...
Что мигъ—то новыя препоны...
Но, если-бъ насъ здѣсь встрѣтилъ адъ,
Ни шагу, о, друзья, назадъ!

Пусть грудь отвагою кипитъ,
Пылаетъ сердце юной страстью,
Огнемъ мятежнымъ мысль горитъ!
Лишь храбрый силы сохранитъ—
Лишь онъ найдетъ дорогу къ счастью.

Чрезъ бездны бросимъ мы мосты,
Въ гранитѣ скалъ пробьемъ ступени...
Привѣтъ вамъ—гордыя мечты!
Проклятье—немощи и лѣни!
Впередъ! Туда—на выси кручъ,
Гдѣ ткутъ унынье сонмы тучъ.
Мы сдернемъ съ неба ихъ покровъ.
Впередъ! Еще одно усилье,—
И жизнью станутъ грезы сновъ,
Чу, клекотъ слышится орловъ;
Шумятъ во тьмѣ ихъ крылья...

Пожаръ.

Яркой молніи стрѣла
Мрачный, старый домъ зажгла...

Черный дымъ валитъ клубами;
Пламя мечется, реветъ
И кровавыми зубами
Крышу ветхую грызетъ...

А изъ тучъ грохочетъ громъ:
«Грознымъ призракомъ былого
Былъ угрюмый, старый домъ,
Ложь была его основа,
Подлость стѣны возвела
И покрыла кровлей зла...»

Окна вспыхнули огнемъ:
Бродятъ пятна тѣневыя,
Искры сыплются кругомъ,
Ткутъ узоры огневые...

Буря-жъ воетъ все сильнѣй:
«Погибай гнилое зданье!
Пусть въ огнѣ горитъ скорѣй
О тебѣ воспоминанье!
Пусть разсыплется золой
Обгорѣлый остовъ твой!....»
Грузно старыхъ балокъ вязь,
Стѣны ветхія шатая,
Съ мѣстъ своихъ оборвалась,
Загремѣла, разрушая....

Вновь воскресъ въ душѣ моей
Пылъ потушеннаго жара:
Бродитъ заревомъ по ней
Пламя грознаго пожара:
И пою я предъ окномъ:
«Догорай, проклятый домъ!»

Жаръ-птица.

Шепчетъ полночь:—«все мое...»
Но не спитъ во тьмѣ Жаръ-птица,—
И мерцаетъ отъ нея
Золотистая зарница,

Лишь крыломъ она всплеснетъ
За дремучими лѣсами,—
Вздрогнетъ тьма. и свѣтъ блеснетъ
Подъ глухими небесами.

Свѣтъ блеснетъ—и видитъ взоръ
Силуэты сосенъ черныхъ,
Тьмою съуженный просторъ
И кайму лѣсовъ узорныхъ.

Душенъ тяжкій сонъ равнинъ:
Но пока не спитъ Жаръ-птица,
Внакъ—не полный властелинъ,
Ночь—не властная царица.

* * *

Много погибло въ тяжелые годы
Рвавшихся грудью отважно впередъ
Въ бой вдохновенный за счастье свободы,
За угнетенный народъ.

Много сердецъ, своей кровью питавшихъ
Въ сумракѣ пламя порывовъ святыхъ,
Все беззавѣтно идеѣ отдавшихъ,
Спитъ на кладбищахъ глухихъ.

Много задушено мракомъ глубокимъ
Честныхъ, отважныхъ средь общаго сна.
— Вѣтеръ, снеси ихъ могиламъ далекимъ
Вѣсть, что проснулась страна!

Но ярче знамени ихъ жертвенная кровь
Горитъ, какъ чистая, высокая любовь,
Какъ очищающее пламя.

Безмолвны ихъ уста. Но раны говорятъ:
— «Товарищи, впередъ! Впередъ упорно, смѣло!
Пусть гордыя сердца отвагою горятъ!
Лишь смѣлые живутъ, лишь смѣлые творятъ,
Побѣдою вѣнчая дѣло.»

Отчизна.

Чей это взглядъ, страданьемъ углубленный,
Мнѣ сердце жжетъ тревогой безъ конца?
Чей это ликъ, больной и изможденный,
Я вижу въ терніяхъ суроваго вѣнца?
Кто ты страдалица? Зачѣмъ звенятъ оковы
На высохшихъ рукахъ? О, какъ ихъ носишь ты?
Кто на твое чело надѣлъ вѣнецъ терновый
И болью исказилъ прекрасныя черты?
Откуда эта кровь? Чьей гнусною рукою
Ты вся истерзана, какъ жертва палачемъ?
Кто надругался такъ нещадно надъ тобою
И грудь твою рубилъ безжалостнымъ мечемъ?
Кто этотъ гордый станъ согнулъ ярмомъ позора?
Чьихъ пытокъ свѣжій слѣдъ на тѣлѣ вижу я?
Что значитъ этотъ взглядъ, исполненный укора?
Кто ты страдалица?—Отчизна—мать твоя.

М. Н. ГОРОДЕЦКІЙ.

* * *

Неужели нельзя, милый другъ,
Чтобы люди любили людей?
Чтобы не были слышны вокругъ
Крики, стоны и звуки цѣпей?

Неужели нельзя, чтобы всѣмъ
Хорошо здѣсь на свѣтѣ жилось,—
И чтобъ людямъ въ ихъ счастьѣ совсѣмъ
Позабыть о несчастьѣ пришлось?...

* * *

Нависли тяжелыя тучи....
Гроза разразится сейчасъ...
Шумитъ лѣсъ густой и дремучій....
А съ поля не сводишь ты глазъ....

И думаешь: Господи Боже,
О, сжалься надъ бѣднымъ ты мной!
Пускай не повторится то же,
Что было прошедшей зимой,

Какъ съ голода, мы, изнемогши,
Пошли по сосѣдямъ толпой
И всѣ отъ мороза продрогши,
Подъ окна ходили съ сумой.

Саванаролла.

(Неоконченное стихотвореніе).

Тиранъ умиралъ.... И желаньемъ горя
Въ грѣхахъ принести покаянье,
Придворнымъ своимъ онъ, молитву творя,
Такое даетъ приказанье:

«Ступайте въ обитель Санъ-Марко,—сюда
Пріора ея позовите,—
Не мѣшкая долго, идите туда,
Скорѣе... скорѣе... спѣшите!»

Въ обитель одинъ изъ придворныхъ идетъ,
Но медлитъ, онъ медлитъ ужасно....
Какую оттуда онъ вѣсть принесетъ?
Быть можетъ, и просьбы напрасны?

Но слышитъ тиранъ, что посланецъ его
Съ монахомъ въ дворецъ возвратился.
Взволнованъ ужасно больной оттого—
А вотъ и монахъ появился.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . . [1]

«Вотъ третье условье»—промолвилъ монахъ
И въ очи тирану онъ глянулъ,
И душу Лоренцо объялъ такой страхъ,
Что онъ отъ святого отпрянулъ.

[1]) Пропускъ въ рукописи.

«Исполни его, и ты будешь святымъ:
Несчастной Флоренцьи народу,
Что страждетъ ужасно подъ гнетомъ твоимъ,
Верни ты былую свободу!»

И снова взглянулъ на тирана монахъ—
Лицо его было прекрасно—
Больной же совсѣмъ позабывъ о грѣхахъ,
Со злобой отвѣтилъ: «напрасно!

«Напрасно! Свободы я имъ не верну!
Не льсти себя этой надеждой

. . . .
. . . .

«Напрасно, монахъ, ты объ этомъ сказалъ,
Я этого дѣлать не стану.»
Сказавши, угрюмо монархъ замолчалъ.
Святой же отвѣтилъ тирану:

«Такъ знай же, презрѣнный, прощенья въ грѣхахъ
Безъ этого ты не получишь!»

. . . .
. . . .

МАКСИМЪ ГОРЬКІЙ.

Пѣсня о Соколѣ.

Высóко въ горы
Вползъ Ужъ и легъ тамъ,
Въ сыромъ ущельѣ
Свернувшись въ узелъ
И глядя въ море.
Высоко въ небѣ
Сіяло солнце,
А горы зноемъ
Дышали въ небо,
И бились волны
Внизу о камень.
А по ущелью,
Во тьмѣ и въ брызгахъ,
Потокъ стремился
На встрѣчу морю,
Гремя камнями.
Весь въ бѣлой пѣнѣ,
Сѣдой и сильный,
Онъ рѣзалъ гору
И падалъ въ море,
Сердито воя.
Вдругъ въ то ущелье,
Гдѣ Ужъ свернулся,
Палъ съ неба Соколъ
Съ разбитой грудью,
Въ крови на перьяхъ.
Съ короткимъ крикомъ
Онъ палъ на землю
И бился грудью,
Въ безсильномъ гнѣвѣ,
О твердый камень...
Ужъ испугался,
Отползъ проворно,
Но скоро понялъ,
Что жизни птицы
Двѣ, три минуты...
Подползъ онъ ближе
Къ разбитой птицѣ
И прошипѣлъ онъ
Ей прямо въ очи:
«Что, умираешь?»
— Да, умираю! —
Отвѣтилъ Соколъ,
Вздохнувъ глубоко:
— Я славно пожилъ...
Я знаю счастье...
Я храбро бился,
Я видѣлъ небо...
Ты не увидишь
Его такъ близко...
«Эхъ, ты, бѣдняга! —
«Ну что же небо?
Пустое мѣсто...
Какъ мнѣ тамъ ползать?
Мнѣ здѣсь прекрасно...
Тепло и сыро!»
Такъ Ужъ отвѣтилъ
Свободной птицѣ
И усмѣхнулся
Въ душѣ надъ нею
За эти бредни.
И такъ подумалъ:
«Летай, иль ползай,—
Конецъ извѣстенъ...
Всѣ въ землю лягутъ,
Все прахомъ будетъ».
Но Соколъ смѣлый
Вдругъ встрепенулся,
Привсталъ немного

И по ущелью
Повелъ очами.
Сквозь сѣрый камень
Вода сочилась,
И было душно
Въ ущельѣ темномъ,
И пахло гнилью...
И крикнулъ Соколъ
Съ тоской и болью,
Собравъ всѣ силы:
— О, если-бъ въ небо
Хоть разъ подняться!...
Врага прижалъ бы
Я къ ранамъ груди,
И... захлебнулся-бъ
Моей онъ кровью...
О, счастье битвы! —
А Ужъ подумалъ:
«Должно быть, въ небѣ
И въ самомъ дѣлѣ
Пожить пріятно,
Коль онъ такъ стонетъ!»
И предложилъ онъ
Свободной птицѣ:
«А ты подвинься
На край ущелья
И внизъ бросайся.
Быть можетъ, крылья
Тебя поднимутъ,
И поживешь ты
Еще немного
Въ твоей стихіи!»
И дрогнулъ Соколъ
И, гордо крикнувъ,
Пошелъ къ обрыву,
Скользя когтями
По слизи камня.
И подошелъ онъ,
Расправилъ крылья,
Вздохнулъ всей грудью,
Сверкнулъ очами
И—внизъ скатился.
И самъ, какъ камень,
Скользя по скаламъ,
Онъ быстро падалъ,
Ломая крылья,
Теряя перья...
Волна потока
Его схватила
И, кровь омывши,
Одѣвши въ пѣну,
Умчала въ море.
А волны моря
Съ печальнымъ ревомъ
О камень бились...
И трупа птицы
Не видно было
Въ морскомъ пространствѣ...
Въ ущельи лежа,
Ужъ долго думалъ
О смерти птицы,
О страсти къ небу.
И вотъ взглянулъ онъ
Въ ту даль, что вѣчно
Ласкаетъ очи
Мечтой о счастьи.
«А что онъ видѣлъ,
Умершій Соколъ,
Въ пустынѣ этой
Безъ дна и края?
Зачѣмъ такіе,
Какъ онъ, умерши,
Смущаютъ душу
Своей любовью
Къ полетамъ въ небо?
Что имъ тамъ ясно?
А я вѣдь могъ бы
Узнать все это,
Взлетѣвши въ небо
Хоть не надолго.»
Сказалъ и сдѣлалъ.
Въ кольцо свернувшись,
Онъ прянулъ въ воздухъ
И узкой лентой
Блеснулъ на солнцѣ.
Рожденный ползать —
Летать не можетъ!...
Забывъ объ этомъ,
Онъ палъ на камни
Но... не убился,
А разсмѣялся:
«Такъ вотъ въ чемъ прелесть
Полетовъ въ небо!
Она—въ паденьи!...
Смѣшныя птицы!
Земли не зная,
На ней тоскуя,
Онѣ стремятся
Высоко въ небо
И ищутъ жизни
Въ пустынѣ знойной.
Тамъ только пусто.
Тамъ много свѣта,
Но нѣтъ тамъ пищи
И нѣтъ опоры
Живому тѣлу.
Зачѣмъ же гордость?
Зачѣмъ укоры?

Затѣмъ, что-бъ ею
Прикрыть безумство
Своихъ желаній
И скрыть за ними
Свою негодность
Для дѣла жизни?
Смѣшныя птицы!...
Но не обманутъ
Теперь ужъ больше
Меня ихъ рѣчи!
Я самъ все знаю,
Я видѣлъ небо!...
Взлеталъ въ него я,
Его измѣрилъ,
Позналъ паденье,
Но—не разбился,
А только крѣпче
Въ себя я вѣрю.
Пусть тѣ, что землю
Любить не могутъ,
Живутъ обманомъ...
Я—знаю правду,
И ихъ призывамъ
Я не повѣрю.
Земли творенье
Землей живу я.»
И онъ свернулся
Въ клубокъ на камнѣ,
Гордясь собою...
Блестѣло море,
Все въ яркомъ свѣтѣ,
И грозно волны
О берегъ бились.
Въ ихъ львиномъ ревѣ
Гремѣла пѣсня
О гордой птицѣ;
Дрожали скалы
Отъ ихъ ударовъ,
Дрожало небо
Отъ грозной пѣсни:
— Безумству храбрыхъ
Поемъ мы славу!
Безумство храбрыхъ —
Вотъ мудрость жизни!
О, смѣлый Соколъ!
Въ бою съ врагами
Истекъ ты кровью...
Но будетъ время —
И капли крови
Твоей горячей,
Какъ искры вспыхнутъ
Во мракѣ жизни
И много смѣлыхъ
Сердецъ зажгутъ
Безумной жаждой
Свободы, свѣта...
Пускай ты умеръ!...
Но въ пѣснѣ смѣлыхъ
И сильныхъ духомъ
Всегда ты будешь
Живымъ примѣромъ,
Призывомъ гордымъ
Къ свободѣ, къ свѣту!
Безумству храбрыхъ
Поемъ мы пѣсню!...

Буревѣстникъ.

Надъ сѣдой равниной моря
Вѣтеръ тучи собираетъ.
Между тучами и моремъ
Гордо рѣетъ Буревѣстникъ,
Черной молніи подобный.
То волны крыломъ касаясь,
То стрѣлой взмывая къ тучамъ,
Онъ кричитъ, — и тучи слышатъ
Радость въ смѣломъ крикѣ птицы.
Въ крикѣ этомъ—жажда бури.
Силу гнѣва, пламя страсти
И увѣренность въ побѣдѣ
Слышатъ тучи въ этомъ крикѣ.
Чайки стонутъ передъ бурей —
Стонутъ, мечутся надъ моремъ
И на дно его готовы
Спрятать ужасъ свой предъ бурей.
И гагары тоже стонутъ, —
Имъ, гагарамъ, недоступно
Наслажденье битвой жизни:
Громъ ударовъ ихъ пугаетъ.
Глупый пингвинъ робко прячетъ
Тѣло жирное въ утесахъ...
Только гордый Буревѣстникъ
Рѣетъ смѣло и свободно
Надъ сѣдымъ отъ пѣны моремъ.
Все мрачнѣй и ниже тучи
Опускаются надъ моремъ,
И поютъ и пляшутъ волны
Къ высотѣ навстрѣчу грому.
Громъ грохочетъ. Въ пѣнѣ гнѣва
Стонутъ волны, съ вѣтромъ споря.
Вотъ охватываетъ вѣтеръ
Стаи волнъ объятьемъ крѣпкимъ
И бросаетъ ихъ съ размаха
Въ дикой злобѣ на утесы,
Разбивая въ пыль и брызги
Изумрудныя громады.
Буревѣстникъ съ крикомъ рѣетъ,

Черной молніи подобный,
Какъ стрѣла, пронзаетъ тучи,
Пѣну волнъ крыломъ срываетъ.
Вотъ онъ носится, какъ демонъ,—
Гордый, черный демонъ бури,—
И смѣется, и рыдаетъ...
Онъ надъ тучами смѣется,
Онъ отъ радости рыдаетъ.
Въ гнѣвѣ грома,—чуткій демонъ,—
Онъ давно усталость слышитъ,
Онъ увѣренъ, что не скроютъ
Тучи солнца, нѣтъ, не скроютъ.
Вѣтеръ воетъ... Громъ грохочетъ...
Синимъ пламенемъ пылаютъ
Стаи тучъ надъ бездной моря.
Море ловитъ стрѣлы молній
И въ своей пучинѣ гаситъ.
Точно огненныя змѣи
Вьются въ морѣ, исчезая,
Отраженья этихъ молній.
— Буря. Скоро грянетъ буря.
Это смѣлый Буревѣстникъ
Гордо рѣетъ между молній
Надъ ревущимъ гнѣвно моремъ.
То кричитъ пророкъ побѣды:
— Пусть сильнѣе грянетъ буря...

А. ПЕРЕВОДЧИКОВА.

Весеннія грезы.

Слетѣла съ небесъ чаровница весна,
Надежду и нѣгу въ сердцахъ вызываетъ.
Въ убогой каморкѣ сидитъ у окна
Швея молодая. Иголка мелькаетъ
Въ проворной рукѣ, а во взглядѣ тоска,
И думы, какъ черныя тучи, несутся;
Привычная дрогнула съ ниткой рука,
И слезы на шовъ неоконченный льются.
«О, Боже! весною какъ хочется жить,
Какъ жажду я дружеской ласки, участья,
Нѣтъ силъ въ бѣдномъ сердцѣ тревогу убить,
Безумное требуетъ доли на счастье.
Замолкни, не бейся тревожно въ груди,
Не рвись ты, какъ птичка изъ клѣтки, на волю,
Несбыточныхъ грезъ не зови, не буди
Надеждъ золотыхъ на счастливую долю.
Свободѣ не жить подъ ярмомъ нищеты,
Не жить ясной радости съ скорбью угрюмой,
Забудь же, гони дорогія мечты,
Работай и думай тяжелую думу...
Какъ солнышко вешнее ярко горитъ,
Мнѣ слышны свободныхъ ручьевъ переливы,
Въ сосѣднемъ саду бѣлый тополь шумитъ,
Идетъ ароматъ расцвѣтающей сливы.
О, Боже! какъ много блаженства кругомъ!
О, Боже, зачѣмъ эти чары разлиты,
Когда и нуждой, и тяжелымъ трудомъ
Да вѣчной заботой всѣ силы убиты?
Какъ страстно хотѣлось бы мнѣ убѣжать
Изъ этой каморки и душной и тѣсной,
Чтобъ грудью больною въ лѣсу подышать,
И взоры натѣшить красой поднебесной;
Въ цвѣтахъ, въ шелковистой травѣ отдохнуть,
Свободой, хоть краткой, вполнѣ насладиться,
И всѣмъ, что волнуетъ и мучитъ мнѣ грудь,
Съ природой, какъ съ матерью, всѣмъ подѣлиться!
Увы! путь мой дерномъ заботы заросъ,
Нужды безпощадной такъ крѣпки оковы...
Какъ манитъ меня благовоніе розъ
Куда-то, въ міръ чудный, чарующій, новый.
О, Боже! моя цѣпенѣетъ рука
Съ грошевой, вседневной тяжелой работой!
Нѣтъ, нѣтъ, дошивай, завтра нѣтъ ни куска,
А жить хоть безъ счастья съ нуждой и заботой
Безумно хочу я душой молодой;
Мнѣ страшенъ теперь мракъ холодной могилы.
Теперь, этой ясной весенней порой,
Теперь въ этотъ вечеръ душистый и милый...»
А вѣтеръ изъ ближняго сада несетъ
Струю благовоній, весенніе звуки...
И дразнитъ бѣднягу, и въ сердцѣ растетъ
Волна и тоски, и желаній, и муки...

ТИМКОВСКІЙ.

Пасынки жизни.

Ихъ сердце дѣтское смутилъ и ужаснулъ,
Ворвавшись въ колыбель, зловѣщій жизни гулъ,
И отравили имъ младенческіе годы
Обиды горькія и ранніе невзгоды.
Вскормила злоба ихъ, вспоила ихъ нужда,
И радости они не знали никогда...
И не далъ имъ никто веселья молодого,
Ни свѣтлаго луча, ни ласковаго слова...
За что же ихъ теперь и гонятъ, и клянутъ?
Вѣдь выросли они, какъ лопухи растутъ!
Ихъ обрекла судьба на горькое скитанье;
Ихъ тяжко давитъ жизнь своей желѣзной дланью...
Никто не вывелъ ихъ изъ страшной темноты...
То—жизни пасынки, то—дѣти нищеты!

ВОРОНЪ.

Узники.

Въ черной пещерѣ жарко пылаетъ
Пламя костровъ,
Въ черной пещерѣ падаютъ звенья
Ржавыхъ оковъ.
Весело пляшутъ красныя искры,
Молотъ гудитъ.
Эхо смѣется... Пѣсня грядущей
Воли звучитъ.
Длиться не вѣчно будетъ глухая,
Черная ночь, —
Мы изъ проклятой, черной могилы
Вырвемся прочь:
Цѣпи свергаемъ, ржавыя цѣпи,
Волю куемъ.
Скоро, о, скоро стѣны темницы
Мы разобьемъ!

М. САВИНЪ.

Правда.

Это кто дрожитъ, какъ нищій
Въ жалкомъ рубищѣ въ морозъ?
Весь изсохъ отъ мукъ житейскихъ
И поблекъ отъ жгучихъ слезъ?
Кто предъ сильнымъ и богатымъ
Не склоняетъ здѣсь чело,
И покорно переноситъ
Незаслуженное зло?
Кто любовью безконечной
Въ мірѣ къ ближнему объятъ?
Это вѣчная, святая
Правда, мученица, братъ!

*

Это кто средь дебрей, чащей
Совершаетъ трудный путь,
Подъ удары испытаній
Подставляетъ свою грудь?
Это кто въ крови израненъ,
Колкимъ терніемъ повитъ,
Все идетъ впередъ такъ смѣло,
Не теряя бодрый видъ?
Рѣчи полныя надежды,
Вѣрой блещетъ свѣтлый взглядъ?
Это вѣчная, святая
Правда, мученица, братъ!

*

Это кто въ глухомъ застѣнкѣ
Безъ родныхъ и безъ друзей,
Счастья, радости не знаетъ,
И не видитъ свѣтлыхъ дней?
Это кто въ тюрьмѣ, какъ въ клѣткѣ,
За рѣшоткою сидитъ,
Въ рудникахъ, съ тяжелой тачкой,
Кандалами вѣкъ звонитъ?
Это кто не видитъ солнца,

Гдѣ восходъ, и гдѣ закатъ?
Это вѣчная, святая
Правда, мученица, братъ!

*

Это кто стоитъ отважно
Въ часъ, когда реветъ гроза,
И глядитъ спокойнымъ взоромъ
Смерти бѣшеной въ глаза?
Это кто на эшафотѣ,
Весь во власти палача,
Не дрожитъ при видѣ плахи,
Не пугается меча,
Но насилье обличая,
Бьетъ безъ устали въ набатъ?
Это вѣчная, святая
Правда, мученица, братъ!

М. БЕЗЫМЯННАЯ.

Двѣ пѣсни.

Старикъ рабочій за станкомъ
Уныло напѣваетъ,
Ударитъ разъ, взмахнетъ другой...
И тяжело вздыхаетъ:
«Эхъ, доля горькая моя!
Всю жизнь одна забота:
Чтобы сыта была семья,
Хватило бы работы,
Чуть утро,—ты ужъ на ногахъ,
Гудокъ въ заводъ торопитъ.
Идешь, какъ узникъ въ кандалахъ,
Какъ каторжникъ въ неволѣ...
Согнулись плечи, впала грудь,
И плохо видятъ очи,
А впереди все тотъ же трудъ.
Съ утра до поздней ночи.
И такъ вся жизнь прошла моя
Безъ радости и счастья.
Всю жизнь нигдѣ не встрѣтилъ я
Ни ласки, ни участья.
Одна дорога предо мной
Лежитъ теперь прямая, —
Къ могилѣ путь, лишь тамъ покой
Дастъ мнѣ судьба лихая.
Онъ пѣлъ, а слесарь молодой
Давно ужъ слушалъ рядомъ;
Встряхнулъ кудрявой головой
И молвилъ съ яснымъ взглядомъ:
«Э! брось-ка, дядя, пѣснь свою,
Она лишь грусть наводитъ.
Я лучше новую спою, —
Ее слыхалъ въ заводѣ.
Мы арміи рабочей
Отважные сыны!
Съ утра до поздней ночи
Трудиться мы должны.
Для бога капитала
Богатство мы куемъ,
Одна насъ цѣпь сковала:
Трудись и въ ночь, и днемъ
Той крѣпкой, тяжкой цѣпью
Сковалъ насъ капиталъ;
Нужды тяжелой плетью
Къ машинамъ насъ согналъ.
И долго мы терпѣли
Всю тяжесть нищеты...
Но время шло—прозрѣли
Рабы. Проснулись мы!
Широкая дорога
Теперь открылась намъ.
Тамъ первый лучъ свободы
И солнце счастья тамъ.
И крѣпкой новой цѣпью
Весь міръ ужъ окруженъ:
Та цѣпь—союзъ рабочихъ,
Имъ будетъ врагъ сраженъ.
Не страшна намъ работа
У горновъ и станковъ;
Отъ каждой капли пота
Ужъ рвется цѣпь оковъ.
Пусть бури-непогоды
Шумятъ надъ головой!
Могучій гимнъ свободы
Поспоритъ и съ грозой,
И дружной, грозной ратью
Идемъ мы смѣло въ бой.
Свобода наше счастье,
Борьба къ ней путь прямой!»

Е. ТОЛИНЪ.

На берегу.

Одинокій, усталый, страданіемъ полный скиталецъ сидѣлъ,
И на далекое море, въ глубокое небо глядѣлъ.
Тамъ счастье людское, прекрасной царевной одѣвшись,
Далеко и смутно виднѣлось, манило къ себѣ и тихо, но ясно шептало:
Чтобъ мной овладѣть, сбрось рабскія цѣпи сначала
И стань господиномъ себя самого.

БИЛИТЪ.

Слово.

Я ковалъ мое слово во тьмѣ... но съ любовью
И страданьемъ нѣмымъ я его закалилъ,
И зажегъ ему сердце проклятьемъ и кровью.
И росою души ему путь окропилъ,

И сказалъ ему послѣ, какъ другу и сыну:
«Время жить и бороться. Пора! Выступай!
«Ринься молніей къ людямъ, и жизни пучину
«Озари всемогущимъ порывомъ!... Прощай!»

Г. ГАЛИНА.

* * *

Лѣсъ рубятъ,—молодой, нѣжно-зеленый лѣсъ...
А сосны старыя понурились угрюмо
И полны тягостной, неразрѣшимой думы,
Безмолвныя глядятъ въ нѣмую даль небесъ.

Лѣсъ рубятъ... Потому-ль, что рано онъ шумѣлъ?
Что на зарѣ будилъ уснувшую природу?
Что молодой листвой онъ слишкомъ смѣло пѣлъ
Про солнце, счастье и свободу?

Лѣсъ рубятъ... Но земля укроетъ сѣмена:
Пройдутъ года, и мощной жизни силой
Поднимется борцовъ зеленая стѣна—
И снова зашумитъ надъ братскою могилой!...

* * *

Пѣсни мои—полевые цвѣты...
Имъ не мѣсто въ горячемъ бою:
Оттого я молчу, оттого не пою,
Затаивъ дорогія мечты.
Нуженъ голосъ иной—голосъ сильной души,
Зажигающій искрой сердца...
Не напѣвъ соловья въ предразсвѣтной тиши,
А призывъ вдохновенный борца!...
Намъ упрекомъ встаютъ павшихъ братьевъ кресты,
Мы о нихъ позабыть не должны.
Пѣсни гнѣва теперь, пѣсни мести нужны,
А не тихіе вздохи мечты...

Донъ-Кихотъ.

Отъ будничной тоски, тревоги и заботъ
Я ухожу въ мой міръ фантазіи туманной.
Мнѣ обликъ видится тогда смѣшной и странный—
Въ нарядѣ рыцарскомъ безумный Донъ-Кихотъ.

Идетъ онъ на своихъ безчисленныхъ враговъ,
Желаньемъ подвига душа его объята:
Въ защиту бѣднаго обиженнаго брата,
Въ защиту слабаго онъ мечъ поднять готовъ!

А сытая толпа бѣжитъ, глумясь, за нимъ,
Какъ за шутомъ своимъ забавнымъ и безумнымъ,
И потѣшается, вѣнчая смѣхомъ шумнымъ
Все то, что онъ зоветъ великимъ и святымъ!

Пусть это только бредъ его души больной—
Онъ все же дорогъ мнѣ въ своей борьбѣ напрасной:

Кто можетъ такъ любить, такъ ненавидѣть страстно,
Тотъ не безумецъ, нѣтъ! Тотъ рыцарь и герой!

Пѣсня борьбы.

Пусть раздается.
Громкая пѣсня борьбы...
Мы не рабы —
Будемъ бороться!..
Все, что насильемъ зовется,
Вызовемъ смѣло на бой...
Съ ложью сѣдой —
Будемъ бороться!...
Пусть вся душа встрепенется,
Сбросивъ безсилія гнетъ!...
Тотъ, кто живетъ —
Долженъ бороться!...

Послѣдній выстрѣлъ.

«Братъ, руку дай... Скорѣй, скорѣй...
Какъ тяжело ружье...
Оно какъ будто не мое —
Дрожитъ въ рукѣ моей...

Я раненъ... видишь?... Смерть близка..
О, Боже, силъ ужъ нѣтъ —
Послать послѣдній свой отвѣтъ
Въ британскія войска...

Братъ, подними прикладъ ружья...
Я буду цѣлить самъ...
Я отомщу твоимъ врагамъ,
О, родина моя!»

Но выстрѣлъ голосъ заглушилъ —
Безъ вздоха буръ упалъ...
И братъ ружье у брата взялъ
И—снова зарядилъ.

Буръ и его сыновья.

Да, часъ насталъ, тяжелый часъ
Для родины моей...
Молитесь, женщины, за насъ,
За нашихъ сыновей!...

Мои готовы всѣ въ походъ,—
Ихъ десять у меня!...
Простился старшій сынъ съ женой—
Поплакалъ съ нимъ и я...

Троихъ невѣсты будутъ ждать —
Господь, помилуй ихъ!...
Идетъ съ улыбкой умирать
Пятерка остальныхъ.

Мой младшій сынъ... Тринадцать лѣтъ
Исполнилось ему.
Рѣшилъ я твердо: «Нѣтъ и нѣтъ—
Мальчишку не возьму!..»

Но онъ, нахмурясь, отвѣчалъ:
— «Отецъ, пойду и я!...
Пускай я слабъ, пускай я малъ—
Вѣрна рука моя...

Отецъ, не будешь ты краснѣть
За мальчика въ бою—
Съ тобой сумѣю умереть
За родину свою!...»

Да, часъ насталъ, тяжелый часъ
Для родины моей...
Молитесь, женщины, за насъ,
За нашихъ сыновей!

* * *

Вы видѣли-ль на площади широкой,
На главной площади кровавое пятно?
И снѣгомъ, и пескомъ засыпано оно,
Но просочилось вновь... и молитъ одиноко
У топчущихъ его людей...
О чемъ, о чемъ?
Одно спокойствіе холодное кругомъ...
Неясный благовѣстъ несется издалека
И праздная толпа идетъ своимъ путемъ.

*

Засыпанная кровь, застывшая давно,
О, если-бъ это былъ лишь сонъ души тревожной
И если-бъ въ памяти и въ сердцѣ было можно
Стереть застывшее кровавое пятно...

* * *

Я презираю васъ, сыны благоразумья
Съ спокойной гордостью невозмутимыхъ глазъ.
Изъ глубины души я презираю васъ,
Васъ, неспособные на подвигъ и безумье!
А ты, горячая, родная молодежь,
Прими, прими мое благословенье
За то, что на костры, въ темницы на мученье,
Ты съ свѣтлой вѣрою идешь,
Топча насиліе и попирая ложь.

Освобожденный.

Сняли цѣпи съ орла—
На свободу пустили...
Но изранены были
Два могучихъ крыла...

*

Въ тѣсной клѣткѣ неволи
Ихъ поднять онъ не могъ —
Ослабѣлъ, изнемогъ
Онъ отъ скорби и боли..

*

Но горитъ взоръ орла—
Клювъ остритъ онъ для боя...
Нѣтъ, раба изъ героя
Цѣпь создать не могла!...

Какой просторъ!

(Къ картинѣ Рѣпина).

Какая даль!... Какой просторъ!
Взгляни, взгляни впередъ—
Туда, гдѣ грозный валъ встаетъ.
Громадой синихъ горъ...

Пускай нагонитъ насъ прибой...
Съ опасностью борясь,
Кто встрѣтить смерть готовъ смѣясь,—
Безумецъ, но герой!...

Пускай стихіи намъ грозятъ
Стѣной сѣдой волны,
Мы смѣлы, молоды, сильны —
Мы не пойдемъ назадъ!...

Л. ШУСТОВА.

(Псевдонимъ).

* * *

Богатство мое, дорогая свобода!
Кому бы, кому я тебя отдала?
Тебя, для которой меня создала
Великая сила—природа?...

Не старой ли, лживой, наскучившей сказкѣ —
Минутнымъ желаньямъ, капризу любви —
Связать я позволила-бъ крылья свои
Концами мишурной повязки?

За пышную нѣгу и роскошь теплицы
Отдамъ ли тебя, мой просторъ голубой?
И цѣпью себя прикую-ль золотой
Къ тріумфу чужой колесницы?

Есть только одно, дорогая свобода,
Чему бы я въ жертву тебя принесла,
Кому бы безъ слезъ я тебя отдала..
То счастье родного народа!...

ДАЛИНЪ.

Утрата.

Пять дней, какъ безъ вѣсти пропалъ
Работникъ Яковъ молодой.
Старикъ-отецъ все ждалъ и ждалъ,
Нейдетъ ли сынъ его домой.

Но сынъ не шелъ... Нѣтъ больше силъ!
Изныло сердце старика,
Тяжелый страхъ его давилъ;
Съѣдала тайная тоска.
«Мой сынъ!» Нигдѣ, ни у кого
Не находилъ его старикъ.
«Здѣсь нѣтъ ли сына моего?»

Твердилъ одно его языкъ:
«Пять дней, какъ безъ вѣсти пропалъ
«Мой сынъ, мой Яковъ дорогой...
«Скажите, кто его встрѣчалъ?
«Скажите, гдѣ же Яковъ мой?»
Но всѣ молчатъ предъ старикомъ...
Вдругъ кто-то крикнулъ: «онъ въ тюрьмѣ!»
И мысль, внезапная какъ громъ,
Мелькнула вдругъ въ его умѣ.
«Впередъ, скорѣй!» И онъ спѣшитъ,
Стучится, просится въ тюрьму.
«Пустите!»—стражѣ говоритъ,—
«Пустите къ сыну моему...
«Онъ здѣсь, за этою стѣною,
«Мой сынъ, мой Яковъ дорогой!...»
Но грубъ и рѣзокъ былъ отвѣтъ:
«Ступай назадъ! Здѣсь сына нѣтъ!»
Тогда старикъ, что было силъ,
Скорѣй къ жандармамъ поспѣшилъ...
Невольнымъ ужасомъ объятъ
И злымъ предчувствіемъ томимъ,
Онъ въ нихъ вперилъ безумный взглядъ
И говорилъ безсвязно имъ:
«Онъ здѣсь, онъ живъ, онъ невредимъ?
«Неправда-ль, я найду его?
«Скажите: да? Скажите, съ нимъ
«Тутъ не случилось ничего?
«О, посмотрите! Я въ огнѣ,
«Я весь измучился душой...
«Я старъ и слабъ... Скажите мнѣ,
«У васъ ли, живъ ли Яковъ мой?»

— «Ступай назадъ!»—гремитъ отвѣтъ:
«Сынъ до двѣнадцати лишь лѣтъ
«Твоимъ считался,—а потомъ
«Ужъ мы заботимся о немъ.
«Онъ нашъ. Ступай!» И старика
Схватила . . . . . . рука
И грубо вытолкнула вонъ...
И вновь къ себѣ вернулся онъ,
Гдѣ, наконецъ, въ кругу друзей
Добился правды роковой:

Руками . . . .
Замученъ Яковъ молодой.
Какъ звѣри лютые они
Въ тюрьмѣ бросались на него,
Морили голодомъ всѣ дни
И жаждой мучили его.
Онъ изнемогъ, бродилъ какъ тѣнь
И молча пытки выносилъ.
Но, наконецъ, на пятый день
Ударилъ въ дверь, что было силъ.
«Воды!—кричалъ онъ имъ,—скорѣй!»
И вотъ мучители его,
Какъ псы голодные съ цѣпей,
Сорвались прямо на него
И въ тѣло бѣдное впились,
И били, били безъ конца,
Покуда всласть не напилась
Ихъ кровожадныя сердца,
Покуда онъ въ рукахъ у нихъ
Весь трепеталъ отъ ранъ и мукъ,
Покуда къ ночи не затихъ
Въ его груди послѣдній звукъ...
А ночью... бережно... во тьмѣ
Его на кладбище свезли,
Сказавъ, что мертваго нашли,
Что онъ повѣсился въ тюрьмѣ...

Туда бросается старикъ.
«Пустите!»—молитъ онъ съ тоской:
«Здѣсь сынъ мой, Яковъ дорогой!»
Но сторожъ мраченъ и суровъ
И гонитъ прочь безъ дальнихъ словъ.
«Ступай назадъ!»—онъ говоритъ, —
«Здѣсь только мертвымъ входъ открытъ!

— «Ступай»—твердитъ за нимъ старикъ,
Не понимая ничего.
И вдругъ безумный, страшный крикъ
Изъ сердца вырвался его.
А вслѣдъ за нимъ раздался смѣхъ,
Потомъ рыданіе... А потомъ
Безумный спрашивалъ у всѣхъ
О бѣдномъ Яковѣ своемъ...
Вездѣ, кого бы ни встрѣчалъ
Тоской измученный старикъ
Съ тревогой тайною шепталъ,
Твердилъ одно его языкъ.
Глубокой грустью у него
Всегда горѣлъ безумный взоръ:
«Здѣсь нѣтъ ли сына моего?»
Онъ всюду спрашивалъ съ тѣхъ поръ.

* * *

(Посвящается Л. Н. Толстому).

Я слышу звукъ его рѣчей:
Среди всеобщаго смятенья
Великій старецъ нашихъ дней
Зоветъ на путь непротивленья.
«Зачѣмъ насилье надъ врагомъ,
«Побѣда, купленная кровью?
«Не лучше-ль намъ въ борьбѣ со зломъ
«На зло—откликнуться добромъ,
«На ненависть—любовью?

«Пусть страшенъ врагъ, пусть дологъ путь,
«Но вѣрю я: настанетъ время—
«И расцвѣтетъ когда-нибудь
«Любовью брошенное сѣмя!»
Простыя, ясныя слова.
И кто проникся ихъ лучами
Какъ бы коснулся божества
И говоритъ его устами:
Предъ этой ясной простотой
И я склонялъ свои колѣни,—
Но предо мной встаютъ толпой
Другіе образы и тѣни:
Тамъ, гдѣ предъ грознымъ палачемъ
Народъ смиренно спину клонитъ,
И подъ ярмомъ, и подъ бичемъ
Безсильно падаетъ и стонетъ,
Тамъ, гдѣ страданьямъ нѣтъ числа,
Гдѣ попираются отъ вѣка
Пятой ликующаго зла
Права и чувства человѣка.
Гдѣ мысль униженно молчитъ,
Сложивъ безпомощныя крылья,
И духъ . . . . . . убитъ
Отравой рабскаго безсилья,—
Тамъ, нѣтъ! Не проповѣдь любви,
Тамъ нуженъ мощный кличъ . . . . . . ,
Чтобы зажечь въ людской крови
Святой огонь негодованья,
Тамъ нужно ненависть борца
Вдохнуть въ застывшія сердца,
Давно привыкшія къ смиренью,
И въ часъ возмездья роковой
Забить въ набатъ—и звать . . . . .
Къ освобожденью!...

С. ОМСКІЙ.

Веселье Алькзара.

Недалеко отъ шумной Севильи
Есть хрустальный дворецъ Алькзаръ;
Тамъ мелькаютъ плащи и мантильи
Въ пестромъ вихрѣ танцующихъ паръ.

Извиваясь, летятъ покрывала
Подъ веселымъ цвѣточнымъ дождемъ;
И звенятъ, и смѣются бокалы,
Наполняясь шипучимъ виномъ.

Ночь тепла... Въ серебристомъ туманѣ
Тихо дремлютъ густые сады;
Сонно шепчутъ въ прозрачномъ фонтанѣ
Безпокойныя струйки воды...

Ударяютъ о камень копыты —
Кто-то мчится на пѣнномъ конѣ,
И удары толпятся сердито
Въ оскорбленной ночной тишинѣ...

Онъ войдетъ въ освѣщенныя залы.
И, ослѣпнувъ отъ яркихъ свѣчей,
Прокричитъ, заглушая бокалы,
Заглушая мелодью рѣчей:

«Разступитесь, веселые гости!
Я принесъ вамъ нежданную вѣсть:
Дѣти ада въ безудержной злости
Намъ готовятъ жестокую месть.

Окружили кольцомъ безысходнымъ —
И къ разсвѣту сомкнется оно...
Страшно молвить... гостямъ благороднымъ
Больше ночи прожить не дано!...»

Но созданье безумной Севильи,
Весь въ огняхъ и цвѣтахъ Алькзаръ;
Тамъ мелькаютъ плащи и мантильи
Въ пестромъ вихрѣ танцующихъ паръ.

Тамъ ликуютъ хрустальныя залы
Подъ веселымъ цвѣточнымъ дождемъ,
И звенятъ дорогіе бокалы,
Наполняясь шипучимъ виномъ.

СТУДЕНТЪ.

* * *

Среди сухихъ бездушныхъ формалистовъ,
Среди жрецовъ насилія и тьмы,
Средь канцелярщины ученыхъ эгоистовъ
Живемъ мы, пылкіе и юные умы...

Другъ друга мы понять никакъ не можемъ,
Жалѣть ли намъ объ этомъ, господа?
Нашъ путь иной; намъ говорятъ: «онъ ложенъ».
Нѣтъ, никогда, нѣтъ, никогда!

Жалѣть ли намъ, что жизнію рискуя
За правое мы дѣло поднялись?
И всей душою юной негодуя,
Мы смѣло за ...... взялись.

Жалѣть ли намъ, что умъ и сердце наше
Еще не тронулъ пошлой жизни ядъ?
Что правда, равенство, свобода краше
Для насъ чиновъ, отличій и наградъ?

Да, не поймемъ мы никогда другъ друга.
Они для насъ—практичные дѣльцы,
А мы для нихъ рушители порядка,
Мечтатели, наивные юнцы.

Два поколѣнія теперь возстали.
Кто побѣдитъ, они иль мы?
Наступитъ ли свободы день желанный,
Иль вновь настанетъ царство тьмы?

Друзья, но еслибъ даже царство мрака
Вернулось вновь,—надежды не терять!
Борьбою долгой и упорной будемъ
Враговъ своихъ мы побѣждать.

Z.

На славномъ посту.

Скоро ли сбросишь ты иго тяжелое,
    Милая родина-мать?
Скоро ли будешь ты солнце веселое,
    Солнце свободы, встрѣчать?

Долго терпѣла ты, родина милая,
    Гнета великій позоръ...
Рабства народа картина унылая
    Чей не туманила взоръ?

Много ты въ жертву святую, великую
    Лучшихъ дѣтей принесла,
Ненависть правую, ненависть дикую
    Въ насъ эта жертва зажгла!

Сколько отважныхъ борцовъ надрываются
    Цѣпи твои разорвать!
Ржавыя кольца скрипятъ, разрываются,
    Бодро работаетъ рать...

Ранятъ имъ руки осколки тяжелые,
    Лица въ кровавомъ поту...
Что-жъ говорятъ намъ ихъ взоры веселые?
    «Славно на славномъ посту!»

На мартовскіе дни.

На небѣ тучи нависли свинцовыя,
    Шли они долгимъ путемъ;
Ждали мы бури, и, къ бурѣ готовые,
    Мы ей навстрѣчу пойдемъ.

Но отчего же въ душѣ безпрестанная
Буря тревоги кипитъ?
Знаю—гроза разразится желанная.
Что-жъ мое сердце болитъ?

Знаю, что послѣ грозы разрушенія
Въ воздухѣ станетъ свѣжѣй,
Знаю, что близится часъ обновленія
Бѣдной отчизны моей.

Скудныя нивы, грозой освѣженныя,
Новые всходы дадутъ,
Пахари выпрямятъ спины согбенныя,
Полною грудью вздохнутъ.

Но тяжело мнѣ, что вихрь разрушенія
Много съ собой унесетъ
Тѣхъ, кто такъ жаждалъ отчизнѣ служенія,
Тѣхъ, кто такъ рвался впередъ...

Пусть же живетъ о нихъ память народная
Долгіе, долгіе дни!
Пусть ихъ прославитъ отчизна свободная—
Славы достойны они!

АЛ. БѢЛОЗЕРОВЪ.

Красный день.

Красное солнышко встало давно.
Узники-братья, вставайте!
Видите: лучъ проскользнулъ ужъ въ окно,
Пѣсню скорѣй запѣвайте.

Много намъ страшнаго снилось въ ночи:
Грудь намъ кошмары давили...
Ну, а теперь посмотрите—лучи
Въ камерѣ вновь заскользили!

Будетъ намъ, братья, о горѣ тужить,
Много и такъ потужили.
Честный борецъ можетъ всюду прожить,—
Заживемъ, какъ на волѣ не жили!

Что намъ рѣшотки, засовы, замки:
Призракъ лишь воображенья!
Нѣтъ, мы сумѣемъ и здѣсь безъ тоски
Свято хранить убѣжденья!

Ржавыя цѣпи ничуть не страшны:
Имъ не сломить силы нашей.
Всѣ эти пытки намъ, право, смѣшны
Такъ же, какъ оклики стражей!

Слышите: вѣтра промчалась волна,
Шумъ по зеленой природѣ.
Скоро въ отчизнѣ наступитъ весна:
Будемъ и мы на свободѣ.

Пойте же, братья! не мучьте ума:
Бодрость—печали достойной.
Родина наша вѣдь тоже... тюрьма,
Только немного просторнѣй!

Въ борьбѣ.

(Изъ пѣсенъ труда).

Что за грохотъ?... Свистъ и пламя,
Рѣжутъ воздухъ плачъ и стонъ...
Точно огненное знамя,
Искры носятся кругомъ.

— Гдѣ ты, воля? гдѣ ты, сила?
Взмахи молота поютъ.
Все здѣсь: воля и могила,
Наши кости здѣсь сгніютъ.

Правда-ль это? Для чего же
Мы безъ цѣли будемъ жить?
Неужель еще дороже
Надо ужасъ искупить?...

Пусть приводы въ гнѣвѣ шумномъ,
Домны, тысячи колесъ
Въ этомъ хаосѣ безумномъ
Потопили моря слезъ,—

Мы не бросимъ, не устанемъ
Тяжкій молотъ подымать;
Нѣтъ, мы будемъ, нѣтъ, мы станемъ
Жизнь свободную ковать!

Пусть тутъ слезы, скорбь и муки,
Пусть и кости тутъ сгніютъ,—
Наши дѣти, наши внуки
Эти цѣпи разобьютъ!

Пѣсни мои.

Пѣсни мои, золотыя мечты,
Бури надломленной крылья!
Создалъ я васъ въ дни ночной темноты,
Въ дни рокового насилья.

Васъ не вѣнчалъ я гирляндою розъ,
Не вдохновлялъ и молитвой;
Вы создалися изъ злобы и слезъ,
Вызваны долгою битвой.

Но межъ собой я васъ крѣпко спаялъ
Братской невиннною кровью,
Ей освѣтилъ и слегка обласкалъ
Ангельски чистой любовью.

Пусть вашъ угрюмо-строптивый напѣвъ
Чуждъ людямъ робкимъ и нѣжнымъ.
Громко несется страдальческій гнѣвъ
Голосомъ бурно-мятежнымъ.

Мчитесь дружнѣе на вольный просторъ,
Въ ширь необъятной природы;
Васъ не задержитъ безсильный укоръ,
Пѣсни борьбы и свободы!

Изъ пѣсенъ труда.

I.

Стукъ машинъ, ударовъ грохотъ,
Визгъ пилы, приводовъ хохотъ
И станковъ немолчный ропотъ,
Пламя буйное огня...
Подъ напѣвъ безумно грозный
Раздается звукъ тревожный—
Скалитъ зубы шестерня...

И колеса подъ напоромъ
Всѣ кружатся стройнымъ хоромъ
И сверкаютъ передъ взоромъ
Блѣдно-радужной звѣздой...
Отъ восхода до захода
Краны бродятъ средь завода
Плавно-мѣрной чередой...

Плачъ и стонъ—хаоса звуки
Заглушаютъ вопль и муки...
Тутъ и тамъ мелькаютъ руки
Темно-призрачныхъ тѣней...
Это въ вѣчно страшномъ чудѣ
Пробѣгаютъ гномы-люди
Между тысячей смертей...

Прочь съ дороги!—валъ заставитъ!
Иль проглотитъ, иль раздавитъ,
Праха, пепла не оставитъ—
Похоронитъ навсегда...
Какъ въ бреду, въ волшебной сказкѣ
Все слилось въ безумной пляскѣ
Царство грозное труда!

II.

Подъ шумъ стоголосый и грохотъ завода
Мы—вѣстники бури, желѣза—рабы,
Съ утра и до ночи съ мечтою: «Свобода»—
Ковали оружье борьбы...

Заботы о хлѣбѣ, страданья и муки
Тонули въ надеждахъ о счастьи дѣтей;
И грозно поднявъ наши черныя руки,
Дробили мы звенья цѣпей...

И съ каждымъ побѣдно звучащимъ ударомъ
О черный, гигантскій упругій станокъ,
Пылали сердца наши мести пожаромъ,—
Острѣй становился клинокъ...

И свѣтлыя думы въ душѣ нашей зрѣли:
Мы жаждали свѣта, горѣли борьбой,
И твердо къ намѣченной двигались цѣли,—
Рядами спѣшили на бой...

Кипѣла борьба. Приближалась свобода;
Привѣтъ ей! Заря ея блещетъ огнемъ.
Подъ шумъ стоголосый и грохотъ завода
Мы новую жизнь вамъ куемъ!

Въ странѣ снѣговъ.

Далекій край, суровый край отчизны
Угрюмыхъ сопокъ и пустынныхъ льдовъ,
Привѣтствуемъ тебя безъ укоризны
За твой пріютъ, за твой невольный кровъ!

Пусть нѣдра мрачныя твоей утробы
Спаялъ, какъ оловомъ, титанъ-морозъ,—
Не охладитъ онъ пыла нашей злобы,
Не вызоветъ онъ капли нашихъ слезъ.

Пусть въ этомъ царствѣ безысходной стужи
Пустой мечтой становится любовь—
Не ропщемъ мы... Тамъ были мукѝ хуже:
Отъ ужасовъ тамъ стыла наша кровь...

О, родина, омытая горячими слезами
И кровью падшихъ братьевъ и сестеръ!
Далеко ты отъ насъ, но мыслью—съ нами
И чудится твой стонъ въ безлюдьи горъ...

Изгнанники твои за счастіе народа,
Мы гордо шли на жертвенникъ борьбы
И лозунгомъ: «Да здравствуетъ Свобода!»
Бросали вызовъ прихотнямъ судьбы...

Но будетъ время грознаго отмщенья:
Народъ-борецъ волнуется кругомъ;
Звучитъ набатъ святого возмущенья...
Да, близокъ часъ побѣды надъ врагомъ!

Героямъ—привѣтъ!

Привѣтъ вамъ горячій, товарищи-братья,
За славно-геройскую доблесть и честь!
За дѣло свободы, за муки проклятья
Вы первые вызвали битву и месть...
Въ страну, гдѣ звучали лишь цѣпи насилья,
Гдѣ долгіе годы свирѣпствовалъ гнетъ,
Вы гордо раскрыли орлиныя крылья
И смѣло направили мощный полетъ.

Привѣтъ вамъ, спаявшіе братскою кровью
Всѣ помыслы, чувства забитыхъ людей,
Впервые любившіе чистой любовью
Отчизну, герои, великихъ идей!
Вашъ трудъ многолѣтній не станетъ безплодной
Безпочвенно мнимой, пустою мечтой:
Богатую жатву на нивѣ народной
Мы—ваши потомки ужъ зримъ предъ собой...

Привѣтъ всѣмъ, прокляявшимъ надъ братской могилой
Насиліе, гнетъ, палачей, произволъ;
Создавшимъ въ безуміи творческой силой
Всѣмъ рыцарямъ—славы святой ореолъ!
Борцамъ—за великое знамя свободы,
За счастье народа, за волю и свѣтъ,
По тюрьмамъ и ссылкамъ страдающимъ годы
Героямъ—привѣтъ!

ЕВГ. ТАРАСОВЪ.

На Волгѣ.

За изгибомъ, надъ песками встали старые утесы.
Наклонились. Спятъ иль дремлютъ? Сказку видятъ или быль?
Равнодушенъ тихій голосъ полусоннаго матроса·
Торопливыя колеса сѣютъ радужную пыль.
Вновь изгибы. Берегъ круче.
Намъ навстрѣчу мчатся тучи.
То довѣрчивый, то злобный—громче дробный стукъ колесъ.
«Буря близко. Ждать не долго.
Будетъ бурѣ рада Волга.
Слишкомъ много горя стало. Слишкомъ много въ Волгѣ слезъ.»
Вьются чайки въ темныхъ тучахъ. Тише ходъ въ опасномъ мѣстѣ.
Выше, сумрачнѣй утесы на нагорномъ берегу.
Смотрятъ—хмурятся сурово: получили злыя вѣсти,
Или думаютъ о мести вѣковѣчному врагу?
Солнце въ тучахъ утонуло.
Злобно молнія сверкнула.
То крикливый, то напѣвный—громче гнѣвный стукъ колесъ:
«Ждали бури слишкомъ долго.
Будетъ бурѣ рада Волга.
Слишкомъ душно стало людямъ. Слишкомъ много въ Волгѣ слезъ.»

Дума пролетарія.

Если встрѣчу угрюмыхъ и блѣдныхъ дѣтей,
Утомленно глядящихъ въ холодное небо,—
Эти дѣти мои: безъ пріюта, безъ хлѣба,
Безъ надежды хоть разъ улыбнуться свѣтлѣй.

Если вижу, что небо родной стороны
Алымъ заревомъ вѣщихъ пожаровъ залито,—
Это близкіе мнѣ, это братья убиты,
И жилища убогія ихъ сожжены.

Если слышу, что вотъ человѣкъ-полузвѣрь
Овладѣлъ, какъ добычей, дѣвическимъ тѣломъ
Я, блѣднѣя, шепчу: эту дѣвушку въ бѣломъ
Я невѣстою звалъ. Вижу трупомъ теперь.

И когда говорятъ мнѣ, волнуясь, крича,
Что еще на кого-то надѣты оковы,
Что еще чье-то сердце замолкнуть готово
Подъ невѣрной, трусливой рукой палача,—

Я молчу, я не знаю, гдѣ правда, гдѣ сонъ,
И душа неотвязнымъ вопросомъ томится:

Эта казнь — надо мной иль надъ нимъ совершится?
Это я отомстилъ? Это я — или онъ?

Одинъ изъ многихъ.

Недолго онъ, вольный, въ неволѣ прожилъ,
Онъ былъ такъ довѣрчивъ и молодъ,
Такъ много таилось въ немъ крѣпнущихъ силъ,
Но ихъ безпощадно, ихъ жадно скосилъ
Мертвящій, безжалостный холодъ.

Его здѣсь пугала молчащая мгла,
Пугали безшумныя тѣни,
И ночь на душѣ безраздѣльно была,
И справиться съ ночью душа не могла,
Вся полная дикихъ видѣній.

И дни, непрерывно всплывая изъ тьмы,
Ползли, не тревожа молчанья.
А дальше... Онъ видѣлъ: за дверью тюрьмы, —
Холодныя ночи полярной зимы
И долгіе годы изгнанья.

И умеръ онъ ночью. Сегодня съ утра
Другому быть въ клѣткѣ придется...
Пусть жертвъ еще мало: настанетъ пора —
Шумящее, мстящее пламя костра
Въ день судный тѣмъ выше взовьется.

Привѣтъ товарищамъ.

Послѣ сумрачнаго плѣна
Безъ конца, безъ перемѣны
На отлогихъ, на убогихъ берегахъ чужой рѣки—
Здравствуй, городъ! Я вернулся,
Я въ чаду твоемъ очнулся
Отъ мертвящей, отъ неспящей, отъ мучительной тоски.

Послѣ мертваго молчанья,
Послѣ мглы и ожиданья,
Послѣ долгихъ, послѣ скучныхъ, однозвучныхъ вечеровъ —
Снова кинусь въ ключъ кипучій,
Буду грезить думой жгучей
Въ ритмѣ стройныхъ, безпокойныхъ, жаждой битвы полныхъ строфъ.
Послѣ тягостной разлуки,
Послѣ дней безумной муки,
Послѣ ряда одноцвѣтныхъ, безпросвѣтныхъ зимъ и лѣтъ —
Всѣмъ свободнымъ, всѣмъ . . . . . .
Всѣмъ, кто сталъ на смѣну павшимъ,
Всѣмъ не сгибшимъ средь пожарищъ — какъ товарищъ, шлю привѣтъ!

Дерзости слава.

Жить въ потемкахъ мы устали
Мы проснулись, мы . . . . —
Слишкомъ долго боя ждали,
Жаждемъ жизни молодой.
Прочь безпомощные страхи,
Глубже взгляды, шире взмахи,
Больше дерзости святой!

Много надо рукъ упорныхъ,
Чтобъ изъ глыбъ слѣпыхъ и черныхъ,
Въ нашихъ домнахъ, въ нашихъ горнахъ
Полосой сверкнулъ металлъ —
Больше страсти, больше жару,
Подставляйте грудь пожару,
Чтобъ металлу дать закалъ.

Выше факелъ подымайте,
Въ душахъ пламя зажигайте,
Ошибайтесь — но дерзайте:
Пролетитъ вѣковъ гряда —
Только то, что силой взято,
Будетъ живо, будетъ свято,
Будетъ взято навсегда.

* * *

Они лежали здѣсь—въ углу,
Въ грязи зловоннаго участка.
Ихъ кровь—густая, словно краска—
Застыла лужей на полу.

Ихъ подбирали, не считая.
Ихъ приносили—безъ числа,
На неподвижныя тѣла
Еще не конченныхъ кидая.

Здѣсь были люди—безъ головъ.
Здѣсь были руки—словно плети.
Лежали скомканныя дѣти.
Лежали трупы стариковъ.

У этихъ—лица были строги.
У тѣхъ—провалы вмѣсто лицъ.
Смотрѣли вверхъ, лежали ницъ,
И были босы чьи-то ноги.

И чья-то грудь была жива.
И чьи-то пальцы шевелились.
И губы гаснущихъ кривились,
Шепча невнятныя слова.

Декабрьскій день свѣтилъ имъ скупо.
Никто не шелъ, чтобъ имъ помочь.
И вотъ, когда спустилась ночь —
Живыхъ не стало. Были трупы.

И вотъ лежали тамъ—въ углу.
Лежали тѣсными рядами.
Всѣ—съ искаженными чертами.
И кровь ихъ стыла на полу.

Крѣпость.

День догорающій
Сказкой ласкающей
Смотритъ на міръ съ высоты.
Краски закатныя,
Сны невозвратные,
Свѣтлое царство мечты...
Крѣпость гранитная,
Хмурая, скрытная,
Рада-ли ты?

Кто-жъ тамъ, за плитами,
Мохомъ покрытыми,
Долго и страшно молчитъ?
Кто тамъ, покинутый,
Въ сумерки кинутый,
Ночью безсмѣнною скрытъ?
Крѣпость гранитная,
Хмурая, скрытная
Тайну хранитъ.

Кто тамъ за башнями,
Темными, страшными,
Кто тамъ, подъ грудой камней?
Видятъ ли плѣнные
Эти мгновенныя
Смѣны закатныхъ огней?
Крѣпость гранитная,
Хмурая, скрытная,
Стала темнѣй.

Тѣни раскинулись,
Выросли, двинулись,
Гонятъ все свѣтлое прочь.
Тѣмъ, кто за башнями,
Темными, страшными,
Какъ имъ, плѣненнымъ, помочь?
Крѣпость гранитная,
Хмурая, скрытная,
Встрѣтила ночь.

Крѣпостью скрытые,
Но не забытые,
Взятые ночью отъ насъ,
Вѣрьте: надъ плитами,
Мохомъ покрытыми,
Грянетъ полуденный часъ,
Крѣпость гранитная,
Хмурая, скрытная,
Выпуститъ васъ...

О. БОГОЛЮБОВА.

* * *

Я люблю этотъ городъ суровый,
Весь закованный въ сѣрый гранитъ.
Сводъ небесъ равнодушныхъ свинцовый,
Мрачныхъ храмовъ торжественный видъ.

Я люблю его ночи весною
Съ ихъ тревогой обманчивыхъ грезъ,
Май, окутанный мглой голубою,
Напоенный дыханьемъ березъ.

Я люблю его дождь и туманы,
Наводненья осенней порой,
Безконечные тучъ караваны,
И въ снѣгахъ его море зимой.

Всѣ капризы прощаю природы
И... терзаюсь стыдомъ одного:
Нѣтъ великаго чувства свободы
Въ мѣрно бьющемся сердцѣ его!

* * *

Передо мной—стѣна моей темницы...
Въ углу, у потолка, съ рѣшеткою окно,
Въ него видна лазурь и рѣющія птицы,
Другого ничего не видѣлъ я давно.
За днями идутъ дни, слагаясь въ годы,
Я потерялъ теперь и днямъ, и годамъ счетъ,
Всѣ чувства умерли... Желанье-же свободы
Со мною лишь умретъ!
Въ молчаніи языкъ мой и уста нѣмѣютъ.
Ничья здѣсь рѣчь на зовъ не прозвучитъ,
Но гимну вольныхъ птицъ, что тамъ высоко рѣютъ,
Мнѣ и тюрьма внимать не запретитъ.
О, палачи мои! Вѣдь это—гимнъ свободы!
Пусть я не стану вновь подъ сѣнь ея знаменъ,
Пускай ея борца задушатъ эти своды,
Но благовѣстъ о ней и здѣсь услышалъ онъ!

* * *

Нѣтъ, если ужъ борьба, такъ — на смерть безъ пощады,
Безъ вздоховъ и безъ слезъ о счастьи прежнихъ лѣтъ,
Безъ трепета и думъ передъ огнемъ преграды,
Предъ стономъ раненыхъ, предъ тьмой грозящихъ бѣдъ!
Къ такой борьбѣ зови! И мечъ мой обнажая,
Откликнусь радостно на зовъ могучій твой,
Съ презрѣньемъ отрекусь отъ благъ и свѣта рая
И кинусь первая на этотъ смертный бой!

Д—нъ.

* * *

Въ тюрьмѣ за рѣшеткою узникъ сидитъ,
Съ нимъ вѣтеръ одинъ лишь порой говоритъ,
И пѣсни о волѣ, о счастьѣ поетъ,
И вдаль улетѣть своей пѣсней зоветъ:

«Не зная неволи
По чистому полю
Ношусь я быстрѣе коня.
Тюремщиковъ смѣны
И толстыя стѣны
Нигдѣ не задержатъ меня!

То вверхъ улетаю, —
Тамъ облаковъ стаи
И тучъ темносѣрыхъ стада
По небу блуждаютъ —
Изъ нихъ созидаю
Въ мигъ замки, дворцы, города.

То вѣяньемъ нѣжнымъ,
То бурею снѣжной
Надъ городомъ быстро промчусь,
Въ убогія хаты
Въ дворцы и палаты
Ко всѣмъ безъ различья стучусь.

Надъ прахомъ забытыхъ,
Нуждою убитыхъ
Я слезы въ дождливый день лью.
А много страдавшимъ
И счастья не знавшимъ
Я пѣсни о счастьѣ пою».

С. Вѣдковъ.

Поэту.

Если ты понимаешь природы языкъ
И красы ея вѣщей сіянье,
Если есть у тебя въ сердцѣ пѣсенъ родникъ,
Освѣжающій жгучесть страданья, —
Пой, поэтъ, обо всемъ, что полно красоты,
Пой любви и восторги, и грозы,
Разсыпай, какъ весна молодая, цвѣты,

Пылкой юности яркія грезы.
Но не думай, что цѣль твоей жизни лишь въ томъ,
Чтобъ, въ минуты экстаза слѣпого,
Красоту, затаенную въ сердцѣ твоемъ,
Воплощать въ формѣ звучнаго слова:
Нѣтъ, ты прежде всего человѣкъ, ты съ толпой
Неразрывными узами связанъ
И бороться съ насильемъ, корыстью и тьмой,
Какъ сынъ свѣта и правды, обязанъ.
Не твори-жъ изъ искусства кумира себѣ, —
Міръ для битвы за правду не тѣсенъ, —
Пусть всѣ пѣсни твои будутъ кличемъ къ борьбѣ,
А борьба—родникомъ твоихъ пѣсенъ.

Б. ЛОЙКО.

* * *

Порой внезапно душа проснется,
Насильемъ дикимъ уязвлена,
И отвѣчаетъ безумнымъ крикомъ...
Такъ рвется съ плачемъ больнымъ струна!

Порой обида въ душѣ мятежной
Успѣетъ пламя свое зажечь...
О, еслибъ люди умѣли нѣжно,
Какъ пламя Весты, его беречь!

Чредою быстрой промчатся годы:
Что искрой тлѣло въ сердцахъ нѣмыхъ,
Пожаромъ грознымъ охватитъ ихъ —
И рухнутъ цѣпи къ ногамъ свободы!

А. КУРСИНСКІЙ.

Въ предутренней мглѣ.

Я поздно вернулся и легъ на постель,
За окнами глухо гудѣла мятель,
За окнами, скрытый предутренней мглой,
Раскинулся городъ во снѣ, но живой.
Такъ странно, такъ жутко казалося мнѣ
Забыться предъ утромъ въ больномъ полуснѣ,
И чутко-тревоженъ былъ блѣдный мой сонъ,
И вдругъ мнѣ послышался медленный звонъ.
Ударъ раздавался и вновь замиралъ,
На цѣпь многоточій дробился хоралъ,
И каждая точка въ цѣпи звуковой
Надъ бездной скользила упругой волной.
И каждая точка въ пристанища норъ
Врывалась, какъ грозный, нещадный укоръ,
И, вновь поднимаясь въ беззвѣздную высь,
Взывала надменно: вставай и молись!
Слѣдя однозвучный и жуткій напѣвъ,
Смиряя въ груди непонятный свой гнѣвъ,
Я скоро услышалъ какой-то другой
Напѣвъ, что вплетался межъ первымъ змѣей.
Онъ лился, какъ влага густого вина,
Смолистой струей изъ глубокаго дна,
И душу давилъ, какъ сѣдой потолокъ,
Угрюмый, холодный, чугунный гудокъ.
Вползая въ уюты больной нищеты,
Сгонялъ онъ налеты мгновенной мечты
И, вновь ускользая въ туманную высь,
Твердилъ равнодушно: вставай и трудись!
И долго, обнявшись, двѣ дружныхъ волны
Скользили по высямъ ночной тишины,
Вѣщая во мглѣ, что насталъ, какъ всегда,
День рабской молитвы, нужды и труда.

Л. М. ВАСИЛЕВСКІЙ.

* * *

Старый годъ уходитъ. Рвется сгнившій пологъ,
И готова рухнуть ветхая стѣна,
Какъ кошмаръ больного, сонъ былъ страшно-долгъ,
Но разбиты чары вѣкового сна.
Старый годъ уходитъ. Еле брезжитъ новый,
Впереди—быть можетъ, долгій, тяжкій бой,
Но, сомкнувшись дружно, мы къ борьбѣ готовы
И побѣды знамя видимъ надъ собой.
Новому—дорогу! Зазвените струны!
Мертвому нѣтъ мѣста въ пиршествѣ живыхъ!
Наши силы грозны, наши души юны...
Громче, смѣлый окликъ добрыхъ часовыхъ!
Прочь, дитя неволи—жалкое безсилье,
Жизнь зоветъ на площадь, на борьбу зоветъ,
Зазвените струны, развернитесь крылья,
Разступитесь шире—новое идетъ!

Не работать!

Сурово скрещенныя руки
И гордо сжатыя уста...
Но не слезами скрытой муки
Борьба народа облита —
Въ ней глухо ненависть клокочетъ
Тяжелой жуткой тишиной
И снова громъ прорваться хочетъ
Надъ окровавленной страной.
Давно гроза во мглѣ тумана, —
Теперь ей грянуть суждено.
И горе тѣмъ, кто въ цѣпь титана
Вплетаетъ новое звено!
О, горе имъ!
...Угасли звуки,
Повсюду жуть и темнота,
И грозно скрещенныя руки,
И крѣпко сжатыя уста...

* * *

Они застрѣлили его, безоружнаго...
Онъ блѣденъ былъ, нѣмъ, недвижимъ.
И холодъ, и ужасъ злодѣйства ненужнаго
Повисли надъ міромъ глухимъ.
Ложились на вѣтви снѣжинки усталыя,
Клубился ползучій туманъ.
И падали капли—горячія, алыя
На мертвый, безстрастный курганъ.
...Обмануты были—тупые, покорные...
Въ ихъ мутныхъ, тяжелыхъ зрачкахъ
Зіяли безумія пропасти черныя
Сквозь мрачную злобу и страхъ.
Обманы людскіе... О, трижды проклятые!
Ты, Высшій, имъ путь укажи!
Скажи имъ, что братья безвинно распятые
Искали спасенья отъ лжи;
Скажи имъ, что ужасъ насилья звѣринаго
Позорно, безумно стеречь,
Что гибнутъ подъявшіе мечъ на невиннаго,
На брата подъявшіе мечъ!
...И свѣжи, и юны снѣжинки усталыя,
Пробились лучи сквозь туманъ.
И падаютъ капли—горячія, алыя
На тихій, безвѣстный курганъ!...

* * *

Клубами дымъ... залитый кровью прахъ,
Хаосъ и тьма и ужасъ разрушенья...
Едва умолкъ тяжелый гулъ сраженья
На опустѣлыхъ площадяхъ.
Зловѣщій мракъ потушенныхъ костровъ
И тишина раздавленныхъ терзаній...
И боль и стыдъ разбитыхъ упованій
Въ сердцахъ поверженныхъ борцовъ...
Но стыдъ сердца не долго будетъ жечь:
Творящій гнѣвъ и мщенье всколыхнутся,
Еще тѣснѣй ряды борцовъ сомкнутся,
Еще острѣе будетъ мечъ!
Святая кровь разбудитъ спящій гнѣвъ,
Дастъ въ руки мечъ трусливымъ и усталымъ,
И въ берега ударитъ грознымъ валомъ
Прибоя буйнаго напѣвъ!
И день грядетъ, великій день побѣдъ,
Когда изъ мукъ, тоски и жгучей боли
Родится свѣтъ и радость новой воли,
Которой смерти нѣтъ!

* * *

Задымились безгранныя дали,
Загорѣлся кровавый костеръ...

Надъ землей духъ тоски и печали
Неподвижныя крылья простеръ.
Воздухъ кровью убитыхъ отравленъ,
Кровью дѣвственный снѣгъ обагренъ,
Много сильныхъ, чей мечъ не заржавленъ,
Погибаетъ во славу знаменъ.
Ослѣпленные, темные братья,
Обезумѣвъ, идутъ убивать.
Изнываетъ отъ слезъ и проклятья
Терпѣливая родина-мать.
Душитъ горечь несмытой обиды,
И предательство жалкихъ рабовъ.
И медлительный ходъ Немезиды,
И живучесть прогнившихъ оковъ.
Но разгонитъ творящее пламя
Блѣдный ужасъ насилья и тьмы
И взовьется свободное знамя
На обломкахъ тюрьмы!

* * *

И снова и снова—колеблетъ прибой
Упрямыя, тяжкія скалы.
Надъ новой, — быть можетъ, послѣдней борьбой
Горитъ уже лучъ блѣдноалый.
Къ дрожащимъ подножьямъ несутся валы,
Кольцомъ ихъ сжимаютъ желѣзнымъ,
И гулко въ затишьѣ предутренней мглы
Разносится грохотъ по безднамъ:
«Намъ тѣсно, намъ душно! Давите гранитъ,
Взрывайте, ломайте преграды.
Кто хочетъ свободы—въ борьбѣ побѣдитъ,
Врагу не давайте пощады!»
...И глухо подъ кровомъ предутренней мглы
Колеблются тяжкія скалы,
И съ ревомъ взлетаютъ все выше валы,
И день разгорается алый.

* * *

Стихаетъ тяжкій гулъ борьбы.
Спасаетъ знамя побѣжденный,
И къ побѣдителю рабы
Спѣшатъ толпою преклоненной.
Лежатъ въ пыли... Тирана мечъ
Цѣлуютъ трепетно и лживо...
Клянетъ угодливая рѣчь
Отвагу браннаго призыва.
Еще вчера среди борцовъ,
Вокругъ знаменъ они толпились,
Сегодня жребію рабовъ
И грубой силѣ поклонились.

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

Гимны родинѣ.

Гимнъ первый.

О, Русь, въ тоскѣ изнемогая,
Тебѣ слагаю гимны я.
Милѣе нѣтъ на свѣтѣ края,
О, родина моя!

Твоихъ равнинъ нѣмыя дали
Полны томительной печали,
Тоскою дышатъ небеса,
Среди болотъ, въ безсильи хиломъ,
Цвѣткомъ поникшимъ и унылымъ,
Восходитъ блѣдная краса.

Твои суровые просторы
Томятъ тоскующіе взоры
И души, полныя тоской.
Но и въ отчаяньи есть сладость.
Тебѣ, отчизна, стонъ и радость,
И безнадежность, и покой.

Милѣе нѣтъ на свѣтѣ края,
О, Русь, о, родина моя!
Тебѣ, въ тоскѣ изнемогая,
Слагаю гимны я.

Гимнъ третій.

Печалью, безсмертной печалью
Родимая дышитъ страна.
За далью, за синею далью
Земля весела и красна.

Свобода побѣды ликуетъ
Въ чужой лучезарной дали,—
Но русское сердце тоскуетъ
Вдали отъ родимой земли.

Въ безумныхъ, въ напрасныхъ томленьяхъ
Томясь, какъ заклятая тѣнь,

Тоскуетъ о скудныхъ селеньяхъ,
О дымѣ родныхъ деревень.

Время битвы.

Наше злое время—время лютой битвы.
Прочь кимвалъ и лиру! Гимновъ не просите,
Золотыя струны на псалтири рвите!
Ненавистны пѣсни, не къ чему молитвы.

О щиты мечами гулко ударяя,
Дружно повторяйте кличъ суровой чести,
Кличъ въ которомъ слышенъ голосъ кровной мести,
Кличъ, въ которомъ дышетъ сила огневая.

Пѣсни будутъ спѣты только послѣ боя,
Въ лагерѣ побѣды,—тамъ огни зажгутся,
Тамъ съ гремящей лиры звуки понесутся,
Тамъ польется пѣсня въ похвалу героя.

Надъ тѣлами-жъ мертвыхъ, ночью послѣ сѣчи,
Будетъ пѣть да плакать только вѣтеръ буйный
И, плеща волною рѣчки тихоструйной,
Поведетъ съ лозою жалобныя рѣчи.

Швея.

Нынче праздникъ за стѣною
Разговоръ безпечный смолкъ.
Я одна съ моей иглою,
Вышиваю красный шелкъ.

Всѣ ушли мои подруги
На веселый свѣтъ взглянуть,
Скоротать свои досуги,
Забавляясь какъ-нибудь.

Мнѣ веселости не надо.
Что мнѣ шумъ, и что мнѣ свѣтъ!
Въ праздникъ вся моя отрада,
Чтобъ исполнить мой обѣтъ.

Все, что юность мнѣ сулила,
Все, чѣмъ жизнь меня влекла,
Все судьба моя разбила,
Все коварно отняла.

— Шей нарядныя одежды
Для изнѣженныхъ госпожъ!
Отвергай свои надежды!
Проклинай ихъ злую ложь!—

И въ покорности я никла,
Трепетала словно лань,
Но зато шептать привыкла
Слово гордое: возстань.

Бѣлымъ шелкомъ красный мѣчу,
И сама я въ грозный бой
Знамя вынесу навстрѣчу
Рати вражеской и злой.

Искали дочь.

Печаль въ груди была остра,
Безумна ночь,
И мы блуждали до утра
Искали дочь.

Намъ запомнилась навѣки
Жуткихъ улицъ тишина,
Хрупкій снѣгъ, нѣмыя рѣки,
Дымъ костровъ, штыки, луна.

Чернѣли тѣни на огнѣ
Ночныхъ костровъ.
Звучали въ мертвой тишинѣ
Шаги враговъ.

Тамъ, гдѣ били и рубили,
У заставъ и у палатъ,
Что-то чутко сторожили
Цѣпи хмурыя солдатъ.

Всю ночь мерещилась намъ дочь,
Еще жива,
И намъ нашоптывала ночь
Ея слова.

По участкамъ, по больницамъ
(Гдѣ пускали, гдѣ и нѣтъ)
Мы склоняли къ многимъ лицамъ
Тусклыхъ свѣчъ неровный свѣтъ.

Бросали груды страшныхъ тѣлъ
Въ подвалъ сырой.
Туда пустить насъ не хотѣлъ
Городовой.

Скорби пламенной языкъ-ли,
Деньги-ль дверь открыли намъ,—
Рано утромъ мы проникли
Въ тьму, къ поверженнымъ тѣламъ.

Ступени скользкія вели
Въ сырую мглу,—
Подъ грудой тѣлъ мы дочь нашли
Тамъ, на полу...

Въ день погрома.

Я спѣшилъ къ моей невѣстѣ
Въ безпощадный день погрома.

Всю семью засталъ я вмѣстѣ
Дома.

Всѣ лежали въ общей грудѣ...
Крови темные потоки...
Гвозди вбиты были въ груди,
Въ щеки.

Что любовью пламенѣло,
Грубо смято темной силой...
Пронизали гвозди тѣло
Милой.

Жалость.

Пришла заплаканная жалость,
И у порога стонетъ вновь:

— Невинныхъ тѣлъ святая алость!
Дѣтей играющая кровь!

— За гулкимъ взрывомъ лютой злости
Рыданья дѣтскія и стонъ.
Страшны изломанныя кости,
И шопотъ робкій:—Это сонъ?—

Нѣтъ, надо мной безсильно жало
Твое, о, жалость! Помню ночь,
Когда въ застѣнкѣ умирала
Моя замученная дочь.

Нагаекъ свистъ, и визгъ мученій,
Нагая дочь, и злой палачъ,—
Все помню. Жалость, въ дни отмщеній
У моего окна не плачь!

ДМ. ЦЕНЗОРЪ.

Всадникъ зла.

(Сонетъ на мотивъ картины Фр. Штука).

Кровавый ураганъ затихъ надъ мертвой нивой.
Холодная, какъ сталь, надъ ней синѣетъ мгла.
И воронъ чертитъ кругъ зловѣще-прихотливый,
И страшенъ взмахъ его тяжелаго крыла.
Безмолвіе и смерть. Толпою молчаливой,
Сплетенныя борьбой, разбросаны тѣла...
И вотъ встаетъ изъ мглы великій «Всадникъ Зла»
На призрачномъ конѣ, въ осанкѣ горделивой...
Свинцовый, тяжкій взоръ вперяетъ въ землю онъ.
Ступаетъ черный конь по трупамъ искаженнымъ,
И слышенъ въ тишинѣ послѣдней муки стонъ...

И всадникъ смотритъ въ даль: потокомъ озлобленнымъ
Ползутъ его рабы, гудитъ желѣзный звонъ...
Хохочетъ великанъ надъ міромъ изступленнымъ.

Сонетъ.

О, если ты пророкъ — твой часъ насталъ. Пора!
Зажги во тьмѣ сердецъ пылающее слово.
Ты долженъ умереть на пламени костра
Среди безумія и ужаса земного...

*

Не бойся умереть. Безсмертенъ лучъ добра.
Ты въ сумракѣ вѣковъ стократно вспыхнешь снова.
Для пѣсни нѣтъ преградъ,—она, какъ мечъ, остра,
И нѣтъ оковъ рѣчамъ, карающимъ сурово...

*

И тусклые года томленій и тревогъ,
Какъ факелъ, озаритъ, страдалецъ и пророкъ,
Негаснущій костеръ твоей красивой смерти.

*

Изъ пламени его голодныхъ языковъ
Не смолкнетъ никогда мятежно яркій зовъ:
«Да будетъ истина! Да будетъ правда!—Вѣрьте!»

Изъ пѣсенъ борьбы.

Спите погибшіе въ гордомъ бою,
Васъ не забудетъ отчизна.
Скоро въ родномъ возрожденномъ краю
Будетъ великая тризна.

*

Вспыхнутъ пурпурные флаги знаменъ
Въ радостный праздникъ восхода.
Будутъ минувшія битвы—какъ сонъ,
Будетъ весна и свобода...

*

Только на праздникъ весны не придутъ
Тѣ—кто безмѣрно любили...

Спите, сраженные. Спите. Мы тутъ
Плачемъ на братской могилѣ.

Кузнецъ свободы.

Вчерашній рабъ, возставшій гордо,
Грядущій рыцарь и кузнецъ,
Вознесъ его легко и твердо,
Чтобъ для себя сковать вѣнецъ.
Разбиты звенья старой цѣпи.
И страшенъ мстительный ударъ
Для мертвыхъ душъ, рожденныхъ въ склепѣ,
Для тѣхъ, кто немощенъ и старъ.
Но громче бьетъ кузнецъ свободы,
Растутъ холмы разбитыхъ грудъ,
И гулкій стукъ зоветъ народы,
Чтобъ увѣнчать свободный трудъ.
Стучи, кузнецъ. Дроби съ размаха!
Ликуйте мощныя сердца!—
. . . .
. . . .

* * *

Вѣчная память погибшимъ со славой
Воинамъ общаго дѣла.
Слава—тому, кто на подвигъ кровавый
Вышелъ отважно и смѣло.
Черная полночь скрываетъ измѣну.
Трусы врагу предаются.
Братья! Когда мы погибнемъ, на смѣну
Новыя силы найдутся.
Съ бодрымъ завѣтомъ «свобода и право»
Счастье идетъ къ угнетеннымъ.
Воинамъ смѣлымъ—побѣда и слава!
Вѣчная память сраженнымъ!

Послѣ битвы.

Сраженное солнце у бездны заката
И брызжетъ горячею кровью изъ ранъ.
Я плачу у трупа любимаго брата,
И вѣетъ могилой вечерній туманъ.

Стою, знаменосецъ, извѣдавшій битву,
Безумный, забытый средь мертвыхъ бойцовъ,
А вѣтеръ тоскуетъ и плачетъ молитву
И рветъ обагренную ткань облаковъ.

И поднялъ я выше кровавое знамя,
И вьется мой хохотъ надъ грудами тѣлъ...
А вороны стонутъ и машутъ крылами
Надъ тѣми, кто вѣрилъ и жизни хотѣлъ.

Пусть близятся тѣни зловѣщей толпою!...
Я буду, безумный, смѣяться и звать:
—О, братья, вставайте къ послѣднему бою!
О, братья, сомкнитесь въ послѣднюю рать!

Безмолвіемъ тайны равнина объята.
Мнѣ чудится сила, встающая вновь...
Померкшее солнце у бездны заката
И брызжетъ на землю горячая кровь.

Ихъ разстрѣляли.

Ихъ разстрѣляли...
Утро морозное было.
Солнце, не зная, безпечно всходило,
Тихо смѣялись прозрачныя дали...
Снѣгъ былъ такой серебристый и чистый!
Часъ былъ такой молодой и лучистый!
Ихъ разстрѣляли...

Измятой, безсильной толпою
Сомкнулись они на снѣгу.
Пылаютъ ихъ очи тоскою
И скорбной любовью къ врагу.

Зловѣще-безмолвны солдаты,
И слышатъ: ихъ молятъ, зовутъ...
Но въ душахъ не смолкли раскаты
Безумныхъ и близкихъ минутъ.

И слышатъ, и слышатъ: «О, братья!
Мы гибнемъ за волю и свѣтъ!...
Но глухо сорвались проклятья,
И грянули залпы въ отвѣтъ...

А солнце не знало! Солнце всходило!
Тихо смѣялись лучистыя дали,
Утро такое безпечное было...
Ихъ разстрѣляли.

Звонарь.

(Баллада).

Отдавши могиламъ сраженныхъ борьбою,
Навстрѣчу грядущему дню
Всхожу я на башню и къ новому бою
Уснувшихъ бужу и звоню.

Мой голосъ дрожитъ закаленною сталью,
Звенитъ, заглушая набатъ,
И очи, горѣвшія тяжкой печалью,—
Отвагой и местью горятъ.

Какъ встарь, собираю на грозное вѣче
Моихъ возмущенныхъ бойцовъ,
И братьямъ, забывшимъ о вражеской встрѣчѣ,
Бросаю пылающій зовъ:

«Вставайте, кто живы, чьи зажили раны!
«Для скорби замкните сердца!
«Пусть мертвые спятъ. Имъ воздвигнемъ курганы.
«Но помните клятву бойца...

«Отмщать, ненавидѣть и биться, доколѣ
«Не ляжемъ костьми средь полей;
«За братьевъ убитыхъ, за муки неволи,
«За женъ и безвинныхъ дѣтей!»

Народъ поднимаетъ мечи, торжествуя,
Народъ ополчился, какъ встарь...
И съ башни высокой звоню и зову я,
Мятежный звонарь!

Судный часъ.

День склоняетъ ликъ смущенный.
Меркнетъ пламенный закатъ.
Надъ землею омраченной
Встали вихри и шумятъ.
Жутко смотритъ куполъ звѣздный
Въ міръ печали и стыда.
Близокъ, близокъ часъ возмездный,
Часъ великаго суда.
Пологъ близкихъ тучъ расколотъ.
Съ возмущенной высоты
Упадаетъ гулкій молотъ,
Брызжутъ красные цвѣты.
Перстъ багряный чертитъ знаки,
Повѣсть грознаго конца...
И, заблудшія во мракѣ,
Содрогаются сердца.

Пророки и толпа.

Затишье. Грозные раскаты
Умолкли въ сумеркахъ земли.
Пророки истины распяты,
Бойцы сраженные легли.

И день прошелъ. И вновь безпечно
Гудитъ холодная толпа!
Какъ море, ропщущая вѣчно,
Какъ буря дикая, слѣпа.

Прости ее. Она губила
Несущихъ ей любовь и свѣтъ,—
Она не вѣдая, творила
Позоръ и тьму кровавыхъ лѣтъ...

Зажгутся въ сумракѣ уныломъ
Великой правды огоньки,—
Толпа придетъ къ святымъ могиламъ
Возложитъ поздніе вѣнки

И вспомнитъ съ ужасомъ былое,
Слѣпые, горестные дни,
Когда она въ безумномъ воѣ
Кричала кесарю: «распни!»

* * *

Глухія ночи легли угрюмо,
Сѣдымъ туманомъ скованъ свѣтъ.
Сказали морю: «Усни безъ шума!»
Сказали вѣтрамъ: «Вамъ воли нѣтъ!»
Но, видно, грозы молчать устали,
Но, видно, моря не покорить!
Зигзаги молній съ небесъ упали.
И волны берегъ грозятъ разбить.
А шумный вѣтеръ во тьмѣ хохочетъ:
«О, ночь,—довольно! Не тьмѣ твоей
«Царить надъ моремъ, коль море хочетъ
«Раскатовъ бури и свѣтлыхъ дней!»

Пѣсня волнъ.

Надъ морскою глубиною
Волны съ пѣною сѣдою
Собиралися въ прибой.
А на берегѣ туманномъ
Я внималъ, въ смятеньи странномъ,
Пѣсни, созданной борьбой:

«Мы свободы жаждемъ. Въ морѣ
«Мы гуляемъ на просторѣ
«Своевольно здѣсь и тамъ.
«Вѣтеръ дико насъ ласкаетъ,
«Буря громко призываетъ,
«И на битву посылаетъ
«Къ неприступнымъ берегамъ.

«Собирайтесь, сестры, дружно!
«Сокрушить намъ скалы нужно,
«Путь свободный, проложить:
«Дружно воины! Строй за строемъ!
«Мы ударимъ, мы размоемъ...
«Мы смѣемся надъ покоемъ,
«Мы хотимъ для битвы жить.

Дружно, волны! Что за стоны...
Пусть разбились легіоны,—
Намъ равны и жизнь и смерть.
Мы одѣты въ панцырь бѣлый,
«Влажной грудью, съ пѣсней смѣлой,
«Бьемся въ берегъ помертвѣлый,
«Сокрушимъ нѣмую твердь...»

Я стоялъ, смятенья полный,
И внималъ. Шумѣли волны,
Набѣгалъ за строемъ строй...
Съ гордымъ стономъ разбивались,
Съ пѣсней снова собирались
И рвались на смертный бой.

* * *

Міръ открытъ для новыхъ пѣсенъ.
Рвется жизнь изъ ветхихъ стѣнъ.
Пробужденнымъ думамъ тѣсенъ
Многовѣчный темный плѣнъ.
Какъ дитя изъ колыбели,
Гордо выросъ духъ земной,
И его святыя цѣли
Освѣщаютъ путь ночной.
По Свободѣ изныва̀етъ
Онъ, какъ соколъ по степямъ,
И проклятія бросаетъ
Опостылѣвшимъ цѣпямъ.
Вспряньте, Мощные! Пора намъ
Къ новой истинѣ пойти,
Прошлой ночи, прошлымъ ранамъ
Бросить дерзкое: «прости!»
Въ нашихъ стѣнахъ вѣетъ гнилью,
Въ нихъ отравленный туманъ...
Пусть ненужной, ветхой пылью
Ихъ развѣетъ ураганъ,
И могучіе построятъ
Царство счастья своего—
Тамъ, гдѣ волны жизни смоютъ
Все, что гнило и мертво.

А. ЛУКЬЯНОВЪ.

Истина.

Съ вѣнкомъ терновымъ на челѣ
Она идетъ рабой гонимой,
Но свѣтъ ея неугасимый
Горитъ все ярче на землѣ!
Она закована цѣпями,
Съ кровавой раной на груди
Идетъ и видитъ впереди
Свою побѣду надъ врагами.
Ее не въ силахъ умертвить
Года неволи и гоненій,
И будетъ крестъ ея мученій
Кровь неповинную хранить!
О, дайте ей дорогу, братья!
Ея вы слышите шаги—
И какъ безсильные враги
Ей шлютъ послѣднія проклятья!

* * *

Я помню этотъ шумъ—шумъ жизни молодой!
Распались цѣпи ледяныя,
И звонкіе ручьи, какъ слезы золотыя,
Какъ слезы радости предъ новою весной,
Струились по землѣ...
И тамъ—въ полупрозрачной мглѣ
Весеннихъ облаковъ съ ихъ нѣжной красотой—
Я слышалъ тотъ же шумъ—шумъ жизни молодой!
И птицы вольныя, и вешняя вода,
Слились въ одинъ аккордъ тогда:
Жить, жить!

Я слышу этотъ шумъ—шумъ жизни молодой!
Нѣтъ мертвыхъ дней оцѣпенѣнья,
И рѣчи пылкія, и радостное пѣнье
Пахнули на меня живительной весной!
Я вѣрю—жизнь идетъ
Съ могучей силою впередъ,
И дрогнула кора преграды ледяной
Подъ этотъ первый шумъ—шумъ жизни молодой!
О, юность чудная! Ты манишь на просторъ,
Въ одинъ аккордъ слился твой хоръ:
Жить, жить!

Памяти Н. Г. Чернышевскаго.

Ты звалъ на подвигъ и свободу
Порабощенную страну,
И за любовь свою къ народу
Ты, какъ измѣнникъ былъ въ плѣну!
Но душный мракъ тюрьмы холодной
Не погасилъ мечты борца,
Осталась мысль твоя свободной
И непреклонной до конца!
Когда, гонимый злобой черной,
Съ поднятой гордо головой

Ты всталъ на площади позорной,
Сіяла Правда надъ тобой!
Въ толпѣ, предавшейся злословью,
Душа прекрасная одна
Зажглась божественной любовью,
Жестокимъ зломъ потрясена!
Какъ символъ истины великой,
Къ твоимъ ногамъ упалъ вѣнокъ,
Чтобъ ты забылъ о злобѣ дикой
И зналъ, что здѣсь не одинокъ!
Свой крестъ понесъ ты въ край изгнанья,
Гдѣ мракъ, и холодъ, и снѣга,
Гдѣ было гордостью страданье.
И неизмѣнно дорога
Во тьмѣ грядущая свобода...
. . . .
Прошло пятнадцать долгихъ лѣтъ,
Какъ ты, великій сынъ народа,
Закрылъ глаза; но свѣжъ твой слѣдъ...
Идутъ другія поколѣнья,
Твой гордый духъ боготворя;
И близокъ день освобожденья,
Такъ долго жданная заря!

* * *

О, если-бъ колоколъ раздался въ тишинѣ,
И пробудились вы отъ сладостной дремоты
Съ мучительнымъ стыдомъ въ душевной глубинѣ
За ваши жалкія заботы.

За то, что вамъ покой приноситъ тишина,
Блаженства долгій путь рисуютъ ярко грезы,
Когда для многихъ жизнь, какъ мрачный склепъ темна,
Когда другіе слышатъ грозы!

Нѣтъ не встревожитъ васъ призывный громкій звонъ,
И не поймете вы, что гибнутъ ваши братья;
На смѣну сладкихъ грезъ ненарушимый сонъ
Откроетъ вамъ свои объятья.

Но, колоколъ, звони,—не всѣ мертвы сердца,
Быть можетъ, гдѣ-нибудь тревожно отзовутся...
Смѣлѣе пой, поэтъ, до грустнаго конца,
Когда всѣ струны оборвутся!

Маякъ.

О, вѣрьте,—свѣтъ неугасимъ—
И ночь безсильна передъ нимъ!
Пусть мракъ чернѣетъ въ океанѣ,
И на сіянье маяка
Летятъ сѣдыя облака
И волны въ гнѣвномъ ураганѣ.

Спокойный, вѣрный стражъ морей
Въ такую ночь еще свѣтлѣй!
И кто, застигнутъ бурей черной,
Увидитъ свѣтъ на гребняхъ волнъ,
Тотъ устоитъ, отваги полнъ,
Въ борьбѣ тяжелой и упорной!

* * *

Не называй безумными мечты,
Когда онѣ, какъ яркій блескъ зарницы,
Пробудятъ мысль отъ праздной суеты,
Освѣтятъ жизнь, какъ душный мракъ темницы!

Не называй безумными слова,
Когда они огнемъ негодованья
Караютъ насъ за то, что жизнь мертва,
И насъ зовутъ на подвигъ и страданья!

Не называй безумными сердца
За ихъ любовь горячую къ отчизнѣ,—
И, не боясь терноваго вѣнца,
Иди впередъ—къ сіянью новой жизни!

Друзьямъ.

Пусть только для слабыхъ останутся слезы,
И молятъ пощады они у судьбы,—
Надъ нами безсильны суровыя грезы,
И мы предъ судьбою своей не рабы!

Но сильные волей и жаркою вѣрой,
Мы смѣло стремимся впередъ и впередъ!
Отъ жизни, какъ осень, холодной и сѣрой,
Отъ жизни, что душу и разумъ гнететъ!

Гдѣ мелкое счастье и жалкое горе,
Гдѣ рабское чувство сильнѣе цѣпей,—
И яркое солнце на вольномъ просторѣ
Изъ сумрака жизни не манитъ людей!

И насъ предаютъ эти люди злословью
За то, что пошли мы свободнымъ путемъ,
И краю родному съ горячей любовью
Всѣ силы и думы свои отдаемъ!

Когда все въ природѣ сковали морозы,
Одинъ только ключъ не смолкаетъ и бьетъ,—
Когда всѣхъ пугаютъ суровыя грозы,
Еще мы смѣлѣе стремимся впередъ!

* * *

Какъ звѣзды на темномъ небосводѣ,
Погибшихъ жертвъ не сосчитать...
Стремились смѣлые къ свободѣ,
Чтобъ за свободу умирать!
Съ благоговѣніемъ колѣни
Склонить предъ ними мы должны,
Всходя на свѣтлыя ступени
Подъ знамя новое страны.
Сибири глубь, снѣговъ пустыни—
Темницы, цѣпи, эшафотъ—
Для насъ нетлѣнныя святыни,
Въ крови зардѣвшейся восходъ!
И будетъ тамъ могучей силы
Источникъ вѣчный для сердецъ
Гдѣ безымянныя могилы
Хранятъ безсмертія вѣнецъ!

Л. РАДИНЪ.

* * *

Снова я слышу родную «лучину».
Сколько въ ней горя, страданья и слезъ!
Видно, свою вѣковую кручину
Пахарь въ нее перенесъ.

Сидя за прялкой въ осеннюю вьюгу,
Пѣла, быть можетъ, крестьянка въ тиши
И повѣряла той пѣснѣ, какъ другу,
Жгучую скорбь наболѣвшей души.

Полно! Довольно про горе ты пѣла...
Прочь этотъ грустный, унылый напѣвъ!
Надо, чтобъ пѣсня отвагой гремѣла,
Въ сердцѣ будила спасительный гнѣвъ!

Зрѣетъ въ народѣ могучая сила.
Край нашъ стоитъ на широкомъ пути.
То, что страдалица мать выносила,
Сынъ богатырь не захочетъ снести.

Мысли живой не задушитъ въ немъ голодъ,
Силъ молодыхъ не надломитъ борьба,
Смѣло возьметъ онъ тяжелый свой молотъ
И разобьетъ имъ оковы раба.

* * *

Смѣлѣй, друзья, идемъ впередъ,
Будя въ сердцахъ живое пламя!
И наше дѣло не умретъ,
Не сломятъ бури наше знамя!

Побѣды ужъ не долго ждать!
Проснулась мысль въ средѣ рабочихъ,
И зрѣетъ молодая рать
Въ нѣмой тиши зловѣщей ночи.

Она созрѣетъ... и тогда,
Стряхнувъ, какъ сонъ, свои оковы,
Подъ краснымъ знаменемъ труда
Проснется Русь для жизни новой.

ДМ. ФРИДБЕРГЪ.

Столпились мы въ притворѣ храма,
Тѣснило ожиданье насъ.
Въ волнахъ тяжелыхъ ѳиміама
На алтарѣ свѣтильникъ гасъ.

Широко вкругъ синѣло поле,
Смѣялось небо на зарѣ.
Благословенна жизнь на волѣ,
И смерть въ мечтахъ на алтарѣ...

СКИТАЛЕЦЪ.

Гуслярь.

Гусли звонкія рокочутъ и звенятъ,
Про веселье чистой трелью говорятъ,
Мысли—пѣсни напѣваю я струнамъ—
Вольный вѣтеръ ихъ разноситъ по полямъ.
Гусли—мысли, да веселыхъ пѣсенъ даръ
Далъ въ наслѣдство мнѣ мой батюшка-гусляръ,
Гусляромъ быть доля выпала и мнѣ—
Сѣять пѣсни по родимой сторонѣ.
Я иду, накинувъ бѣдный мой нарядъ—
Гусли звонкія рокочутъ и звенятъ.
Прохожу по полямъ, по горамъ—
Напѣваю я пѣсни вѣтрамъ,
А какъ выйду на Волгу-рѣку—
Отдохнуть прихожу къ кабаку.
Тамъ, по праздникамъ пьетъ и поетъ,
Веселится рабочій народъ.
Какъ ударю я въ струны мои,—
Замолчатъ надъ рѣкой соловьи,
Разливаются пѣсни кругомъ—серебромъ!
Солнце выйдетъ, смѣясь изъ-за тучъ
А народъ-то, какъ солнце, могучъ!
Цѣловальникъ мнѣ цѣдитъ вина,
Да душа и безъ чарки полна!
Только мѣдныя струны звенятъ—говорятъ!
Коли пить—пей ковшомъ,
Бить—такъ бей кистенемъ:
Вѣдь, всегда тому честь,
Кто во всемъ будетъ весь!

Эхъ, какъ громко струны мѣдныя звенятъ,
Слышитъ ихъ владѣлецъ каменныхъ палатъ!
На душѣ его осенняя пора—
И зоветъ онъ молодого гусляра:
«Ты сыграй-ко, пѣсню грустную запой,
Чтобъ омылъ я душу грѣшную слезой;
Успокой ты совѣсть нѣжную мою:
Я тебя и накормлю, и напою!
Пусть о томъ, что я народу—добрый братъ
Гусли звонкія рокочутъ и звенятъ!»
Я вхожу во дворецъ къ богачу
И ковры дорогіе топчу:
Полны скуки, тоски и мольбы,
Тамъ живутъ сытой жизни рабы.
Я пою имъ, шутя и смѣясь:
На душѣ у васъ копоть и грязь!
Не спою я вамъ пѣсни такой,
Чтобы васъ очищала собой!
Пусть лежитъ у васъ на сердцѣ тѣнь,
Пѣснь моя не понравится вамъ:
Зазвенитъ она, словно кистень
По пустымъ головамъ!
«Земля у насъ истощена!
Чего просить у ней?
Бурьянъ сухой родитъ она
И ядовитыхъ змѣй!
Вотъ я змѣей вползаю къ вамъ
И пѣснѣй жалю васъ:
Я только ядъ и раны дамъ,
А муки—Богъ вамъ дастъ!
Я къ вамъ явился возвѣстить:
Жизнь казни вашей ждетъ!
Жизнь хочетъ вамъ нещадно мстить:
Она за мной идетъ!...»

Ахъ, не кончилъ эту пѣсенку гусляръ.
Не приходитъ онъ на людный на базаръ
Не видать его въ царевомъ кабакѣ,
И не слышно звонкихъ пѣсенъ на рѣкѣ.
Только видно: у тюремныхъ, у воротъ,
Каждый вечеръ собирается народъ,
А изъ башни пѣсни льются-говорятъ,
Гусли звонкія рокочутъ и звенятъ!

Памяти Чехова.

Неумолимый рокъ унесъ его въ могилу.
Болѣзнь тяжелая туда его свела.
Она была—въ груди и всюду съ нимъ ходила:
Вся жизнь страны родной—болѣзнь его была!

Пророки и вожди, кипя душой мятежной,
Могли быть гнѣвными, могли, любя, карать.
А онъ любилъ людей такой любовью нѣжной,
Какъ любитъ женщина, какъ любитъ только мать.

Печали жгучій ядъ онъ выпилъ полной чашей,
Впиталъ въ себя всю грусть, глубокій, какъ родникъ.
И былъ отравленъ онъ тоскою жизни нашей,
Терпѣніемъ рабовъ и тупостью владыкъ.

Дыханье пошлости ему дышать мѣшало.
До гроба мучила холодная вражда.
И наконецъ, толпа любовью истерзала.
Но былъ онъ одинокъ повсюду и всегда.

Онъ жилъ подъ темною, загадочною властью,
Судьбы насмѣшливой, безчувственной и злой,
И капля каждая имъ выпитаго счастья
Была отравлена невидимой рукой.

И, поздно понятый, судимый такъ напрасно,
Онъ умеръ оттого, что слишкомъ жизнь бѣдна,
Что люди на землѣ и грубы, и несчастны,
Что стонетъ подъ ярмомъ родная сторона.

И, оставляя міръ, онъ звалъ тебя, свободу,
Послѣдній вздохъ его уже звучалъ тобой,
Онъ чувствовалъ, что даль таитъ лучи восхода,
А ночь еще сильна и давитъ край родной.

О родина моя, ты вознесешь моленья
И тѣнь прекрасную благословишь, любя.
Но прокляни же ты проклятіемъ презрѣнья
Бездушныхъ торгашей, что продаютъ тебя:

Пусть смерть его падетъ на гадовъ дряхлой злобы,
Чьи руки черствыя обагрены въ крови,
Кто добивалъ его, а послѣ былъ у гроба,
И громче всѣхъ кричатъ о дружбѣ и любви!

Блесни надъ родиной могучее свѣтило,
Птицъ ночи разгони, пронзи ночную тѣнь
И, возрождая жизнь надъ темною могилой,
Приди, торжественный, давно желанный день!

Алмазы.

Насъ давятъ, насъ тяжко гнетутъ!
Надъ нами—слои вѣковые,
И горныя цѣпи идутъ,
Вершины блестятъ снѣговыя.

Холодныя головы горъ
Насъ давятъ рудой и гранитомъ...
Ни чей мы не радуемъ взоръ,
Намъ душно, въ могилѣ зарытымъ!

И твердыми сдѣлались мы,
И чуднымъ огнемъ заблистали
Отъ тяжести горъ и тюрьмы,
Отъ злобы, тоски и печали!

Узникъ.

Ржавый ключъ, какъ будто звѣрь,
Мой замокъ грызетъ сурово,
И окованную дверь
Затворили на засовы.

Въ круглой башнѣ я сижу,
Сверху—тусклое оконце:
Изъ потемокъ я гляжу,
Какъ сіяетъ въ небѣ солнце.

Серебрятся облака,
Въ синемъ небѣ тихо таютъ,
И орелъ издалека
Свой привѣтъ мнѣ посылаетъ.

Онъ клекочетъ... Въ облакахъ
Смѣло, гордо рѣетъ птица...
Я же брошенъ здѣсь во прахъ,
Въ эту мрачную темницу.

Я одинъ въ рукахъ враговъ.
Кто разскажетъ тамъ, на волѣ,
Какъ за братьевъ и отцовъ
Честно палъ я въ чистомъ полѣ?

Какъ въ плѣну окончилъ путь,
Какъ меня оковы точатъ,
Какъ жестоко раненъ въ грудь?
«Я скажу»,—орелъ клекочетъ....

* * *

О, когда-бы я витяземъ былъ молодымъ!
Я-бъ грозой полетѣлъ на крылатомъ конѣ,
Я сказалъ-бы коню: «мой товарищъ, бѣжимъ
Къ затопленной слезами и кровью странѣ,
О, туда, гдѣ великая битва идетъ!...
И мы вырвемъ у смерти несчастный народъ!
Поспѣшимъ, честь поругана!

Если-бъ силу вести за собой я умѣлъ!
Я-бы кличъ прокричалъ по родной сторонѣ!
Храбрецы отовсюду стеклись-бы ко мнѣ,
Громъ тогда-бы изъ пушекъ моихъ загремѣлъ,
Колыхнулись-бы арміи грозной полки
И сверкнули-бъ на солнце штыки!
Поспѣшимъ! честь поругана!

Если-бъ Богомъ я былъ хоть на день на одинъ!
О, тогда предъ судомъ-бы моимъ до зари
Поравнялся-бы съ бѣднымъ рабомъ господинъ
Поблѣднѣли-бы въ пышныхъ чертогахъ цари!

А народу—съ небесъ
Я-бы пролилъ потоки чудесъ!
Поспѣшимъ, честь поругана!
Поспѣшимъ! но вѣдь я только бѣдный пѣвецъ!
О, владыка небесъ, я взываю къ Тебѣ:
Ты—надежда людей, ты—свободы отецъ!
Дай-же голосъ мнѣ, голосъ, подобный трубѣ,
Чтобы скорбь свою міру я могъ возвѣстить,
Что-бъ я могъ на весь міръ протрубить:
Поспѣшимъ, честь поругана!

Кузнецъ.

Не красива пѣснь моя—
Знаю я!
Не похожъ я на пѣвца,
Я похожъ на кузнеца.
Я для кузницы рожденъ,
Я силенъ!
Пышетъ горнъ въ груди моей,
Не слова, а угли въ ней!
Пѣсню молотомъ кую,
Раздуваетъ пѣснь мою
Грусть моя!
Въ искрахъ я!
Я хотѣлъ бы васъ любить,
Но не въ силахъ нѣжнымъ быть—
Нѣтъ, я грубъ!
Ласки сумрачны мои,
Не идутъ слова мои
Съ жаркихъ губъ.
Кто-то въ сердце шепчетъ мнѣ:
Слишкомъ прямъ ты и суровъ—
Не скуешь ты нѣжныхъ словъ
На огнѣ!
Лучше молотъ кузнеца
Подними въ рукѣ твоей
И въ желѣзныя сердца
Бей!

ИВАНЪ РУКАВИШНИКОВЪ.

* * *

Кто за насъ—иди за нами!
И сомкнутыми рядами
Мы пройдемъ надъ головами
Опрокинутыхъ враговъ.
Кто за насъ—иди за нами,
Чтобы не было рабовъ!
Кто мы! Насъ много. Мы—люди великой свободы.
Мы за страданья доступнаго счастья хотимъ.
Родина! Родина! Даромъ пропавшіе годы,
Даромъ пропавшую мощь мы тебѣ возвратимъ.
Кто за насъ—иди за нами!
Мы возможнаго хотимъ.
Мы свой хлѣбъ беремъ горбами.
Русь вѣка питалась нами.
Мы на Волгѣ бурлаками;
Подъ камнями съ фонарями
Мы за тачками бѣжимъ;
По желѣзу молотками
Мы стучимъ, стучимъ, стучимъ.
Кровью горячей мы рабство вѣками поили.
Рабство падетъ отъ ударовъ житейскихъ наукъ.
Все впереди. Не напрасно года проходили.
Прадѣдъ не зналъ, до чего дострадается внукъ.
Кто за насъ—иди за нами!
Мы пойдемъ впередъ толпами.
Жизнь и правда насъ зовутъ.
Будутъ дни... Блестя штыками,
На своихъ свои пойдутъ,
Но не разъ враги предъ нами
Жерла пушекъ повернутъ.
Вѣчная память погибшимъ за дѣло святое.
Вѣчная память замученнымъ въ тюрьмахъ гнилыхъ.
Вѣчная память сказавшимъ намъ слово живое.
Вѣчная память... И месть за нихъ.

Три знамени.

Надъ землею вьется знамя, знамя черное.
Знамя черное, громадное, какъ туча.
Стонетъ, плачетъ чья-то грудь подъ пыткою.
Долго стонетъ... Какъ она могуча!

Въ грудь могучую,
Въ грудь живучую,
Злымъ судьей на смерть осужденную,
Кто-то сталь вонзилъ раскаленную.
Кто?
Кто этотъ великанъ, сваливш͏ій великана?
Какъ шла борьба? Великая борьба?
Судьба-ли это? Или не судьба?
И не было-ли здѣсь обмана?

Не видно ничего. Откуда тьма кругомъ?
А! Знамя черное родила эту тьму.
Чуть слышно борется замученный съ врагомъ.
Куда вошелъ я? Въ тюрьму.
Вотъ знамя черное замкнулось аркой свода.
Какъ душно здѣсь! И хочется кричать.

И я рванулся. Закричалъ:—Свобода!—
А эхо мнѣ отвѣтило:— Молчать!—

Тюрьма. Мы всѣ живемъ въ тюрьмѣ,
Подъ чернымъ знаменемъ окаменѣлымъ.
Въ тюрьмѣ, гдѣ можно лишь страдать душой и тѣломъ
Иль ползать гадами во тьмѣ.
Во тьмѣ! Во тьмѣ!

Вы, что́ родились
Подъ чернымъ знаменемъ,
Подъ страшнымъ символомъ бича и тьмы,
Давайте грезить
О свѣтломъ времени,
О дняхъ паденія твердынь тюрьмы.
Давайте грезить.
Вотъ знамя черное
Въ клочки изорвано. Горитъ въ кострахъ.
Тюрьма упала.
Бѣгутъ тюремщики,
Въ преступныхъ душахъ ихъ и злость, и страхъ.
Ужъ мы свободны.
Вотъ символъ новаго—
Мы знамя бѣлое несемъ впередъ.
Ужъ мы не стадо
Рабовъ закованныхъ.
Ужъ мы— стихія. Ужъ мы—народъ.
Проходятъ годы.
И трудъ свободнаго,
И геній смѣлаго творятъ, творятъ.
Надъ нами знамя,
Святое, бѣлое,
И нѣтъ возврата намъ въ тюрьму, назадъ.

Но кто это? Кто тамъ? Подходятъ сюда...
Ихъ много. Какъ много... Все страшныя лица.
Эй! Кто вы, бродяги? Вонъ наша граница!
Здѣсь строится мирное царство труда.
Эй! Кто вы бродяги? Откуда? Куда?

— Не бродяги мы. Не люди мы.
Мы—лишь призраки людей.
Стоны, слезы—мы. Мы вырвались
Изъ раздавленныхъ грудей,
Наше небо—пропасть черная,
Каждый день нашъ—черный день.
Мы изъ тюремъ идемъ, изъ каторги,
Изъ голодныхъ деревень.
Тамъ религія—безправіе.
Тамъ пророки—палачи.
Тамъ земля и стѣны шепчутъ:
— Эй! Молчи!—

А! Страшно мнѣ. Сквозь тьму, сквозь стѣны
Я вижу все. Я вижу все.
Вонъ ночью вѣшаютъ кого-то,
Вонъ бьютъ кого-то... по лицу...
А! Страшно. Гдѣ мой сонъ прекрасный?
Гдѣ знамя бѣлое мое?
Въ моей душѣ нѣтъ ликованія,
Но гнѣвъ растетъ въ моей душѣ.
И вижу я теперь не знамя бѣлое—
Вонъ знамя красное, какъ зарево горитъ.
Я слышу дикій крикъ: «О! будьте прокляты!»
И знаю я, кому и кто кричитъ.
И хочется и мнѣ кричать: «О! будьте прокляты!»
Бѣжать и оставлять кровавый слѣдъ.
И хочется поднять стаканъ вина безумнаго,
Вина кроваваго,
И пить, и пить за красный цвѣтъ...

За мной.

Въ борьбу! Въ борьбу!
Въ борьбу за жизнь, за совершенство.
Въ борьбу за вѣчное блаженство!
Идемъ въ борьбу! Идемъ въ борьбу!
Мы разобьемъ врага—Судьбу!
Въ борьбу! Въ борьбу!

Надъ нашимъ міромъ, сномъ объятымъ,
Гляди: Лежитъ чудовищемъ хвостатымъ,
Лѣнивою, увѣренной змѣей,
Лежитъ надъ грязною землей
Нашъ врагъ—Судьба.
Пусть загремитъ борьба съ чудовищемъ проклятымъ.
Борьба! Борьба!

Лежитъ чудовище надъ нами,
Лежитъ чудовище проклятое,
Лежитъ чудовище хвостатое,
Чтобы мы не сдѣлались богами.
Лежитъ оно безсмѣннымъ стражемъ,
Чтобъ небо было лишь миражемъ
Всегда надъ нами.

Убьемъ врага! Убьемъ Судьбу!
Въ борьбу! Въ борьбу!
Врагъ будетъ мертвъ. Но сквозь вѣка безсчотные,
Но сквозь вѣка безцѣльно-беззаботные
Должны пройти рабы земные
Подъ тяжестью грѣха, какъ подъ мѣшко́мъ свинца,
Чтобы вступить во времена иныя,
Въ начало свѣтлаго конца.

Но, можетъ быть, пройдутъ вѣка унылые,
Какъ тысячи такихъ уже прошли,
И такъ-же будутъ спать безкрылые,
И такъ-же будутъ спать унылые

Рабы земли.
Пусть такъ. Пусть такъ. Но жалкаго терпѣнья,
Но сна души я не хочу.
Я полечу одинъ съ гнилыхъ болотъ забвенья,
Я полечу наверхъ съ гнилыхъ болотъ терпѣнья.
Съ гнилыхъ болотъ на крыльяхъ вдохновенья
Я полечу.

Приближусь я къ чудовищу хвостатому
И такъ скажу ему, проклятому:
— Пусти меня, проклятый, къ небесамъ!—
Пропуститъ змѣй. Онъ испугается.
Вѣдь онъ проклятый, сомнѣвается,
Что даромъ я себя ему отдамъ.
Онъ чуетъ месть души моей обиженной,
Земнымъ томленіемъ униженной;
Онъ чуетъ месть моей святой души.
Боится онъ копья-святыни,
Которое я выковалъ въ тиши,
Въ пескахъ пустыни.

Пусть я одинъ прорвусь съ копьемъ въ рукахъ,
Прорвусь межъ черныхъ лапъ урода-змѣя;
Прорвусь, найдя себя и потерявши страхъ,
Найдя себя, создавъ себя и смѣя.

Пусть я одинъ. Но почему одинъ?
Ну, отвѣчайте мнѣ зачѣмъ вы такъ убоги?
Богами были вы. Теперь вы полубоги.
А каждый для себя и рабъ и господинъ.
Пусть я одинъ. Но почему одинъ?
Я—полубогъ. Вы—полубоги.
Я не одинъ.

Уйдите на года въ безбрежныя пустыни.
И въ васъ проснется духъ святыни,
Вы выкуете копья для борьбы
Съ врагомъ, съ чудовищемъ судьбы.

За мной! За мной рожденные рабами,
За мной! Чтобъ стать полубогами!
Мы первые орлы тоски земной.
За мной! вѣдь небо-же не камни-же надъ нами...
За мной! За мной!

Въ рубнщѣ... въ золотѣ...

Я пришелъ къ вамъ въ рубищѣ, плачущій, измученный.
Я пришелъ къ вамъ въ рубищѣ, дряхлый и больной.
Муки человѣчества, все его отчаянье,
Все его безуміе—все на мнѣ, со мной.
Я пришелъ въ полуночи, страшный, окровавленный,
Снятый бѣлымъ ангеломъ съ чернаго креста.
Не лечилъ я ранъ своихъ. Я все шелъ...
Смотрите же!
Грязный я. Израненный. Лишь душа чиста.
Страшенъ я. Душа чиста.
Я пришелъ. Сошелъ съ креста.
Я висѣлъ, висѣлъ вѣка надъ черной бездною.
На крестѣ висѣлъ съ улыбкой мертвеца.
Духъ мой, мозгъ мой, духъ и мозгъ мой стали бездною.
Я воскресъ. Пришелъ чтобъ пѣснею, какъ саблею желѣзною,
Разсѣкать сердца.
Я пришелъ, чтобъ саблею желѣзною
Вскрыть сердца, не бывшія надъ бездною.
Вскрыть сердца. Вложить въ сердца
Жажду вѣчнаго исканія,
Жажду гордаго страданія,
Всепрощенье пониманія,
Тайный смыслъ чередованія
Лжи и правды безъ конца.

Вы, любовью обойденные,
Вы, судьбою оскорбленные,
Оскорбленные людьми,
Вы, невинно заключенные,
Я вамъ всѣмъ шепчу:—Пойми.
Всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ шепчу:—Пойми.
Не подумай ты, что нѣтъ во мнѣ любви.
Выну душу я... Ты видишь—вся въ крови.
Осмотри ее. Возьми,
И пойми. Пойми, пойми.
Все пойми.
Вамъ любимцы счастья сытаго,
Счастья въ пошлости зарытаго,
Я вамъ всѣмъ скажу:—Пойми.
Посмотри на все, что взялъ ты,
Вспомни все, что потерялъ ты,
И, вздохнувъ, пойми.
Вамъ, слѣпые лжеучители,
Вамъ, унылые носители
Одряхлѣвшихъ правдъ земли,
Вамъ противные мучители,
Вамъ, гнилая грязь земли,
Я и вамъ скажу:—Пойми... И боли.
Пойми... И боли.
Вамъ, кто ни холоденъ, ни горячъ,
Вамъ, кому равно безцѣльный звонъ
Ложь и правда, хохотъ и плачъ,
Вамъ, кому имя—Легіонъ,
Я и вамъ всѣмъ скажу:—Пойми.
Загляни въ себя и найдешь
Цѣлый міръ, потерянный тобой.
Стой. Стой. Куда ты идешь?
Иди въ бой!

Къ врагамъ, или къ намъ!
Будь здѣсь, или тамъ!
Но въ бой!
Это вамъ я, вамъ я говорю,
Вамъ, кому имя Легіонъ;
Вамъ, кто ни холоденъ, ни горячъ.

Я пришелъ къ вамъ въ рубищѣ, умудренный опытомъ,
Опытомъ страданія мыслящей души.
Я пришелъ измученный. Не лечилъ я ранъ своихъ,
Не стиралъ я слезъ своихъ. Слезы хороши.
О! Страданья хороши!
Это пища для души.
Но и ты страдать спѣши,
Братъ.

Я пришелъ къ вамъ ищущій, чтобъ сказать вамъ ищущимъ:
Надѣвайте рубища на тѣла свои.
Надѣвайте рубища, рубища исканія,
Рубища страданія, рубища любви.
Въ каждомъ есть божественный,
Гордый, сильный, радостный
Духъ.
Въ каждомъ есть загаженный,
Подлой лѣнью дышащій
Звѣрь.
Пусть умретъ поганый звѣрь!
Пусть окрѣпнетъ вѣчный духъ!
А пока въ тебѣ огонь не потухъ,
Вѣрь!
Да возникнетъ радостный, полубогъ воинственный,
Ликованьемъ дышащій! Да живетъ мечта!
Я пришелъ къ вамъ, плачущій, старый страшной старостью,
Я вамъ земно кланяюсь, снятый со креста.
Я пришелъ къ вамъ въ рубищѣ...

*

... Я пришелъ къ вамъ въ золотѣ. Молодой. Красивый.
Я пришелъ къ вамъ въ золотѣ. Слышите— звенитъ!
Я прошелъ исканія. Я—уже нашедшій,
Былъ я воскъ слезящійся, сталъ—гранитъ.
Я пришелъ къ вамъ въ золотѣ, чтобъ одѣть васъ въ золото,
Въ ризы побѣдителей пошлости земной.
Я пришелъ къ вамъ въ золотѣ, чтобъ вселить въ васъ демона.
Демонъ гордой смѣлости вьется надо мной.

Пусть онъ вьется и надъ вами,
Этотъ демонъ красоты,
Красоты великой воли
И достигнутой мечты.
Ты, прошедшій сквозь страданія,
Побѣдившій испытанія,
Ты, шептавшій:—Я найду.
Ты, потомъ, ставъ побѣдителемъ,
Крикнешь всѣмъ врагамъ, хулителямъ:
— Прочь съ дороги! Я иду!
Прочь съ дороги! Я иду!—
Вотъ я вижу васъ иными.
Всѣ вы въ золото одѣты.
Провалились и забылись
Стародавніе завѣты.
Вотъ вы мыслите свободно.
Вотъ вы любите свободно.
Вамъ какъ глупость, глупость дѣтства,
Вспомнить прошлое смѣшно.
Въ каждомъ—Богъ; прекрасный, смѣлый,
Гордо-смѣлый! Мощно-смѣлый!
И никто уже не шепчетъ: Мнѣ отъ Бога не дано.
Въ каждомъ Богъ ужасный, смѣлый,
Дико-смѣлый, властно-смѣлый...
Здравствуй Солнце! Здравствуй Геній!
Здравствуй Новый Человѣкъ!

Л. АНДРУСОНЪ.

* * *

Спитъ городъ проклятый... Въ холодномъ туманѣ
Спятъ улицы темной дома.
Не слышно ни смѣха, ни горькихъ рыданій—
Безмолвна зловѣщая тьма.
Все тихо. Мой мальчикъ больной и голодный,
Измученный крикомъ, прильнулъ
Привычнымъ движеніемъ къ груди безплодной
И съ тихой улыбкой уснулъ.
Сегодня накормитъ насъ городъ огромный,
Ночь скроетъ мой новый позоръ.
Безшумно крадусь я вдоль улицы темной,
Крадусь боязливо, какъ воръ.
И слушаю полночь зловѣще-нѣмую.

Вотъ звуки далекихъ шаговъ...
Кто купитъ мою красоту молодую,
Голоднаго тѣла любовь?...

Каменщикъ.

Весь день подъ огнемъ раскаленныхъ лучей
Я молотомъ звонкимъ на грудѣ камней
Горячій булыжникъ дроблю.
Потъ грязный съ лица запыленнаго льетъ,
Пыль острая грудь мою рѣжетъ и жжетъ,
А я все стучу, все стучу...
У пыльной дороги, на грудѣ камней,
Въ могилу себя вколочу!

Какъ птицы, летятъ надо мной облака.
Лѣсъ темный синѣетъ вдали... А рука
Безъ устали молотомъ бьетъ.
Пыль тонкая вьется, хруститъ на зубахъ
И душитъ... Отъ боли темнѣетъ въ глазахъ...
А я все стучу, все стучу.
На волѣ, у тихихъ, зеленыхъ полей,
Въ могилу себя вколочу!

А въ городѣ,—тамъ,—цѣлый день надъ станкомъ
Склоняется дѣвушка съ блѣднымъ лицомъ,
Подъ бѣшеный грохотъ машинъ...
Бей, молотъ мой, въ камни проклятые, бей!
Она будетъ скоро женою моей...
Я буду стучать, какъ стучу,
Стучать,—и въ могилу ее и себя,
Ее и себя вколочу!

За работой.

Колёса вертятся, машины стучатъ,
Челны по основамъ снуютъ,
Глаза за движеніемъ нитей слѣдятъ,
И руки безъ устали ткутъ.
Ткутъ руки; потъ градомъ катится съ лица,
Въ грудь молотомъ сердце стучитъ...
А нити ползутъ да ползутъ безъ конца,
Подъ грохотъ работа кипитъ!
А тамъ, за стѣной, далеко-далеко
Лѣса и раздолье полей;
Тамъ дышется груди привольно-легко
Подъ тѣнью зеленыхъ вѣтвей.
Прохладно въ тѣни на опушкѣ лѣсной,
И тихо, такъ тихо кругомъ...
Волнуется рожь... Тучки свѣтлой грядой
Въ просторѣ плывутъ голубомъ...
— На волю, на волю изъ душной тюрьмы
Безсонныхъ заботъ и труда!
Машины стучатъ: «Никогда, никогда!»
Здѣсь вѣчные узники мы.
Какъ въ бѣшеной пляскѣ, колеса бѣгутъ,
Ремни, извиваясь, шипятъ;
Проклятыя нити ползутъ да ползутъ,
Машины хохочутъ, гремятъ:
«Безплодныя думы, пустыя мечты—
Лѣса и раздолье полей!
Не люди вы, дѣти больной суеты,
Вы—блѣдныя тѣни людей!»
Безплодныя думы, пустыя мечты...
Сырые подвалы, нужда,
Да холодъ, да голодъ, позоръ нищеты—
Вотъ плата за муки труда!
Ни смѣха, ни пѣсенъ... порою въ глазахъ
Безсильная злоба блеснетъ,
Слеза задрожитъ, на безкровныхъ губахъ
Безсильно проклятье замретъ,
Да руки съ угрозой сожмутся и... ткутъ!
Мы ткемъ, мы безъ устали ткемъ,
Проклятыя нити ползутъ да ползутъ,
Бѣжитъ и спѣшитъ все кругомъ...
«Скорѣе, скорѣй!»—погоняютъ станки.
Могучіе взмахи колесъ...
А въ сердцѣ такъ много безумной тоски,
Такъ много отчаянныхъ слезъ!
Скорѣе!... И тѣло, и воля въ цѣпяхъ...
Покорно мы ткемъ... А потомъ,
Какъ силы не станетъ въ изсохшихъ рукахъ
Мы въ грязныхъ подвалахъ умремъ...
Ткемъ... Тучи удушливой пыли висятъ,
Надъ нами дрожатъ и плывутъ...
Колеса вертятся, машины стучатъ
Проклятыя нити ползутъ.

Швея.

За окномъ синѣетъ небо,
За окномъ весна.
Цѣлый день въ каморкѣ тѣсной
Грустно шьетъ она.

Цѣлый день до поздней ночи
Съ мѣста не встаетъ:
Шьетъ, спины не разгибая,
Торопливо шьетъ.

Въ синемъ небѣ рѣютъ стаи
Бѣлыхъ облаковъ,
Вѣтеръ дышитъ ароматомъ
Полевыхъ цвѣтовъ,

Льетъ полей далекихъ свѣжесть
Въ комнату швеи...

Шьетъ она. А сердце проситъ
Счастья и любви.

Шьетъ она. Стучитъ машинка,
Полотно шуршитъ.
Дума черная тоскою
Сердце ей щемитъ.

«Безъ любви, одна, въ неволѣ,
Въ четырехъ стѣнахъ
Чахну здѣсь я за работой,
За шитьемъ въ рукахъ.

«Какъ цвѣтокъ безъ солнца, вянетъ
Молодость моя.
Отдохнуть бы хоть! устала;
Истомилась я!

«Истомилась, изболѣлась
Надъ работой грудь!
Убѣжать бы въ лѣсъ и въ поле!
Разъ хоть отдохнуть!»

Слезы душатъ, застилаютъ
Мглою ей глаза.
Шьетъ она. Невольно льется
За слезой слеза...

Въ небѣ жаворонокъ звонко,
Весело поетъ.
Вдаль—туда, гдѣ лѣсъ и поле,
Облако плыветъ...

Шьетъ она. Нѣтъ больше мочи!
Больно, больно вдругъ
Стало на сердцѣ, работа
Выпала изъ рукъ...

Слезы хлынули... И долго,
Долго у окна,
Безутѣшно, горько плачетъ,
Какъ дитя, она...

А весенній теплый вѣтеръ
Свѣжестью полей
Вольно вѣетъ, расплетая
Прядь ея кудрей,

И ласкаетъ и цѣлуетъ:
«Полно слезы лить,—
Горькой участи не могутъ
Слезы облегчить...»

И опять слились въ докучный,
Монотонный звукъ
Полотна унылый шорохъ
И машинки стукъ.

Сонъ.

Въ безвѣстную даль, одинокій, бездомный
Въ пустынѣ сыпучими шелъ я песками;
Жгло солнце усталую грудь.
И труденъ былъ путь мой далекій и темный, —
Весь острыми былъ онъ усѣянъ камнями...
Я шелъ, я не смѣлъ отдохнуть!
Безоблачно небо... Конца нѣтъ дорогѣ...
Все шелъ я... Вдали разстилался свинцовый
Удушливый, знойный туманъ...
Мнѣ острые камни изрѣзали ноги;
Кровь слѣдъ на пескѣ оставляя багровый,
По каплямъ сочилась изъ ранъ.
Отъ боли въ глазахъ все порою мутилось...
Я падалъ... Отчаянья слезы кипѣли
Въ моей наболѣвшей груди...
Умру, не дойду до невѣдомой цѣли...
Но сердце отвагой и мужествомъ билось, —
«Иди,—мнѣ твердило,—иди!»
И, властною жаждою жить окрыленный,
Шелъ дальше я моремъ пустыни безбрежной,
Вновь падалъ и снова вставалъ;
И снова, въ порывѣ тоски безнадежной,
Безсильный, лежалъ на землѣ раскаленной;—
Какъ трупъ неподвижно лежалъ.
И видѣлъ, какъ въ небѣ высóко-высóко,
Могучими гордо блистая крылами,
Парилъ надо мною орелъ.
Свободный, какъ я, и, какъ я, одинокій,—
«Иди!—мнѣ кричалъ онъ,—тамъ жизнь за песками...»
И медленно дальше я шелъ...

Н. ШРЕЙТЕРЪ

Изъ южныхъ мелодій.

Точно кровь, заря пылаетъ...
Въ пѣнѣ вся, мрачна, грозна,
Глухо въ скалы ударяетъ
Раздраженная волна.
Старый лѣсъ, стряхнувшій чары,
Шумомъ листьевъ вторитъ ей...
Все сильнѣй волны удары,
Все угрюмѣй хоръ вѣтвей.
Въ бурномъ ревѣ непогоды
Погребальный слышенъ звонъ,
Крикъ тоски, проклятье, стонъ
И могучій гимнъ свободы!

Къ солнцу.

Пока я живъ—не отступлю!...
Пускай чернѣетъ ночь угрюмо,—
Въ душѣ цвѣтетъ о солнцѣ дума,
Свободу я, какъ жизнь люблю.

Я не хочу за гранью скалъ,
Въ заливѣ, бурямъ недоступномъ,
Забыться мирно сномъ преступнымъ...
Неси впередъ могучій валъ!

* * *

Какъ звонъ цѣпей, мой стихъ угрюмъ,
Однообразенъ, однозвученъ,
Но я тоской суровыхъ думъ
И тяжкимъ гнетомъ зла измученъ!
Засну-ль,—все тотъ же дикій сонъ,
Глухая жизнь гнететъ кошмаромъ:
Я вижу стѣны, слышу стонъ...
И нѣтъ конца проклятымъ чарамъ!...

* * *

Прочь надоѣдливый напѣвъ,
Аккордъ ненужный и избитый—
Печальный звонъ души разбитой,
Безсильный, безполезный гнѣвъ!
Довольно людямъ слезъ своихъ,
Волненій цѣпи непрерывной
И стоновъ жизни заунывной...
Смирись, умолкни, грустный стихъ!
Твои слова—тяжелый бредъ:
Ты гордой силой вдохновенья
Не разрываешь будней звенья...
А бѣднымъ людятъ нуженъ свѣтъ!
Толпа, какъ узникъ за стѣной,
Томясь невзгодою суровой,
Живетъ мечтой о жизни новой,—
И нуженъ ей напѣвъ иной!

Въ гавани.

Рабочій шумный день свиститъ, звенитъ, грохочетъ,—
Не молкнетъ стукъ колесъ по жесткой мостовой...
Но суеты людской природа знать не хочетъ:
Сіяютъ небеса прозрачной синевой,
Лежитъ волна кругомъ лазурною пустыней
А, въ небо уходя, сверкаетъ гранью синей.
Съ тяжелой ношею, какъ мулы, другъ за другомъ
Они идутъ, идутъ... Нерасторжимымъ кругомъ
Ихъ жизнь очерчена. Сегодня—что вчера:
Тупой, тяжелый трудъ, гнетущій трудъ съ утра
До вечера... Ихъ жизнь течетъ, какъ сонъ угрюмый,
И мрачно въ ихъ сердцахъ, и бродятъ злыя думы.
По лицамъ бронзовымъ струится грязный потъ.
Мучительная власть страданій и заботъ
На лбу ихъ провела глубокія морщины
И молодымъ, порой, уже вплела сѣдины...
Кого здѣсь только нѣтъ! Суровая нужда
Волной страданія племенъ различья смыла —
И въ дружную семью ихъ всѣхъ объединила.

Вотъ—русскій, турокъ, грекъ... И гдѣ же ихъ вражда?!
Здѣсь только жалкій рабъ своей судьбы печальной,
Здѣсь только человѣкъ съ душой много-страдальной,
Раздавленный подъ молотомъ труда!

Засуха.

Я проѣзжалъ дорогою глухой.
Пустыня-степь со всѣхъ сторонъ лежала,
Былъ душенъ воздухъ, мертвый и сухой,
И чудилось—какъ тяжело больной,
Земля вокругъ томилась и стонала.
Сверкало солнце. Былъ палящій зной,
Клубилась пыль тяжелая съ дороги.
Молчалъ, дремалъ возница жалкій мой;
Худая кляча, съ острою спиной,
Едва-едва переставляла ноги.
То тутъ, то тамъ встрѣчались хутора.
Унылый видъ,—безжизненныя хаты...
Жестоко жгла іюльская жара
Нѣмой просторъ пустыннаго двора,
А за дворомъ безплодныхъ нивъ раскаты.
Навстрѣчу намъ нигдѣ изъ-подъ воротъ
Мохнатыя дворняжки не бѣжали...
«Прогнѣванъ Богъ! Пропалъ, пропалъ народъ!...»
Шепталъ ямщикъ, крестилъ, зѣвая, ротъ...
И дальше мы пустыней проѣзжали...

* * *

Ведетъ насъ трудная дорога
Подъ гнетомъ скорби, лжи и зла...
Но силъ могучихъ, смѣлыхъ много,
И даль грядущаго свѣтла!
Высокихъ дѣлъ живыя звенья,
На благо общее людей,
Куютъ и наши поколѣнья,
И не страшитъ ихъ звонъ цѣпей.
Святыя жертвы, кровь и слезы
Необходимы для земли,
Чтобъ счастья пламенныя розы
Въ лучахъ свободы расцвѣли!...

* * *

Разорваны звенья тяжелаго сна,
Шумитъ предразсвѣтный прибой...
Вздымается жизни могучей волна,
И близокъ ужъ день золотой!

Потоками хлынетъ сверкающій свѣтъ,
Умолкнутъ проклятья и стонъ...
И грянетъ, великимъ страданьемъ въ отвѣтъ,
Свободы торжественный звонъ!

ЛЕОНИДЪ Б.

Старый городъ.

Люблю тебя, о, Новгородъ Великій,
Люблю твой грустный видъ:
Твой Кремль, поросшій павиликой,
О многомъ говоритъ!
Вечерній часъ. Луна плыветъ надъ садомъ.
Я у твоей стѣны...
Въ душѣ моей тѣснятся длиннымъ рядомъ
Преданья старины.
Мнѣ чудится, что воины на башняхъ
Досель еще стоятъ
И смотрятъ вдаль, а тамъ, вдали, на пашняхъ
Костры враговъ горятъ!
Мнѣ чудится, что твой народъ на вѣче
Сбирается опять,
Готовый умереть въ кровавой сѣчѣ,—
За волю жизнь отдать!
Но тихо все... И только мутно-бѣлый,
Въ разливѣ вешнихъ водъ,
Твой Волховъ, словно конь оторопѣлый,
Весь въ пѣнѣ льды несетъ.
Ты спишь спокойно, всѣми позабытый,
Надъ мутною рѣкой,
Какъ остовъ корабля, въ волнахъ разбитый,
О, милый городъ мой!

НАУМОВЪ-ЯКОВЛЕВЪ.

I.

Какъ сердце дрогнуло! Какъ громко бьетъ тревогу!
Мнѣ шумъ послышался среди ночной тиши...
Бѣгу за дверь—и жадно на дорогу
Гляжу, гляжу... Ни звука, ни души!
Опять обманутъ я тревогой ожиданья,
Измученной души фантазіей больной!
Повсюду тишь, холодное молчанье,
Да я съ моей безумною тоской...
Таинственна какъ сонъ, загадочна какъ греза,
На землю смотритъ ночь миріадами очей;
Лишь сосенка порой застонетъ отъ мороза,
Роняя жемчугъ слезъ съ серебряныхъ вѣтвей.
Ни звука, ни души... На снѣговомъ просторѣ,
Какъ въ небѣ звѣздочки брильянтами горятъ.
И небо и земля сномъ безмятежнымъ спятъ
Въ своемъ торжественномъ, сверкающемъ уборѣ.
А тамъ, по склонамъ горъ, прекрасна какъ мечта.
Какъ сказка, полная чудесъ и обаянья,
Застыла въ царственномъ молчаньи
Во власти чаръ красавица-тайга.
. . . .
Ни звука, ни души... Мнѣ кажется порой,
Что люди вымерли, что нѣтъ ужъ ни страданья,
Ни счастья на землѣ,—есть лишь одно молчанье,
Да я съ своей безумною тоской...

II.

Убогая, бѣдная юрта моя,—
Какъ все въ ней печально, угрюмо, тоскливо!
Отвсюду,—со стѣнъ, изъ угловъ—на меня
Мракъ смотритъ такъ робко, пытливо,
Какъ будто бы хочетъ мнѣ въ душу взглянуть,
Какъ будто бы хочетъ узнать, что̀ такъ гложетъ,
Такъ давитъ и ночи и дни мою грудь.
И сердце больное тревожитъ...
Раскрытая книга лежитъ въ уголкѣ
(Давно ужъ все та же страница),
Дымя, догораютъ дрова въ камелькѣ,
Буранъ бьется въ окна, какъ птица,
И тѣни безшумной, безплотной толпой
Все ближе меня обступаютъ,
Мнѣ въ очи глядятъ и свинцовой тоской
До боли мнѣ сердце сжимаютъ...
. . . .
Дрова догорѣли... О, если-бъ уснуть,
Хотя бы на время забыться!

III.

Съ юга родимаго, съ юга далекаго,
Вѣсти дошли до меня, одинокаго,
Въ эту глухую страну,
Словно въ темницу сырую, холодную, —
Пѣсни про радость, про долю свободную,
Счастье, любовь и весну.
Чудо вы сдѣлали вѣсти отрадныя!
Будто разсѣялась тьма непроглядная
Долгихъ восточныхъ ночей...
Сердце забилось счастливой тревогою,
Ожило все,—даже стѣны убогія
Юрты убогой моей.
Ожило прошлое... Грезы разбитыя,
Силы уснувшія, силы убитыя,
Снова проснулись во мнѣ,
Снова несусь я мечтой легкокрылою
Съ прежнею страстью, съ удвоенной силою
Къ жизни, къ простору, къ веснѣ!...

И. ГРИНЕВСКАЯ.

* * *

Пусть воцарится тьма, предательства обманъ!
И дерзость пусть царитъ здѣсь, въ этомъ грустномъ мірѣ!
И если хоть на мигъ тучъ грозный караванъ
Растаетъ безъ слѣда въ лазоревомъ эѳирѣ,
И вновь на мигъ одинъ заблещетъ солнца лучъ,
И если хоть одинъ цвѣтокъ проглянетъ нѣжный
Благоуханъ и чистъ средь голыхъ мрачныхъ кручъ,

Я крикну радостно: воспрянь, мой духъ мятежный,
Ты можешь быть еще мечтою обольщенъ.
Умолкните въ груди, безумныя проклятья,
Не унывайте, братья,
Нашъ бѣдный міръ спасенъ!

Ѳ. ГАВРИЛОВЪ.

На койкѣ.

Ой, какъ холодно, товарищъ!
Подвигайся поплотнѣй:
Мы спиной къ спинѣ прижмемся,—
Все немного потеплѣй.
Видитъ Богъ, что тѣсновато...
Но теперь бы ничего
Сверху насъ на одѣяло,
Положить хоть одного.
Ты смѣешься? Я серьезно...
Впрочемъ—двигайся плотнѣй.
Тѣло зябнетъ на морозѣ,
На душѣ зато теплѣй.
Ужъ не насъ ли, бѣдныхъ, видя,
Вьюга плачетъ за окномъ?
Повернемся—и, обнявшись,
Подъ напѣвъ ея уснемъ.

Безъ мѣста.

Я съ разсвѣта сегодня работы искалъ.
О, мучительный день! Сколько лицъ я встрѣчалъ,
Изнуренныхъ трудомъ, постоянной борьбой
Съ непосильной нуждой!

Безотрадное чувство невольной вражды
Другъ ко другу питая подъ игомъ нужды,
Съ замираніемъ ждалъ угнетенный народъ,—
Скоро-ль старшій пойдетъ.

Быть на волѣ безъ хлѣба—не сладокъ удѣлъ.
Каждый первымъ попасть въ мастерскую хотѣлъ:
Думать некогда тутъ про свободу и честь,
Когда хочется ѣсть!

Грохоталъ, торжествуя, заводъ-нелюдимъ.
Время къ завтраку ближе. Волнуясь, стоимъ...
Пріосанились вдругъ: видимъ—старшій идетъ.
Ну, кого-то возьметъ!

Выборъ палъ на двоихъ. Просіяли они,
А кругомъ были слышны мнѣ вздохи одни...
И—пошелъ кто-куда... И голодный, и злой
Я вернулся домой.

У окна я въ раздумьи глубокомъ присѣлъ.
Я въ безсильи отъ злости зубами скрипѣлъ
Сердце ныло больнѣй... Надъ поблеклымъ листомъ
Вѣтеръ вылъ за окномъ.

Наклоненныхъ деревьевъ растерянный видъ
Прибавлялъ мнѣ тоски... Много горькихъ обидъ
Накопилось въ моей наболѣвшей груди, —
Много ждетъ впереди...

И угрюмо смотря, какъ листокъ за листкомъ
Обрывался, кружился, и желтымъ ковромъ
Разстилался вокругъ обнаженныхъ деревъ,—
Я былъ плакать готовъ...

Удрученный безсильемъ, я вдругъ увидалъ,
Какъ на вѣткѣ дубовой листокъ трепеталъ
И, держась противъ вѣтра на твердомъ стеблѣ,
Все не падалъ къ землѣ.

Вѣтеръ вылъ; туча хмурила гнѣвно чело...
Много листьевъ вокругъ на землѣ полегло...
Но въ неравномъ бою, хоть совсѣмъ изнемогъ,
Не сдавался листокъ.

Стало темно совсѣмъ. Я смотрѣлъ все въ окно...
Закипѣла вдругъ кровь, и—отваги полно —
Вновь забилося сердце—и рвется впередъ
Противъ тяжкихъ невзгодъ!

Отслужившій.

Наконецъ-то уснулъ! Словно мертвое тѣло
Онъ лежитъ на постели убогой.
По каморкѣ шагаю несмѣло
И гляжу на него я съ тревогой,

Снова въ гости ко мнѣ онъ забрелъ, коченѣя.
— «Допекаетъ, братъ, холодъ и слякоть...
Извини... надоѣлъ, чай... къ тебѣ я...
Съ кѣмъ же душу излить и поплакать?»

И заходитъ ко мнѣ съ наболѣвшей душою,
И терзая меня, и волнуя, —
Жаль бѣднягу... такъ больно порою...
И скорблю, что помочь не могу я.

Про него кое-что разскажу.—Одиноко
Доживаетъ онъ грустные годы,
Такъ свободу любившій глубоко, —
Онъ добился теперь и «свободы»...

Въ силѣ былъ, — по заводамъ работалъ лѣтъ сорокъ,
Но, состарѣвшись, сталъ онъ ненуженъ.
Прежде, кажется, многимъ былъ дорогъ,
А теперь—только голодъ съ нимъ друженъ...

Такъ и бьется, бѣднякъ, доживая разбитымъ,
Истощеннымъ въ конецъ инвалидомъ,
На морозѣ дрожа полусытымъ
И болѣзненно-чуткимъ къ обидамъ.

— «Тяжко, братъ!... да къ ненастью-то кости заныли, —
Не дай Богъ!—пояснилъ онъ уныло—
Эхъ, судьба! только силу цѣнили!
А спросить,—гдѣ жъ растратилась сила?»

Спитъ старикъ. По каморкѣ шагаю съ тоскою,
А раздумье мнѣ сердце терзаетъ...
Чу! какъ вѣтеръ гудитъ за стѣною, —
Не о свѣтлой ли долѣ рыдаетъ?...

Послѣдняя встрѣча.

Мимо нашего завода —
На погостъ дорога.
Что-то мертваго народа
Носятъ больно много?
Вотъ и нынче: шли съ обѣда,
А навстрѣчу двое —
Безпріютныхъ два сосѣда
Выбыли изъ строя...

Съ Богомъ въ вѣчное жилище! —
Восемь слугъ наемныхъ
Пронесли ихъ на кладбище,
Горемыкъ бездомныхъ.
Мы немного постояли
— «Эхъ, ты, жизнь, — не радость! —
Вздохъ пронесся:—все мечтали
Отдохнуть подъ старость...
Вотъ и сжалилося небо,
Бѣдняки надъ вами:
Полно биться изъ-за хлѣба,
Скрежетать зубами!»

И пошелъ народъ угрюмый
На заводъ уныло:
Отъ тяжелой, мрачной думы
Всѣмъ тоскливо было.
На заводѣ, надрываясь,
Вылъ гудокъ печально,
Въ скорбномъ сердцѣ отзываясь
Пѣсней погребальной.

Ѳ. ПОСТУПАЕВЪ.

Какъ я запѣлъ.

Подъ свистъ паровъ, подъ скрежетъ пилъ,
Подъ лязгъ и громъ гигантовъ стали,
Я въ глубинѣ души открылъ
Источникъ скорби и печали...
Гудокъ ли грозно рокоталъ
Призывомъ властнымъ подъ трубою —
Мнѣ чудилось, что онъ стоналъ
И словно плакалъ надо мною...

Форсунки-ль выли у котловъ,
Иль топки, уголь пожирая, —
Ихъ вой принять я былъ готовъ
За тотъ же стонъ, тоской сгорая...
И скрипъ станковъ, и шумъ машинъ,
И дробь отъ молота по стали,
Все мнѣ звучало, какъ одинъ
Огромный стонъ людской печали...
И слушалъ я, и самъ стоналъ,
Тяжелый молотъ поднимая,
И потъ горячій проливалъ...
Отъ мукъ труда изнемогая...
Былъ ночи мракъ, молчалъ заводъ...
Труба подъ небомъ не дымила;
Въ баракахъ крѣпко спалъ народъ...
Казалось, ночь надъ всѣмъ царила...
Но я не спалъ... мой мозгъ горѣлъ...
По жиламъ кровь огнемъ пылала...
Мнѣ чудилось, что кто-то пѣлъ
И пѣснь не скорбію звучала,
Не стономъ мукъ и не тоской,
Нѣтъ; что-то новое въ ней лилось...
Я замеръ весь... и предо мной
Она въ сіяньи появилась...
Вдохнула пѣсню въ душу мнѣ,
Струею пламенной вдохнула,
Сказала «пой» и въ тишинѣ
Глубокой ночи утонула...
. . . .
И я запѣлъ... какъ вихрь степной,
Взвиваясь, мчится подъ грозою,
Такъ пѣснь могучею волной
Взвилась, но только не мольбою;
Восторгомъ радости взвилась
И стонъ страданій заглушила...
Еще запѣлъ... И полилась
Она могучей, властной силой,
Къ любви всемірной призывая
Людей измученныхъ борьбой...
Я пѣлъ, а надо мной, витая,
Она шептала: «громче пой!»

Пѣснь горя.

Что тужить?! Запѣвай развеселую...
Громыхнемъ-ка ее во весь духъ...
Горькой бѣдности участь тяжелую
Не одни съ тобой терпимъ, мы, другъ...

Шевелись же казна наша мѣдная,
Высыпайтесь на стойку гроши,
Пусть хоть часъ да встряхнется жизнь бѣдная!
Пой звончѣй... веселись и пляши...

Эхъ ты доля-неволя тяжелая, —
Безотрадная жизнь батрака...
Благо пѣсня такая веселая,
Жизнь была бы сплошная тоска...

Ну же пой веселѣй... Ты вѣдь съ молоду
Пѣсни ловокъ бывалъ распѣвать...
Пой, братанъ... посмѣемся мы голоду,
Будемъ пить, веселиться, плясать...

Пусть мошну цѣловальника жаднаго
Отъ казны нашей дуетъ горой...
Не знавать ему часа отраднаго —
Не пѣвать ему пѣсни такой...

Громыхнемъ же во всю развеселую,
Сгинь ты черная немочь-тоска!
Пусть хоть часъ, да забудемъ тяжелую
Участь горькую жизнь батрака.

Пѣснь хлѣбу.

Пропоемъ мы пѣсню ни землѣ, ни небу...—
Пропоемъ мы пѣсню аржаному хлѣбу.

Хлѣбушка, батюшка,
Хлѣбушка ржаный,
Пѣсню тебѣ мы поемъ....
Слышишь, кормилецъ нашъ,
Слышишь, желанный,
Честь мы тебѣ воздаемъ!

Въ осень холодную землю вспахали мы
Съ другомъ безропотнымъ, съ другомъ гнѣдымъ...
Землю вспахали мы, вспарили, вздобрили
И взборновали старательно съ нимъ...

Въ пору весеннюю слёзно просили мы
Бога Всесильнаго всходы спасать...
Матерь Пречистую, Божьихъ угодниковъ
Всѣхъ мы молили поля орошать...

Въ лѣтніе, красные дни любовались мы,
Какъ ты подъ солнышкомъ зрѣлъ-доспѣвалъ;
Словно какъ озеро—море великое
Вѣтеръ тебя колыхалъ, волновалъ...

Видимъ, что колосомъ хлѣбушка ржаненькій
Вышелъ и зернышкомъ крѣпко созрѣлъ;
Собрали силушки—жней поззывали мы,—
Съ пѣсней веселою серпъ зазвенѣлъ...

Въ закромѣ вымели, зернышко ссыпали,
Будемъ мы жители!—думалось намъ...
Анъ, не по нашему: хлѣбушка-батюшка
Странствовать началъ по барскимъ ларямъ....

То за арендную всыплемъ—расплотимся,
То на повинности міру сдадимъ...
Время, ужъ зимнее, время морозное,
Смотримъ,—а въ закромѣ пусто-пустымъ...

Хлѣбушка, батюшка, хлѣбушка ржаненькій,
Знаемъ попалъ ты къ купцу-кулаку...
Будетъ молоть тебя купчикъ на мельницѣ
И продавать съ барышемъ мужику...

Туго мошеночку, туго глубокую
Купчикъ набьетъ золотою казной;
Будетъ онъ пирничать, будетъ онъ бражничать,
Мы же съ дѣтишками съ голоду вой...

Хлѣбушка, батюшка,
Хлѣбушка ржаненькій,
Слышишь ли насъ, ты родной?!
Спѣли мы пѣсенку,
Но не веселую
Горькую пѣснь надъ тобой.

Надъ родной полосой.

Я стою надъ родной полосой;
Рожь въ цвѣту, но тоща и рѣдка....
Я смотрю въ даль небесъ, надо мной
Не темнѣютъ нигдѣ облака....

Слышу—сусликъ на нивѣ свиститъ...
Вижу—стая летитъ саранчи...
Зноемъ солнце все жарче палитъ...
Надъ дорогой кружатся грачи...

Ноетъ сердце надъ нивой моей;
Мысли—думы, какъ ночи—темны...
О, Всевышній! молю, пожалѣй...
Сохнетъ нива—съ ней сохнемъ и мы...

Я стою надъ родной полосой;
Рожь сухая печально шумитъ...
Грозно туча плыветъ надо мной...
Въ небѣ молнія ярко блеститъ...

«Поздно... поздно!»—срывается съ устъ...
Громъ рокочетъ, гремитъ въ вышинѣ...
Рву я колосъ—ни зернышка... пустъ...
Грянулъ дождь... но зачѣмъ-же онъ мнѣ?!

Я стою надъ родной полосой;
Перепуталась колосомъ рожь...
Размахнулся я острой косой,
Слышу голосъ изъ нивы: «не трожь,

Что трудиться—я вѣтромъ сломлюсь;
Не тупи понапрасну косы!...»
Слышу я и чего-то боюсь
И бѣгу отъ родной полосы....

* * *

Бѣдное сердце, чего ты не спишь,
Что ты все бьешься, чего такъ стучишь?
Холодно, темно въ пустынѣ нѣмой,
Стукъ твой не слышенъ въ тюрьмѣ вѣковой...
— Слышенъ, не слышенъ, я буду стучать,
Буду безмолвный покой нарушать...
Пусть неизмѣнное «да или нѣтъ?»
Пастью могилы грозитъ мнѣ въ отвѣтъ,
Пусть эти стѣны коварно молчатъ,
Вѣчности тайны упорно хранятъ,
Знай: неустанный мой стукъ породилъ
Хоръ несмолкающихъ отзвуковъ—силъ...
Слышишь, какъ звонко рокочутъ въ дали
Отзвуки стука страдальца земли?!
Могутъ ли стѣны тотъ звонъ удержать?
Будемъ-же, другъ мой, смѣлѣе стучать!

Пѣснь родины.

Съ вѣтеркомъ степнымъ украдкой
Залетѣлъ въ окно ко мнѣ
Отголосокъ пѣсни сладкой
О родимой сторонѣ....

Лаской поля, степи милой
Надъ станкомъ моимъ звенитъ...
Замеръ я: рука съ зубиломъ
Онѣмѣла... кровь горитъ...

Отголосокъ пѣсни дивной
Зазвучалъ еще сильнѣй...
Слышу голосъ я родимой
Старой матери своей:

«Плохо, горько знать живется
На далекой сторонѣ...»
А пѣснь родины все льется
И такъ грустно, грустно мнѣ...

«Эй, заснулъ!»—передо мною
Старшій мастеръ... бровь грозна...
Вѣрно буду оштрафованъ...
Эхъ, родная сторона!...

Фабричная.

Увела насъ нужда безысходная
От раздолья родимыхъ полей.
Оковала насъ въ цѣпи холодныя
У фабричныхъ котловъ и печей.
Разлучила насъ съ сестрами, братьями,
Отняла отъ любимой семьи.
Замѣнила намъ пѣсни проклятьями,
Ночью темною—ясные дни.
Изсушила намъ груди высокія,
Молодецкія кудри сожгла.
Плечи крѣпкія, спины широкія,
Искривила, дугою свела.
Что-жъ, злорадствуй нужда безпощадная,
Обглодала ты насъ до костей.
Но, быть можетъ, подавишься, жадная,
Горемъ женъ нашихъ, сиротъ-дѣтей?!

Изъ города.

Слушай же, бабка, довольно вопить...
Сынъ твой не умеръ—живой...
Пишутъ: на клюшкахъ, а все же ходить
Станетъ онъ этой весной...

Слышишь?... страховку за ногу его
Можно съ завода взыскать...
Тыщу получитъ... глядишь и того,
Будетъ безъ ногъ пановать

Ну, а затѣмъ всенижайшій поклонъ
Шлетъ съ поцѣлуемъ тебѣ...
На весну, Богъ дастъ, надѣется онъ
Быть и въ родимой избѣ...

Ну, успокойся же... полно вопить...
Сынъ твой не умеръ—живой...
Пишутъ: на клюшкахъ, а все же ходить
Станетъ онъ этой весной...

* * *

Я стою надъ огромнымъ котломъ;
Поднялъ молотъ, тяжелый, большой.
Бью въ заклепку, и грохотъ и громъ
Отъ желѣза ревутъ надо мной....

Я смотрю на часы: только три...
До семи—охъ, далеко стоять!...
Слышу грозное; «въ клепку смотри—
Здѣсь—не поле на галокъ зѣвать.»

Бью и думаю, скоро-ль звонокъ,
Измотался надъ клепкою я...
Съ каждымъ часомъ большой молотокъ
Тяжелѣетъ въ рукахъ у меня...
. . . .

Трудъ оконченъ. Пришелъ я домой...
Мучитъ кашель отбитую грудь...
Для усталаго тѣла покой
Охъ, какъ нуженъ! но трудно уснуть...

И я всталъ надъ кроватью моей
Съ сальной свѣчкой въ усталыхъ рукахъ...
Выживаю клоповъ изъ щелей
И безчисленныхъ блохъ въ ласкутахъ...

Словно иглы впиваются, жгутъ...
Жестко ложе, какъ камень-гранитъ...
Бьютъ часы... и четыре ужъ бьютъ...
Засыпаю и слышу: гудитъ...

И я снова стою надъ котломъ,
Поднялъ молотъ, тяжелый, большой...
Бью въ заклепку и грохотъ и громъ
Отъ желѣза ревутъ надо мной...

За работою.

Съ пилой, съ зубиломъ, съ молоткомъ,
Средь чаду, дыма и огня,
Подъ лязгъ и грохотъ за станкомъ
Пилю, рублю желѣзо я...

Гремятъ машины надо мной,
Свистятъ пары, шумятъ приводы...
Проходитъ день, идетъ другой;
Недѣли, мѣсяцы и годы...
Насъ много здѣсь; все молодежь,
Немного встрѣтишь съ бородами.
А стариковъ наврядъ найдешь;
Сѣдыхъ нѣтъ вовсе между нами...
Старикъ лишь каменный заводъ,
Станокъ иной давно ведется.
А мы—все молодой народъ:
Намъ почему-то не живется...
Иль въ жизни намъ судьба такая,
Богъ знаетъ какъ о томъ понять?...
Заноетъ грудь и чахнешь, тая,
Изъ года въ годъ... а тамъ... кровать
Въ стѣнахъ больницы... и... конецъ...
. . . .
О, Ты, всеправедный Творецъ!
О, Господи, съ слезами молимъ:
Взгляни на ратниковъ труда...
Избавь отъ скорбной, горькой доли
Въ такіе юные года
Когда такъ хочется любить,
Все видѣть, чувствовать и знать,
И жить... хоть мучиться, но жить...
Страдать, но жить—не умирать!
Твой міръ такъ чуденъ, такъ хорошъ,
Такъ много свѣта и свободы...
О, Боже правый! отчего-ужъ
Не жить бы долгіе намъ годы?!

Товарищу-рабочему.

Бѣдняки мы съ тобой, но нашъ родъ мы ведемъ
Отъ великаго славнаго рода,
Не его мы дорогою только идемъ,
Не дорогой родного народа:

Бороздою по нивѣ не стали шагать,
Какъ отцы наши, дѣды шагали;
Захотѣли мы свѣта свободы искать
И долгонько въ потемкахъ блуждали...

Издѣвалась надъ нами лихая нужда
Смѣхомъ сытыхъ, тяжелою долей...
Зло свирѣпо рычало на насъ, иногда
Потрясая цѣпями неволи.

Холодъ жизни голодной въ насъ кровь леденилъ,
Чувства радости, скорби сушили,
Вѣры искры святыя мракъ ночи гасилъ,
Дни тоскою ненастья грозили...

Но мы шли, и идемъ, и все будемъ итти,
Сколько хватитъ въ насъ воли и силы,
Неуклонно, упорно стремяся въ пути
Прочь изъ мрака душевной могилы...

Пусть гнететъ насъ нужда, злое горе гнететъ,
Но мы видимъ мракъ ночи рѣдѣетъ,
И въ туманѣ заря все яснѣе встаетъ
И все ярче и ярче алѣетъ.

СЕМЕНЪ ТИХІЙ.

Звѣзды.

Надъ безмолвными полями
Звѣзды свѣтлыя блистали,
Серебристыми лучами
Щедро землю озаряли.

Отъ одной къ другой летая,
Тихо тайной подѣлялись;
Что такое жизнь земная,
Разгадать онѣ пытались.

Всѣ ли люди тамъ трудятся
На поляхъ своихъ обширныхъ?

Иль обманы тамъ творятся,
И живутъ трудомъ безсильныхъ?...

Долго звѣздочки блистали
Въ голубомъ просторѣ неба,
А съ земли къ нимъ долетали,
Просьбы бѣдныхъ: «хлѣба, хлѣба!...»

Работать.

Работать безъ отдыха ночи и дни
На благо родимаго края,
Мы дружно и зиму, и лѣто должны,
Надломленныхъ братьевъ смѣняя...
Работать, чтобъ нашей работы слѣды
На все отпечаткомъ ложились:
И тундры, гдѣ залежи цѣнной руды,
Въ богатство людей превратились.
Инструментъ нашъ крѣпокъ,—рабочей рукой
Изъ стали на славу откованъ
Подъ молотомъ въ тѣсной, сырой мастерской,
И въ матовый цвѣтъ отшлифованъ...
Имъ можно каменья и пни разбивать—
На все онъ одинъ приспособленъ,
Лишь только искусно умѣй управлять
И будь въ неудачахъ озлобленъ...

* * *

Чу, о наковальню *бьетъ*
Молодой кузнецъ *начало*
Утомительныхъ работъ...
Но еще не разсвѣтало,
И въ холодной мастерской
Полумракъ виситъ сѣдой...

Молодой кузнецъ все бьетъ,
И кричитъ: «пора настала...
Горна въ ходъ, пускай народъ,
Чтобы кузница блистала...
Сѣрый мракъ дави огнемъ—
Будетъ время, отдохнемъ!..»

И печально и блѣдно
Свѣтъ блеснулъ звѣздой падучей,
Съ шумомъ первое горно
Задышало лавой жгучей,
И кругомъ, и тамъ, и тутъ,
Закипѣлъ обычный трудъ...

И въ холодной мастерской,
Гдѣ лишь призраки витали,
Раздался приводовъ вой,
Руки сильныхъ застучали,
И, подъ каждымъ молоткомъ,
Было слышно: «Мы куемъ!...»

II.

Сильныя руки дружно куютъ,
Брызжутъ повсюду искры огня...
Здѣсь подъ удары пѣсню поютъ,
Горькую, злую долю кляня...
Мачиха-доля прóклята будь
Если не можешь дать отдохнуть...

Горна и печи грозно шумятъ,
Воетъ и стонетъ молотъ стальной,
Люди отважно, гордо глядятъ,
Груди ихъ полны силы живой...
Мачиха-доля, прóклята будь,
Если не можешь дать отдохнуть...

Насъ не сжигаютъ искры огня
И не пугаетъ молота звукъ,—
Все разрушаетъ, вѣры полна,
Сила рáбочихъ мускульныхъ рукъ...
Мачиха-доля, прóклята будь,
Если не можешь дать отдохнуть...

Все созидаетъ умъ нашъ и трудъ:
Крестъ-ли вамъ надо—крестъ откуютъ,
Надо-ль кинжалъ вамъ—мигъ и готовъ,
Бей лишь смѣлѣе имъ нашихъ враговъ...
Мачиха-доля, проклята будь,
Если не можешь дать отдохнуть...

Искорки.

Вѣрю душою я въ свѣтлое чистое,
Вѣрю, что въ жизни оно не умретъ
И, какъ прекрасное солнце лучистое,
Въ душу народную свѣтъ свой прольетъ...
Вѣрю въ слова я правдивыя, жгучія...
Чу, они носятся звуки могучіе;
Въ душу страдальца народа врываются
Искорки чистыя въ ней загораются...

* * *

Чьи сильныя руки труда не боятся
И смотрятъ безстрашно чьи очи впередъ?—
Кто можетъ—надъ долей суровой смѣяться
И лучшую долю куетъ?—
Это рабочій народъ!...

Всмотритесь въ ихъ лица: суровы, угрюмы
И залиты потомъ кровавымъ они,
Но зрѣютъ въ умѣ ихъ прекрасныя думы
О счастьи, о братской любви,
И вѣра въ грядущіе дни...

Куютъ они смѣло: зимою, и лѣтомъ,
Ихъ молоты грозно стучатъ въ мастерской,
Одежды облиты багрянцевымъ свѣтомъ,
А лица—отвагой лихой,
Скорѣе сразиться съ нуждой...

Проникни въ ихъ пѣсни, какъ мощны, свободны,
Что слово—проклятье суровой судьбѣ
Бросаетъ рабочій въ нихъ съ злобой холодной...
— «Побѣда за нами, въ борьбѣ—
Мы выкуемъ счастье себѣ!...»

Въ мастерской.

Въ оборванный блузѣ, съ печальнымъ лицомъ,
Стоитъ онъ, работникъ усталый
И думаетъ думу. А звуки кругомъ,
Сливаясь въ хаосъ небывалый,
Чаруютъ страдальца; куда-то зовутъ
Рожденныя свѣтлыя грезы...
Вотъ поле родное, дорожка и прудъ,
Знакомыя хатки, родныя березы...
Зеленый пригорокъ... А тамъ подъ горой...
Но сразу картина смѣнилась:
Предъ нимъ, извиваяся въ кольца, змѣей,
Блеснуло желѣзо... лицо озарилось
Кровавымъ румянцемъ, а мускулы рукъ
Надулись какъ прутья стальные,
И новый раздался подъ сводами звукъ...
Исчезли картины родныя:
Въ оборванной блузѣ и съ блѣднымъ лицомъ
Стоялъ онъ, работникъ, опять надъ горномъ!...

В. П—въ.

* * *

Пускай горька неволи чаша
И безотрадна доля наша!
Но мы и здѣсь въ тюрьмѣ глухой
Бодры и сердцемъ и душой.
И пусть страданья впереди
Тяжелыя насъ ждутъ!
Но и въ измученной груди
Они у насъ замрутъ.

В. БАШКИНЪ.

Безработица.

Насупился городъ, и шумъ его мѣрный
Звучитъ необычной и жуткой тревогой,
Какъ будто онъ шепчетъ въ тоскѣ суевѣрной:
«Смотрите: ихъ много! Ихъ много!»

Согнутыя спины и впалыя груди,
На лицахъ морщины суровой заботы;
Толпами идутъ изнуренные люди —
Никто не даетъ имъ работы.

Зловѣще и тихо въ рабочемъ кварталѣ,
Но черныя окна глядятъ, какъ живыя.
Тамъ взрослые вѣрить и ждать перестали,
Тамъ дѣти теперь, какъ большіе.

Съ безсильнымъ терпѣньемъ покончены счеты,
Отчаянной злобой наполнены груди.
Трудъ нуженъ, какъ воздухъ. Измучены люди.
Работы! Работы!

Вновѣ.

Кровавое пламя подымется вдругъ,
И вспыхнутъ угрюмыя лица...
Увижу я черныя тѣни вокругъ,
И вздрогну въ испугѣ какъ птица.
Усталый мой мозгъ словно ножъ полоснетъ:
«Похожимъ ты сталъ на машину!»
Но некогда думать, хоть дума растетъ,
Какъ некогда выпрямить спину.
Насильно опять наклонюсь надъ станкомъ,
Взглянуть на сосѣдній не смѣя.
Колеса сердито шипятъ объ одномъ:
«Живѣе работай, живѣе!»
Внимательно мастеръ за мною слѣдитъ
И сводитъ безцвѣтныя брови...
Мой старый товарищъ ему говоритъ:
«Успѣетъ привыкнуть... Еще не привыкъ...»
Слова эти душу терзаютъ...
Нѣтъ, лучше не думать! Не то доведешь
Себя до проклятій и брани.
Но рѣжетъ мнѣ сердце обида, какъ ножъ,
И самъ я стою, какъ въ туманѣ.
Кровавыя искры изъ топокъ летятъ
Высоко подъ черную крышу...
Кругомъ меня черные люди стоятъ,
Ихъ злобную ругань я слышу...
Ужъ я ненавижу проклятый заводъ,
Проклятую нашу работу,
И день, что работать опять позоветъ,
А дней этихъ будетъ безъ счету.
«Товарищи! братья!...»—я крикнуть хочу—
«Пусть лучше я нищимъ подохну!»
Но самъ, какъ сосѣди, угрюмо молчу
И, молча, у пламени сохну.
Колеса шипятъ, пробѣгаютъ ремни...
Нужда караулитъ у входа...
И страшно мнѣ думать про черные дни,
Про черную силу завода.

Пѣсня рабочихъ.

Съ отощавшихъ полей, съ пашенъ, Богомъ забытыхъ,
Гдѣ работалъ нашъ дѣдъ подъ кнутомъ,
Въ городъ каменный — баръ, бѣлолицыхъ и сытыхъ,
Ублажать и кормить мы идемъ.
Много насъ, словно острой осоки въ болотѣ,
Словно звѣздъ въ небесахъ голубыхъ.
Изведемъ мы себя на фабричной работѣ,
Нашу долю погубимъ для нихъ.
Но не хватитъ у баръ ни заводовъ огромныхъ,
Ни больницъ, ни желѣзныхъ цѣпей,
Чтобъ навѣкъ покорить всѣхъ забытыхъ и темныхъ
Обездоленныхъ жизнью людей.

* * *

Ждемъ весны въ этотъ годъ мы безъ яркихъ цвѣтовъ,
Безъ довѣрчивыхъ пѣсенъ волны говорливой:

Будетъ май, какъ раздумье страны сиротливой
На могилѣ отважныхъ борцовъ.

Не шелохнетъ рѣка межъ густыхъ тростниковъ,
Лѣсъ весенняго вѣтра поклономъ не встрѣтитъ,
Небесамъ на улыбку земля не отвѣтитъ
Благовоннымъ дыханьемъ луговъ.

Такъ тепла еще скорбь тѣхъ безжалостныхъ дней,
Такъ ярка еще память о прoлитой крови, —
Словно призракъ зловѣщій стоитъ наготовѣ,
Жадно рвется въ жилища людей.

Злые дни.

Злые дни для насъ опять настали,
Къ горькимъ пыткамъ сердце приготовь:
Чистыхъ духомъ прежде распинали,
Распинать теперь ихъ будутъ вновь...

Не зови друзей, ушедшихъ съ боя,
Малодушныхъ горько не кляни:
Изъ раба не сдѣлаешь героя,
Пусть борцы останутся одни!..

Злые дни пришли къ намъ издалека,
Злые дни настигли насъ въ пути...
Но итти должны мы противъ рока...
Намъ дорогу, солнце, освѣти!...

Пусть кругомъ звучатъ иныя пѣсни,—
Нашъ призывъ не заглушить врагамъ:
Для свободы родина воскресни!
За свободу дай бороться намъ!

Сонъ узника.

Мнѣ яркое счастье сегодня приснилось:
Въ унылой темницѣ я видѣлъ друзей;
Ихъ радостнымъ крикомъ она оживилась,
И мы выходить торопились скорѣй.

И сердце во мнѣ, какъ цвѣтокъ, распускалось,
Свободнымъ и бодрымъ, какъ прежде, былъ я.
Веселое солнце съ небесъ улыбалось,
И грѣли лучи золотые меня.

Пришелъ и стою у родимаго крова,
И медлю стучаться, и въ окна смотрю;
Отъ радости сердце разбиться готово,
Безсвязную рѣчь о себѣ говорю.

И братья, и сестры ко мнѣ выбѣгаютъ,
И мать обнимаетъ, цѣлуетъ меня...
О чемъ-то жалѣютъ, за что-то прощаютъ,
И съ ними рыдаю, какъ мальчикъ, и я.

Мнѣ яркое счастье сегодня приснилось,
Подъ кровомъ лазурныхъ и ясныхъ небесъ,
И стономъ сосѣда тюрьма огласилась —
Я въ страхѣ поднялся... и сонъ мой исчезъ!

Пѣсня изгнанника.

«Птичка! Птичка! Изъ отчизны дальней
Ты летишь. Что можешь мнѣ сказать?»
«По твоей судьбѣ тамъ все печальнѣй
Плачетъ мать.»

«Птичка! Птичка! Подъ родною крышей
Ты жила. Ты мнѣ несешь привѣтъ?»
«Никого тамъ — шепчетъ птичка тише, —
Больше нѣтъ.»

«Вѣтеръ! Вѣтеръ! Изъ родного края
Что несешь ты мнѣ, скорѣй открой!»
«Гибнетъ братъ твой въ битвѣ, призывая
Къ мести злой.»

«Вѣтеръ! Вѣтеръ! Въ радостной надеждѣ
Не блеснулъ ли свѣтъ тамъ черезъ тьму?»
«Нѣтъ, я видѣлъ цѣпи, какъ и прежде,
Да тюрьму.»

Отъѣзжающему.

Поклонись свободнымъ странамъ,
Ихъ пророкамъ, ихъ вождямъ,
Новымъ пѣснямъ, старымъ ранамъ,
А когда вернешься къ намъ, —
Принеси въ нашъ въ сумракъ сѣрый
Вольной жизни красоту:
Счастьемъ юности и вѣры
Опьяненную мечту.

Полюби ихъ путь безкровный,
Кровью взятый у судьбы,
Научись работѣ ровной,
Буднямъ медленной борьбы.
Будетъ утро: солнце наше
Свѣтомъ воздухъ напоитъ,
Вспыхнетъ ярче, встанетъ краше,
Мирный трудъ благословитъ.

Поклонись свободнымъ странамъ,
Снѣжнымъ шапкамъ ихъ вершинъ,
Ихъ морямъ и океанамъ
Отъ тоскующихъ равнинъ, —
Отъ борьбы, еще безплодной
Съ царствомъ дикости и тьмы,
Отъ нужды, пока голодной,
Отъ цѣпей и отъ тюрьмы.

* * *

Спишь ты, справедливость, или ты убита?
Кто служить свободѣ на землѣ стремится,
Кто въ борьбу съ неправдой выступилъ открыто,—
Тотъ закованъ въ цѣпи, тотъ въ тюрьмѣ томится.
Кто же губитъ въ сердцѣ лучшія стремленья, —
Тотъ живетъ свободно, весело и сыто...
Спишь ты, справедливость, или ты убита?

Старикъ.

Въ нашъ станъ пришелъ, украшенный до плечъ
Блестящими, какъ мѣсяцъ, волосами,
Сѣдой старикъ и выбралъ острый мечъ
И положилъ свой посохъ передъ нами.
Смотрѣлъ на насъ потухшими глазами
И, молча, ждалъ, когда умолкнетъ рѣчь —
О красотѣ тревожныхъ, бѣглыхъ встрѣчъ
Съ опасными и злобными врагами...
Умолкли мы, и далъ онъ знакъ рукой, —
И боевую пѣсню мы запѣли,
Она росла, какъ радостный прибой,
И, какъ мечи, угрозы въ ней звенѣли...
А онъ стоялъ недвижный и нѣмой,
Одни глаза его огнемъ горѣли.

Мертвый городъ.

Безмолвный свѣтъ луны струится съ неба скудно;
Безшумно мракъ ползетъ по каменнымъ стѣнамъ;
Озябшіе огни дрожатъ по сторонамъ;
На тусклыхъ улицахъ пустынно и безлюдно.

Слѣды кровавыхъ дѣлъ сокрыть во тьмѣ нетрудно.
Бояться некого убійцамъ и рабамъ:
Толпа разсѣяна. Спитъ городъ непробудно.
Всѣ спрятались давно по сумрачнымъ домамъ.

Холодный вѣтеръ золъ: онъ мечется въ туманѣ,
По проводамъ стальнымъ загадочно гудитъ.
Багровые костры горятъ во вражьемъ станѣ;
Тяжелый шагъ солдатъ по мостовой гремитъ.

И въ мутной, злобной тьмѣ, какъ въ черномъ океанѣ,
Владычитъ ночь опять и мертвый городъ спитъ!

* * *

Голосъ вѣщій сердцу говоритъ,
Голосъ вѣщій сердца не обманетъ:
Послѣ ночи бурный день настанетъ
И грозою небо закипитъ!

Онъ еще невѣдомъ, этотъ день,
Но изъ мрака будущаго грозно
Смотритъ къ намъ тоскующая тѣнь
То съ враждой, то съ мукой многослёзной...

Тихихъ пѣсенъ ласки молодой,
Прозвучавшихъ въ радостной надеждѣ,
Отъ меня не жди теперь, какъ прежде
Пѣснь моя—призывъ въ неравный бой.

ЕВГЕНІЙ МОРОЗОВЪ.

* * *

На полѣ брани мирный сонъ.
Они навѣкъ почили рядомъ,
Въ послѣдній разъ окинувъ взглядомъ
Обоимъ чуждый небосклонъ.

Сердцамъ ихъ чуждая вражда
Ихъ привела на бой сюда,
Ихъ кровью землю обагрила,
Какъ братьевъ рядомъ положила.

Молчитъ недавняя гроза.
Цѣлуетъ лучъ чужого солнца
Чело пробитое японца,
Нѣмые русскіе глаза.

ЛЕВЪ К.

* * *

Мы ждемъ тебя съ огнемъ въ пылающей груди,
Съ огнемъ святой любви, съ огнемъ святого гнѣва,
Къ безтрепетнымъ борцамъ съ улыбкою приди,—
Возрадуйся плодамъ великаго посѣва!

Улыбкою живой нашъ путь ты озари,
Нашъ трудный, тяжкій путь, усѣянный шипами,
И пусть она, какъ лучъ предутренней зари,
Прорѣжетъ тьму вѣковъ, нависшую надъ нами!

Дыханіемъ весны повѣй въ больную грудь
Уставшихъ отъ невзгодъ, отъ мукъ и ожиданья.
Дай шире имъ, смѣлѣй, свободнѣе вздохнуть
И въ гнѣвъ ты преврати безсильныя рыданья!

Для тѣхъ, кто гаситъ свѣтъ,—будь огненнымъ мечемъ!
Для тѣхъ, кто свѣта ждетъ,—будь свѣточемъ свободы!
Для мрачныхъ палачей будь грознымъ палачемъ,
И вѣстникомъ зари для вставшаго народа!

Мы съ вѣрой ждемъ тебя, о свѣтлый день весны,
Мы встрѣтимъ съ торжествомъ нашъ праздникъ обновленья!
Мы вѣримъ: претворишь ты въ жизнь златые сны, —
И царство мы узримъ любви и единенья!

О. КОБЕЦКІЙ.

* * *

Плотина рушилась—и хлынулъ океанъ,
Смывая на пути послѣднія преграды, —
И мглистыхъ, сѣрыхъ тучъ тяжелыя громады
Разбилъ живой весны бурливый ураганъ...

На бой—за ратью рать—волна встаетъ съ отвагой,
Могучимъ натискомъ летитъ впередъ потокъ
И жаждущей земли разсыпчатый песокъ
Поитъ уже своей живительною влагой...

Плотина рушилась... Громада водъ бурлитъ,
Все бóльшее себѣ пространство покоряя...
А вороновъ надъ нимъ зловѣщихъ вьется стая
И, чуя смерти часъ, пронзительно кричитъ...

Н. А. ПАНОВЪ.

Впередъ!

I.

Ночь грозовая и роковая
Гнетущей тьмой лежитъ на всемъ,
Пѣснь боевую въ ночь грозовую
Подъ рокотъ грома мы поемъ.
Враги предъ нами, но въ бой съ врагами
Вступаемъ, смерти не боясь.
У сильныхъ местью съ гражданской честью
Не порвана живая связь.
Къ завѣтной цѣли, какъ съ колыбели,
Одно стремленье насъ влечетъ.
Любовь къ отчизнѣ—цѣль нашей жизни...
Впередъ, впередъ! смѣлѣй впередъ!

II.

Неустоявшихъ, достойно павшихъ
Въ бою товарищей своихъ
Добромъ помянемъ, отнынѣ станемъ
Чтить память свѣтлую о нихъ.
Мужайтесь, братья! Всѣ, безъ изъятья,
Идя подъ знаменемъ однимъ,
Мы не отступимъ; хоть кровью купимъ
Побѣду, все-же побѣдимъ!
Съ мечтой объ этомъ, передъ разсвѣтомъ,
Блаженъ, кто даже и умретъ...
Свѣтлѣютъ дали... Ужъ не заря-ли?
Впередъ, впередъ! Смѣлѣй впередъ!

III.

Страна родная, намъ дорогая,
Коснѣла долго и спала,
Она проснулась, все встрепенулось
Для кары нынѣшняго зла.
Въ странѣ свободной на всенародный
Святой, неумолимый судъ,
Изъ сильныхъ, властныхъ, всѣхъ ей опасныхъ,
Враговъ закона приведутъ.
Тогда безправье, свое безславье
Сознавъ, шатнется и падетъ...
Къ свободѣ, къ свѣту, подъ пѣсню эту,
Впередъ, впередъ! Смѣлѣй впередъ!

Поздняя радость.

Въ сыромъ казематѣ, на жесткой постели,
Томится безсонницей узникъ больной;
Видѣнья былого толпою шальной
Мелькнули предъ нимъ и, смѣясь, улетѣли...
Любовь обманувшая клятвами въ немъ

Наивныя чувства святого довѣрья,
И дружба—предъ чернымъ негаданнымъ днемъ—
Въ себѣ воплотившая ложь, лицемѣрье,
На мигъ показались, и въ сердцѣ его
Затронули грубо двѣ старыя раны...
Мечтою стремился онъ въ дальнія страны,
Привѣтствуя жизни другой торжество;
И рвался на волю несчастный мечтатель,
Метаясь, какъ бурею поднятый валъ,
А въ грезахъ горячечныхъ гнусный предатель,
Его погубившій, надъ нимъ хохоталъ...
Увидѣвъ тюремщика утромъ у входа
Въ незнающій солнца, сырой казематъ,
Предчувствовалъ радость и былъ ему радъ
Воспрянувшій узникъ; при словѣ-жъ: «свобода!»
Кровь хлынула къ сердцу и — «съ крикомъ
ужель?»—
Онъ блѣдный и мертвый упалъ на постель.

ИВ. ТХОРЖЕВСКІЙ.

Исаія. глава 60.

«Вы, сильные! вы, именитые!
Для слабыхъ—что сдѣлали вы?
Сплетали силки ядовитые?
— О, слуги лукавой молвы!
Не впору вамъ крылья орлиныя!
Вамъ любо въ родимомъ краю,
Высиживать яйца змѣиныя
И ткать паутину свою!
«Но близится мщенье великое,
Падетъ въ ваши гнѣзда огнемъ,
И чаща терновника дикая
Вся полымемъ вспыхнетъ кругомъ!
Какъ свитокъ, добычею тлѣнія
Поблекнувъ, совьется лазурь,
И звѣзды, какъ листья осенніе,
Спадутъ подъ дыханіемъ бурь!...»

Ю. БАЛТРУШАЙТИСЪ.

Мигъ свободы.

Vae victis!

Надъ угрюмой темницей, надъ оградою глухой,
Пробѣгаютъ вереницей тучи въ пляскѣ грозовой...
Имъ привольно на свободѣ, въ безконечномъ
хороводѣ,
Наступать за ратью рать,—
Грохотать могучимъ громомъ, яркой молніи
изломомъ
Дальній сумракъ озарять!
А за ними въ вихрѣ дикомъ, изъ ущелій темныхъ
горъ,
Вѣтеръ шумный съ воемъ, крикомъ выбѣгаетъ
на просторъ...
То гудитъ въ степи безлюдной, будто въ бой
послѣдній трудный,
Трубятъ въ тысячи роговъ,—
То притихнетъ, будто внемлетъ, всѣ-ли,
Кто въ темницѣ дремлетъ,
Откликаются на зовъ.
Но въ отвѣтъ на кличъ мятежный слышенъ
только тихій стонъ,
Да—въ тревогѣ безнадежной—ржавой цѣпи
скрипъ да звонъ,—
И несется вѣтеръ снова, полный бѣшенства лихого,
Чрезъ долины и лѣса,—
И взвиваясь въ высь, за круги, надуваетъ въ
небѣ тучи,
Точно въ морѣ паруса...
Съ нимъ уходитъ мигъ отрады... тише ропотъ,
дальше вой.
Только громче вдоль ограды бродитъ зоркій
часовой!

С. СИНЕГУБЪ.

На улицѣ.

Съ головами полубритыми,
Въ сѣрыхъ курткахъ и штанахъ,
Съ кандалами непокрытыми
И съ тузами на спинахъ,
Истомленные темницею
Вдоль по улицѣ идутъ
Арестанты блѣднолицые,
Ихъ конвойные ведутъ...
Стукъ колесъ... людей движеніе....
Громкій топотъ лошадей...
Но сквозь шумное волненіе
Выдается лязгъ цѣпей...
Этотъ лязгъ сухой, пронзительный,
Оглашая пыльный путь,
Укоризною мучительной
Бьетъ, какъ молотомъ, мнѣ въ грудь!...
Я гляжу во слѣдъ взволнованый!
Словно я въ томъ виноватъ,
Что въ тюрьму идетъ закованный
И униженный мой братъ!...

Въ одиночкѣ.

Лишь кусочекъ неба виденъ
Сквозь тюремное окошко!
Даже неба мнѣ, бѣднягѣ,
Удѣлили такъ немножко!
Пронесется, словно птица,
Тучка бѣлая, и кротко
Голубой кусочекъ неба
Снова смотритъ за рѣшетку!...
Скучно днемъ мнѣ въ этомъ гробѣ!
Радъ, какъ сумерки настанутъ,
Съ неба звѣздочки украдкой
Цѣлыхъ двѣ ко мнѣ заглянутъ!...
Я волнуюсь, я мечтаю,
Я живу, когда ихъ вижу,
И свободу вспоминаю
И неволю ненавижу!...
Скучно, скучно въ этомъ гробѣ!
Скоро-ль сумерки настанутъ?!
Скоро-ль звѣздочки украдкой
Цѣлыхъ двѣ ко мнѣ заглянутъ?!...

Ночь въ тюрьмѣ.

Сторожъ ходитъ за дверями,
Сонъ его клонитъ...
Онъ лишь изрѣдка ключами
Въ тишинѣ звенитъ...
По стѣнамъ тюрьмы блуждаетъ
Лампы тусклый свѣтъ...
За стѣной не спитъ, шагаетъ
Бѣдный мой сосѣдъ...
Вѣтеръ воетъ за рѣшеткой.
Въ небесахъ темно...
И не свѣтитъ мѣсяцъ кроткій...
Хлещетъ дождь въ окно...
Дрожь по тѣлу пробѣгаетъ,
Сонъ бѣжитъ очей,
И тоска одолѣваетъ
Все сильнѣй, сильнѣй!...
Сиротою одинокимъ
Чувствуешь себя...
Словно въ край чужой далекій
Увезли тебя,
Гдѣ ни друга дорогого,
Ни подруги нѣтъ,
Гдѣ исчезъ всего родного
Безвозвратно слѣдъ!...

Пѣсня узницы.

Молодой меня
Въ тюрьму бросили
Схоронили въ гробъ
Красоту мою!
Безъ любви, безъ ласкъ
Грудь изсушена,
Сердце злой тоской
Все источено!...
Вонъ плывутъ, плывутъ
Тучки бѣлыя,

По просторному
Небу ясному...
Вы скажите мнѣ,
Тучки бѣлыя,
Какъ мнѣ вырваться
Изъ глухой тюрьмы?...
Есть окно въ тюрьмѣ, —
Да рѣшетка въ немъ,
И крѣпка, крѣпка
Дверь желѣзная!...
У двери моей
Часовой съ ружьемъ...
Ахъ! куда уйти
Отъ тоски лихой?...

Прiисковыя стихотворенiя.

Сонъ золотопромышленника.

Послѣ закуски, въ сигарномъ туманѣ,
Онъ возлежалъ на турецкомъ диванѣ...
Милъ и уютенъ его кабинетъ,
Въ часъ этотъ царствуетъ въ немъ полусвѣтъ
Спущены шторы на окнахъ... покойно,
Тихо, не жарко, хоть солнышко знойно
И надъ престольной столицей горитъ.
Пусть!... онъ отъ знойнаго солнца укрытъ!
Вотъ потихоньку онъ вѣки смежаетъ,
Вотъ и сигара его угасаетъ
И упадаетъ на мягкiй коверъ....
Духъ сновидѣнiй явился, простеръ
Крылья надъ спящимъ и сновъ вереницы
Сыплетъ и сыплетъ ему на рѣсницы...
Балъ ему снится... Сiяющiй залъ,
Званыхъ отборныхъ гостей персоналъ...
Музыки звуки... мужчинъ разговоры,
Блескъ эполетовъ, бряцанiе шпоры...
Звяканье рюмокъ, бутылокъ пальба...
Женщинъ красивыхъ живая толпа
Весело тутъ суетится, танцуетъ,
Старцевъ и юношей страстью волнуетъ;
Слышится дѣвъ зажигательный смѣхъ...
Только ему одному, какъ на грѣхъ,
Что-то не весело вовсе на балѣ...
Хочетъ найти онъ веселье въ бокалѣ...
Вотъ и бокалъ на подносѣ несутъ,
Влагой янтарною блещетъ сосудъ,
Пѣной играетъ вино дорогое...
«Братецъ мой! что ты принесъ мнѣ такое?!!»
Съ крикомъ слугу вопрошаетъ онъ вдругъ.
Сжалъ ему сердце нежданный испугъ...
Вмигъ опустѣло роскошное зало...
Званыхъ гостей его—какъ не бывало!
Нѣтъ и слуги!... И одинъ лишь бокалъ,
Пѣнясь, шипя и сверкая, стоялъ
Предъ богачемъ... Такъ свершается чудо!
Смотритъ въ испугѣ на дно онъ сосуда,
Смотритъ и видитъ: тамъ образъ живой
Зашевелился... Костлявый худой
Горнорабочiй тамъ видится ясно;
Бѣдно одѣтъ онъ и грязенъ ужасно,
Съ молотомъ, съ буромъ желѣзнымъ въ рукѣ,
Съ алою струйкой на грязной щекѣ...
Вотъ онъ и въ залѣ!... Усталый рабочiй
Глазомъ единымъ въ хозяйскiя очи
Смотритъ сердито... Хозяинъ дрожитъ...
Горнорабочiй ему говоритъ:
«Что,—испугался? Небось,—не убью!
«Не для того предъ тобою стою!
«Ты вотъ и въ страхѣ, а смотришь сердитымъ!
«Мнѣ же вонъ вышибло глазъ динамитомъ,—
«Диво-ль, что я окривѣвши сердитъ?!
«Все-жъ убивать тебя Богъ не велитъ!
«Полно дрожать тебѣ въ страхѣ-то глупомъ!
«Лучше пройдись-ка со мной по уступамъ
«Въ гору, подъ землю, гдѣ шпуритъ нашъ братъ
«Въ сырости, въ тьмѣ, чтобы былъ ты богатъ!
«Разъ хоть взгляни ты на сущую муку!...»
Смѣло беретъ богача онъ за руку,
Крѣпко сжимая ее, какъ въ клещахъ,
Въ грубыхъ своихъ и немытыхъ рукахъ,
И изъ чертога пировъ и веселья
Тащитъ его въ глубину подземелья...
Съ трепетомъ въ сердцѣ хозяинъ вступилъ
Въ область гранитовъ и кварцевыхъ жилъ.
Вотъ передъ ними и узкая штольня...
Мрачно и сыро здѣсь; трудно довольно
Двигаться здѣсь непривычнымъ ногамъ,
Тянутся руки невольно къ крѣпямъ...
Скользко... о рельсы богачъ спотыкается,
Ежеминутно упасть опасается...
Каплетъ вода на него съ потолка.
Страшно противны у штольни бока, —
Плѣсенью сплошь поросли да грибами,
Лужи и вязкая грязь подъ ногами.
Узкая штольня, что дальше,—темнѣй...
Запахъ могилы сырой все сильнѣй...
Дрожь пробѣгаетъ... За крѣпью порою
Слышно, какъ ропщетъ ручей подъ землею.
Путь освѣщая, въ рукѣ богача
Сальная тускло мерцаетъ свѣча...
Въ тьмѣ этой вѣчно царящей здѣсь ночи
Робко плетется хозяинъ... Рабочiй
Смѣло безъ свѣчки идетъ,—онъ привыкъ,
Съ дѣтства родной ему знаетъ рудникъ.

«Стой,— вдругъ онъ молвилъ,—и шапку долой!
«Тише!.. покойникъ тутъ! братъ мой родной!
«На вотъ, гляди-ка! иль смѣйся, иль плачь!»
Въ ужасѣ смотритъ и видитъ богачъ:
Свалены въ кучу тутъ кварцы, граниты,
Сверхъ этой кучи—рабочій убитый!
Въ черепѣ рана... въ крови волоса...
Очи открыты... и, словно роса,
Слезы блестятъ въ нихъ... Не сомкнуты губы..
Страшно оскалены бѣлые зубы...
Стѣнки забоя, гдѣ шпурилъ убитый,
Мозгомъ облѣплены, кровью облиты...
Въ страхѣ смертельномъ хозяинъ дрожитъ,
Тихо рабочій ему говоритъ:
«Видишь-ли, братъ мой бурилъ со мной рядомъ;
«Буромъ дошелъ я до шпура съ зарядомъ, —
«Видно, остатокъ заряда тамъ былъ —
«Этимъ зарядомъ я брата убилъ!
«Глазъ мнѣ вотъ вышибло,—брата-жъ убило
«Сразу, какъ острой косою скосило!...
«Кровью обрызгавъ богатую жилу,
«Рано собрался онъ, бѣдный, въ могилу!
«Такъ ужъ Господь ему, видно, судилъ:
«Много работалъ, да мало пожилъ!..
«Видишь, хозяинъ, темны мы и глупы!
«Все же, родимый, совсѣмъ мы не скупы!
«Сладко-ли мы отъ тебя-то живемъ:
«Грошъ получаемъ, а жизнь отдаемъ!...
«Золото нынѣ получишь ты съ кровью!
«Крестъ изъ него ты поставь къ изголовью,
«И каждодневно молись передъ нимъ,
«Передъ кровавымъ крестомъ золотымъ!...
«Вѣкъ ты живешь и богато и славно,
«Сладко обѣдаешь, спишь преисправно;
«Жизнь протекаетъ твоя день за днемъ
«Праздникомъ, пиромъ и сказочнымъ сномъ,—
«Въ вѣчномъ досугѣ и вѣчномъ весельи!...
«Мы же, вотъ въ этомъ сыромъ подземельи,—
«Лишь для того, чтобъ ты былъ богачемъ,—
«Словно кроты земляные живемъ...
«Мы, что̀ досуга и въ праздникъ не знаемъ,
«Часто покаяться не успѣваемъ —
«Передъ кончиной... Такъ ты не лѣнись,
«Крѣпче за нашего брата молись!...»
По́томъ облитый владѣлецъ проснулся
И въ изумленьи кругомъ оглянулся.
«Слава Всевышнему, это лишь сонъ!»—
Искренно радуясь, думаетъ онъ...
И позабывъ о рабочемъ убитомъ,
Сталъ собираться куда-то съ визитомъ...

Къ родинѣ.

О! какъ бы я желалъ, чтобъ ты, моя родная,
Межъ странъ земныхъ блистала, какъ звѣзда,
Что́, въ небесахъ алмазами сверкая,
Всѣхъ краше звѣздъ мнѣ кажется всегда!
И почему по красотѣ духовной
Не первая ты въ мірѣ, мать моя?!...
Одѣтая лохмотьями тряпья,
Бредешь ты, нищая, походкою неровной,
Дорогою тернистою труда,
Не видя впереди ни свѣта, ни слѣда!...
Руководимая . . . .
Не стала ты подругою свободы!
Тебя страшатся всѣ народы,
Какъ силы темной, силы злой!...
И больно мнѣ,—никто въ земной юдоли
Благословенія не шлетъ странѣ моей!
Лишь слышу я: «Ужасный край неволи!
«Проклятый край безправья и скорбей!»

Пѣсня рабочихъ молодой Россіи.

Прочь, унылыя пѣсни рабовъ,
Что́ отцы наши скорбные пѣли,—
Пѣсни сходныя съ воемъ метели
Да бряцаньемъ тяжелыхъ оковъ!
Эти пѣсни—плачъ темныхъ людей
Съ ихъ сиротской мольбой о пощадѣ,
Стонъ острожниковъ въ тѣсной оградѣ
Подъ ударами лозъ и плетей!
Слушать пѣсни рабовъ—убивать
Цвѣтъ души, боевое стремленье!
Ихъ отецъ—вѣковое терпѣнье,
Безотвѣтная робость—ихъ мать!...
Прочь же слезы и пѣсни раба!
Наши души иного закала,—
Ихъ для воли судьба воспитала,
Ихъ родная стихія—борьба!
Наша пѣсня звенитъ, какъ потокъ,
Пробужденный весной животворной,
Что̀ изъ горной тѣснины упорно
Мчится къ морю и чистъ и глубокъ!

*

Пробуждается день... Но задернутъ востокъ
Тяжкой грозно нахмуренной тучей...

Изъ-за края ея брызжетъ алый потокъ
Свѣта, жизни и битвы кипучей!...

*

Торжествующихъ звуковъ полны небеса...
Грохотъ грома весенняго льется
На родныя долины, на степь, на лѣса...
Сердце счастья предчувствіемъ бьется!...
Здравствуй, громъ! Здравствуй, жизнь! Здравствуй, радость борьбы!...
Скройся, горе мучительной ночи!
Разбивайте въ куски свои цѣпи, рабы!
Смѣло волѣ взгляните вы въ очи!

Монологъ.

За цѣпи тяжкія, сковавшія мнѣ руки,
За гнетъ тюрьмы суровой и глухой,
За годы долгіе мучительной разлуки
Съ любимою подругой дорогой,
За одиночество, за пытку униженья,
За все, за все, чѣмъ мучите меня,
Отнесся-бъ къ вамъ, враги, безъ озлобленья,
Простилъ бы васъ съ молитвой, не кляня!...
Но адскія дѣянья вашихъ рукъ—
На плахѣ палачемъ казненная свобода,
Весь ужасъ нищеты забитаго народа,
Все горе тяжкое разлитое вокругъ,
Друзей моихъ и гибель и мученья,
Вся пролитая вами кровь,—
Убили въ сердцѣ чувство всепрощенья
И отравили злобою любовь!
Проклятье вамъ, ходячіе вы гробы!
Вы умертвили все, чѣмъ былъ я такъ богатъ!
Отдайте сердце мнѣ мое назадъ!
Мнѣ тяжело существовать для злобы!

Послѣдніе дни.

Кровью налитыя очи
Блещутъ во мракѣ ночномъ,
Злыя чудовища ночи
Насъ обступили кругомъ!...

* * *

Ими въ расправѣ кровавой
Кровью людскою облитъ
Воли алтарь величавый!...
Дышатъ уста ихъ отравой...
Трупами путь ихъ покрытъ!...

* * *

Братья! хоть тяжки потери
Наши и нашихъ друзей,
Будьте тверды въ своей вѣрѣ,—
Не одолѣютъ насъ звѣри,
Не побѣдить имъ людей!

* * *

Стойко держитесь и вѣрьте:
Ждетъ васъ побѣдный вѣнецъ!
Слугамъ насилья и смерти
Рокъ предназначилъ конецъ!...

* * *

Жаль имъ торжествъ многолѣтнихъ
Но ихъ сосчитаны дни...
Это въ усильяхъ послѣднихъ
Мечутся, бьются они!

ШЕБУЕВЪ.

Дорогу Женщинѣ!

Дорогу Женщинѣ! Безъ горя и заботы
Съ челомъ ликующимъ иди, иди впередъ
Въ нѣмую даль, дитя. Пусть мелкіе расчеты,
Пусть мелкій эгоизмъ въ сердцахъ мужчинъ замретъ
Пусть стихнутъ предъ тобой насмѣшки и проклятья
За тотъ кусокъ, что вырвать можешь ты...
Дорогу Женщинѣ! Дорогу шире, братья,
Къ познанью истины, къ познанью красоты...
Прекрасна, какъ цвѣтокъ. Она стремится къ свѣту,
Какъ рвется къ небесамъ ликующій цвѣтокъ.
И тотъ, кто преградить дорогу хочетъ эту, —
Презрѣненъ, какъ палачъ, и какъ тиранъ, жестокъ, —
Презрѣннѣй даже ихъ, — палачъ не душу — тѣло
Ударомъ топора сразить однимъ готовъ,
Тиранъ терзаетъ плоть, въ немъ сердце огрубѣло,
Но душу не сковать ему ярмомъ оковъ...
А вы... вы гордый умъ, вы душу, душу - птицу,
Что рвется къ небесамъ свободой подышать,
Хотите запереть въ подземную темницу, —
Цѣпями чернаго невѣжества сковать...
Проклятье вамъ стократъ. Не женщинѣ ли счастьемъ
И жизнью самой вы обязаны своей,
Не Женщина ли Мать съ любовью и участьемъ
Склонялась нѣжно къ вамъ на утрѣ вашихъ дней,
Не Женщина ли Мать съ горячею слезою
Омыла первый вашъ невѣрный робкій шагъ.
Рыдала изъ-за васъ предъ каждою грозою
И радовалась вамъ за каждый проблескъ благъ.
Не Женщина-ль Мечта съ очами херувима,
Съ улыбкой кроткою, вамъ чудилась порой,
Прекрасна, какъ весна какъ сонъ, неуловима,
Нашептывала вамъ видѣній свѣтлый рой,
Вамъ окрыляла умъ, вамъ очи открывала,
Звала на подвиги, на бой со зломъ звала.
Не Женщина-ль Мечта съ очами идеала
Спасала васъ не разъ средь пошлости и зла?
Не Женщину-ль поютъ отъ края и до края
Поэты всѣхъ временъ, на милліоннахъ лиръ,
Не Женщину-ль зовутъ они созданьемъ рая,
Не Женщина-ль для нихъ—и муза, и кумиръ...
Художника мечта, ваятеля идея
Вамъ въ женскомъ образѣ не чаще ли всего
Является и вы, предъ красотой нѣмѣя,
Не въ силахъ удержать восторга своего
И пасть готовы ницъ... Какъ древніе народы,
Готовы Женщину и вы боготворить
Но искру каждую, но каждый лучъ свободы
Въ сознаніи ея спѣшите погасить
По праву сильнаго. Жестоки и грубы
Вы и сейчасъ у Ней отнять готовы славу,
Добытую теперь во дни святой борьбы...
Не съ вами-ль наравнѣ въ оковахъ и темницахъ
Тираномъ Женщины свобода попрана.
На кровью залитыхъ исторіи страницахъ
Не ихъ ли звѣздами сверкаютъ имена!...
Дорогу женщинѣ... До дна страданій чашу
Ты съ нами выпила. Ты въ ногу намъ идешь,
Съ великимъ лозунгомъ: «За нашу и за вашу
Свободу!» красный флагъ въ рукахъ своихъ несешь...
Пусть стихнутъ предъ тобой насмѣшки и проклятья
За тотъ кусокъ, что вырвать можешь ты.
Дорогу Женщинѣ! Дорогу шире, братья,
Къ познанью Истины, Свободы, Красоты...

А. СКОРБИНЪ.

Прощаніе съ кельей.

I.

Простите постылыя стѣны!
Иду я «на волю» отъ васъ...
Но новую жертву измѣны
Найдетъ вамъ не дремлющій глазъ.

II.

Не долго вы такъ простоите;
Быть можетъ, тотчасъ же за мной
Отъ жизни вы жизнь отлучите
И свѣтъ ей замѣните тьмой.

III.

И станете снова угрюмо
На жертву неволи взирать;
И снова печальная дума,
Тоскуя, здѣсь будетъ летать.

IV.

И биться о васъ, о рѣшетку,
Объ этотъ убійственный сводъ,
Пока ея скорбную нотку
Свобода иль смерть не прерветъ.

V.

Храните-жъ ее для свободы,
Гдѣ крылья расправитъ она,
Гдѣ будетъ до новой невзгоды
Парить—и смѣла, и сильна!

VI.

Не дайте вы ей лишь въ безумье
Себя самоё пережить...
О, рвите тогда безъ раздумья
Вы жизни безсмысленной нить!

VII.

На что намъ свѣтильникъ разбитый!
Онъ, тлѣя, лишь будетъ чадить....
Огонь, въ немъ на вѣки сокрытый,
Должно было-бъ прежде щадить.

VIII.

И кто онъ—пріемникъ мой бѣдный!
Своя-ли, чужая-ль бѣда,
Стрясясь надъ главою побѣдной,
Ее приведетъ къ вамъ сюда?

IX.

Кто-бъ ни былъ ты, будущій плѣнникъ,
Прими утѣшенье мое:
Сгубилъ тебя врагъ ли, измѣнникъ,
— Не отнято знамя твое!

X.

Вокругъ себя свѣжія силы,
Конечно, оно соберетъ
Надъ братскою славной могилой
И въ бой ихъ опять поведетъ.

XI.

И самъ ты, вернувшись изъ плѣна,
Встать можешь подъ прежній свой стягъ,
И опытъ твой—силы замѣна
Послужитъ ему еще какъ!

XII.

Обдумай, скажу на прощанье,
Свои и чужіе грѣхи,

Да помни мое завѣщанье,
Особенно эти стихи:

XIII.

До жизни послѣдняго вздоха
Съ врагами свободы борись;
Когда же душѣ станетъ плохо,
— За истину крѣпче держись!

А. РОСЛАВЛЕВЪ.

Три ворона.

Облака надъ степью
Мѣсяцемъ разорваны,
На курганѣ голомъ
Задремали вороны.

И увидѣлъ первый
Снѣгъ, землянки скрытыя,
Выстрѣлы и стоны,
И лежатъ убитые.

А второй увидѣлъ
Улицы изрытыя...
Выстрѣлы и стоны,
И лежатъ убитые.

И увидѣлъ третій
Избы непокрытыя...
Выстрѣлы и стоны,
И лежатъ убитые.

Заалѣло небо,
Въ разныя три стороны
За поживой сытною
Полетѣли вороны.

Въ ту ночь.

Мы были прокляты судьбой
И шли невѣрными шагами,
Нашъ песъ понурый и худой
Тащился нехотя за нами.

Нависнувъ низко облака
Клубили темныя волокна,
Навстрѣчу намъ издалека
Ползли загадочныя окна.

Мнѣ что-то чудилось едва,
Чему противилось сознанье,
Намъ были тягостны слова
И было трудно длить молчанье.

Вдругъ песъ завылъ и побѣжалъ
Мой крикъ упалъ на полусловѣ,
На тротуарѣ трупъ лежалъ
Лицомъ въ пятнѣ застывшей крови.

Еще одинъ.—Сыны земли.
Когда же цѣпи распадутся?
Остановились, обошли...
И шли не смѣя оглянуться.

Красный всадникъ.

По городамъ и деревнямъ
Къ заклятой башнѣ мчится онъ,
Уже давно нѣтъ счета днямъ
И каждый день, какъ страшный сонъ.

Когда-то бѣлый красенъ конь,
А онъ смѣется, крови радъ
За нимъ шумъ битвы и огонь
И пьяный воющій набатъ.

Отъ многовѣчныхъ бѣдъ и злобъ
Въ лицѣ нельзя признать лица
Гдѣ ступитъ конь его—тамъ гробъ.
И, ужасъ, нѣтъ гробамъ конца.

Въ заклятой башнѣ дѣва ждетъ,
Въ семи цѣпяхъ, въ гнетущей мглѣ,

Она то плачетъ, то поетъ,
О солнцѣ, вѣтрѣ и орлѣ.

И для нея нѣтъ счета днямъ
И каждый день какъ страшный сонъ
По городамъ и деревнямъ
Къ заклятой башнѣ мчится онъ.

Мужики.

Идутъ мужики и несутъ топоры.
Что-то страшное будетъ.
Достоевскій („Бѣсы")

Помню, грабили усадьбу,
Ворвались въ притихшій домъ,
Воя звалъ набатъ на свадьбу
Смерти съ краснымъ пѣтухомъ.

Помню парня безъ рубахи,
Чьи-то бранныя слова,
Хриплый стонъ, топоръ и съ плахи...
Тупо ткнулась голова.

Не забыть ея качанья
На рожкѣ блеснувшихъ вилъ
И мгновеннаго молчанья
Какъ-бы вскрывшихся могилъ.

И безумье, мнѣ казалось,
Что я гдѣ-то вдалекѣ,
Помню дѣвочка смѣялась
Съ куклой въ крошечной рукѣ.

Жгли и грабили усадьбу,
И трещалъ и падалъ домъ,
Воя звалъ набатъ на свадьбу
Смерти съ краснымъ пѣтухомъ.

Г. ВЯТКИНЪ.

Изъ новыхъ пѣсенъ.

Молитесь вы, рабы, трусливые душою,
Съ наивной вѣрою предъ Божествомъ глухимъ,
Мы—дѣти новыхъ дней: позорною мольбою
Мы нашей гордости во вѣкъ не оскорбимъ.
Какъ были щедры вы на слезы и моленья,
Но Богъ, вашъ грозный Богъ, не слышалъ, не внималъ
И, вмѣсто радости, любви и всепрощенья,
Карающій свой бичъ на васъ же поднималъ...
И въ страхѣ низменномъ, въ животномъ, рабскомъ страхѣ,
Готовые всегда прощать и умолять,
Покорные бичу, валялись вы во прахѣ,
Покорные бичу, не смѣли вы роптать.
И вотъ, ужъ вы—мертвы... Разбиты ваши силы
Бѣжитъ живая мысль отъ мертваго чела,
Порывы и мечты такъ жалки, такъ унылы...
Свободная душа навѣки умерла...

*

Мы—дѣти новыхъ дней. Божественное пламя
Горитъ у насъ въ сердцахъ. Душа у насъ свѣжа,
Въ мозолистыхъ рукахъ—воинственное знамя...
. . . .
Мы прокляли ее—страдальческую долю,
Возстали, какъ одинъ, и смѣло вышли въ бой.
Борьба на жизнь и смерть, борьба за свѣтъ и волю, —
Вотъ гордый нашъ девизъ, нашъ лозунгъ боевой!
Подъ тяжкою грозой не плачемъ мы, не стонемъ,
Надъ черной бездною безъ страха мы стоимъ.
И, сильные душой, колѣнъ мы не преклонимъ
Предъ небомъ пасмурнымъ, холоднымъ и глухимъ.
Не вѣримъ въ небо мы! Какъ часто и нежданно
Оно, бездушное, обманывало васъ.
Мы вѣримъ лишь въ себя, мы вѣримъ въ свѣтъ желанный,
Въ идею свѣтлую, связавшую всѣхъ насъ...

*

Молитесь же, рабы, трусливые сердцами,
Цѣлуйте Божій бичъ и ползайте въ пыли:
Быть можетъ, грозный Богъ и сжалится надъ вами
И властною рукой сотретъ съ лица земли!

Мы—дѣти новыхъ дней. Пусть ждутъ насъ злыя бѣды,
Пусть смертью раннею намъ всѣмъ грозитъ судьба
Такъ вѣримъ мы въ себя, такъ страстно ждемъ побѣды...
Да здравствуетъ разсвѣтъ! Да здравствуетъ борьба!...

* * *

«И увидѣлъ я новое небо и новую землю».

Гроза близка...
Съ громами бури,
Съ огнями молній въ вышинѣ,
Она идетъ, она несется,
Вся въ тучахъ, блескѣ и огнѣ...
Она ударитъ въ тьму ночную,
Оковы ночи разобьетъ
И истомившуюся землю
Нездѣшнимъ пламенемъ зажжетъ...
И будетъ страшенъ и прекрасенъ
Ея приходъ, ея ударъ,
И вспыхнетъ ярко, ярче солнца,
Всеочистительный пожаръ...
Приди, гроза! Всю ложь земную,
Все зло сожги и умертви,
И тѣхъ, кто бодръ, силенъ и молодъ,
Для новой жизни воззови.
Желанный день улыбкой ясной
Зальетъ цвѣтущія поля,
И будетъ жизнь свѣтла, какъ солнце,
Какъ обновленная земля!...

Дѣтство.

Помню грязь пустынныхъ улицъ,
Молчаливый сѣрый дворъ,
Рядъ домишекъ старыхъ, тѣсныхъ,
Накренившійся заборъ.

Помню вѣчный мракъ подвала,
Вѣчный холодъ чердака,
Брань и драки изъ-за хлѣба,
Изъ-за черстваго куска.

Визгъ и пѣсни пьяныхъ женщинъ,
Слезы, стоны, крики, кровь...
Къ солнцу, къ небу, къ звѣзднымъ безднамъ
Непонятную любовь.

Помню вой осенней ночи,
Злую бурю на рѣкѣ,
Мать—съ веревкою на шеѣ
Въ опустѣвшемъ чердакѣ.

* * *

Мы ушли отъ безпечныхъ и сытыхъ... ушли
Къ позабытому ими народу.
Хорошо—умереть за грядущій разсвѣтъ,
Хорошо—умереть за свободу.
Вспыхнетъ радостный день надъ родимой землей,
Вспыхнутъ новыя гордыя силы,
И вернется весна... И утонутъ въ цвѣтахъ
Дорогія народу могилы...

Въ тюрьму.

Завтра рано встану, рано въ садъ пойду,
Къ маленькой бесѣдкѣ, къ тихому пруду.
Ландыши-малютки показались тамъ,
Ландыши-малютки я тебѣ отдамъ.
Буду пѣть и плакать. Буду рвать цвѣты, —
Знаю, знаю, милый, какъ ихъ любишь ты.
Ахъ скорѣй-бы утро! Жди и вѣрь ему.
Вся въ цвѣтахъ весеннихъ я приду въ тюрьму.
Назовусь невѣстой, назовусь сестрой
И тебя увижу, милый, милый мой.
Выйдетъ юный узникъ, въ тяжкихъ кандалахъ
Скованный орленокъ—къ дѣвушкѣ въ цвѣтахъ...
... Завтра встану рано, рано въ садъ пойду,
Къ маленькой бесѣдкѣ, къ тихому пруду.
Ландыши-малютки показались тамъ,
Ландыши-малютки я тебѣ отдамъ...
И свое сердечко положу въ цвѣты,—
Знаю, знаю, милый, какъ ихъ любишь ты...

Товарищу.

(Посвящ. М. И Боголѣпову).

... Давно-ли, мой добрый, мой честный товарищъ,
Мы къ цѣли завѣтной идемъ —
По терніямъ острымъ, по терніямъ жгучимъ,
И тяжкимъ, и долгимъ путемъ?...

Мы скоро устали... Усталыя очи
Слезами обиды блестятъ...
Могучія силы слабѣютъ... На тѣлѣ
Кровавыя раны горятъ...

Но страстною вѣрой, но дерзкой отвагой
По-прежнему бьются сердца.
— О, если-бъ мятежную душу, товарищъ,
Мятежной сберечь до конца!

— О, если-бы къ небу, къ великому солнцу,
Рвалась неустанно она,
Рвалась изъ тумана гнилого,
Изъ царства неволи она...

ЧЕЧЕНЕЦЪ.

Сестрѣ.

(Неизвѣстному другу, передавшему мнѣ цвѣты въ Домъ Предварительнаго заключенія въ Пасху 1902 г.).

Коварно преданный друзьями,
Одинъ, съ безплодною тоской,
Томился я въ позорной ямѣ
Тюрьмы холодной и сырой.
А за окномъ моей темницы
Дыханьемъ вѣяло весны.
Живою лентой въ небѣ птицы
Неслись изъ дальней стороны,
И крикомъ смѣлымъ оглашали
Онѣ безмолвную тюрьму,
Какъ будто снова призывали
Со зломъ и ложью на борьбу...
Неволей долгой изнуренный,
На нихъ я съ завистью взиралъ
И часто мыслью затаенной
За ними слѣдомъ улеталъ—
Туда, гдѣ потъ ручьями льется
Съ людей, измученныхъ трудомъ,
Гдѣ стонъ тяжелый раздается
И гибнутъ братья подъ ярмомъ...
Но быстро птицы улетали,
Въ края далекіе стремясь,
И снова я въ своемъ подвалѣ
Сидѣлъ, тоскуя и томясь.
Лишь ты въ позорную обитель
Безъ страха дѣтскаго вошла
И точно ангелъ утѣшитель
Туда цвѣтовъ мнѣ принесла...
И вмигъ повѣяло весною
Отъ нихъ въ мой душный казематъ,
Когда невидимой струею
Разлился чудный ароматъ.
Забывъ неволи гнетъ суровый,
Душа воспрянула моя,
Забилось сердце съ силой новой,
И для борьбы вновь ожилъ я.
О, будь судьбой всегда хранима,
Живи для счастья и добра,
Борись съ неправдой, будь любима!
Спасибо, добрая сестра!...

ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ.

Въ мастерской.

Не въ моготу мнѣ хладнокровно
Здѣсь въ мастерской торчать грибомъ!
Куда бы лучше было бревна
Мнѣ въ плотъ сволакивать багромъ.

Пускай хоть голодъ одолѣетъ,
Дождь донимаетъ до костей,
Но если вѣтеръ грудь обвѣетъ,—
Душѣ какъ-будто веселѣй.

Я не хочу, какъ нищій, крошки
Сбирать съ протянутой рукой,
Глядѣть сквозь чуждыя окошки
На праздникъ жизни молодой.

Силъ молодыхъ во мнѣ довольно,
Но этимъ силамъ ходу нѣтъ,
И мнѣ бы жить теперь раздольно
Въ разгарѣ силъ, во цвѣтѣ лѣтъ.

Но гнись надъ скучною работой,
И не доѣшь, и не доспи
И, провожая день зѣвотой,
Обиды горькія терпи.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Подъ ярмомъ.

Рано-рано на зарѣ,
Какъ батракъ, я подымаюсь
И при лампѣ въ конурѣ
За работу принимаюсь.

Спитъ хозяйка за стѣной;
Слышно мнѣ ея сопѣнье;
Ты работай и не пой —
Помѣшать ей можетъ пѣнье.

Мы большіе господа!
Скоро самъ хозяинъ встанетъ,
Босикомъ придетъ сюда,
На мою работу взглянетъ.

Самъ присядетъ—и пойдетъ
До полуночи работа,
Злость подъ ложечкой сосетъ,
Пробираетъ потягота.

И подумать — для чего!
Какова моя награда?
Грошъ и больше ничего!
Такъ мнѣ, глупому, и надо!

Самъ даю себя запречь,
Самъ себя я обрекаю:
Не умѣю я сберечь—
Все до грошика спускаю!

Пожаръ.

Ночью въ полѣ на травѣ
Я лежалъ въ полудремотѣ;
Мысль роилась въ головѣ
О дорогѣ и работѣ.

Я сквозь сонъ услышалъ гулъ,
Слышалъ я, не понимая;
Мнѣ въ глаза огонь сверкнулъ,
Колыхаясь и мелькая.

Это въ городѣ пожаръ —
Злоба въ сердцѣ шевельнулась.
То-то бросило ихъ въ жаръ,
Все вверхъ дномъ перевернулось.

Всѣ воспрянули отъ сна,
Бросивъ теплыя постели,
И съ балкона, изъ окна
Внизъ тормашками слетѣли.

Пусть сгораетъ ихъ добро!
Пусть ихъ въ нищихъ обратятся!

Какъ растаетъ серебро,
Перестанутъ величаться.

Пусть извѣдаютъ они
Милосердіе людское!
Пусть блуждаютъ ночи, дни
На морозѣ или въ знoѣ!

Безъ работы, безъ куска,
Безъ пріюта и опоры;
На душѣ, какъ ледъ, тоска,
А кругомъ—добра, какъ горы!

Все запасено у всѣхъ.
Ты-жъ—голодный, одинокій,
И нашептываетъ грѣхъ
Злобно замыселъ жестокій.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Не пойти ли въ городъ мнѣ,
На пожаръ полюбоваться —
Посмотрѣть, какъ на огнѣ
Ихъ богатства пепелятся?

Не позвать ли ихъ къ себѣ,
Не сказать ли въ утѣшенье,
Что въ скитальческой судьбѣ —
Красота и упоенье?

Эхъ рабы ничтожныхъ благъ!
Возмужаете-ль вы скоро —
Дымный бросите-ль очагъ
Для свободы и простора?

На родинѣ.

Сторона-ль моя сторонушка,
Сторона ли сторона!
Ты, какъ черная воронушка,
И пуглива, и черна.

Все пророчишь горе лютое,
Видишь все неурожай,
И, какъ деревцо пригнутое,
Плодъ прохожимъ отдавай!

Здѣсь селенье погорѣлое;
Здѣсь на нивы выпалъ градъ;
Здѣсь страданье неумѣлое
Создаетъ кромѣшный адъ.

Все безпомощно, запугано,
Исподлобья все глядитъ,
Все осмѣяно, поругано
И таинственно молчитъ;

И печаль необычайная,
И покорность злой судьбѣ,
Рѣчь насмѣшки, злоба тайная
И слѣпой задоръ въ тебѣ.

И разгульно-заунывная
Пѣсня горькая твоя,
Какъ судьба твоя тоскливая
Жалитъ сердце, какъ змѣя.

Скитальцу.

Всѣ твои я пѣсни знаю,
Всѣ до слова наизусть,
Но когда ихъ распѣваю, —
Въ сердцѣ чувствую я грусть.

Для чего къ богатымъ ходишь
Ты съ угрозой на устахъ,
Безпрестанно рѣчь заводишь
О пожарахъ, о громахъ?

Брось упитанныхъ и сытыхъ
Съ ихъ безтрепетной душой,
Но голодныхъ, недобитыхъ
Собери, какъ братъ родной.

И съ твоимъ напѣвомъ смѣлымъ,
Местью праведной дыша,
Какъ съ великимъ, кровнымъ дѣломъ
Сочетается душа.

ЭМИГРАНТЪ.

Пѣсня рабочихъ.

Изъ угрюмаго подвала
Пѣсня звонкая несется.
Въ ней неволя и свобода.
И рыдаетъ, и смѣется
Пѣснь рабочаго народа.

— Дружно братья! хватитъ мочи,
— Нестрашны нужда и голодъ!
— Къ нимъ привыкъ давно рабочій,
— Пусть слѣпитъ огонь намъ очи:
— Терпимъ смѣло зной и холодъ,
— Не изнѣжены судьбой,
— Пошлой праздности не зная,
— Путь нашъ честною тропой
— Закаленною стопою
— Мы проходимъ, уповая.
— Вѣримъ мы, наступитъ время —
— Рухнутъ ветхія преграды,
— Легче жизни станетъ бремя.
— Зрѣетъ терній ея сѣмя
— День заслуженной награды.
— Дружно, братья! хватитъ мочи.
— Близокъ, близокъ часъ разсвѣта,
— Сгинетъ тьма кровавой ночи,
— И свободы солнце въ очи
— Глянетъ съ ласкою привѣта!...

*

Изъ угрюмаго подвала
Пѣсня звонкая несется,
Въ ней неволя и свобода.
И рыдаетъ, и смѣется
Пѣснь рабочаго народа!

В. ОКСЪ.

* * *

Я приду, чтобъ встревожить твой сонъ и покой,
И спугну твои дѣтскія грезы;
Не дрожи, не клонись подъ моею рукой,
Не роняй эти кроткія слезы.
Какъ косецъ я иду не гляжу предъ собой, —
Если я размахнулся широко
И съ травою подрѣзалъ цвѣтокъ голубой, —
Не кляни, не вини такъ жестоко!
Я грозою пройду, я смерчомъ пролечу,
Возмущу неподвижныя воды!
Что мнѣ тихій покой?—я тревоги хочу,
Я тревоги хочу — и свободы!
Если можешь—за мной! Надъ вершинами горъ,
Гдѣ разсвѣта рождается пламя,
Между молній и тучъ мы почуемъ просторъ,
И подниемъ свободное знамя!

В. ЧОЛБА.

Впередъ.

Братья, крѣпнетъ вьюга злая,
Намъ дорогу застилая,
Тьма и мгла кругомъ;
Но не вѣдая печали,
Мы навстрѣчу свѣтлой дали
Съ вѣрою пойдемъ!

Братья, сила въ единеньи,
Пусть высокое стремленье
Души намъ сроднитъ;
Насъ немного, но душою
Будемъ мы передъ грозою
Тверды какъ гранитъ!

Пусть сильнѣе вьюга злится,
Тотъ, кто вѣритъ, не страшится
И съ надеждой ждетъ;
Тѣхъ, въ комъ вѣра гаснуть будетъ,
Пусть ободритъ, пусть пробудетъ,
Смѣлое «впередъ!»

М. ОЛЬШАНСКІЙ.

Въ сельской школѣ.

(Изъ записокъ учителя).

Во мнѣ довно таилося желанье
Служить другимъ. Я выполнилъ мечту
И сталъ учитель. Въ дѣтское сознанье
Вносилъ я мысль, какъ свѣточъ въ темноту.
Я говорилъ имъ, что для цѣлей жизни
Ничто—чины, богатство, серебро,
Что для того, чтобы служить отчизнѣ,
Нужна лишь правда, вѣра и добро.
Что нѣту счастья выше и свѣтлѣй,
Какъ другомъ быть обиженныхъ людей,
Творить добро, быть преданнымъ идеѣ,
Всѣмъ помысломъ своимъ отдавшись ей.
Все шло отлично.—Вдругъ шлютъ намъ извѣщенье:
Инспекторъ ѣдетъ смотръ произвести,
Разслѣдовать, какъ шло у насъ ученье,
И обо всемъ начальству донести.

Сегодня былъ инспекторъ на урокѣ.
Я, какъ всегда, пространно говорилъ
О равенствѣ, о правдѣ, о порокѣ...
Инспекторъ слушалъ слушалъ... и вскочилъ.
«О, Боже мой, вы что наговорили
Невиннымъ дѣтямъ? Что за кутерьму?
Вѣдь прежде васъ за это-бы казнили,
Въ Сибирь сослали, спрятали-бъ въ тюрьму!
Теперь, конечно, вѣянья иныя!
Я самъ готовъ за правду ихъ принять...
Но развѣ можно ужасы такіе
Крестьянскимъ дѣтямъ въ школѣ прививать?»
Я робко молвилъ:—«Посудите сами:
Вѣдь я готовлю гражданъ изъ дѣтей!»
Но тутъ инспекторъ замахалъ руками:
«Вѣдь граждане—синонимъ бунтарей!
Что будетъ послѣ? Гдѣ-же уваженье
Къ чинамъ и власти? Къ званію дворянъ?
Подумайте, - что будетъ за мученье
Сдержать потомъ мятежный океанъ!
Вы думали-ль о томъ! О, какъ вы близоруки!
Я не могу крамолу поощрять...
Эй, староста! Связать потуже руки,
И въ станъ его съ конвоемъ отослать!»
Сказалъ и вышелъ. Шепотъ и смущенье...
Потомъ скрутили руки мнѣ назадъ,
И тѣмъ—увы!—закончилось ученье
Наукѣ жизни маленькихъ ребятъ!..

ЛЕРА.

* * *

Ночь темна... Бушуетъ море,
И встаетъ за валомъ валъ...
Разыгравшись на просторѣ,
Свирѣпѣетъ грозный шквалъ.
Мѣрно дѣйствуя винтами
Къ берегамъ родной земли
Держатъ путь между волнами
Разныхъ флаговъ корабли.
Имъ не страшенъ ревъ пучины,
Голосъ бури не страшитъ:
Прочно сложены машины
Сталью корпусъ ихъ обшитъ.
Пусть ревутъ валы сѣдые,
Пусть бушуетъ океанъ:
Смѣло правятъ рулевые
И не дремлетъ капитанъ.

Затерявшись въ караванѣ
Кораблей, по гребнямъ, волнъ
Тихо движется въ туманѣ
Одинокій утлый челнъ.
Вотъ стѣной крутой, высокой
Грозный валъ надъ нимъ виситъ,
Въ безднѣ черной и глубокой
Поглотить его грозитъ.
Но, привыкшіе съ годами,
Не сдаются храбрецы —
Дружно борятся съ волнами
Закаленные гребцы.
Ясенъ взоръ ихъ, крѣпки руки,
И свободно дышитъ грудь,
Не смутятъ ихъ смерть и муки,
Не пугаетъ трудный путь.
Тамъ, вдали, во мглѣ холодной,
Поборовъ зловѣщій мракъ,
Имъ звѣздою путеводной
Свѣтитъ ласково маякъ.

Ночь темна... Бушуетъ море,
И встаетъ за валомъ валъ.
Разыгравшись на просторѣ
Свирѣпѣетъ грозный шквалъ
Но не вѣчно будетъ длиться
Роковая эта ночь:
Вѣрьте, небо прояснится,
Солнце тьму прогонитъ прочь.
Стихнетъ штормъ, смирятся волны
И разсѣется туманъ...
Замолчитъ, покоя полный,
Утомленный океанъ.
И за гранью водъ безбрежныхъ
Яркимъ пурпуромъ горя,
Вновь въ лучахъ разсвѣта нѣжныхъ
Лучшихъ дней взойдетъ заря!

С. ТРАВИНОВЪ.

Шумитъ гроза, рокочетъ громъ...
Сомкнулись тучи въ грозный рядъ...
Я вижу — молніи кругомъ
Зловѣщимъ пламенемъ горятъ.
И дождь и градъ — картечь небесъ —
Разятъ нещадно, какъ свинецъ.
Шумитъ въ тоскѣ смертельный лѣсъ
И плачетъ ель: «Всему конецъ!»
Напрасны льстивыхъ лозъ мольбы,
Лѣсныхъ царей тревожный стонъ:
Свершится приговоръ судьбы —
Отжившее изъ поля вонъ!...
Но ты, въ комъ жизни молодой
Кипитъ и бьетъ отважный ключъ,
Не бойся вихрей, молній, тучъ:
Ты лишь окрѣпнешь подъ грозой!

И. Н. ВѢЖИНЪ.

Вихрь.

Вихря могучаго слышите-ль братья,
Грозный полетъ за окномъ?
Скрытую злобу, глухія проклятья
Слышите-ль въ вихрѣ ночномъ?

Ночь черезчуръ ужъ была непроглядна,
Мракомъ окутанъ былъ путь,
Тишь гробовая, какъ будто злорадно,
Гнетомъ ложилась на грудь.

Куполъ небесный, задернутый мглою,
Пропасти черной страшнѣй,
Низко и грузно висѣлъ надъ землею,
Грудью тяжелой своей.

Море угрюмо дремало... молчали
Волны въ ущеліяхъ скалъ,
Призракъ безжизненной тихой печали
Всюду, казалось, блуждалъ.

Пусть же волнуется вѣтеръ могучій,
Радуйтесь, братья, ему!
Скоро разсѣетъ онъ черныя тучи,
Скоро разгонитъ онъ тьму.

Пусть даже ветхій нашъ уголъ съ налета
Мощнымъ крыломъ потрясетъ, —
Братья, зато отъ полнощнаго гнета
Буря побѣдно спасетъ.

* * *

Нѣтъ, юный другъ, мы не устали,
Мысль о покоѣ далека;
Надежда, вѣра тверже стали,
Грудь непокорная крѣпка.

—

Тѣ дни прошли, когда безумье
И злоба буйнаго врага
Будили робкое раздумье
Про тишь родного очага.

—

Пусть много насъ легло средь поля
Отважныхъ схватокъ бурныхъ сѣчь —
Еще не гнется наша воля,
Не притупился острый мечъ.

—

Пусть съ каждымъ часомъ незамѣтно
Преграды на пути растутъ —
Тревоги новыя безсмѣтно
Намъ силы новыя даютъ.

—

Мы не устанемъ малодушно
Пока врага не поразимъ,
Пока свободы стяга дружно
Въ краю родномъ не водрузимъ.

В. Т—овъ.

Requiem.

Requiescant in pace...

Въ общихъ гробахъ ихъ тайкомъ хоронили,
Въ колоколъ грустно при томъ не звонили
Въ темной и сонной дали...
Рыли могилы... Команды звучали...
Мѣрно и грозно о крышку стучали
Комья лишь мерзлой земли...

Шепчутъ чуть слышно солдаты молитвы
За души тѣхъ, кто изъ жизненной битвы
Выхваченъ ихъ же рукой...
Скоро оконченъ обрядъ погребальный...
Крестъ не укажетъ могилы печальной —
Вѣчный страдальцевъ покой...
Тѣхъ, кто за правду тяжелой дорогой
Шелъ за свободу съ надеждой, тревогой,
Трудно могилы искать...
Снѣжнымъ, пушистымъ скрывая покровомъ,
Вѣтеръ холодный дыханьемъ суровымъ,
Будетъ ихъ вѣчно ласкать...

А. Микульчикъ.

Еврейскому рабочему.

Подай мнѣ, товарищъ, братскую руку,
Забитый бездольный еврей!
Богачъ не пойметъ твою горькую муку,
Рабочій утѣшитъ скорѣй!...

Пойметъ онъ какъ братъ твои стоны страданья,
И вѣчное горе твое;
Раздѣлитъ съ тобою нужду и изгнанье,
И выплачетъ горе свое.

Пойметъ твои грезы, твои ожиданья: —
Онъ такъ же обиженъ какъ ты,
Онъ плачетъ, но злобенъ.
И звуки рыданья —
Его разбудили мечты.

Подай же товарищу честныя руки
И дай мнѣ тебя поддержать!
Мы вмѣстѣ раздѣлимъ душевныя муки
Когда будемъ счастье ковать!

* * *

Еще не разъ весна придетъ.
И какъ миражъ обманетъ.
Пускай холодный снѣгъ идетъ
Весной,—трава проглянетъ.

Еще не разъ прольется кровь.
Пусть холодъ жизни душитъ,
Зима наброситъ свой покровъ —
Весна огнемъ разрушитъ!

* * *

Не вѣрь врагамъ—они измѣнчивы, какъ гады,
Какъ змѣи подлыя и жалятъ и шипятъ.
Ломай все старое и разрушай преграды,
Что на пути подгнившія стоятъ.

Девятый валъ идетъ, послѣдній валъ несется,
Онъ все негодное, все старое снесетъ, —
Обманутый народъ на бой послѣдній рвется
И скоро всѣ оковы разорветъ.

Гимнъ веснѣ.

Уходи ты, ночка темная:
Утро жизни настаетъ;
Пробудись, душа бездомная,
Подымись! Весна идетъ!
Загудѣли воды горныя,
Ледъ разломанный реветъ,
Пронеслися тучи черныя,
Лѣсъ нахмуренный поетъ.

Скоро глянетъ солнце красное,
Свѣтъ повсюду разольетъ.
Пробудися все несчастное:
Утро жизни настаетъ!

Народныя думы.

Народныя думы, могучія думы,
Шумя и волнуясь, какъ волны бѣгутъ,
Пускай онѣ злобны и вѣчно угрюмы —
Онѣ намъ свободную долю несутъ.
Ломая запоры и темные своды,
На свѣтъ онѣ рвутся впередъ и впередъ,
Гдѣ бѣшено бьются въ оковахъ народы,
И вѣчная битва идетъ.
Идутъ онѣ гордо, и свѣтъ и свободу,
Съ собою ихъ грозная сила несетъ;
Несутъ онѣ братство и счастье народу
И рвутся какъ соколъ, впередъ и впередъ.

Н. Р.

* * *

Съ душой безоблачной и ясной,
Съ открытымъ взоромъ, грудь впередъ —
Съ надеждой пламенной и страстной —
Онъ шелъ—довѣрчивый народъ.
Ступая твердо и спокойно,
Онъ къ высшей правдѣ путь держалъ,
И шелъ торжественно и стройно
И чистымъ сердцемъ уповалъ.
Вдругъ залпъ... другой... смятенье... крики.
Грохочутъ ружья... вновь и вновь...
И свищутъ пули, блещутъ пики,
Несутся стоны, льется кровь...
Народъ, какъ громомъ пораженный,
Въ оцѣпенѣніи стоялъ,
И — братской кровью обагренный —
Съ тѣхъ поръ онъ вѣрить пересталъ.

НЕ-БУКВА.

Они хохотали.

Народъ въ мученьяхъ изнывалъ,
Во тьмѣ и рабствѣ онъ страдалъ...
Они въ довольствѣ утопали
И надъ народомъ хохотали.
Пришла война. За нею голодъ,
Несчастья, ужасъ, мракъ и холодъ...
Они крамолу умерщвляли
И громко, звонко хохотали.
Нагайки, плети, пушекъ рядъ...
Деревни, города горятъ...

Они — по прежнему плясали
И шумно, звучно хохотали.
Народный стонъ, какъ громъ, звучалъ.
Кровавый ужасъ Русь объялъ...
Они—крамолу умерщвляли
И надъ народомъ хохотали.

Л. С.

Колокола.

Звучатъ колокола! Звучатъ колокола!
Въ моей тюрьмѣ—унылый звонъ,
Изъ-за морознаго стекла
Не виденъ неба небосклонъ.
Еще огни горятъ въ тюрьмѣ —
Постылой лампы тусклый свѣтъ! —
И бредитъ сонный духъ во тьмѣ,
Унылъ утра привѣтъ!
Звучатъ колокола! Звучатъ колокола!
Нѣтъ, знаю: ложь ихъ перезвонъ!
Они—обманутыхъ хвала,
Они—обманутымъ законъ,
Весь міръ ихъ звономъ обольщенъ...
Звучатъ колокола! Звучатъ колокола!
Бредутъ, я знаю, за стѣной
Теперь покорно люди въ храмъ,
Бредутъ, согнутые спиной,
И снѣгъ, покоренъ ихъ шагамъ,
Скрипитъ подъ ихъ ногой!...
Но мнѣ тюрьма моя свѣтла,
Вотъ разрываю смутный сонъ:
Свободѣ вольная хвала!
Звучатъ колокола! Звучатъ колокола!
Я созидаю свой законъ!

Н. Рыбацкій.

Гроза.

Она близка... Ужъ въ воздухѣ порою
То молнія блеснетъ, то громыхаетъ громъ...
Ужъ тучи небосклонъ заволокли кругомъ
И вѣтеръ зло шумитъ зеленою листвою...
Она идетъ—смести тупыхъ боговъ былого!
Какъ грязный соръ, какъ старый сгнившій хламъ,
И на развалинахъ воздвигнуть новый храмъ —
Храмъ братства и любви и равенства святого!...

ВОРОНИНЪ.

Маленькій портной.

Онъ былъ дитя, а ужъ портной,
Въ трудахъ съ такимъ-жъ бѣдняками,
Лицомъ болѣзненно-худой,
Съ большими грустными глазами.
Сидитъ согнувшись и все шьетъ,
Шьетъ цѣлый день, печальный, скучный;
Съ нимъ рядомъ жмурится поетъ
Лишь котъ, товарищъ неразлучный.
Тяжелъ, невеселъ этотъ трудъ...
Ахъ, еслибъ воля золотая!
И думы грустныя гнетутъ,
И ноетъ грудь его больная!

Порой онъ пѣсню запѣвалъ
Про Волгу-матушку родную,
Какъ «бѣдный мальчикъ запропалъ»
И какъ узналъ нужду лихую.
Поетъ дитя, но вдругъ рыданья
Тоскливый голосъ заглушатъ,
И слезы дѣтскаго страданья
Изъ глазъ польются невпопадъ.

Проходитъ годъ; со грудью впалой
Затихъ малютка, присмирѣлъ
И началъ кашлять кровью алой
И пѣсни грустныя не пѣлъ.
Хозяинъ злобно ужъ косился
И говорилъ: «Ишь, дармоѣдъ!»
Но мальчикъ бѣдненькій трудился
И угасалъ во цвѣтѣ лѣтъ.

БЕСКИНЪ.

* * *

Я сотку свою пѣснь не изъ счастья и грезъ,
Не изъ солнечныхъ яркихъ лучей, —
Пѣснь свою я скую изъ страданій и слезъ,
И изъ муки безсонныхъ ночей.

И рыданій, и стоновъ, и горя полна,
Прозвенитъ моя пѣснь надъ землей
И пробудитъ людей отъ ихъ крѣпкаго сна,
И нарушитъ ихъ сытый покой,
И зажжетъ она скорбью людскія сердца,
И заставитъ счастливыхъ страдать,
И сама надъ страданьемъ людскимъ безъ конца
Будетъ пѣснь та звенѣть и рыдать.

АРКАДІЙ ГОРИНЪ.

Идея.

Въ образѣ чудномъ въ прелестномъ видѣньи
Дѣва явилась мнѣ въ лучшемъ твореньи,
Съ чуднымъ сіяньемъ въ глазахъ голубыхъ,
Въ блескѣ небесныхъ лучей золотыхъ.
Смѣло вошедши, откинувъ назадъ
Дивныя пряди роскошныхъ кудрей,
Съ милой улыбкой мнѣ руку пожавъ,
Рѣчь зажурчала у ней на устахъ
Нѣжно, пріятно, какъ чистый ручей:
«Вижу въ задумчивыхъ этихъ глазахъ

«Тайныя думы безсонныхъ ночей,
«Чистыя мысли пресвѣтлыхъ идей!
«Имъ я внимая съ восторгомъ инымъ,
«Съ ними повсюду въ пространствѣ ношусь;
«Всюду я сѣю съ блаженствомъ святымъ
«Доброе сѣмя—Идеей зовусь!...»
Въ трепетѣ сильномъ, склонивши колѣна,
Всталъ предъ богиней,—воспрянувъ изъ тлѣна;
Слыша тѣ чудные, райскіе звуки
Съ нею безчувственны всякія муки!
Будто бы мысли повѣдавъ мои,
Руку богиня свою возложила
Нѣжно промолвивъ: «Всѣ чувства свои
«Въ мысли я вѣрнымъ сынамъ положила...
«Слѣдуй священнымъ завѣтамъ моимъ,
«Вѣрный поклонникъ идеямъ святымъ,—
«Въ раѣ сорви золотые цвѣты,
«Съ ними вводи дорогія мечты.
«Долго, быть можетъ, придется страдать,
«Биться, бороться, терпѣть непогоды,
«Вѣруй: придется тебѣ увидать
«Лучшіе, свѣтлые, новые годы...»
. . . .
Съ этими, полными вѣрой, словами
Руки богиня ко мнѣ протянула,
Къ нимъ я коснулся своими устами
Жарко, какъ пламень, что даже взглянула
Съ милой улыбкой небесная фея...
Съ полной надеждой, что та же идея
Будетъ какъ прежде свѣтла и вѣрна,
Въ блескѣ лучей удалилась она...
Долго во слѣдъ я богинѣ глядѣлъ,
Образъ давно ужъ во мракѣ исчезъ,
Я все нарушить покоя не смѣлъ,—
Видя въ сіяньи святыню небесъ!...

Подъ знаменами „Свободы“.

Съ какимъ-то чувствомъ непонятнымъ,
Съ душой великой торжества,
Идутъ съ «Свободой» необъятной
И съ мыслью полной божества!
У всѣхъ видны одни желанья,
На лицахъ всѣхъ однѣ мечты
Онѣ въ восторгѣ упованья
Полны небесной красоты!
Какой-то радостью сокрытой
Всѣ лица здѣсь озарены,
Какъ будто тайною открытой
Сердца у всѣхъ наполнены...
Съ святымъ и искреннимъ желаньемъ
Идутъ всѣ смѣлою волной,
Однимъ исполнены сознаньемъ
Достичь свободы дорогой!
И пѣснь свободная, какъ птица,
Въ пространство дальнее летитъ,
Она, какъ смѣлая орлица,
Надъ ихъ главою все паритъ.
И звуки чудные, какъ волны
Въ могучемъ трепетѣ текутъ,
Они восторгомъ дивнымъ полны —
Къ свободѣ всѣхъ людей зовутъ.
И эти звуки угнетеннымъ
Дороже всѣхъ земныхъ страстей:
Они несутъ порабощеннымъ
Свободный духъ мечты своей.
Они своимъ волшебнымъ пѣньемъ
Людямъ въ закрытыя уста
Вдохнули звукъ освобожденья
И имъ наполнились сердца!...
Всѣ эти люди въ созерцаньи
Одной для всѣхъ святой любви,
Забыли прежнія страданья
И муки прежнія свои!
Они, какъ искренніе братья,
Въ порывахъ этихъ неземныхъ,
Открыли чистыя объятья,
Своихъ идей и думъ своихъ!
И передъ ними какъ въ туманѣ
Пройдутъ страданья чередой,
И въ жизни — бурномъ океанѣ —
Они исполнятъ долгъ святой!

На могилѣ друга.

Реквіемъ.

Склонивъ на могилѣ съ печалью колѣна
Другъ шепчетъ святыя слова,
Онъ проситъ избавить отъ тяжести тлѣна
И въ сердцѣ чтобъ память жила!
«Ты другъ незабвенный, погибъ за отчизну,
Которой свѣтъ правды ты несъ:
Хотѣлъ ты разрушить безумную тризну,
И сердце избавить отъ слезъ.
Но палъ ты съ великой идеей свободы
На трупы такихъ же людей, —
Такъ гибнутъ за правое дѣло народы,
Какъ палъ ты отъ рукъ палачей...»
Вдругъ звуки печали онъ плавные слышитъ, —
Какъ будто бы буря шумитъ,
И шумъ тотъ сердечные вопли колышетъ,

То «Вѣчная память» звучитъ.
И «Вѣчная память» какъ эхо раздалось
Отъ края до края земли,
Печальные звуки въ сіяньи промчались
И памятью будутъ они!

* * *

Тѣни прошлаго мгновенно
Передъ взоромъ возстаютъ,
И съ печалью неизмѣнной
Насъ къ себѣ порой зовутъ...

Сколько въ этомъ зовѣ муки:
Всѣ погибли за народъ,
Всѣ протягивали руки
Ненавистный свергнуть гнетъ.

Скоро-ль тѣни успокоимъ, —
Совершивъ святой порывъ?
Скоро-ль счастье мы откроемъ, —
Свѣтлый путь впередъ открывъ?

Свобода.

Свобода—слово дорогое,
Свобода—цѣпь существованья,
Въ свободѣ что-то есть святое,
Къ чему стремятся всѣ желанья.

Свободой люди только дышатъ,
А если нѣтъ ея—страдаютъ;
Ея порывы ясно слышатъ.
И ей одной живой внимаютъ.

Къ свободѣ люди не страшатся
Стремиться чрезъ преграды смѣло,
Они и смерти не боятся
И гибнутъ за святое дѣло...

Свобода—это духъ священный,
Недосягаемый, великій;
Онъ къ намъ пришелъ, благословенный,
Во всемъ величіи открытый;

И покорилъ своимъ сіяньемъ
Сердца томившихся во мракѣ,
Гдѣ было лишь одно страданье
И все скрывалося тамъ въ страхѣ.

И вотъ теперь открылись взоры:
Все ясно стало вдругъ народу
И бросилъ свѣту онъ укоры,
Благословивъ одну Свободу...

Пѣсни свободы.

Звуки волшебные въ трепетѣ дивномъ
Въ душу вливаются бурно мою,
Что-то въ нихъ дышетъ порывомъ стихійнымъ
Что-то зоветъ на святую борьбу.
То они тихою скорбью волнуютъ:
Льются печалью незримой тогда,
То негодуя, гремятъ и бушуютъ,
Бурно клокочутъ, какъ въ морѣ волна...
Сколько въ нихъ мощи побѣдной, великой!
Духъ окрыляя напѣвомъ своимъ,
Льются волною стихійной, бурливой,
Жизнь озаряя лучемъ золотымъ.
Звуки волшебные, дивные звуки,
Въ стройной октавѣ неситесь впередъ,
Въ этомъ напѣвѣ забудутся муки,
Свергнется съ сердца удушливый гнетъ...

Родина.

Родина бѣдная кровью залита
Кровію братьевъ родныхъ,
Счастье давно миновало, забыто,
Помощи нѣтъ отъ своихъ!

Всюду насилье и голодъ ужасный,
Всюду стоитъ тамъ нужда;
Стонетъ весь людъ отъ страданій, несчастный,
Стонетъ и всюду бѣда...

Бѣдный народъ! Исхудалыя руки
Тщетно онъ тянетъ впередъ, —
Новыя только находитъ онъ муки,
Новый находитъ онъ гнетъ.

Тьмой непроглядной все также покрыто,
Нѣтъ ничего у него:
Много для бѣднаго въ жизни закрыто,
Терпитъ безмолвно онъ все.

Все переноситъ, забитый насильемъ, —
Онъ беззащитный такой,
Пользу находятъ здѣсь люди. въ безсильи —
Гнетъ налагая порой...

Долго ли будетъ томиться въ страданьи
Бѣдный страдалецъ народъ?

Скоро-ли выйдетъ изъ гнета, молчанья,
Скоро-ль наступитъ тотъ годъ?

Скоро-ли злоба исчезнетъ со свѣта,
Будетъ любовь лишь одна?
И, заблестя подъ лучами разсвѣта,
Счастлива будетъ страна?...

Л. ПИМЕНОВЪ.

Пѣсни борьбы.

Пѣсни борьбы,
Пѣсни свободы,
Такъ ли васъ пѣли,
Въ прежніе годы?
Въ прежніе годы
Рабства и горя
Вы не взлетали,
Съ вихрями споря!
Вы не гремѣли
Грозно и смѣло, —
Пламя надежды
Васъ не согрѣло!
Вы не горѣли
Жаждою битвы, —
Нѣтъ! вы рыдали,
Точно молитвы!...
Ночи кошмарной
Тѣнь отлетѣла:
Въ сердцѣ народа
Рабство истлѣло!
Пали оковы
Духа смиренья —
Все загорѣлось
Жаждою мщенья!
Нынѣ поются
Пѣсни свободы:
Силой напѣва
Рушатся своды!
Падаютъ стѣны
Нашей темницы,
Свѣтъ проникаетъ
Черезъ бойницы!
Пѣсня не стонетъ
И не рыдаетъ, —
Смѣло бороться
Всѣхъ призываетъ!
Вольнымъ народомъ
Пѣсня поется,
Съ вихрями споря,
Къ тучамъ несется!
Пусть разразятся
Темныя тучи —
Бурю мы встрѣтимъ
Съ пѣсней могучей,
Пѣсни борьбы,
Пѣсни свободы
Такъ не звучали
Въ прежніе годы.

ЯКОВЪ ГОДИНЪ.

Отъѣздъ.

(Посвящается Р. П.).

Я стоялъ у сумрачныхъ воротъ.
Вечеръ былъ холоднымъ и тревожнымъ.
Трепетно мерцали фонари.
Душу мнѣ давилъ тяжелый гнетъ.
Стало невозможное возможнымъ...
Можетъ быть, я не дождусь зари.

*

Пробѣгали призраки людей.
Изъ воротъ поклажу выносили.
Крикнули извозчика. Ушли.
Застучало сердце вдругъ больнѣй.
Чудилось—кого-то хоронили.
На глухое кладбище везли.

*

Вотъ, выходитъ дѣвушка... за ней
Двое или трое провожатыхъ...
Подошла къ пролеткѣ... краткій мигъ...
«Милая, прощай до лучшихъ дней!»
Крикнуть я хотѣлъ, но въ тѣсно-сжатыхъ
Пламенныхъ губахъ умолкъ мой крикъ.

*

И дрожа отъ слезъ и черныхъ думъ,
Я успѣлъ запечатлѣть губами
Поцѣлуй на близкой мнѣ рукѣ.
И на мигъ былъ сдержанно угрюмъ...
Стукъ колесъ смѣшался въ общемъ гамѣ...
Я рыдалъ въ безвыходной тоскѣ.

Е. ГАДНЕРЪ.

Мать.

О, Боже, дай силъ! Моя бѣдная дочь?
Ее далеко увезутъ въ эту ночь!
Въ глухой увезутъ и пустынный острогъ,
Схороненный въ чащѣ дремучихъ лѣсовъ,
Среди молчаливыхъ, глубокихъ снѣговъ!...
Зачѣмъ это нужно? Зачѣмъ и кому?
Лишь Богу извѣстно про то одному..
Дитя мое!... (да, ты дитя по лѣтамъ!)
Какія страданія ждутъ тебя тамъ?
Во власти конвоя, въ пустынѣ глухой...
Богъ знаетъ, что можетъ случиться съ тобой!
Быть можетъ, обидятъ голубку мою...
Кто встанетъ тогда на защиту твою!
Какъ будетъ страдать моя бѣдная дочь,
Узнаетъ одна лишь холодная ночь,
Увидитъ одинъ только сумрачный лѣсъ
Да Богъ Всемогущій съ далекихъ небесъ!...
О, Боже всесильный! десницей своей
Бѣду отврати отъ голубки моей!
Увозятъ!... Постойте!... минуту одну!...
Хоть разикъ еще на нее я взгляну...
Возьмите меня! я вамъ жизнь отдаю!...
Не троньте! не мучьте родную мою!

С. ИВАНОВЪ-РАЙКОВЪ.

Спартакъ.

Онъ бѣжалъ впереди... У него на груди
Обнажалась глубокая рана.
И кричалъ онъ толпѣ: «Безъ раздумья иди!
Намъ сдаваться мучителямъ рано!»
Какъ надъ моремъ лучи, засверкали мечи,
И враги содрогнулись заранѣ...
Заструилася кровь, какъ весною ручьи,
Застывая въ холодномъ туманѣ!
Пролетали, звеня, тучи стрѣлъ и огня
Сквозь удары, подобные грому...
Ужъ Спартакъ закололъ боевого коня,
Чтобъ не выйти изъ битвы живому.
Вдругъ сраженный безъ силъ, между братскихъ могилъ
Онъ упалъ, посылая проклятья:
«Въ этой жизни я только свободу любилъ,
Безъ меня не сдавайтеся, братья!
И на полѣ легли дѣти чуждой земли
Предъ безчисленной римскою знатью;
А захваченныхъ въ плѣнъ снова въ Римъ повели,
Обрекая бичу и распятью...
Но изъ мрака вѣковъ кровь погибшихъ рабовъ,
Какъ морская волна въ непогоду,
Не смолкая, поетъ о позорѣ оковъ
И зоветъ на борьбу за свободу!

Муцій Сцевола.

На священный огонь положилъ онъ ладонь
И сурово взглянулъ на царя!
«Видишь: я не дрожу, какъ испуганный конь,
Предъ огнемъ твоего алтаря.
Люди нашей страны не боятся войны;
Триста юношей, смѣлыхъ, какъ я,
Поклялись умереть до заката луны —
Имъ извѣстна стоянка твоя.
Прожужжитъ, какъ пчела, роковая стрѣла
И тебя ужъ ничто не спасетъ...
Въ вольный Римъ, какъ въ жилище степного орла,
Невредимымъ тиранъ не войдетъ.
И не я, такъ другой—закаленной рукой
Вырветъ сердце твое изъ груди!
Помни: я не одинъ, мы слѣдимъ за тобой...
Мой послѣдній совѣтъ—уходи!»
И надъ краснымъ огнемъ кровь, шипящимъ ручьемъ,
Орошала жаровню, смердя...
Царь въ тревогѣ внималъ, и съ разсвѣтнымъ лучемъ
Унеслись колесницы вождя.

АНЧАРОВЪ.

Исповѣдь.

Противъ заповѣди первой
Согрѣшалъ я безъ зазрѣнья:
Обожалъ я вмѣсто Бога
Перлы Божьяго творенья.

«Не твори себѣ кумира».
Презрѣлъ заповѣдь и эту:
Принималъ боговъ фальшивыхъ
Я за чистую монету.

Но теперь, когда въ тревогѣ
Бурныхъ лѣтъ душа окрѣпла,
Я разбилъ свои кумиры
Въ груды мусора и пепла.

Но не думай, что отнынѣ
Я останусь тихъ и смиренъ,
Что въ грядущемъ не воздвигну
Для себя иныхъ кумирenъ;—

Ахъ, я часто безъ боязни
Имя Господа пріемлю,
И клянусь открыто небомъ,
Что люблю царицу — землю.

Даже день седьмой скупился
Іеговѣ посвящать я:
Въ день субботній такъ отрадны
Съ жизнью творческой объятья!

И не разъ когда во храмѣ
Пѣли чинно аллилуію,
Я ковалъ въ мятежномъ сердцѣ
Святотатно пѣсню злую.

«Чти, какъ рабъ, отца и матерь,
Чти старинные завѣты,
Чти дряхлѣющій разсудокъ,
Ордена и эполеты;

Чти князей и сильныхъ міра,
Нѣсть бо власти—не отъ Бога...»
Ахъ, боюсь, что мнѣ закрыта
Въ рай завѣтная дорога.

Съ грѣшнымъ смѣхомъ, съ гордой волей,
При всеобщемъ гнѣвномъ плачѣ,
Сокрушалъ отцовъ я свѣтскихъ,
А духовныхъ — наипаче.

«Не убій»—ты грянулъ грозно
Съ высоты горы Синая, —
Проливалъ я много крови,
Состраданія не зная.

Малъ онъ, бичъ моей сатиры,
Но, не слыша укоризны,
Бичевалъ я безъ пощады
Палачей своей отчизны.

И одно лишь въ оправданье
Я сказать Тебѣ посмѣю,
Что за кровь иной собаки
Я не разъ платилъ своею.

Да къ тому-жъ вѣдь ихъ спасала
Благодать звѣриной шкуры,
А они мнѣ выжгли душу
Смраднымъ ядомъ ихъ цензуры.

«Уважай добро чужое,
Ничесо же не укради,
Не губи души безцѣнной
Обольщеній міра ради.»

Позабывши страхъ Господній,
Адской мукою играя,
Я безбожно кралъ у неба
Для земли блаженство рая.

Но не легкую, признаться,
Мнѣ злой духъ работу задалъ! —
Часто, кровью обливаясь,
Я ни съ чѣмъ на землю падалъ.
. . . .
«Не желай и не завидуй...»
Ахъ, желаній въ сердцѣ много!
Но боюсь дразнить я сердце
И гнѣвить напрасно Бога.

Но пускай грѣхами мысли
Осквернилъ навѣкъ я душу;
Пусть не разъ огонь мятежный
Изъ груди рвался наружу;

Пусть хотѣлъ я благъ сосѣда,
Пусть искалъ его рабыни, —
Но одинъ есть грѣхъ, въ которомъ
Неповиненъ я донынѣ:

Какъ я въ жизни ни томился,
Какъ порою ни страдалъ я,
Но ословъ, но жить съ ослами —
Никогда не пожелалъ я!

Н. ПОЛУНИНЪ.

* * *

Крѣпчаетъ все вѣтеръ на морѣ —
Не думаетъ онъ утихать!
И гонитъ разбитыя волны
На берегъ скалистый опять.

Кружатся и стонутъ какъ дѣти,
Тоскливыя чайки кругомъ
И вьются съ тревогой надъ моремъ,
Купаясь въ туманѣ сѣдомъ.

Вотъ скрылся вдали буревѣстникъ,
Свой взглядъ уронивъ на просторъ,
И крикъ его слился съ волнами
Въ могучій торжественный хоръ.

И вотъ онѣ яростно снова
Увѣренно-стройной толпой
Идутъ на изломанный берегъ
Покончить иль съ нимъ иль съ собой.

Все ближе и ближе утесы,
Все грозная пѣсня слышнѣй...
А чайки, летя надъ волнами,
Кричатъ по пути имъ: смѣлѣй!

Е. ВЕРНЕРЪ.

Пѣсня молота.

Быстро кружатся колеса машинъ,
Вѣчно дымятся фабричныя трубы,
Къ небу ползутъ по верхушкамъ осинъ
Дыма тяжелаго клубы...
Молотъ гигантскій желѣзо куетъ,
Искры фонтаномъ летятъ отъ удара,
Всюду шныряетъ рабочій народъ
Подлѣ кадильнаго жара...
Въ стукѣ фабричнаго, мощнаго молота
Слышится пѣснь всемогущаго золота.
Бѣденъ рабочихъ убогій нарядъ,
Дико сверкаютъ усталыя очи —
Видно, не спать приходилось подъ рядъ
Имъ за работою ночи.
Времени нѣтъ предаваться мечтамъ,
Нужно смотрѣть имъ за огненной лавой,
Грудью вдыхая по цѣлымъ ночамъ
Воздухъ, дышащій отравой,
Слышать въ ударахъ могучаго молота
Вѣчную пѣснь всемогущаго золота.
Взвизгнулъ во мракѣ фабричный свистокъ,
Смѣна рабочихъ настала вторая;
Вотъ заалѣлся румянцемъ востокъ,
Близкій разсвѣтъ предвѣщая...
Даже на нарахъ живительнымъ сномъ
Послѣ тяжелыхъ трудовъ забываясь,
Долго рабочій во мракѣ ночномъ
Слышитъ, порой пробуждаясь,
Въ стукѣ фабричнаго мощнаго молота
Тотъ же все гимнъ всемогущаго золота.

О. Р. КОВЕНСКІЙ.

Пѣсня тюрьмы.

Тамъ вдали за рѣкою мелькалъ огонекъ,
И такъ весело звалъ онъ къ себѣ,
Но темна была ночь, путь былъ слишкомъ
далекъ,
Слишкомъ грудь утомилась въ борьбѣ.

Но безжалостенъ былъ огонекъ за рѣкой,
И чѣмъ меньше въ груди было силъ,
Чѣмъ темнѣй была ночь за тюремной стѣной,
Тѣмъ задорнѣй къ себѣ онъ манилъ.

И лежалъ я безсильный съ тоскою въ груди
Средь угрюмо поникнувшей тьмы;
Страстно жаждалъ я быть далеко впереди,
Но темна была ночь и, куда ни гляди,
Всюду мрачныя стѣны тюрьмы.

МЕТТЪ.

* * *

На глухомъ берегу мелководной рѣки,
Промежъ зарослей, сосенъ и ёлокъ,
Гдѣ лишь вѣтеръ гудитъ да кружатся пески,
Заводской затерялся поселокъ.

И лишь только спускается жуткая ночь,
Вырастаютъ зловѣщія тѣни...
И не въ силахъ порою я страхъ превозмочь
Передъ натискомъ страшныхъ видѣній.

Темень очи слѣпитъ, грудь сжимаетъ тоской
Въ этомъ мѣстѣ труда и печали.
Дни и ночи бѣгутъ монотонной чредой,
Утопая въ безрадостной дали.

Дни и ночи текутъ... Вѣтеръ воетъ въ печи,
Точно гдѣ-то кого-то хоронятъ;
Это молодость гибнетъ—кричи, не кричи, —
И въ глуши этой бьется и тонетъ!

Н. ВОРОНЦОВЪ.

Рудники.

Сыро. Къ стѣнкѣ жмутся люди.
Надорвались, ноютъ груди;
Безпокойный, нервный звукъ
Дребежжитъ: тукъ-тукъ, тукъ-тукъ!
Известнякъ, куски гранита...
«Шурупокъ» скребетъ сердито!
Изогнулся, словно крюкъ...
А вокругъ: тукъ-тукъ, тукъ-тукъ...
На ногахъ бряцаютъ звенья...
Гей, товарищъ, слышишь пѣнье?
Триста мощныхъ нервныхъ рукъ
Извлекаютъ этотъ звукъ...
И въ безмолвьи тонутъ своды...
Здѣсь проснулась мысль свободы,
И ярмо тюремныхъ мукъ
Обрѣло свободный звукъ!

В. В.

* * *

...И наконецъ, надъ городомъ легла,
Смѣнивши день кровавый, ночи мгла.
По улицамъ безмолвно и пустынно,
И жутко-жутко... Только цѣпью длинной
На площади войска еще стоятъ,
И голоса невнятные гудятъ,
И дымъ еще туманной пеленою
Расходится надъ площадью пустою.
И темныя недвижныя тѣла
Лежатъ на ней... Когда-жъ луна взошла
Надъ грудой тѣлъ, — то кудри золотыя
И блѣдный лобъ, то сѣдины святыя,
То, полныя суровой красоты,
Убитаго рабочаго черты,
То дѣвушки угаснувшія очи —
Лучъ вырывалъ изъ мрака страшной ночи.
И падала на землю иногда
Слезой горячей яркая звѣзда,
И чудились средь грознаго молчанья
Далекія проклятья и рыданья.

Е. ЯШНОВЪ.

Прибой.

Видишь, небо съ злой улыбкой
Кроетъ море черной тучей;
Тяжко дышитъ глубь морская
Сѣдиной своей ползучей.
Волны—рыцари раздолья,
Въ битву брошенные далью,
Небу дерзко угрожаютъ
Мстящихъ всплесковъ звонкой сталью,
Груди, черныя отъ гнѣва,
Разметали, словно змѣи,
Опрокинули на берегъ
Пѣнно-блещущія шеи;
Пылью ужаса одѣли
Рядъ желѣзныхъ скалъ прибрежныхъ
И грозятъ вершинамъ страхомъ
Пораженій неизбѣжныхъ.
И дрожитъ престолъ холодный
Одряхлѣвшаго покоя
Предъ безумствомъ мѣрно-гнѣвнымъ
Неуемнаго прибоя...

В. ЛЯПУНОВЪ.

Сапожникъ.

I.

Есть у насъ на Руси незначительный людъ,
Нѣтъ,—вѣрнѣе, отребье людское!
Мы объ этомъ отребьѣ подумать считаемъ за трудъ,
Потому—наше дѣло большое.
Мы добились названья и вида людей,
Мы знакомы съ широкой наукой,
Предаемся покою въ объятьяхъ страстей
И окутаны праздною скукой.
Позабытъ нами жалкій, страдающій классъ.
Для него-ль наши трудъ и понятья?
И не знаютъ разумные люди изъ насъ,
Что всѣ тѣ—по Христу наши братья,
И не знаютъ, что помощи нужно для нихъ,
Хоть бы малую долю участья.
И до насъ, образованныхъ, глухонѣмыхъ,
Не доходятъ людскія несчастья.

Вы, кто вовсе еще не ослѣпъ,
Поглядите на каплю житейскаго моря,—
Въ этой каплѣ, шумя и волнуясь, окрѣпъ
Океанъ вопіющаго, общаго горя.

*

Вотъ поселокъ стоитъ небольшой,
Окруженный широко полями.
Поселился здѣсь мирно народъ нашъ родной
По лачугамъ съ своими семьями.
Съ краю старая хата стоитъ,
Тутъ семья мужика пріютилась.
Дунетъ вѣтеръ—и хата дрожитъ
И, какъ старый старикъ, искривилась.

Въ эту хату зайди, потрудись.
Безъ доклада здѣсь всѣхъ принимаютъ.
Это дверь. Проходи, да пониже пригнись,
Здѣсь вѣдь гнуться за трудъ не считаютъ.
Здѣсь семьей и нуждой удрученный мужикъ
Поживаетъ, какъ въ пышныхъ палатахъ,
Здѣсь онъ къ голоду съ дѣтства привыкъ,
Здѣсь онъ зябнетъ въ лохмотьяхъ, въ заплатахъ.

Собралась вся семья мужика, —
Видно, дѣло какое рѣшаетъ.
Вкругъ ребятъ черномазыхъ толпа
Тѣсно мать и отца окружаютъ.
Есть сынишко-подростокъ меньшой...
Лишній ротъ прокормить не подъ силу...
И надумалъ мужикъ, по совѣту съ женой,
Дать занятіе младшему сыну.

Порѣшили его эту зиму отдать
По сапожному дѣлу въ ученье, —
Дома хватитъ кому работать
Да и съ хлѣба долой—облегченье,

Вотъ теперь первопуткомъ собрался отвезть,
Одну продалъ овцу на дорогу...
Рубашонокъ собрали... Собрали поѣсть,
Закусили кой-чѣмъ, слава Богу.

Обрядили мальчишку въ кафтанъ,
Даже лапотки новыя дали.
Забранился мужикъ. «Полно хныкать болванъ!»
Крикнулъ сыну: «Пойдемъ—опоздали».

Оторвался отъ матери мальчикъ и всталъ,
Безотвѣтный, безгласный, готовый...
Всталъ отецъ и кушакъ подвязалъ,
Взялъ мѣшочекъ съ пожитками новый

И, широко на уголъ передній крестясь,
Помолился сначала онъ Богу
И нахмурился, снова къ семьѣ обратясь,
Поглядѣлъ, отвернулся къ порогу...

Заливалась слезами несчастная мать,
Сердце чуткое горько страдало...
Сквозь рыданья старалась она причитать,
Что оно ей тревожно шептало...
Эти слезы, мольбы, причитанья
Описать ли словами пустыми?
Много въ нихъ говорилось страданья,
Много горя разсказано ими.

И задумался грустный отецъ,
Скорбь на грубомъ лицѣ отразилась...
Долго молча стоялъ, наконецъ
За слезою слеза покатилась...

И сказалъ: «Перестань, Акулина, ревѣть!
Укрѣпись, ну, чего разревѣлась...
На тебя, инда, жутко смотрѣть,
Сердце ноетъ, нутро разболѣлось.

Перестань причитать-то... что зря...
Эхъ, отецъ ты мой, Царь милосердный,
Все нужда... Ну, да будь во всемъ воля Твоя,—
Онъ ли первый, да онъ ли послѣдній!»

*

Мастерская сапожная. Много сидятъ
Мастеровъ, ребятишекъ подручныхъ.
Каждый дѣломъ по горло занятъ,
Сколько устали въ лицахъ ихъ скучныхъ.

Мастерская та—темный и мрачный подвалъ,
Изъ расчета хозяиномъ снятый.
Слабый свѣтъ лишь чуть-чуть проникалъ, —
Это погребъ былъ, мракомъ объятый.

Ночники на желѣзныхъ подвѣскахъ горятъ,
Слабый свѣтъ разливая кругами...
Сырость, копоть, удушливый смрадъ,
Грязь вонючая, хламъ ворохами.

Здѣсь купецъ, извлекая барышъ и доходъ
По-купечески, здраво, умѣло,
Засадивъ голодающій, жалостный сбродъ,
Производитъ сапожное дѣло.

За безцѣнокъ пропойцы сидятъ мастера,
На годахъ ребятишки въ ученьѣ,
Отъ зари до зари, отъ утра до утра
Переносятъ свое заточенье.

Нѣтъ исхода и помощи нѣтъ...
О, нужда, что тобою содѣяно всюду!
Страшный, сердце щемящій отвѣтъ:
«Нѣтъ спасенія черному люду».

Отъ родимой семьи привезенный нуждой
Здѣсь страдаетъ батракъ безпросвѣтный.
День за днемъ, годъ за годомъ пойдетъ...
Все подвалъ, все побои, работа...
Ляжетъ на душу дѣтскую каменный гнетъ,
Изсосетъ съ малолѣтства забота.
День и ночь за своимъ сапогомъ,
Глазъ отвесть отъ него побоится
И подумать не смѣетъ еще ни о чемъ,
Что кругомъ на просторѣ творится.

А вокругъ, потерявши значенье людей,
Пьяницъ блѣдныхъ, оборванныхъ, грубыхъ
Крики, возгласы бранныхъ рѣчей
Изступленныхъ, развратныхъ, безумныхъ,
Отрѣшенныхъ отъ свѣта, понятья любви,
Не видавшихъ отрады и счастья,
Притупившихъ всѣ чувства, всѣ мысли свои
Подъ ярмомъ богачей и злосчастья.

Человѣкъ вѣдь въ сознанье приходитъ порой
И, чтобъ снова забыть всѣ мученья,
Онъ зальетъ ихъ виномъ, и разсудокъ больной
На минуту найдетъ утѣшенье!
А когда отъ вина одурѣнье пройдетъ,
Когда бѣдный опять отрезвится,
Предъ собой онъ все ту же картину найдетъ,
И опять повлечетъ охмелиться.

2.

Надъ столицею сонною брезжитъ разсвѣтъ...
Вонъ по улицѣ тихой, безгласной,
Пробирается кто-то, въ лохмотья одѣтъ,
Изможденный, худой, безобразный;
На лицѣ синяки, козырекъ на боку,
Въ рукава чуть запрятавши руки,
Изогнулся дугой, холодно бѣдняку,
Вся одежда—рубаха да брюки.
Фартукъ рваный, корявый подвязанъ на немъ,
Ноги грязны, въ опорки обуты,
А морозъ такъ и жалитъ и рѣжетъ огнемъ,
Безпощадный, безжалостный, лютый.

Тамъ, направо, отпертый кабакъ,
Искуситель убитыхъ судьбою...
И вбѣжалъ въ него рваный, озябшій бѣднякъ
Охмелиться въ него съ перепою.

Это тотъ изъ деревни сынишка меньшой,
Что отцомъ приведенъ былъ въ ученье,
Что оплаканъ былъ горько родною семьей...
Онъ не сталъ изо всѣхъ исключенье.
Онъ сапожникъ вполнѣ, какъ и быть надлежитъ,
Для сапожнаго гожъ производства,
Но давно ужъ на немъ отпечатокъ лежитъ
Притупленья всѣхъ чувствъ, идіотства...

Вся и жизнь, чтобъ добыть на вино,
Чтобъ залить горемычную долю...
Остальное имъ все позабыто давно...
Нѣтъ, ни словъ, ни борьбы надъ собою...

Все, что было природой дано,
Все въ подвалѣ сапожномъ сгубили,

Показали, какъ даръ утѣшенья, вино,
Между пьяной средой развратили.

А вѣдь могъ бы и онъ... Эхъ, да что толковать.
Пустяки... наше дѣло другое...
О себѣ каждый долженъ заботу держать...
Гдѣ тутъ видѣть намъ горе чужое...

3.

День за днемъ, годъ за годомъ пойдетъ,
Все подвалъ, все вино, униженье...
Скоро въ землю безвинный страдалецъ сойдетъ.
Тамъ покой, тамъ его утѣшенье...

Безымянный, презрѣнный собой и людьми,
Онъ покончитъ расчеты съ судьбою,
И на кладбищѣ куча могильной земли
Отогрѣетъ его подъ собою.

Лѣтомъ птички надъ ней запоютъ,
Уберется цвѣтами, травою;
Люди въ гости, гуляя, зайдутъ...
Спи, страдалецъ, Господь надъ тобою!

СЕРГѢЙ КРЕЧЕТОВЪ.

На могилѣ героя.

Островъ черный, островъ дикій!
Здѣсь для взора нѣтъ усладъ.
Но удѣлъ его великій —
Охранять завѣтный кладъ.

Надъ пустынною могилой
Я стою... А тамъ, вдали,
Вижу, чайкой быстрокрылой
Пробѣгаютъ корабли.

Шумъ прибоя, еле слышенъ,
Сторожитъ священный прахъ.
И торжественъ, и пышенъ,
Гаснетъ пурпуръ въ небесахъ.

Блѣдный трупъ въ гробу сосновомъ
Здѣсь зарыли палачи.
. . . .
. . . .

Было много силъ разбитыхъ.
Пусть сильнѣе рокъ разитъ!
Въ этихъ камняхъ, въ этихъ плитахъ
Пламень вольности сокрытъ.

Этотъ пламень мы отроемъ,
За волной придетъ волна,
И завѣютъ надъ героемъ
Алымъ шелкомъ знамена.
. . . .
Но надъ славною могилой
Тихо все... А тамъ, вдали,
Вижу, чайкой быстрокрылой
Убѣгаютъ корабли.

ЗОИЛЪ.

У моря.

Съ робкимъ шепотомъ,
Съ тихимъ ропотомъ
На челнокъ набѣгаетъ волна.
Вьются бѣлыя
Чайки смѣлыя
И угрюмо молчитъ тишина.
Сестры чайки! Утромъ рано—
Вы видали-ль, что здѣсь было?
Здѣсь гремѣли барабаны,
Смерть съ улыбкою бродила...
Вы слыхали-ль громъ суровый
Надъ прибрежной полосою?
Вы видали-ль дымъ багровый,
Утромъ рано, предъ зарею?
Сестры чайки! Чьи могилы,
Чьи песчаные курганы?
И кого здѣсь смерть скосила,
Кто схороненъ утромъ рано?
Чья здѣсь кровь лилась, сверкая,
И въ песокъ впиталась чистый?
Кто молился, умирая,
Чей оконченъ путь тернистый?
Отчего здѣсь такъ уныло
Неба тусклое мерцанье?
Страшны свѣжія могилы,
Страшно жуткое молчанье!—
Съ робкимъ шопотомъ,
Съ тихимъ ропотомъ
На песокъ набѣгаетъ волна,
Вьются бѣлыя
Чайки смѣлыя
И угрюмо молчитъ тишина...

ШЕРРЪ.

Пѣсня о вѣрномъ товарищѣ плотникѣ.

Высоко стояли они на лѣсахъ;
Кипѣла постройка въ проворныхъ рукахъ;
У ногъ ихъ Парижъ беззаботно шумѣлъ,
А сѣверный вѣтеръ и вылъ и гудѣлъ.

Рабочими-нищими были они,
Имъ платьемъ служили лохмотья одни,
Отъ голоду щеки ввалилися въ ротъ.
Да, кто созидаетъ, тотъ славно живетъ!

Дворецъ выросталъ подъ руками у нихъ,
Но вѣтеръ—помощникъ изъ самыхъ плохихъ:
Онъ мечется, рвется и взадъ и впередъ
И шаткія доски помоста трясетъ.

Вдругъ новый порывъ,—и слетѣло все внизъ,
Къ спасенью остался съ стропиломъ карнизъ;
Его-то, предвидя свой близкій конецъ,
Они обхватили, какъ мачту пловецъ.

А бѣшеный вѣтеръ становится злѣй,
Стропило трещитъ подъ напоромъ людей;
Подъ ними же пропасти жадная пасть,
Довольно движенья, чтобъ разомъ упасть.

И молвилъ одинъ: «Насъ не скоро спасутъ,
А вмѣстѣ не долго мы сдержимся тутъ.
Хотя одного продержалъ бы карнизъ...
Проклятый, онъ снова погнулся! Держись!»

Вздыхая, замѣтилъ другой ему:—Нѣтъ!
Семью я имѣю...—А первый въ отвѣтъ:
«Ну, я одинокъ: значитъ выборъ простой.
Прощай же, пріятель! Господь надъ тобой!»

Промолвилъ—и жертвенной смертью погибъ,
Въ грязи онъ о камень свой черепъ расшибъ;
Про имя его не справлялись вокругъ;
Но это былъ честный и преданный другъ.

БАЯНЪ.

* * *

Здравствуй, Свободы вольное слово,
Сердце могучее пламя!
Шествуй, отчизна, сбросивъ оковы,
Смѣло подъ новое знамя!..

Къ вѣчному дружной, вѣрной семьею
Кличетъ свободное слово.
Къ дѣлу скорѣе! Новой зарею
Небо насъ встрѣтить готово.

Русь, подымайся! Новою брагой
Пѣнится новая чаша,
Пей же, отчизна, смѣло, съ отвагой!
Здравствуй же, родина наша!

Рушьтесь темницы, рушьтесь затворы:
Здравствуйте, вольности братья!
Къ свѣту отрады—смѣлые взоры!
Къ солнцу свободы въ объятья!

А. П—ВА.

Свободѣ.

Шире, шире распахните
Окна хижины своей,
Двери настежь! Выносите
Хлѣбъ и соль навстрѣчу ей!
Долго ей пути-дороги
Были всѣ преграждены,—
Истомились эти ноги,
Кровью сплошь окроплены.
Ризы, бѣлыя когда-то,
Обагренныя въ крови
Подневольнаго солдата,
Всѣхъ, кто звалъ ее: «живи!»—
Поскорѣй съ нея снимите,
И цвѣты несите ей,
Шире, шире распахните
Окна хижины своей!
Не впервые намъ сіяетъ
Чудный свѣтъ ея чела,
Пусть его не затемняетъ—
Больше пасмурная мгла.
Съ каждымъ днемъ намъ тяжелѣе
Не видать ея очей,—
Выносите-жъ поскорѣе
Хлѣбъ и соль навстрѣчу ей.

С. ТЕРЕНТЬЕВЪ.

Изъ стихотворенія „Ткачи".

Огромныя трубы поднялись, какъ лѣсъ.
Надъ ними изъ чернаго дыма навѣсъ.
Пропитана копотью черной земля.
А гдѣ-то есть счастье, луга и поля...
Вонъ звѣздочка въ небѣ далекомъ зажглась...
Но даже и звѣзды горятъ не для насъ!

По зданьямъ огромнымъ и ночью и днемъ

Грохочутъ станки, не смолкая: «Мы ткемъ».
Сквозь зѣвы основы снуютъ челноки;
«Мы ткемъ», повторяютъ они, какъ станки.
«Мы ткемъ», неустанно батаны стучатъ;
И сотни ткачей за станками стоятъ.

Здоровъ или боленъ—не воленъ: иди!
Не то смерть голодная ждетъ впереди.
Вплетай свои нервы своей же рукой
Въ полотна со злобой иль горькой тоской.
Сжигай свою жизнь въ непрерывномъ трудѣ,
И думай безсмѣнно о вѣчной нуждѣ.

Товарищи, братья! довольно молчать!
Растетъ наша мощная, дружная рать.
Сомкнемся тѣснѣе и смѣло пойдемъ
Впередъ, на борьбу съ торжествующимъ зломъ,
Съ могучею свѣтлою вѣрой въ груди
Въ побѣду и счастье для всѣхъ впереди!

Торфенники.

Мы рано, съ разсвѣтомъ, встаемъ,
Карьеры глубоко копаемъ;
Съ тяжелымъ, упорнымъ трудомъ
Мы торфъ изъ земли вынимаемъ.
Загнала сюда
Насъ въ эти болота нужда!
День цѣлый машина стучитъ
И, кажется, насъ погоняя,
Она, какъ смотритель, кричитъ,
Нарытую грязь обтирая:
Живѣе копай!
Глыбъ торфяныхъ подавай!
До ночи работа идетъ.
Спѣшимъ мы, изъ силъ выбиваясь,
Карьеръ все растетъ и растетъ,
Соленой водой наполняясь,—
Нѣтъ, не водой,—
Нашею кровью живой!

АНАТОЛІЙ ДОБРОХОТОВЪ.

17-го октября 1905 года.

Знаю изъ сказокъ народныхъ—
Нѣтъ на Руси ни одной
Сказки съ побѣдою свѣта
Надъ торжествующей тьмой.
Темная страшная сила
Правду гнететъ—подъ конецъ...
Былъ лишь моимъ утѣшеньемъ
Милый Иванъ-молодецъ:
Долго сносилъ онъ неволю,
Горечь обиды и гнетъ...
Вѣрилъ я—время настанетъ,
Цѣпи Иванъ разорветъ,
Братьямъ онъ старшимъ покажетъ
Силу и удаль свою—
Вѣра сбылась золотая...
Слава погибшимъ въ бою!

ТРАВИНЪ.

Пѣсня столяра.

Не въ деревнѣ я жилъ, и не пашню пахалъ,
И не сѣялъ я хлѣба, травы не косилъ...
Только доски я зналъ, ихъ рубанкомъ строгалъ,
И долбилъ долотомъ, и пилою пилилъ...

Каждый день за верстакъ свою пашню пахать
Становлюсь я съ тоской, засучивъ рукава...
И съ темна до темна будутъ руки махать,
И качаться безъ думъ будетъ въ тактъ голова...

И не въ рощу гулять, хороводы водить
Въ праздникъ выйду я въ новой поддевкѣ своей...
Я въ трактиръ соберуся, чайку тамъ попить,
Почитать, поболтать да послушать людей...

Не о хлѣбѣ, овсѣ, не о градѣ, дождѣ
Я услышу тамъ рѣчь, не подъ солнца лучомъ,
Тамъ слова о трудѣ, о гнетущей нуждѣ —
Подъ невзрачнымъ и низкимъ висятъ потолкомъ...

А на утро чуть свѣтъ снова фартукъ надѣтъ,
Снова въ руки рубанокъ беру поскорѣй...
Такъ до смерти моей, много зимъ, много лѣтъ
Потружусь я на пашнѣ безсмѣнной моей.

Л. КОСУНОВИЧЪ.

Изъ „Пѣсенъ дня“.

I.

Родина, бѣдная родина-мать!...
Только и слышишь: «поджечь», «растрѣлять»...
Съ чувствомъ творятъ свое дѣло, съ любовью,—
Силъ никакихъ не хватаетъ дышать
Гарью да кровью.
Родина, бѣдная родина-мать,—
Будемъ же вмѣстѣ, обнявшись страдать...
Дай, прикоснусь къ твоему изголовью,
Дай умереть мнѣ съ тобой, доказать
Ласку сыновью.

II.

Говорилъ онъ солнцу, умирая:
«О, гори, великое свѣтило.
Для родного, милаго мнѣ края,
Для всего, что сердце здѣсъ любило...»
Умирая, солнцу говорилъ онъ:
«О, согрѣй любовью міръ холодный,
Чтобъ своихъ героевъ не губилъ онъ,
Чтобы жилъ разумно и свободно...»
Умирая, къ солнцу обратился
Онъ опять съ улыбкою тоскливой:
«О, свѣти, чтобъ духъ мой озарился
И ушелъ къ лучамъ твоимъ счастливымъ...»

III.

Стали тучи черныя сбираться
На краю небесъ...
Непокорный лѣсъ
Сталъ роптать и глухо волноваться...
Вотъ и вѣтра жгучіе порывы.
Вотъ и грянулъ громъ...
Я гляжу кругомъ,
Обновленный, гордый и счастливый,
Говори, великая природа,
Грозныя слова,—
Эхо, какъ молва,
Разнесетъ ихъ по сердцамъ народа!

Н. КОНОПЛЯСОВЪ.

* * *

Утромъ раннимъ село пробудилося,
Да кому же охота и спать,
Когда рожь до земли наклонилася
И пора ее матушку жать...
Вотъ на ниву, какъ море волнистую,
Люди спѣшно съ молитвой идутъ
И въ тяжелыхъ снопахъ золотистую
Скоро бережно въ копны складутъ;
И на тощей пѣганкѣ, измученной
Отъ тяжелыхъ и долгихъ трудовъ,
Заскрипитъ, какъ въ морозы, навьюченный
Возъ огромный душистыхъ сноповъ...
Но убавится-ль горе тяжелое
Съ этой рожью въ избѣ мужика,
И настанетъ ли время веселое
Въ жизни горькой въ семьѣ бѣдняка.
Да бѣднягѣ того и не чается,
И въ семьѣ его счастья не ждутъ...
Его ржицы давно дожидается
Мельникъ толстый, хапуга и плутъ.
И придется бѣднягѣ рожь съ полюшка
Не себѣ, а за долгъ всю раздать...
Самому же съ малютками въ горюшкѣ,
Какъ и прежде, должно голодать.

А. Н. ТОЛСТОЙ.

Рабы.

Рабы идутъ подъ звонъ вечерній.
Въ туманѣ плачутъ фонари;
При свѣтѣ тухнущей зари
Холоденъ топотъ ногъ размѣрный.

Не слышно смѣха, гаснутъ звуки.
Устало падаетъ больной,
И каждый, ткнувъ его ногой,
Застонетъ въ петляхъ мертвой скуки.

Безъ нѣжныхъ стоновъ и объятій
У стѣнъ сплетаются тѣла;
И липкой тиной брызжетъ мгла;
И давятъ тяжести проклятій.

Не видно лицъ; согнуты спины.
И воздухъ темный дряхло старъ
Отъ дымы ѣдкаго сигаръ.
Такъ безъ конца текутъ лавины.

* * *

Ночь непробудная, кузница низкая,
Угли въ горнилѣ шипятъ,
Яркія искры, въ дыму золотистыя,
Пышнымъ фонтаномъ летятъ.

Жарко отъ стали. Взметаются молоты,
Бьютъ въ раскаленный кусокъ,
Съ каждымъ ударомъ, горящаго золота
Жгучій несется потокъ.

Сильныя руки, открытыя груди,
Красное пламя въ печи...
Злобно-покорно куютъ эти люди
Ночью кому-то мечи.

Молотъ за молотомъ вновь упадаетъ,
Злоба сильнѣе кипитъ...
... Утро забрезжило. Ночь улетаетъ;
Филинъ за рѣчкой кричитъ.

С. АНИКАНОВЪ.

Мостовщикъ.

Съ дѣтскихъ лѣтъ до самой старости
Мостовыя я мостилъ;
Мало видѣлъ въ жизни радости,
Много горести испилъ.
Подбирая камень къ камушку,
Въ безконечные ряды,
Я вбивалъ ихъ въ землю-матушку,
Терпѣливо несъ труды.
Солнце жгло меня безъ жалости,
Въ полдень спалъ на камняхъ я,
Съ малыхъ лѣтъ до самой старости
Здѣсь постель была моя,
Какъ перинушка пуховая...
Спишь на ней ты, что убитъ,
А кругомъ тебя торговая
Бойко улица шумитъ.
Встанешь вновь съ открытымъ воротомъ,
Черепахой поползешь,
Терпѣливо звонкимъ молотомъ
Каждый камень подобьешь.
Точно жемчугомъ унизанный
Путь ложится за тобой;
Каждый камушекъ обрызганный
Пота каплей трудовой.
Что-жъ за всѣ труды тяжелые
Видѣлъ здѣсь я, мостовщикъ:
Дни голодные, суровые,
Плачъ жены да дѣтскій крикъ.

Эхъ, о чемъ-то въ землю вбитые
Камни ропщутъ и шумятъ,
То не силы-ль мои скрытыя
О терпѣньи говорятъ!...

А. СУСЛОВЪ.

Орлу.

Полно, орелъ, на утесѣ сидѣть,
Въ даль безнадежно, печально глядѣть;
Крылья расправь и скорѣй встрепенись,
Тучамъ отъ бѣдной земли поклонись:
Пусть надъ заглохшею нивой родной
Гнѣвно онѣ разразятся грозой
И благотворнымъ растаютъ дождемъ,—
Выглянетъ солнце и яснымъ лучомъ,
Мракъ разгоняя, согрѣетъ поля
И улыбнется невольно земля.

Орелъ и тучи.

Гордый, смѣлый взоръ бросая
Дивенъ и могучъ,
Поднялся орелъ, летая,
До далекихъ тучъ.
До сихъ поръ не долетало
Никого до нихъ:
Все предъ ними трепетало,
Громъ заслышавъ ихъ.
А орелъ ихъ вызываетъ
Грозно на борьбу, —
Испытать скорѣй желаетъ
Въ ней свою судьбу: —
«Тучи мрачныя! пылайте
Гнѣвомъ на меня,
Стрѣлы молніи вонзайте
Въ грудь мою,—вотъ я!
Или прочь съ моей дороги,—
Выше я лечу,

Солнца свѣтлые чертоги
Посѣтить хочу!
Безъ его сіянья душно
Жить подъ вами мнѣ!»
И разсѣялись послушно
Передъ нимъ онѣ...
Ихъ угрюмое ненастье
Гдѣ-то позади...
Солнце радугами счастья
Блещетъ впереди.

Н. НОВИКОВЪ.

Въ пути.

(Пѣсня странниковъ).

Въ темной чащѣ мы толпою
Путь завѣтный пролагали,—
То смѣялись мы надъ тьмою,
    То рыдали...

Пѣли мы и разсыпали
Чудныхъ звуковъ вереницы,—
Эхо вторило... внимали
    Звѣри, птицы...

А порою врагъ суровый
Къ намъ бросался изъ-за вала,
Выли хищники и совы
    И—«прости»—звучало...

Сколько смѣлыхъ и могучихъ
Злая чаща поглотила,
Сколько чувствъ и думъ кипучихъ
    Погасила!...

На просторъ, гдѣ свѣтъ желанный,
Мы, почтивъ слезою брата,
Шли изъ чащи неустанно
    Безъ возврата.

СТИХОТВОРЕНІЯ НЕИЗВѢСТНЫХЪ АВТОРОВЪ *).

Дубинушка.

Много пѣсенъ слыхалъ я въ родной сторонѣ,
Въ нихъ про радость и горе мнѣ пѣли;
Изъ всѣхъ пѣсенъ одна въ память врѣзалась мнѣ,
Это пѣсня рабочей артели:

Ой, дубинушка, ухнемъ!
Ой, зеленая, сама пойдетъ. (два раза).
Подернемъ! (2 раза). Ухъ!

Англичанинъ-мудрецъ, чтобъ работѣ помочь,
Изобрѣлъ за машиной машину,
А нашъ русскій мужикъ, коль работать не вмочь,
Такъ затянетъ родную дубину.

Ой, дубинушка... и т. д.

И отъ дѣдовъ къ отцамъ, отъ отцовъ къ сыновьямъ
Эта пѣсня идетъ по наслѣдству,
И лишь только, какъ станетъ работать не вмочь,
Мы къ дубинѣ, какъ къ вѣрному средству,

Ой, дубинушка... и т. д.

Тянемъ съ лѣсомъ судно, иль желѣзо куемъ,
Иль въ Сибири руду добываемъ,
Съ мукой, съ болью въ груди одну пѣсню поемъ,
Про дубинушку въ ней вспоминаемъ.

Ой, дубинушка... и т. д.

И на Волгѣ-рѣкѣ, утопая въ пескѣ,
Мы ломаемъ и ноги и спину,
Надрываемъ тамъ грудь и, чтобъ легче тянуть,
Мы поемъ про родную дубину.

Ой, дубинушка... и т. д.

По дорогѣ большой, по большой столбовой,
Что Владимирской сдревле зовется,
Звонъ цѣпей раздается глухой, роковой,
И дубинушка стройно несется.

Ой, дубинушка... и т. д.

Но настанетъ пора, и проснется народъ:
Разогнетъ онъ могучую спину
И стряхнувъ съ плечъ долой тяжкій гнетъ вѣковой,
. . . .

Ой, дубинушка... и т. д.

*) Въ этомъ отдѣлѣ мы помѣстили тѣ стихотворенія, которыя появились *безъ подписи* въ разныхъ періодическихъ и иныхъ изданіяхъ. Къ сожалѣнію, по условіямъ русской печати, мы не могли представить и этотъ отдѣлъ въ той полнотѣ, которая нами намѣчалась первоначально.

Мы просимъ авторовъ этихъ стихотвореній, если они найдутъ возможнымъ, сообщить намъ, по указанному въ предисловіи адресу, свои фамиліи или литературные псевдонимы, а также и время (годъ) появленія въ печати, дабы въ послѣдующихъ изданіяхъ нашего сборника, мы могли бы размѣстить ихъ согласно хронологическимъ датамъ.

Прим. составит.

Наборщикъ.

Закоптѣлыя окна и стѣны,
Затхлый воздухъ и пыль, полумракъ...
Коротаетъ свой вѣкъ здѣсь безъ смѣны
Безталанный наборщикъ-батракъ.

Цѣлый день этой пыли свинцовой
Наглотается онъ черезъ край,
А на завтра глотай ее снова —
Набирай, набирай, набирай!

Безъ рубашки подъ блузой суровой,
Отъ ботинокъ лишь остовъ одинъ...
То—невольникъ печатнаго слова,
То—«державы шестой» гражданинъ.

И, трудяся всю жизнь терпѣливо,
Сытъ-ли, голоденъ—не разбирай...
Знай, строчи да строчи молчаливо,
Набирай, набирай, набирай!

Если жъ трудъ подорветъ его силы
И заноетъ разбитая грудь —
До безвременной, хладной могилы
Не далекъ остается ужъ путь:

Лишь румянецъ вдругъ алый взыграетъ
На щекахъ пожелтѣвшихъ,—прощай,
Другъ-товарищъ,—то смерть ожидаетъ...
Набирай, набирай, набирай!

Бѣлая береза.

Долго сынъ стоялъ съ поникшей головенкой
Подъ большою бѣлою березой,
И смотрѣлъ на снѣгъ... И алой розой
Кровь отца тянула взоръ ребенка...
Вмѣсто елки, чудной дѣтской грёзы —
Пусть вамъ, дѣти палачей и сытыхъ,
Чудятся все бѣлыя березы
И подъ ними кровь отцовъ убитыхъ!...

Царь-голодъ.

Унылое время. Какъ туча тяжелая
Голодъ виситъ надъ несчастной страной,
Не уродила земля напоенная
Кровью пролитой, не вражей, родной...
Больше не слышно ужъ пѣсенъ веселыхъ,
Холодно, голодно въ избахъ крестьянъ:
Все, что посѣяно было на нивахъ,
Солнце сожгло, а морозъ доканалъ.
Корки засохшей нѣтъ хлѣба насущнаго
(Закромъ всегда пустовалъ),
Нѣтъ и животныхъ: сивку вѣдь бѣднаго
Сотскій давно ужъ угналъ.
Тихо въ деревнѣ. По улицамъ пыльнымъ
Изрѣдка люди пройдутъ
И молчаливые, съ видомъ убитымъ,
Гробъ на кладбище снесутъ.
Тяжко крестьянину, участь тяжелая
Всѣхъ придавила собой —
Даже и издали пѣсня унылая
Слышится, грудь наполняя тоской.
Громко разносится пѣсня народная
Сердце сжимая порой, —
Словъ не разслышишь; да что въ нихъ! голодныя
Ноты звучатъ въ ней мольбой.
Громче и громче все пѣсня разносится,
Будитъ всѣхъ лучшихъ людей,
Въ сердце она, заунывная, просится
Горькой мольбою своей...

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Къ судьямъ.

(Посвящается Ю. Бардиной).

Мой тяжкій грѣхъ, мой умыселъ злодѣйскій
Суди, судья, но проще, поскорѣй:
Безъ мишуры, безъ ласки фарисейской,
Безъ защитительныхъ рѣчей...

Крестьянскія вериги вмѣсто платья
Одѣвъ и снявъ «преступно» башмаки,
Я шла туда, гдѣ стонутъ наши братья,
Гдѣ вѣчный трудъ и бѣдняки.

Застигнута на мѣстѣ преступленья
Съ «поличнымъ» я на судъ приведена...
Зачѣмъ же тутъ свидѣтели и пренья!
Вѣдь я кругомъ уличена!

Оставь, судья, ненужные вопросы...
Взгляни—я вся въ уликахъ: на плечахъ
Мужицкая одежда, ноги босы,
Мозоли видны на рукахъ.

Тяжелою работой я разбита....
Но, знаешь-ли—въ душѣ моей, на днѣ,
Тягчайшая изъ всѣхъ уликъ сокрыта:
Любовь къ родимой сторонѣ.

Но знай и то, что какъ я ни преступна
Ты надо мной безсиленъ, мой судья...
Нѣтъ, я суровой карѣ недоступна,
И побѣдишь не ты, а я.

«Пожизненно» меня ты покараешь...
Но мой недугъ ужъ написалъ протестъ...
И мнѣ грозитъ—самъ видишь ты и знаешь—
Лишь кратковременный арестъ.

А я умру все съ тою же любовью...
И, уронивъ тюремные ключи,
Съ молитвою приникнутъ къ изголовью
И зарыдаютъ палачи!...

Корабль-Чародѣй.

(Легенда).

По синимъ волнамъ океана...
По волнамъ житейскаго моря
Средь скалъ и подводныхъ камней,
На призывъ тяжелаго горя
Несется корабль-чародѣй.

Не видно на немъ командира,
Не слышно людскихъ тамъ рѣчей,
И шумомъ разгульнаго пира
Покой не нарушенъ ночей.

Повсюду, гдѣ онъ ни пристанетъ,
Онъ счастье съ собою несетъ,
Къ рабамъ ли безправнымъ заглянетъ,
Ихъ къ жизни привольной зоветъ

Корабль тотъ—зовется Свобода,
Во многихъ странахъ онъ бывалъ,
Но русскаго только народа,
Въ глаза никогда не видалъ.

Услышалъ онъ издали стоны
И вопли россійской земли,
Гдѣ... строгіе слишкомъ законы
До бѣдствій людей довели.

И только тотъ берегъ родимый
Успѣлъ передъ нимъ проскользнуть,
Какъ будто-бы вѣтромъ гонимый
Къ нему онъ направилъ свой путь.

Но вдругъ, какъ невидимой силой
Его всѣмъ стремленьямъ на зло,
Отъ камней отчизны унылой
Теченьемъ его отнесло...

И яростный вихрь урагана
Его, какъ игрушку, схватилъ,
И въ мракѣ сѣдого тумана,
Къ инымъ берегамъ удалилъ.

Напрасны его всѣ усилья
И, снова средь скалъ и камней,
Плыветъ подъ сознаньемъ безсилья
Обратно Корабль-Чародѣй.

„Зарницы“.

Враги Россіи—руки прочь!
Смотрите—день восходитъ!
Гремя цѣпями, злая ночь
Скрежещетъ и уходитъ!
Смотрите—все свѣтло кругомъ!
Свободу славятъ птицы!
Спѣшите сгинуть! грянетъ громъ:
Уже блестятъ зарницы!

Пѣсня волнъ.

Надъ морскою глубиною
Волны съ пѣною сѣдою
Собиралися въ прибой;

А на берегѣ туманномъ
Я внималъ, въ смятеньи странномъ,
Пѣсни созданной борьбой.

«Мы свободы жаждемъ. Въ морѣ
Мы гуляемъ на просторѣ
Своевольно, здѣсь и тамъ.
Вѣтеръ дико насъ ласкаетъ,
Буря громко призываетъ
И на битву посылаетъ
Къ неприступнымъ берегамъ.

Собирайтесь, сестры, дружно!
Сокрушить намъ скалы нужно,
Путь свободный проложить!
Дружно, волны! Строй за строемъ!
Мы ударимъ, мы размоемъ...
Мы смѣемся надъ покоемъ,
Мы хотимъ для битвы жить.

Дружно волны! Что за стоны...
Пусть разбились легіоны,—
Намъ равны и жизнь и смерть!
Мы одѣты въ панцырь бѣлый,
Влажной грудью, съ пѣсней смѣлой,
Бьемся въ берегъ помертвѣлый,
Сокрушимъ нѣмую твердь!..»

Я стоялъ, смятенья полный,
И внималъ. Шумѣли волны,
Набѣгалъ за строемъ строй...
Съ гордымъ стономъ разбивались,
Съ пѣсней снова собирались
И рвались на смертный бой.

Дума.

(Подражаніе).

Когдя работаю я въ душной мастерской,
Въ дыму, средь мусора и шума,
Одна тяжелая, мучительная дума
Тревожитъ умъ забитый мой,
Я думаю: «несчастный нашъ народъ,
За что ты обреченъ на вѣчное страданье
Съ трудомъ поддерживать свое существованье?
И сбросишь ли когда ты тяжкій этотъ гнетъ?
Взгляни-ка на людей,
Какъ тѣ живутъ богато,
Вкушая счастіе, и радость, и покой,
Они имѣютъ кучи злата,
Добытыя твоей мозолистой рукой.
Ты создалъ имъ богатства, капиталы,
Ты строишь имъ роскошные дома.
Тебѣ-жъ даны въ удѣлъ лишь грязные подвалы,
А, можетъ быть, и мрачная тюрьма.
И тѣхъ обжоръ, хоть самъ не сознавая,
Питаешь ты копейкой трудовой,
Межъ тѣмъ какъ самъ, по суткамъ голодая,
Ѣшь черный хлѣбъ съ холодною водой.
Проснешься-ль ты, народъ нашъ угнетенный
Возвысишь ли когда могучій голосъ свой,
. . . .
. . . .

Жалоба работницы.

Слезы мои горькія,
Словно лѣтній дождичекъ,
Льются изъ очей.

Послѣ ливня лѣтняго
Ведро наступаетъ—
У меня же, бѣдненькой,
Сердце грусть снѣдаетъ.

Нѣтъ просвѣта яснаго,
Все кругомъ темно;
Тучи понахмурились,
И такъ тяжело.

Пѣсня лишь унылая
Словомъ выливается,
Эта жизнь постылая
Видно не скончается.

Спину молодую
Трудъ тяжелый гнетъ.
Словно и надѣяться
Не на что впередъ.

Эхъ ты, горе горькое!
Жизнь ты безталанная!
Да когда-жъ придешь ты,
Волюшка желанная!

* * *

Онъ скованъ былъ. Металлъ его цѣпей
Давно истлѣлъ,
И въ прахъ разсыпался-бъ, когда бы лишь сильнѣй
Рвануть онъ смѣлъ.

Но помнитъ онъ, какъ нѣкогда была
Та цѣпь крѣпка,
Какъ съ нею справиться ни разу не могла,
Его рука...

И на судьбу роопталъ онъ, но сильнѣй
Рвануть не смѣлъ.
А крѣпкій нѣкогда металлъ его цѣпей
Давно истлѣлъ.

Въ голодный годъ.

Съ далекой родины приходятъ злыя вѣсти
О черныхъ дняхъ бѣды, нависшей надъ страной;
Во снѣ и на яву зоветъ къ борьбѣ и мести
Изнеможенный ликъ страдалицы родной.
И въ сердцѣ крикъ встаетъ: «О, гдѣ-жъ друзья свободы?
Чего молчатъ они? Чего еще онъ ждетъ,
. . . .
Мелькаютъ дни и годы...
О, Боже! Кто спасетъ покинутый народъ?

Туманная весна... Одѣтый первымъ пухомъ,
Недвижимъ сонный лѣсъ; въ неоранныхъ поляхъ
Не ходитъ острый плугъ... И пахарь, павшій духомъ,
Надъ мертвой клячею стоитъ съ слезой въ очахъ
И видитъ онъ вдали погнувшуюся хату,
Больныя личики дѣтей полунагихъ,
И знаетъ: каждый день сулитъ ему утрату,
Обиду новую, отраву слезъ живыхъ...

— Не плачь, о бѣдный братъ! Не думай что мольбою
Ты тронешь гнѣвъ небесъ, пославшихъ чашу бѣдъ
Не думай, что вампиръ, взлелѣянный тобою,
Рѣшится кинуть самъ изсохшій твой скелетъ!
Отъ чуда-ли ты ждешь желаннаго спасенья?
Смягчится властелинъ, иль сжалится сатрапъ?
Защиты въ небѣ нѣтъ! Надежды нѣтъ въ терпѣньи!
Иль самъ себя спасай, иль погибай, какъ рабъ!

Но хуже-ль ты другихъ? Изъ полнаго бокала
Не могъ бы радость пить со смѣхомъ на устахъ?
Воспрянь, о край родной, воспрянь! Пора настала
Оковы ржавыя разбить и бросить въ прахъ!
Вставай—ударилъ часъ!... Воспламени тревоги
Живой огонь въ сердцахъ... Народы всколыхни...
Всели холодный страхъ въ бездушные чертоги,
. . . .

Темницы распахни... И изъ своей могилы
И мы, забытые, живые мертвецы,
Лишенные давно и мужества и силы,
Воспрянувъ явимся, среди бойцовъ—бойцы.
И если лучшій сокъ пожралъ огонь страданья,
И если лучшихъ силъ назадъ не возвратимъ,
То кровь послѣднюю, послѣднее дыханье
Тебѣ, о родина, съ восторгомъ отдадимъ!

Могила бойца.

Врагомъ замученный въ неволѣ,
Сномъ вѣчнымъ братъ нашъ опочилъ,
Ликуетъ недругъ, видя въ полѣ
Лишь рядъ безвременныхъ могилъ.

Но дѣло доблести суровой
Съ бойцомъ погибшимъ не умретъ,
И новый рыцарь съ силой новой.
На смѣну павшему придетъ.

Проклятье робкому сомнѣнью!
Чѣмъ больше павшихъ—больше силъ:
Намъ путь позорный къ отступленью
Могильный холмъ загородилъ!

Рабочая пѣсня.

Кто кормитъ всѣхъ и поитъ?
Кто обреченъ труду?
Кто плугомъ землю роетъ,
Кто достаетъ руду?
Кто одѣваетъ всѣхъ господъ,
А самъ—и нагъ, и босъ живетъ?

Все мы же, братъ-рабочій!
Нужда намъ спину гнетъ,
Нужда слѣпитъ намъ очи,
Нужда и въ гробъ ведетъ!

Кто въ тягостной работѣ
Томится день-деньской,
Трудясь въ слезахъ и потѣ
Для прихоти чужой?
На комъ покоится весь свѣтъ?
Кому ни правъ, ни воли нѣтъ?

Все намъ же, братъ-рабочій!
Удѣлъ нашъ—рабства гнетъ,
Нужда слѣпитъ намъ очи,
Лѣнивый насъ не бьетъ...

Кто долго тираніи
Опорой вѣрной былъ,
. . . .
Кто кровь, какъ воду лилъ!
Кто цѣпи самъ себѣ ковалъ?
Кто самъ себя закрѣпощалъ?

Очнемся, братъ-рабочій,
Стряхнемъ незнанья гнетъ,
Развѣемъ сумракъ ночи,
Въ ряды—смѣлѣй впередъ!

Добьемся лучшей доли
На жизненномъ пиру,
И свѣтлой, вольной воли,
И торжества добру!
Мы въ плуги мечъ перекуемъ,
И новой жизнью заживемъ!

Вставай же братъ-рабочій,
Гляди—заря встаетъ,
Рѣдѣетъ сумракъ ночи, —
То—свѣтлый день идетъ!

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

* * *

Какъ несчастны, какъ жалки они,
Безотвѣтно влачащіе дни!
О, природа, великая мать,
Научи ихъ, презрѣнныхъ, желать...
Бездна звѣздная степи родной—
Ты идею въ ихъ душу вложи...
Волга-матушка, синей волной
Ты къ свободѣ имъ путь укажи...
Вихрь могучій, вихрь русскій, степной,
Ты про волю имъ пѣсню пропой.
Молчаливый утесъ великанъ,
Разскажи имъ, что думалъ Степанъ!

Пѣсня студентовъ.

(19 февраля 1902 г.).

Мы—не борцы. Мы только тѣнь борцовъ.
Упавшая отъ солнца за горами;
Мы лишь гонцы грядущихъ въ міръ творцовъ,
Богатыхъ мыслію, и знаньемъ и дарами;
Мы только ласточки, оставившія югъ,
Чтобъ возвѣстить природы обновленье,
Мы только вѣсть несемъ, что кончился недугъ,
И что врачи сулятъ больной выздоровленье:
Быть можетъ сгубитъ насъ морозъ февральскихъ дней,
Но онъ законъ временъ текущихъ не измѣнитъ,
И жалкій блескъ искусственныхъ огней
Сіяніе весны тепломъ своимъ замѣнитъ.

4-го марта 1902 года.

Улица роскоши, блеска и моды,
Улица дикихъ безсмысленныхъ тратъ!
Звуки протеста и клики свободы
Въ ней полновластнымъ аккордомъ звучатъ.
Тамъ, гдѣ бывало летятъ экипажи
Наглыхъ кокотокъ, накрашенныхъ дамъ,
Тамъ, гдѣ такъ дразнятъ ихъ плечи, корсажи;
Тамъ, гдѣ услада всѣмъ дикимъ страстямъ; —
Тамъ, гдѣ таинственно спятъ въ отдаленьи
Мирный соборъ, величавый дворецъ, —
Разомъ слились въ молодомъ упоеньи
Тысячи гордыхъ свободныхъ сердецъ.
Всѣ они бьются единымъ желаньемъ
Страстной надеждою зло превозмочь —
Это заря своимъ тихимъ сіяньемъ
Робко трепещетъ сквозь темную ночь;
Это заря долго жданной свободы,
Яркій прообразъ ликующихъ дней,

Камень упалъ, всколыхнулися воды,
Спящія воды отчизны моей.
Встань! Прогони эту дрему, отчизна!
Смѣло расправь молодецкую грудь!
Знай—это рабства послѣдняя тризна,
Больше тебѣ ни за что не уснуть!

* * *

Искалъ онъ къ правдѣ путь далекій
Въ юдоли лжи и темныхъ дѣлъ.
Его окуталъ мракъ глубокій,
И съ неба светочъ не горѣлъ.

Но въ мірѣ гнета и стяжаній,
Гдѣ трудно къ истинѣ итти,
Онъ видѣлъ въ трепетномъ сіяньи
Могилы павшихъ на пути.

И съ нихъ любви нетлѣнный пламень
Ему дорогу освѣтилъ,
И не споткнулся онъ о камень
Въ хаосѣ лжи и темныхъ силъ.

Памяти Н. Чернышевскаго.

Пусть мы беднѣй, чѣмъ нищіе, и съ дѣтства
Нашъ путь тернистъ, и жребій нашъ унылъ,
Но есть у насъ великое наслѣдство, —
Неисчислимый рядъ могилъ.
По всей странѣ, отъ Финскаго залива
До вѣковыхъ востока рубежей,
Стоятъ кресты и дремлютъ молчаливо,
Какъ вереница сторожей.
И каждый годъ въ зіяющія нѣдра
Сырой земли могильщица судьба,
Приноситъ дань настойчиво и щедро,
Спускаетъ новые гроба.
На берегу, гдѣ въ море пала Волга,
Могила есть. Она еще нова.
Дубовый крестъ стоитъ надъ ней недолго,
Но на холмѣ растетъ трава.
Къ могилѣ той никто не ходитъ въ гости,
Лишь изрѣдка холодныхъ слезъ дождемъ
Надъ ней гроза расплачется отъ злости.
Туда вложилъ измученныя кости
Изгнанникъ, бывшій намъ вождемъ.
Онъ насъ училъ. Мы знаемъ всѣ, что значилъ
Его примѣръ для пламенныхъ сердецъ.
Онъ былъ вождемъ и плѣнъ свой первымъ началъ,
Теперь свободенъ, наконецъ.
Пускай онъ спитъ. Удѣлъ его опальный
Безъ отдыха тянулся двадцать лѣтъ,
Но въ этотъ день отъ той могилы дальней
Я вамъ принесъ его завѣтъ.
«Пусть голосъ мой изъ-за черты загробной,
О, юноши, достигнетъ къ вамъ теперь,
Не бойтесь жертвъ, не бойтесь мести злобной,
Ни пораженій, ни потерь.
Я вамъ путей указывать не стану,
Вашъ взоръ открытъ. Извѣстны вамъ враги.
Пускай судьба даруетъ вамъ охрану
И жизнь сама направитъ вамъ шаги.
Вы знаете усилій нашихъ цѣну
И нашихъ узъ неумолимыхъ гнетъ,
О, юноши, идите къ намъ на смѣну,
И новый вѣкъ широкую арену
Пускай предъ вами развернетъ.
Но пусть огонь отваги нашей прежней,
Сжигавшій насъ великой страсти пылъ,
Въ душѣ у васъ горитъ еще мятежнѣй
И бьетъ ключемъ неистощимыхъ силъ.
Я вѣрю вамъ, а вы въ побѣду вѣрьте
И старый споръ дерзайте обновить,
О, юноши, изъ-за порога смерти
Я васъ хочу благословить...»

Вѣтеръ.

Что ты плачешь, вѣтеръ, стонешь, замирая?
Ты куда несешься? Изъ какого края?
Безъ пути, пріюта, страждущій, бездомный?
Мечешься, какъ голубь, надъ равниной темной?

Отвѣчаетъ вѣтеръ, глухо завывая:
Много слезъ я видѣлъ, надъ землей летая.
Въ дальней деревушкѣ, бѣдной, неприглядной
Слышалъ плачъ крестьянскій, ропотъ безотрадный,

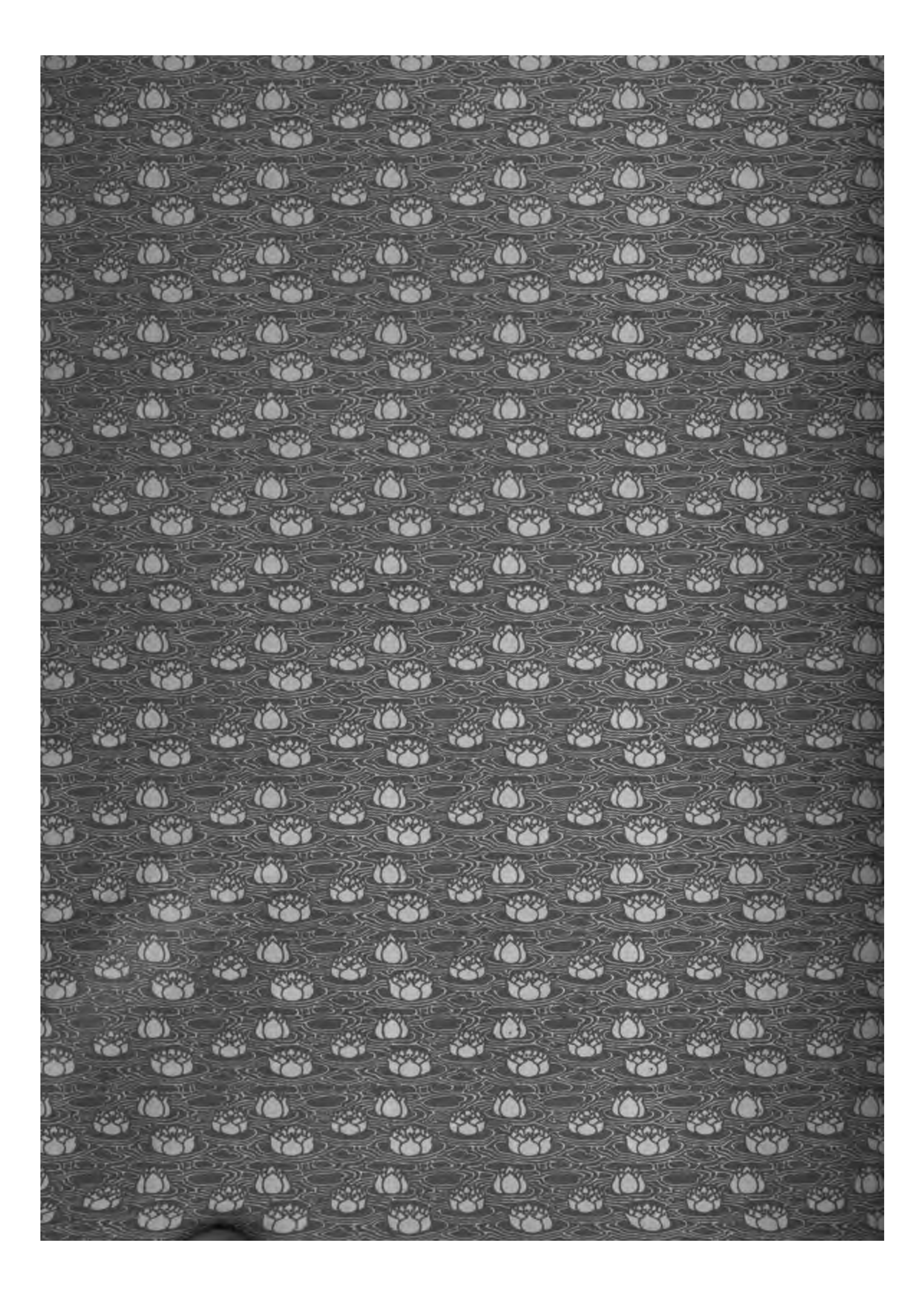
Въ городахъ цвѣтущихъ слышалъ стонъ голодныхъ,

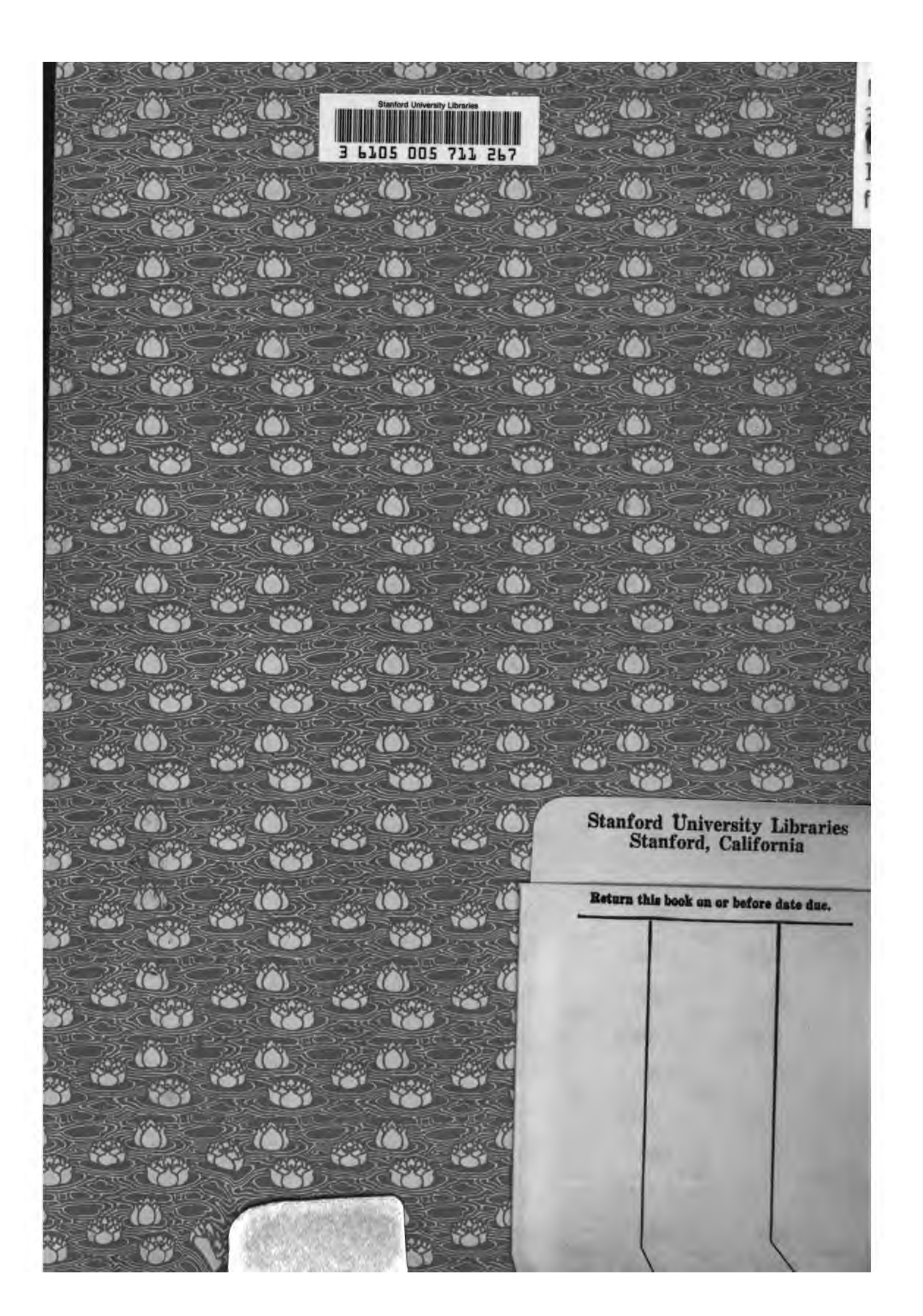
Лязгъ станковъ рабочихъ, свистъ ремней приводныхъ,
Проститутокъ, нищихъ горестныя лица;
И отъ смрадныхъ фабрикъ мчался я какъ птица.

На пути я встрѣтилъ честную дружину,
Море братской крови залило равнину,
Трупы освѣщало солнце съ небосклона,
И, какъ вѣстникъ смерти, я влачилъ знамена.

Долго, долго мчался. Вдругъ въ странѣ пустынной
Вижу мрачный замокъ, каменный, старинный.
Часовые ходятъ, сторожатъ могилы...
Дальше не леталъ я... Не хватило силы.

Stanford University Libraries
3 6105 005 711 267
Stanford University Libraries
Stanford, California
Return this book on or before date due.

